

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований

Ю. Н. Воронов

Научные труды

в семи томах

Редакционная коллегия

О. Х. Бгажба, *док. ист. наук, академик АНА (гл. редактор)*,
В. Б. Ковалевская, *док. ист. наук*,
С. В. Воронова, *председатель научно-культурного центра Ю. Н. Воронова*

Сухум
2014

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований

Ю. Н. Воронов

Научные труды

том четвертый

История изучения археологии Абхазии (до 1975 года)

*
Очерки истории Абхазии

*
Диоскуриада — Севастополь — Цхум

*
Древности Сочи и его окрестностей

Сухум
2014

Ю. Н. Воронов. Научные труды. Том четвертый. — Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2014. - 408 с.

В основу IV тома научного наследия Ю. Н. Воронова легли следующие книги: «История изучения археологии Абхазии» — в ней дана наиболее полная история археологического изучения Абхазии до 1975 года; «Очерки истории Абхазии», охватывающая историю Абхазии, начиная с эпохи камня до XVII века н. э., в контексте истории сопредельных цивилизаций и государств; «Диоскуриада—Себастополис—Цхум», прослеживающая историю и археологию столицы Абхазии Сухума в различные периоды античности и средневековья; «Древности Сочи и его окрестностей», посвященная истории и археологии сопредельного Абхазии региона, где проживали предки абхазов и адыгов.

История изучения
археологии Абхазии
(до 1975 г.)

* Книга «История изучения археологии Абхазии» написана Ю. Н. Вороновым в соавторстве с О. Х. Бгажба и впервые опубликована в 1982 году в издательстве «Мецниереба», Тбилиси.

Предисловие

Историографические работы, к которым в полной мере относится настоящий труд, имеют важное значение для развития науки, поскольку, прежде всего, позволяют с наибольшей точностью и объективностью определить, что в той или иной ее области уже сделано, как сделано, кем сделано и что еще предстоит сделать. Материалы таких работ важны и вообще для истории науки, и как основа наиболее целесообразного планирования научных исследований, и как стимулятор дальнейших поисков, и, наконец, как ориентиры, по которым исследователи, начинающие впервые работать по данной тематике, ведут поиск нужной литературы.

Необходимость в обзорах истории археологического изучения появилась в Абхазии в начале 60-х годов текущего столетия. Тогда и появляется первый очерк истории исследований местных археологических памятников — работа Л. Н. Соловьева и М. М. Трапша (472, с. 115—128). Вслед за этим, М. М. Трапш публикует книгу о Куланурхвском могильнике, в которой дает обзор истории изучения археологических памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа на территории Абхазии (502, с. 6—13). В 1956 году Ш. Д. Инал-ипа публикует краткий очерк истории археологического изучения края (241а, с. 26—30).

Краткий обзор истории исследований абхазских памятников энеолита и ранней бронзы в 1966 г. дал В. В. Бжания в первой главе своей диссертации (81, с. 2—6). В полном объеме эта глава была напечатана в 1967 году (83, с. 99—114). Тогда же О. Х. Бгажба опубликовал очерк истории изучения средневековых памятников Абхазии (50, с. 115—128), вошедший позднее в его диссертацию (52, с. 3—6). В 1966 году Г. К. Шамба завершает краткий обзор изучения античных памятников Абхазии (574, с. 5—6), позже опубликованный в его книге, посвященной некрополю Ахаччарху (572, с. 5—8).

В 1968 году выходит ряд работ историографического характера, связанных с древностями Абхазии. Это статья Л. Н. Соловьева и М. М. Трапша, посвященная итогам археологического изучения Абхазии за годы Советской власти (473, с. 159—178), очерк Л. А. Шервашидзе, где соответствующие памятники

рассматриваются с искусствоведческой стороны (592, с. 269—286), и работа В. П. Пачулия, где история изучения древностей Абхазии рассматривается с точки зрения их охраны (410, с. 301—312). Близкий по содержанию очерк опубликовал тогда же В. П. Пачулия в одной из своих книг (407, с. 15—36).

В 1969 году Ю. Н. Воронов во введении к своей монографии «Археологическая карта Абхазии» дал сводный очерк истории археологического изучения Абхазии с древнейших времен до VI в. н. э. (121, с. 7—11). Расширенный вариант этого очерка Ю. Н. Воронов включил затем в свою кандидатскую диссертацию (126, с. 4—6). В 1971 г. Л. Н. Соловьев одну из глав своей монографии о первобытном обществе на территории Абхазии посвящает истории изучения палеолитических памятников Абхазии (466, с. 5—6).

Несмотря на уже значительную литературу по историографии археологического изучения Абхазии, все же в полном объеме эта работа до сих пор не была осуществлена. Соответствующие очерки носили предварительный характер, не ставили перед собой задачу максимального охвата имеющейся литературы, были подчинены узким задачам диссертаций и сборников. Поэтому вновь созданный в 1975 году отдел археологии Абхазского института языка, литературы и истории принял дополнительное социалистическое обязательство в связи с подготовкой к XXV съезду КПСС написать обобщенную историографическую работу, посвященную археологическому изучению края.

В процессе работы над рукописью авторы пользовались советами и консультациями члена-корреспондента АН Грузинской ССР Г. А. Дзидзария, докторов исторических наук В. А. Леквинадзе, В. П. Любина и В. И. Марковина, кандидатов исторических наук М. В. Барамидзе, Н. З. Бердзенишвили, В. В. Бжания, Л. Д. Церетели и Г. К. Шамба, за что им приносится глубокая благодарность.

Глава I. Палеолит и неолит

Имея в виду самую отдаленную из изучаемых археологами эпоху палеолита, Фридрих Энгельс писал: «. . . эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям»¹. Что же сделано в Абхазии по исследованию этой необычайно интересной эпохи, а также следующего вслед за ней неолитического периода?

Первые попытки изучения пещер Абхазии с целью выявления в них остатков ископаемого человека относятся к 70-м годам XIX века. В протоколах V археологического съезда В. И. Чернявский привел список пещер, в которых, по его мнению, следовало ожидать находки каменного века (Члоу, Ахабиюк, Марамба, Михайловка и др.) (563, с. 23—24). А. Н. Введенский относительно, по-видимому, Кеп-Богаза писал: «В этой местности у подошвы горы Апианча, есть действительно неглубокий грот, изыскания в котором, не думаю, чтобы принесли большую пользу...» (113, с. 129). В своем ответе А. Н. Введенскому В. И. Чернявский дал дополнительный список пещер с ожидаемыми древними находками (Лыхны, Анухва, Гумбиху и др.) (565, с. 255—257). В 1886 г. В. И. Сизов вслед за В. И. Чернявским и Ю. П. Проценко заложил раскопы в Михайловской пещере, где обнаружил следы костров и кости животных (440, с. 11). В 1903 г. ряд пещер Абхазии осмотрел французский спелеолог Е. Мартель, который отметил желательность поисков остатков культуры четвертичного человека в некоторых из них (623). Однако, несмотря на неоднократные попытки, ни одного палеолитического орудия на территории Абхазии до революции найдено не было.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1960, с. 109.

Начало изучения палеолита Абхазии приходится на 1933 год, когда Л. Н. Соловьев сделал первые находки кремневых орудий на территории села Яштуха севернее Сухума. В следующем году началась широкая фиксация палеолитических памятников, осуществлявшаяся специальной экспедицией института антропологии, археологии и этнографии АН СССР и созданного тогда же Абхазского научно-исследовательского института краеведения (АБНИИК), в палеолитический отряд которой в 1934 г. входили основоположник научного изучения палеолита Абхазии С. Н. Замятнин, а также Л. Н. Соловьев, М. М. Иващенко, а в 1935—1936 гг. также П. И. Борисковский, М. З. Паничкина и А. Н. Каландадзе. В течение этого периода Л. Н. Соловьев зафиксировал серию стоянок в Центральной и Южной Абхазии (Лечкоп, Гвард, Келасур, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш, Захаровка, Отап, Моква, Очамчира, Илор, Чай-Грузия, Ачигвара, Гал, Цхири, Чубурхиндж и др.), а С. Н. Замятнин — в Северо-Западной Абхазии (Гагра, Колхида, Отхара, Бармыш, Гудаута, Лыхны, Кюр-дере, Эшера и др.). Геологическое исследование этих стоянок в те же годы проводили Г. Ф. Мирчинк, В. И. Громов и Е. В. Шанцер. Полученные материалы позволили С. Н. Замятнину провести большую работу по изучению этих единственных в то время доказательств существования человека в СССР в столь ранние эпохи. Предварительные сообщения об этих открытиях были опубликованы в 1935 г. С. Н. Замятниным (210, с. 111—112) и в 1936 году Н. И. Березиным (59, с. 3, 10) В том же году вышла работа В. И. Громова об итогах исследований 1935 года (170). В 1937 году С. Н. Замятниным была опубликована первая книга о палеолите Абхазии (краткие сведения о 33 стоянках ашельского, мустьерского и верхнепалеолитического времени, подробное описание инвентаря Яштухской стоянки, зарисовки 62 орудий (211, с. 1—55). В заключении этой работы С. Н. Замятнин писал: «В течение трех полевых сезонов работы был обнаружен целый ряд местонахождений, хронологически охватывающих огромный отрезок времени — от раннего четвертичного периода до геологической современности. Большое распространение палеолитических остатков указывает на чрезвычайно благоприятные условия существования человека на Черноморском побережье и в Четвертичный период. Зарегистрированные на сегодня местонахождения ни в коей мере не исчерпывают наличных памятников, а только иллюстрируют те богатейшие возможности, которые сулит дальнейшее развертывание систематических исследований...» (211, с. 54—55).

В 1936—1940 гг. Л. Н. Соловьев фиксирует палеолитические стоянки на Анухвском плато и на правобережье Кодора (Кеп-Богаз, Планта, Пал, Холодный Грот, Наа, Хумушкура и др.) (462, с. 34—36). В эти годы выходит серия работ Е. В. Шанцера (587; 588, с. 48), В. И. Громова (170; 172, с. 93—97; 173, с. 274) и Л. Н. Соловьева (453, с. 101—105), посвященная геологической датировке палеолита Абхазии. В 1939 году А. Л. Лукин вместе с другим гудаутским врачом Лентропом фиксирует первое в Абхазии неолитическое поселение

у ручья Кистрик, где весной 1941 года Л. Н. Соловьев и А. Н. Мелихов заложили первые разведочные шурфы. Материалы своих исследований А. Л. Лукин публикует несколько позже (337). В мае 1941 года Л. Н. Соловьев выступает с докладом «Новые памятники каменного века в Абхазии» на IV Пленуме по ископаемому человеку в Воронеже. Плодотворно начатые исследования были однако надолго прерваны Великой Отечественной войной.

В последующий период (1946—1957 гг.) специальных работ по изучению памятников каменного века Абхазии, если не считать кратковременных разведок Л. Н. Соловьев на Анухвском плато (1947 г.) (469, с. 13), не проводилось. Результаты исследований 30-х годов позднее использовались в различных публикациях, среди которых назовем работы Л. Н. Соловьева (152, с. 61—65), П. П. Ефименко (203, с. 132, 162—163, 208), Б. Б. Пиотровского (418, с. 17—25, табл. 1), А. Л. Монгайта (377, с. 58), Г. Ф. Гобеджишвили (159, с. 25, 28, табл. 1).

1958 год следует считать началом продолжающегося до сих пор наиболее плодотворного этапа в изучении палеолита и неолита Абхазии. Основная роль в этих исследованиях принадлежит Причерноморской палеолитической экспедиции Института истории (позднее Института истории, археологии и этнографии) Академии наук ГССР (Н. З. Бердзенишвили, Л. Д. Церетели, Г. К. Григория, Г. П. Хубутия и др.), отделу археологии Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (Л. Н. Соловьев) и сектору палеолита Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (И. И. Коробков, В. П. Любин и др.).

Причерноморская экспедиция Института истории АН ГССР приступила к исследованию палеолита Абхазии в июне 1956 г. В том году в экспедиции принимали участие Н. З. Бердзенишвили (руководитель), Д. М. Тушабрамишвили, И. А. Гзелишвили, Л. Д. Небиеридзе, В. В. Бжания, В. П. Пачулия, Г. К. Григория и др. К основным результатам первого сезона работ следует отнести открытие нетронутых культурных слоев в пещере Квачара (абх. Куабчара) и Джампальском гроте, обильные сборы орудий и шурфовку на Яштухской и Бырцхинской стоянках, в том числе и на вершине Яштуха, что позволило выявить комплекс орудий, отнесенных исследователями к шеллю, а также получить новые интересные данные о геологических условиях залегания палеолитических остатков. Предварительные результаты этих исследований были опубликованы в 1959 году (65, с. 6—84; 71, с. 159—181, рис. 1—15, табл. —XIII). Яштухские материалы этого и последующих сезонов рассмотрены в ряде работ Н. З. Бердзенишвили и других сотрудников экспедиции (68; 74, с. 8—10; 75, с. 3—5).

В 1963 г. Н. З. Бердзенишвили и Л. Д. Церетели завершили раскопки ранне-мезолитической стоянки в пещере Квачара у Цебельды. Обработкой полученного материала занялась Л. Д. Церетели, опубликовавшая затем на этой основе несколько работ (546; 548). В 1966—1967 гг. те же исследователи закончили раскопки в гротах Джампал-1 и Джампал-2. В первом были найдены остатки переход-

ного этапа от позднего мустье к верхнему палеолиту, во втором — мезолитическая стоянка (547). Тогда же Л. Д. Церетели опубликовала статью о временной мезолитической стоянке на Яштухе, раскопанной ею ранее (545). В 1970 г. Л. Д. Церетели защитила кандидатскую диссертацию, в основной своей части базировавшуюся на материалах мезолитических памятников Абхазии (543, с. 1—31). Диссертация эта была опубликована отдельной монографией в 1973 году (544, с. 1—137, табл. I—XIX, карт. 2). В этой работе соответствующие памятники Абхазии отнесены к трем хронологическим группам — раннемезолитические (Квачара, Яштхва), среднемезолитические (Джампальский навес) и позднемезолитические (Холодный грот). В исследовании прослежена тесная преемственная связь мезолитической культуры Западной Грузии с местным верхним палеолитом, предполагается существование самобытной мезолитической культуры между бассейнами рек Ингури и Мзымта, приводится обильный и интересный материал из соответствующих памятников Абхазии.

В 1963—1965 гг. Г. К. Григолия, М. В. Барамидзе в связи со строительством Ингури ГЭС обследовали несколько новых ашельских и мустьерских стоянок в с. Речхо-Цхири и его окрестностях (165, 167). В 1965 г. Н. З. Бердзенишвили и Г. К. Григолия вели раскопки грота Джампал-1. В 1967 г. Л. Д. Небиеридзе защитила кандидатскую диссертацию, в которой рассмотрела наряду с другими неолитическими памятниками Колхиды и материалы из стоянок Кистрик и Нижняя Шиловка, которые исследовательница отнесла к заключительной фазе неолита (VI тыс. до н. э.) (383, с. 3—19). Эта работа была опубликована позднее в виде отдельной монографии (384, с. 110—118, табл. XII—XIII). В 1968—1972 гг. Н. З. Бердзенишвили и Г. П. Хубутия, а в 1973 г. отряд Колхидской экспедиции произвели раскопки в Окумской пещере, в которой были выявлены четыре верхнепалеолитических слоя и один, самый нижний (слой 8), переходный от мустье к верхнему палеолиту (72, с. 357—358; 73, с. 3—7; 76, с. 18—25, рис. 1—6; 538, с. 8—11). В 1969 г. проводились также предварительные исследования неолитических поселений в сс. Гумуриши, Царче и на левом берегу р. Псоу (72, с. 358). В 1970 г. Г. К. Григолия и З. В. Агрба обследовали ряд мустьерских, верхнепалеолитических и неолитических местонахождений в низовьях Бзыби (166, с. 379). В 1972 г. в одной из пещер Бзыбского ущелья были зафиксированы следы мустьерской стоянки (73, с. 7). В 1973 г. сотрудники Причерноморской экспедиции вели поиск палеолитических стоянок в ущелье Моквы (с. Отап) (70, с. 431; 77). В 1973—1974 гг. тбилисские археологи под руководством Н. З. Бердзенишвили продолжили начатые в 1971 г. раскопки неолитического поселения в с. Чхортоли и выявили поселение того же времени в окрестностях г. Гал (67, с. 452; 70, с. 431). В 1974 году было обследовано мустьерское местонахождение в ущелье Ульсы и начались раскопки в гроте Кеп-Богаз у Цебельды (67, с. 452).

Из других, этого времени, работ тбилисских ученых, касавшихся палеолитических памятников Абхазии, следует отметить и исследования А. Н. Калан-

дадзе (246; 248, с. 13—17), Н. И. Бурчак-Абрамовича (106, с. 131—145; 107, с. 34; 108, с. 9—13; 109), коллективный труд «Археология Грузии» (21, с. 29).

Значительный вклад в изучение палеолита и неолита Абхазии внесли сухумские исследователи, в первую очередь Л. Н. Соловьев, с 1958 по 1972 год работавший в Абхазском институте языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия АН СССР. В 1959 г. Л. Н. Соловьев опубликовал работу о находках нижнепалеолитических орудий на террасах западнее Гантиади (471), с. 183—192, рис. 1, табл. 1—4). В том же году В. С. Орелкин обнаружил фрагменты человеческих костей в мезолитическом слое Холодного грота (461, что привело в следующем году к возобновлению в нем раскопок под руководством Л. Н. Соловьева и при участии В. П. Якимова, Н. И. Бурчак-Абрамовича, В. В. Бжания, К. И. Гумилевского, М. К. Хотелашвили и др. Результатом исследований 1961—1962 гг. было выявление в гроте слоев конца верхнего палеолита до начала неолита (60, с. 191—195, рис. 1, табл. I—II). В 1960 г. Л. Н. Соловьев публикует работу о гроте Агца, где он дифференцирует элементы верхнепалеолитической графики (456, с. 164—175, рис. 1—8), в 1961 г. — совместно с М. М. Траншем статью, посвященную итогам археологических исследований в Абхазии за 40 лет Советской власти (472, с. 116—120). Расширенный вариант последней статьи публикуется в 1968 и в 1970 гг. (473, с. 160—163; 503, с. 31—34). В 1963 г. Л. Н. Соловьев, В. В. Бжания и Ю. Н. Воронов фиксируют следы палеолитической стоянки в Калдахварском гроте (63, с. 108). В 1963—1964 гг. Л. Н. Соловьев и В. В. Бжания начали широкие раскопки неолитического поселения Кистрик (91; 449; 454).

В 1967 г. Л. Н. Соловьев опубликовал две работы, посвященные материалам из неолитических стоянок Кистрик и Нижняя Шиловка (457, с. 3—38, табл. I—VII; 450).

В 1969 г. В. В. Бжания вел разведки палеолитических местонахождений в районе Сулево (82, с. 358). В том же году Л. Н. Соловьев снова возвращается к рассмотрению изображений в гроте Агца (447), а в 1970—1972 гг. продолжает совместно с В. В. Бжания раскопки поселения Кистрик (45, с. 462; 46, с. 369—370). В 1972 г. В. В. Бжания фиксирует неолитическое поселение у устья р. Хипсты (91, с. 420).

В 1971 г. Л. Н. Соловьев публикует монографию, посвященную нижнему и среднему палеолиту Абхазии — часть большого труда о первобытном обществе на территории республики (466, с. 1—8, табл. I—IV). Отдельные разделы этой работы освещают краткую историю изучения местного палеолита, вопросы геологического обоснования периодизации палеолита Кавказского Причерноморья, природные предпосылки изначального обитания человека на территории Абхазии, на которых основывается вывод, что «переход от высокоразвитых обезьян к гоминидам, изготовлявшим орудия, мог совершаться и на территории Кавказа с участием миграции или на основе местного развития». В рабо-

те дается детальная характеристика нижнепалеолитических слоев Яштуха, а также стоянок Берджента, Хейвани, Леселидзе, Анухва, Ачмарда, Монаклук, на основе которых сделана попытка обосновать специфику «горного палеолита», отводящего Абхазию, по мнению автора, несколько в сторону от основной линии развития европейского палеолита. Много места в работе уделено и описанию мустьерских комплексов Анухвары, Ачмарды, Монаклука. Л. Н. Соловьев выделяет на Яштухе шелльский комплекс, относя появление древнейших следов человека в Абхазии к гурийскому веку, т. е. почти за миллион лет от наших дней. Л. Н. Соловьев подготовил к печати и вторую часть своей работы, посвященную верхнему палеолиту и мезолиту Абхазии. В 1973—1974 гг. были опубликованы последние статьи исследователя, посвященные гарпунам Холодного грота и шелльским орудиям Яштуха (446, с. 25—32, рис. 1; 458, с. 11—17, рис. I—II).

Открытия специалистов нашли свое отражение в обобщающих трудах историков. В 1964 г. была опубликована книга З. В. Анчабадзе, посвященная древней истории и культуре Абхазии. На основе имевшихся к тому времени материалов автор сделал первую попытку детального рассмотрения хозяйства, социальных отношений, культуры и межобщинных связей палеолитической эпохи (8, с. 1—38). Памятники каменного века рассматривались и в монографии Ш. Д. Инал-ипа «Абхазы» (241, с. 59—62), а также в коллективном труде «Очерки истории Абхазской АССР» (391, с. 5—8).

Определенную роль в изучении палеолита Абхазии сыграли работы сотрудников Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры. В 1967 г. Ю. Н. Воронов зафиксировал неолитическую стоянку у Цебельды, предварительные результаты обследований которой опубликовал в 1969 (121) и в 1970 гг. (144, с. 172—178, рис. 1—3). В 1968 г. Десять палеолитических местонахождений Абхазии были внесены в описание рекомендуемых для взятия под специальную государственную охрану (407, с. 57, 67, 68, 80, 83, 90, 91). В 1969 г. Обществом была издана монография Ю. Н. Воронова «Археологическая карта Абхазии» В первой главе этой работы приведены краткие сведения о 30 ашельских, 64 мустьерских, 45 верхнепалеолитических и 15 мезолитических местонахождениях, из которых 67 упоминались в литературе впервые (121, с. 13—16, табл. XII—XIV). В своей кандидатской диссертации, посвященной древнейшей и древней истории Абхазии, Ю. Н. Воронов приводит сведения уже о 211 местонахождениях ашельских, мустьерских, верхнепалеолитических и мезолитических орудий (126, с. 6—11). В работе дана краткая характеристика палеолитических — хозяйства, техники, общественных отношений, культуры и их эволюции от ашеля до мезолита. Автор, вслед за В. П. Любиным, не считает возможным выделять в Абхазии шелльскую стадию и полагает, что первые люди на этой территории появились в раннем ашеле, т. е. около 400—350 тысяч лет назад. В работе были рассмотрены и неолитические памятники, отнесенные к двум

этапам: 1) ранний неолит (слой «Б» Холодного грота, Метелевское поселение) — втор. половина VII — перв. половина VI тыс. до н. э. ; 2) поздний неолит (Кистрик, Нижняя Шиловка) — вторая половина VI — первая половина IV тыс. до н. э. (126, с. 12—14). Отрывочные сведения о находках палеолитических и неолитических орудий на территории Абхазии встречаются и в ряде других работ того же автора (124, рис. 9, 18; 133, с. 103—104, 110—112; 141, с. 378; 142, с. 471; 143, с. 51—52, рис. 1—4). Из краеведческих изысканий в области палеолита наиболее результативными были в 50—60-х гг. работы Н. И. Гумилевского (серия палеолитических стоянок в Северо-Западной Абхазии), В. И. Воротникова (стоянка у с. Атара Армянская) и С. З. Лакобы (местонахождения Алгыт в Лыхны и Парчанта в Верхней Эшере).

Трудно переоценить вклад московских, а еще более ленинградских исследователей-палеолитчиков в изучение древнейшего прошлого Абхазии. В сводках Н. А. Береговой, опубликованных в 1960 и 1972 гг., приведены сведения о 50 нижнепалеолитических, мустерских и верхнепалеолитических стоянках Абхазии (78, с. 231, 232, 242; 79, с. 12—14; 35—36; 156—157). В 1961 г. была опубликована монография С. Н. Замятина «Очерки по палеолиту», в которой большой раздел был посвящен итогам исследований ученого в Абхазии в 30-х годах. В раздел вошли сведения о 47 местонахождениях ашеля, мустье и верхнего палеолита, из которых более или менее подробно были описаны стоянки Яштух, Лечкоп, Колхида, Кюр-дере, Гвард, Апианча, Чубурихинджи, Бзыбский навес, Бармыш, Отхара, Лыхны, Гудаута, Эшеры, Ахабиюк, Келасури, Цебельда, Очамчира, Ачигвара, Гал (212, с. 67—118). В 361—1964 гг. исследованием нижнепалеолитических и мустерских местонахождений Абхазии занимался И. И. Коробков, опубликовавший затем на основе добытого в эти годы материала серию интересных, хотя во многом и спорных статей (178, 263—290). В этих работах И. И. Коробков, помимо введения в научный оборот богатой коллекции древних орудий и разработки методики их классификации, попытался обосновать мысль, что на позднем этапе ашеля единая причерноморская древнепалеолитическая культура Кавказа распадается на две повсеместно существующие и параллельно развивающиеся мустьерские индустрии, сопоставляемые с двумя фациями мустьерской техники. В 1965 г. в связи с пожеланием Палеолитического совещания (февраль 1965 г., Ленинград) на Яштухе работала комиссия по осмотру яштухских палеолитических местонахождений в составе А. Н. Каландадзе (председатель), П. И. Борисковского, Л. Н. Соловьева, Н. З. Бердзенишвили, М. М. Трапша, В. П. Любина, В. М. Муратова, В. Ф. Петруня, И. И. Коробкова, и З. А. Абрамовой. Комиссия, подтвердив «громадное значение яштухских палеолитических местонахождений для изучения древнейшей истории края», отметила особую важность и плодотворность исследований этого памятника экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН ГССР (208, с. 1—2).

Невозможно сегодня заниматься палеолитом Абхазии без учета многочисленных публикаций В. П. Любина, отличающихся тщательностью анализа, широтой привлекаемых данных археологии, геологии, климатологии, палеоботаники, палеонтологии и т. д. Очень важен обоснованный во многих работах этого исследователя вывод, что «включение Кавказа в пределы прародины человечества... не имеет должного археологического обоснования», а древнейшие следы ископаемого человека на территории СССР могут быть датированы пока лишь ранним ашелем, и что уже в эпоху мустье на Кавказе существовал ряд самостоятельных археологических культур (340—350).

Сведения о палеолите Абхазии можно найти также в трудах А. А. Формозова (521, 523, 527) и других авторов. Очень важны для изучения каменного века на территории Абхазии результаты исследований в Сочинском районе, который сегодня изучен не хуже, а в некоторых отношениях и лучше Абхазии. И потому представляется уместным отметить здесь хотя бы часть тех авторов, без работ которых исследование о палеолите Абхазии уже не мыслится (Д. А. Крайнов, Е. А. Векилова, В. П. Любин, М. З. Паничкина, В. Е. Щелинский и др.) (38; 114—119; 146; 290; 292; 292а; 340; 342; 343; 350; 352; 393; 394; 395; 439; 616). Немало интересных фактов найдет для себя исследователь местного палеолита и в работах специалистов из смежных областей науки (геология, география, палеонтология и др.) — И. К. Ивановой (217), Л. И. Маруашвили (358), Д. В. Церетели (542), В. П. Федорова (518), Б. Л. Соловьева (443 ; 444), В. М. Муратова (379), Ш. В. Лашхия (309), И. И. Шатиловой (590), М. Н. Грищенко (168), В. П. Громовой (169), В. В. Чердынцева (560) и многих других исследователей, так или иначе касающихся истории четвертичного периода на территории Абхазии.

Глава II. Эпохи энеолита и бронзы

Ярко и богато представлен на территории Абхазии период энеолита и бронзы. Монументальные гробницы-дольмены в середине периода и блестящий расцвет декоративного искусства в его конце, своеобразные прибрежные поселения с «текстильной» керамикой и вторичные захоронения в кувшинах и пещерах, сложная родоплеменная структура и реальные связи с другими районами Черноморья и Средиземноморья... Круг этих и других проблем необычайно широк и решен он может быть лишь исключительно на основе данных археологии.

Первые сведения о находках бронзовых изделий на территории Абхазии относятся к началу 90-х годов XIX столетия, когда Н. М. Альбов упомянул в одной из своих работ находку бронзовых топора, наконечника копья и фибулы у горы Сатанжо (9, с. 324—329). В 1900 году П. С. Уварова сообщила о находке каменной формы для отливки бронзового топора, сделанной в Тагилони (512, с. 336). В 1907 году А. А. Миллер зафиксировал ряд предметов позднебронзовой эпохи в с. Ачандара (топор, ложка, браслет) и отметил присутствие дольменов в районе Гагры и южнее (372, с. 72—83). В 1911 г. Вс. Миллер опубликовал первые сведения о вторичных захоронениях в глиняных сосудах у Гагры 373. Еще в конце XII века в Эрмитаж поступило несколько предметов из клада конца бронзовой эпохи, найденного в Чубурисхинджи (Архив ЛОИА, д. №176 за 1890 г.). В экспозиции музея, основанного в Сухуми в 1917 г., было выставлено несколько предметов рассматривав емой эпохи (кремневые наконечники стрел, дротиков, каменный молот и др.), найденных в различных пунктах Абхазии (398, с. 6; 561, с. 4). Однако до установления Советской власти изучение памятников энеолита и бронзы в Абхазии сводилось лишь к случайным находкам.

Вскоре после установления Советской власти в Абхазии в сентябре 1924 г. по инициативе Абхазского научного общества в Сухуми состоялся I съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, где А. Л. Лукин демонстрировал бронзовые находки из Гудаутского района (НО,

с. 27). Затем в Трудах Общества В. И. Стражев публикует первые сведения о дольменах в Азанте (478) и Ачандаре и там же (478) описывает все известные в его время находки бронзовой эпохи из Абхазии (клад топоров из Лабры, погребение из Приморского, изделия из Эшерского «кургана» (кромлеха), ряд случайных находок). В 1929 г. А. Л. Лукин в пос. Аагста доследовал погребение с бронзовым инвентарем VIII—VII вв. до н. э. В последующие годы М. М. Иващенко описал старые музейные коллекции (кремневые наконечники, каменные молоты, бронзовые изделия), а также собрал и уточнил сведения о дольменах Азанты, Ачандары и Отхары, в 1930 году открыл и приступил к раскопкам Эшерских дольменов, доследовал оссуарные захоронения с бронзовыми изделиями VIII—VII вв. до н. э. в Нижней Эшере (223, с. 5—79).

В 1933 г. А. В. Фадеев и М. Г. Манилов доследовали в пещере близ Гагры погребения отдельных человеческих костей и черепов в глиняных сосудах (223, с. 83—85). В 1934 г. была организована экспедиция на средства АБНИ-ИК-а под общим руководством акад. И. И. Мещанинова. Работая в ее составе, Б. А. Куфтин, М. М. Иващенко, А. Л. Лукин и Л. Н. Соловьев раскопали несколько дольменов в Верхней Эшере, доследовали оссуарное захоронение на Верещагинском холме (302, с. 132—257). В 1935 г. в Абхазии работала экспедиция ГАИМК в составе А. А. Иессена (руководитель), Б. Б. Пиотровского и Л. Н. Соловьева, производящая разведки в ущелье Гумисты, на Верещагинском холме, в Азанте, Очамчире и др. (232.).

В 1935—1936 гг. Б. А. Куфтин, Л. Н. Соловьев и М. М. Иващенко обнаружили в основании античного поселения у Очамчиры древнее поселение, отнесенное первоначально к энеолиту (225; 475). В 1937 г. Б. А. Куфтин, Л. Н. Соловьев и А. Л. Лукин продолжили раскопки Эшерских дольменов (468, с. 75). В 1939—1940 гг. Л. Н. Соловьев провел раскопки погребений раннебронзовой эпохи в Каманском и Калдахварском гротах (468, с. 81, 86). Многочисленные сборы археологических предметов (в т. ч. бронзовые топоры, украшения и др.) в Гудаутском районе и их научное осмысление позволили А. Л. Лукину в 1941 г. опубликовать большой труд по археологии Бзыбской Абхазии (336, с. 17—97, табл. I—XXVIII). Во второй половине 30-х годов Л. Н. Соловьев фиксирует серию поселений с «текстильной» керамикой предантичной эпохи у Очамчиры, в устье Моквы, в пос. Красный маяк (1934 г.), Мачарское поселение (1936 г.), при участии Е. В. Шанцера и В. И. Громова, поселения Шицкуара и Псырцха (469; 470). Война помешала своевременной полной публикации основных результатов исследований 30-х годов. Этот пробел был восполнен в следующее десятилетие.

В 1942 и в 1946 гг. Л. Н. Соловьев раскопал в Михайловской пещере погребения дольменного времени. В 1945 г. А. Л. Лукин открыл поселение с «текстильной» керамикой у Нового Афона. В следующем, 1946 году Б. А. Куфтин раскопал три дольмена в с. Азанта. В 1948—1951 гг. М. М. Транш исследовал нес-

олько погребений конца позднебронзовой эпохи в Куланурхве (487; 489). Материалы Куланурхвинского могильника легли в основу кандидатской диссертации М. М. Трапша (493), опубликованной позже в виде отдельной книги (502). В 1951 г. А. Н. Каландадзе и М. М. Трапш произвели раскопки поселения, могильника и медеплавильни того же времени на Сухумской горе (245). В 1952 г. Л. Н. Соловьев и Н. И. Гумилевский раскопали несколько вторичных захоронений среднебронзовой эпохи под навесами Лавинной балки в Бзыбском ущелье. В том же году М. М. Транш фиксирует энеолитическое поселение на холме Гуад-иху (498, с. 213; 93, с. 33—35). В следующем году А. Л. Лукин исследовал богатое погребение поздней бронзы в с. Верхняя Эшера (338). В 1949—1951 гг. выходят из печати фундаментальные исследования Б. А. Куфтина, в которых, в частности, публикуются материалы раскопок Эшерских дольменов и Очамчирского «энеолитического» поселения (302; 303).

В 1950—1954 гг. Л. Н. Соловьев и Т. Н. Высоцкая проводят раскопки ряда стоянок бронзовой эпохи в Большой Воронцовской пещере. Тогда же Л. Н. Соловьев при участии Н. И. Гумилевского исследует Нижне-Шиловскую неолитическую стоянку, дольмены в Красной Поляне и другие памятники. Материалы раскопок Большой Воронцовской пещеры были положены в основу кандидатской диссертации Л. Н. Соловьева (467), в которой он выдвинул новую историческую концепцию происхождения абхазо-адыгской этно-культурной общности (459, с. 135—184).

В конце 40-х — начале 60-х гг. большую работу по выявлению поселений, захоронений и других памятников неолитической и бронзовой эпох на территории северо-западной Абхазии и прилегающего Адлерского района провел учитель Н. И. Гумилевский, по инициативе которого был создан краеведческий музей при средней школе с. Хейвани.

В 1955—1956 гг. в Абхазии работала под руководством О. М. Джапаридзе археологическая экспедиция Тбилисского государственного университета и Грузинского музея искусств. Были проведены раскопки и обмеры ряда дольменов в верхней Эшере, Азанте и Ачандаре. Материалы этих раскопок наряду с находками, сделанными Б. А. Куфтиным в Азанте в 1946 г., были затем опубликованы О. М. Джапаридзе (187; 189). Исследователь выделил в дольменах Абхазии два строительных слоя — раннебронзовый и среднебронзовый, датировав их суммарно 2400—1800 гг. до н. э. (188).

В 1964 г. Л. Н. Соловьев совместно с В. В. Бжания и Ю. Н. Вороновым проводит исследование могильника эпохи ранней бронзы в Новой Гагре (87, с. 23—24). В том же году В. В. Бжания при участии В. С. Орелкина приступает к раскопкам Мачарского поселения эпохи энеолита и бронзы, которые продолжают до сих пор. Тогда же он закладывает шурфы на Тамышском и Гумистинском поселениях, проводит раскопки дольменов в Хабью и Ачмарде, а также вслед за Ю. Н. Вороновым фиксирует дольмен, менгир и группу кур-

ганов в Псху. В 1964 г. выходит из печати книга З. В. Анчабадзе, посвященная древней истории и культуре Абхазии, где видное место отведено памятникам неолита и бронзы (18, с. 38—88).

Во второй половине 60-х — начале 70-х гг. текущего столетия изучение памятников рассматриваемой эпохи в Абхазии успешно продолжалось. В 1966 г. В. В. Бжания опубликовал интересный материал из Мачарского поселения, отнесенный им к эпохе энеолита и ранней бронзы (86, с. 113—126), а также очерк истории изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии (83, с. 99—114). В том же году он защитил кандидатскую диссертацию, в которой рассмотрел поселения и погребальные памятники эпохи энеолита и бронзы. В развитии местной материальной культуры В. В. Бжания выделил ряд этапов: 1) энеолит (стоянки с тяпкообразными мотыжками, 4-й, нижний слой Мачарского поселения, селище Гуад-иху) — втор. половина IV — перв. половина III тыс. до н. э.; 2) эпоха ранней бронзы (очамчирское поселение, древнейший слой Энерских дольменов, Гумистинское поселение, 2-й и 3-й слои Мачарского поселения, Гагрский могильник и др.) — середина III — начало II тыс. до н. э.; 3) начало позднебронзовой эпохи (Тамышское поселение) — XIV—XII вв. до н. э. (81, с. 1—29). Летом 1966 г. Л. Н. Соловьев и Ю. Н. Воронов исследовали зафиксированный за год до того Н. З. Бердзенишвили слой раннебронзовой эпохи в гроте Джампал-1. В 1967 г. В. В. Бжания издал находки из Тамышского поселения эпохи поздней бронзы.

В 1969 г. В. В. Бжания зафиксировал поселения «очамчирского» облика и позднеэнеолитического (?) времени в с. Ачмарда и заложил разведочный шурф в гроте Пал, где выявил слой раннебронзовой эпохи (82, с. 358—359)

В том же году Г. К. Шамба проводил раскопки кромлехов в с. Нижняя Эшера, которые отнес к первой половине II тыс. до н. э. (586, с. 359—360). В кромлехах были обнаружены также достаточно характерные материалы предантичной эпохи, в том числе молоточковидная булавка, связанная исследователем с передвижениями киммерийцев в VIII в. до н. э. (586, с. 18—19).

В изданной тогда же «Археологической карте Абхазии» Ю. Н. Вороновым было кратко описано до 300 памятников энеолита и бронзовой эпохи, значительное количество которых впервые получали освещение в литературе (дольмены в Цугуровке, Гульрипше и Псху, материалы поселений Каман, Джампал-1 и др., многочисленные клады и отдельные находки бронзовых изделий) (121, с. 17—41.). В том же году В. В. Бжания опубликовал результаты обследований Гумистинского поселения (90).

В 1970 г. совместная экспедиция Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулия АН ГССР и Черноморского отряда Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР провела шурфовку Верхнего грота у озера Амткел. Тогда же Г. К. Шамба завершил исследование Эшерских кромлехов (46, с. 369—370). В том же году Ю. Н. Воронов выявил поселения бронзовой эпохи

в сс. Колхида, Эшера и Тагилони (141, с. 377—378). Тогда же разведочным отрядом Пицундской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР в окрестностях сел. Бзыбь и Асечко были выявлены три поселения, часть материалов из которых была датирована энеолитом (166, с. 379). В 1970 г. вышел из печати первый том «Трудов» М. М. Трапша, в котором получили рассмотрение многочисленные памятники бронзовой эпохи, в том числе клад бронзовых топоров из Гала (503). Тогда же была опубликована статья М. К. Хотелашвили, посвященная древнейшим земледельческим орудиям Абхазии (533, с. 108—123).

В 1971 г. Ю. Н. Воронов в своей кандидатской диссертации уделил видное место памятникам энеолита и бронзовой эпохи Абхазии. По мысли автора, этот период на рассматриваемой территории распадается на следующие этапы: 1) энеолит (второй слой Кистрика, стоянки с мотыжками «сочи-адлерского» типа) — IV — начало III тыс. до н. э.; 2) ранняя бронза (погребения в Гагрской пещере, могильник в Н. Гагре, поселение в гроте Джампал-1) — III тыс. до н. э.; 3) Очамчирская культура (поселение Очамчирское, нижний слой Мачарского, Гуад-иху, Гумистинское, серия бронзовых топоров) — конец III—перв. половина II тыс. до н. э.; 4) дольменная культура (дольмены и поселение Каман) — 2000 — 1500 гг. до н. э.; 5) поздняя бронза — XIV—VII вв. до н. э. (126, с. 12—22). В том же году Ш. Д. Инал-ипа опубликовал монографию, в которой видное место было уделено дольменной культуре Абхазии и проблемам ее этнической принадлежности (242, с. 3—56). В том же 1971 г. экспедицией Абхазского Института ИЯЛ им. Д. И. Гулиа АН ГССР и Причерноморским отрядом Института археологии АН СССР продолжались раскопки Гумистинского поселения энеолита и бронзы в пос. Гвандра (45, с. 462—463). Тогда же Ю. Н. Воронов выявил три дольменные группы в окрестностях села Михельрипш, в том числе впервые для Абхазии корытообразные дольмены, зафиксировал следы поселения бронзовой эпохи в пос. Чобанлук и уроч. Уатла-ацва (142, с. 471—472).

В 1972 г. отряд Колхидской экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН ГССР проводил исследования неолитической стоянки в с. Чхортоли (66, с. 419; 73, с. 6—7; 250, с. 14—19). Тогда же В. В. Бжания возобновил исследование Мачарского поселения (88, с. 420). В том же году Л. Н. Соловьев опубликовал статью о мотыжках «сочи-адлерского» типа (455, с. 81—97, табл. I—IV). Тогда же Ю. Н. Воронов продолжил исследование поселения бронзовой эпохи у с. Мархаул (122, с. 422).

В 1973 г. Г. К. Шамба опубликовал комплекс бронзовых и железных изделий из Нижней Эшеры, датированный им VIII—VII вв. до н. э. (580). Экспедиция Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН ГССР совместно с Институтом археологии АН СССР тогда же продолжала раскопки Гвандрского поселения эпохи энеолита и бронзы, поселения Кистрик и Мачарского поселения,

обнаружила вторичные захоронения в одной из пещер у Голубого озера (593, с. 440—441). Тогда же В. В. Бжания опубликовал результаты своих раскопок 1968 года в гротах Ахракапш (Красный грот) и Пал (89, с. 65—71, рис. 1—2). В том же году была опубликована статья В. И. Марковина о дольменах Кавказа, где видное место было уделено анализу абхазских дольменов (456, с. 3—23). Большое внимание уделил тот же автор этим памятникам в своих работах; вышедшей несколько позже книге (354), в докторской диссертации, защищенной в 1975 году (355), а также в ряде статей (357.). В 1974 г. В. В. Бжания, В. К. Квициния и Н. К. Шенкао доследовали несколько захоронений VIII—VII вв. до н. э. в уроч. Шубара (84, с. 452—453).

Интереснейшие сведения о памятниках энеолита и бронзы в Абхазии привлекались и привлекаются в десятках исследований, касающихся древней истории и археологии Кавказа и смежных территорий. Назовем здесь работы А. А. Иессена, Е. И. Крупнова (295; 296), Р. М. Мунчаева (378), А. А. Формозова (520—522; 524; 525), Л. И. Лазарева (305), Б. Б. Пиотровского (417), К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинашвили (304), Д. Л. Коридзе (278—280), Г. Ф. Гобеджишвили (159), Т. Б. Поповой (421) и многих других.

Все сказанное показывает, что менее чем за пятьдесят лет в Абхазии проделана огромная работа по изучению истории племен, обитавших здесь в эпоху энеолита и бронзы.

Глава III. Античная эпоха

§ 1. Памятники VI—I вв. до н. э.

Период VI—I вв. до н. э. занимает особое место не только в истории Абхазии, но и всего Причерноморья в целом. Появление греков-колонистов, возникновение городов, налаживание постоянно действующих заморских и транскавказских перевальных путей, резкие изменения в хозяйственной, социальной и духовной жизни местного населения, вовлеченного в круг экономических и культурных отношений Средиземноморья, — эти и другие проблемы не могут быть решены с необходимой точностью без достаточно широкого археологического обследования.

Начало изучения памятников рассматриваемого времени в Абхазии должно быть связано с деятельностью В. И. Чернявского и А. Н. Введенского, приступивших к исследованию древностей Абхазии в конце 60-х гг. XIX столетия. В 1869 г. А. Н. Введенский в местности Хуап раскопал каменные гробницы, в которых были найдены керамика, золотые и железные изделия (113). Материалы из могильника VI—I вв. до н. э. на Сухумской горе получили первое отражение в работах В. И. Чернявского в период подготовки V археологического съезда в Тифлисе (563). В. И. Чернявский доказывал, что Диоскуриада находится на дне Сухумской бухты и добивался начала археологических исследований «тех остатков Диоскура-Себастополиса, которые еще зарыты в оставшейся части наносного Сухумского берега» (563, с. 25). Первые археологические раскопки здесь произвел в 1886 г. В. И. Сизов, который при участии В. И. Чернявского и известного русского ботаника Н. М. Альбова обнаружил на бывшей Ольгинской улице (ныне ул. Пушкина) довольно мощный культурный слой, который содержал обломки черепиц, чернолаковых сосудов, различного вида керамику, пирамидальное глиняное грузило и монету города Амиса (440, с. 9—49). В. И. Сизов также лично удостоверился в отсутствии следов Диоскурии на Скурче. В 1907 г. А. А. Миллер опубликовал

железное оружие VIII—VII вв. до н. э. с Сухумской горы, находившееся в коллекции В. И. Чернявского, а также несколько предметов того же времени из Гульрипша (372, с. 72—83). Дореволюционные исследования носили случайный, эпизодический характер.

В 1926 г. было опубликовано исследование М. М. Иващенко, посвященное Диоскурии, в котором он, в частности, проследил распространение чернолаковой посуды по берегам Сухумской бухты (224). В 1930 г. М. М. Иващенко зафиксировал античное городище в Эшере (223, с. 51—69).

30-е годы занимают важное место в изучении местных памятников VI—I вв. до н. э. В 1934 г. Б. А. Куфтин, М. М. Иващенко и Л. Н. Соловьев занимались изучением памятников эпохи греческой колонизации в с. Эшера, где ими было обследовано Эшерское городище, а также выявлены два захоронения эллинистической эпохи. Результаты этой экспедиции получили всестороннее освещение в работе Б. А. Куфтина, вышедшей из печати в 1949 г. (302, с. 5—131).

В 1935—1936 гг. Б. А. Куфтин, М. М. Иващенко и Л. Н. Соловьев исследовали севернее Очамчиры многослойное поселение, в котором наиболее значительными оказались материалы V—I вв. до н. э. Это поселение было связано с неоднократно упоминавшимся в этом районе греческими источниками городом Гиэносом (225; 219; 445, с. 323—324; 475; 303, с. 259—297). В работе А. Л. Лукина, опубликованной в 1941 г., были приведены сведения о ряде памятников рассматриваемой эпохи (чернолаковая посуда, серебряный фалар и др.) (336). В 1939 г. Л. Н. Соловьев на склонах холма Ахвыла-абаа доследовал богатое погребение IV—III вв. до н. э. В следующем году он совместно с И. Е. Адзинба против гостиницы «Рица» проследил культурный слой III—I вв. до н. э., содержащий обломки амфор, амфориск, пирамидальное грузило, фрагменты чернолаковых сосудов и др. Эти и другие находки позволили Л. Н. Соловьеву написать первую обобщающую работу по древней истории городов Диоскурии, Себастополиса и Цхума, опубликованную в 1947 г. (448, с. 23—55).

В 1948 г. начинается систематические исследования памятников рассматриваемой эпохи первый археолог-абхазец М. М. Трапш. В 1948—1949 гг. он раскапывает несколько погребений VI—V вв. до н. э. в с. Куланурхва (493; 502). Особый интерес здесь представляли зафиксированные в Абхазии комплексы со скифским инвентарем (наконечники стрел, удила, псалии и др.) (490, с. 325—345. В 1951 г. А. Н. Каландадзе и М. М. Трапш произвели исследование остатков поселения античной эпохи, а также ряда погребений того же времени на Сухумской горе (245; 498, с. 207—209). В 1952—1954 гг. М. М. Трапш производил раскопки поселения и могильника VIII—VII вв. до н. э. на южном склоне холма Гуад-иху, где раскопал 91 погребение (488, с. 18—19; 499, с. 210—223). В 1952 г. он заложил шурф на территории Сухумской крепости, где выявил культурный слой конца VI—III вв. до н. э. (499, с. 209—210).

В 1954 г. М. М. Трапш опубликовал незадолго до этого размытый морем в

восточной части Сухумской бухты замечательный мраморный барельеф второй половины (430—420 гг. до н. э.) V в. до н. э. (496, с. 163—165; 497, с. 372—374). К этому рельефу затем многократно обращались другие исследователи — О. Д. Дордкипанидзе (330, с. 69—70; 332, с. 166—168; 331, с. 24—26), Л. А. Ельницкий 201, с. 130—135 и ряд других авторов (40, с. 4; 376, с. 195; 555, с. 20). В 1954—1955 гг. М. М. Трапш вслед за Л. Н. Соловьевым установил наличие слоя V—I вв. до н. э. в замке Баграта (258, с. 8). В 1954 г. он опубликовал замечательный скифский кинжал в бронзовых с колхидскими элементами ножнах VI в. до н. э. (500). В том же году М. М. Трапш при раскопках римской башни на участке Одынца, в ее основании также выявил следы поселения и могильника V—II вв. до н. э. (491). В 1956—1959 гг. он исследовал поселение и могильник античной эпохи в пос. Красный маяк, открытый еще в 1936 г. экспедицией ГАИМК под руководством А. А. Иессена (232, с. 251—252). М. М. Трапшем здесь было раскопано свыше 100 погребений VI—II вв. до н. э., а также гончарная печь III—I вв. до н. э. (486, с. 185—209). В 1957—1958 гг. под руководством М. М. Транша и Л. Н. Соловьева и при участии Ш. Д. Инал-ипа, О. Д. Лордкипанидзе, Л. А. Шервашидзе, В. В. Бжания проводились раскопки городища древней Анакопии в Новом Афоне, где были выявлены остатки поселения V—II вв. до н. э. (485, с. 131, 133).

В 1959 г. Причерноморская экспедиция Института истории АН ГССР (руководители А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе) и экспедиция Абхазского института ЯЛИ им. Д. И. Гулиа АН ГССР (руководители М. М. Трапш, Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе) произвели раскопки римской крепости Себастополис на Сухумской набережной, зафиксировав там слои эпохи Диоскуриады (конец VI—I вв. до н. э.) (24, с. 221—222; 492, с. 241; 602, с. 19). В 1964 г. З. В. Анчабадзе уделил видное место анализу и исторической интерпретации известных к тому времени памятников VI—I вв. до н. э. (18, с. 131—169). Определенное место эти памятники нашли и в этнографическом труде Ш. Д. Инал-ипа (241), а также в очерках по истории Абхазской АССР (391).

Практически прерванные на пятилетие исследования памятников рассматриваемой эпохи были в Абхазии возобновлены во второй половине 60-х годов текущего столетия. В 1964, 1966 и 1969 гг. в Гудае вела исследования Ингульская экспедиция. В 1966 г. О. Д. Лордкипанидзе опубликовал некоторые материалы V—III вв. до н. э. из Гиэноса и из окрестностей Сухуми (332, табл. XIX, XX, XXXII). Многочисленные находки эпохи греческой колонизации в окрестностях Сухума и Очамчиры получили широкое рассмотрение в капитальной монографии М. П. Инадзе (238). В последующие годы особое внимание было обращено на материалы Гиэноса, хранящиеся в фондах Абхазского государственного музея. Их обработкой занимались Н. И. Магиашвили (359, с. 28), Ю. Н. Воронов и Д. Д. Качарава (265, с. 34—38; 267; 268, с. 753—755), защитившая на материалах Гиэноса V—I вв. до н. э. кандидатскую диссертацию (266).

В 1968 г. была опубликована работа Ю. Н. Воронова, посвященная анализу материалов (результаты обследований 1962—1964 гг.) последних веков до н. э. из Пацхирской крепости (128, с. 133—142). В 1969 г. в его монографии «Археологическая карта Абхазии» были опубликованы сведения о многих десятках памятников рассматриваемой эпохи (материалы из могильников в окрестностях Гантиади и из Бзыбской Абхазии, фрагменты амфор с клеймом Диоскуриады из Гвандры, амфоры со дна моря у Нового Афона, материалы поселений эпохи греческой колонизации по правому и левому берегам р. Мачары, погребение со скифским инвентарем из Агудзеры и т. д.) (121, с. 43—65). В 1969 г. М. В. Барамидзе исследовал могильник VI—V вв. до н. э. в с. Мерхеули.

В конце 1967—1968 гг. Г. К. Шамба, М. М. Гунба и Ю. Н. Воронов начали исследования на Эшерском городище, сразу же давшие интересный материал по истории и культуре античных поселений Абхазии (578, с. 23—24; 135, с. 103—121, рис. 1—8). В 1970 г. вышла из печати книга Г. А. Лордкипанидзе, в которой были исследованы материалы из Абхазии II—I вв. до н. э. (328).

Важной вехой в изучении археологии края была публикация в 1969—1970 гг. под редакцией А. Х. Халикова двух томов посмертного издания трудов М. М. Трапша. В первом томе получили подробное рассмотрение материалы из Куланурхвского могильника, скифский кинжал из Колхиды, ряд комплексных и случайных находок переходной эпохи от бронзы к железу (503). Во втором томе опубликованы основные материалы из могильников Гуад-иху (VIII—II вв.), Красного маяка (VIII—II вв.), Сухумской горы, а также результаты исследований Себастополиса, башни Одынец и другие памятники эпохи Диоскурии-Себастополиса (491). Эти издания получили положительную оценку (85, с. 280—282).

В 1970 г. Г. К. Шамба возобновил раскопки на Эшерском городище (46, с. 370). Тогда же Ю. Н. Воронов зафиксировал ряд памятников периода греческой колонизации в с. Колхида (141, с. 377), а И. И. Цвинария доследовал несколько погребений на Верещагинском холме (Нижняя Эшера), в одном из которых обнаружил бронзовый древнегреческий шлем (539, с. 379—380). В кандидатской диссертации, защищенной Ю. Н. Вороновым в 1971 г., получили широкое освещение памятники рассматриваемого времени, в том числе скифские материалы и находки на Эшерском городище, которое он предложил рассматривать как продукт греческой колонизации (126, с. 22—25). В том же году Г. К. Шамба продолжал раскопки на Эшерском городище, давшие богатый материал (рельефные чаши, клейменная синопская черепица и др.) (45, с. 463—464). В. К. Квициния доследовал погребение III—II вв. до н. э. в с. Атара Абхазская (272, с. 469—470), а Ю. Н. Воронов вел разведки памятников V—I вв. до н. э. на Эшерском городище, на южной оконечности Лечкопского плато, восточнее урочища Адзхыда (142, с. 471—472). В 1972 г. В. В. Бжания зафиксировал раннеантичный слой на Мачарском поселении (88, с. 420), Ю. Н. Воронов продолжал разведки памят-

ников VIII—I вв. до н. э. в Гульрипшском районе (122, с. 422), а П. П. Закарая и В. А. Леквинадзе выявили остатки раннеантичного поселения в окрестностях Гудавы и Очамчиры (205, с. 425) В том же году Г. К. Шамба опубликовал инвентарь богатого раннеэллинистического погребения из Нижней Эшеры (577, с. 98—112). В следующем, 1973 г., Г. К. Шамба продолжал исследования на Эшерском городище, где выявил слои середины VI—V вв. до н. э. с фрагментами чернофигурных и краснофигурных сосудов (593, с. 441, рис. 1—3). Он же опубликовал прямоугольный античный жернов и наконечник стрелы сарматского типа для Эшеры (580, с. 181—190).

В 1974 г. В. В. Бжания, В. К. Квициния и Н. К. Шенкао провели обследование захоронений и поселений раннеантичной эпохи в с. Шубара (84, с. 452—453). В том же году Г. К. Шамба опубликовал ряд изделий рассматриваемого периода из северо-западной Абхазии (571, с. 54, 59), а Ю. Н. Воронов в одной своей работе попытался уточнить вопрос локализации Диоскурии, высказав сомнение в присутствии ее остатков на дне Сухумской бухты (137, с. 24—38), а в другой кратко рассмотрел основные черты материальной культуры древнеабхазских племен генихов (VI—I вв. до н. э.) (134, с. 74—85). В 1975 г. Г. К. Шамба продолжал исследования на Эшерском городище, где им были выявлены новые богатые материалы раннеантичного и эллинистического периодов, в том числе фрагменты бронзовой доски с древнегреческой надписью IV в. до н. э. В том же году Ю. Н. Воронов и А. С. Вознюк опубликовали новые материалы VI—II вв. из Куланурхвы (123, с. 268—274). В другой своей работе Ю. Н. Воронов дал анализ вооружения VI—I вв. до н. э., а также всех материалов скифского облика, известных с территории Абхазии (125, с. 218—234). Он же опубликовал инвентарь погребения III—II вв. до н. э. из Цебельды (147, рис. 51).

В том или ином аспекте памятники Абхазии рассматриваемой эпохи рассматривались также в работах А. М. Апакидзе (23, с. 125), Н. Ю. Ломоури (322; 324), В. А. Ильинской (234 ; 235), А. И. Болтуновой (98; 100), К. В. Голенко (620, М. Н. Погребовой (420, с. 186—187), М. К. Хотелашвили (532, с. 36—47) и других авторов.

§ 2. Памятники I—VI вв. н. э.

Период I—VI вв. занимает видное место в древней истории Абхазии. В I—II вв. на исторической арене появляются племена апсилов, абазгов и санигов в процессе развития которых к концу периода складываются предпосылки формирования раннефеодальной государственности на территории Западного Закавказья. В этот период на побережье Абхазии формируются римско-византийские поселения-крепости, оказавшие огромное влияние на все сферы жизни

местных племен. Переходная эпоха от античности к средневековью в Византии приходится на IV — первую половину VII вв. н. э., а основной барьер пролегает через VI век¹. Для Абхазии этот момент также логичнее всего пока определять этим же временем. Что же сделано здесь для изучения этого периода?

Исследование позднеантичных памятников Абхазии было начато В. И. Чернявским в 70-х годах XIX столетия, когда им были отмечены фрагменты стен римского укрепления в основании Сухумской крепости и по дну моря (563, с. 23—24; 564, с. 335). В 1861 г. вблизи Ново-Афонского монастыря было разрушено несколько ингумационных захоронений, содержавших железные мечи, кинжалы, наконечники копий, бронзовые кольца и фигурки козла, стеклянные бусы и серебряную кесарийскую монету Адриана (117—138 гг.), сведения о которых опубликовал А. В. Комаров (275; 276, с. 1). В 1886 г. В. И. Сизов выделил в Сухумской крепости кладку римского времени; локализовав таким образом Себастополис (440, с. 13, 18, 19). В том же году П. С. Уварова отметила находку погребений с трупосожжением в окрестностях Пацхирского (Ольгинского) ущелья (Герзеульский м-к?) (511, с. 103—104). В 1896 г. В. И. Чернявский опубликовал в «Черноморском вестнике» заметку о находке в Сухумской крепости плиты с надписью, подтверждавшей пребывание римского легиона Славия Арриана во II в. н. э. в Себастополисе. Эта надпись получила затем рассмотрение в работах М. И. Ростовцева (433, с. 12; 434, с. 4—6).

В 1904 г. в Гагре было разрушено несколько погребений, содержавших фибулы, браслеты, бусы, серьги и другие изделия, отнесенные А. А. Спицыным к V в. н. э. (476, с. 103—107). В 1907 г. А. А. Миллер обследовал крепость Цибилуим, сделав ее первый обмер (372, с. 72—83,). В 1911 г. отсюда же вдовой генерала Краевича в Археологическую комиссию был переслан медный саркофаг (Архив ЛОИА АН СССР, д. № 251 за 1911 г.), а в 1914 г. в то время ставший директором Кавказского музея в Тифлисе ботаник Ю. Н. Воронов передал туда большую коллекцию предметов (топоры, мечи, наконечники копий, фибулы, бусы и т. д.) из погребений V—VII вв., разрушенных на Шапкинском могильнике. В 1915—1916 гг. А. Зотов (216) и А. А. Ростовцев (432, с. 18) опубликовали интересные сведения о памятниках Пицунды.

В 20-х годах текущего столетия большое внимание соответствующим памятникам было уделено со стороны сотрудников созданного вскоре после установления в Абхазии Советской власти Абхазского научного общества. В 1924 г. группа ученых в составе Н. Я. Марра, Б. В. Фармаковского, Д. П. Гордеева, Г. Г. Григора, Д. И. Гулия, С. М. Ашхацава, А. Л. Лукина и В. И. Стражева осмотрела крепость Шапку близ села Цебельда, признав крайне желательным начать

¹ История Византии, т. 1. М., 1967, с. 6, 26.

на месте осмотра археологические раскопки (110, с. 31). В 1925 г. В. И. Стражев опубликовал первые сведения об этой крепости, отнеся однако сделанные там находки к развитому средневековью (479, с. 161). В том же году экспедиция АБНО в составе А. С. Башкирова (руководитель), В. И. Стражева, М. М. Иващенко и А. Л. Лукина произвела первые археологические изыскания в Сухумской крепости, где выявила слои I—III вв. н. э., а также осуществила первые разведки на Пицундском городище и в цитадели Анакопии (42; 43, с. 5—59). В 1928—1929 гг. М. М. Иващенко и В. И. Стражев доставили в Сухумский музей из окрестностей Цибилиума несколько предметов (керамика, пряжки и др.) из разрушенных погребений IV—VI вв. (фонды АГМ). В 1931 г. М. М. Иващенко опубликовал сведения о Герзеульском кладе кесарийских монет (221).

В 1935 г. А. Н. Грен и И. Е. Адзинба доследовали несколько погребений V—VII вв. в урочище «Сушка» вблизи Нового Афона (фонды АГМ). В том же году А. И. Амираншвили (Болтунова) опубликовала интересный комплекс золотых, серебряных, бронзовых и железных предметов из села Тагилони (99, с. 1—78). Тогда же работавший в составе экспедиции ГАИМК Б. Б. Пиотровский в своих путевых записях отметил и крепость на горе Бат (Азанта). В 1938—1939 гг. Л. Н. Соловьев доследовал несколько позднеантичных захоронений в окрестностях Цибилиума. В 1941 г. А. Л. Лукин в работе о бронзовой культуре Бзыбской Абхазии опубликовал несколько предметов VI—VII вв. (336). На этом закончился начальный, стихийный этап накопления сведений о памятниках I—VII вв. в Абхазии.

Дальнейшее изучение рассматриваемых памятников на территории Абхазии шло двумя слабо связанными друг с другом путями, отражающими специфику исследуемых объектов. В одном случае это исследования памятников материальной культуры местных племен, в первую очередь Апсилии, а во втором — раскопки римско-византийских укреплений на побережье.

В 1945 г. И. А. Гзелишвили и С. В. Воронова произвели первые раскопки на Шапкинском могильнике. Всего было выявлено 12 кремационных погребений, содержащих большое число керамических изделий, оружия, украшений. Собраны были также сведения о захоронениях того же времени у Цибилиума и в Чхалте (56). В 1949 г. Б. А. Куфтин опубликовал коллекцию ботаника Ю. Н. Воронова из Кавказского музея, датировав ее VI—VII вв. (302, с. 93—95). В 1954 г. И. Четверухин по рекомендации Е. И. Крупнова передал в Государственный исторический музей богатую коллекцию предметов (монеты, украшения, оружие и др.) из доследованных им на Шапкинском могильнике погребений II—VII вв. (ГНМ, инв. № 84974). В 1959 г. керамику из раскопок И. А. Гзелишвили опубликовала К. И. Бердзенишвили (61, с. 95—108). В том же году цебельдинский школьник Ю. Н. Воронов передал в Абхазский государственный музей более 1000 предметов из погребений, разрушенных в результате пахоты и эрозии почвы на Шапкинском могильнике. Эта коллекция

привлекла внимание научной общественности (407, с. 29) и в 1960 г. в окрестностях Цебельды начала свою работу экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР в составе М. М. Трапша (руководитель), Ю. Н. Воронова и В. С. Орелкина. В 1962—1967 гг. в составе этой экспедиции работали также Г. К. Шамба, М. М. Гунба, В. Б. Ковалевская, О. Х. Бгажба, А. С. Четверухин. В ходе семилетних исследований было раскопано около 200 погребений, характеризовавших пять семейных могильников, получивших условные наименования Абгидзраху, Ауахуамаху, Ахьяцараху, Алраху и Ахаччарху, расположенных северо-восточнее крепости Шапка соответственно на холмах Стеклянном, Церковном, Верином, Монетном и Грушевом. Помимо участия в раскопках этих могильников Ю. Н. Воронов в 1960—1964 гг. работал над составлением археологической карты древней Цебельды (415, с. 5) в ходе работы над которой выявил здесь серию поселений, крепостей и могильников позднеантичного времени (Шапка, Цибилиум, Ахыста, Бат, Апушта, Верхняя Юрьевка и др.). В 1964 г. он, возглавляя экспедицию Абхазского совета Грузинского общества охраны памятников культуры, зафиксировал крепость, поселение и могильник в урочище Лар (Азантская долина). В том же году Ю. Н. Воронов передал в Государственный Эрмитаж инвентарь 20 погребений III—VII вв., доследованных им на Абрамовом холме вблизи крепости Шапка.

Интереснейшие материалы из Цебельды сразу же получили широкую огласку в научном мире и дали основание выделить здесь особую цебельдинскую позднеантичную археологическую культуру. В 1961 и 1963 гг. М. М. Трапш опубликовал предварительные итоги своих исследований в Цебельде в 1960—1962 гг. (499, с. 258—277; 501, с. 187—190; 507, с. 45—47). В марте 1962 г. Ю. Н. Воронов сделал доклад о находках в Цебельде в ЛОИА. В 1964 году цебельдинские материалы уже подробно рассматривались в монографии З. В. Анчабадзе (18, с. 214—219). В том же году К. В. Голенко описал находки монет в цебельдинских погребениях, попутно рассмотрев все позднеантичные монетные находки в Абхазии (160, с. 65—67), а Л. А. Ельницкий посвятил специальный экскурс серебряному медальону с изображением Горгоны из могильника Ахаччарху (200, с. 144). В 1965—1967 гг. комплексным изучением последнего могильника занимался Г. К. Шамба, посвятивший ему ряд статей (573; 576; 582; 584; 585) и свою кандидатскую диссертацию (574). В 1966 г. А. К. Амброз в своей монографии, посвященной фибулам юга Европейской части СССР, провел предварительную классификацию фибул древней Цебельды (12, с. 50—57).

В 1966 г. Ю. Н. Воронов зафиксировал позднеантичные укрепления и поселения на склонах горы Пал и в ущелье Учкура. В 1966—1967 гг. М. М. Трапш завершил исследования некрополя Ахьадараху. Г. К. Шамба в 1967 г. произвел разведки позднеантичных памятников в районе сел Хейвани и Леселидзе, а Ю. Н. Воронов — в урочище Лар (с. Азанта). Результаты этих исследований

были доложены на конференции, посвященной итогам полевых исследований в Грузии в 1967 г. В 1966—1967 гг. Ю. Н. Вороновым были выявлены многочисленные поселения позднеантичного и раннесредневекового времени в ущелье Гумисты (Каманы, Отсюш, Ахипса и др.). В 1968—1969 гг. М. М. Гунба раскопал до 30 погребений на склонах горы Апианча (пос. Марамба у Цебельды) (180), а в 1970 г. он проводил исследования могильников цебельдинской культуры в с. Атара Армянская (46), где эти памятники были выявлены еще в 50-х годах местным краеведом В. И. Воротниковым.

В 1969 г. Ю. Н. Воронов в своей монографии «Археологическая карта Абхазии» дал описание более 100 позднеантичных памятников Абхазии, среди которых впервые в литературе описывались многие десятки могильников, поселений и крепостей этого времени (Бароновка, Лапста, Бегерепста, Гагра, Ачандара, Анухва, Веселовка, Сушка, Чинталук, Каман, Ахипса, Гума, Отсюш, Чацкал, Герзеул, Шапка, В. Юрьевка, Цибилиум, Ахыс, Лар, Бат, Апушта, Пал, Учкур, Пскал, Тамыш, Очамчира и др.) (121, с. 43—69, 76—77). Первоначальные рамки раздела были определены I—IV вв. Однако в связи с тем, что в основу этого распределения материалов легла традиционная хронология, претерпевшая в последующие годы коренной пересмотр в сторону упозднения большинства комплексов на 200-250 лет, в соответствующий раздел книги фактически вошли памятники I—VII вв. В 1970 г. Ю. Н. Воронов, А. С. Вознюк и В. А. Юшин опубликовали более 300 предметов из 30 захоронений IV—VII вв. из Апушты (124, с. 175—190). В 1971 г. Ю. Н. Воронов в своей диссертационной работе, посвященной древней Абхазии, обобщил все известные к тому времени материалы об Апсилии I—VII вв. (126, с. 26—27). В том же году он и В. А. Юшин опубликовали статью о погребении VII в. н. э. из Цебельды, сдвинув тем самым окончательно дату позднейших памятников Апсилии с V по VII век (149).

В 1970 г. вышла из печати книга Г. К. Шамба, посвященная анализу материалов из могильника Ахаччарху (572, с. 1—110). В научный оборот было введено свыше 200 предметов из 44 захоронений II—VII вв. В следующем году была опубликована монография М. М. Трапша, посвященная результатам раскопок в Цебельде в 1960—1965 гг. (494, с. 1—255). В книге рассмотрен инвентарь 81 погребения, включавший 743 предмета из четырех семейных кладбищ (Абгызраку, Ахьацараку, Ауахуамаку и Алраку). Результаты исследований М. М. Трапша в Цебельде в 1966—1967 гг. (280 предметов из 43 захоронений), а также результаты его разведок в 1951 г. в Гагрском районе были опубликованы в 1975 г. (495, с. 1—87, 174—175).

В 1970 г. Ю. Н. Воронов выявил новые памятники Цебельдинской культуры в с. Верхняя Эшера, в урочище Апушта, у крепости Шапка и в урочище Лар (141, с. 378). В 1971 г. он продолжал разведки позднеантичных памятников у Шапки, в Апуште, в Герзеуле (142, с. 472), а в 1972 г. в Азантской долине,

у Цибилума и в селе Аацы (122, с. 421—422). В 1971 г. А. К. Амброз опубликовал работу о раннесредневековой хронологии Восточной Европы, выделил в развитии памятников Абхазии I—VII вв. семь этапов, определил наиболее характерные для каждого этапа типы вещей (10, с. 106—110). К материалам из Цебельды А. К. Амброз обращается и в других своих работах (9а; 11; 13). В 1972 г. Ю. Н. Воронов опубликовал материалы V—VI вв. н. э. из Эшерского городища (135, с. 111). В 1973 г. Ю. Н. Воронов и В. А. Юшин издали инвентарь 15 цебельдинских захоронений VI—VII вв., включавший около 400 предметов (148, с. 171—191). В 1974 г. Г. К. Шамба опубликовал результаты своих исследований в Северо-Западной Абхазии в 1967 г. (571, с. 48—65), М. К. Хотелашвили рассмотрела серию земледельческих орудий позднеантичного времени (532, с. 27—47), а Ю. Н. Воронов опубликовал две статьи, посвященные торговым связям Апсилии (на примере стеклянной посуды) в IV—VII вв. (130, с. 74—78) и позднеантичным памятникам с. Азанта (140, с. 204—210). В 1975 г. была опубликована книга Ю. Н. Воронова, в которой подведены были итоги 30-летних исследований памятников Апсилии. В этой работе получили детальное рассмотрение поселения, крепости, могильники, дороги, сельское хозяйство, промыслы, ремесла, торгово-экономические и культурные связи, военное дело, социальные отношения, погребальные обряды, религия, одежда, украшения, искусство, основные этапы исторического развития населения центральной Абхазии I—VII вв. (147, с. 1—161).

Значительное число позднеантичных памятников, без учета которых характеристика материальной культуры Абазгии и Санигии была бы неполной, известно с территории соседнего Сочинского района. В этом отношении интересны работы Е. П. Алексеевой (7), Т. В. Блаватской (96), И. Б. Брашинского (102; 103), М. И. Ивановой и П. М. Голубева (218), В. Г. Луконина (339), К. М. Скалон (441), Г. К. Шамба (581), а также упомянутые выше работы А. К. Амброза, А. А. Миллера, В. И. Сизова, А. А. Спицына.

В 1951 г. была создана Абхазская историко-археологическая экспедиция института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР (ИИД) под общим руководством академика Н. А. Бердзенишвили. Историко-археологический отряд этой экспедиции, руководимый И. А. Гзелишвили и М. М. Трапшем, провел археологические разведки на Пицундском городище (503, с. 172—174). Летом 1952 г. Институт истории им. Джавахишвили и Абхазский институт языка, литературы и истории приступили к планомерным раскопкам Пицундского городища. Первый же год исследований дал блестящие результаты — были выявлены развалины храма IV века с мозаикой, храм VI века, часть оборонительных стен и башен, многочисленные культурные остатки первых веков н. э. В работах этого года принимали участие А. М. Апакидзе (руководитель экспедиции) (122, с. 31—33), М. М. Трапш, И. Н. Цицишвили, исследовавший раннехристианские храмы (556, с. 33—34), Д. А. Хахутайшвили, проводивший

раскопки в северо-восточной части крепости (529, с. 33—34), Т. С. Каухчишвили, изучавшая греческие надписи Питиунта (257, с. 35), и др.

В последующее двадцатилетие раскопки Пицундского городища успешно продолжались. До 1974 г. ими руководил А. М. Апакидзе. В ходе этих работ были вскрыты несколько башен, коллектор, баня, хранилища для зерна и других продуктов, жилые и хозяйственные здания, еще один храм VI в., ряд памятников в окрестностях городища (башня и стена у озера Инкит, храмовый комплекс в Алахадзы, дваапсидный храм в роще и т. д.), огромное число разнообразных экспонатов, среди которых золотые, серебряные, бронзовые и железные изделия, обломки стеклянной посуды, монеты, свинцовые печати-моливдовулы и т. д. Результаты исследований древнего Питиунта и его окрестностей нашли свое отражение в многочисленных публикациях как общего характера (3, с. 63—64; 20, с. 67—70; 27; 30; с. 12; 31, с. 55—61; 32, с. 63—64; 34, с. 27—28; 35, с. 44—45 и др.), так и посвященных частным вопросам. Среди последних необходимо отметить работы О. Д. Лордкипанидзе — классификация и хронология краснолаковой керамики из Пицунды (333, с. 231—255), раскопки башни и стены у озера Инкит (334, с. 97—106), Р. М. Рамишвили — раскопки на III участке городища (428—430), публикация двух бронзовых статуэток (431, с. 133—135), Д. Г. Капанадзе — экономические связи Питиунта (251), нумизматические находки (253—255), Л. А. Мацулевич — исследование мозаичного пола в храме IV в. (360, 361), В. А. Леквинадзе — исследование оборонительных сооружений и храмов Питиунта (313; 315; 319; 320), Т. К. Микеладзе — изучение дваапсидной церкви (374, с. 125—131), О. С. Гамбашидзе — результаты раскопок на VI и VII участках городища (153—155). А. Л. Цицишвили — исследование остеологического материала (550, 551), К. И. Бердзенишвили — изучение краснолаковой (60, с. 123) и другой керамики, Г. Ф. Дундуа — нумизматические находки (193), Н. Н. Угрелидзе — стеклянная посуда (514, с. 105—107), З. В. Агрба — раскопки базилики в с. Алахадзы (4, с. 149—161), В. Цинцадзе — проблемы консервации и реставрации (549) и др. В 1975 г. вышел из печати I том трудов Пицундской археологической экспедиции, в котором опубликованы богатейшие материалы из раскопок Питиунта, в том числе каталоги амфор, кухонной посуды, монет и др. Монография подготовлена коллективом авторов: А. М. Апакидзе — история исследований и другие вопросы (23, с. 13—126), Р. В. Путуридзе — итоги раскопок центральной части кастелла (425, с. 127—160), В. В. Николайшвили — результаты исследований на XIX раскопе и в центральной части кастелла (385, с. 161—182), О. Д. Лордкиланидзе — результаты исследований на XIII раскопе кастелла (335, с. 183—198), Л. В. Асагиани — кухонная посуда Питиунта (36, с. 201—251), К. И. Бердзенишвили и Р. В. Путуридзе — каталог пицундских амфор (62, с. 252—279) и Г. Ф. Дундуа — монетное обращение и экономические связи Питиунта по нумизматическим данным (191, с. 280—429).

Фактически в том же 1952 году были начаты и исследования в другой римской крепости Абхазии — Себастополисе. Тогда М. М. Трапш провел первые раскопки в Сухумской крепости (498). В 1954 г. он раскопал позднеримскую сторожевую башню на северо-западной окраине Сухуми (Одынец) (491, с. 113—116). В 1958 г. Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе приступили к расчистке римских укреплений у Сухумской крепости (474, с. 45—47).

В 1959 г. эти работы были продолжены совместной экспедицией Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР в составе М. М. Трапша (руководитель), Л. Н. Соловьева и В. С. Орелкина (504, с. 43—45), Института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР под руководством А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе и в составе Д. Г. Капанадзе, К. И. Бердзенишвили, Р. В. Путуридзе, А. В. Бочохадзе, Г. Ф. Дундуа, М. К. Хотелашвили, Л. В. Асатиани и др. (26, с. 35—42) и Государственного музея Грузии (В. А. Леквинадзе). В ходе исследований были вскрыты остатки трех кастелл II—VI вв., фундаменты хозяйственных и жилых помещений, печь для обжига керамических изделий, колодец, многочисленные обломки стеклянных сосудов, бронзовых и железных предметов, фрагменты амфор, кухонной и столовой посуды, монеты и т. д. Результаты исследований Себастополиса получили затем отражение в работах А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе (24; 25, с. 209—235), М. М. Трапша (505, с. 236—252; 491, с. 294—362), Л. Н. Соловьева и Л. А. Шервашидзе (602; 606), В. А. Леквинадзе (313; 314; 320), К. В. Голенко (160; 161), Т. С. Каухчишвили (258), Л. А. Ельницкого (199), Р. В. Путуридзе (426, с. 95—106), Ю. Н. Воронова (121; 134), М. К. Хотелашвили (534) и др.

Из других работ, так или иначе касающихся римско-ранневизантийских памятников на побережье Абхазии, необходимо отметить монографии Г. А. Меликишвили (367, с. 375—391), З. В. Анчабадзе (18, с. 196—200), Ш. Д. Инал-ипа (241, с. 110—114) и М. П. Инадзе (238), «Очерки истории Абхазской АССР» (391) отчеты П. П. Закарая и В. А. Леквинадзе о раскопках римской кастеллы в Гудае в 1970—1972 гг. (205, 206), статьи В. А. Леквинадзе (310; 318; 319), М. М. Гунба (183), О. Х. Бгажба (52), Л. А. Шервашидзе (601), А. Л. Якобсона (617), В. П. Пачулия (403; 405; 406; 407; 413; 414 и др.).

Глава IV. Феодальная эпоха

Одним из важнейших исторических периодов, пережитых Абхазией, является средневековье — эпоха утверждения феодальных отношений, господства христианской идеологии, ее вхождения в состав таких крупных государственных образований как Абхазское Царство VIII—X вв. и Объединенное Грузинское царство XI—XIII вв., формирования абхазской народности и т. д. В настоящем разделе рассматривается история изучения археологических и архитектурных памятников Абхазии VIII—XVII вв.

Первые сведения о средневековых памятниках Абхазии относятся к XVII столетию. Большое число крепостей, храмов, населенных пунктов (Илори, Бедиа, Моква, Дранда, Сатамашо, Царче, Келасурская стена и др.) упоминается в работах итальянских миссионеров А. Ламберти (307), И. Цампи, Каstellи, французского путешественника Ж. Шардена (589), русского посла Ф. Елчина (424, с. 206—216) и др. Важные данные содержатся и в работе грузинского историка и географа XVIII столетия Вахушти (112). К началу XIX в. относятся работы С. Броневского (105, с. 241—295) и Г. Гамбы (152), где также упоминаются отдельные архитектурные памятники. В 1833 г. обмерами и описанием архитектурных памятников Абхазии занимался швейцарский ученый и путешественник Ф. Дюбуа-де-Монпере, в работе которого нашли отражение Гагрские крепости и храм, Пицундский храм, храмы Айлага-абыку и Лыхны, Анакопия, храм Симона-Кананита, Эшерский храм, Сухумская крепость, церковь «Охваме» в Сухуме, Келасурская стена, Драндский собор, Илорский храм и др. (197, с. 93—165).

К 1838 г. относится перечень 43 архитектурных памятников Абхазии, составленный А. Нордманом (390). Описание ряда таких памятников содержится и в трехтомном сочинении М. Броссе (618—619). Очень важны зарисовки, принятые во второй четверти XIX столетия художниками Г. Г. Гагариным и братьями Чернецовыми. В 40-х годах того же века ряд памятников был обмерен архитектором Норовым (Пицунда, Лыхны, Дранда и др.) (483, рис. 59, 60). В 1859, 1860, 1865 и 1866 гг. поездки по Абхазии совершал Д. З. Бакрадзе.

В его работах дан ценный обзор местных памятников христианства (ряд храмов, бедийская золотая чаша и др.) (39). К тому же периоду относится и публикация Н. М. Мурзакевича о Пицунде (380, с. 420).

Важную роль в изучении средневековых древностей Абхазии сыграл V археологический съезд (Тифлис, 1881 г.) В протоколах его подготовительного комитета В. И. Чернявский и А. Н. Введенский дали описание многочисленных, в основном средневековых, памятников, часть которых упоминалась в литературе впервые (563, с. 14—24; 113, с. 126—130). Позднее В. И. Чернявский дополнил эти сведения новыми материалами (565, с. 252—261). В 1872 г. по поручению Одесского музея поручик Шишков путем взрыва в крепости Сатамашо добыл несколько черепков глиняных изделий (113, с. 126). В 1885 г. полковник Цилосани при шурфовке Келасурского храма обнаружил склады древних икон и обломки колокола с латинской надписью (Архив ЛОИА, д. № 6а, 1866 г.). Особенно результативными были раскопки В. И. Сизова, произведенные им по поручению Московского археологического общества в 1886 г. в Сухуме — на месте средневекового Цхуми, у устья Беслетки, в «Старом Сухуме» и др. (440, с. 9—49). В том же году П. С. Уварова раскопала два храма в Цебельде (Полтавский и Ольгинский), а также описала большое число средневековых памятников, в том числе Келасурскую стену (511, с. 79—153; 513, с. 7—34). В 1888 г. А. М. Павлинов по заданию Московского археологического общества обмерил и описал соборы в Дранде, Мокве, Илори и Бедиа, попутно собрал сведения о многих других средневековых храмах и крепостях Абхазии (392, с. 1—29). В 1865 г. архимандрит Леонид (Кавелин) опубликовал работу, в которой дал описание и фотографии многих средневековых христианских памятников (321). С некоторыми изменениями эта книга была переопубликована в 1898 г. И. Н. (Никитиным?) (237).

В 1893 г. Н. М. Альбов опубликовал первые записи сб ацангуарах — древних пастушеских поселениях в горах Абхазии (9, с. 144). В какой-то мере итогом исследований 80-90-х годов XIX в. может служить работа художника И. А. Владимирова (120, с. 1—20).

В 1903 г. Абхазию посетил известный французский путешественник и спелеолог Е. А. Мартель, который дал краткое описание храмов в Гагре, Цандрипше, Лыхны и др., снабдив его фотографиями и чертежами (623). В 1907 г. А. А. Миллер произвел раскопки двух храмов в Цибилиуме, храма в Тхубынской крепости и в Приморской башне Келасурской стены (372).

Многие памятники средневековой культуры получили отражение в серии изданных в начале XX столетия описательно-популяризаторских и научных изданиях. Особенно в этом отношении интересны труды А. Н. Дьячкова-Тарасова (196, с. 33—53), В. В. Латышева (308, с. 68—198), К. Д. Мачавариани (362—364), А. А. Ростовцева (432), Л. М. Меликсет-Бекова (370), М. М. Галашевского (151, с. 63—65), а также довольно многочисленные брошюры, издававшиеся монастырями в Пицунде (198), Новом Афоне (233), Дранде (2), Бедии (202).

Благоприятные условия для археологического изучения памятников Абхазии сложились сразу же после установления здесь в 1921 г. Советской власти. На первом съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, организованном по инициативе Абхазского научного общества в Сухуми в 1924 г. были заслушаны доклады Д. П. Гордеева об исследовании некоторых средневековых монументальных памятников Абхазии и М. М. Галашевского о мозаике Моквского собора, а также принята резолюция о составлении археологической карты Абхазии (110, с. 26—27). Много сведений о памятниках средневековой культуры содержится в опубликованных в тот период исторических очерках К. Кудрявцева (299) и Д. И. Гулиа (175).

В последующее десятилетие большая работа по изучению средневековых памятников была проделана членами АБНО М. М. Иващенко и В. И. Стражевым, а также по поручению АБНО А. С. Башкировым, С. Л. Коркуновым и др. В 1925 г. В. И. Стражев в целях составления археологической карты Абхазии свел воедино все известные ему сведения об архитектурных памятниках Абхазии (до 100 объектов) (479, с. 131—169). М. М. Иващенко в 1926 г. опубликовал две статьи, посвященные Келасурской стене (220, с. 61—89; 226, с. 125—127). Собрав воедино все известные факты, исследователь отнес стену к VI в., приписав ее строительство Юстиниану. В своей статье о Диоскуриаде М. М. Иващенко опубликовал попутно сведения о многих средневековых памятниках в окрестностях Сухуми (224, с. 93—104). В том же 1926 г. он обследовал крепость на Псху, которую отнес к позднему средневековью (227, с. 128—132). Тогда же С. Л. Коркунов дал довольно обстоятельное описание Джальской церкви (282, с. 133—134) и ряда памятников близ сел Тхина и Гуп (281, с. 131—132). В 1925 г. сбором сведений о ряде средневековых памятников (Сухумская крепость, замок Баграта, Пицундский храм, дворец в Лыхны, памятники Анакопии и др.) занимался А. С. Башкиров (42; 43; 44, с. 3—60).

В 1927 г., судя по архивным материалам, М. М. Иващенко и В. И. Стражев вели поиск в Кодорском ущелье (крепости Цибилиум, Лата, Чхалта, Герзеул, церкви в Чхалте и Амзаре и др.) (222, с. 12, 13). Тогда же визуальным обследованием средневековых крепостей Абхазии занимался И. Стеллецкий (222, с. 24—28). В 1928 г. М. М. Иващенко вел разведки средневековых памятников в ущельях Келасури (Нейдорф) и Гумисты (Каман, Гумбиху, Уаз-абаа и др.) (222, с. 29—36). Позднее М. М. Иващенко опубликовал собранные им сведения об ацангуарах (223).

Изучение средневековых памятников Абхазии в 30-40-х годах связано, в основном, с именами Л. Н. Соловьева и И. Е. Адзинба. Л. Н. Соловьев в 1933—1940 гг. обследовал большое число памятников архитектуры, написал несколько работ, к сожалению, в большинстве своем так и не увидевших света. Среди этих работ необходимо упомянуть описание Гагрской крепости (выделено три самостоятельных слоя, крепость сопоставлена с Трахеей), Анакопии (выделено два строительных яруса во второй линии обороны, ранний датирован VII в.)

и Келасурской стены (зафиксировано до 90 башен, выделено два строительных этапа: V—VI вв. и X—XII вв., высказана мысль о двухфронтной функции стены, строительство на раннем этапе приписано Лазике) (451). В 1934—1940 гг. И. Е. Адзинба провел большую работу по систематизации сведений о средневековых древностях Абхазии, уделив особое внимание исследованию Келасурской стены и ее связи с перевальными путями в Кодорскую долину. Относительно датировки стены он соглашался с М. М. Иващенко, а число ее башен определял в 2000 (6, с. 1—151). В 1935 году экспедиция ГАИМК под руководством А. А. Иессена обследовала ряд средневековых объектов, главным образом в ущелье Гумисты (232). Интересные средневековые материалы были выявлены в 1935—1936 гг. М. М. Иващенко, Л. Н. Соловьевым и Б. А. Куфтиным в верхнем слое Гиеноса северо-западнее Очамчиры (302; 303). Сведения о фресках в Бедийском, Лыхненском и Пицундском храмах публиковались Н. И. Толмачевской (481; 482). Специальную статью Беслетскому мосту посвятили Н. Чубинашвили и Л. Рчеулишвили (570). В 1940 г. была опубликована статья Г. Н. Чубинашвили о золотой чаше из Бедии (567, с. 1—16).

Исследования 40-х годов в силу известных обстоятельств носили случайный характер. В 1940 г. Л. Н. Соловьев в гроте Агца обследовал средневековое святилище с наскальными рисунками (456, с. 164). В 1945—1947 гг. Л. Н. Соловьев изучает оборонительные сооружения по р. Ингури (Оцарце и др.), которые были им датированы XVI—XVIII вв. (592, с. 273—274). В 1947 г. он в статье о древней и средневековой истории Сухума привел сведения о многих средневековых памятниках в окрестностях города (448, с. 138—144). В том же году серия крупнейших средневековых памятников Абхазии (Бедиа, Моква, Лыхны, Пицунда и др.) получила отражение в книге Н. П. Северова, в 1948 г. о Драндском храме писал Г. Н. Чубинашвили (569, с. 57), в 1949 г. фрескам Бедийского собора была посвящена небольшая статья Р. О. Шерлинг (612). О средневековых памятниках Абхазии (Моквское евангелие и др.) исследовательница писала и раньше (614). Об этих памятниках, как и о росписях в Пицундском и Лыхненском соборах, упоминал В. Н. Лазарев (306, с. 136, 185, 186).

Сведения о средневековой культуре Абхазии были значительно пополнены исследователями 50-х годов, когда впервые было обращено внимание на раскопки бытовых памятников. Основная роль в этих работах принадлежала М. М. Трапшу. В 1951 г. он в качестве сотрудника Абхазской экспедиции, руководимой Н. А. Бердзенишвили, обследовал ряд средневековых памятников в Гагрском и Гудаутском районах (527, с. 8). В 1952 г. М. М. Трапш отметил в Сухумской крепости два средневековых культурных слоя соответственно XI—XIII и XVI—XVIII вв. (498, с. 206—207). В 1954—1956 гг. М. М. Трапш заложил несколько раскопов в замке Баграта, строительство которого отнес к X в. (50, с. 124—125). В 1955—1956 гг. он вел разведки средневековых памятников в Очамчирском и Гудаутском районах (527, с. 8). В 1957—1958 гг. в Анакопии

работала комплексная археологическая экспедиция, в которой работали М. М. Трапш (руководитель), О. Д. Лордкипанидзе, Л. Н. Соловьев (зам. руководителя), В. А. Леквинадзе, Ш. Д. Инал-ипа, Л. А. Шервашидзе, В. П. Пачулия, В. В. Бжания, В. С. Орелкин и др. Раскопками в крепости были установлены три средневековых культурных слоя — VII в., VIII—IX вв. и X—XII вв. (484, 485).

В 1958—1959 гг. при раскопках Сепастополиса были выявлены довольно выразительные материалы, характеризующие историю города в развитом и позднем средневековье (606). В 1959 г. М. М. Трапш, В. П. Пачулия и В. С. Орелкин вели разведки средневековых памятников в Очамчирском и Гальском районах (528, с. 8). в 1957 г. Л. А. Шервашидзе произвел раскопки храма в с. Одиши (Акапа), который датировал XIV веком (608, с. 115—120, табл. I—XII). Из других работ 50-х годов, посвященных тем или иным средневековым объектам Абхазии, следует отметить труды К. Берулава (80), Г. В. Алибегашвили (8, с. 5—10), Ц. Габашвили (о порталах Бедийского собора) (150, табл. 52, 53), Р. О. Шмерлинг (610; 611), В. П. Пачулия (414), А. В. Кравченко и Н. И. Караманишвили (291), Т. Барнавели (41), З. В. Анчабадзе (17, с. 196—202).

В 60-х — первой половине 70-х годов исследования средневековых памятников Абхазии успешно продолжались. В первую очередь следует отметить работы Л. А. Шервашидзе — им раскопано до десятка средневековых храмов -Целкари-Ацкар (раскопки 1962—1963 гг.) (609), Вороновская церковь (раскопки 1964—1965 гг.) (596—597), Мапаш-охваме (раскопки 1966 г.) (595), храм святого Николая (раскопки 1967 г.), Амбара (раскопки 1968—1969 гг.) (599), Отапский храм (раскопки 1970—1971 гг.) (45, с. 464; 46, с. 370), Айлагабыку (раскопки 1972—1973 гг.) (593, с. 441; 603), Аба-ата (раскопки 1973—1975 гг.) (604, с. 464—465), совместно с Л. Н. Соловьевым пройдены отдельные участки Келасурской стены (1964 г.) (50, с. 127), раскопана крепость «Старый Сухум» (раскопки 1973 г.) (594, с. 92—95), опубликованы статьи о фресках храмов Пшаури и Мапаш-Охваме (595), о столбе из Анухвы (607) и книга о средневековых росписях Абхазии (600), которым посвящена в основном и его докторская диссертация (598).

В 1963 г. А. К. Кацья издал книгу об Илорском храме (261). В 1964 г. он вместе с В. С. Орелкиным раскопал вблизи Нового Афона два храма X в. — Мсыгхуа и Ачанхуа (282). Позднее он проводил исследования храмов в Амзаре и в Бзыбской крепости. В 1964 г. М. М. Трапш и Ю. Н. Воронов произвели раскопки трех средневековых домовищ в окрестностях Цебельды (495, с. 216). В последнее десятилетие археологическим изучением средневековых памятников Абхазии занимался О. Х. Бгажба. В 1967 г. он опубликовал две работы, посвященные металлургии в средневековой Абхазии (53, с. 213—220) и истории изучения средневековых памятников края (50, с. 115—128). В 1969—1970 гг. он проводил раскопки в Замке Баграта (47; 49, с. 255—260). В 1971—

1972 г. О. Х. Бгажба вел исследования раннесредневековой крепости и храма в с. Арасадзых (45, с. 441; 51, с. 66—77), в 1973 г. он раскопал древний храм в Герзеульской крепости (593, с. 44). В 1972 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную памятникам Абхазии VI—XIII вв. (52).

Большую работу по изучению средневековых памятников Абхазии проделал созданный в 1959 г. Абхазский совет Грузинского общества охраны памятников культуры. Необходимо отметить работы В. П. Пачулиа, связанные с систематизацией и популяризацией сведений о средневековых памятниках (403—416). Очень важны работы Ю. Н. Воронова. Уже в своей «Археологической карте Абхазии» он привел сведения о раннесредневековых крепостях Хашупсе, Герзеул и др. (121). В 1973 г. вышли две статьи Ю. Н. Воронова, посвященные датировке ацангуар, которые он датировал VI—X вв. (136, с. 30—40), и Келасурской стене, которую он первым всю обошел, обмерил, зафиксировал 273 башни, и отнес к XVII в. (129, с. 100—122). Большое число средневековых крепостей, храмов, поселений, остатков гончарных печей и других памятников выявлено Ю. Н. Вороновым в ходе его ежегодных разведок (122; 132; 133; 141; 142). Интересен и его очерк о раннесредневековых крепостях Абхазии (145, с. 80—82).

Важным событием явился выход в свет в 1975 г. IV тома Трудов М. М. Трапша, в котором нашли отражение многочисленные памятники средневековой культуры Абхазии — материалы раскопок Анакопии, замка Баграта, результаты его разведок (обмеры и описания крепостей, храмов, оград) 1951, 1955 и 1959 гг. в различных районах Абхазии (495). Особое место занимают работы В. А. Леквинадзе, посвященные вислой печати Константина Абасгского (310), посвященные средневековой Анакопии (318), Гантиадской (Цандришской) базилике (311; 312), храмам Пицунды (316) и др. В последнее время несколько интересных публикаций по раннесредневековым христианским памятникам сделали Л. Г. Хрушкова (535—537), А. Л. Якобсон (617), Г. Ф. Дундуа (190).

Из других работ разного времени необходимо отметить труды Р. О. Шмерлинг (613), Г. Н. Чубинашвили (568), Ш. Я. Амиранашвили (14), Ш. Д. Инал-ипа (241; 242), В. А. Кузнецова (300), Л. Д. Рчеулишвили (435—437), Т. Бер-адзе (56—58), В. Б. Левинтаса (622), И. Варсимашвили (111) и др.

Заключение

Как мы видим, изучение археологических памятников Абхазии имеет уже довольно значительную историю. Подвижнический труд археологов — ученых и краеведов, вложенный во многие десятки памятников и получивший необходимое отражение в публикациях, поможет решению ряда вопросов древней истории и культуры края. В накоплении знаний о древностях Абхазии на основе вышеизложенного может быть выделено несколько этапов.

Первый этап, продолжавшийся весь XIX век вплоть до 1879 года, характеризуется постепенным ростом интереса к древностям Абхазии — идет предварительное накопление фактов, сбор отдельных, лишенных всякой системы сведений.

На втором этапе (1880—1921 гг.) происходит зарождение местного исторического краеведения, проводится значительная работа по изучению средневековых архитектурных памятников, начинается изучение античных и средневековых поселений.

Третий этап (1921—1931 гг.) характеризуется деятельностью Абхазского научного общества, развернувшего систематические исследования археологических памятников края — создаются первые сводные работы по памятникам бронзовой и средневековой культур, выявляются первые дольмены.

На четвертом этапе (1931—1940 гг.) постепенно разворачиваются исследования Абхазского научно-исследовательского института краеведения и Абхазского государственного музея, на базе которых создается Абхазская археологическая экспедиция. В этот период открываются многочисленные стоянки каменного века, ведутся раскопки дольменов, проводятся первые новостроечные экспедиции (СухумГЭС, Очамчира).

На пятом этапе (1941—1950 гг.), несмотря на огромные трудности, вызванные войной, исследования древностей края продолжают — изучаются пещерные могильники, открывается местная неолитическая культура, издаются интересные работы, отражающие достижения предшествующего этапа.

Шестой этап (1951—1965 гг.). Происходит наращивание темпов археологического изучения Абхазии — начинаются систематические раскопки во всех ее

районах, исследуются стоянки каменного века, поселения и могильники бронзовой эпохи, поселения, крепости и могильники эпохи греческой колонизации и римской экспансии на побережье, средневековые городища, крепости, храмы. На базе Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа формируется постепенно коллектив местных археологов.

Седьмой этап, охватывающий последнее десятилетие, характеризуется небывалым фронтом систематических исследований по всем направлениям археологической науки. Особенно значительные успехи достигнуты в изучении стоянок каменного века в Кодорском ущелье и Центральной Абхазии, поселений бронзового века, памятников эпохи греческой колонизации, римских городов-крепостей, позднеантичной Апсилии, культуры средневековой Абхазии. В этот период создается серия обобщающих работ по археологии края («Археологическая карта Абхазии», монографии по палеолиту Абхазии, по памятникам Сухума и Цебельды и др.).

Сделано очень много. Но предстоящая работа неизмеримо объемнее. И чтобы дальнейший путь был успешным, полезно иногда оглядываться назад, окидывая взором пройденное со всеми его ошибками и успехами. Именно такую задачу, в первую очередь, и ставили перед собою авторы, берясь за осуществление настоящей работы.

Библиографический указатель

1. Абрамишвили Т. Я. Западногрузинские монеты (кирманеули). Тбилиси, 1959.
2. Агафодор, епископ. Успенско-Драндский общежительный монастырь Абхазии на Кавказе близ Сухума (историко-археологическое описание). Ставрополь, 1901.
3. Агрба З. В., Апакидзе А. М., Апакидзе Г. А., Асатиани А., Гаприндашвили Г., Дундуа Г. Ф., Карашвили М., Матиашвили Н., Павленишвили Л., Цухишвили И. Пицундская археологическая экспедиция, «ПАИ-1972», 1973.
4. Агрба З. В. Раскопки раннесредневековой базилики в селе Алахадзы Гагрского района, «Мацне (СИАЭНИ)», 3, 1972.
5. Адамия И. Грузинское народное зодчество, II. Тбилиси, 1968.
6. Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
7. Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века, ТКЧНИИ, IV, Ставрополь, 1963.
8. Алибегашвили Г. В. Рельефная плита из окрестностей Сухуми, САНГ, XII, 8, 1951.
9. Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии. «Живая старина», III, СПб., 1893.
- 9а. Амброз А. К. Предисловие к книге Ю. Н. Воронова «Тайна Цебельдинской долины». М., 1975.
10. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 2, 1971.
11. Амброз А. К. (рец.).
12. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ. Д1—30. М., 1966
13. Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв., автореф. докт. дисс., М., 1974.
14. Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1963.
15. Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А. Вековая и нерушимая дружба братских грузинского и абхазского народов. Тбилиси, 1969.
16. Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А. Дружба извечно нерушимая. Сухуми, 1972.
17. Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв), Сухуми, 1952.
18. Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.
19. Анчабадзе З. В. Мегрелия и Абхазия в XVII веке, автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1948.
20. Апакидзе А. М., Агрба З. В., Матиашвили Н. Отчет о полевых работах Бичвинтской археологической экспедиции в 1970—1971 гг. «НСПИПАИ-1971», 1972.

21. Апакидзе А. М., Бердзенишвили Н. З. Джапаридзе О. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А., Хоштария Н. В. Археология Грузии. Тбилиси, 1959.
22. Апакидзе А. М. Бичвинта. Результаты археологических раскопок 1952 г. «НСПИПАИ-1952», 1953.
23. Апакидзе А. М. «Великий Пителинт» — археологические раскопки в Пицунде, «Великий Пителинт», I. Тбилиси, 1975.
24. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса (раскопки Причерноморской археологической экспедиции Института истории АН Грузинской ССР в г. Сухуми в 1959 г.), ТАИ, XXXIII—XXXIV, 1963.
25. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы по археологии Диоскурии-Себастополиса, «Мацне (СИАЭИИ)», 3, 1965.
26. Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Отчет о работах Причерноморской археологической экспедиции в 1959 г. (краткое сообщение) «НСПИПАИ-1959», 1960.
27. Апакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги полевых исследований Причерноморской археологической экспедиции АН Грузинской ССР летом 1960 г. «НСПИПАИ-1960», 1961.
28. Апакидзе А. М. Об итогах новых археологических раскопок в Грузии, «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960.
29. Апакидзе А. М. Пицундская археологическая экспедиция. «ПАИ-1973», 1974.
30. Апакидзе А. М., Путуридзе Р. В., Лордкипанидзе О. Д. Археологические раскопки в Бичвинте в 1963 г.» «НСПИПАИ-1963», 1964.
31. Апакидзе А. М., Путуридзе Р. В., Рамишвили Р. М., Лордкипанидзе О. Д., Толордава В. Бичвинтская археологическая экспедиция в 1961—1962 гг., «НСПИПАИ-1962», 1963.
32. Апакидзе А. М., Путуридзе Р. Б. Итоги археологических исследований в Бичвинте в 1966 г. «НСПИПАИ-1966», 1967.
33. Апакидзе А. М. Развитие археологической науки в Советской Грузии. СА, 4, 1967.
34. Апакидзе А. М., Рамишвили Р. М., Путуридзе Р. В. Археологические раскопки в Бичвинте в 1965 г., «НСПИПАИ-1965», 1966.
35. Апакидзе А. М., Цицишвили Д. А., Путуридзе Р. Б., Табагуа Г. Г., Рамишвили Р. М. Археологические раскопки и геофизические исследования в Бичвинте, «НСПИПАИ-1964», 1965.
36. Асатиани Л. В. Кухонная керамика из Пицунды, «Великий Пителинт», I. Тбилиси, 1975.
37. Аутлев П. У., Дитлер П. А., Трапш М. М. Раскопки в районе гор. Майкопа в 1964 г. в связи с находкой майкопской плиты. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР», Баку, 1965.
38. Бадер Н. О., Крайнов Д. А. Раскопки Ацинской пещеры. «А0-1971», 1972.
39. Бакрадзе Д. З. Кавказ в древних памятниках христианства. «Записки общества любителей кавказской археологии», I. Тифлис, 1875.
40. Барнавели С. В. Мраморная стела со дна Черного моря, «XI научная сессия института истории грузинского искусства (тезисы докладов)», Тбилиси, 1956.

41. Барнавели Г. Памятники культуры Грузинской ССР. Тбилиси, 1959.
42. Башкиров А. С. Археологическая экспедиция (предварительное сообщение). Бюллетень АБНУ, № 9—10, Сухуми, 1925.
43. Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии за лето 1925 г. «Второй краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа», Батум, 1925.
44. Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г. ИАНО, IV, 1926.
45. Бгажба О. Х., Бжания В. В., Гунба М. М., Квициния В. К., Соловьев Л. Н., Цви-
нария И. И., Шамба Г. К., Шервашидзе Л. А. Археологические исследования в
Абхазии, «А0-1971», 1972.
46. Бгажба О. Х., Бжания В. В., Гунба М. М., Соловьев Л. Н., Шамба Г. К., Шерва-
шидзе Л. А. Археологические исследования в Абхазии. «А0—1970», 1971.
47. Бгажба О. Х. Дополнительные археологические разведки на горе Баграта.
«Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических
и этнографических исследований в 1970 г. в СССР». Тбилиси, 1971.
48. Бгажба О. Х. Еще раз о Сухумской крепости. «Алашара», 9, Сухуми, 1971.
49. Бгажба О. Х. Замок Баграта. «Кавказ и Восточная Европа в древно-
сти (памяти Е. Н. Крупнова)». М., 1973.
50. Бгажба О. Х. История изучения средневековых памятников Абхазии.
МАН, 1967.
51. Бгажба О. Х. Крепость Ачапара. МАИА, 1974.
52. Бгажба О. Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI—XIII вв.),
авто реф. канд. дисс. М., 1972.
53. Бгажба О. Х. О металлургии и металлообработке в средневековой Абхазии.
«Сборник научных работ аспирантов». Сухуми, 1967.
54. Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967.
55. Бельская Г. Ровесник Ура и Аккада на Днепре. «Знание — сила», 4 10, 1975.
56. Берадзе Т. Н. Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши.
«Историческая география Грузии», IV, Тбилиси, 1971.
57. Берадзе Т. Н. Из исторической географии Западной Грузии (Одиши вXII—
XVII вв.), автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1967.
58. Берадзе Т. Н. Карта Одиши первой половины XVII в., ТМ, 21, 1970.
59. Березин Н. И. Справочник по палеолиту СССР, М. -Л., 1936.
60. Бердзенишвили К. И. К изучению «краснолаковой» керамики Бичвинты (по
материалам раскопок 1952—1953 гг.). МАГК, III, 1973.
61. Бердзенишвили К. И. Позднеантичная керамика из Цебельды. МАГК, II, 1959.
62. Бердзенишвили К. И., Пугуридзе Р. В. Пицундские амфоры (каталог), «Великий
Питиунт», I, Тбилиси, 1975.
63. Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии с древней -
ших времен до начала XIX века. Тбилиси, 1946.
64. Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Мес -
хия Ш. А. История Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Тби -
лиси, 1962.
65. Бердзенишвили Н. З. Вновь открытые памятники древнекаменного века в Абха-
зии. «НСПИПАИ-1958», 1959.

66. Бердзенишвили Н. З., Габуния М. К., Дочанашвили Г. П., Капанадзе К. С., Хубутия Г. П., Церетели Л. Д. Исследование памятников каменного века в Причерноморье Грузии. «А0-1972», 1973.
67. Бердзенишвили Н. З., Габуния М. К., Церетели Л. Д., Хубутия Г. П. Причерноморская экспедиция. «А0-1974», 1975.
68. Бердзенишвили Н. З., Гзелишвили И. А. Новые данные о палеолите Абхазии. ТКИЧП, XVIII, 1961.
69. Бердзенишвили Н. З., Григолия Г. К. Об итогах полевой работы Причерноморской экспедиции за 1966 г. «НСПИПАИ-1965», 1966.
70. Бердзенишвили Н. З., Каландадзе И. С., Хубутия Г. П., Церетели Л. Д. Исследование памятников каменного века в Причерноморье Грузии. «А0-1973», 1974.
71. Бердзенишвили Н. З. Новые данные о палеолите Абхазии. ТАИ, XXX, 1959.
72. Бердзенишвили Н. З. Окумская верхнепалеолитическая стоянка. «А0-1969», 1970.
73. Бердзенишвили Н. З. Основные итоги полевых работ Причерноморской археологической экспедиции. «ПАИ-1972», 1973.
74. Бердзенишвили Н. З. Отчет о работе Причерноморской грузинской археологической экспедиции по изучению каменного века, 1961 г. «НСПИПАИ-1961», 1962.
75. Бердзенишвили Н. З. Палеолитические памятники Причерноморья Грузии (отчет о работе 1959 г.) «НСПИПАИ-1959», 1960.
76. Бердзенишвили Н. З., Хубутия Г. П. Пещерная палеолитическая стоянка Окуми-1 (краткое сообщение). МАИА, 1974.
77. Бердзенишвили Н. З., Церетели Л. Д., Каландадзе И., Хубутия Г. Итоги археологических работ Причерноморской экспедиции». «ПАИ-1973», 1974.
78. Береговая Н. А. Открытия палеолите в СССР (1958—1968). «Палеолит и неолит СССР», VII, МИА, 185, 1972.
79. Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, 81, 1960.
80. Берулава К. Исторические памятники Абхазии. Тбилиси, 1951.
81. Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии (эпоха энеолита и ранней бронзы), автореф. канд. дисс. М., 1966.
82. Бжания В. В. Исследование памятников каменного века и эпохи бронзы в Абхазии. «А0-1969», 1970.
83. Бжания В. В. История археологического изучения памятников энеолита и ранней бронзы в Абхазии. МАА, 1967.
84. Бжания В. В., Квицикия Б. К., Шенкао Н. К. Раскопки в Шубаре. «А0-1974», 1975.
85. Бжания В. В., Марковин В. И. Избранные труды М. М. Трапша. СА. 2, 1975.
86. Бжания В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1, 1966.
87. Бжания В. В. Могильник в Новых Гаграх. «Тезисы докладов научной сессии АГМ», Сухуми, 1964.
88. Бжания В. В. Охранные раскопки Мачарского поселения. «А0-1972», 1973.
89. Бжания В. В. Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии. «Кавказ и Восточная Европа в древности (памяти Е. И. Крупнова)». М., 1973.
90. Бжания В. В. Результаты обследования Гумистинского поселения в 1964 году. КСИА, 115, 1969.

91. Бжания В. В., Соловьев Л. Н. Раскопки поселения Кистрик, «АО-1972», 1973.
92. Бжания В. В. Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. «Сборник научных работ аспирантов». Сухуми, 1967.
93. Бжания В. В. Энеолитическое поселение на горе Гуад-иху. «Тезисы докладов научной сессии АГМ», Сухуми, 1965.
94. Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов (этнографические очерки). Сухуми, 1962.
95. Бжания Ц. Н. К вопросу изучения каменных построек ацангуара. ТАИ, XXX, 1959.
96. Блаватская Г. В. Стеклянная чаша с греческой надписью в Лоо.
97. Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М., 1962.
98. Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении. «Античный город». М., 1963.
99. Болтунова (Амиранашвили) А. И. Новая находка в низовьях Ингура. Тифлис, 1935.
100. Болтунова А. И. Колхидки. ВДИ, 4, 1973.
101. Бочкарев В. Колхида (нынешняя Кутаисская губерния). Кутаис, 1890.
102. Брашинский И. Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968.
103. Брашинский И. Б. Обследование античных памятников Северо-Восточного Причерноморья. «АО-1965», 1966.
104. Брашинский И. Б. Синопа и Колхида (К проблеме греческой колонизации Юго-Восточного Причерноморья), КБС, IV.
105. Брашинский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.
106. Бурчак-Абрамович Н. И. Ископаемые позвоночные пещер Кавказа.
107. Бурчак-Абрамович Н. И. Курины в фауне палеолита и мезолита СССР (преимущественно на Кавказе). «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологическая секция). Тбилиси, 1971.
108. Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии. «Пещеры Грузии», III, Тбилиси, 1965.
109. Бурчак-Абрамович Н. И. Фауна пещерных стоянок Южной Абхазии. «Труды IV Международного спелеологического конгресса в Люблянах», т. 4—5, 1965.
110. Бюллетень № 3 Распорядительного Комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, Сухум, 1924.
111. Варсимашвили И. Бедиа. ДМ, 31—32, 1973.
112. Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1941.
113. Введенский А. Н. Замечания на записку В. Чернявского. Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879.
114. Векилова Е. А. Ахштырская пещера на Кавказе. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологическая секция (дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971.
115. Векилова Е. А., Зубов А. А. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещ. фы. КСИА, 131, 1972.

116. Векилова Е. А. Зубчатое мустье Сочинского Причерноморья (по материалам Ахштырской пещеры). «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР». Ташкент, 1973.
117. Векилова Е. А. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг. КСИА, Ш, 1967.
118. Векилова Е. А. Находки нижнего палеолита на террасах р. Мзымта, КСИА, 117, 1969.
119. Векилова Е. А. Раскопки Ахштырской пещеры. «АО-1965», 1966.
120. Владимиров И. А. Древности Черноморского побережья Кавказа, СПб., 1900.
121. Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
122. Воронов Ю. Н. Археологические разведки в Абхазии. «АО-1972», 1973.
123. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. СА, 2, 1975.
124. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии СА, I, 1970.
125. Воронов Ю. Н. Вооружение древних абхазских племен в VI—I вв. до н. э. «Скифский мир», Киев, 1975.
126. Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии), автореф. канд. дисс., М., 1971.
127. Воронов Ю. Н. К вопросу об истории спорта в древней Абхазии. «Тезисы докладов 4-й научной конференции работников работников по физической культуре и спорту Абхазской АССР», Сухуми, 1968.
128. Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. ВДИ, 3, 1968.
129. Воронов Ю. Н. Келасурская стена. СА, 2, 1973.
130. Воронов Ю. Н. К истории экономических связей Апсолии в IV—VII вв. (привозная стеклянная посуда из Цебельды). КСИА, 138, 1974.
131. Воронов Ю. Н. Краткий очерк археологии Клухорского перевального пути. «Алашара», 1, Сухуми, 1969.
132. Воронов Ю. Н. К уточнению интерпретации одного сведения Прокопия Кесарийского о строительной деятельности Юстиниана в Причерноморье «Тезисы докладов XV научной конференции Института археологии Украины», Киев, 1972.
133. Воронов Ю. Н. Материалы к туристскому освоению Военно-Сухумской дороги. «Вопросы развития туризма», Сухуми, 1973.
134. Воронов Ю. Н. Материальная культура гениохийских племен в V вв. до н. э. (к постановке проблемы). «Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии (к 100-летию Д. И. Гулиа). Сухуми, 1974.
135. Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище. СА, I, 1972.
136. Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуаров. СЭ, 6, 1973.
137. Воронов Ю. Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады). «Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии, к 100-летию Д. И. Гулиа). Сухуми, 1974.
138. Воронов Ю. Н. Памятники материальной культуры Грузинской ССР и их районирование в целях рекреации. «Обзорные научные статьи по туризму и экскурсиям». Сухуми, 1975.

139. Воронов Ю. Н. Первая монография о палеолите Абхазии. «Алашара» 3, Сухуми, 1972.
140. Воронов Ю. Н. Позднеантичные памятники села Азанта. ТАГМ, IV, Сухуми, 1974.
141. Воронов Ю. Н. Разведки в Абхазской АССР. «АО-1970», 1971.
142. Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. »АО-1971, 1972.
143. Воронов Ю. Н. Районирование археологических памятников Кавказа в целях рекреации. «Обзорные научные статьи по туризму». Сухуми, 1975.
144. Воронов Ю. Н. Ранненеолитическое поселение у с. Цебельда в Абхазии. СА, 1, 1970.
145. Воронов Ю. Н. Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.). «Мацне (СИАЭИИ)», 3, 1975.
146. Воронов Ю. Н. . Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Археологические | разведки в бассейне р. Мзымта, «АО-1969», 1970.
147. Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
148. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. СА, 1, 1973.
149. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии. КСИА, 128, 1971.
150. Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре. Тбилиси, 1955.
151. Галашевский М. М. Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества, IV. М., 1912.
152. Гамба Г. Путешествие по Южной России и Закавказским провинциям в 1820—1824 гг., I. Париж, 1826 (перевод Н. А. Данкевич-Пушиной, фонд Абх. ИЯЛИ, д. № 50).
153. Гамбашидзе О. С. Бичвинта (итоги раскопок 1956 г. на VII участке археологической экспедиции), МАГК, IV, 1965.
154. Гамбашидзе О. С. Предварительный отчет об археологических раскопках, проводимых в VI раскопе в 1956—1957 гг., МАГК, М., 1963.
155. Гамбашидзе О. С. Итоги раскопок на VII участке Бичвинтского городища в 1958 г. «НСПИПАИ-1958», 1959.
156. Гзелишвили И. А. Остатки кремации, погребенные в сосудах в Абхазии. САНГ, 1—2, 1947.
157. Гицба Т. Ш. Памятники и памятные места Абхазии. Сухуми, 1975.
158. Гицба Т. Ш. Сухуми — Рица. Сухуми, 1968.
159. Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952.
160. Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л, 1964.
161. Голенко К. В. Монеты из находок в Сухумской крепости(1912 г.). ТАИ, XXXIII—XXXIV, 1963.
162. Голенко К. В. Монеты из раскопок Анакопийской крепости в 1957—1958 гг. ВВ, 24, 1964.
163. Голенко К. В. Новый тип монет царя Сав(лака), САНГ, XXV, I, 1960.
164. Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савлаку. ВДИ, I, 1951.
165. Григолия Г., Барамидзе М. Итоги работ археологической экспедиции в зоне строительства ИнгурГЭС, «НСПИПАИ-1963», 1964.

166. Григолия Г. К., Агрба З. В. Археологические разведки в Бзыбском ущелье. «АО-1970», 1971.
167. Григолия Г. К., Каландадзе А. Н. Палеолитические памятники в затопленной зоне Ингергесстроа. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1965 г. в СССР», М., 1966.
168. Грищенко М. Н. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры. «Палеолит и неолит СССР», VI, МИА, 173, 1971.
169. Громов В. И. К истории фауны млекопитающих Кавказа, ИАН (серия биологическая), 5, 1948.
170. Громов В. И. Итоги изучения геологических условий нахождения палеолита на Кавказе и его значение для четвертичной стратиграфии, БКИЧП, № 6—7, 1940.
171. Громов В. И. Некоторые итоги полевых исследований в 1935 г. в районе Сухуми, Пятигорска и Ростова. Труды советской секции АИЧПЕ, II, М., 1936.
172. Громов В. И. Основные вопросы геологической датировки археологических памятников и ближайшие задачи в этой области, БКИЧП, № 6—7, 1940.
173. Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, ТИГН, 64, Геологическая серия, № 7, 1948.
174. Гулиа Г. Д. Загадка Абхазской стены, «Турист», I, 1966.
175. Гулиа Д. И. История Абхазии, I, Сухум, 1925.
176. Гулиа Д. И. О моей книге «История Абхазии», Сухуми, 1951.
177. Гулиа Д. И. Сухум — не Диоскурия. ТАИ, II, 1934.
178. Гумилевский Н. И., Коробков И. И. Местонахождение памятников каменного века у с. Хейвани, КСИА, III, 1967.
179. Гунба М. М. Археологические раскопки в Очамчирском районе в 1970 году. ИАИ, 17, 1975.
180. Гунба М. М. Археологические раскопки в с. Цебельда в 1969 г. «Археологические исследования в Грузии в 1969 г.», Тбилиси, 1971.
181. Гунба М. М. Западная Грузия и Византия в VI—VIII вв., Сухуми, 1962.
182. Гунба М. М. К вопросу о времени образования Абхазского царства. ИАИ, II, 1973.
183. Гунба М. М. К вопросу о локализации крепости Трахеи. ТАИ, XXXIII—XXXIV, 1963.
184. Гунба М. М. К вопросу о политических связях Абхазии с Византией в IV—V вв. «Седьмая всесоюзная конференция византинистов», Тбилиси, 1965.
185. Джапаридзе В. В. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. (по археологическим данным), автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1955.
186. Джапаридзе О. М. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953.
187. Джапаридзе О. М. Дольменная культура в Грузии. ТТГУ, 77, 1959.
188. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры, автореф. док. дисс., Тбилиси, 1962.
189. Джапаридзе О. М. Ранний этап металлургии Грузии. Тбилиси, 1955.
190. Дундуа Г. Ф. Вислая печать епископа Феодора из Бичвинта. ДМ, 33, 1973.
191. Дундуа Г. Ф. Монетное обращение и торгово-экономические связи Бичвинты по нумизматическим данным во II в. до н. э. «Великий Питиунт», I, Тбилиси, 1975.
192. Дундуа Г. Ф. Монеты Александра Македонского и Лисимаха, распространенные в Грузии. «Мацне» (СИАЭИИ), 4, 1973.

193. Дундуа Г. Ф. Пителинт-Бичвинта по нумизматическим материалам. «НСПИПАИ-1962», 1963.
194. Дундуа Г. Ф. Синопские монеты, найденные на территории Грузии. «Мацне» (СИАЭИ), I, 1972.
195. Дьяконов И. М. «Майкопские письма» (к методике работы дешифровщика). ВДИ, 2, 1966.
196. Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. ЭЖОИРГО, XXIV, 1904.
197. Дюбуа-де-Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937.
198. Е. И. Иеромонах. Пицундский древний храм на Кавказе на берегу Черного моря между Новым Афоном и Гаграми. Гагры, 1914.
199. Ельницкий Л. А. Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. СА, 4, 1962.
200. Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных надписях Закавказья. ВДИ, 2, 1964.
201. Ельницкий Л. А. По поводу Сухумской стелы. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968.
202. Ермолаева О. О Бедийском храме. Сухум, 1913.
203. Ефименко П. П. Первобытное общество (очерки по истории палеолитического времени). Киев, 1953.
204. Закарая П. П., Леквинадзе В. А. Археологические раскопки в Гудава в 1971 г. ЭГМГ, III, 1974.
205. Закарая П. П., Леквинадзе В. А. Работы Гудавской экспедиции. «АО-1972», 1973.
206. Закарая П. П., Леквинадзе В. А. Раскопки в с. Гудава. «АО-1970»,
207. Закарая П. П. Позднесредневековые крепости Мегрелии. ВГМГ, XXVI-B, 1970.
208. Заключение комиссии по осмотру Яштухских палеолитических местонахождений Сухуми, 23 апреля 1965 года (архив АБИЯЛИ).
209. Замятнин С. Н. Изучение палеолитического периода Кавказа за 1936—1948 гг. «Материалы по четвертичному периоду», 2, М.-Л., 1950.
210. Замятнин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 2, 1935.
211. Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. ТИАК, X, 1937.
212. Замятнин С. Н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. «Очерки по палеолиту», М.-Л., 1961.
213. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА, 83, 1960.
214. Зограф А. Н. Несколько добавочных замечаний по поводу Герзе-ульского клада. ИГАИМК, VII, 10, 1931.
215. Зограф А. Н. Распространение находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, I, 1945.
216. Зотов А. Находки в Пицундском монастыре — древнем Пителинте. ИКОИМАО IV, 1915.
217. Иванова И. К. Геологический возраст ископаемого человека (к VII конгрессу). М., 1965.
218. Иванова М. И., Голубев П. М. Находка в Лоо. СА, 3, 1961.
219. Иващенко М. М. Античное селище вблизи Очамчиры (архив М. М. Иващенко в библиотеке ИИАЭ АН СССР, № 16,16а).
220. Иващенко М. М. Великая Абхазская стена. ИАНО, IV, 1926.

221. Иващенко М. М. Герзеульский клад монет Кесарии Каппадокийской. ИГАИМК, VII, 10, 1931.
222. Иващенко М. М. Дополнительный отчет о поездке в сел. Апианчское, Юрьевское, Герзеул Сухумского уезда. ЦГАА, ф. 391, д. 73.
223. Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. ИНИИК, 3, 1935.
224. Иващенко М. М. К вопросу о местонахождении Диоскурии древних. ИАНО, IV, 1926.
225. Иващенко М. М. Новые археологические открытия в Абхазии. НиТ, 5, 1936.
226. Иващенко М. М. О направлении Келасурской стены. ИАНО, IV, 1926.
227. Иващенко М. М. Развалины в Псху. ИАНО, IV, 1926.
228. Иессен А. А. — А. А. Лукин (1862—1959). СА, I, 1960.
229. Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935.
230. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II и начале I тысячелетия до нашей эры. КСИИМК, XVIII, 1947.
231. Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951.
232. Иессен А. А. Сухумская экспедиция ГАИМК. СА, 3, 1937.
233. Илларион, архимандрит. Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь на берегу Черного моря в Абхазии близ города Сухума на Кавказе (путеводитель). Одесса, 1912.
234. Ильинская В. А. Бронзовые наконечники стрел так называемого жаботинского и новочеркасского типов. «Археология», 12, Киев, 1973.
235. Ильинская В. А. Скифы лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
236. И. Н. — Абхазия и в ней Новоафонский монастырь. Одесса, 1898.
237. Инадзе М. П. Города Колхиды в античную эпоху (Диоскурия). ТИИД, VI, 2, 1962.
238. Инадзе М. П. К вопросу о характере развития городов Северной Колхиды в античную эпоху. САНГ, 23, 6, 1959.
239. Инадзе М. П. К истории Грузии античного периода (Фл. Арриан и его сведения о Грузии), автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1953.
240. Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968.
241. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (историко-географические очерки). Сухуми, 1960.
- 241а. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы (историко-географические очерки), изд. 2-е, Сухуми, 1965.
242. Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971.
243. История Византии, тт. I—III, М., 1967.
244. История Грузии (под ред. Н. А. Бердзенишвили). Тбилиси, 1958.
245. Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1964.
246. Каландадзе А. Н. К истории изучения памятников древнепалеолитической культуры в Грузии. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). Тбилиси, 1964.
247. Каландадзе А. Н. — М. М. Иващенко (1881—1946). КСИИМК, 18, 1947.

248. Каландадзе А. Н. Разыскания по археологии доантичной Грузии, автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1969.
249. Каландадзе К. С. Итоги раскопки 1970 г. на неолитической стоянке Гумуриши. МАГК, V, 1973.
250. Каландадзе К. С. Неолитическое селище Чхортоли. «ПАИ-1972», 1973.
251. Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным. ПИСП, 1959.
252. Капанадзе Д. Г. Неизданный вариант грузинской монеты XI века. ТАИ, XXX, 1959.
253. Капанадзе Д. Г. Нумизматические находки Бичвинтской археологической экспедиции. САНГ, 1959.
254. Капанадзе Д. Г. Нумизматические находки Бичвинтской археологической экспедиции. «НСПИПАИ-1958», 1959.
255. Капанадзе Д. Г. Нумизматические находки Пицундской археологической экспедиции за 1953—1959 гг. ВДИ, 4, 1966.
256. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись Бичвинтской мозаики. «НСПИПАИ-1952», 1953.
257. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись бичвинтской мозаики, САНГ, XVI, I, 1955.
258. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на сухумском светильнике. ТАИ, XXVIII, 1957.
259. Каухчишвили Т. С. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951.
260. Каухчишвили Т. С. Эпиграфические новости из Грузии. ВДИ, 4, 1958.
261. Кацья А. К. Илори. Сухуми, 1963.
262. Кацья А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара. МАА, 1967.
263. Кацья А. К. Памятники нашего края. «Алашара», I, 1962.
264. Кацнельсон И. С. Рец. на «Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, тт. I—II». ВДИ, 1, 1952.
265. Качарава Д. Д. Город Гиенос в античную эпоху. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР». Тбилиси, 1971.
266. Качарава Д. Д. Город Гиенос в античную эпоху (к истории городов Восточного Причерноморья), автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1972.
267. Качарава Д. Д. К истории города Гиеноса в V—IV вв. до н. э. «Научная конференция аспирантов и молодых научных сотрудников Института истории, археологии и этнографии АН ГССР (тезисы докладов)», Тбилиси, 1971.
268. Качарава Д. Д. О хронологии и топографии поселения античного времени у г. Очамчира. САНГ, 62, 1971.
269. Квезерели-Копадзе Н. И. Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми, 1956.
270. Квезерели-Копадзе Н. И. Древние мосты Грузии. Тбилиси, 1972.
271. Квициния В. К., Гунба М. М. Археологические раскопки в Атаре. ТАГМ, IV, 1974.
272. Квициния В. К. Раннеэллинистический могильник в с. Атара. «АО—1971», 1972.
273. Кинжалов Р. В. Резной сердолик Госэрмитажа (к вопросу об аномастике Закавказья в III—IV вв. н. э.). «Исследования по истории культуры народов Востока». М.-Л., 1960.

274. Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа. «АО-1968», 1969.
275. Комаров А. В. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г. ИКОИА, II, 1884.
276. Комаров А. В. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае. ИКОИА, I, 1882.
277. Кондаков Н. П., Бакрадзе Д. Описание памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890.
278. Коридзе Д. Л. Древнейшие памятники материальной культуры из Сачхерского района. Тбилиси, 1961.
279. Коридзе Д. Л. К истории Колхидской культуры. Тбилиси, 1965.
280. Коридзе Д. Л. Клад из Лыхны и вопрос о генезисе колхидских топоров. ВГМГ, XXV-B, 1968.
281. Коркунов С. Л. Остатки старины близ с. Тхина и Гупа Кодорского уезда. ИАНО, IV, Г926.
282. Коркунов С. Л. Развалины Джальской церкви в Моквинском районе Кодорского уезда. ИАНО, ГУ, 1926.
283. Коробков И. И. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения. СА, 4, 1967.
284. Коробков И. И. К вопросу о дивергентном характере эволюции древнепалеолитических индустрий (по материалам памятников Черноморского побережья Кавказа). «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков». М., 1966.
285. Коробков И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. «Палеолит и неолит СССР», VI, МИА, 173, 1971.
286. Коробков И. И. Новая находка ручного рубила на Яштухе. КСИА, 101, 1964.
287. Коробков И. И. Новые палеолитические находки на Яштухе (результаты работ 1961 года). СА, 3, 1965.
288. Коробков И. И. Нуклеусы Яштуха. «Палеолит и неолит СССР», V, МИА, 131, 1965.
289. Коробков И. И. О наконечнике копья из Яштуха. КСИА, 117, 1969.
290. Коробков И. И. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. КСИА, 92, 1962.
291. Кравченко А. Б., Караманишвили Н. И. Грузинский орнамент. Тбилиси, 1958.
292. Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. БКИЧП, 9, 1947.
- 292а. Крайнов Д. А. Отчет сочинского отряда Северо-Кавказской экспедиции о раскопках Ацинской пещерной стоянки осенью 1968 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, 1830.
293. Краткий очерк истории грузинской советской науки за 25 лет. Тбилиси, 1946.
294. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. САИ, 1961.
295. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
296. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа). СА, I, 1964.
297. Крупнов Е. И. Кистрик. СИЭ, 7, 1965.
298. Крупнов Е. И. О загадочной майкопской надписи. ВИ, 8, 1964.
299. Кудрявцев К. Сборник материалов по истоки Абхазии. Сухуми, 1922.

300. Кузнецов В. А. Северный зеленчукский храм X века. СА, 4, 1964.
301. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941.
302. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949.
303. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950.
304. Кушнарева К. Х., Чубинашвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970.
305. Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. ТАИ, XXXI, 1960.
306. Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947.
307. Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. СМОМПК, 43, Тифлис, 1913.
308. Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе (греческие надписи из Новоафонского монастыря). «Сборник археологических статей в честь графа А. А. Бобринского». СПб., 1911.
309. Лашхия Ш. В. О яштухской флоре. «Доклады АН СССР», т. 112, 6. М., 1967.
310. Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского. САНГ, XVI, 5, 1955.
311. Леквинадзе В. А. Гантиадская базилика. СА, 3, 1970.
312. Леквинадзе В. А. Гантиадская (Цандрипшская) базилика. «XV научная сессия ГМГ, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. План работы и тезисы докладов». Тбилиси, 1967.
313. Леквинадзе В. А. Монументальные памятники Западной Грузии I—VII вв., автореф. докт. дисс. М., 1973.
314. Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса. СА, I, 1966.
315. Леквинадзе В. А. О древнейшей базилике Пителинта и ее мозаиках. ВДИ, 2, 1970.
316. Леквинадзе В. А. О некоторых сооружениях древнего Пителинта. КСИА, 113, 1968.
317. Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии. ВВ, 34, 1973.
318. Леквинадзе В. А. По поводу Анакопийской крепости. ВГМГ, XXV-B, 1968.
319. Леквинадзе В. А. По поводу римских крепостей в Восточном Причерноморье. САНГ, X, I, 1965.
320. Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес». ВДИ, 2, 1969.
321. Леонид (Кавелин), архимандрит. Абхазия и в ней Новоафонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885.
322. Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962.
323. Ломоури Н. Ю. История Эгрисского царства. Тбилиси, 1968.
324. Ломоури Н. Ю. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. «Античное общество», М., 1967.
325. Ломоури Н. Ю. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. САНГ, XXV, 2, 1960.
326. Лордкипанидзе Г. А. Древняя Колхида в VI—II вв. до н. э. (историко-археологическое исследование), автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1975.
327. Лордкипанидзе Г. А. Некоторые вопросы религии и культуры античной Колхиды. «Вопросы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока». Тбилиси, 1968.
328. Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970.
329. Лордкипанидзе М. Н. Геммы Госмузея Грузии, IV. Тбилиси, 1967.
330. Лордкипанидзе О. Д. Античный барельеф, обнаруженный в Сухуми. «Сабчота хеловнеба», 3. Тбилиси, 1966.

331. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Грузия (торгово-экономические и культурные взаимоотношения со второй половины II тысячелетия до н. э. до III—IV вв. н. э.), автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1966.
332. Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида (к истории торгово-экономических и культурных взаимоотношений в VI—II вв. до н. э.). Тбилиси, 1966.
333. Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из Пицунды (основные типы и их датировка). ВАНГ, 1962.
334. Лордкипанидзе О. Д. Предварительный отчет о разведочных археологических работах, проведенных в окрестностях озера Инкит. МАГК, III, 1963.
335. Лордкипанидзе О. Д. XIII раскоп Пицундского акрополя и его архитектурный комплекс. «Великий Питиунт», I, Тбилиси, 1975.
336. Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. ТОИПКГЭ, I, 1941.
337. Лукин А. Л. Неолитическое селище Кистрик близ г. Гудаута. СА, XII, 1950.
338. Лукин А. Л. Эшерская находка, ТАИ, XXVII, 1955.
339. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969.
340. Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. Н. Кепшинская пещера и вопросы палеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья. КСИА, 126, 1971.
341. Любин В. П. Изучение нижнего палеолита Кавказа (история исследований и проблема первоначального заселения). КСИА, 118, 1969.
342. Любин В. П. Исследование Малой Воронцовской и Навалишинской пещер. «АО-1965», 1966.
343. Любин В. П. Исследования палеолита в горах Западного Кавказа. «АО-1967», 1968.
344. Любин В. П. Краткий очерк древнего и среднего палеолита Кавказа.
345. Любин В. П. Мустье Кавказа. «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований в 1971 году», М., 1972.
346. Любин В. П. Мустьерская эпоха на Кавказе, «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1970 году в СССР». Тбилиси, 1971.
347. Любин В. П. Нижний палеолит СССР. «Каменный век в СССР», МИА, 166, 1970.
348. Любин В. П. Нижний палеолит СССР. Основные проблемы. Тезисы докладов на Пленуме, посвященном итогам полевых исследований 1967 года. М., 1968.
349. Любин В. П. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа. «Первобытный человек и природная среда». М., 1974.
350. Любин В. П., Соловьев Л. Н. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (раскопки 1950, 1954 и 1964 гг.). «Палеолит и неолит СССР», VI, МИА, 173, 1971.
351. Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа. «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР». М., 1969.
352. Любин В. П., Щелинский В. Е. Новые данные о палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья, БКИЧП, 38, 1972.
353. Маляя Е. М. Народное изобразительное искусство абхазов (ткани и вышивки). Тбилиси, 1970.
354. Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974.

355. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа, автореф. докторск. дисс., М., 1975.
356. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения), СА, I, 1973.
357. Марковин В. И. К вопросу о происхождении дольменной культуры Западного Кавказа в связи с происхождением абхазо-адыгов. «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в СССР». Ташкент, 1973.
- 357а. Марсов В. Графический расчет (Беслетского) моста. «Материальная культура эпохи Руставели». Тбилиси, 1938.
358. Маруашвили Л. И. Целесообразность пересмотра существующих представлений о палеографических условиях ледникового времени на Кавказе. Тбилиси, 1956.
359. Матиашвили Н. Н. Керамика очамчирского античного поселения. «Тезисы докладов научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИИАЭ АН ГССР». Тбилиси, 1968.
360. Мацулевич Л. А. Мозаика Бир-аль-Кута и Пицунды. ВВ, XIX, 1961.
361. Мацулевич Л. А. Открытие мозаичного пола в Древнем Питиунте. ВДИ, 4, 1956.
362. Мачавариани К. Д. Древний Бедийский храм и его драгоценности. «Сотрудник Закавказской миссии», 4, Сухум, 1912.
363. Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу (с историко-этнографическим очерком Абхазии). Сухум, 1913.
364. Мачавариани К. Д. Семь дней в горах Абхазии (наброски и впечатления). Батум, 1900.
365. Мгалоблишвили М. Л. Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны Востока (сведения о Грузии). Тбилиси, 1975.
366. Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965.
367. Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
368. Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973.
369. Меликсет-Бек Л. М. По следам перипла Арриана. ТАИ, XXX, 1959.
370. Меликсет-Беков Л. М. Пицунда у Понта Эвксинокого. ЭКОИРГО. XXIX, 4, 1916.
371. Миллер А. А. Археологический и этнографический очерк Черноморского побережья. «Живая старина», I, СПб., 1908.
372. Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, 33, 1909.
373. Миллер Вс. О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе. «Этнографическое обозрение», № 1, СПб., 1911.
374. Микеладзе Т. К. Бичвинтская двухабсидная церковь, МАГК, III, 1963.
375. Микеладзе Т. К. К вопросу о периодизации истории древней Колхиды. КБС, IV, 1973.
376. Микеладзе Т. К. К генезису взаимоотношений греческого мира и картвельских племен. «Моамбе», 2, Тбилиси, 1960.
377. Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955.
378. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре медно-бронзового века. М., 1975.
379. Муратов В. М. Об археологическом методе изучения склонных процессов. «Склоны, их развитие и методы изучения». ВГ, 85, 1971.

380. Мурзакевич Н. М. Древнейший Пицундский православный храм на восточном берегу Черного моря. 300ИД, X, 1977.
381. Мухелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии, автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1973.
382. Мшвениерадзе Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии, автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1973.
- 382а. Мшвениерадзе Д. М. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси, 1959.
383. Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья, автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1967.
384. Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972.
385. Николаишвили В. А. XIX раскоп внутренней крепости «Великого Питиунта» (отчет о полевых исследованиях 1967—1970 гг.), «Великий Питиунт», I, Тбилиси, 1975.
386. Нодиа М. З., Апакидзе А. М., Челидзе З. А. К вопросу о датировании археологических объектов с помощью археологического метода. САНГ, 65, I, 1972.
387. Нодиа М. З., Апакидзе А. М., Челидзе З. А. Некоторые результаты исследования напряженности геомагнитного поля археомагнитным методом на территории Грузинской ССР. САНГ, 56, I, 1969.
388. Нодиа М. З., Апакидзе А. М., Челидзе З. А. Некоторые результаты исследования геомагнитного поля на территории Грузинской ССР с помощью археомагнитного метода, САНГ, 58, 3, 1970.
389. Нодиа М. З., Апакидзе А. М., Челидзе З. А. О применении археомагнитного метода датирования в археологии. САНГ, 67, 3, 1972.
390. Нордман А. Путешествие по Закавказскому краю. ЖМНП, XX, 1838.
391. Очерки истории Абхазской АССР, I. Сухуми, 1960.
392. Павлинов А. М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. МАК. III, 1893.
393. Паничкина М. З., Векилова Б. А. Исследования Ахштырской пещеры в 1961 г. КСИА, 92, 1962.
394. Паничкина М. З. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. СА, V, 1940.
395. Паничкина М. З. Палеолитические изделия из Хостинской пещеры-II. СГЭ, XXII, 1952.
396. Пантюхов И. И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896.
397. Панцхава Л. Н. К истории художественного ремесла колхидской и кобанской культур, автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1975.
398. Папашвили Е. Т. Абхазский государственный музей. ТАГМ, I, 1947.
399. Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа, II. Баку, 1948.
400. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана, I. Баку, 1926.
401. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вв. III—VIII. Баку, 1940—1959.
402. Пачулия В. П. Видный краевед-археолог. ТАИ, XXVIII, 1957.
403. Пачулия В. П. В краю золотого руна. М., 1968.
404. Пачулия В. П., Воронов Ю. Н. Новые памятники средневековой культуры Абхазии. ТАГМ, IV, 1974.
405. Пачулия В. П. Древнейшие архитектурные памятники Абхазии. «Архитектура СССР», 9. М., 1963.

406. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, автореф. канд. дисс., М., 1963.
407. Пачулиа В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968.
408. Пачулиа В. П., Кацья А. К. Моквский собор (968—1968). М., 1968.
409. Пачулиа В. П. Новый Афон. Тбилиси, 1962.
410. Пачулиа В. П. Охрана и пропаганда памятников культуры Абхазии. «Под знаменем Октября», Сухуми, 1968.
411. Пачулиа В. П. Охрана исторических памятников в Абхазии. ДМ, 13, 1967.
412. Пачулиа В. П. Памятники культуры Абхазии (аннотированный список) Сухуми, 1961.
413. Пачулиа В. П. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми, 1969
414. Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1956, 1958, 1960.
415. Пачулиа В. П. Предисловие к монографии Ю. Н. Воронова «Археологическая карта Абхазии», Сухуми, 1969.
416. Пачулиа В. П. Тайна Абхазской стены. «Алашара», 4, 1963.
417. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
418. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
419. Пирцхалава М. С. Памятники скифской архаики (VII—VI вв. до н. э.) на территории древней Грузии (историко-археологическое исследование), автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1975.
420. Погребова М. Н. Железные топоры скифского типа в Закавказье. СА, 2, 1969.
421. Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосободной. М., 1963.
422. Прендель Р. Отчет о результатах экскурсии, проведенной летом 1878 года по прибрежной полосе Абхазии и Черноморского округа. ЗНОЕ, 1879.
423. Придик Е. М. Новые кавказские клады. МАР, 34, 1914.
424. Путешествия русских послов XVI—XVIII вв. (статейные списки). М.-Л., 1954.
425. Пугуридзе Р. В. Итоги археологического изучения центральной части Бичвинтской цитадели (раскопки 1911—1962 гг.). «Великий Питиунт», I, Тбилиси, 1975.
426. Пугуридзе Р. В. Краснолаковая керамика из Сухумской древней крепости. МАГК, IV, 1965.
- 426а. Пхакадзе Г. Г., Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. «Археологические исследования в Грузии в 1969 г.», Тбилиси, 1971.
427. Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода. ТОИПКГЭ, I, 1941.
428. Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Бичвинта (предварительный отчет о раскопках 1958 г. на III участке). МАГК, IV, 1965.
429. Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Бичвинта (III раскоп, 1958 г.). «НСПИПАИ-1958», 1959.
430. Рамишвили Р. М. Археологические раскопки в Бичвинта (III участок, предварительный отчет о раскопках 1956—1957 гг.). МАГК, III, 1963.
431. Рамишвили Р. М. Две бронзовые статуэтки из Пицунды. МАГК, III, 1963.
432. Ростовцев А. А. Пицундская сосновая роща. ЗКОИРГО, XXIX, 1916.
433. Ростовцев М. П. Новые латинские надписи юга России. ИАК, 33, 1907.
434. Ростовцев М. П. Надпись из Сухума. ЗООИД, XXVII, 1907.
435. Рчеулишвили Л. Д. Группа архитектурных памятников средневековой Абхазии. «XXV научная сессия Института истории грузинского искусства им. Г. Чубинашвили (план работы и тезисы докладов)». Тбилиси, 1974.

436. Рчеулишвили Л. Д. Некоторые аспекты грузинской архитектуры Черноморского побережья. «Всесоюзная научная конференция «Античные, Византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья», май 1975 г. тезисы докладов». Тбилиси, 1975.
437. Рчеулишвили Л. Д. Некоторые особенности грузинской архитектуры Причерноморья. «Культура и искусство Византии (Краткие тезисы докладов научной конференции)», Л., 1975.
438. Северов Н. П. Памятники грузинского зодчества. М., 1947.
439. Семенов С. А. О следах работы на мустьерских орудиях из Воронцовской пещеры. «Палеолит и неолит СССР», VII, МИА, 185, Л., 1972.
440. Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, II, 1889.
441. Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в поздне-сарматское время. АСГЭ, 2, 1961.
442. Смыр Г. В. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тбилиси, 1972.
443. Соловьев Б. Л. Опыт сопоставления черноморских и континентальных четвертичных образований и некоторые закономерности геологических процессов бассейна р. Кодор (Западный Кавказ), автореф. канд. дисс. Л., 1968.
444. Соловьев Б. Л. Четвертичные оледенения бассейна реки Кодор на Западном Кавказе. БКИЧП, 34, 1967.
445. Соловьев Л. Н. Археологические раскопки близ г. Очамчира в Абхазии. СА, 4, 1937.
446. Соловьев Л. Н. Гарпуны грота Хупьнипшахва (Холодный грот). «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973.
447. Соловьев Л. Н. Датировка изображений грота Агца. «Тезисы докладов XVII научной сессии Абхазского института (итоги научно-исследовательских работ 1962 г.)». Сухуми, 1969.
448. Соловьев Л. Н. Диоскурия-Себастополис-Цхум. ТАГМ, I, 1947.
449. Соловьев Л. Н. Древнее поселение Кистрик в Абхазии. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. в СССР (тезисы докладов)», Баку, 1965.
450. Соловьев Л. Н. Древнейшая история Черноморского побережья Кавказа по археологическим данным. «Туапсе и Туапсинский район». Краснодар, 1967.
451. Соловьев Л. Н. Древние оборонительные рубежи феодальной эпохи на Черноморском побережье Западной Грузии (Гагрская крепость, Иверская гора, Келасурская стена). Сухуми, 1940 (Рукопись, Архив АБИЯЛИ, № 344).
452. Соловьев Л. Н. Значение археологического метода для изучения карста северной части Черноморского побережья Кавказа. «Вопросы карста на юге Европейской части СССР», Киев, 1956.
453. Соловьев Л. Н. К вопросу о геологической датировке абхазского палеолита. БКИЧП, № 6—7, 1940.
454. Соловьев Л. Н. Многослойное поселение Кистрик близ г. Гудаута. «Тезисы докладов XVI научной сессии Абхазского института (об итогах научно-исследовательских работ 1964 г.), Сухуми, 1965.
455. Соловьев Л. Н. Мотыгообразные орудия «сочи-адлерского» типа, ИАИ, I, 1972.

456. Соловьев Л. Н. Надписи и изображения грота Агца у с. Анухва Абхазская. МИА, 79, 1960.
457. Соловьев Л. Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа — Нижневшиловское и Кистрик. МИА, 1967.
458. Соловьев Л. Н. Новые находки шельских орудий. МАИА, 1974.
459. Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху энеолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. ТАИ, XXIX, 1958.
460. Соловьев Л. Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. ТАИ, XXXII, 1961.
461. Соловьев Л. Н., Орелкин В. С. Находка костей человека в гроте Хупынипшахва (Холодный грот) в Абхазии. ВА, 6, 1961.
462. Соловьев Л. Н. Палеолитические стоянки долины р. Кодора в связи с историей Кодорской долины. «Выездная сессия Грузинского филиала АН СССР в г. Сухуми 26—29 оентября 1940 г.». Тбилиси, 1940.
463. Соловьев Л. Н. Памятники каменного века около с. Анухва Абхазская КСИИМК, XXV, 1949.
464. Соловьев Л. Н., Пачулиа В. П. Большой энтузиаст абхазского краеведения. ТАГМ, IV, 1974.
465. Соловьев Л. Н., Пачулиа В. П. — М. М. Трапш (некролог). СА, 4, 1968.
466. Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. Сухуми, 1971.
467. Соловьев Л. Н. Первобытные стоянки Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология, автореф. канд. дисс. Симферополь, 1956.
468. Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. ТАИ, XXXI, 1960.
469. Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. СА, XIV, 1950.
470. Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ гг. Сухуми и Очамчыры. ТАГМ, I, 1947.
471. Соловьев Л. Н. Следы нижнего палеолита на Карангатской террасе между пос. Адлер и с. Гантиади. ТАИ, XXX, 1959.
472. Соловьев Л. Н., Трапш М. М. Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти. ТАИ, XXXII, 1961.
473. Соловьев Л. Н., Трапш М. М. Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы Советской власти. «Под знаменем Октября», Сухуми, 1968.
474. Соловьев Л. Н., Шервашидзе Л. А. Предварительное сообщение о расчистке комплекса сооружений на набережной у Сухумской крепости в конце 1958 и первой половине 1959 г. «НСПИПАИ-1959», 1960.
475. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. СМИА, I, 1939.
476. Спирин А. А. Могильник V в. в Черноморье. ИАК, 23, 1907.
577. Стражев В. И. Бронзовая культура в Абхазии. ИАНО, IV, 1926.
578. Стражев В. И. К Азантскому дольмену, ИАНО, IV, 1926.
579. Стражев В. И. Руинная Абхазия. ИАНО, I, 1925.

480. Тавадзе Ф., Сакварелидзе Т. *Бронзы древней Грузии*. Тбилиси, 1959.
481. Толмачевская Н. И. *Декоративное наследие древнегрузинской фрески*. Тбилиси, 1939.
482. Толмачевская Н. И. *Фрески древней Грузии*. Тбилиси, 1931.
483. Толстой Н. И., Кондаков Н. П. *Русские древности*, X, СПб., 1900.
484. Трапш М. М. *Археологические раскопки в Анакопии в 1957—1958 гг.* ВВ, XIX, 1961.
485. Трапш М. М. *Археологические раскопки в накопии*. ТАИ, XXX, 1959.
486. Трапш М. М. *Археологические раскопки в окрестностях Сухуми*. ТАИ, XXIX, 1958.
487. Трапш М. М. *Археологические раскопки в с. Куланурхва*. ТАИ. XXIII, 1949.
488. Трапш М. М. *Бирцхский могильник*. «Научная сессия АБИЯЛИ (итоги научно-исследовательских работ 1952 г.). Тезисы докладов». Сухуми, 1953.
489. Трапш М. М. *Грунтовые погребения с инвентарем скифского типа в с. Куланурхва*. ТАИ, XXV, 1954.
490. Трапш М. М. *Групповые погребения с инвентарем скифского типа в с. Куланурхва*. ТАИ, XXIV, 1951.
491. Трапш М. М. *Древний Сухуми*. Труды, II, Сухуми, 1969.
492. Трапш М. М. *Исследование древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.* ТАИ. XXXIII—XXXIV, 1963.
493. Трапш М. М. *Куланурхвский древний могильник*, автореф. канд. дисс. Сухуми, 1951.
494. Трапш М. М. *Культура цебельдинских некрополей*. Труды, III, Тбилиси, 1971.
495. Трапш М. М. *Материалы по археологии средневековой Абхазии*. Труды, IV. Сухуми, 1975.
496. Трапш М. М. *Мраморный барельеф из г. Сухуми*. ВДИ, I, 1954.
497. Трапш М. М. *Мраморный барельеф из Сухуми*. ТАИ, XXV, 1954.
498. Трапш М. М. *Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.* СА, XXIII, 1955.
499. Трапш М. М. *Некоторые итоги раскопок Цебельдинских некрополей в 1960—1962 гг.* ТАИ, XXXIII—XXXIV, 1963.
500. Трапш М. М. *Новая археологическая находка в Абхазии*. КСИИМК, 53, 1954.
501. Трапш М. М. *О некоторых итогах археологических исследований в селе Цебельда Сухумского района*. ТАИ, XXII, 1961.
502. Трапш М. М. *Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР*. Сухуми, 1962.
503. Трапш М. М. *Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии*. Труды, I. Сухуми, 1970.
504. Трапш М. М. *Предварительные итоги археологических раскопок в Сухуми в 1959 году*. «НСПИПАИ-1959», 1960.
505. Трапш М. М. *Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г.* ТАИ, XXXIII—XXXIV, 1963.
506. Трапш М. М. *Раскопки некрополя «Ахьацарахва» в с. Цебельда Абхазской АССР*. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (тезисы докладов)», Баку, 1961.
507. Трапш М. М. *Раскопки памятников апсило-абасгской культуры в Цебельде в 1960 г.* «НСПИПАИ-1960», 1961.

508. Турчанинов Г. Ф. Древнейшая, IV в. н. э., осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Гос. Эрмитажа, ИСОНИИ, XXII, IV, 1960.
509. Турчанинов Г. Ф. Древнейший письменный памятник Кавказа. ВДИ, 3, 965; 2, 1966.
510. Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы, Л., 1971.
511. Уварова П. С. Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок). Путевые заметки, П. М., 1891.
512. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900.
513. Уварова П. С. Христианские памятники Кавказа. МАК, IV, 1894.
514. Угрелидзе Н. Н. Стекланные сосуды с палеохристианскими символами из Бичвинтского городища. «Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах восточного Причерноморья», май 1975 г. (тезисы докладов)». Тбилиси, 1975.
515. Фадеев А. В. История Абхазии. Сухуми, 1934.
516. Фадеев А. В. К вопросу о генезисе кобанской культуры в Абхазии. ТАИ, II, 1934.
517. Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии. Сухуми, 1933.
518. Федоров В. П. Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. ТГИАН СССР, 88, 1963.
519. Формозов А. А. Археологические путешествия. М., 1974.
520. Формозов А. А. Исследование памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 г. КСИИМК, 78, 1960.
521. Формозов А. А. Каменный век и неолит Прикубанья. М., 1965.
522. Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. МИА, 102, 1962.
523. Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. СА, 4, 1963.
524. Формозов А. А. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. КСИИМК, 78, 1957.
525. Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.
526. Формозов А. А., Столяр А. Д. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. СА, 2, 1960.
527. Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
528. Халиков А. Х. Первый археолог-абхазец М. М. Трапш и его библиография. МАИА, 1971.
529. Хахуташвили Д. Х. Результаты раскопок северо-восточной части города-крепости Бичвинта. «НСПИПАИ-1952», 1953.
530. Химшиашвили Л. М. Некоторые вопросы реставрации памятников (Цроми, Бедиа). ДМ, 14, 1968.
531. Хотелашвили М. К. О керамике Сухумской (Себастопольской) крепости (по материалам раскопок 1959 г.). «Материалы научной сессии АГМ». Сухуми, 1961.
532. Хотелашвили М. К. Античная ручная мельница из Скурчи. ДМ, 15, 1968.

533. Хотелашвили М. К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени (материалы). МАИА, 1974.
534. Хотелашвили М. К. О древнейших земледельческих орудиях Абхазии. «Сборник статей преподавателей и аспирантов СГПИ». Сухуми, 1970.
535. Хрушкова (Гельбак) Л. Г. Два предмета мелкой пластики из коллекции музея. ТАГМ, IV 1974.
536. Хрушкова Л. Г. О рельефах из Анакопии. «Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии (к 100-летию Д. И. Гулиа). Сухуми, 1974.
537. Хрушкова (Гельбак) Л. Г. Раннесредневековый каменный рельеф. «Тезисы докладов и сообщений научной сессии АГМ, посвященной 50-летию образования СССР». Сухуми, 1972.
538. Хубутия Г. П. Отчет о раскопках в пещере Окуми-1. «ПАИ-1972», 1973.
539. Цвинария И. И. Находки в с. Нижняя Эшера. «АО-1970», 1971.
540. Цвинария И. И. Некоторые следы истории человеческого развития на территории Абхазии. «Алашара», 9, 1973.
541. Цвинария И. И. Новые находки на поселении Гуандра. «ПАИ-1973», 1974.
542. Церетели Д. В. Плейстоценовые отложения Грузии. Тбилиси, 1966.
543. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа, автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970.
544. Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973.
545. Церетели Л. Д. Об одной временной палеолитической стоянке. «Мацне», 3, 1967.
546. Церетели Л. Д. Остатки пещерного медведя в Квачара и Яштхва. XIX научная сессия, посвященная результатам полевых археологических исследований 1969 г. (краткие отчеты). Тбилиси, 1970.
547. Церетели Л. Д. Палеолитические стоянки Гульрипшского района. «Тезисы докладов XII научной конференции молодых научных работников и аспирантов». Тбилиси, 1967.
548. Церетели Л. Д. Палеолитическая стоянка Квачара. ТИИД, VII, 1963.
549. Цинцадзе В. Бичвинтское городище. «Друг памятников», 26, Тбилиси, 1971.
550. Цицишвили А. Л. Костные остатки животных, добытые археологическими раскопками в Бичвинте. МАГК, IV, 1965.
551. Цицишвили А. Л. Остатки костей животных, найденных Пицундской археологической экспедицией. «НСПИПАИ-1960», 1961.
552. Цицишвили Д. А., Табагуа Г. Г., Хвития Г. П., Пачуашвили Р. И. Электроразведка в археологических исследованиях на примере Бичвинты. САНГ, I, 3, 1968.
553. Цицишвили И. Н. Истоки грузинского зодчества. Опыт периодизации памятников архитектуры первобытно-общинного строя и рабовладельческих государств в Грузии, автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1960.
554. Цицишвили И. Н. Истоки грузинского зодчества. Тбилиси, 1955.
555. Цицишвили И. Н. Редкий памятник искусства. «Дроша», 9, Тбилиси, 1954.
556. Цицишвили И. Н. Храм в Бичвинте. «НСПИПАИ-1952». Тбилиси, 1953.
557. Чартолани Ш. Г. Древние горнорудные выработки в верховьях р. Бзыбь и Кодори. Археологические исследования в Грузии в 1969 г.». Тбилиси, 1971, с. 168—174.
558. Челидзе З. А. Результаты археомагнитного датирования некоторых археологических объектов. «ПАИ-1975», 1974.

559. Чердынцев В. В. Абсолютная геохронология палеолита. «Палеолит и неолит СССР», VI, МИА, 173, 1971.
560. Чердынцев В. В., Казачевский И. В., Кузьмина Б. А. Возраст плейстоценовых карбонатных формаций по изотопам тория и урана. «Геохимия», 9, М., 1965.
561. Черкезия Г. Т. Абхазский государственный музей. ТАГМ, III, 1958.
562. Черненко Б. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
563. Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. «Протоколы Подготовительного комитета V АС в Тифлисе», М., 1879.
564. Чернявский В. И. Из исследований в юго-западном Закавказье. ИРГО, XIII, V, 1878.
565. Чернявский В. И. Ответ на замечания А. Н. Введенского по поводу моей «Записки о памятниках Западного Закавказья» и дополнения». Труды V АС в Тифлисе», М., 1881.
566. Читадзе Л. Ш., Джорбенадзе В. А. Библиография по археологии средневековой Грузии. Тбилиси, 1969.
567. Чубинашвили Г. Н. Ведийская золотая чаша. ВГМГ, X, Тбилиси, 1940.
568. Чубинашвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство X—XVIII вв., Тбилиси, 1967.
569. Чубинашвили Г. Н. Памятники типа Джвари. Тбилиси, 1948.
570. Чубинашвили Н., Рчеулишвили Р. Беслетский мост. «Материальная культура эпохи Руствели». Тбилиси, 1938.
571. Шамба Г. К. Археологические разведки в Гагрском районе. МАИА, 1974.
572. Шамба Г. К. Ахачарху — древний могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970.
573. Шамба Г. К. Керамические изделия позднеантичной эпохи из некрополя Ахачархва. ТСГПИ. XIII—XIV, 1966.
574. Шамба Г. К. Население нагорной Абхазии в позднеантичную эпоху (по археологическим материалам некрополя Ахачарху), автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1966.
575. Шамба Г. К. Некоторые вопросы из истории античной Абхазии. «Алашара», 4, 1965.
576. Шамба Г. К. Новые археологические открытия в Цебельде. «Алашара», 3, 1966.
577. Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера. ИАИ, I, 1972.
578. Шамба Г. К. Об Эшерском античном городище. «XVIII научная сессия АБИЯЛИ (итоги научно-исследовательских работ)». Тезисы докладов. Сухуми, 1969.
579. Шамба Г. К. О мегарских чашах Эшерского городища. ИАИ, IV, 1975.
580. Шамба Г. К. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района. ИАИ, II, 1973.
581. Шамба Г. К. Погребение П в. н. э. из Мацесты. СА, 2, 1970.
582. Шамба Г. К. Позднеантичные погребения нагорной Абхазии. СА, 2, 1965.
583. Шамба Г. К. Раскопки кромлехов в с. Эшера близ Сухуми. «АО-1969», 1970.
584. Шамба Г. К. Стеклянная посуда позднеантичной эпохи из раскопок в районе Цебельды 1962 г. «Тезисы докладов и сообщений научной сессии АГМ, посвященной 50-летию его образования». Сухуми, 1966.
585. Шамба Г. К. Фибулы из некрополя Ахачархва. МАА, 1967.
586. Шамба Г. К. Эшерские кромлехи. Сухуми, 1974.
587. Шанцер Б. В. Новое о террасах Черноморского побережья Кавказа. «Труды советской секции АИЧПЕ», IV, 1939.

588. Шанцер Б. В. Условия залегания и геологическая датировка абхазского палеолита. БКИЧП, 6—7, 1940.
589. Шарден Ж. Путешествие в Грузию. Тифлис, 1935.
590. Шатилова И. И. Этапы развития флоры и растительности Гурии от киммерия до чаудинского века. БКИЧП, 32, 1966.
591. Шелковников Б. А. Два флакона горного хрусталя из находок в Абхазии. ТАГМ, IV, 1974.
592. Шервашидзе Л. А. Абхазия в искусствоведческой литературе. «Под знаменем Октября». Сухуми, 1968.
593. Шервашидзе Л. А., Бгажба О. Х., Бжания В. В., Шамба Г. К., Цвинария И. И. Археологические исследования в Абхазии. «АО-1973», 1974.
594. Шервашидзе Л. А. Гумистинская крепость. «ПАИ-1972», Тбилиси, 1973.
595. Шервашидзе Л. А. Две средневековые стенные росписи Гальского района. ИАИ, I, 1972.
596. Шервашидзе Л. А. Исследование средневекового памятника «Арасараху» (Бороновская церковь) в 1964 году. «XVI научная сессия АБИЯЛИ (итоги научно-исследовательских работ 1964 г.). Тезисы докладов». Сухуми, 1965.
597. Шервашидзе Л. А. Исследования средневекового храма «Ауахвамахва» (Вороновская церковь) в с. Октомбери Абхазской АССР. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР».
598. Шервашидзе Л. А. Монументальная средневековая живопись на территории Абхазии, автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1971.
599. Шервашидзе Л. А. Неизвестный храм на горе Амбара Гудаутского района около с. Хуап. «XVII научная сессия АБИЯЛИ). Итоги научно-исследовательских работ 1968 г., тезисы докладов». Сухуми, 1969.
600. Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. Тбилиси, 1971.
601. Шервашидзе Л. А. Пицундский мозаичный пол. «VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси». Тбилиси, 1965.
602. Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами. Сухуми, 1967.
603. Шервашидзе Л. А. Пшандра (Айлага-абыку). «ПАИ-1973», 1974.
604. Шервашидзе Л. А. Работы в Гудаутском районе Абхазской АССР. «АО-1964», 1965.
605. Шервашидзе Л. А. Резные камни церкви на холме Арасараху близ Цебельды. ИАИ, IV, 1975.
606. Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса. СА, 3, 1960.
607. Шервашидзе Л. А. Столб из села Анухва. ТАГМ, IV, 1974.
608. Шервашидзе Л. А. Церковь в с. Акапа (Одиши) около Сухуми. ТАИ, XXX, 1960.
609. Шервашидзе Л. А. Цкелкари (Ацкар), МАА, 1967.
610. Шмерлинг Р. О. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1957.
611. Шмерлинг Р. О. К вопросу датировки росписи храма Бедиа. САНГ, XVIII, 4, 1957.
612. Шмерлинг Р. О. К вопросу о хронологии распределения частей росписи храма в Бедии. «Тезисы IV научной сессии Института грузинского искусства АН ГССР». Тбилиси, 1949.
613. Шмерлинг Р. О. Малые формы в грузинской средневековой архитектуре. Тбилиси, 1962.

614. Шмерлинг Р. О. Образцы декоративного убранства грузинских рукописей. Тбилиси, 1940.
615. Шония Н. Я. К изучению топонимики Восточной Абхазии. ДМ, 21, 1970.
616. Щелинский В. Б., Островский А. Б., Якушевич Ю. Д. Новые палеолитические памятники на Черноморском побережье Кавказа между Туапсе и Сочи. «АО-1969», 1970.
617. Якобсон А. Л. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия). КСИА, 132, 1972.
618. Brosset M. F. Histoire de la Géorgie, II partie, I livraison, SPb, 1856.
619. Brosset M. F. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847—48, VI—VII, SPb, 1850.
620. Golenko K. Kolchis "Chiron", Bd. 2, München, 1972.
621. Ivaschenko M. M. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens, ESA, 7, 1932.
622. Levintas W. B. Irrtum um 100 Jahre. Die Kelassurische Mauer, "Exact" (Informationen aus Wissenschaft und Technik in der Sowjetunion), 7—8, Stuttgart, 1975.
623. Martel E. A. Le côte d'Azur Russe. Riviera du Caucase, Bruxelles, 1904.
624. Mourier J. L'art du Caucase. Odessa, 1883.
625. Pachulia V. P. La città dei figli di Giove Dioscuria, "Realtà Sovietica" 135, Giogno, 1964.
626. Pachulia V. P. Soviet Archeologie: the Search for Lost Dioscuria in the Eastern Black Sea. — the City the heavenly Turms founded, "The Illustrated London News", April, 25, 1964.
627. Picard Ch. La Stèle grecque du Souchoumie en Colchide (Caucase). RA, XLVII, 6e série, 1956.
628. Riehm K. Die Formsalzproduktion der vorgeschichtlichen Salzsiedestätten Europas, "Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte", Bd. 44, Halle (Saale), 1960.
629. Riehm K. Die Red Hills in England und ihre Problematik, "Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte", Bd. 43, Halle (Saale), 1959.
630. Riehm K. Vorgeschichtliche Saltzgewinnung an Saale und Seille, "Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte", Bd. 38., Halle (Saale), 1954.

Список сокращений

АГМ	— Абхазский государственный музей, Сухуми
АО	— Археологические открытия, М.
БКИЧП	— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, М.
ВА	— Вопросы антропологии, М.
ВВ	— Византийский вестник, М.
ВГ	— Вопросы географии, М.
ВГМГ	— Вестник Государственного музея Грузии, Тбилиси.
ВДИ	— Вестник древней истории, М.
ГАИМК	— Государственная академия материальной культуры, М.
ГИМ	— Государственный исторический музей, М.
ЖМНП	— Журнал министерства народного просвещения, СПб.
ЗКОИРГО	— Записки Кавказского отдела Русского Географического Общества, Тифлис
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса

ИА	— Институт археологии АН СССР, М.
ИАНО	— Известия Абхазского Научного общества, Сухуми
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры, М.
ИНИИК	— Известия научно-исследовательского института Кавказоведения, Тбилиси.
ИРГО	— Известия Российского географического общества
КСИА	— Краткие сообщения института археологии, М.
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры, М.
МАА	— Материалы по археологии Абхазии, Тбилиси
МАГК	— Материалы по археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси
МАИА	— Материалы по археологии и искусству Абхазии, Сухуми
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, М.
НИТ	— Наука и техника, М.
НСПИПАИ	— Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований, Тбилиси
ПАИ	— Полевые археологические исследования в Грузии, Тбилиси
ПИСП	— Проблемы истории Северного Причерноморья, М.
СА	— Советская Археология, М.
САИ	— Свод археологических источников, М.
САНГ	— Сообщения академии наук Грузинской ССР, Тбилиси
СМИА	— Сборник материалов по истории Абхазии, Сухуми
СМОМПК	— Сборник материалов к описанию местностей и племен Кавказа, Тифлис
ТАГМ	— Труды Абхазского государственного музея, Сухуми
ТАИ	— Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, Тбилиси — Сухуми.
ТИАК	— Труды института абхазской культуры, Сухуми.
ТИГН	— Труды института геологических наук, М.
ТИИД	— Труды института истории им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, Тбилиси.
ТКИЧП	— Труды комиссии по изучению четвертичного периода, М.
ТКЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, Ставрополь.
ТОИПКГЭ	— Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, Л.
ТСГПИ	— Труды Сухумского Государственного педагогического института, Сухуми.
ЦГАА	— Центральный государственный архив Абхазской АССР. Сухуми.

Очерки истории Абхазии

* Рукопись данной книги (соавтор — Р. Н. Кацян) перед началом Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. находилась в местном издательстве «Алашара». Во время оккупации г. Сухум войсками Госсовета Республики Грузия она была утеряна, а затем обнаружена опубликованной под фамилией В. Яговитина в Майкопе в 1995 году.

Введение

Географы сформулировали мудрый вывод: человек и все его творения — органическая часть ландшафта Земли последних тысячелетий. Человек порожден природной средой (греч. эко), и каждый его шаг и теперь зависит от ее непреложных законов. История человечества, частью которой является история населения Абхазии, — последняя из известных нам глав истории земной природы. В начале своего пути, которое лежало в юго-восточных районах Африки, небольшое сообщество собирателей и охотников находилось в пассивной и безусловной зависимости от прихотей природы. Их жизнь в течение сотен тысяч лет была связана с вопросом — выживут ли? И только в эпоху мезолита, когда на Земле их стало, как полагают, пять миллионов, люди вышли наконец на такой уровень знаний о тайнах природы, когда смогли вступить с ней в диалог. Первой фразой в нем было сельское хозяйство, огороды и загоны для скота, которые ложились поначалу мало заметными штрихами на бескрайнюю ширь лесов.

Постепенно люди раздвигали границы своих полей, быстрее и качественнее их обрабатывали, получая дополнительные продукты питания, что способствовало увеличению числа людей, не умирающих от голода. В пятом тысячелетии до н. э. на Земле жило 20 миллионов человек, в начале первого тысячелетия до н. э. — 80 миллионов, на рубеже нашей и старой эры — 250 миллионов, а тысячу лет назад уже 350 миллионов. Поля, которые должны были насыщать людей, поглощали все новые и новые участки нетронутой природы, стада домашних животных вытаптывали окрестности поселений и уничтожали растительность. Строительство домов, крепостей и храмов расширяло вырубку лесов, заготовку камня и глины. Пылали гончарные, металлургические, стекловаренные, известкообжигательные печи, пожирающие огромное количество древесины. Люди потребляли все больше металлов для изготовления орудий труда, оружия, украшений, утвари. Но их зависимость от природы продолжала оставаться столь значительной, что подавляемые ее могуществом, они продолжали чтить и уважать ее, заселяя горы и леса, реки и почву различными языческими божествами, а затем стали поклоняться единому Богу — творцу всего сущего.

Прошло еще несколько столетий и наступила эпоха пара, машин, электричества. Люди решили, что они являются полноправными хозяевами природы и удесятерили эксплуатацию ее ресурсов. Их теперь стало много и они обособились в разного рода границах, находя новые способы все более успешного взаимного подавления и уничтожения окружающей среды. Отвлекаясь на бесконечное умножение и совершенствование искусственных вещей вокруг себя, люди стали забывать не только о своей генетической связи с природой, но и друг с другом. Сегодня пятимиллиардная человеческая семья, связанная крепкими кровными, языковыми, территориальными и культурными узами, под воздействием игры искривленного историческим беспамятством самосознания в отдельных своих частях часто не помнит того, что является наследниками всего того, что было выработано нашими предками в течение тысячелетий проб и ошибок.

Между тем строятся гигантские города, которые затягиваются все удушающим смогом, травятся химикатами и подвергаются эрозии сельскохозяйственные угодья, продолжают вырубаться леса, усыхают реки и родники: лицо земли меняется все быстрее. Если поселения неолита смотрелись на нем когда-то редко разбросанными точками, то теперь такими островками все чаще становятся нетронутые участки природы. Как некогда динозавры, человечество приближается к рубежу, за которым — ничто и никого. Ресурсы земли ограничены, а без почвы, воды и воздуха человеку жизни не будет. Выход — в формировании у каждого экологического сознания, т. е. той степени общей и индивидуальной культуры, когда каждый независимо от возраста и пола, социального положения и национальности будет держать себя в таких рамках поведения, которые не дадут ему возможности потреблять и переводить природные ресурсы в неразумных, губительных для него количествах. Речь идет не просто о режиме экономии, а о поиске таких форм и способов приспособления, которые обеспечили бы возможно более длительное существование человеческого рода на породившей его Земле. Подлинная же культура немислима без истории, т. е. знания о развитии человеческого общества, его материальной и духовной культуры, знания о наших предках и их исключительно сложной жизни, полезных достижениях и вредных ошибках.

Один из важнейших уроков исторического знания: ничто в человеческом обществе не делается в одиночку, человек — общественное существо, и вся его биография состоит из фактов разносторонних внешних связей с себе подобными. Точно также нет истории «в себе» и у отдельных народов — их коллективные биографии представляют собой еще более усложненную систему (территориальную, экономическую, языковую, культурную, психологическую и кровную) внешних связей, в прямой зависимости от качества и сложности которых находится уровень благосостояния людей. Чем общество открытее и свободнее в разумной реализации этих связей, тем оно богаче и культурней, всякая же изоляция — обособление, эгоизм, замыкание в себе, алчность правителей и невежество масс, ведут к общему обнищанию и гибели.

История абхазов уходит своими корнями в глубину тысячелетий. Наиболее достоверные факты из жизни народов сохраняют письменные источники, согласно которым уже две тысячи лет назад на территории современной Абхазии жили апсилы и абасги — прямые предки нынешних апсуа-абхазов. Более глубинная их история прослеживается трудно, на уровне более или менее правдоподобных гипотез. Согласно одной из них прямыми предками абхазов могли быть кашки-абешлайцы, проживавшие во II — начале I тысячелетий до н. э. на территории нынешней Турции, что позволяет предполагать существование некогда более обширной территории расселения абхазо-адыгов, включающей северо-восточные районы Малой Азии, Колхиду и северо-западный Кавказ. В археологических материалах ищут исследователи обоснование тезиса, согласно которому родиной предков абхазо-адыгов был Северо-Западный Кавказ и что основным выражением этой общности была дольменная культура, расцвет которой падает на первую половину II тысячелетия до н. э. Еще глубже прослеживают историю предков абхазов языковеды. Согласно одной из гипотез носители общего абхазо-адыгского праязыка выделились из северокавказской языковой группы около рубежа III и II тысячелетий до н. э., предки же северокавказцев приблизительно 11 тысяч лет назад еще входили в синокавказскую языковую общность, из которой позже выделились также носители енисейских (кеты и др.) и синотибетских языков (китайцы, тибетцы, бирманцы и др.). Таким образом, в древнейших слоях абхазского языка отложились свидетельства, уводящие историю этого языка и его носителей за 10-тысяч лет от наших дней и позволяющие включить абхазский язык в ряд уникальнейших реликтов, сохраненных западнокавказскими теснинами.

Из-за ограниченности наших знаний и отрывочности источников сегодня цельную историю предков нынешних абхазов написать невозможно, хотя из имеющихся материалов ясно, что эта история (как и история предков других народов) с глубокой древности разворачивалась на обширной территории Евразии и Африки. Сегодня, однако, абхазы компактно проживают и сохраняют свою индивидуальность в административных границах, обусловленных событиями революции, преобразившей лицо Российской империи в начале текущего столетия. И по традиции, сложившейся в отечественной историографии, история абхазов ограничивается этими рамками, т. е. речь идет фактически об истории не столько всего абхазского народа (включая биографии переселившихся, уведенных в плен, проданных в рабство и т. д.), сколько его части, проживавшей и проживающей на данной географической территории. Исключение делается лишь для VIII—X веков, когда административные границы Абхазии были отодвинуты на время далеко на восток.

Несколько слов о характере источников. Долгое время для реконструкции древнейшей истории народов отечественные и зарубежные исследователи широко использовали антропологический и археологический материал, пытаясь на этой основе очерчивать границы расселения и направления перемеще-

ния народов. Однако в последнее время у ведущих специалистов мира выработалось более осторожное отношение к этим источникам, поскольку, например, антропологический признак, как оказалось, может дать однозначный ответ лишь в том случае, если доказано, что данное сообщество развивалось изолированно от соседних групп, не вступая с ними в родственные связи. Однако таких сообществ на Земле практически не было. О том же свидетельствуют и археологические материалы, характеризующие быт, жилища, типы хозяйства, вооружение, одежду, мировоззрение древних людей. Долгое время ставился знак равенства между археологической культурой (основная единица археологической классификации и систематизации вещественных источников) и конкретным народом — этносом. На территории Абхазии для бронзовой и античной эпох исследователями было выделено несколько археологических культур — дольменная, очамчирская, эшерская — вариант колхидско-кобанской, пацхирская, цебельдинская... Свои названия они получили от современных географических пунктов и областей, где впервые отмечены характеризующие эти культуры вещи и обряды. Позднее, однако, многие из этих признаков обнаруживались и на соседних территориях. Оказалось, что преобладающими в практической жизни людей всегда были не традиции, а новшества, обусловленные воздействием моды и потребностями эпохи. Элементы материальной культуры по принципу эстафеты распространялись среди человеческих сообществ тем быстрее и глубже, чем выше становился их общий культурный уровень.

Лишь в сочетании с письменными источниками, т. е. на классово-государственной стадии общественного развития, антропология и археология уже с полным основанием могут характеризовать облик и конкретные стороны жизни и быта данного народа. К сожалению, письменные источники (римско-византийские, армянские, грузинские, итальянские и турецкие) для периода до XVII века почти не содержат конкретных сведений о народной жизни, сохранив нам имена царей и отдельных феодалов, общую канву политической и отрывочные моменты культурной жизни. И лишь в XIX веке письменные источники, наконец, обнимают весь комплекс черт народной и административной жизни края. Поэтому история Абхазии до XIX века содержит мало имен и конкретных фактов о деятельности отдельных личностей, а ее материал строится на интерпретации косвенных данных письменных источников и результатов археологических раскопок, вскрывших едва ли десятую долю свидетельств, необходимых для реконструкции более или менее полной картины развития человеческого общества в крае.

Раздел I. ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И РАННЕ-КЛАССОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АБХАЗИИ

Глава I. Охотники и собиратели каменного века

§ 1. На заре человеческого общества

Заселение Абхазии человеком. Первые представители человеческого рода, еще очень мало на нас похожие, стали проникать в Западное Закавказье в последней трети четвертичного периода, около 500, а может быть, и 300 тысяч лет назад со стороны Малой Азии, через возвышенности, окаймлявшие море, которое занимало в тот период нынешнюю Колхидскую низменность. Уровень моря тогда был на 60 метров выше современного и поэтому нынешняя прибрежная зона стала обитаемой много позднее, когда море отступило. Полагают, что сначала сюда пришли архантропы (греческ. «первоначальные люди»), затем палеоантропы (греческ. «древние люди») и, наконец, неандертальцы (получили свое название от деревеньки Неандерталь в Германии, где впервые были обнаружены их кости). Они продвигались небольшими группами по несколько десятков особей, связанных кровным родством.

Похолодания и потепления сменяли друг друга, ледники наступали и отступали, холодоустойчивые растения уступали место теплолюбивым, так же менялся и животный мир. Соответственно и ущелья то обезлюдивали, то снова отражали эхо еще получеловеческих голосов.

Древнейшие изделия первобытного человека на территории Абхазии выявлены в полосе низких предгорий, на поверхности древних морских и речных террас, и на склонах передового известнякового хребта. Всего на территории Абхазии известно сегодня до 130 пунктов находок древнейших орудий труда, характеризующих так называемую ашельскую (от названия французского местечка Сент-Ашэль, где впервые были найдены соответствующей формы орудия) стадию древнекаменного века (нижний палеолит). Первые люди селились вблизи родников и по берегам ручьев, в местах изобилия растительной пищи, где могли ловить рыбу и устраивать засады на животных, в скрытых от ветра ложбинках, рядом с источниками сырья. Они подолгу задерживались у кремненосных известняковых обнажений, где основывали «мастерские» по

производству каменных орудий труда. Уже архантропы умели делать рубила, ножи и скребки, которые, несмотря на свою примитивность, служили человеку важнейшим подспорьем в поддержании его жизнеспособности. Эти люди могли уже пользоваться огнем и умели его разжигать.

Серийное производство и специализация орудий свидетельствуют о том, что человек того времени достаточно ясно осознавал результаты своих трудовых операций. Долговременная оседлость способствовала изживанию стадных отношений и формированию таких форм организации труда, когда деятельность каждого из членов данной группы предопределялась в первую очередь уже интересами всего коллектива. Быстрое распространение прогрессивных приемов обработки кремня, применявшихся первыми жителями Абхазии, свидетельствует об укреплении связей между соседствовавшими объединениями людей.

О том, как жили первые поселенцы на территории Абхазии, с наибольшей полнотой рассказывают материалы, выявленные на северо-восточной окраине Сухума, вдоль подошвы и на склонах горы Яштуха. Яштухская стоянка первобытного человека — одна из древнейших и крупнейших в СССР, ее площадь составляет около 70 га. В древности рельеф этих мест образовывали широкие плоские водоразделы, широкие речные террасы и просторные долины рек. Плосковатые вершины гор были легко доступны, и там велась охота на туров и другую дичь. На берегах мелководных озер первобытные люди били водоплавающую дичь или подкарауливали зубров, диких коз и оленей, спускавшихся к водопою.

Важнейшая особенность природы Яштуха — выходы пластов известняка, богатого кремневыми включениями. Тысячелетиями разрушавшийся ветрами и влажным климатом скальный массив образовал мощные россыпи сырья, привлекавшего сюда человека на протяжении многих десятков тысяч лет. Вся Яштухская стоянка — это грандиозная мастерская, где постоянно в том или ином ее уголке шли поиски подходящего материала для орудий и их изготовление. Территория стоянки буквально усеяна многочисленными осколками кремня (отходы производства) и различными изделиями (недоделанные, поврежденные во время использования или потерянные кем-то орудия). Помимо мастерских, на Яштухе уже на самой ранней стадии существовали стойбища длительного пользования и кратковременные лагеря. Основным орудием было массивное грубообработанное с обеих сторон рубило, при обработке сырья широко использовались различные отбойники, а для изготовления деревянных копий и дубин, а также при обработке кож животных применялись скребки, скребла и проколки.

Люди среднего палеолита. Около 100 тысяч лет назад Кавказ покрылся ледниками, языки которых достигали среднегорных долин — например, в Цебельде ледник лежал на высоте всего 300 метров над уровнем моря.

В последующую эпоху потеплений предгорья и ущелья Абхазии были вновь заселены группами неандертальцев, создавших здесь особый вариант мустьерской (от названия деревни Ле Мустье во Франции, где были впервые обнаружены соответствующего типа орудия труда) или среднепалеолитической культуры. На территории Абхазии сегодня свыше 100 пунктов находок мустьерских орудий, характеризующих период примерно от 90 до 35 тысяч лет назад. Главная особенность мастерской культуры Абхазии — сосуществование в ней двух направлений в способе изготовления орудий труда, которые можно объяснить деятельностью различных социально-биологически неоднородных человеческих сообществ.

Основными занятиями мустьерцев были охота, сбор питательных растений и корнеплодов, изготовление орудий труда. В это время люди научились делать составное (из дерева и камня) охотничье оружие — рогаины, копья и дротики. Основной пищей мустьерцев было мясо пещерного медведя. Все чаще добычей становился и быстроногий олень. Увеличение запасов пищи удлиняло сроки пребывания на одном месте и разграничивало сферы мужского и женского труда. Женщины перестали далеко уходить от стоянок, занимались поддержанием огня, копчением мяса, сбором и обработкой растительной пищи, изготовлением одежды. Так, помимо кратковременных охотничьих стоянок и мастерских по добыче и первичной обработке кремня, появляются и долговременные многофункциональные стойбища, жители которых были объединены не только совместной работой по добыче средств к существованию, но и зачатками родовых отношений. В конце периода на основе взаимосвязей между такими коллективами формируются пред-племена — этнически близкие группы общин, связанные единством территории, хозяйства и культуры. Исследователи предполагают, что мустьерцы в общении друг с другом уже пользовались значительным числом слов и звуков, однако конкретные факты по этому вопросу вряд ли когда-либо будут нам известны.

В мустьерский период все большую роль в жизни людей начинают играть пещеры — естественные укрытия в известняковых скалах, во множестве существующие в горной зоне Абхазии. Древнейшие следы пещерного обитания людей, относящиеся к раннемустьерскому периоду, выявлены в Ахштырской пещере вблизи Адлера (300 метров над уровнем моря) и в гроте Апианча (Кёп-Богаз) близ Цебельды (250 метров над уровнем моря). Вокруг этих пещер в момент их первого заселения росли темнохвойные леса, которые ныне занимают склоны гор выше 1200 метров над уровнем моря. К позднему мустьерскому времени относятся такие жилища закрытого типа, как пещера Мачагуа в селе Хуап и пропасть Абхазских спелеологов вблизи Нового Афона.

Пропасть Абхазских спелеологов расположена в ущелье реки Псырца. Сегодня вход в пещеру находится на крутом склоне горы Акую в вековом лесу. Он представляет собой небольшое отверстие, еле пропускающее человека в

толщу известняков. Без лестницы и иного специального снаряжения сегодня в пещеру попасть нельзя. 60 метров вертикального хода отделяют поверхность земли от дна пещеры; из них 27 метров надо спускаться в черной пустоте от отверстия в потолке громадного естественного зала, широкими проемами связанного с двумя соседними. Большая часть дна пещеры засыпана обломками скал, время от времени падающих с потолка. Между ними много щелей, по которым можно добраться до ее древнейшего пола, где сохранились россыпи костей пещерного медведя. Пещера богато украшена различными природными натечными образованиями — сталактитами, сталагмитами, каменными цветами, драпировками и т. д. В глубине пещеры в наиболее пониженной ее части выявлены остатки обширного кострища и скопление костей пещерного медведя. Поверх углей и костей натекли метровый сталагмит и толстая кальцитовая корка. Среди углей обнаружены кремневые орудия, изготовленные около 50 тысяч лет назад. Среди них были остроконечники, служившие наконечниками примитивных копий, скребла, отщепы и обломки, свидетельствующие, что стоянка в пещере служила не только временным пристанищем для охотников, но и мастерской по изготовлению орудий труда. Сегодня горизонтальный ход, связывавший пещеру с поверхностью, засыпан, но в глубокой древности он долгое время служил людям. Можно легко себе представить, как одетые в шкуры охотники, вооруженные копьями, с факелами в руках, осторожно проникали по нему внутрь, забивали скрывшихся там медведей и лакомились их мясом, сидя у костров.

§ 2. Век кроманьонца

«Человек разумный» в Абхазии. Примерно 35 тысяч лет назад территория Абхазии была заселена кроманьонцами (от названия пещеры Кро-Маньон во Франции, где впервые были обнаружены их костные остатки), по своему физическому типу уже почти не отличавшимися от ныне живущих людей. Их появление было обусловлено естественным отбором в условиях жесточайшей борьбы за существование и напряженного труда десятков тысяч поколений предшественников. Сегодня на территории Абхазии известно свыше 100 пунктов находок орудий труда, характеризовавших две следующие за мустьерской стадии развития человеческого общества — их археологи назвали соответственно верхнепалеолитической (она длилась между 35—12 тысячами лет до н. э.) и мезолитической (от греческого «мезоз» — «между» и «литос» — «камень»), охватывающей примерно 12—7 тысячелетия до н. э.

По поводу происхождения человека современного типа в науке сложилось два направления. Первое из них, определяемое как «полицентризм», предлагает считать, что люди современного физического типа появились более или менее одновременно в нескольких регионах земного шара (Африка, Азия, Европа).

Это позволило бы предполагать возможность эволюции человека, скажем, от архантропа до неандертальца и на территории Абхазии. Представители второго направления, получившего название «Ноев ковчег», доказывают, что люди нашего облика возникли в одной точке земного шара, откуда затем распространились по всей его поверхности. Сегодня в науке явный перевес получила последняя гипотеза. Центром формирования неоантропа — «нового человека» или «человека разумного» определена южная или центральная часть Восточной Африки, где люди соответствующего типа появились около 125 тысяч лет назад. Это была небольшая — в несколько десятков или даже единиц — группа особей, от которой и произошло все нынешнее многомиллиардное население земли. Около 100 тысяч лет назад неоантропы, расселившись по всей Африке, проникли на Ближний Восток. Тогда же началась расовая дифференциация: от темнокожего нашего общего предка отделились сначала представители желтой расы, начавшие свое шествие на восток Азии и далее на американский континент. В Европу неоантропы пришли 36—38 тысяч лет назад, вытеснив отсюда исконное неандертальское население. Примерно тогда же они заселяли Кавказ, в том числе и Абхазию.

История собственно человечества ведется с верхнепалеолитической эпохи, когда была создана первичная общественная ячейка — община, состоявшая из нескольких больших семей, обитавших либо в пещерах, либо в современных деревянных жилищах. Одно такое жилище частично исследовано на окраине Сухума (Лечкоп). Семья группировалась вокруг женщины-матери, уважаемой хранительницы кровного родства, огня и традиций. Именно тогда, в, как ее называют, эпоху матриархата, прочно вошли в быт первобытного человека украшения, кроеная одежда из кожи и меха, плетенные веревки, лук и стрелы, гарпуны для охоты на рыбу. Появились первые произведения живописи и скульптуры, начали налаживаться экономические связи между отдаленными регионами. Особенностью духовной жизни становится уважение к умершим, началась языковая дифференциация, сложились некоторые другие черты человеческой жизни, характеризующие нас до сих пор. Совершенствование навыков в обработке кремня и дерева привело к изобретению составных орудий труда — ножей, серпов, гарпунов, и т. д. Полагают, что мышление и память верхнепалеолитического человека позволяли собирать определенные сведения, которые передавались из поколения в поколение в форме достаточно еще примитивных преданий и мифов. В религиозной жизни важное место занимали культы различных животных, растений, явлений природы, предков и т. д.

В мезолите возникли серьезные трудности в поисках пищи. Более совершенное охотничье оружие, к которому добавились лук и стрелы, привело к обеднению фауны — исчезли последние пещерные медведи, большее значение приобрела охота на мелких животных. Одновременно усилилось значение рыболовства и собирательства (дикие плоды, грибы, орехи, птичьи яйца, улит-

ки и т.д.). Оскудение пещерных ресурсов привело к раздроблению общин, резкому уменьшению площади и числа поселений, учащению межплеменных столкновений. Интересы внутривидового выживания обусловили необходимость перехода от хозяйства присваивающего, когда человек полностью зависел от капризов и ресурсов природы, к хозяйству производящему.

Важные сведения о быте «человека разумного» на территории Абхазии сохранили его пещерные жилища, исследованные в окрестностях Цебельды (Холодный грот, Апианча и др.).

Холодный грот (абхазск. Хупынипшахва) расположен в исключительно живописной местности у подошвы скалистого мыса, образованного слиянием рек Кодора и Джампала. Треугольное отверстие грота с ровной площадкой перед ним вознесено на 30 метров над уровнем реки и легко доступно. Древние люди около 20 тысяч лет назад освоили под жильем площадку перед гротом и нишу грота. Сначала здесь в условиях сухого и холодного климата последнего оледенения короткое время скрывались группы охотников. Небольшая первобытная община прочно осела под каменным сводом лишь после отступления ледников, когда горные ущелья заполнились дикорастущими плодами, а реки — рыбой. Охотились жители грота на медведя, благородного оленя, кабана, рысь, куницу, тура, зубра, хомяка, выдру, тетерева кавказского, фазана и т. д. Среди разнообразных орудий труда примечателен так называемый «жезл начальника» — орнаментированное линейным узором предплечье пещерного медведя с заполированным от употребления отверстием. Орнаментированы и костяные гарпуны, с помощью которых жители грота ловили лосося и другую крупную рыбу. Почти такой же формы гарпуны обнаружены на юге Франции. Довольно многочисленные орудия из вулканического стекла — обсидиана — свидетельствуют об уже регулярных и хорошо налаженных торговых связях с более южными районами Закавказья, откуда (Армянское нагорье) поступало это сырье. В Холодном гроте обнаружен наиболее обширный материал об облике человека, населявшего Абхазию в эпоху мезолита. В глубине грота была исследована ниша, куда его жители забрасывали свои пищевые отходы. Здесь найдено и много человеческих костей, в том числе обломков черепов. Известный советский антрополог М. М. Герасимов воссоздал по этим костям облик древнего цебельдинца, установив, что еще 12—15 тысяч лет назад население горных ущелий Абхазии характеризовалось выраженными негроидными признаками. Аналогичная закономерность отмечена и в ряде других районов Европы, прилегающих к Средиземному морю (Испания, Италия, Греция и др.).

Пещерные жилища. Около 100 тысяч лет назад появились под сводами грота Апианча первобытные охотники. Однако только «человек разумный» в полной мере оценил его возможности. Грот расположен в ныне безводном ущелье между горами Апианча и Адагуа. Многометровый пласт культурных

накоплений сохранил остатки десятков костров, вокруг которых найдены орудия труда, отходы производства и остатки пищи. Интересен обломок сланцевой породы с нанесенными по его краям соответственно пятью и девятью черточками. Европейские ученые уже давно отметили, что в верхнепалеолитической графике наиболее употребительны числа 5, 9 и 17, но на Кавказе такая закономерность пока отмечена только в гроте Апианча. Помимо декоративного значения эти насечки свидетельствуют о появлении счета и позволяют оценивать этот обломок как древнейший математический памятник в крае.

К редчайшим реликвиям относятся суставная часть кости пещерного медведя и камни, в выемках которых жители грота растирали охру. Эта природная краска служила для татуировки тела. Можно полагать, что жители грота специально расписывали свое тело в магических целях, стремясь добиться успехов в охоте и рыбной ловле, в сохранении своей жизни и т. д. Охота велась на пещерного и бурого медведя, благородного оленя, диких кабанов и зайцев, лосося. К редчайшим находкам относится и крупная, из полированной кости, игла с ушком. Сравнительно прохладный климат заставлял тепло одеваться, стимулировал искусство местных портных.

Результаты исследований грота Апианча давно получили мировой резонанс. В Цебельде неоднократно проходили выездные заседания международных конгрессов, материалам из грота посвящено множество докладов, статей и заметок в научной и популярной литературе. Пещера Апианча сегодня является эталонным памятником в изучении палеолита не только в СССР, но и во всей Евразии. Нигде в мире сегодня нет стоянки, где бы так четко были охарактеризованы переходы от эпохи мустье к верхнему палеолиту, от него к мезолиту и к неолиту.

Глава 2. Древнейшие земледельцы и скотоводы Абхазии

§ 1. Эпоха глиняного горшка и каменной мотыги

Становление производящего хозяйства. В шестом тысячелетии до н. э. население северо-восточного Причерноморья вошло в эпоху неолита (от греческого «неос» — новый, и «литос» — камень) или новокаменного века, когда произошли решающие изменения в способах добывания человеком пищи — на смену непроизводительному, присваивающему хозяйству охотников и собирателей пришло земледелие и скотоводство. Производящее хозяйство на Кавказе возникло в условиях тесных контактов с переднеазиатским населением, частично сформировавшись на местной основе, частично впитав новые черты, привнесенные с юга. При этом Западное Закавказье выделилось в отдельную культурную область, служившую проводником распространения производящего хозяйства в южные районы Восточной Европы (Северный Кавказ, Крым, Левобережная Украина).

Первые зерновые колоски были выращены человеком на Ближнем Востоке еще в девятом тысячелетии до н. э. Вызванное этим перенаселение заставило часть жителей этого региона искать новые земли, пригодные для обработки. Они разнесли с собой навыки земледелия по всему Средиземноморью, Центральной Европе и Кавказу. С появлением земледелия прежний, относительно единый процесс развития человечества резко изменился, став неравномерным. В местах с благоприятными природными условиями (Ближний Восток, Египет, затем Малая Азия, Балканы и Кавказ) развитие человеческого общества ушло далеко вперед и сохраняло свои преимущества на протяжении тысячелетий.

Неолитические поселенцы создавали свои поля, расчищая их от леса. Срубленные деревья и кустарник сжигали и обрабатывали участок с помощью каменных мотыг и палок-копалок. Рядом строили несколько домов и ограды для скота. Древнейшие земледельцы не умели еще возвращать земле ее плодородие, и, когда спустя пятнадцать — двадцать лет она истощалась, они создавали новое поселение, выжигая новые участки леса. Люди неолита жили боль-

шими семьями, состоявшими из нескольких малых (парных) семей. Неолитическая эпоха — время расцвета матриархата, когда во главе семей стояли женщины. Главные виды хозяйства — примитивное земледелие, изготовление керамической посуды и другие повседневные работы, связанные с домашним очагом, были сосредоточены в ее руках. Дочери оставались в родном доме, а сыновья уходили в дома невест. Количество населения росло, так как земледелие позволяло его прокормить, а оседлый образ жизни способствовал более успешному выживанию детей. Первыми из растений человеком возделывались пшеница, ячмень, чечевица, горох, вика и рожь. Первыми прирученными животными были собака, овца, коза, свинья и, возможно, тур.

Оседлая жизнь и ведение регулярного хозяйства позволили сделать много важнейших усовершенствований, которые распространялись быстрее, чем в условиях быта изолированных групп охотников и собирателей. Именно тогда были изобретены новые виды орудий, облегчивших и улучшивших человеческую жизнь: зернотерки, ступы и песты для размола зерна, шлифованные каменные топоры для рубки и обработки дерева, глиняная и каменная посуда для приготовления пищи и хранения запасов, пряслица и примитивные ткацкие станки для изготовления тканей.

На территории Абхазии известно до 20 пунктов находок изделий неолитического времени. На раннем этапе неолита все еще используются пещерные жилища (стоянки верхних слоев грота Апианча и Холодного грота, где найдены зерна проса). Однако позднее в условиях распространения навыков строительства деревянных хижин, поселения располагаются уже, как правило, на открытых площадках и поймах рек и на террасах (Лемса, Кистрик, Чхуартал и др.).

Поселки земледельцев. Небольшой (до 0,5 га площадью) поселок в урочище Лемса занимал пологий, обращенный к югу, склон горы Прцха вблизи ущелья с родником (западнее совр. села Цебельда). Его жители уже пользовались жатвенными ножами с лезвием из кремневых пластинок, примитивными терочниками для размола зерна, каменными мотыжками, вели простейшие торговые операции, приобретая для изготовления отдельных орудий вулканическое стекло-обсидиан в районах, расположенных юго-восточнее (Армянское нагорье). Но они еще не знали шлифованных топоров и почти не пользовались керамической посудой.

Поселение Кистрик — самое крупное из известных на Кавказе неолитических поселений — расположено западнее Гудауты, на правом берегу небольшой речки Кистрик, вблизи берега моря. Его площадь более четырех гектаров. Основой деятельности кистрикцев был рыбный промысел. Устье речки представляло тогда длинный узкий залив, куда заходил на нерест лосось. Поселяне возводили деревянные дома с вымощенным галькой полом и ограды, спустили лодки-однодеревки, которыми пользовались во время первых в истории края плаваний вдоль побережья, изготавливали каменные деревообрабатываю-

щие шлифованные топоры, пращевые шары, зернотерки, каменные мотыги, кремневые наконечники стрел и дротиков, керамическую посуду простейших форм. Помимо рыболовства и заготовки рыбных запасов, кистрикцы обрабатывали землю, занимались охотой, шили одежду. Наличие здесь значительного числа обсидиановых орудий указывает на сохранение преимущественно юго-восточных экономических и культурных связей.

§ 2. На заре медно-бронзового века

Стоянки с мотыжками. Шли века. Камень, дерево, кость уже не устраивали человека как основной материал для орудий труда — появились первые металлурги; сперва орудия делались из меди (кинжалы, шилья), затем из бронзы, в основном мышьяковистой. Конец четвертого — второе тысячелетие до н. э. — время все большего распространения продукции. Однако орудия из камня продолжали играть важнейшую роль в хозяйстве на протяжении всего медно-бронзового века. Наиболее яркие памятники этого периода — стоянки земледельцев с тысячами каменных мотыжек так называемого «сочи-адлерского» типа, выявленные в северо-западной Абхазии. Помимо мотыг, жители этих поселков изготавливали кремневые наконечники стрел и дротиков, вкладыши для серпов, костяные проколки, иглы и другие предметы.

Сегментовидные каменные мотыжки и некоторые другие изделия этого времени находят разительно близкие аналогии в ряде переднеазиатских памятников ранне-металлической эпохи (Хасунна, Сиалк, Сузы, Джемдет-Наср и др.). Это сходство либо свидетельствует о новом проникновении на рассматриваемую территорию ближневосточных переселенцев, либо должно быть объяснено тем, что на одинаковом уровне социально-экономического развития различные группы людей вне связи друг с другом приходят к сходным по форме элементам материальной культуры. Дата поселений с сегментовидными мотыжками пока окончательно не установлена — в основной зоне своего распространения они найдены на поверхности земли, вне непо потревоженного временем культурного слоя. Единичные находки сходных мотыг в восточных районах Абхазии связаны, как правило, с материалами более позднего времени (памятники очамчирской культуры).

Материальная и духовная культура населения Абхазии третьего тысячелетия до н. э. пока недостаточно изучена. Исследователи полагают, что эта культура развивалась в тесном взаимодействии с майкопской и куро-аракской археологическими культурами, носители которых размещались на северо-западном Кавказе и в Восточном Закавказье. В этом отношении особенно интересны стоянки в окрестностях Цебельды (Абгыздра и Джампал-1). Первая представляла собой деревянное жилище на пологом склоне вблизи реки, вторая использовала естественную нишу грота. Округлодонные керамические

сосуды с лощенной поверхностью, редкие петлевидные ручки, керамические ситечки, ассиметричные кремневые наконечники стрел и другие материалы сближают культуру тогдашних земледельцев горных долин Абхазии с майкопской культурой. Последняя испытывала сильное ближневосточное воздействие, которое должно было идти в первую очередь через рассматриваемый регион. В средствах производства продолжают абсолютно преобладать каменные изделия. Даже браслеты еще делались из полированного камня, но изредка уже попадаются и изделия из металла — медные и электроновые украшения, медные топоры и наконечники копий (Сухум, Атара).

Очамчирская культура. Широко известны памятники очамчирской культуры, получившей свое название по древнему поселению на западной окраине районного центра Очамчира. Исследователи по-разному датируют эти памятники — одни третьим тысячелетием, другие — первой половиной второго тысячелетия до н. э. Основные черты хозяйства эпохи — земледелие, скотоводство, рыболовство, охота, собирательство, ткачество, металлургия, керамическое производство, обработка камня и кости, торговля и т. п. Поселения этой культуры — небольшие скопления деревянных хижин — располагались в прибрежной низменности (Очамчира, Мачара) и на склонах и вершинах холмов (Гумиста, Гуад-иху). Религиозные представления сводились к языческим земледельческо-скотоводческим культам, что нашло свое отражение в орнаментике и зооморфных украшениях глиняных сосудов. Погребения людей, отражающие некоторые черты культа мертвых, найдены на Гумистинском поселении — это опущенные в грунт и обложенные булыжниками скорченные костяки в положении на боку. В могилах найден скудный каменный инвентарь.

Нет в распоряжении науки пока и конкретных данных о расселении в регионе отдельных племенных образований. Северо-западная граница распространения памятников очамчирской культуры, проходящая по линии Эшера-Цебельда, отражает скорее ландшафтные особенности, обусловившие разницу в хозяйственно-культурном облике населения низменности и горно-предгорных областей. Впрочем, трудно пока отрицать предположение о возможном распаде по указанной линии прежней более обширной восточно-причерноморской этно-культурной общности, лежавшей в основе хатто-северозападно-кавказского единства.

Особое значение в развитии хозяйства Абхазии этого времени имело резкое усиление роли дерева, в особенности его использование в плужном земледелии. Древнейшая на Кавказе деревянная соха ближневосточного типа была обнаружена в «очамчирских» слоях поселения в селе Пичора (Гальский район). Пахарь с помощью пары волов теперь мог вспахать и засеять неизмеримо большую площадь, чем мотыгой при подсечном земледелии. Это создало излишки прибавочного продукта и вело к росту населения и укреплению авторитета мужчин в обществе.

Строители дольменов. Выдающееся место в системе древностей всего Кавказа занимают дольмены (от кельтск. «тол» — стол, «мен» — камень) — монументальные погребальные сооружения, строившиеся местным населением в эпоху бронзы (конец III—середина II тыс. до н. э.). В этот период приобретают особое связующее значение перевалы Большого Кавказа, когда по обе его стороны распространяются одинаковые формы гробниц и других элементов материальной культуры, обрисовывая единую западнокавказскую культурную общность. В своих наиболее ранних формах дольмены появились в Прикубанье, в окрестностях современного города Майкопа в конце III тысячелетия до н. э. Затем строились плиточные составные, монолитные, корытообразные и колодецеобразные гробницы. Их можно видеть только в гористых местностях, где имеются выходы известняков или песчаников, залегающих либо слоями, либо в виде крупных глыб. Юго-восточная граница распространения дольменов проходит по линии Эшера-Цебельда. Их общее число в Абхазии достигает 60. Самый высокий на Кавказе плиточный дольмен находится в селе Азанта близ Сухума.

Строительство дольменов требовало большого труда. С помощью деревянных клиньев, рычагов и воды древние мастера выламывали каменные плиты, а затем обрабатывали их поверхности бронзовыми и каменными орудиями. Отверстие, через которое заносились останки умерших, находилось, как правило, в передней стенке и затыкалось каменной притертой пробкой. Дольмены иногда имели каменные ограды (кромлехи).

Культ мертвых. Характерной чертой погребального обряда в дольменах было стремление как можно крепче изолировать их внутренние помещения от внешнего мира. Удивительная тщательность во взаимной подгонке плит не допускала ни малейшей щели. Вероятно, в первую очередь тревога, страх заставили живых пойти на изобретение такого прочного жилища для душ своих родственников. Страх перед смертью, облеченный в форму страха перед духом, тенью умершего, характеризует определенный этап в развитии человеческого сознания. Обряды поминания духов предков совершались перед фасадом дольмена и внутри кромлеховидных оград (Отхара). В дольменах Абхазии наиболее распространен обряд вторичного захоронения — тела хоронились не целиком, а лишь крупные кости и черепа. Наряду с дольменами в качестве погребальных помещений в горах широко использовались пещеры и гроты. Об этом свидетельствуют выявленные в них скопления разрозненных человеческих костей, как правило, прикрытых камнем и содержащих скудный бронзовый инвентарь.

Поселения дольменной культуры в Абхазии изучены далеко недостаточно. Лишь в ущелье Гумисты на вершине близ поселка Каман найдены скопления

керамики, по форме и фактуре приближающейся к находкам в ранних дольменах, а по орнаментации — к памятникам очамчирской культуры. Этим же временем датированы несколько пещерных поселений в Кодорском и Бзыбском ущельях.

В дольменах и пещерах обнаружено большое число изделий из мышьяковистой бронзы — топоры, кинжалы, крюки, булавки, украшения, наряду с которыми продолжали широко бытовать изделия из кремня, в частности наконечники стрел. Много найдено и керамических сосудов. Однако в своем большинстве это специально изготовленные миниатюрные копии бытовой посуды, использовавшиеся при обряде «кормления души» умершего. В одном из дольменов в селе Хуап была найдена известняковая женская статуэтка, свидетельствующая о развитом культе богини-матери, характерном для матриархального общества.

Дольменотворчество свидетельствует о высокопроизводительном хозяйстве, которое освободило значительные трудовые ресурсы, время и средства от производства пищи и позволило перебросить их на удовлетворение духовных запросов общества, явно выходящих уже за пределы обычных человеческих потребностей. Основная ячейка общества постепенно перестраивается в сторону патриархальных отношений. В общественной жизни все более важную роль играют жрецы, на которых лежал контроль за соблюдением различных ритуалов, связанных с культом мертвых и другими проявлениями религии. Однако отношение к женщине продолжало оставаться уважительным — в верховьях Мзымты (Красная Поляна) колодцеобразные гробницы сооружались для одиноких захоронений женщин, лежавших в скорченном положении на боку. Несколько иное отношение видится в расположении скорченников в Отхаре — они лежали вне дольмена. До конца своеобразный общественный механизм жизни, приведший к строительству дольменов, еще не разгадан. За ним последовал довольно значительный период упадка, пока представленный очень ограниченным числом находок, характеризующих эпоху поздней бронзы.

Глава 3. Страна гениехов

§ 1. У истоков железного века

Колхидско-кобанская провинция. Еще не успела забыться функция дольмена как погребального сооружения, а над Кавказом занялась заря новой великой эпохи железа. Если в период дольменотворчества на рассматриваемой территории ощущалось смещение южных и северных традиций, то в раннежелезную эпоху вновь решающее значение приобрели связи с Ближним Востоком (через Малую Азию и Урарту) и Восточным Средиземноморьем. В этих условиях в VIII—VII веках до н. э. на Западном Кавказе формируется новая обширная культурная общность, известная как колхидско-кобанская металлургическая провинция. В числе ее творцов находились и предки нынешних абхазов — многочисленные гениехийские племена.

В этот период река Бзыбь начинает играть важную разделительную роль, пройдя между двумя культурными районами колхидско-кобанской провинции — северо-восточнопричерноморским, протянувшимся до Геленджика, и северозападноколхидским («абхазским»). Отличительные черты последнего варианта — бронзовые боевые и парадные топоры с гравировкой, нанесенной железным резцом, напоминающие томагавки северо-американских индейцев; разнообразные кинжалы, дуговидные фибулы-застежки, крупные головные булавки, пластинчатые пояса; обряд вторичного захоронения, возможно, унаследованный от дольменов, но вместо них для захоронения костей умершего применялся крупный глиняный сосуд. Юго-восточнее Сухума вторичный обряд пока не известен — там основное значение имели кремационные площадки.

В начальной стадии железного века Абхазии, как и в соседних областях, наблюдается расцвет бронзовой индустрии. В этот период бронза — золотистый сплав меди и олова — окончательно вытеснила камень из производства орудий труда, оружия и украшений, что оказало благотворное воздействие на развитие различных отраслей хозяйства, включая земледелие. Усложнились специализация членов общины (поиски руды, ее добыча, металлургия, кузнеч-

ное производство) и обмен сырья и изделий. Выразительные горно-рудные выработки — грандиозные шахты в толще пород — выявлены в верховьях реки Бзыбь (Башкапсара).

В VIII в. до н. э. на территории Абхазии прослежено резкое увеличение населения. Если памятники предшествующего периода (X—IX века до н. э.) пока почти не известны, то последующие два столетия характеризуются двумя десятками поселений и таким же числом связанных с ними могильников. Именно тогда было положено начало таким крупным родовым кладбищам как Красный Маяк, Гуад-иху, Эшера, Джантух и др. Объяснение такому демографическому «взрыву» пока не дано. Земледельческо-скотоводческий характер хозяйства подтверждается большим числом бронзовых мотыг и функционально близких к ним бронзовых сечек, повторяющих форму более ранних каменных мотыг, а также культовыми скульптурными изображениями домашних животных. Аналогичные скульптурки диких животных, птиц и рыб свидетельствуют о значении охоты и связанных с нею культов.

Поселения состояли из нескольких деревянных домов, расположенных либо на берегу (поселки солеваров и рыболовов), либо на вершинах холмов с хорошей естественной защитой. Жители каждого поселка занимались металлообработкой, керамическим производством, ткачеством и другими видами ремесла. Принадлежало такое поселение скорее всего одной большой семье, подчинявшейся самому опытному мужчине. Основной общественной ячейкой в этот период был патриархальный род во главе со старейшиной. Тогда же формируются племенные объединения или небольшие союзы племен, производственные и административные центры которых находились в укрепленных городищах. Примером такого центра считают поселение Диха-Гудзба в Пичори (Гальский район). Это поселение представляет собой искусственный холм высотой до 4,5 м и диаметром до 60 м. Вокруг него в древности вырыт водотводный ров, за которым расположено десять небольших искусственных жилых холмов, охваченных еще одним рвом. Общая площадь поселения — до 5 гектаров. На центральном холме отмечено девять строительных горизонтов, заключавших остатки деревянных срубных домов и разнообразный материал от середины II тысячелетия до н. э. и до IV века до н. э. Основание периферийных поселений относится к предантичной эпохе и иллюстрирует отмеченное выше резкое увеличение населения.

Внешние связи. VIII—VII века в Колхиде — период расцвета многогранных связей с соседними территориями. Через перевалы Большого Кавказа, в том числе Клухорский, шла инфильтрация отдельных групп населения и изделий на его северные склоны. В посуде, как глиняной, так и бронзовой, топорах и браслетах просматриваются влияния из Фригии и прилегающих районов северо-восточной Анатолии. В кинжалах, шлемах, бляхах, поясах четко прослеживается воздействие культуры Урарту, в пекторальных — Ирана, в фибулах —

островной Греции через Малую Азию. Гравированный орнамент — характернейшая черта колхидских бронзовых изделий — рассматривается специалистами как ветвь переднеазиатского искусства. Все это можно рассматривать не только как результат межплеменного обмена, но и как следствие очередного расселения среди до того довольно редкого населения Колхиды очередных пришельцев с юга.

К VIII веку до н. э. относится появление в северо-восточном Причерноморье первых железных изделий, однако лишь в самом конце VII — начале VI веков они окончательно вытесняют из обихода вооружение и орудия труда из бронзы. Решающую роль в распространении железа в Закавказье сыграло древнейшее государство на юге нашей страны — Урарту с его первой в регионе «железной цивилизацией». Большое значение имели и походы через Кавказ скифов, памятники которых широко распространяются в Колхиде с конца VII века до н. э. В то же время никаких данных о присутствии здесь полумифических киммерийцев, которые, как думают некоторые исследователи, проходили через Абхазию с севера в конце VIII — начале VII веков до н. э., нет. Нет пока и однозначного ответа на вопрос, являются ли отдельные скифские вещи и комплексы свидетельством прохождения скифов или только результатом межплеменных связей с населением Северного Кавказа. Формирование местной культуры развитого железного века приходится на период греческой колонизации побережья Абхазии. Экономические и социальные последствия этого акта трудно переоценить. Новые орудия труда и почти неограниченные запасы сырья привели к специализации ремесла, повышению уровня производительных сил. Дальнейшее умножение прибавочного продукта сделало возможным существование людей, не участвующих в производственном процессе. Так созрели предпосылки подрыва устоев коллективной собственности и вступления местного общества на путь классового расслоения.

§ 2. «Потомки аргонавтов»

Воинственные гениохи. В конце VIII—VII веках до н. э. у черноморских берегов все чаще появляются древнегреческие корабли, что привело в первой половине VI века к основанию на побережье Абхазии эллинских городов Диоскуриады (совр. Сухум-Акуа) и Гиеноса (совр. Очамчира) и превращению этой территории в органичную, хотя и периферийную часть античного культурного мира. Греческим источникам мы обязаны первыми сведениями о местном населении Абхазии в VI—I веках до н. э., получившим тогда известность прежде всего под именем гениохов.

В переводе с древнегреческого «гениох» означает «возница, возчик». Как и в ряде других случаев, в названии «гениохи» может выступать греческая

этимологизация местного наименования, хотя часто названия, даваемые народам их соседями, не связаны с самоназванием этих народов. Гениохи в греческой мифологии были тесно связаны с божественными братьями Диоскурами — Кастором и Поллуксом. «Рассказывают, — писал крупнейший географ античности Страбон, — будто... заселили Гениохию лаконцы, которыми'предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название». Миф об аргонавтах, среди которых были и Диоскуры, как идеологическая основа колонизационного процесса, сыграл важную роль в скорейшей адаптации пришлого населения среди аборигенов. Последние представлялись родственными греками, потомками тех эллинов, которые пришли сюда с аргонавтами.

В литературе довольно часто встречается мнение, будто в VI веке до н. э. племена Колхиды, включая Абхазию, достигали высокого уровня социально-экономического и культурного развития и родоплеменная организация местного общества разрушилась до того, что здесь образовалось классовое общество и государство — «Колхидское царство», которое воспрепятствовало возникновению на берегах Колхиды обычных греческих городов с собственной экономической базой. Однако ни в источниках, на которые при этом ссылаются (Геродот, Ксенофонт, Страбон и др.), ни в данных археологии (унификация металлических и керамических изделий, металлургия железа, имущественная дифференциация, развитое земледелие, ремесло и торговля, денежное хозяйство, урбанизация и др.) в действительности не содержится однозначных указаний на наличие у населения Колхиды в VI веке до н. э. собственной государственности, представление о которой сформировалось в отечественной историографии в конце 30-х годов текущего столетия. Не имело серьезных последствий для населения Абхазии и политическое влияние персов, которое, как свидетельствует «отец истории» Геродот, в конце VI века до н.э. достигало Кавказского хребта.

Уклад городской жизни и проистекающую из него государственность на территорию Абхазии принесли греки, способствовавшие объединению окрестных общин гениохов в единую систему экономических связей. Уже в VI веке под их торговый контроль попали перевальные пути, по которым распространялись предметы ионийского импорта (Цебельда, Джантух). В V—IV веках до н.э. по этим путям на Северный Кавказ попадают бронзовые шлемы и другие изделия. В этот период в местную среду проникают и первые серебряные монеты — колхидки, чеканившиеся в приморских греческих городах. В то же время на территории и в окрестностях греческих городов часто встречаются конские захоронения с уздечными наборами, характеризующими скифскую культуру Прикубанья: лошадей местная знать традиционно закупала на Северном Кавказе, откуда их либо перевозили на эллинских кораблях, либо гениохи сами перегоняли через перевалы. Раскопки поселений в Очамчире и Эшере

показали, что греки первоначально жили в бревенчатых домах, форму которых они заимствовали у местного населения. Помимо привозной, эллины широко использовали в быту и местную лепную и гончарную посуду. Последняя попала в их жилища вместе с женами, которых охотно брали греки в местной этнической среде.

Античная традиция многократно подчеркивала множественность гениохийских племен. Плиний Секунд, например, упоминает «множество гениохийских... племен» и «племена гениохов, различающиеся многими названиями». Страбон писал о четырех царях у гениохов, т. е. речь тогда шла по крайней мере о четырех племенных объединениях. Известный советский комментатор древних, греческих и римских источников Л. А. Ельницкий справедливо подчеркивал, что «имя гениохов являлось собирательным и скрывало за собой другие племена, переживавшие на рубеже н. э. период бурного этногенеза и территориальной экспансии». Академик Г. А. Меликишвили в свою очередь утверждает, что упоминаемые в источниках начала н. э. саниги, абасги и апсилы «раньше, несомненно, находились в составе той грубой стихии, которая под названием джиков, ахейцев и гениохов... господствовала в Северной Колхиде и соседних областях». Среди гениохийских племен, населявших территорию нынешней Абхазии в VI—I веках до н. э., в трудах античных авторов фигурируют кораксы и тиндарида, жившие в окрестностях Диоскуриады, фтирофаги, (шишкюеды), салтии и макропогоны, обитавшие в окрестностях Пителинта.

Некоторые исследователи придают серьезное значение сведениям Страбона, который сообщал, что соаны «пожалуй даже первые (из местных народов) по силе и могуществу. По крайней мере они господствуют над (окрестными) народами, занимая вершины Кавказа, те, что над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 мужей, а войско они набирают, как говорят, даже, в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью (даже) не (будучи) в строю». Между тем нет серьезных оснований, видеть, как это иногда делается, в соанах, которых сопоставляют с нынешними сванами, население горных районов современной Абхазии. Во-первых, Страбон (вслед за Эратосфеном) помещал Диоскурию у «узкого залива» в самой восточной точке Понта—Черного моря, т. е. в районе устья Фасиса-Риона. Такое представление Страбона справедливо квалифицировано специалистами как основанное «на каком-то недоразумении» и заставляет помещать соанов-сванов на западных отрогах современного Лихского хребта. Данные Страбона об этом племени противоречат цитируемым им историкам митридатских войн, упоминавших соанов среди «мелких народцев у Кавказа», живших «над» колхами, т. е. восточнее последних. Связь соанов с Диоскуриадой скорее всего возникла на основе созвучия этого этнонима с именем санигов, обитавших тогда в окрестностях Диоскуриады.

Культура местных племен. Самобытная материальная и духовная культура предков абхазов VI—IV веков до н. э. характеризуется множеством вещей и черт,

выявленных археологами. Местное население даже в ближайших окрестностях греческих городов долго сохраняло традиционные навыки и формы бронзовой индустрии более раннего времени (украшения, детали одежды, малая скульптура, керамика). V веком датируется замечательный жреческий пояс из Бамборы, включающий множество скульптурных подвесок в виде фигурок животных и людей, в том числе мужчину с рогом — «Винопийцу» и женщину с ребенком на руках — «Бамборскую Мадонну». Непременным атрибутом мужских захоронений является вооружение — боевые топоры, мечи, кинжалы, наконечники копий и т. д. Особенно примечательны застежки-фибулы с ромбовидной и розетковидной дужкой, шейные гривны с ромбовидными концами, бляхи в виде оленя-солнца и т. д. До конца IV века не выходили из моды самобытные бронзовые поясные культовые пряжки с фигурками всадников и животных. Вместе с тем уже в VI веке в погребениях местной знати появляются греческие изделия — чернофигурная амфора (Эшера), восточногреческий щит в виде орла (Красный Маяк) и др. В V—VI веках в местном быту становятся популярными привозные глиняные чернолаковые сосуды, бронзовые шлемы, щиты, ситечки, перстни и другая продукция греческих мастеров.

Интересные наблюдения были сделаны на холме Ахвылаабаа (Ахул-абаа), расположенном на древнем пути, связывавшем Диоскуриаду с Цебельдинской долиной. Центральный холм был заселен еще в VIII—VII вв. до н. э., когда его жители возвели здесь несколько деревянных жилищ, используя в быту разнообразную посуду, в том числе и сосуды с отпечатками ткани на стенках. В IV веке до н. э. на отрогах холма появляются новые заселенные участки — усадьбы, крыши которых покрываются импортной синопской черепицей. В этот период поселение приобретает четкий военизированный характер — основной задачей его жителей становится охрана подступов к Диоскуриаде со стороны горных долин, население которых было непрочь пограбить богатые рынки города. Здесь выявлено до десятка воинских захоронений с разнообразным инвентарем (золотая шейная гривна, серебряные и медные сосуды, разнообразные предметы вооружения, в том числе антические бронзовые шлемы, поножи, щиты). Почти при каждой могиле — конское захоронение. Эти экипированные по лучшему греческому образцу представители древнеабхазской военно-земледельческой верхушки со всей определенностью демонстрируют свою важную роль в околородской иерархии. Их хозяйство и культура претерпели под воздействием города сильные изменения в сторону военной и сельскохозяйственной специализации, и сворачивания собственной ремесленной базы. На этом и соседних поселениях найдено много изделий городских мастеров Диоскуриады (вооружение, в том числе секировидные топоры, керамика, лемехи, флаксы — виноградные ножи и т. д.). Во II—I веках до н. э. поселение покинуто жителями, которые возвращаются сюда лишь в позднем средневековье.

Гениохи-пираты. Еще один интересный момент истории гениохов — участие их северо-западных группировок в черноморском пиратстве. Яркую характеристику гениохов-пиратов оставил нам Страбон: «...побережье ахеев, зигов и гениохов... обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около 25 человек и редко могущие принять 30; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность и даже город, они господствуют на море... Возвращаясь в родные места, они за неимением стоянок взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступает время плавания, они снова сносят камары на берег. Также поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком, днем и ночью, с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь своих вождей...»

Значение северо-западной группировки гениохийских племен в античном мире определяется в первую очередь этим занятием — пиратством. Первоначально целью их морского разбоя был не столько захват пленных для работорговли, сколько удовлетворение насущных внутренних потребностей за счет грабежа. Однако затем постоянное приспособление пиратской практики к нуждам средиземноморского рабовладения привело к тому, что гениохийские пираты в середине III века до н. э. превратились в рабодобытчиков и работорговцев и тесно связали себя экономически с Боспором, где нашли и рынок сбыта добычи, и корабельные стоянки. «Места у Понта, — писал Полибий, — нам доставляют скот и бесспорно самое обильное и самое пригодное множество людей, увозимых в рабство».

Так экспорт рабов, вызванный соответствующими потребностями Средиземноморья, способствовал превращению древнего занятия морским разбоем в доходный промысел — охоту за людьми и работорговлю. В обмен на рабов пираты получали различные товары греческого производства, в первую очередь, оружие, посуду, украшения и другие изделия, удовлетворяющие главным образом нужды местной родоплеменной верхушки. События I века до н. э. прервали налаженные каналы работорговли в Причерноморье. Не находя иных путей для обогащения, гениохи использовали последний источник — они стали нападать на ослабленные той же обстановкой греческие города, разграбив, в частности, Великий Пителинт. Поскольку в условиях нарастающей римской экспансии пиратство не давало прежних доходов, оно постепенно перестало быть определяющей чертой местного быта.

Диоскуриада. Не по доброй воле расселились греки по всему средиземноморскому миру от Испании до Абхазии. Греческая колонизация носила вынужденный характер, обусловленный в первую очередь закономерностями внутреннего развития древнегреческого общества. Вместе с тем выбор места для основания колоний не был случаен. Соответствующими лицами заранее собирались сведения, отражающие географическую, экономическую и политическую обстановку в избранном пункте. По меткому выражению известного римского, оратора Цицерона, греческие города на периферии античного мира представляли собой как бы каемку, подшитую к обширной ткани варварских полей.

Диоскуриада была основана выходцами из малоазийского города Милета в первой половине VI века до н. э. на берегах современной Сухумской бухты. Названа она была так в честь мифических братьев-близнецов Диоскуров, покровителей путников и мореплавателей. Труден был путь древних корабелов к городу, который, по словам Страбона, был самым «восточным пунктом» и «уголком» Черного моря, «пределом плавания». И каждый, сойдя на диоскуриадский берег, спешил к храму Диоскуров — покровителей города, чтобы возблагодарить их за благополучное плавание и принести им положенную жертву.

Действие морского прибоя за истекшие 2500 лет разрушило береговую полосу в бухте шириной до 100 — 150 метров, уничтожив древнейшие слои города. В районе Сухумской крепости удалось найти лишь несколько фрагментов античной керамики конца VI века до н. э. — здесь находилась северная окраина поселения милетцев. В V — IV веках территория города постепенно расширялась вдоль побережья и вглубь суши. Материалы VI — I веков до нашей эры выявлены во многих пунктах современной городской застройки, охватывая площадь до 8 га при мощности накопления до 0,6—0,7 м вдоль Сухумской набережной. Здесь высились каменные храмы, украшенные резными карнизами, колоннами, лестницами, жилые дома под черепичными крышами, обставленные импортной мебелью и утварью. Одно из помещений украшала терракотовая скульптура сидящей на троне богини плодородия Деметры.

К сожалению, систематических исследований на территории города пока не проводилось. Долгое время над умами людей довлела сформулированная в конце XIX века легенда о затонувшей Диоскуриаде — черноморской Атлантиде. Только работа многочисленных групп аквалангистов в 60-х годах и исследование геологов позволили окончательно понять, что на дне бухты никаких остатков города не сохранилось. Вместе с тем множество важных фактов по его истории дают исследования поселений аборигенов в его окрестностях (Красный Маяк, Сухумская гора, Ахвыла-абаа, Гуад-иху и др.). В VIII—первой половине VI вв. до н. э. на этой территории существовало пять поселений хуторского типа. В последующие полтора столетия их число удваивается,

иллюстрируя резкий демографический сдвиг, вызванный появлением города. Предметы импорта, выявленные в могилах древнеабхазской родовой знати, свидетельствуют об активной торговой деятельности города и вовлечении в нее местного населения в тот период. Позднее, в IV—III веках до н. э., число местных поселений вокруг города достигает 20—25. Образование новых поселений происходила за счет отселения части жителей основного поселка на соседние холмы или участки, отстоящие на 100-500 метров от поселения. Новый хутор тут же обзаводился своим приусадебным кладбищем. Типологически разные поселения (с элементами городской застройки, хутора, отдельные усадьбы), отражают сложную структуру сельскохозяйственной территории Диоскуриады и пестрый этнический и социальный состав ее населения, свойственный многим раннеэллинистическим государствам. На обширной прибрежной территории вблизи выходов глин размещались многочисленные центры керамического производства (Гвандра, Эшера, Красный Маяк, Гульрипш и др.). Тогда же начинают использоваться и глинища Атары Абхазской. В поселке Гвандра (восточнее Нового Афона) на морском берегу в конце IV — начале III веков до н. э. находилась мастерская по изготовлению амфор, которые имели на ручках отпечатки клейма с названием Диоскуриады. Это указывает на государственный (полисный) характер ремесленного производства города в раннеэллинистическую эпоху. Вино в таких амфорах не только развозилось по поселкам в окрестностях Диоскуриады, но вывозилось в Крым и другие пункты Причерноморья.

В эллинистическую эпоху торговые рынки Диоскуриады становятся широко известными. Согласно сообщению Тимосфена Родосского, жившего в III веке до н. э., здесь для коммерческих сделок собирались представители 300 племен. Страбон, опираясь на источники IV—III веков до н. э., писал: «Эта же Диоскуриада является... общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей... в этот город собираются (представители) 70 народностей, (которые) сходятся в Диоскуриаду... главным образом для покупки соли».

Все большее значение в местной среде приобретают денежные отношения. На местных рынках обращаются золотые монеты Александра Македонского и его родственников, серебро северного Причерноморья (Ольвия, Пантикапей), Малой Азии (Синопа, Амис), Афин.

В конце II — первой половине I века до н. э. город переживает расцвет, обусловленный размещением здесь опорного пункта понтийского царя Митридата VI Евпатора. В городе активно работала судостроительная верфь, была налажена чеканка монеты с именем города, получившей широкое распространение в городах Северного и Южного Причерноморья, и свидетельствующей о возрождении важнейших государственных функций Диоскуриады. Монеты Митридата проникают и в быт населения горных долин. Пораже-

ние этого царя в войнах с Римом и перерывы в связях со Средиземноморьем привели к спаду городской жизни и обусловленному этим запустению окружающей территории, до того заселенной аборигенами.

Эшерское городище. С историей Диоскуриады тесно было связано городище в Эшере, двадцатилетние исследования которого позволяют внести немало важных подробностей в историю города. Топография и ранняя история Эшерского городища, как сельскохозяйственного поселения, основанного при активном участии греков, позволяет связать его с формированием в этом районе характерной для античного мира системы «полис-хора» («город—село»), которая во второй половине VI века до н. э. по своим размерам не отличалась от соответствующих северопричерноморских городов. Это было обусловлено существованием в этот период хорошо налаженного морского транзитного пути вдоль восточных берегов Черного моря, соединявшего греческие центры Средиземноморья и Южного Причерноморья с Северным Причерноморьем. Во второй половине IV — начале III веков до н. э. Эшерское городище переживает расцвет — границы его застройки охватывают площадь свыше 3 га, а его основные признаки (каменные жилые и культовые здания, тесно поставленные, без приусадебных участков, импортные либо изготовленные по привозным образцам в местных мастерских строительная керамика, амфоры, столовая и кухонная посуда, бронзовая доска с надписью и др.) позволяют рассматривать городище как хорион — сельскохозяйственный урбанизированный спутник Диоскуриады. Упомянутая надпись на бронзовой доске исполнена на безупречном греческом языке и сохранила отдельные слова («царство», «военная сила», «войско», «захватив» и т. д.), которые свидетельствуют, что подобно многим другим областям Причерноморья, в районе Диоскуриады обострились противоречия между военно-земледельческой верхушкой и «новой аристократией» в лице торгово-ремесленной элиты города. В результате этих противоречий, вероятно, здесь была установлена на короткое время тирания («царство»). Появление такой доски на Эшерском городище свидетельствует о возросшей его самостоятельности, обусловленной повышением значения трудовой и средней прослоек городского населения и об обострении политической борьбы в Диоскуриаде в тот период. В первой половине — середине III в. до н. э. городище опустошается, дома сожжены и разрушены, доска с надписью разбита и полурасплавлена. Верхняя площадка поселения превращается в кладбище представителей местных племен. В конце II — начале I веков район городища был занят войсками Митридата VI Евпатора, а его территория была обнесена линией мощных укреплений. Стены и башни городища относятся к ярким образцам позднеэллинистического военно-инженерного искусства, а его материальная культура отражает быт митридатовского гарнизона.

Гиенос (Гюзнос). Близкая картина эволюции греческих поселений на побережье Абхазии прослежена и в Гиеносе, остатки которого сохранились на

западной окраине Очамчыры. В названии этого города некоторые слышат отзвук имени гениохов. Первые греческие поселенцы высадились на заросшем лесом и кустарником берегу. Очистив какое-то пространство с помощью огня, они возвели несколько деревянных срубных домов и хозяйственных помещений, окружив дворы плетеными заборами. В быту колонистов наряду с многочисленной привозной посудой с самого начала широко используется и местная посуда, принесенная в дома греков их женами — аборигенками или приобретенная у местных жителей — везти с собой всю утварь из далекого Милета было вряд ли целесообразно, тем более что местные гончары делали достаточно прочную и эстетически выдержанную посуду широкого ассортимента. Уже в VI веке до н. э. греческий импорт через Гиенос проникает в окрестные ущелья, тогда же прекращается функционирование солеварных прибрежных мастерских коренного населения, которое переходит на потребление более дешевой соли, завозившейся эллинами. В жизни Гиеноса наблюдались периоды запустения, однако всякий раз город вновь возрождался на том же месте. Во второй половине V — первой половине IV вв. до н. э. на месте древнейшего поселения хоронят конские головы с уздечками скифского облика, а поселение перемещается к западу. В конце IV—III вв. до н. э. Гиенос вновь переживает расцвет. К этому времени относится много амфор и других изделий, отражающих расцвет городских ремесел и изготовленных по античным образцам из местной глины. Когда на рубеже н. э. Рим стал городом с почти миллионным населением, на месте Гиеноса вновь зазеленел лес.

Тогда же был опустошен Великий Пителиунт, располагавшийся в районе нынешней Пицунды и до сих пор не найденный археологами. Лишь глубоко в горах перерывы в заселенности того или иного пункта на рубеже н. э. не отмечены (Цебельда).

Куда же разошлось население некогда процветавших городов и окружавших их местных поселений? Часть просто погибла от голода и под мечами более приспособленных к превратностям судьбы горцев, часть была уведена в плен, часть сама разошлась по окрестным ущельям, кто-то уплыл в Малую Азию, где города сохраняли свое значение. За более чем 500 лет проживания бок о бок и постоянного взаимодействия греки и предки абхазов многократно породнились и по крови и по культуре. И часть тех, кто когда-то основывал, а затем застраивал Диоскуриаду и Гиенос, продолжают жить в своих потомках, давно поменявших и культуру, и язык, и самосознание, утративших память о тех, через кого, сегодня называясь абхазами, они являются и кровными наследниками античной культуры. Тысячи же аборигенов, угнанных в рабство и проданных на античных рынках, затем утратили связь с родиной и живут сегодня в своих потомках, не подозревающих о своем происхождении, в различных уголках Средиземноморья. Такова одна из тайн человеческой жизни, осознание которой нам всем так необходимо!

Глава 4.

Древнеабхазские раннеклассовые образования в римско-византийскую эпоху.

§ 1. Раннеклассовые царства Юлиана, Ресмага и Спадага

Апсилы. Первое упоминание об апсилах содержится в труде римского ученого Плиния Секунда, жившего в I веке н. э. Он помещал их рядом с Себастополисом (совр. Сухум) вблизи племени санигов. Более подробные сведения о них сохранил римский полководец Флавий Арриан, лично посетивший Диоскурияду-Себастополис в 137 году н. э. Юго-восточнее апсиров он помещал лазов, северо-западнее — абасгов. Тогда во главе апсиров стоял «царь» (племенной вождь) с римским именем Юлиан, получивший знаки, подтверждающие его право на власть в Апсии от римского императора Траяна (98—117 годы н. э.). Позднее апсиров упо минают: римский грамматик Эвлий Геродиан, живший во второй половине II века, авторы V века Стефан Византийский, определявший их как «скифское племя, соседнее с лазами», и Псевдо-Арриан, повторивший сведения Флавия Арриана. Основываясь на показаниях источников, исследователи полагают, что в I—II веках н. э. апсилы заселяли значительную часть северо-западной Колхиды от районов, прилегающих с севера к Фасису (совр. Чхороцку и др.) до Себастополиса. Наиболее четкие сведения по этому вопросу для VI века н. э. сохранил Прокопий Кесарийский, локализовавший апсиров по побережью Черного моря от того места, где это побережье делает резкий поворот на запад (юго-восточнее совр. Очамчиры) до крепости абасгов Трахеи (совр. Новый Афон), а их пределы в горах доведший до границы с аланами, т. е. до перевалов Большого Кавказа.

У апсиров сравнительно рано сложилась политическая и культурная ориентация на Рим, осуществлявшаяся в первую очередь через приморский Себастополис. Не случайно ведущие центры Апсии были сосредоточены в Цебельдинской долине на пути к Клухорскому перевальному пути, который интересовал римлян с момента их появления на побережье. Перевал, открывая тор-

говые возможности, одновременно представлял большую опасность, поскольку из-за него к жизненно важным для римлян центрам Колхиды прорывались воинственные аланы и другие северокавказские племена. История апсиров и их соседей и в этот период почти анонимна: кроме Юлиана больше ни одного конкретного имени. Поэтому главные наши источники по истории края — вещи, принадлежащие апсилам и дающие основание для суждений о социально-экономических отношениях, культуре, религиозных воззрениях, торговых связях и т. д. В I—III веках н. э. в Апсилии широко распространяются римские монеты и фибулы-булавки, средиземноморские раковины для ожерелий и другие материалы, иллюстрирующие нарастание римско-апсильских связей. В IV веке в связи с переносом столицы Империи из далекой Италии в Константинополь, когда эта столица и Апсилия оказались разделенными лишь одной водной преградой, охрана путей через Кавказский хребет приобрела для Рима особое значение, став одной из важнейших функций римского гарнизона в Абхазии.

С середины IV века в окрестностях Цебельды используются привозные амфоры, краснолаковые тарелки, стеклянная посуда, фибулы, серьги, перстни, римские щиты и широкие мечи-гладииусы с портупейными сумками. В V веке апсильские гончары осваивают производство амфор — этого незаменимого в условиях морских путешествий тарного сосуда. Апсиров не смутил горный быт, престижность формы оказалась сильнее, и они приспособили амфоры для выючной транспортировки. Это единственный в Причерноморье случай такого рода. В материальной культуре апсиров преобладают общепричерноморские образцы мотыг, вооружения, украшений и др. Представлены и материалы, иллюстрирующие связи с аланами. В могилах апсиров попадаются их лощенные кружки, а на Северном Кавказе (Теберда, Нальчик) среди местного материала присутствуют апсильские кувшины IV—V веков.

Исключительно самобытна и выразительна керамика апсиров, где в условиях индивидуального производства каждый сосуд — немного произведение искусства. В IV—V веках н. э. в керамическом производстве местных племен наблюдается «взрыв формоискательства», сопровождаемый разработкой богатой орнаментации, отражающей раннеземледельческий уровень хозяйствования и мышления апсиров, свидетельствующий о вступлении их в фазу формирования раннегородских пред-цивилизаций ближневосточного типа.

Социально-экономическая структура Апсилии обрисована археологически уже достаточно полно. Здесь выделяются центральный, наиболее развитый и богатый район с густым населением (Цебельда) и периферийные, гораздо слабее заселенные территории между совр. Новым Афоном и Очамчирой по побережью и между последним и линией Главного Кавказского хребта от верховий Чхалты до верховий Ингура. Основное население Апсилии было сосредоточено в двух десятках поселений, к которым прилегают обширные кладбища

(площадь могильника у крепости Шапки, например, 2,5 км × 1,5 км). Каждое из этих поселений представляло собой родовой поселок, объединявший 5—10, а иногда и несколько десятков больших семей, каждая из которых, в свою очередь, вступала в полосу распада на малые семьи. В могильниках Апсилии не отмечено сколько-нибудь значительной имущественной дифференциации между отдельными семьями вплоть до VI—VII вв., что объясняется правовым регулированием, характерным для родовой организации. В то же время на территории Апсилии отмечена определенная социально-экономическая специализация отдельных родов в рамках племени: население большинства поселений было занято земледелием, скотоводством, различными ремеслами (гончарством, железообработкой и т. д.), в то время как один, главенствующий род был освобожден от этих обязанностей. Вместе с тем население последнего пункта (Шапки) являлось главным потребителем большого числа импортных изделий — стекла, краснолаковой посуды и др.

Обращает на себя внимание воинствующий облик всего мужского, первоначально вооруженного (древнейшие в СССР мечи из сварочного дамаска и др.) населения древней Апсилии. Здесь неукоснительно соблюдался принцип «каждый боеспособный мужчина — воин». В «потусторонний мир» язычник-апсилиец уходил в полном боевом облачении, иногда с конем. До IV—V вв. н. э., помимо вооружения, в воинских захоронениях присутствуют сельскохозяйственные орудия (мотыги, цалды), кузнечный и плотничный инструмент, которые свидетельствуют, что «второе великое разделение труда» в этот период еще слабо коснулось горных апсильов. Вплоть до V—VI вв. мужчины различных семей внутри рода обладали примерно одинаковым снаряжением. Не отмечено в Апсилии в этот период и централизованного правления. Все это позволяет определять социально-политический строй древних апсильов как «военно-демократический», при котором «воины и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни». Вместе с тем под воздействием римско-византийского культурного мира строй жизни апсильов претерпевал постоянно различные деформации, придающие их культуре яркую самобытность.

Абасги. Племя абасгов впервые появляется на исторической арене во II веке н. э., когда их упомянул Флавий Арриан (137 год н. э.). По его данным во главе абасгов стоял царь Ресмаг, получивший утверждение на власть от императора Адриана. С востока абасги граничили с апсилами, с запада — с санигами. На территории последних западнее Питуунта и Нитики (предположительно район совр. Гагры) Флавий Арриан упоминает реку Абаск, сопоставляемую обычно с современными Хашупсе или Псоу. Позднее абасгов упоминают Элий Геродиан (вторая половина II века н. э.), помещающий их среди народов Скифии; Псевдо-Орфей (IV век), знающий «славные племена колхов, генихов и абасгов»; Феодорит, епископ Кирский (390—457 годы н. э.), утверждаю-

щий, что абасги, как и многие другие зависимые от Рима народы, не заключают договоров по римским законам. Абасги фигурируют в «Мученичестве святого Орентия», написанном в VI веке. В последнем источнике рассказывается и о том, что император Диоклетиан инструктировал правителя абасгов Ригвадина в отношении ужесточения режима высланных в Пителиунт христиан. На рубеже IV—V веков в Египте стояло римское подразделение (когорта), носившее название «Первая когорта абасгов». Исследователи полагают, что либо эта когорта была укомплектована абасгами, либо ее формирование было связано с какими-то событиями на территории последних. Территория, занимаемая абасгами наиболее конкретно очерчена автором VI века Прокопием Кесарийским. С востока они граничили с апсилами у крепости Трахеи (совр. Новый Афон), с запада — с зехами (зихами), жившими за Пителиунтом. Севернее абасгов проживали брухи, населявшие горные долины Бзыбского и Мзымтинского ущелий.

Памятники материальной культуры абасгов почти не исследовались. С начала II века они были вовлечены в сферу политических интересов Рима, действовавшего в первую очередь через Пителиунт (совр. Пицунда). Как и в Апсилии, здесь широко ходила римско-византийская монета, в моде были различные общепричерноморского характера украшения. Воины использовали разнообразное вооружение, в том числе римские мечи из дамасской стали, метательные топоры-франциски. До 30—40 годов VI века в своей массе абасги были язычниками. Особое внимание иностранцев среди местных культов привлекало поклонение деревьям.

Саниги. Это племенное название обычно рассматривают, как вариант наименования «гениохи». Саниги впервые упоминаются в связи с событиями 70-х годов I века до н. э., когда, согласно данным Мемнона, ставленник Митридата VI Евпатора Клеохар бежал из Синопы к «санегам». В непосредственной близости от Севастополиса между апсилами и гениохами помещает «саников» Плиний. Флавий Арриан в 137 году до н. э. отмечал, что «рядом с абасгами — саниги, в земле которых лежит Севастополь». В это время санигами правил царь Спадаг, утвержденный императором Адрианом. Территория санигов простиралась на северо-запад до реки Ахеунта (совр. Аше?), за которой проживали зилхи (зихи). Позднее «саннигов» упоминают Геродиан, Стефан Византийский («санниги — скифское племя, живущее в соседстве с абасгами»), Псевдо-Арриан. Согласно такому хорошо осведомленному автору, как византийский историк VI века Прокопий Кесарийский, сагины (саниги) жили за зихами, т. е. уже только западнее совр. Сочи. Вместе с тем еще и в VI веке н. э. была жива память о тех временах, когда саниги занимали более обширную область: «Приморской же частью их страны, — писал Прокопий, — издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Пителиунт».

Итак, уже в I—II веках н. э. племенной союз санигов возможно, сложившийся в окрестностях Диоскуриады еще в позднеэллипстическую эпоху в результате объединения ряда племен, входивших в гениохийскую культурную общность, распался. Первыми выделились апсилы, позднее абасги, затем произошел «обмен» территорией с зихами, занявшими нынешнюю северо-западную Абхазию до современных Бзыби или Гагры. Следовательно, если говорить о политической истории и культуре санигов в широком смысле, то их характеристика должна включать и соответствующие стороны жизни в первую очередь апсилов и абасгов. В этом отношении чрезвычайно важен факт преемственности между населением горной Абхазии последних веков до н. э. и первых веков н. э., археологически обоснованный в Цебельдинской долине. Поэтому сегодня нет никаких оснований ни отрывать санигов от протоабхазов на том только основании, что в этом этнониме присутствует основа «сан», ни говорить о вторжениях на рубеже н. э. на территорию нынешней Абхазии воинственных горцев: речь может идти лишь об изменении политической ситуации в регионе, а не о серьезных этнических сдвигах.

«Понтийский лимес». С рубежа н. э. в прибрежных районах Абхазии укрепляются римляне. Диоскуриада переименовывается в Севастополис в честь первого римского императора Октавиана Августа Севастоса. Во II веке н. э. римский гарнизон разместился и в Питиунте — втором по значению укреплении, входившем в систему восточнопричерноморских римских крепостей, известную под названием «Понтийский лимес». Характер этих преимущественно военных центров оказался противоположным греческим городам более раннего времени — представители древнеабхазских племен старались не селиться в их ближайшем окружении, сосредотачиваясь в горных долинах. Вместе с тем купеческая прослойка в крепостях сохраняет свое значение посредника между малоазийско-восточносредиземноморскими центрами и аборигенным населением, в среде которого неизменной популярностью пользовались предметы импорта.

Руины древних стен в накоплениях берегов, тысячи черепков посуды на пляжах, ржавые мечи в витринах музеев, скудные строки из десятка раз переписанных манускриптов остались потомкам на память о былой концентрации разума, сил и средств, вложенных в Кавказское побережье Черного моря Римом и Византией. В своем стремлении защитить малоазийские районы Империи от постоянно вторгавшихся через Колхиду врагов, античная цивилизация затратила огромные усилия и средства для укрепления этих отдаленных уголков Понта, как тогда называли Черное море. Уцепившись сначала за чужую землю — как бы кончиками пальцев — ограниченными площадями приморских крепостей-кастеллов, Империя вскоре проникла во все сферы жизни местных племен, приспособляя их возможности к выполнению своих тактических задач.

Себастополис является древнейшим римским опорным пунктом на побережье Апсилии. Первое о нем упоминание принадлежит Плинию Секунду (I век н. э.). В 137 году н. э., по свидетельству Флавия Арриана, Себастополис был окружен стенами и рвом, внутри которых находились казармы, конюшни, склады оружия и пищевых припасов, лазарет...

О строительной деятельности Флавия Арриана в крепости сообщала надпись, обломок которой был найден на Сухумской набережной в конце XIX века. В ходе исследований 1958—1959 годов выявлены остатки трех крепостей, сменявших и дополнявших друг друга во II—VI веках. При раскопках добыты множество обломков тарной, столовой и кухонной посуды, светильники, стеклянные бокалы, монеты и другие изделия как изготовленные на месте, так и привезенные из дальних стран. И сегодня за барьером Сухумской набережной можно осмотреть 140-метровый фрагмент стен Великого Себастополиса, сложенных из грубообработанных гранитных валунов на прочном известковом растворе с использованием трехслойных кирпичных поясов. Фундамент опирался на деревянные сваи, укреплявшие болотистый грунт. На одной из сохранившихся до наших дней башен ныне разместился ресторан «Диоскурия». Интересно каменное надгробие с греческой надписью, содержащей имя воина Ореста. Найдены здесь и самобытная тарная и столовая посуда апсилон, свидетельствующая как об их физическом присутствии среди населения крепости, так и о поставках на ее рынок сельскохозяйственных продуктов с апсильских полей. Размеры крепости соответствовали численности когорты — около 500 легионеров. Римские корабельные стоянки и крепости известны и в других прибрежных пунктах Апсилии (Гиенос, Зиганис).

Питиунт — наиболее хорошо изученная римская крепость в Восточном Причерноморье. Ее укрепления возведены во второй половине II в. н. э. Первые сведения о крепости содержатся в «Новой истории» Зосима, описывающего события второй половины III века. В 252 году готы и другие северопричерноморские племена дважды напали на Питиунт, который во второй раз был взят штурмом и опустошен. В конце III века вновь отстроенный Питиунт становится местом ссылки христиан, из которых формируется община во главе с епископом Стратофилом, участником Никейского собора 325 года. В начале V века в Питиунте была расквартирована «Первая Счастливая когорта Феодосия», состоявшая из 500 легионеров. Еще в IV веке к более ранней квадратной в плане крепости была пристроена округлая в плане крепость-канаба, защищавшая поселок отставных солдат и их семей. В Питиунте исследованы административные здания, храмы, бани, обжигательные печи, рыбозасолочные ванны, великолепные мозаики, огромный некрополь и другие объекты, насыщенные богатейшим археологическим материалом (в том числе множество монет), подчеркивающим силу и мощь этой твердыни античной культуры на побережье Абасгии.

§ 2. От Трахеи до Тцахара

Восстание абасгов. VI век — особая эпоха в истории населения северо-восточного Причерноморья, когда здесь столкнулись интересы двух величайших держав того времени — Ирана и Византии. Иран при поддержке своих северокавказских союзников пытался отторгнуть Колхиду от последней, совершив сюда в середине VI века ряд опустошительных походов. Византия, действовавшая в союзе с местными политическими образованиями, сумела в преддверии этих вторжений не только обновить «Понтийский лимес», дополнив его новыми приморскими крепостями, но и создала внутреннюю оборонительную систему — Клисур (от греч. «ущельное укрепление»). Ее строительством от Византии руководил имперский чиновник Фома Армянин. Для охраны колхидских клисур была сформирована антииранская федерация, в которой Лазскому царству была определена ведущая роль. В среде каждого из входивших в федерацию племен (абасги, апсилы, мисимиане, сваны) существовали провизантийские и проиранские настроения, активность которых зависела от изменений в соотношениях сил великих держав того времени. Внутренняя неустойчивость как всего этого образования, так и отдельных его подразделений проявила себя, в частности, в антивизантийских выступлениях абасгов и мисимиан.

В первой половине VI века, как свидетельствует Прокопий Кесарийский, Абасгия была разделена на две части, каждая из которых управлялась своим царем-архонтом. Используя спрос правящей элиты Византии на разного рода рабов, эти цари отбирали среди своих соплеменников наиболее красивых мальчиков, уродовали их и за большие деньги продавали в Константинополь, а родителей, которые возмущались этим, убивали. В 542 году византийские гарнизоны под нажимом персов были выведены из Севастополиса и Питиунта. Утратив возможность контроля над абасгами с помощью грубой силы, византийцы, выждав удобный момент, прибегли к помощи дипломатии. Около 548 года в Абасгию прибыл посланец императора абасг Евфрат, который сумел добиться введения здесь христианства в качестве официальной религии. Из Константинополя был прислан епископ, на средства, выделенные Юстинианом, был построен храм, а при императорском дворе основана школа, где специально обучались мальчики из Абасгии. Абасгам, как христианам, были дарованы равные с византийцами права. Соответственно местным князьям было запрещено впредь уродовать и продавать в рабство своих единоплеменников-христиан. Попытка князей восстановить свои права была пресечена народом, изгнавшим своих мучителей.

Спустя некоторое время, как пишет Прокопий, «римские воины, посылаемые императором и уже давно расселившиеся среди них (абасгов — Ю. В.) во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям Римской империи; вместе с тем они ввели у них некоторые новые порядки. В виде более насильственного проявления власти абасги... пришли в негодование».

Ущемленная в своих правах родоплеменная верхушка, используя недовольство народа, вызванное ускоренными темпами введения имперских порядков, попыталась восстановить прежний строй жизни. Страна вновь была поделена на две части, во главе которых встали «цари» Опсит и Скепарна, которые, воспользовавшись трудностями Византии в Центральной Колхиде, где, казалось, персы начинают побеждать, фактически отделились от Империи.

Летом 550 года в Абасгию пришло персидское войско во главе с Набедом, которое, пробыв там некоторое время, окончательно подавило провизантийскую партию. Связав абасгов соответствующими обязательствами, персы увели в Иран в качестве заложников шестьдесят мальчиков из самых знатных семей. Скепарна, правитель западной Абасгии, был вызван для инструктажа в ставку шаха Хосрова, а Опсит стал готовиться к войне с Византией. Своим опорным пунктом он избрал Трахею — укрепление, незадолго до того завершённое в рамках создания внутренних эшелонов «кавказского лимеса» для обороны абасгских ущелий (клисур).

Руины Трахеи (от греческ. «Извилистая каменистая местность») до сих пор сохранились на вершине Анакопийской горы у Нового Афона. Местоположение крепости определяет ее тактическое значение — сторожить узкий проход, соединявший Абасгию с Апсилией у подножия горы, и вести наблюдение за передвижением кораблей на море. Размеры Трахеи невелики — общая длина стен 204 метра (абрис Цибилиума по периметру 1200 м), полезная площадь до 0,3 га (против 1,5 га Цибилиума). Прокопий сохранил яркое описание внутренней обстановки Трахеи в 550 году: «Дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною».

Узнав о ситуации в Абасгии, император Юстиниан отдал приказ подавить мятеж. Из Фасиса (совр. Потти) были отправлены корабли с тысячей византийских солдат во главе с Улигагом и Иоанном, сыном Фомы Армянина. Высадившись на берег, византийцы попытались взять Трахею с востока. Однако тропа здесь шла между протянувшейся в длину скалой и прибрежным болотом, существовавшим до середины XIX века. Со скалы строй абасгов держал под обстрелом тропу. Византийцам пришлось перебросить часть воинов морем в обход и двинуться на Трахею двумя колоннами. Абасги, число которых не должно было превышать несколько сотен, вынуждены были отступить за крепостные стены. Однако стражи не успели закрыть вовремя ворота, и противник ворвался внутрь крепости без особых препятствий. Абасги, заняв оборону на крышах домов, попытались сверху отбиться, но нападавшие подожгли дома, и Опсит с небольшим отрядом бежал на Северный Кавказ к дружественным персам гуннам. Византийцы взяли в плен жен абасгских царей с их потомством и приближенными, опустошив прилегающую местность. Так печально закончилась попытка абасгов вернуться к дохристианской самостоятельности.

События в Апсилии. На пути в Абасгию персидский полководец Набед прошел через Апсилию, где хитростью, с помощью знатного лаза Тердета, овладел Тцибиллой-Цибилумом. Здесь Набед взял в плен вдову одного из лазских царей гречанку Феодору, разместив в крепости персидский гарнизон. Апсоилы, стремясь сберечь свои силы, запросили помощи у византийцев и лазов, но те, теснимые персами у Фасиса, не смогли сразу откликнуться на этот зов. Бесчинства завоевателей переполнили чашу терпения цебельдинцев и они уничтожили отряд персов самостоятельно. Возмущенные отсутствием поддержки со стороны своих союзников, они объявили себя независимыми. Но тот же Иоанн, который возглавлял взятие Трахеи, затем вошел в Цебельду, где уговорил апсилов мирно передать Цибилуим византийцам и вновь подтвердить свою эфемерную подчиненность Лазике. Летом 553 года стоявший в Апсилии византийский отряд не пропустил туда персидского полководца Мермероя, в войске которого было много боевых слонов.

Особое значение для реконструкции достоверной исторической ситуации в Абхазии VI века имеют результаты раскопок Цибилуима. Здесь выявлен уникальный для Советского Причерноморья комплекс оборонительных, жилых, хозяйственных и культовых построек VI века. Среди них — единственные в нашей стране пятигранная и купольная боевые раннесредневековые башни, катапультная башня, единственная в горной Абхазии древняя башня, крупнейшее в СССР раннесредневековое крепостное водохранилище, древнейшие в горах Западного Кавказа христианские храмы с крещельней, где принимали впервые новую религию предки абхазов, древнейшая в Советском Причерноморье печь для обжига известняка, давальня и винный склад, прачечная и древнейшие на территории горной Абхазии двух- и трехэтажные жилые каменные здания... При раскопках в крепости получен огромный археологический материал: импортная (Малая Азия, Западное Причерноморье, Греция, Сирия, Египет, Карфаген и др.) и местная апсилийская самобытная посуда, разнообразное вооружение — местное, византийское, иранское, в том числе найденные впервые в СССР иранский конский доспех VI века и массивные, со свинцовыми стабилизаторами, наконечники стрел от станкового лука (арбалет), кирпичи и черепица с клеймами епископа Константина — одного из организаторов строительства крепости и первого епископа апсилов в 30-х годах VI века... В источниках, относящихся к середине VI века, сохранилось множество сведений о деятельности в этом месте предков не только абхазов, но и мегрелов-лазов, армян, осетин, греков, персов, германцев, славян... Таким образом, Цибилуим является ярким памятником взаимодействия многих народов Кавказа и прилегающих регионов.

Восстание мисимиан. В мае — ноябре 556 года в Апсилии находилось четырехтысячное войско византийцев во главе с полководцем Мартыном. Это вторжение было обусловлено тем, что жившие по соседству с апсилами миси-

миане в этот период повторили (в надежде на поддержку персов) попытку абасгов отделиться от Лазики и стоявшей за ней Византии. Поводом послужило то, что византийцы сочли нецелесообразным ежегодно переправлять на Северный Кавказ мешки с золотыми монетами, с помощью которых налаживали добрые отношения с аланами и другими северокавказскими народами. И вот посланник Византии Соттерих, который привез с собой императорские деньги — 28800 номисим (примерно 160 тысяч рублей золотом), решил передать аланам крепость Бухлоон (совр. Пахулани), находившуюся на восточной окраине расселения мисимиан у реки Ингур. Отсюда предназначенные им деньги аланы сами должны были увозить через перевалы. Мисимиане возмутились таким отношением к их собственности и выразили протест, за что их представители были побиты палками. Ночью мисимиане разгромили лагерь Соттериха, и, уничтожив его самого, его сыновей и часть сопровождающей челяди, обратились за помощью к персам. Те прислали свой отряд, занявший проходы из Апсилии к мисимианам. Попытки византийцев вернуть деньги мирным путем не увенчались успехом — мисимиане даже обезглавили двух знатных апсиров, посланных Мартыном уговорить непокорных. Вскоре наступила зима, и персы, сославшись на свой обычай не воевать зимой, ушли, открыв все дороги. Мартын, обосновавшись в Цибилиуме, руководил военными действиями, в результате которых было опустошено главное поселение мисимиан. Тогда, хотя находившаяся рядом крепость Тцахар и не была взята византийцами, мисимиане, учитывая сложность ситуации, запросили мира на любых условиях. Получив назад свои номисимы, взяв заложников и кое-какую добычу, византийцы ушли, разрешив мисимианам, как писал историк Агафий, «снова беспрепятственно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни».

При решении вызывающих споры вопросов расположения и этнокультурной принадлежности мисимиан нужно учитывать следующие моменты. Согласно Агафию одна из мисимианских крепостей (Тцахар) находилась вблизи апсильского укрепления Тибелия (Цибилиум). Другая (Бухлоон) — на границе с лазами. Следовательно, мисимиане заселяли предгорье современных Очамчирского и Гальского районов, т. е. территорию, которая, согласно Прокопию Кесарийскому, в начале 50-х годов VI века еще входила в состав Апсилии. Говоря о зависимости мисимиан от лазов, Агафий не случайно подчеркивал: «Но язык у них разный, так же как и нравы». При формировании же посольства к мисимианам выбор не случайно пал не на лазов или сванов, а на «самых разумных людей из апсильцев», которые были не только «по образу жизни», как подчеркивает источник, но и по языку, как следует из этого выбора, ближе других к мисимианам. Постулируемое некоторыми тождество мисимиан со сванами противоречит Агафию, помещавшему последних совершенно в другом месте, между Иверией и горами Северного Кавказа. Тцахар находился

на месте Пскальской крепости на левом берегу Кодора, которая археологически входит в число основных памятников цебельдинской культуры апсиров.

В 60-х годах VI века византийский дипломат Земарх возвращался из Средней Азии и, достигнув центра Алании (район современного Пятигорска), вынужден был отказаться от более прямого «Мисимийского пути» через Кавказ и прошел западнее Даринским (от осетинского «Дар» — ворота) путем через Апсилию. Согласно источнику это произошло потому, что в Свании, располагавшейся тогда восточнее Мисимийского пути, в верховьях Риона, находились персы. Следовательно, последний путь мог проходить только по ущелью Ингура. На тесную связь апсиров и мисимиан указывает и «Житие святого Максима Исповедника», согласно которому в 60-х годах VII века крепость Пуста находилась «в краях Апсилии и Мисиминии», а Бухлоон (Буколус) продолжал принадлежать аланам, эксплуатировавшим «Путь мисимианов» по Ингуру.

Христианизация предков абхазов. Существующие представления о том, что первую христианскую проповедь на территории Абхазии вели апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, носят мифологический характер и основаны на житиях этих святых, которые были разработаны в начале IX века в Византии с определенными политическими целями. Первые же достоверные сведения о христианах на территории Абхазии относятся к концу III — началу IV веков, когда Питиунт превратился в место ссылки христиан и там образовалась их первая община на Кавказе. В 325 году епископ питиунтский Стратофил представлял эту общину на первом Вселенском церковном соборе в Никее. Древнейшие в Абхазии христианские храмы IV—V веков исследованы на территории Питиунта и Себастополиса, отражая в первую очередь религиозное состояние их населения и гарнизонов.

Как показали археологические раскопки в Цебельде, апсирсы приняли христианство в качестве официальной религии в 30-х годах IV века вслед за лазами. Тогда в крепостях Цибилуума и Шапки были возведены храмовые комплексы с крещальнями и мавзолеями (захоронениями костей святых). Согласно клеймам на кирпичах и черепице первым епископом апсиров был Константин. На прилегающем к Цибилууму могильнике хорошо прослежена смена языческого обряда у апсиров христианским — сначала из погребального инвентаря исключались керамика и оружие, а позднее и остальные вещи — украшения, предметы одежды. Этот процесс длился около столетия — во второй половине VI века в местных захоронениях появляются нательные кресты, однако и в могилах конца VI — начала VII веков н. э. можно еще встретить совместные языческие захоронения всадника с конем.

Момент официального принятия христианства в Апсилии и фактическая христианизация ее основного населения — вещи разные. Если ранние храмы Цибилуума, кирпичи, черепица с клеймами Константина, указание Прокопия Кесарийского, первым назвавшего в 50-х годах VI века апсиров христианами —

свидетельства первого порядка, идущие в первую очередь от Византии и ее интересов в этом районе, то могилы рядовых апсидов сохранили до наших дней их истинное отношение к проблеме. Как и всюду, свою традиционную религию апсиды не сразу обменивали на догматы новой веры. Официально, на уровне связанных с Византией правителей, признав христианство, внутренне, особенно на уровне низов, апсиды еще долго сопротивлялись чуждой вере, реализовывая свои истинные воззрения, в частности, в погребальном обряде — этом важнейшем нашем источнике по идеологии и культуре древних абхазов...

Близкая ситуация существовала и в Абасгии. «Эти варвары, — писал Прокопий Кесарийский, — еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей... простоте они полагали, что деревья являются богами». В VI веке (около 548 года) происходит официальное обращение абасгов в христианство. Здесь, как и в Апсилии, в этот период ярко себя проявила активная роль византийской церковной дипломатии, внешняя мягкость и гибкость которой являлась лишь прикрытием истинных ее устремлений, ставивших целью подчинение соседних стран и распространение не только церковного, но и политического влияния Византии.

После завершения персо-византийских войн за Колхиду она фактически была включена в состав империи. Именно тогда на территории Абхазии строятся такие замечательные памятники, как древнейшая христианская купольная постройка в СССР — Драндский собор, Цандрипшская базилика, украсившая центр зихской епархии в Никопсии (современный поселок Цандрипш), Хашупская, Анакопийская и Герзеульская крепости и т. д. Вместе с тем под воздействием христианства угасает самобытная языческая культура внутренних районов Апсилии и Абасгии, складываются предпосылки их объединения, приходит в запустение большинство до того благоустроенных крепостей и поселений: интересы Византии перемещаются на Северный Кавказ.

§ 3. Аписл Евстафий и абасг Леон

Древнеабхазские политические образования в VII веке. Весь VII век Абасгия, Апсилия и Мисиминия оставались в зависимости от Византийской империи, играя роль ее глубоких северо-восточных провинций. В 623 году абасги участвовали в закавказских походах императора Ираклия II, избравшего Колхиду в качестве опорной базы для окончательного вытеснения персов из этих областей. В этот период была возведена и Анакопия — крупнейшее оборонительное сооружение на кавказском берегу Черного моря, включившее в свой ансамбль в качестве цитадели постройки главной крепости абасгов Трахеи. В основе названия «Анакопия» находится абхазское слово «Анакуап», которое переводится как «изрезанная, извилистая местность», т. е. по смыслу означает то же, что и греческое название этого пункта (Трахея).

Интересные сведения содержатся в труде Феодосия Гангрского о пребывании в Колхиде сосланных сюда из Византии церковных деятелей — диофизитов Максима Исповедника и двух Анастасиев — его соратников. Их многократно переводили из крепости в крепость, то оказывая внимание, то мучая. Среди тех пунктов, где им пришлось бывать, упоминаются крепость Скотор вблизи Абасгии, Пуста «в краях Апсилии и Мисиминии», Зиха-Хора в верховьях Моквы и т. д. Как видно, этот край продолжал оставаться в силу своей природной суровости и неблагоустроенности местом ссылки неугодных империи лиц. Абасгия в этом источнике представляется более развитой, чем соседние районы, страной, во главе которой стоял «христолюбивый принцепс».

Очень важны сведения, сохраненные нам «Армянской географией» VII века (Ашхарацуиц). «Между булгарами и Понтийским морем, — сказано в источнике, — живут народы гаши, куты и суаны до Псин («Писинун») — прибрежной страны Аваза». Далее упоминаются апсилы и абасги, которые проживали до «своего приморского города Севастополя» и восточнее «до реки называемой Дракон, которая течет из страны Аланской». Поскольку согласно другим источникам (Агафий, Феодосий Гангрский) в период создания «Армянской географии» по соглашению с Византией в состав Алании было включено ущелье Ингура — от крепости Бухлоон-Буколус до перевалов на Северный Кавказ, а страну Эгер (Эгриси грузинских и Лазика византийских источников) армянский автор поместил за рекой Дракон, то последнюю логичнее всего сопоставлять с современным Ингуром. «Армянская география» — первый источник, в котором фигурирует Псин-Апсны как общее местное название будущей Абхазии.

В VII — начале VIII вв. в Абасгии, как и в соседней Апсилии, существовала наследственная власть. Сохранился перечень абасгских правителей, называемый «Диван абхазских царей». Его позднейшая копия относится к XV веку. Первым в этом списке стоит Анос, вторым — Гозар, третьим — Юстиниан, четвертым — Филиктиос, пятым — Капаруки (Барук), шестым — Дмитрий I, седьмым — Феодосии I, восьмым — Константин I, девятым — Феодор I, десятым — Константин II и одиннадцатым — Леон I, причем все они кроме последнего были сыновьями своих предшественников и лишь Леон был младшим братом Константина. Согласно историческим хроникам Константин II был женат на дочери хазарского царя, сестра которой была замужем за византийским императором Константином V. Естественно, что в этих условиях основной связующей духовной нитью между Византией и Абасгией продолжал оставаться Питиунт, где были сильны церковные учреждения. Не случайно именно здесь найдено большинство вислых свинцовых печатей VII—VIII вв. На одной из них сохранилось имя епископа Феодора, на другой — Константина Абасгского — одного из упоминаемых в «Диване». Не исключена и связь епископа Феодора с Феодором I. Вместе с тем эти печати удостоверяют с

достаточной определенностью, что в своем большинстве правители Абасгии были проводниками интересов Византии на этой территории. Этому не противоречит и печать с именем епарха Петра из Анакопии. Владетели Абасгии носили византийские титулы архонтов, егуменов, принципсов и находились в кровном родстве и постоянной переписке с представителями византийской элиты в Константинополе и ее ставленников в Колхиде.

Нашествие арабов. В самом конце VII века в Западное Закавказье вторглись арабы, которые, дойдя до Апсилии, разместили в ней свои гарнизоны. Проарабскую позицию заняли и правители Абасгии. В 708—711 годах по Западному Кавказу совершил поездку будущий византийский император Лев Исавр, который организовал вторжение союзных Византии алан в Абасгию. Правящие круги последней попытались захватить Льва Исавра, предложив за него аланам сначала три тысячи золотых монет, а затем шесть тысяч. Льву Исавру удалось уговорить аланов пойти на хитрость: они передали его абасгам, получили деньги, а затем, устроив засаду, освободили Исавра. Вслед за этим аланы совершили еще одно вторжение в «абасгские клисуры» и увели в плен много абасгов. Такой дорогой ценой обернулись для народа Абасгии проарабские настроения ее руководителей, их ошибки в оценке политической ситуации и не всегда удачные попытки во что бы то ни стало уцелеть и сохранить свои привилегии. Люди есть люди. Происходило это, вероятно при Феодоре или отце его Константине, правившими в Абасгии в начале VIII века.

С успехом выполнив стоявшую перед ним задачу, Лев Исавр, перейдя в мае 711 года один из перевалов (Клухорский?), спустился в Апсилию. Здесь, собрав скрывшихся в местных ущельях от арабов византийских солдат в основном армянского происхождения, он осадил Цибилиум, называвшийся тогда Железной крепостью («Сидерон»). Засевший там проарабский гарнизон под руководством Фарасмания оказал безуспешное сопротивление. Исход сражения решил патрикий апсилон Марин, который пришел на помощь Исавру с тремя сотнями своих воинов. После взятия крепости и передачи ее апсилам, Лев Исавр посетил резиденцию Марина, которая находилась, по-видимому, на горе Шапки в 7 километрах от Цибилиума, а затем с почетом был выведен к морю, где и сел на корабль в порту Севастополиса.

В 738 году в Апсилию, которая тогда продолжала еще рассматриваться как часть «Римской земли», вторглись арабские полчища во главе с Сулейманом Ибн-Исамом. Арабы взяли штурмом Сидерон и захватили в плен последнего правителя апсилон Евстафия. Имя этого незаурядного человека позднее пользовалось заслуженной известностью в христианском мире. Византийский летописец Феофан сообщает, что в 740 году Сулейман Ибн-Исам «перебил всех пленных христиан во всех городах его владычества, причем пострадал и Евстафий Блаженный, сын Марина, знаменитого патрикия. Несмотря на все принуждения он не отрекся от истинной веры и в знаменитом городе месопо-

тамском, Харане оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатию божиею производят всякие целения». Арабы нанесли Апсилии такой урон, что она в дальнейшем уже не смогла возродиться в качестве самостоятельного политического образования.

Сражение у Анакопии. Больше повезло Абасгии. С востока проходы в нее преграждала Анакопия. Когда в 737 году в Закавказье вторглось арабское войско во главе с Мурваном Кру (Глухим), никто не мог его остановить. Восточногрузинские, картлийские цари Мир и Арчил бежали в Абасгию и укрылись в Анакопии. Мурван, разрушая по пути все, что ему попадалось (в том числе и, как сообщают грузинские летописцы, «город Апсилии Цхум»), дошел до границ Абасгии. В Анакопии засели тысяча картлийских и две тысячи абасгских воинов, возглавляемых Миром и Арчилом. Правитель абасгов Леон отправился за подмогой к аланам. Про войска же Мурвана говорили, что они по численности равны «темной туче саранчи и комаров». Конечно, силы были явно неравными, но во-первых, Анакопия представляла собой преграду исключительной мощности. Ее южная стена, протянувшаяся на 450 метров, была укреплена семью башнями, форма которых в зависимости от крутизны склона была четырехугольной или полукруглой в плане. Полукруглые башни были возведены на более пологом склоне, где врагам легче было подвести стенобитные машины. На стенах и башнях стояли катапульты и другие метательные машины, засыпавшие врага стрелами и камнями. За круглой многоярусной угловой башней скрывались ворота, подходы к которым были тщательно защищены. Между башнями были калитки, через которые защитники крепости совершали внезапные вылазки. Во-вторых подсобила и природа. На ограниченной заболоченной территории между морем и скалою скопились десятки тысяч воинов и лошадей.

Древнегрузинский летописец Джуаншер (XI век) следующим образом описал обстоятельства решающего сражения под Анакопией: «И перед рассветом господь бог послал на сарацин зной южный и заболели они кровяной холерой. В ту ночь явился Арчилу ангел божий, который сказал ему: «Идите и срайтесь с агарянами (арабами — Ю. В.), ибо я на них послал жестокою и истребляющую людей и животных болезнь. Когда выступите, тогда из их лагеря услышите стоны и рыдания. Вы же будьте храбрыми и обретите силу, уповая на бога». Когда же рассветало, из их лагеря раздались плач и рыдания. И тогда выступили, уповая на бога, для сражения с ними; сразились и господь бог дал победу малочисленному христианскому воинству, от холеры погибло тридцать пять тысяч сарацин, а от меча — три тысячи. Мир был ранен копьем в бок; из христиан в тот день пало шестьдесят человек. Лошади сарацин пали подобно (срубленному) лесу и всех их бросали в море»... Мурвану пришлось отступить.

Поражение арабов под Анакопией получило широкую огласку, сыграв важную позитивную роль в истории Восточного Причерноморья. Благоприятная

ситуация способствовала выдвижению правителя Абасгии Леона на одно из первых мест в местной иерархии. В его распоряжении оставалось не опустошенное и не обескровленное, подобно другим областям Колхиды (Лазика, Мисиминия, Апсилия), Абасгское княжество. Когда о происшедшем стало известно византийскому императору Льву Исавру, он прислал два царских венца и грамоту картлийским царям Миру и Арчилу, передав им в управление территорию бывшего Лазского царства, причем приморская Лазика отошла к Миру. Леону же Лев подтвердил его потомственное право на владение Абасгией, рекомендовав ему не посягать на владения его новых соседей.

Между тем Мир умер от раны, а его многочисленных дочерей Арчил роздал в жены окрестным раннефеодальным владикам. Леону досталась младшая — Гурандухт, вместе с которой, конечно не без ведома Льва Исавра, ему была передана и корона Мира. За Леоном закрепилась территория между рекой Эгрис-цкали (под этим названием в наиболее ранних грузинских источниках фигурировала не только река Ингур, но и расположенные юго-восточнее Рион и Чорох) и центральноколхидской Клисурой — возникшей в VI веке системой укреплений, главным узлом которой в этом районе была крепость Цихе-Годжи (Археополь-Нокалакеви). Северной же границей Абасгии был определен Кавказский хребет, за которым начинались владения Хазарского каганата. Так, при поддержке своего тезки Льва Исавра Леон стал правителем обширной области, поглотившей территорию прежних Абасгии, Апсилии, Мисиминии и Лазского царства, восточные области которого отошли к нему после смерти Арчила. До конца своей достаточно долгой жизни Леон сохранял верность Византии, осуществляя в Западном Закавказье роль посредника в ее взаимосвязях с Северным Кавказом, противостоя арабским вторжениям из Восточного Закавказья, проводя дальнейшую христианизацию края.

Состояние Абхазского княжества в конце правления Леона I хорошо передано в другом грузинском источнике — «Мученичество Або Тбилели», в котором рассказывается о судьбе арабского юноши, казненного в 786 году н. э. за переход в христианство и за несколько лет до того побывавшего в Абхазии. «Когда же известили владетеля Абхазии, — сообщает автор этого сочинения, — о блаженном Або, что тот является новокрещенным, он весьма обрадовался со всем своим народом; сам владетель, епископ и священники призвали его и благословляли... И блаженный Або еще пуще благодарствовал богу, так как он узрел страну ту (т. е. Абхазию — *Ю. В.*) исполненный христовой веры, и ни одного неверующего не сыскать было в их пределах. А сопредельным с ними является понтийское море, где повсеместно обитают христиане... И являются те города и земли подвластными слуге Христа, царю ионцев (т. е. греков — *Ю. В.*), который восседает на престоле в великом граде Константинополе».

Абхазия вступала в новый этап своего исторического развития, связанный с уже феодальной государственностью.

Раздел II. АБХАЗИЯ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Глава I. Абхазское царство

§ I. Апсха Леон

Предпосылки и условия образования Абхазского царства. В конце VIII в. в Восточном Причерноморье сформировалось первое раннефеодальное государство — Абхазское царство, которое сыграло значительную роль в истории народов Закавказья. Слово сочетание «Абхазское царство» характерно исключительно для грузинских источников — византийцы до X века рассматривали Абасгию — Абхазию в качестве вассального княжества.

«Когда ослабели греки, отложился от них эристав абхазов, по имени Леон, племянник (сын брата) эристава Леона, которому была дана в наследственное владение Абхазия. Этот второй Леон был сыном дочери хазарского царя и (воспользовавшись) силой их (хазар), отложился от греков, завладел Абхазией и Эгриси до Лихи и принял на себя имя царя абхазов» — так описывает анонимный автор грузинского исторического сочинения XI в. «Летопись Картли» момент образования Абхазского царства. Событие это обычно датируют промежутком между 786 и 797 годами или самым концом VIII века.

Социально-экономические и политические предпосылки образования Абхазского царства сводятся к нескольким определяющим моментам. Прежде всего нужно иметь в виду, что феодализация абхазского общества проходила крайне медленно. Основная масса непосредственных производителей была лично свободна. Сохранялось общинное землевладение и землепользование. Общественное устройство горных долин Абхазии было еще более архаичным. Княжеская власть опиралась, главным образом, на свободных воинов-дружинников и на церковь.

Далее, в отличие от соседних княжеств (Лазика, Апсилия и др.), Абасгия почти не пострадала от нашествий арабских захватчиков, что способствовало дальнейшему прогрессу ее хозяйственно-экономического и культурного развития. Об этом свидетельствуют, в частности, «ацангуары (абхазск. «ограды карликов»), исследованные в субальпийской зоне высокогорий в бассейнах рек

Мзымта, Бзыбь и Кодор. Абсолютное большинство (свыше 400) этих оград относится к раннему средневековью и свидетельствует о существовании в этот период в Абхазии развитого отгонного скотоводческого хозяйства, повсеместно освоившего высокогорные пастбища. Там возводились капитальные долговременные жилища и загоны. Пастухи надежно укрывались за толстыми каменными стенами, варили пищу на кострах в глиняной посуде, пользовались железными кресалами для добывания огня, отбивались от скотокрадов с помощью лука и стрел.

Этот переломный в хозяйственной жизни края момент совпал с возникновением и развитием Абхазского царства, показав, что одно из важнейших составляющих экономики этого государства было отгонное скотоводство, находившееся в руках многочисленных свободных общинников. Очень важно, что в тот же период перегон скота на горные пастбища получил широкую практику в Византии, где крестьяне на несколько месяцев покидали свои хозяйства и уходили с козами и овцами в горы. Это дает основание думать, что наряду с другими чертами (крепостное и храмовое строительство, вооружение, украшения, отчасти керамика и др.) и сам уклад абхазской деревни в момент ее вступления в раннефеодальную стадию развития имел уже много общего с Византией.

Усилению Абасгии объективно способствовало и традиционное стремление Византии обезопасить свою северо-восточную границу. В условиях арабского давления присутствие сильного христианского политического образования в Колхиде было особенно желательным. Поддержка, которую Леон I получил от Византии (утверждение за ним наследственного права на Абасгию), передача ему знаков царского достоинства, принадлежавших картлийскому царю Миру и др.), способствовала включению в границы Абасгии сначала Апсолии, Мисиминии и приморской Лазики, а позднее и всей Колхиды.

Свою роль сыграло ослабление внимания к региону со стороны администрации Византии в конце VIII века и усиление соответствующего воздействия Хазарии, внуком царя которой по матери был Леон II. В этих условиях объявить себя независимым не представляло сложностей. Не случайно в источнике подчеркнуто, что решающей силой, противопоставившей Леона II византийцам, были хазары.

Однако неверно полагать, что условия, возникшие в конце VIII в., способствовали полному освобождению Абхазии от византийского влияния на весь последующий период. В противовес Абхазии и Византии, где господствующей идеологией было христианство, Хазария в это время формировалась как иудейское государство с сильными языческими пережитками. На востоке Абхазии противостояли сильные мусульманские образования Восточного Закавказья. Не давали ей серьезно оторваться от Византии и общие с Империей сухопутные и морские границы. Экономическая, политическая и культурная

ориентация преимущественно на Византию четко проявляет себя на протяжении всей двухсотлетней истории Абхазского царства.

Деятельность Леона II. Иных, кроме приведенных выше, конкретных сведений о Леоне II источники не сохранили. Можно предполагать, что на его формирование в детстве большое влияние оказала мать-хазарка, что он был менее привержен христианству, чем его предшественник, что при выборе столицы своего государства, помимо интересов управления и удаленности от византийской границы, Леон II руководствовался тем, что Кутаиси находился на кратчайшем пути в Хазарию. Не случайно Леон II не упомянут в таком важном источнике как «Диван абхазских царей» — официальная традиция, по-видимому, не могла одобрять его разрыва с Византией и признать законность захвата власти в Абхазии в условиях гарантированного Леону I потомственного владения ею. Некоторые исследователи предполагают, что Леон II при восшествии на престол принял царский титул «апсха», который переводится с абхазского как «владыка (царь) апсов (абхазов)».

Обычно действия Леона II рассматриваются в качестве проявления некоей его «общегрузинской» политики. Однако в действительности он строил собственное владение в рамках стремлений, характерных для каждого феодального деспота. Вместе с тем вся дальнейшая история Абхазского царства характеризуется непрерывно продолжавшейся борьбой и соперничеством с соседними царствами и княжествами, особенно за владение Картлией.

Объективно эта борьба со временем привела к объединению всех картоязычных («грузинских») племен и Абхазское царство сыграло в этом процессе основную позитивную роль.

Интересные, хотя и отражающие, безусловно, позднейшую (вплоть до XVII в.) ситуацию, сведения об административной деятельности Леона II сохранил грузинский географ и историк Бахушти Багратиони. Согласно его данным «царь Леван» разделил свои владения на восемь воеводств (эриставств) — собственно Абхазское, Цхомское, Бедийское, Гурийское, Рача-Лечхумское, Сванетское, Аргветское и Кутаисское, поставив во главе каждого из них самостоятельного владетеля. Границы Абхазского воеводства (древняя Абасгия) охватывали: с востока — район Анакопии, с юга — берег моря, с запада — Джигетию (вероятно, до современной Гагры), с севера — Кавказский хребет до истоков реки Хазария (истоки Кубани и ее притоков). Цхомское воеводство (древняя Апсилия) простиралось от Анакопии (включительно) на западе до реки Эгрис-цкали (современная Галидзга) на востоке, от побережья моря на юге и до Главного хребта, включая какие-то области Алании, заходившие в горную зону воеводства. В состав Бедийского воеводства, формированию которого, как известно, положила начало деятельность Баграта III в конце X — начале XI вв., входили юго-восточные области современной Абхазии восточнее реки Эгрис-цкали.

Этнический состав Абхазского царства не был однородным. На его территории, помимо абхазов, проживали мегрелы и сваны, отчасти джиги (зихи) и аланы, а также картвелы, в значительном количестве переселявшиеся в восточные и южные области Колхиды из Картлии, которую арабы подвергали систематическому опустошению. В приморских городах, особенно в среде торгового люда, было много греков, армян, евреев. Экспансия абхазской административной структуры на восток в VIII—X веках, несомненно, не только консервировала сплошной абхазский (абасго-апсильский) этнический элемент по всей территории между современными Гагрой и Ингуром, но и способствовала широкому распространению этого элемента в других районах Колхиды, а также в Картлии и Месхетии.

Восточное направление политических и захватнических устремлений Абхазского царства объясняется как географическими, так и другими обстоятельствами. На севере этим устремлениям препятствовали не только теснины Главного Кавказского хребта, но и расположение за ним сильного Хазарского государства и подвластных ему земель, к югу же находились владения Византии. В сложившейся обстановке наиболее удобными объектами для захвата стали ослабленные нашествием арабов земли, лежавшие на востоке и населенные картвелами. Этим объясняется тот факт, что политические границы Абхазского царства раздвигались преимущественно в юго-восточном направлении — в сторону внутренних районов современной Грузии. Немалую в этом роль играло и характерное для христианских царей стремление изгнать арабо-мусульманских владык из более восточных районов Закавказья.

Преемники Леона II. Вслед за Леоном, умершим в 806 году, Абхазским царством попеременно управляли три его сына — Феодосий I, Дмитрий II и Георгий I. Согласно «Дивану абхазских царей» они занимали престол на протяжении 70 лет, по другим данным — 50 лет. Основное содержание внешней политики царства в этот период — борьба с арабским халифатом и тифлисским эмиратом за влияние в регионе. Под руководством Феодосия абхазы принимали участие в битве на реке Ксани, где была одержана победа над объединенным арабо-кахетинским войском. Напротив, в сражении у Куэцхоба (853 год) войска абхазов, руководимые Дмитрием, потерпели поражение и Абхазское царство некоторое время было вынуждено платить эмиру дань — денежную и натуральную компенсацию за мирные отношения.

Абхазское царство существовало не изолированно. Это образование, как и любое другое, свою историю строило на основе непрерывных контактов с соседними государствами и народами. Поддерживались достаточно прочные связи с Византией, неоднократно пытавшейся оказать абхазским царям помощь в их противостоянии тифлисским эмирам. Так, в 830 году потерпело поражение от арабов «огромное войско» византийцев, посланное в Закавказье императором Феофилом. Столь же неудачной была и попытка, предпринятая

византийцами в 843 — 844 годах, когда к берегам Колхиды было направлено морем большое войско, возглавляемое полководцем Феохристомом. Буря сильно потрепала флот, а высаженный на берег десант вскоре был разбит арабами.

Важную роль играли взаимоотношения с картвельскими политическими единицами, в первую очередь, с Тао-Кларджетским царством, на дочери правителя которого был, например, женат Феодосий. При царе Георгии I Картлия на некоторое время была включена в состав Абхазского царства. После смерти бездетного Георгия власть в его царстве на 20 лет была узурпирована представителями рода Шавлиани, а законный наследник престола, сын Дмитрия Баграта скрывался в столице Византии Константинополе. В этот период в борьбу за обладание Картлией включаются и армянские цари. Около 879 года Абхазское царство уступает на время Картлию армянскому царю Ашоту.

Период царствования трех сыновей Леона II на территории нынешней Абхазской республики почти не оставил зримых следов — все внимание абхазских царей было обращено к восточным границам их владений. Верховная церковная власть на этой территории осуществлялась архиепископом себастопольским, состоявшим в списках Константинопольского патриархата. Одним из главных храмов Абхазии того времени был Драндский собор, где, как полагают, размещалась архиепископская кафедра.

§ 2. Абхазское царство в конце IX—X веках

Восточная политика Абхазского царства. Внешнеполитическая ситуация изменилась в благоприятную для Абхазского царства сторону в период правления византийского императора Василия II (867—886 годы), при котором начался новый подъем политической активности Империи. Воспользовавшись благоприятным моментом для утверждения своих позиций в Закавказье, Василий дал воспитывавшемуся при его дворе Баграту, сыну царя абхазов Дмитрия, войско, которое было переброшено в Колхиду морем. Пройдя маршем до Кутаиса, Баграта почти без сопротивления овладел отцовским престолом и начал активные действия на востоке, захватив ряд укреплений в Самцхе (верхнее течение реки Куры). Однако в 888 году правители Тао-Кларджетии и Армении (в 886 году наместник халифа возложил на голову Ашоту Багратида венец, признав формальное существование Армянского царства) объединили свои усилия и нанесли войску Баграта поражение у упомянутой реки. В сражении погиб и осетин Бакатар, возглавлявший абхазское войско.

Соперничество за Картлию между Абхазским и Армянским царствами продолжалось и при сыне Баграта Константине III. В конце 90-х годов Константин выдал свою дочь за сына армянского царя Смбата, а около 904 года, воспользовавшись распадом Армянского царства, полностью овладел Картлией.

Позднее, после кратковременного пребывания в плену у Смбата, Константин укрепил свои позиции не только в Картлии (об этом свидетельствует и надпись в Самцеврисской церкви в Хашури, где говорится о строительстве здесь канала на двадцатом году царствования Константина), но и в Кахетии, Эрети (надпись Эредвской церкви сообщает о его походе в эту область) и других районах Восточного Закавказья. Позднее восточные границы Абхазского царства были нарушены кровопролитными вторжениями арабского эмира Абул-Касима, преследовавшего укрывшегося в «горах Абхазии» армянского царя Смбата.

Согласно летописи, преемник Константина Георгий II «был наделен всеми благами, храбростью и мужеством, был боголюбив, больше всех славился как строитель церквей, милосердный к нищим, щедрый, скромный и преисполненный благодарности и доброты». Георгий II построил, в частности, храм в Чкондиди (Мартвили), учредил там епископию и украсил храм мощами святых мучеников. Около 930 года он сделал «пятидесятым» правителем Картлии своего старшего сына Константина, который вскоре решил отнять абхазский престол у отца. Когда заговор был раскрыт, Константин укрылся вместе с поддерживавшими его феодалами в картлийской крепости Уплисцихе. После длительной осады Георгий обманом выманил сына из крепости, велел выколоть ему глаза и умертвить. Правителем Картлии был назначен второй сын Георгия Леон. На южных границах Абхазского царства ему противостояло зависимое от Византии Тао-Кларджетское царство, во главе которого стоял тогда Гурген Великий. Против него Георгий направил другого тао-кларджетского феодала — Ашота Куропалата, за которого он выдал замуж свою сестру. Гурген на первых порах овладел пограничным с Абхазским царством городом Артануджем и потеснил Ашота, вынудив его бежать к Георгию. После смерти Гургена при содействии Георгия Тао-Кларджетия была поделена на три части, одна из которых была присоединена к Абхазскому царству. Последние два года своей жизни Георгий посвятил завоеванию Кахетии, которое завершить не успел.

В начале своего правления Леон III занимался укреплением царства и строительной деятельностью. «И возвеличил господь бог его царствование, подобно отцу его», — записал летописец. По распоряжению Леона в Мокве был возведен храм, при котором была организована епископская кафедра. На другом храме в Кумурдо (восточнее современной Вардзии) сохранилась строительная надпись, из которой следует, что основан этот храм был «при царе Леоне в 964 году в мае, в день субботний первой луны». Таким образом юго-восточная граница Абхазского царства в это время проходила в районе современного Ахалкалаки. Вскоре дочь Леона, бывшая в замужестве за сыном правителя Кахетии, умерла. Поскольку установить власть над этой областью путем династического брака не удалось, Леон во главе большого войска пересек Арагу, но заболел и вскоре умер, не оставив наследника.

Бездетному Леону наследовал брат его Дмитрий II, царствование которого прошло в борьбе с младшим сыном Георгия II Феодосием. Поскольку Феодосия попеременно поддерживали феодалы таких картвельских областей как Месхетия, Картлия, Тао-Кларджетия и Кахетия, то Дмитрию всякий раз приходилось преодолевать их сопротивление. Наконец, Дмитрий обратился к правителю Кахетии с письмом, в котором просил его быть посредником в примирении с братом, предложив Феодосию разделить власть на равных в Абхазском царстве. Феодосий поверил слову брата и выехал к нему. Однако Дмитрий, изменив данной клятве, велел схватить Феодосия и выжечь ему глаза. После смерти бездетного Дмитрия единственным наследником абхазского престола оказался Феодосий III Слепой — сын абхазского царя Георгия II.

Воцарение Феодосия привело к значительным смутам в Абхазском царстве. Первыми напали на Картлию правители Кахетии. Наместник Феодосия в Картлии Иоанн Марушисдзе обратился за помощью к правителю Тао-Кларджетии Давиду Куропалату, в результате поддержки которого правительницей Картлии стала дочь абхазского царя Георгия II, сестра Феодосия Слепого Гурандухт. А в 978 году, при содействии того же Давида Куропалата Феодосий был свергнут, а сын Гурандухт и Тао-Кларджетского феодала Гургена Багратиона (Багратиони) Багра́т был провозглашен царем Абхазии. Этим актом, как полагают многие исследователи, завершается история Абхазского царства, как западнокавказского политического образования, от «царства абхазов» происходит переход к «царству абхазов и картвелов».

Абхазское царство и Византия. История западных связей Абхазского царства относится к числу тем, недостаточно разработанных наук. Отчасти в этом виновата тенденциозность разработок последних десятилетий, делавшая Византию постоянным врагом абхазов, которые якобы только и занимались тем, что вели против Империи совместную с грузинами освободительную борьбу. В действительности абхазо-византийские отношения, как правило, носили добрососедский характер, сыграв важную роль в культурно-экономическом и политическом развитии страны, особенно в конце IX — X веках.

Западной границей Абхазского царства служило Черное море. Согласно уже упоминавшемуся «Мученичеству Або Тбилели», во второй половине VIII века крайними прибрежными пунктами распространения власти Леона I были: на северо-западе Напсаяская гавань (Никопсия), а на юго-западе Апсареа (крепость Апсар у устья современного Чороха). Эти пункты сохраняли свое значение до конца X века, временами включаясь в состав царства, временами переходя на территории соседних политических образований (Халдия, Джигетия, Зихия). Наиболее точные данные по этому вопросу сохранились в трудах византийского императора Константина Багрянородного (945—959 годы): «За Таматархой (современная Тамань Краснодарского края — *Ю. В. и Р. К.*), в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Тама-

тарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль... Побережье от пределов Зихии, т. е. от реки Никопсиса, составляет страну Авастию — вплоть до крепости Сотириуполя. Она простирается на 300 миль». В другом месте Константин Багрянородный сохранил сведение, что крепость Артануджи (бассейн Чороха) «является ключей к Авастии». Относительно интерпретации этих сведений нет единства.

Долгое время считалось, например, что Никопсия находилась у устья реки Негопсухо (современный поселок Ново-Михайловское Краснодарского края), а Сотириуполь помещали на месте современных Пицунды или Сухума. В последнее время выяснилось, что перевод миль в километры заставляет помешать Никопсию на месте населенного пункта Цандрипш, а Сотириуполь (город Сотера, то есть Иисуса Христа) — восточнее Трапезунта, где и ныне сохранились развалины средневекового «монастыря», связываемого с именем Христа.

Интересные результаты дали раскопки Цандрипшской базилики. Этот храм VI века был основательно перестроен в IX—X веках. Здесь найден и обломок мраморной плиты с греческой надписью VII — VIII вв., от которой сохранился конец слова «(Аб)асгиас».

Выше отмечалось, что именно благодаря поддержке Византии вернул себе престол царь абхазов Баграт, долгое время живший в Константинополе. Немалую роль связи с Византией сыграли и в усилении Абхазского царства при Константине III. Не случайно именно на первое десятилетие X века падает начало христианизации Алании, примыкавшей к Абхазскому царству с севера — через территорию последнего от его приморских портов между Питиунтом и Севастополем вели пути, связывавшие Византию с ведущими центрами Алании того периода. Без содействия Константина вряд ли была возможна беспрепятственная переписка патриарха Николая Мистика с миссионерами в Алании, подготовившая основание Аланской митрополии, древнейшее упоминание о которой относится к 907 году. О том же говорит и факт присвоения имени Льва (Леона) одному из внуков Константина, родившемуся в период правления византийского императора Льва Философа (умер в 911 году). В списках константинопольского патриархата вновь появляется и упоминание об архиепископе себастопольском как верховном церковном владыке абхазов.

Связи с Византией, заинтересованной в укреплении антиарабской и антихазарской коалиции на Кавказе, еще более усиливаются в период правления Георгия II. В 920 году византийский патриарх Николай Мистик обратился с посланием к армянскому католикосу Иоанну, где призвал всех кавказских правителей прекратить междоусобицы и объединиться в борьбе с арабами. Освобождение армян от арабских притязаний облегчило и положение Абхазского царства. Другие письма Иоанна Мистика адресовались прямо Георгию II. В первом из

них, написанном по случаю рукоположения в архиепископы Алании Петра, патриарх приветствовал Георгия с восшествием на трон после «недавно умершего отца его» и просил содействовать «пастырю соседнего народа, если тот, находясь в чужой стране, быть может, нуждается в самом необходимом». В следующем письме Иоанн Мистик хвалил Георгия за «ревность» в деле просвещения царя Алании и тех, «которые вместе с ним удостоились святого крещения», а также благодарил за гостеприимство и помощь, оказанные архиепископу-миссионеру.

Письма Николая Мистика характеризуют Георгия II как активного проводника христианства и византийской политики в Алании. Успешно начавшееся ее обращение было прервано событиями 932 года, когда аланы отреклись от христианства и прогнали епископов и священников. Причиной этого явилось поражение алан в войне с враждебной Византии Хазарией, одним из условий мира поставившей удаление византийских миссионеров. Однако этот разрыв, описанный арабским историком Максуди, был кратковременным и опять же при содействии правителей Абхазского царства христианизация Алании была продолжена.

С этого времени архиепископства Себастополя и Абасгии не упоминаются в византийских источниках, что дает повод ряду грузинских исследователей утверждать, что в начале X века или даже раньше абхазская церковь подчинилась Мцхетскому католикосату. Между тем нет ни одного источника IX—X вв., упоминающего о таком подчинении. Косвенные же свидетельства (усиление политического и церковного присутствия Византии на Западном Кавказе в конце IX — X веке, создание здесь митрополии Алании, с X по XIV века подчинявшейся Константинопольскому патриархату, группа выразительных памятников «абхазо-аланской школы» восточно-византийского церковного зодчества X века и т. д.) делают более логичным предположение о вхождении ряда абхазских епископств (Пицунда, Лыхны, Анакопия, Дранда, Моква и др.) в Аланскую митрополию. Не случайно грузинские источники, с одной стороны, сохранив свидетельство об учреждении в Абхазском царстве самостоятельного католикосата в 830 году, осуществленном через посредство правителей Тао-Кларджет и, с другой стороны неоднократно подчеркивают связь территории нынешней Абхазии с Аланией (указание Вахушти на то, что Цхумское эриставство включало «Анакопию с Аланией», размещение резиденции осетинки Алды во второй четверти XI века в Анакопии и т. д.). Не исключено, что именно в этот период по обе стороны западнокавказских перевалов были разработаны и распространены многие узловы сюжеты нартского эпоса.

Абхазское царство в армянских источниках. Более столетия соприкасались владения абхазских и армянских царей. История их взаимоотношений отражена в трудах многих армянских историков. Прежде всего не исключено, что именно тогда в текст жития святого Григория были включены сюжеты

о крещении им абхазов (арабский вариант «Истории Армении» Агафангела, Арцруни). Интересные сведения о подготовке антиарабской абхазо-византийской коалиции содержатся в послании Николая Мистика, сохраненном в «Истории Армении» Иованнеса Драсханакертци. «В связи с этим, — говорится в этом послании, — мы отправили письма также куропалату и начальнику абхазов, убеждая их слушаться ваших советов, забыть взаимные столкновения, обратить взоры к дружбе, единству, согласию и миру друг с другом и со всеми ишханами Армении и Алванка и, объединившись, бороться против нечестивого врага — сыновей Апу-Сеча... Пока вы будете со своей стороны устанавливать такой порядок, наш самодержавный и богом увенчанный царь пошлет в надлежащее время вам в помощь многочисленное войско дабы наш куропалат, начальник абхазов, ишханы и вельможи армянские, присоединившись к нашему войску, с великой помощью Божьей и при вашем священнодействии начав воевать с врагом — лжепогибельным прислужником сатаны, отбили у неприятеля то, что было потеряно раньше».

Иованнес Драсханакертци употребляет по отношению к населению Абхазского царства и этноним «эгеры», восходящий к картвельскому обозначению Колхиды («Эгриси»). Рассказывая о злоключениях армянского царя Ашота Шаханшаха, Иованнес писал: «Когда ему стали очевидны (размеры) бедствия, он пустился в путь, направился к царю егеров (абхазскому царю Константину III, женатому вторым браком на дочери армянского царя Смбата I — *Ю. В. и А. К.*), будучи в душе уверен и твердо надеясь, что ему удастся пожать благие плоды от их прежнего дружеского союза. Меж тем царь егерский, встретив Ашота многочисленными подарками и приняв его очень дружелюбно, полностью, всем сердцем, душою и мощью своею присоединился к нему. Он оказал ему большую помощь, собрав многочисленное войско на конях, словно по воздуху летящих, в железных доспехах и устрашающих шлемах, в скрепленных железными гвоздями нагрудниках и с прочными щитами, снаряженное и вооруженное острыми копьями». В том же труде приводятся и другие интересные сведения об абхазско-армянских отношениях («узы дружбы» между Ашотом Великим и Адарнасе Шавлиани, дочь абхазского царя — невестка Смбата I Багратуни, обстоятельство пленения Смбатом I абхазского царя Константина III и т. д.).

Четко очерчены сферы влияния двух крупнейших закавказских государств X века в «Истории» Асолика. «В то время, — писал историк, — князь абхазов из земли сарматов, что по ту сторону Кавказских гор, предпринял поход (на Армению) во главе многочисленного войска... Он явился... на берег реки Курис с намерением опустошить всю страну нашу. Он отправил гонца к армянскому царю (с приказанием) не освящать церкви по (обрядам) православной веры святого Григория, пока не придет сам и не освятит по постановлению халкедонского собора». Далее в источнике приведены подробности о сражениях между конницей царя армян Абаса и армией абхазского князя Бера

на берегах Куры. Победившие армяне увели взятого в плен Бера в Карс, где, показав ему только что построенный храм, выжгли абхазскому князю глаза. «Апхазы, — завершает свой рассказ историк, — ценою золота выкупили ослепленного князя и клятвенным обещанием утвердили обет мира с Арменией, что отныне впредь не будет войны между обоими народами». Нам особенно важно уяснить себе то, что Абхазия помещалась армянскими источниками не в пределах «Грузии», как это принято теперь писать, и даже не в пределах Закавказья, а в стране сарматов (под этим именем в источниках I тысячелетия н. э. часто фигурируют абхазо-адыги) «по ту сторону Кавказских гор», название которых распространялось и на Лихский хребет. Причиной же описанного в рассматриваемом источнике конфликта послужила передача крепости Берд с землями (современный Шамшадинский район Армении) абхазским царям ее владельцем из-за конфликта с армянским царем Ашотом Железным. «Князь абхазов» Бер — по-видимому, один из вассалов абхазского царя, которому было поручено возглавить поход на Армению.

Далее, в том же источнике содержатся интересные сведения о последнем абхазском царе Феодосии Слепом. «За несколько лет до этого, — писал Асолик, — царя апхазов Тавтаса ослепили вельможи страны, уничтожив и царскую власть его. Тайский куропалат Давид и царь армянский Смбат поставили царем апхазов Смбата, сына Гургена, внука иверийского царя Баграта. По смерти бабки его дед его Баграт женился на другой жене, которая стала гнать Гургена, сына Баграта, из его вотчины. По этой причине царь апхазов, сын Гургена, во главе многочисленного войска из земли сарматов пошел на куропалата Давида и деда своего Баграта и перейдя по ту сторону Кавказских гор, стал лагерем на берегу реки Кур».

Социальный строй, быт и культура. Относительно социальной организации царства Леонидов высказывались различные мнения — одни исследователи видят здесь завершенность основных черт феодализма, другие считают, что местное общество находилось на сравнительно низкой стадии феодализации. Последний взгляд, развиваемый в трудах академика Г. А. Меликишвили, представляется более обоснованным. Активные свободные горцы, большая масса свободных общинников явились той опорной базой, которая предопределила могущество центральной власти в Абхазском царстве. Здесь в IX—X веках верхушка феодальной прослойки еще не обособилась в крупных землевладельцев и синьоров, а состояла из служилых людей, не попадавших в поле зрения летописцев. Если для соседних Картлии и Тао-Кларджетии был уже характерен институт азнауров — крупных феодалов-землевладельцев, то в Абхазском царстве лишь на заключительной стадии его истории в среде высшей абхазской знати появляются деятели типа Иоанна Марушисдзе, которые все еще заинтересованы в усилении центральной власти абхазских царей и ее распространении на новые регионы Закавказья. Практически вся борьба этих царей на восто-

ке сводилась к утверждению идеи централизации и преодолению более передовых децентрализующих тенденций восточногрузинских феодалов.

На протяжении всего рассматриваемого периода территория современной Абхазии являлась ведущей областью Абхазского царства. И, хотя письменные источники не сохранили прямых сведений о жизни широких слоев народа, об этом красноречиво говорят памятники археологии и архитектуры.

Как и в предшествующий период, в конце IX—X века важную роль продолжало играть отгонное скотоводство. Пастушеские общины летние месяцы проводили в горах, остальное время — в долинах и в зоне холмистых предгорий. В составе стад преобладал мелкий рогатый скот — козы и овцы. Земледелие в основном, особенно в горах, было мотыжным. Выращивали ячмень, просо, пшеницу, чечевицу. Традиционным промыслом оставался сбор меда. Тяжелой обязанностью простого народа было снабжение продуктами питания и домашнего ремесла светской и духовной знати, участие в многочисленных завоевательных походах своих царей, отражение вражеских набегов.

Крестьяне жили небольшими хуторскими хозяйствами, разбросанными среди буйных лесных зарослей. Жилища в низинах сооружались из дерева, на высокогорных пастбищах — из насухо сложенного камня. Нездоровый, сырой климат приморских низин по-прежнему способствовал заселенности в первую очередь зоны холмистых предгорий и горных долин. В обязанности крестьянских общин входило участие в строительстве крепостей и храмов, требовавшее огромного труда по перемещению тяжестей.

Важное значение имело ремесленное производство, особенно такие его престижные отрасли как гончарство, металлообработка, ткачество. Широко использовались глинища Алахадзы, Анухвы, Атары и ряда других пунктов. Вблизи глинищ возводились печи для обжига керамики, возникали специализированные поселки ремесленников. Здесь изготавливали, в основном тарную (крупные сосуды — пифосы для хранения продуктов и вина) и столовую (кувшины, чаши и др.) посуду. Изготовление же кухонной посуды оставалось домашним делом женщин. В условиях жесткой специализации развивалось и кузнечное дело — артели занимались поиском, доставкой, первичной обработкой руды, изготавливали разнообразное оружие — сабли, топоры, наконечники копий и стрел, ножи, огнива и т. д., а также сельскохозяйственные орудия — мотыги, серпы, садовые топоры (цалды), наральники для деревянного плуга...

Основную роль в снабжении зажиточной части населения предметами роскоши, оружием, украшениями, престижной утварью и одеждой играла торговля. Продолжали функционировать перевальные пути, пропускавшие от приморских портов (Себастопольс, Анакопия, Питуонт и др.) разноязычные купеческие караваны на Северный Кавказ. Морская торговля продолжала оставаться в руках византийских торговцев, важной доходной статьёй которой была, как и прежде, работоторговля.

Особой выразительностью отличаются памятники христианского зодчества. Если в VII—IX веках в основном функционировали церкви VI века, то в X веке на территории нынешней Абхазии строится еще свыше десятка христианских храмов, отражающих важный этап истории культуры и связей Абхазии того периода. Большинство этих храмов (Пицунда, Алахадзы, Бзыбь, Лыхны, Мсыгхуа, Псырцха и др.) относится к типу крестовокупольных трехнефных построек, тесно связанных с одной стороны с церквями Трапезунта, а с другой — Западной Алании (Архыз, Шоана и др.). Построены они были примерно в одно время, скорее всего, в царствование Георгия II, который, по словам летописца, «больше всех славился как строитель церквей». Леон III добавил к этой группе пятинефный Моквский собор, в планировке и пропорциях которого исследователи отмечают серию черт, сближающих Мокву с древнерусскими храмами (Киевская София и др.) и отражающих общие византийские истоки форм. Стены храмов возводились из обработанного известняка, песчаника и кирпича. Фасады украшались скромной декоративной резьбой, полы и алтари оформлялись привозным мрамором.

Показательно, что все эти храмы, объединяемые специалистами в «абхазо-аланскую школу» восточновизантийского церковного зодчества, сосредоточены на территории современной Абхазии, в то время как в других уголках царства, в том числе и вокруг его столицы Кутаиса таких построек нет. Этот факт подчеркивает ведущее значение собственно Абхазии в истории царства, обусловленное сохранением тесных связей с Византийской империей, через эту территорию осуществлявшей свое воздействие на располагавшуюся севернее Аланию. В то же время среди построек X века мало небольших приходских церквей для повседневного обслуживания народа.

До X века в качестве основного языка деловых документов, церковных актов и богослужения оставался греческий язык. Грузинские надписи в восточных районах Абхазского царства известны с IX века, а на территории собственно Абхазии — лишь с XI столетия.

Глава 2. Царство Багратидов

§ 1. Сестра Феодосия Слепого

«Царство абхазов и картвелов». К концу X века восточная политика Абхазского царства, объективно ведшая к объединению значительной части западного и центрального Закавказья, привела к созданию нового государства — «царства абхазов и картвелов», позднее известного как объединенное грузинское царство. В русских источниках название «Гурзия», «Гурзынская земля» (т. е. «Грузия» и «грузинская земля») появляется с XV века. Происходит оно от арабо-сирийского «Гурз» — «Гурдж», в свою очередь восходящего к арабо-иранскому названию «Гюрджистан», связанному с древнеперсидским «Вркан» — «страна волков» (от персидского «горг» — «волк»). Было бы, вероятно, более верным использовать термин грузинских средневековых источников («Матиане Картлисай» и др.), где фигурируют абхазы (в широком смысле) и карты, как основное население царства грузинских Багратидов. К названию «Картлия» восходит современное самоназвание грузин «картвели» и их страны «Сакартвело». В абхазском языке и сегодня вместо наименования Тбилиси используется топоним «Карт», отражающий истинную этно-политическую номенклатуру.

Термины «Абхазия» и «абхазы» в грузинских летописях XI—XIII веков передавали три понятия: собственно Абхазию и абхазов; современную Западную Грузию и ее население; объединенное грузинское царство и его жителей в целом. Последнее значение является отражением той видной роли, которую сыграло Абхазское царство в создании «царства абхазов и картвелов».

Как отмечалось, поворотный момент в истории Абхазского царства падает на 975 год н. э. В этом году по инициативе абхазского двора и верных ему феодалов Картлия (предмет раздора в течение длительного времени) становится владением Гурандухт — сестры Феодосия Слепого. О личности этой незаурядной женщины в источниках сказано немного, но то, что она была фактически первой женщиной-правительницей Картлии, а затем играла важную роль

в становлении «царства абхазов и картвелов» (в надписях ее имя фигурирует рядом с именем ее царственного сына), делает Гурандухт из рода Леонидов заметной политической фигурой этой эпохи. Используя феодальный потенциал Картлии, правящие круги Абхазского царства спустя три года добиваются свержения Феодосия, его трон передают сыну Гурандухт Баграту и тем самым практически присоединяют к этому царству Картлию, добившись мирным путем того, чего не смогли достичь силой.

События 975—978 годов следует расценивать с одной стороны, как удачу в деле захвата соседних территорий и укрепления Абхазского царства, а с другой — как первые шаги к образованию единого феодального государства, в XIX—XX веках ставшего известным как Грузинское. Абхазские цари, расширяя то силой, то с помощью политических интриг границы своих владений, заботились прежде всего о своем личном благе и могуществе. Их не волновали вопросы национального (в современном смысле слова) приоритета, а соответствующие моменты (язык официальных документов, церковная соподчиненность, архитектурные школы и т. д.) как проявление реальной жизни, обращенной больше в настоящее, зависели от конкретной ситуации. Поэтому до начала XII века Кутаис оставался столицей «царства абхазов и картвелов», а титулатура Багратидов до середины XIII века сохраняла на первом месте имя абхазов как дань памяти об их выдающейся роли в объединении страны. Об этой роли свидетельствует и то, что своей усыпальницей Баграт III избрал не какой-нибудь христианский центр в Восточной Грузии, а Бедийский собор на территории собственно Абхазии. Не будь в VI—VIII веках развивающихся в рамках византийской культурно-политической системы Абасгии и Апсилии, не будь в VIII—X веках политически независимого, но христианского в этом уже византизирующего Абхазского царства, то не сложилось бы в XI—XIII веках тяготевшего к тому же христианскому миру государства, ныне почему-то называемого «общегрузинским».

Царствование Баграта и Грузии. Царь абхазов Баграт III (правил в 978—1014 годах) первые два года посвятил внутренним делам своего царства. Затем, нанеся поражение восставшим картлийским феодалам, Баграт вывез свою мать Гурандухт в Кутаиси, установив в Картлии личное правление. Позднее он присоединил к своим владениям Триалети, Эретию и Кахетию. Много сил отняла борьба за область Тао (древнеармянский Тайк), которая была родовой вотчиной Баграта. Здесь объединенному картлийско-абхазо-аланскому войску противостояла кларджетско-армянская армия. «Все иверийские и васпураканские войска, сунийские и ахванские князья соединились против воинства», — констатировал летописец.

После смерти в 1001 году Давида Куропалата, завещавшего Тао-Кларджетское царство Византии, Баграту пришлось противостоять самому императору Василию II Болгаробойце, вступившему в Тао во главе многочисленного войска. Вопрос был решен дипломатическим путем, определившим формальную

зависимость «царства абхазов и картвелов» от Византии. Василий II оказал великолепный прием Баграту и его отцу Гургену, присвоив первому титул куропалата, второму — магистра Империи. В результате Тао осталась за Баграта, а остальная часть царства Давида вошла в состав Византийского государства под названием «Иберийский Катепанат». Союз с Византией облегчил дальнейшие действия Баграта на востоке. Умер он в Тао, откуда его тело было перевезено в Бедию и захоронено там согласно его завещанию.

Своеобразие ситуации, в которой рождалось «царство абхазов и картвелов», подчеркивается оформлением монет Баграта III. На их лицевой стороне присутствует трехстрочная и круговая арабские надписи мусульманского содержания, а на обороте трехстрочная арабская надпись «Мухаммед — посланник бога» и круговая грузинская надпись «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов».

Преемником Баграта был его сын Георгий I (правил в 1014—1027 года), которому пришлось заново завоевывать Кахетию и Эретию. Попытка Георгия усилить свои позиции на юге окончилась неудачей. Последовавшие одно за другим карательные вторжения императора Василия II в Восточное Закавказье вынудили «царя абхазов и картвелов» подписать мирный договор, по которому он, подтвердив формальную зависимость своего государства от Византии, выдал на три года в заложники своего сына Баграта и уступил Империи крепости и владения Тао-Кларджетии. Был дважды женат Георгий — первый раз на армянской царевне Мариам, а второй — на дочери осетинского царя Алде. От первого брака имел он, помимо Баграта, трех дочерей — Марту, Гурандухт и Катю (которую выдал замуж за Смбата — брата армянского царя), от второго брака — сына Дмитрия. Георгий скончался в Триалети и был погребен в Кутаисском соборе.

§ 2. История царей

Баграт IV. В девятилетнем возрасте вступил на престол царства абхазов и картвелов Баграт IV (правил в 1027—1072 годах). «Баграт этот, — сказано в грузинской летописи, — сперва был куропалатом, затем стал новелисимом, а затем севастом. Был он красивее всех, полон мудрости, обладал философской речью, был счастливый, богаче всех царей абхазских, милостив к грешникам, щедр к бедным. Но в пору его царствования не было в стране покоя: церкви и крестьяне, азнаури (знатные) и неимущие не могли найти правосудия».

Правление Баграта IV ознаменовалось дальнейшим усилением зависимости «царства абхазов и картвелов» от Византии. Вслед за опустошительными вторжениями войск императора Константина VII со стороны верховьев Куры и Чорохского ущелья последовал дипломатический нажим его преемника Романа III Аргира. Он с почетом принял в Константинополе царицу Мариам,

приехавшую сюда с миссией «искать мира и единения (с империей), а также добиваться чина куропалата для своего сына, как того требовал обычай и порядок в их (царском) доме, и привезти для сына жену». Роман III удовлетворил все эти «пожелания», скрепил договор о единстве и «взаимной любви» золотой печатью, присвоил Баграту звание куропалата и дал в жены ему свою племянницу царевну Елену. Она привезла с собой византийских мастеров, завершивших благоустройство Кутаисского собора. Вскоре одна.ко Елена умерла.

Вторичная женитьба Баграта на осетинской царевне Борене усилила позиции антивизантийской партии. Провизантийски же настроенные феодалы сгруппировались вокруг проживавших в Анакопии царевича Дмитрия — сводного брата Баграта — и его матери Алды. Нерешительность болезненного императора Михаила IV помешала осуществлению этого заговора, и Дмитрий скрылся в Константинополе, передав Анакопию около 1033 года Византии. Преемник Михаила Константин IX Мономах поддержал антибагратовские выступления тбилисского эмира и картлийских феодалов во главе с Липаритом, введя в Восточное Закавказье греческое войско во главе с царевичем Дмитрием. И лишь ценой передачи власти в Картлии феодалу Липариту удалось заставить Дмитрия вернуться в Константинополь.

Вскоре Баграту, как сыну армянской царевны, армянские феодалы передали свою древнюю столицу Ани с девятью крепостями, а весной 1045 года царь осадил Анакопию. Одновременно ему удалось на короткое время овладеть Тифлисом. Последовавшие за этим энергичные действия Византии нарушили завоевательные планы Баграта. Присоединив к себе Анийское царство, Империя вновь направила в Картлию царевича Дмитрия. В этих условиях осаду Анакопии пришлось снять. Более трех десятилетий владели крепостью византийцы. Они достроили воротную башню, возвели башню в цитадели, отремонтировали храм на вершине горы, посвятив его святому Федору. О строительной деятельности в Анакопии сообщают греческие надписи 1046 года, найденные там еще в конце XIX века.

Войско Дмитрия, состоявшее из византийских наемников, в числе которых были франки, русские, варяги и представители других европейских народов, нанесло поражение войску Баграта и штурмовало Лихский хребет с востока. Лишь внезапная кончина Дмитрия помогла Баграту удержаться у власти. Затем с помощью византийцев и армян еще одно тяжелое поражение нанес Баграту правитель Картлии Липарит. На этот раз «царя абхазов и картвелов» спасли турки-сельджуки, внезапно разгромившие войско Липарита и взявшие его в плен.

Освободившись, Липарит не только вернул себе с помощью византийцев свои прежние владения, в том числе и Тифлис, но и настоял на высылке Баграта, его матери и сестры Марты на три года в Константинополь. Затем Липарит короновал малолетнего сына Баграта Георгия в храме Руиси (Картлия), оста-

вив его при себе в качестве воспитанника. Власть «царей абхазов и картвелов» сузилась до округа Кутаиса, где правила сестра Баграта Гурандухт. Лишь смерть Константина Мономаха и приход к власти безвольного императора Михаила VI Старикашки облегчили положение Баграта, который по просьбе Гурандухт был отпущен с богатыми дарами домой. «Все войско,— отмечал летописец, — вышло встречать его на абхазское побережье (Черного) моря в Хупати», т. е. у современного Хопа юго-западнее Батума. Последующие смуты в Византии способствовали удалению постригшегося в монахи Липарита в Константинополь и усилению Баграта.

Вторгшиеся вслед за этим полчища турок-сельджуков вновь вытеснили Баграта из Восточного Закавказья, и ему пришлось выдать замуж за сельджукского султана свою племянницу — дочь его сестры и брата армянского царя Квирике. Стремясь заручиться поддержкой Византии, Багра́т в том же 1065 году выдал свою дочь Марту (Мариам) за Михаила — сына византийского императора Константина X Дуки. В 1068 году султан Али-Арслан вновь опустошил Восточное и Центральное Закавказье, некоторые его отряды перевалили через Лихский хребет, дойдя до восточных предместий Кутаиса. Багра́т осуществил несколько ответных набегов, в одном из которых принял участие брат жены «царя абхазов и картвелов», осетинский царь Дорго́лел с 40 тысячами своих воинов. По окончании похода Дорго́лел пришел в Кутаис «по абхазской дороге», где повидал сестру свою и племянника, куропалата Георгия. Багра́т IV скончался в Картлии. Тело его было отвезено в Чкондиди (современный Мартвили) и захоронено в соборе, построенном Леоном III в X веке.

Георгий II. Сын Баграта Георгий (правил в 1072— 1089 годах), характеризовался летописцами как «человек грозный и самый щедрый из всех абхазских царей, хлебосольнее всех людей, наездник и стрелок отменный». Начало его царствования характеризуется восстанием кахетинских, сванских и иных феодалов, захвативших Кутаис и царскую казну, опустошивших Мегрелию и другие районы «царства абхазов и картвелов». Не успел Георгий с помощью подарков усмирить непокорных, как турки-сельджуки, руководимые султаном Мелик-Шахом опустошили Картлию и другие восточно-закавказские области.

Положение Георгия облегчалось тем, что его сестра Марта («прекрасная аланка Мария» византийских источников) последовательно была женой двух императоров — Михаила VII Дуки и Никифора III Вониата. В условиях глубокого кризиса, переживаемого Империей в те годы, держать в Анакопии антигеоргиевский гарнизон было бессмысленно. «А вслед за этим, — отмечал летописец, — милость божья вернула крепости, отторгнутые греками силой. Отобрал (царь Георгий) у греков Анакопию — главную крепость Абхазии». Георгию были переданы и многие другие крепости на территории южнокартвельских княжеств, после ухода византийцев захваченные турками.

В 1080 году, преследуя Георгия, турки оккупировали Аджарию, район Кутаиса и Мегрелию (Чкондиди), а с наступлением зимы перешли в Восточное Закавказье, превратив его в свои зимние стоянки и летние пастбища. Георгию пришлось признать себя побежденным и отправиться в иранский город Исфахан для личного выражения своей покорности султану. Формальная власть «царей абхазов и картвелов» практически была вновь ограничена пределами Колхиды. В 1089 году феодалы свергли Георгия, передав престол его шестнадцатилетнему сыну Давиду.

Давид IV. Царь Давид, нареченный народом Строителем (правил в 1089—1125 годах), на первых порах, согласно источникам, «царство Абхазское имел в очень уменьшенном виде, и было (оно) незначительным; и из-за пленений и вышеупомянутых бедствий (он располагал) малочисленным отрядом воинов, и те тоже были запуганы от многократных обращений в бегство врагом, безлошадные и безоружные, не знавшие способов сражения с турками и больно трусливые». Однако внешнеполитическая ситуация оказалась для Давида благоприятной. В Византии, продолжавшей оставаться крупнейшей христианской державой того времени, наступил период стабильного развития, возглавлявшегося династией Комнинов, с которой Давид породнился, выдав замуж за одного из ее представителей свою дочь Катю. Одновременно распалось государство сельджуков и началась эпоха крестовых походов, поднявших престиж христианских государств в ближневосточном регионе.

В процессе непрерывных более чем тридцатилетних войн Давиду удалось освободить большую часть Закавказья от турок, включив ее в рамки своего государства. Среди важнейших событий этого периода — проведение вслед за Византией реорганизации церкви как опоры царской власти, женитьба Давида на дочери кипчакского (половецкого) князя Гурандухт и переселение в Центральное Закавказье 45 тысяч кипчакских семей, победоносная Дидгорская битва с сельджуками, где на стороне Давида сражались кипчаки, картвелы, армяне, абхазы и западноевропейские крестоносцы, в том числе до 200 французских рыцарей. Это не помешало в том же 1121 году определенным силам на территории собственно Абхазии выступить против Давида. Источник сообщает: «И той же зимой прибыл (царь Давид) в Абхазию, (дошел) до Бичвинты (Пицунды), привел в порядок дела тамошние, достойных милости помиловал, а виновных схватил и наказал». Крайним западным пределом царства Багратидов в эпоху Давида считалась Никопсия (позднейший Цандрипш).

В 1122 году Давид взял штурмом Тифлис. Этот город, 400 лет служивший важнейшей опорой мусульманских владык в Закавказье, вновь сделался столицей христианского государства, обеспечив вместе с тем более тесное сближение со странами мусульманского Востока. Присоединение Ширвана с городом Шамахой и древнеармянского города Ани с округой превратило «царство абхазов и картвелов» в крупнейшее в Закавказье той поры христианско-мусульман-

ское многоязычное федеративное государство. Среди построек эпохи Давида наиболее значителен Гелатский монастырь вблизи Кутаиса, где и находится могила этого удачливого царя. В архитектуре Гелати отмечается ряд черт, сближающих его с восточновизантийским зодчеством.

Дмитрий I. Преемник Давида его сын Дмитрий (правил в 1125—1156 годах), утратил часть завоеваний своего отца. Сельджуки вновь захватили Анийское царство и Ганджу. Оставив этот пункт, Дмитрий увез с собой в Гелати городские ворота. Все остальное время его правления заняла борьба за престол с братом Вахтангом и старшим сыном Давидом. Последнему в 1155 году удалось на время овладеть трон и постричь отца в монахи. Давид V умер, не процарствовав и года.

Георгий III. В царствование младшего сына Дмитрия Георгия (правил в 1156—1184 годах) усилились тенденции считать царство Багратов преемником Византии в Закавказье. Георгий отбил у сельджуков Ани, древнюю столицу Армении Двин, христианскую часть Ширвана, подавил заговор феодалов во главе с племянником Дмитрием. Последний был схвачен, подвергнут «телесному наказанию», от чего и умер. Георгий был женат на осетинской царевне Гурандухт. Он сам короновал свою единственную дочь Тамару и правил с ней затем совместно шесть лет. Летопись сообщает, что в царствование Георгия III собственно Абхазия «пребывала в спокойствии».

Царица Тамара. В единоличное царствование Тамары (правила в 1184—1213 годах) «царство абхазов и картвелов» достигло максимальных размеров и силы. Однако заложенная Давидом IV централизация уже пошла на убыль: знать определила и личную судьбу Тамары, сначала выдав ее замуж за русского князя Юрия Боголюбского, а затем за связанного с ней кровным родством осетинского царевича Давида Сослана. Следующее пятилетие ушло на борьбу с отправленным в Византию Юрием Боголюбским, дважды безуспешно вторгавшемся в Закавказье. В первом случае его поддержал и Вардан Дадияни, наместник Тамары между Лихским хребтом и Никопсией. Как сказано в источнике, Дадияни с этой целью «собрал всю Сванетию, Абхазию, Мегрелию, Гурию...» Многоязычные войска Тамары затем почти два десятилетия вели кровопролитные завоевания окрестных областей и стран, одерживая победы над иранскими, турецкими, армянскими, византийскими феодальными владьками.

В 1208 году, после смерти Сослана, Тамара сделала своим соправителем сына Георгия, которому при рождении дала второе имя — Лаша. Это имя, как отмечает летописец, «с языка апсаров переводится как просветитель вселенной». Таким образом, еще в конце XII века при дворе «царей абхазов и картвелов» был хорошо известен и пользовался уважением язык предков современных абхазов (апсаров — апсуа). Собственно абхазы принимали участие во встрече азербайджанских правителей в Тифлисе, в Басианском, Шамхорском и других сражениях. Согласно источникам, царица Тамара в летние месяцы

часто отправлялась в Колхиду, в том числе и в Цхум (современный Сухум), где «приводила в порядок дела», охотилась, отдыхала. В этот период во главе Цхумского воеводства, как тогда называлась древняя Апсилия, стоял феодал Дотагод Шарвашиш-дзе. Похоронена Тамара в родовой усыпальнице в Гелати.

Георгий IV Лаша. Сын Тамары (правил в 1213—1222 годах) много лет потратил на усмирение периодически восстававших Гандзы, Нахичевани, Эрзерума и других центров. Известность о победах Георгия дошла до римского папы Гонория III, который предложил ему участвовать в очередном крестовом походе. Однако в 1220 году у восточных границ объединенного царства появилось 20-тысячное войско монголов, посланных Чингис-ханом. Первое сражение монголы у Лаши выиграли, от второго уклонились. Собственно абхазы упоминаются среди участников сражения за Ганджу. Сообщают источники и о том, что Лаша в летние месяцы неоднократно охотился в «Цхуме и в Абхазии».

Русудан. Лашу на престоле сменила его младшая сестра Русудан (правила в 1222—1245 годах). В 1225 году восточные области «царства абхазов и картвелов» были опустошены хорезмийским шахом Джелал-ед-дином, после Болнисского сражения полностью отторгнувшим эту территорию от западных районов государства. Русудан вынуждена была бежать в Кутаис, где, как сообщает летопись, «призвала все войска свои — абхазов, Дадиад-Бедианов, рачинского воеводу и католикоса Абхазии, и провозгласили (они) царем Давида, сына Русудан, благословили на царство в Кутаиси и возложили ему на голову корону». Произошло это в 1230 году, когда Давиду было пять лет. Коронация «на царство в Кутаиси» и первое после 830 года упоминание в этой связи «абхазского католикоса» является показателем не только начала распада «царства абхазов и картвелов», но и раскола Мцхетского католикосата, из которого выделился равный ему по полномочиям новый церковный организм с центром в Пицунде.

Дальнейшие попытки Русудан восстановить государство в прежних границах были безуспешными: началось вторжение монголов. В 1243 году Русудан признала верховную власть хана Батые. Монгольские войска разместились в Восточном Закавказье. Русудан была обязана ежегодно выплачивать 50000 золотых, а ее сына Давида VI отправили к великому хану монголов для утверждения на престол. «Царство абхазов и картвелов» было разделено монголами на восемь думенов (провинций), в один из которых наряду с собственно Абхазией вошли Мегрелия, Гурия, Аджария и Сванетия. По грубым подсчетам того времени население всей этой области, попавшей под начало Дадиани, составляло около 60 тысяч человек и должно было выставить 10000 воинов.

Собственно абхазы упоминаются среди участников сражения с Джелал-ед-дином в 1228 году. Интересно, что когда в 1243 году объединенная с монголами армия Русудан вторглась в Малую Азию, то сопротивление ей оказал Эрзинкский султанат, войско которого возглавлял «прославленный» «абхазец»

Дардан Шервашис-дзе. Судя по всему, представители феодальной верхушки Абхазского воеводства в тот период вышли из повиновения Русудан. «Пребывающие дальше всех» абхазские феодалы приняли участие и в антимоңгольском заговоре 1247 года.

После смерти Русудан монголы утвердили в качестве ее преемника двух царей — Давида, сына Лаши (правил в 1245—1270 годах) и Давида, сына Русудан (правил в 1245—1293 годах). Имена двоюродных братьев получили монгольские определения — Улу (старший) и Нарин (меньшой). Тяжелые повинности и налоги, грабежи и насилие способствовали распаду «царства абхазов и картвелов». Давид-Нарин обосновался в Западном Закавказье (с 1259 г.), а Улу-Давид вступил в союз с монголами и укрепился в Восточной Грузии. Летопись сохранила сведение о том, как «абхазы, сваны, дадиани, бедиани, рачинский эристав и лихт-имеры собрались с большой радостью и Давида, сына Русудан, провозгласили царем абхазов, вплоть до Лихи», «Царство абхазов и картвелов» ушло с исторической арены. Этот важный момент политического распада зафиксировал армянский историк Хетум (XIII век) в своем труде «История монголов». «Это царство, — писал Хетум, — разделяется на две части. Одна часть называется Грузия, а другая — Апвас (Абхазия — Ю. В. и Р. К.). Там всего было два царя, один из которых, т. е. грузинский царь, подчиняется самодержцу Азии, а абхазский царь силен народами и неприступными твердынями, поэтому ни самодержец Азии, ни монголы не могли взять его под свое иго...».

§ 3. Цхумское воеводство

Вотчина Шервашидзе. Место собственно Абхазии и абхазов в истории «царства абхазов и картвелов» достаточно ясно определяется источниками. 30-летнее господство византийской администрации в Анакопийской округе в XI веке, титулатура продолжавших политику династии Леонидов царей («царь абхазов», византийские звания и т. д.), участие абхазских феодалов и воинов во всех важнейших событиях истории «царства абхазов и картвелов» XI—XIII веков, в том числе и их периодический сепаратизм по отношению к центральной власти, «язык апсаров» и другие факты отражают индивидуальность собственно абхазов, наличие у них собственного языка, политической автономии и лидеров.

Данное царство не являлось строго централизованным государством. Его экономическая база не позволяла основательно скрепить политическое единство. Не было капитальных дорог и строго очерченных границ, определяющихся обычно теми пунктами, до которых доходили царские отряды. После ухода последних завоеванные области часто вновь становились независимыми.

Сидевшие на местах вельможи стремились использовать любые возможности для нарушения единства и освобождения от власти царя. Сепаратистские тенденции были характерной чертой феодальной верхушки, в том числе и абхазских владетелей.

Как полагают, в XI—XII веках общественно-экономический строй населения приморских районов собственно Абхазии принял основные формы развитого феодализма. Параллельно завершилось и формирование абхазской феодальной народности. Если на рубеже X—XI веков эта территория была еще разделена между тремя воеводствами — Абхазским (включавшим историческую Абасгию и часть Джигетии — Зихии между Анакопией и Никопсией), Цхумским (объединившим территорию бывших Апсилии и Мисиминии) и Бедийским (охватившем восточные районы Апсилии и Мисиминии и северо-западные области древней Лазики), то в XII веке первые два образования, как можно заключить из источников, сливаются в одно воеводство с центром в Цхуме (современный Сухум). В источниках эпохи царицы Тамары это воеводство выступает сложившимся образованием с собственными администрацией, столицей и языком. Поэтому юридическое оформление этого единства логичнее отнести ко времени Давида Строителя, точнее к 1121 году, когда он «схватил и наказал» в окрестностях Пицунды скорее всего представителей администрации Абхазского воеводства.

Во главе Цхумского воеводства стояли представители рода Шервашидзе-Чачба. Двойное оформление их фамилии является, скорее всего, результатом скрещения двух родов, первоначально имевших различное (местное и пришлое) происхождение. Первый вариант этой фамилии (Чачасдзе) известен с середины XI века (полководец Отаго Чачасдзе, возглавлявший осаду Анакопии). Первый деятель из рода абхазских Шервашидзе упоминается в эпоху царицы Тамары. Свое происхождение князя Шервашидзе ведут от восточнокавказских ширван-шахов, владения которых были завоеваны Давидом Строителем.

Главную организующую роль в регионе играл город Цхум (ныне Сухум), который в грузинских источниках фигурирует не только как административный центр Цхумского воеводства, но и как главный город «Апшилети», т. е. Апсилии. Его кварталы располагались на левом берегу Беслетки, где в конце XI—XIII веков стояло множество деревянных строений, разделенных переулками, соединявшими пристань, торговую площадь и кладбище. Во время эпизодических раскопок на этой территории обнаружены крупные сосуды для хранения жидких и сыпучих продуктов (пифосы), местная и привозная кухонная и столовая посуда, в том числе чаши, тарелки, кувшины, светильники, покрытые разноцветной поливой и завозившиеся сюда в первую очередь византийскими торговцами из Крыма, Константинополя, Трапезунта и Восточного Закавказья. В городе работали свои гончары, плотники, каменщики, кузнецы и т. д. В случае опасности горожане укрывались в укреплении на сосед-

ней возвышенности, когда-то известном под названиями Цхум и Акуа, а ныне носящем имя Баграта. От города в глубь страны вели дороги и тропы, соединявшие его с довольно многочисленными монастырями, феодальными поместьями и сельскими усадьбами в окрестностях. Среди других населенных пунктов, игравших важную роль в экономике и культуре края, следует назвать портовые городки в Анакопии, Питуунте, Никопсии, Зиганисе, а также епископские центры в Лыхны, Дранде, Мокве, Бедии и ряд других.

Основу денежного обращения на уровне правящей светско-духовной верхушки составляли монеты византийских императоров и абхазо-картвельских царей. В Цебельде найден крупнейший из известных клад грузинских подражаний (рубежа X—XI веков) арабским диргемам, являющийся наиболее ранним свидетельством связей собственно Абхазии с восточными районами государства. На большинстве из 106 монет этого клада присутствуют арабско-мусульманские надписи, в которые вкраплены буквы грузинского алфавита и название места чекана (Тифлис). Аналогичные арабо-мусульманские надписи характеризуют и монеты Баграта III. Позднее, под влиянием Византии, эти надписи вытесняются греческими. Об этом свидетельствует, в частности, клад, содержащий свыше 70 золотых и серебряных монет, найденных при раскопках дворца в селе Лыхны (Гудаутский район). В кладах представлены монеты византийских императоров (Константин IX, Константин X, Роман IV, Евдокия) и абхазских царей Баграта IV и Георгия II. На монетах Баграта на лицевой стороне видим изображение Богоматери с греческой надписью «Святая Богородица», а на обороте грузинскую надпись: «Христе, возвеличь Баграта, царя абхазов и новелисимоса». Аналогично оформлена лицевая сторона монет Георгия, на обороте которых помещалась грузинская надпись: «Христос, возвеличь Георгия, царя абхазов, картвелов и новелисимоса». Так же оформлялись и монеты Давида Строителя, который был последним из Багратидов, носившим византийский титул. Дмитрию I пришлось признать свою зависимость от мусульман, что отразилось и на оформлении монет, на которых фигурируют имена халифа и сельджукских султанов. Политикой дружбы с мусульманами, в большом количестве проживавшими в восточных районах государства, объясняется сохранение арабских надписей на монетах Георгия III, Тамары и Георгия Лаши.

Культура феодалов. Культура собственно Абхазии XI—XIII веков, как и прежде, носила двойственный характер. Здесь, подобно другим областям с феодальным укладом жизни, народной крестьянско-ремесленной культуре активно противостояла культура господствующего класса. Абхазские феодалы, как и их мегрельские, картвельские, византийские собратья, стремились к пышности и богатству, подчеркивавшим классовое различие и превосходство знати над простым народом. Накопление богатств шло за счет эксплуатации как собственного народа, так и соседних народов, подвергавшихся ограблению в ходе

многочисленных военных походов. Восприятие византийской культуры феодальными кругами росло соответственно уровню общения со странами Средиземноморья и Ближнего Востока и христианизации собственного быта. Это восприятие для абхазских феодалов носило как прямой, так и косвенный характер, поскольку в конце X и XI веке языком письменности, делопроизводства и богослужения здесь стал наряду с греческим и картвельский язык.

О церковной политике Баграта III на территории собственно Абхазии древнегрузинская «Летопись Картли» сообщает следующее: «Этот же великий царь построил Бедийский храм и учредил (там) епископскую кафедру, заменил им Гудаваское епископство; пожертвовал много сел во всех ущельях и землях, обеспечил полным порядком, нарядил церковь всевозможными украшениями, освятил и посадил (там) епископа. Если же кто-либо изъявит желание испытать и разуметь степень величия его, пусть в первую очередь узреет великолепие Бедийской церкви, и по ней поймет, что не было другого подобного (ему) царя в стране Картли и Абхазии».

«Гудаваское епископство» располагалось на территории современного села Гудава в Гальском районе, где когда-то находилась византийская крепость Зиганис. Последний пункт неоднократно упоминается в VII—IX веках в списках епископских кафедр Византийской империи. Поэтому упразднение греческой епископской кафедры в Зиганисе-Гудава являлось одним из первых известных шагов по грузинизации местной церковной иерархии. Не случайно древнейшие грузинские церковные надписи на территории Абхазии относятся к началу XI века и среди них особое место занимает знаменитая бедийская чаша (надпись на ее верхнем ободке гласит: «Святая мать божия, будь ходатайницей перед сыном твоим за Абхазского царя Баграта и мать его царицу Гурандухту, пожертвовавших сию чашу, украсивших сей алтарь и построивших сию святую церковь»). Летописи эпохи Баграта III являются первыми реальными свидетельствами переориентации церковной организации собственно Абхазии, ее вероятного включения в сферу влияния Мцхетского католикоса.

Тот же «восточногрузинский» (XI—XII вв.) характер носят архитектурные детали и надписи Илорского храма, алтарная преграда из церкви в Анухве, часть фресковых росписей Лыхны, Моквы, Бедии и ряда других храмов, надпись на Беслетском мосту, в архитектуре которого присутствуют и византийские черты. Интересная грузинская надпись, сообщающая о появлении над Абхазией кометы в 1066 году, была еще в прошлом веке обнаружена в Лыхненском храме. Надпись гласит: «Христос, являешься ты благословенным богом и господином всего сущего. Это произошло от сотворения мира лета 6669, в хроникон 286, в царствование Баграта, сына Георгия... В апреле месяце появилась звезда, из недр которой (исходили лучи), возвышаясь перед ней подобно сиянию...». Грузинский язык получил преимущественное распространение среди абхазской знати и городского населения. Основные же жители края tradi-

ционно говорили на абхазском (апсарском, как его называют грузинские источники того времени) языке.

Быт простого народа. В противовес феодалам, культура которых носила международный характер, абхазская деревня являлась хранительницей народной культуры с ее домотканными одеждами, ручной вышивкой, героическим эпосом и меновой торговлей. Передовой частью народных масс были разноязычные труженики городских поселений и сельские умельцы. Их руками создавалась вся бытовая часть феодальной культуры: крепости и дворцы, храмы и сельские хижины, сельскохозяйственные орудия и вооружение, украшения и керамика.

Письменные источники, авторы которых выполняли заказ высшего слоя феодалов, не сохранили какие-либо сведения о жизни простого народа. Этот пробел восполняется археологическими свидетельствами. Крестьянство расселялось небольшими хуторами-усадебками по предгорной и среднегорной зоне вдоль важнейших путей и троп, вблизи монастырей, храмов и крепостей. В низинах получает распространение ближневосточный тяжелый плуг. Падает значение отгонного скотоводства — его следы в высокогорьях пока не обнаружены. Раннесредневековые пастушеские стойбища на альпийских пастбищах заброшены. Зато возрастает значение охотничьего промысла, что, в целом, свидетельствует о переориентации хозяйственной деятельности народа в условиях сужения внешних связей и затухания транскавказских перевальных путей. В жизнь прибрежного населения христианство проникает достаточно глубоко. В горных же долинах памятники этой мировой религии, датируемые XI—XII веками, пока почти неизвестны.

Среди широких слоев населения, особенно в гористых местностях, сохранились языческие воззрения, обусловленные хозяйственно-экономической отсталостью деревни. Одним из ярких памятников языческой культуры является святилище на горе Напра (Гудаутский район), где среди одновременных материалов широко представлены наконечники стрел, датируемые XI—XIII веками. Подобные святилища в виде небольших выложенных камнем помещений возводились на перевалах у скотогонных и охотничьих троп и служили для жертвоприношений духам гор, которые занимали видное место в языческом пантеоне абхазов до последнего времени. Внешне сохраняя верность христианству и используя его атрибуты (кресты и др.), средневековые абхазы, едва ступив на горную тропу, стремились наладить добрые отношения со своими традиционными языческими божествами путем обильных жертвоприношений. С помощью этих духов, как представлялось тогда, можно было добиться безопасности в горных переходах, успехов в охоте, приплода в стадах.

Глава 3. Под знаком ладони

§ 1. Шервашидзе и Дадиани

Раздел Цхумского воеводства. Во второй половине XIII столетия в результате монгольского господства «царство абхазов и картвелов» распалось на две части, естественной границей между которыми стал Лихский хребет. На территории Западного Закавказья образовалось Имеретинское царство (Лихт-Имерети), первым правителем которого был Давид-Нарин. Его владения так же фактически не представляли монолитного целого, будучи раздробленными на более мелкие политические единицы — владетельные княжества («мтаварства»). Владетели Сабедиано (Мегрелия), Рачи, Сванетии, Абхазии и других областей сполна использовали свои права наследования, политической ориентации и хозяйственно-экономической автономии на подвластных им территориях. Давид-Нарин бывал и на территории собственно Абхазии, где по этому случаю велел оковать серебром икону святого Георгия Илорского.

Борьба за имеретинский престол между сыновьями Давида-Нарина, последовавшая вслед за его кончиной, обернулась дальнейшим ослаблением воздействия администрации Кутаиса на местную политику. Сначала о своей независимости объявили феодалы Рачи, Лечхума и Аргвети. Их примеру последовал и Георгий Дадиани — правитель Мегрелии. Усилившись, он вторгнулся в юго-восточные области Цхумского воеводства и силой присоединил к своим владениям его территорию вплоть до Анакопии. Князя Шервашидзе вынуждены были покинуть Цхум, перенести свою резиденцию в Лыхны (Зупу) и ограничиться властью над районом, сузившимся до пределов Абасгии VI века. Фактически независимыми стали и сванские владения Геловани. Этот процесс сопровождался бесконечными, несущими беды простому народу, столкновениями, грабежами и насилиями.

Борьба между Дадиани и Шервашидзе за Цхумское эриставство не прекращалась в течение трех последующих веков. В 1330 году в Имеретию вторгся восточно-грузинский царь Георгий, прозванный Блистательным

(правил в 1299—1346 годах). Как сообщает историк Вахушти, «Георгий занял все крепости и города имерские, а Баграту (внук Давида-Нарина — *Ю. В. и Р. К.*) отдал лишь Шорапанское эриставство. Дадиани Мамия, Гуриели, сванский эристав и Шервашидзе абхазский, очевидцы этих побед, явились к Георгию с большими дарами и благословили (его) на царство имерское. После этого царь отправился в Одиши, а оттуда в Абхазию, привел в порядок дела тамошние, занял крепости и, передав Цхумское эриставство Бедиели, возвратился обратно». Из источников следует, что в наибольшей степени Георгий был озабочен делами Мегрелии, владетели которой, судя по всему, оказали ему наибольшую поддержку в овладении имеретинским престолом. Перед лицом преобладающих враждебных сил клану Шервашидзе пришлось на время отказаться от своих прав на районы восточнее Анакопии.

Опустошительные нашествия грозного среднеазиатского завоевателя Тимур-ленга (Тамерлана) способствовали дальнейшему политическому и культурному обособлению Западного Закавказья. Внук Георгия Блистательного Баграт V после взятия Тбилиси в 1386 году был обращен в мусульманство. Источник сообщает, что Баграт предложил Тимуру обратить в ту же веру «осетин, двалов, сванов, абхазов». Воспользовавшись этим, «отложились Дадиани и Гуриели и склонили отложиться одишцев и абхазов; объединились и перестали служить царю Баграту». Вскоре, выйдя на свободу, Баграт с многочисленным войском вторгся в Мегрелию. Решающее сражение произошло у реки Цхенисцкали. «Дадиани и одишцы, — сообщает летописец, — бежали. Картлийцы (их) уничтожили, пленили, истребили, преследовали и заняли их земли, сожгли и разрушили крепости...» Этим воспользовались Шервашидзе и не только вышли из союза с Дадиани, но и на время вернули свою власть над Цхумским воеводством. В начале 90-х годов XIV века Вамек Дадиани снова на время восстановил свою власть над этим воеводством, вторгнувшись на территорию Абхазского княжества и разрушив его крепости Угагно и Гагари.

Неоднократно пытались вернуть себе престол Имеретии и потомки Давида Нарина. Однако им успешно противостояла коалиция в составе князей Бедиели, Дадиани и Шервашидзе, передавшая в конечном итоге в 1401 году престол к Кутаисе восточно-грузинскому царю Георгию VII. По словам летописца, к нему на поклон «явились все знатные Дадиани Мамия, Гуриели, Шервашидзе и свань». Георгий VII опять официально передал Цхумское воеводство мегрельским владетелям — Вамеку и Мамии, что свидетельствует о продолжавшейся борьбе Шервашидзе за Цхум и его округу.

Царство Дадиани. В 1403 году в Имеретию вторглось войско Тимур-ленга, разрушив здесь до 700 деревень и захватив Кутаис. Территория собственно Абхазии не пострадала, и в 1414 году князя Шервашидзе вновь вышли из повиновения Дадиани. В кровопролитном сражении с абхазами мегрельский владетель Мамия II был убит, а его ополчение было рассеяно. В дело вновь

вмешалась восточнокартвельская администрация. Оттуда во главе многочисленного войска вошел в Мегрелию царь Александр I, который утвердил владетелем сына Мамии Липарита. Затем объединенное картвело-мегрельское войско вошло в Абхазию. Шервашидзе вынужден был изъявить покорность. «Уладив дела тамошние,— сообщает летописец, — и успокоив абхазов, Александр возвратился в Кутаиси». Свои грамоты Александр начинал словами: «Я... обладатель двух царств, царь царей абхазов и картвелов...», что указывает на стремление сохранить номинальную политическую власть восточногрузинских царей на территории Имеретии, Мегрелии и прилегающих княжеств. Последним соответствующий титул использовал сын Александра Георгий III (правил в 1446—1466 годах).

Итак, в течение XIV века в Восточном Причерноморье сформировалось новое политическое образование Сабедиано (Одиши, Мегрельское княжество), которое вобрало в себя бывшие Бедийское и отчасти Цхумское воеводства и периодически посягало на остальные владения Шервашидзе. В «Энциклопедии» арабского писателя Шихабед-дина Эль-Какманди (первая четверть XIV века) отмечено, что в Грузии правит два «царя» — один в Тифлисе, другой — Дадиан, владевший двумя городами (Цхум и Абхаз), расположенными на берегу «Крымского моря». Венецианский дипломат Барбаро (вторая половина XV века) писал, что «синьор Бандиан» владеет рядом приморских пунктов, среди которых важнейшими были Севастополь (Цхум) и Вати (Батум). В конце XIV века правитель Мегрелии Вамек Дадиани осуществил выпуск собственных денег на монетном дворе Севастополя. В европейских источниках XV века правители Мегрелии величаются почти исключительно «царями», а Шервашидзе — «герцогами». В одном из источников Дадиани назван «царем Мегрелии и Абхазии». В переписке с герцогом Бургундским, возникшей в связи с попыткой создания в 1459 году анти-турецкой коалиции, упоминаются «мингрельский царь Бендиан со своими войсками» и «Раbia, герцог Анакозии (Анакации-Анакопии — *Ю. В. и Р. К.*) вместе со своим братом и баронами с 30 тыс. войска». Как видно, в тот момент Шервашидзе были вновь независимыми.

В конце XV века, согласно летописи, «Дадиани владел: низовьями Цхенисцкали, нижней Лечхуми, этой стороной Сванетского хребта, верхней Абхазией. и Абхазией до Джигети владел Шервашидзе, и этот Шервашидзе подчинялся не всем повелениям Дадиани». В течение всего XVI века Абхазия оставалась в непосредственной вассальной зависимости от Мегрельского княжества. В одной из грамот Мамии III Дадиани (правил в 1512—1533 годах) говорится, что он пожертвовал Пицундскому храму «в Абхазии селения Айтарне, Аруха и Рабица, расположенные вокруг Пицунды, и гору Айтарне с маслинами». Эту грамоту неоднократно вынуждены были подтверждать его преемники вплоть до 1590 года, что было вызвано спорностью этого «подарка» в глазах Шервашидзе.

В 1533 году Маmia III Дадияни вместе с гурийцами и при поддержке имеретинского царя попытался покорить Джигетию. Однако в кровопролитном бою абхазы, руководимые Цандиа Инал-ипа, перешли на сторону джиков, решив исход сражения в их пользу. Победители «раздели Дадияни, догола раздетыми изрезали Гуриели и трех его братьев, епископов, а войско его взяли в плен». Абхазскому католикосу Малакии пришлось выкупать и живых, и мертвых. Отряды абхазов неоднократно принимали участие в войнах Левана I в центральной Колхиде. Когда Маmia IV с помощью Гуриели изгнал из Зугдиди своего старшего брата Георгия III, то последний бежал в Абхазию. Последующее сражение, где Георгий возглавлял пришедшее ему на помощь ополчение «абхазов, джиков и черкесов», было им проиграно. В конце XVI века Манучару Дадияни удалось с помощью абхазских и меретинских феодалов разгромить Гуриели у села Опшквити.

§ 2. Севастополис — экономический центр региона

Портовый город. В конце XIII века Цхум из центра крупной области «царства абхазов и картвелов» превратился в периферийный городок Сабедиано. Однако выгодное географическое положение и развертывание генуэзской торговли и после утраты статуса резиденции Шервашидзе сохранило за ним положение крупнейшего городского поселения в регионе. Городу возвращается его древнее имя (Севастополь), различные вариации которого (Севастополи, Сканосколполи, Сан-Себастьян, Севаст) фигурируют на европейских картах в последующие 200 лет. Его кварталы, как и прежде, располагались на левом берегу Беслетки (Баслы). Сохранились изображения трех флагов, которыми отмечена фактория Севастополя на генуэзских картах: 1) на карте Марино Санудо 1320 года присутствует прямоугольное белое полотнище, пересеченное красным крестом с кружочками между его ветвями и снабженное тремя концами, средний из которых представляет собою цвето-вое продолжение креста; 2) на карте Гвилельма Солери 1385 года изображено красное вытянуто-прямоугольное полотнище, на котором горизонтально изображена серебряная кисть правой руки с ладонью, обращенной к зрителю; 3) на анонимной карте XIV—XV вв. изображено прямоугольное полотнище, поле которого разделено на две части, первая из которых пересечена красным крестом с четырьмя малыми крестами между его ветвями, а вторая покрыта бело-красным рисунком из семи диагональных полос. Символика эта носит европейский характер и ее быстрая сменяемость, вероятно, была связана с частой заменой консулов Севастополя.

Помимо Севастополя, на побережье нынешней Абхазии были основаны и другие фактории генуэзцев — Какари (Гагра), Санта-София (Алахадзы), Пецонда (Пицунда), Каво-ди-Буксо (Гудаута), Никоффа (Анакопия), Таманса (Тамыш) и др. В административном отношении все эти колонии были подчи-

нены городу Каффе (современный город Феодосия в Крыму) — главному центру генуэзцев в Черноморье. Первые пути каботажного (прибрежного) плавания протянулись из Каффы к Севастополю в 50—60-м годах XIII века. К 1280 году относится первое упоминание о присутствии в городе торговцев из Генуи. Спустя 38 лет в Трапезунт был назначен наместником Ватикана архиепископ Франко из Перуджи, которому было поручено «заботиться» и о католической церкви во «владениях абхазских князей».

В 1330 году в Севастополе уже существовала крупная католическая община со своим епископом и кладбищем. Наиболее раннее сообщение о присутствии здесь генуэзского консула датировано 1354 годом. Самых итальянцев было немного — 100—150 человек при общей численности населения до 2000—2500 человек. Генуэзцы вместе с представителями местной знати, купцами, ростовщиками образовывали верхушечную прослойку — «жирный народ», противостоящий «тощему народу»: мелким ремесленникам и торговцам, наемным рабочим, бедноте. Этнический состав населения города был достаточно пестр. В начале XIV века, помимо генуэзцев, здесь проживали абхазы и мегрелы, греки и армяне, евреи и турки-мусульмане.

В XV веке Севастополь становится важнейшим торговым портом всего Восточного Причерноморья. Известный тверской купец Афанасий Никитин, в 1466—1472 годах, предпринявший путешествие в Индию, оставил свидетельство, что в Севастопольской бухте «добро обильно всем». В статусе черноморских колоний, принятом в Генуе в 1449 году, о правах севастопольского консула сказано следующее: «Постановляем и предписываем, что консул в Севастополе имеет право взимать со всех вещей и товаров генуэзских, приводимых в то место, один процент со всего товара за ввоз и столько же за вывоз и что он обязан иметь и держать за свой счет способного письмоводителя, переводчика и рассыльного».

Севастополь находился в сложных отношениях с верхушкой местных политических образований, в первую очередь Сабедиано. В итальянских источниках правители последнего именуются иногда просто «князьями Севастополиса», а сам город «Порто менгрелло». На первых порах генуэзцам удалось наладить с Дадиянами добрые отношения. Епископ Петр писал в 1330 году из Севастополя, что «повелитель этой страны... согласен повиноваться Римской церкви, принять католичество и изменить (своей) вере. Он даже кладбище дал здешним католикам». Интересно, что действуя подобным образом, Дадияни игнорировал мнение местных православных священников, которые были вынуждены для отстаивания своих прав обращаться к содействию не только католикоса Абхазии, но и к еврейской и мусульманской общинам города, с помощью которых было разгромлено католическое кладбище.

В середине XV века у генуэзцев с Шервашидзе и Дадиянами неоднократно возникали противоречия, которые удавалось улаживать с помощью дипломатии и подарков. В письме севастопольского консула Пинели сообщается, что,

например, 28 июля 1455 года абхазы напали на Севастополь и подвергли его основательному разорению. В свою очередь 1 декабря 1465 года консул Каффы писал в Севастополь следующее: «Мы очень довольны тем, что так хорошо уладилось дело с Бендиано, князем Мегрелии. Но если были у вас какие-либо расходы, то приказываю вам все сразу либо по частям разложить между купцами, которые будут торговать на его территории». Спустя семь лет консулу в Каффе писали из Генуи: «Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того края жить в дружбе и избегать случаев столкновения. И подобным же образом довольны мы тем, что вы писали нам о надеждах на прочный мир с Бендиано, князем Севастополиса».

Севастополем, как и другими причерноморскими колониями, управляли наряду с консулами, небольшие постоянные советы, состоявшие из представителей торговой аристократии латинского происхождения. Местная знать в эти советы не допускалась, но у нее была возможность принять участие во временных «комиссиях», принимавших под надзором вышестоящего органа решения по тем или иным вопросам (административным, снабженческим или оборонительным).

Значение генуэзского присутствия. Генуэзцы ориентировались прежде всего на укрепление торговых связей с местными феодалами, стремясь к монополии на кавказские рынки сбыта. Росту торгового обмена способствовало развитие ремесленного производства в факториях, ориентированного и на удовлетворение местных потребностей, и на подготовку к экспорту в Геную и Каффу готовой продукции и полуфабрикатов. С 20—30-х годов к Севастополю и другим восточнопричерноморским пунктам устремились караваны с азиатскими и северокавказскими товарами. Помимо меновой торговли (например, отрез тонкой льняной ткани был равен мужской рубашке), в обороте Генуи и Кавказа участвовали серебряные монеты — аспры и реже золотые византийские и венецианские деньги. Интересно, что когда в конце XIV века монеты Каффы и других причерноморских городов упали в цене, только одному Севастополю удалось сохранить свою монету «хорошего веса».

Генуэзцы ввозили в Абхазию множество разнообразных товаров, среди которых преобладали промышленные изделия и редкие предметы быта и роскоши — многоцветные и одноцветные ткани (сукно, холст, лен, шелк), хлопкосырец, ковры, изделия из железа (сабли, кинжалы, ножи, детали одежды) и бронзы (колокола, предметы культа, посуда, наперстки), соль, различные специи (имбирь, шафран, горчица), благовония (ладан, амбра), рыба, рис, вино и растительное масло, сушеные фрукты, украшения (серьги, бусы, кораллы), мыло, пеньковые веревки, особые сорта мехов, драгоценные металлы и т. д. Основными потребителями предметов роскоши, дорогих французских и ломбардских тканей, популярных сабельных клинков с инкрустацией или гравировкой была местная знать. Простолюдины разбирали соль, дешевые сукна и холсты, оловянную посуду и т. д.

Через Севастополь и соседние порты в Геную и другие города Средиземноморья и Причерноморья вывозились как предметы караванной торговли (драгоценные металлы и камни, шелк, меха), так и местного происхождения — древесина (самшит, розовый бук), корабельный лес, кожи, меха, необработанные звериные шкуры, продукты бортничества (мед, воск), смола, зерно, металлы (серебро и др.).

Наиболее важным источником доходов как генуэзцев, так и местных феодалов были рабы, которых торговцы доставляли в Золотую Орду и на все важнейшие невольничьи рынки Средиземноморья. Сведения о широко развитой работорговле на Севастопольском рынке восходят к концу 20-х годов XIV века. Восточное Причерноморье в этот период называли «берегом рабов». Местные феодалы добывали рабов во время набегов на территории соседей, а также продавали в рабство собственных зависимых крестьян. Нередко отцы многодетных семейств, попав в крайне тяжелые обстоятельства (неурожай, голод), вынуждены были продавать в рабство своих детей. Не гнушались работорговлей православные и католические священнослужители.

На цене рабов сказывались три фактора: этническое происхождение, пол и возраст, меньше значения имели физические достоинства, цвет кожи, профессиональные навыки. Женщины всегда стоили дороже мужчин. Самую низкую цену давали за мужчин старше 30 лет, считавшихся уже непригодными ни к чему «изможденными стариками». Соотношение проданных в Каффе восточнопричерноморских рабов в конце XIV века составляло: на 4 зиха приходилось два грузина и один абхазец. Средний возраст продаваемых рабов в Каффе составлял для мужского пола 11 лет и 3 месяца, женщин 15 с половиной лет. В середине XV века количество рабов-абхазов сравнялось с зихами и татарами и уступало лишь русскому контингенту. Вольноотпущенные рабы на родину возвращались редко. В Египте из них формировалась привилегированная часть общества — мамлюки. В самой Генуе и других итальянских центрах они, будучи уже католиками, формировали по этническому признаку замкнутые общины. Потомки абхазов и мегрелов, тысячами вывозившихся через рынки Севастополиса и других приморских факторий, сегодня живут во всех районах Средиземноморья. Они утратили свой этнический облик и кавказское самосознание, слились с другими народами, незримо подпитывая гуманистическую идею братства всех народов.

Работорговля придавала своеобразный колорит развитию местного общества. В рабство продавались главным образом молодые, наиболее сильные и красивые люди. Выручка от продажи рабов шла на обогащение местной знати, по своей алчности и безнравственности мало отличавшихся от своих европейских партнеров. Вместе с тем, генуэзская торговая экспансия в целом активизировала хозяйственную деятельность местного населения, способствовала развитию земледелия и скотоводства, содействовала развитию ремесел, развивала экономические, политические и культурные связи между различными

районами кавказского побережья и центрами Европы, способствовала расширению обрабатываемых площадей, улучшению демографической ситуации. Генуэзцы привнесли в эти сравнительно с Западной Европой отсталые районы новые знания, более совершенную технологию и разнообразные предметы домашнего обихода, наладили снабжение городов и сельских районов этой земли продовольствием и оружием.

§ 3. Черты народной жизни

Христианская культура. В XIV—XV веках местная материальная и духовная культура испытывает подъем, обусловленный европейскими контактами. Вновь оживают перевальные пути и дороги, соединявшие различные пункты Абхазии, Мегрелии, Имеретини и Восточного Закавказья. Христианство достигло апогея своего воздействия на массы, проникнув в наиболее глухие уголки края. Строятся десятки небольших приходских церквей, обновляются и перестраиваются ранее возведенные храмы, их стены покрываются новыми фресковыми росписями.

Главным центром христианской культуры в крае в этот период стала Пицунда, где находилась резиденция «абхазских католиков». Имена многих из них сохранили летописи. Среди них Арсений, вступивший в свою должность в 1390 году, католикос Абашидзе, который в 1529 году рукоположил трех имеретинских епископов, Малакия, упомянутый в связи с гибелью Мамаи III Дадиани в 1533 году, Евдемон Чхетисдзе, скончавшийся в 1578 году, второй Малакия, который вел переговоры с Шах-Аббасом, Симон Чхеидзе, умерший в 1666 году и сменивший его Евдемон Сакварелидзе... Все «абхазские католики» являлись выходцами из имеретинских и мегрельских знатных фамилий, крупными феодалами. Аналогично формировались ряды епископов, приходских священников и монастырской братии. В близком положении находились родственные и культурные связи и абхазских феодалов — Шервашидзе, Анчабадзе, Качибадзе, Абазадзе, фамилии которых получили «имеретинское» оформление (-дзе) еще в XI—XIII веках. Феодалы жертвовали храмам, помимо церковной утвари и денег, отдельные, крестьянские усадьбы и целые деревни. Например Илорскому храму принадлежало 9 крестьянских дворов в селах Хони и Кухе в Восточной Колхиде, а Пицундский храм имел свыше четырех тысяч крестьян в различных ее уголках.

Весь позднесредневековый период основным языком письменной культуры и церковного богослужения был грузинский. Надписи высекались в камне и устанавливались в храмах, включались во фресковые росписи, чеканились на иконах. В перестроенном в XIV веке Бедийском соборе сохранилась строительная надпись следующего содержания: «Святая Матерь божия, будь ходатайницей за того, кто построил этот святой храм, за Симона, начальника каменщиков».

Другая надпись, связанная с ремонтом и обновлением росписей того же храма во второй половине XVI века, гласит: «Царица цариц Мариам и сын ее эристав эриставов и мандатуртухуцес Даддани Георгий». Ряд грузинских надписей конца XIII—XIV веков обнаружен в окрестностях села Цебельда. Одна из них (Цибилуим) повествует об основании там «во славу Иисуса Христа» монастыря с храмом, посвященным святому Георгию. Сохранились на грузинском языке и грамоты Сустара и Квапу Шервашидзе о даровании ими Пицундской церкви крестьян. Как подчеркивал Вахушти, абхазы «имеют свой собственный язык, но знатные владеют также грузинским». Глиняная чаша с росписью и грузинской надписью найдена и в позднесредневековом слое Сухумской крепости. Параллельно продолжал в церквях использоваться греческий язык, о чем свидетельствуют надписи XIV века в Лыхненском храме и второй половине XVI века в Пицундском соборе. Определенное распространение в крае в этот период получил и итальянский язык. В развалинах Келасурского монастыря еще в конце XIX века обнаружен колокол с латинской надписью.

Сельский быт. Организующим центром позднесредневековой абхазской деревни являлась приходская церковь с каменной оградой. Внутри ограды размещались кладбище и различные службы (жилища церковных служителей, хозяйственные навесы, кузницы и т. д.). Над входом в ограду высились колокольня, а рядом находился винный погреб — несколько крупных глиняных сосудов, врытых в землю под кровлей. Отдельные крестьянские усадьбы числом до нескольких десятков были разбросаны по окрестным холмам и склонам в радиусе до 1 — 1,5 километров. Жилища были деревянными — от них на пашнях сохраняются пятна чернозема с золой, углями и множеством обломков кухонной и столовой посуды. Дворы огораживались плетеными заборами, а тропинки соединялись в грунтовые дороги, уводившие от храмов к побережью. Изредка на защищенных природой вершинах можно было увидеть и небольшие феодальные замки — башни с оградями или частично восстановленные более древние укрепления. Здесь либо за церковными оградями скрывались крестьяне в случае нашествия врагов.

Приходские кладбища позволяют хотя бы отчасти восстановить многие черты сельского быта. В захоронениях, сотнями группирующихся у храмов, обнаружена разнообразная глиняная (в том числе и византийская) посуда, изделия из венецианского стекла, образцы западноевропейских предметов вооружения, одежды, украшений. Выразительны привозные железные ножницы и медные наперстки, которыми пользовались при раскрое и шитье одежды горянки, сложные европейские замки, на которые они запирали входы в свои жилища, серебрянные серьги, которыми по примеру европейских моряков украшали себя местные джигиты...

Наличие заупокойного инвентаря в могилах указывает на сохранение языческих воззрений в народной среде, для которой христианское богослужение,

проводившееся на непонятном для большинства языке, оставалось красивым, таинственным, престижным, но до конца не осмысленным обрядом. О том же свидетельствуют и языческие жертвенники высокогорий, функционировавшие на протяжении всего периода. Здесь накапливались тысячи железных наконечников стрел, серебряные монеты, украшения. Вплоть до XIX столетия огромную роль в военном и хозяйственном быту абхазов играли лук и стрелы. В средневековых источниках многократно упоминаются абхазские лучники. Генуэзец Георгий Интериано в начале XVI века, описывая быт и нравы черкесов — северных соседей абхазов, отмечал: «Каждый день они сами делают свои стрелы, даже когда сидят на лошади, и в целом мире нет таких стрел, которые хватили бы так далеко и имели бы столь закаленное острие». Большое число стрел, обнаруженных в упомянутых святилищах, относится к тем типам, которые появились в Восточной Европе в первой половине XIII века вместе с татаро-монгольскими ордами хана Батыея.

Особенно примечательны находимые в этих жертвенниках миниатюрные лепные сосуды, предназначавшиеся для какой-то жертвенной пищи, которая доставлялась туда когда-то для задабривания горных духов. Размер сосудов указывает на то, что в представлениях древних скотоводов и охотников духи гор были очень малы ростом, напоминая европейских гномов. Не исключено, что за нечестивыми ленивыми ацанами-карликами, героями древнеабхазского эпоса, которым народная фантазия приписала ранне-средневековые пастушеские хижины, первоначально стояли, хотя и миниатюрные, но деятельные и всемогущие духи гор. В тесных деревянных хижинах у горевших всю ночь костров передавались от поколения к поколению и древние сказания о героях-нартах.

В начале XVII века Абхазию посетил итальянец Джованни де Лука, свидетельство которого вносит дополнительные штрихи в быт абхазской деревни в конце рассматриваемого в этой главе периода: «Абхазы рассеяны по побережью Черного моря. Их образ жизни такой же как у черкесов... Абхазский язык очень отличается от языков их соседних народов. У них нет писанных законов и пользоваться письменностью они также не умеют. Вера у них христианская, однако, без каких-либо христианских обрядов и обычаев... Леса они используют как удобные обители. Выбрав место жительства, они больше не покидают его... Одеваются подобно черкесам, однако волосы стригут по иному... У них, кроме леса, нет иного места обитания, потому содержат мало-численные стада и владеют малым количеством материала для изготовления своей одежды. Они довольствуются вином, изготовленным из меда, дикими животными и лесными плодами».

Абазины. В северных предгорьях Большого Кавказского хребта, по верховьям рек Большой и Малый Зеленчук, Кубань и Кума сегодня проживают абазины. История этого народа своими корнями уходит в историю средневековой Абхазии. Согласно выводам исследователей, в более древние времена

абхазы и абазинны составляли одну этническую группу, единый в языковом отношении коллектив, обитавший на одной территории. И в наше время абхазо-абазинские наречия остаются весьма близкими, сохранившими общность грамматического строя и основного словарного фонда, при котором достигается взаимопонимание между представителями различных диалектов.

Самоназвание абазин («абаза») тесно связано с названием древнеабхазского племени абасгов, которое часто встречается в римско-византийских источниках II—VII вв., затем распространилось в разноязычных летописях в форме «абазги», «абхазы», «обезы», «абаза». Большинство исследователей первым письменным сообщением о пребывании абазин в верховьях Кубани (и вообще на северных склонах Кавказского хребта) считает сообщение персидского летописца начала XV века Низама ад-Дина-Шаами о том, что Тимур-ленг, пройдя в конце XIV века по Верхней Кубани, очутился «в местности Абаса». Первые упоминания о северокавказских абазинах в русских источниках относятся ко второй половине XVI века. Под 1559 годом упоминаются при московском царском дворе среди послов с Кавказа «абеслинские князья». В 1600 году московскому послу в Лондоне был дан наказ указывать среди северокавказских «государств», находящихся в подданстве у московского царя, и «абазу». Достоверным свидетельством пребывания абазин на Северном Кавказе является родословная кабардинских князей, доведенная до 1598 года, в которой говорится о борьбе этих князей за право взимать дань с «абазинцев». Исходя из данных турецкого путешественника Эвлия Челеби (1641 г.), исследователи полагают, что к середине XVII века на Северном Кавказе уже обитали представители обеих ветвей абазин — тапантовцы и ашхарцы.

Долго считалось, что предки абазин первоначально обитали по черноморскому побережью — ашхарцы примерно от Гагр до Адлера или Мацесты, а тапантовцы далее к северо-западу, где можно найти соответствия наименования абазинских феодальных родов (Лоо, Кечь, Дадыркван).

Другая более обоснованная гипотеза выводит предков абазин на Северный Кавказ через долины Мзымты, Бзыби и Кодора напрямую через перевалы (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор), с территории, издавна занимаемой абхазо-язычным населением. Среди поводов к переселению называются недостаток удобной земли и, в особенности, пастбищных мест, кровомщение и внутренние раздоры, вытеснившие небольшие группы абхазов, сначала в верховья упомянутых рек, а затем на северные склоны по соседству с кабардинцами. Согласно одному из абазинских преданий, переселенцы двигались через горные перевалы между верховьями рек Белой и Теберды. В других преданиях конкретно называются Клухорский и Марухский перевалы, а часть абазин выводится из центральной части горной Абхазии, в частности, из Цебельды. На связь с Кодорским ущельем указывают такие северокавказские названия как Теберда, Кеч, Клыч, Кваначхир и др.

Как следует из упомянутого выше персидского источника, в эпоху Тимура абазины, по крайней мере, представители тапантского диалекта, уже находились в верховьях Кубани. Одним из подходящих для переселения моментов в истории Апсолии были 30-е годы VIII века, когда арабские нашествия сделали ее ущелья, по словам летописца, «непроходимыми и безлюдными». Многолетние археологические изыскания в Цебельде показали резкое сокращение населения в этой зоне во второй половине VIII—X веков. Не исключено, поэтому, что какая-то часть апсилов могла тогда продвинуться по проторенной дороге в северокавказские ущелья.

Достаточно напряженным был и период нашествия монголов в Закавказье, когда «царство абхазов и картвелов» было поделено на думы, в один из которых вошла Абхазия, как и ее соседи, обложенная тяжелыми повинностями. Вслед за этим последовала аннексия Цхумского воеводства Мегрелией, что привело к длительной и достаточно кровопролитной борьбе за эту территорию между Шервашидзе и Дадианами. Если же в основе миграций абхазов на север видеть недостаток земельных угодий, то таким периодом в местной истории были XIV—XV века, когда население Абхазии, особенно ее горных долин (Цебельда, Дал) вошло в полосу экономического расцвета и резкого увеличения населения, когда под пашни пошли все удобные для этого земли и кое-где начались эрозионные процессы. Окончательное решение интересного вопроса об условиях сложения абазинского народа — дело будущего.

Глава 4. Абхазское княжество и султанская Турция

§ 1. Абхазия обретает независимость

Леван II Дадияни. В 1611 году на мегрельском престоле оказался малолетний Леван II Дадияни. Первые годы за него управлял его дядя Георгий Липартиани, при котором, по свидетельству итальянских миссионеров, Мегрелия стала «одной из лучших населенных стран» западного и центрального Закавказья. Около 1615 года, когда Мегрелия и Гурия были блокированы Турцией и вынуждены были платить ей дань, Шервашидзе объявили себя независимыми князьями. Около 1621 года Леван II вступил в брак с дочерью Путо Шерваршидзе Танурией, которая, по свидетельству источников, «помимо природной красоты... обладала всеми добродетелями, которые подобают женщине ее фамилии: в вышивании, чтении, письме, в великодушии и учтивости она не имела себе подобных, так что своим благородством она привлекала к себе сердца своих подданных». В 1623 году Леван во главе многочисленного войска, состоявшего из мегрельских, абхазских и джигетских отрядов, одержал победу над имеретинским царем Георгием III в местечке Гочораули, близ Кутаиса. Впервые в местной истории Леван потребовал за пленных денежный выкуп, что затем вошло в регионе в обычную практику.

Вскоре Леван задумал жениться на красивой и коварной Нестан-Дареджан — жене Георгия Липартиани. Понадобилось оформить развод с женой-абхазкой, от которой у Левана было уже два малолетних сына. Поводом к разводу послужило обвинение супруги в неверности, после чего Леван приказал отрезать ей нос и уши и с позором изгнал из своего дворца. По другому летописному варианту, Леван «схватил ее с сыновьями, поместил в пушечный ствол и выстрелил, разбросав ее тело на части». Не дожидаясь, пока Путо Шервашидзе соберется с силами, Леван во главе многочисленного войска вторгся в Абхазию. Шервашидзе, застигнутый врасплох, вместе со своими приближенными удалился в горы. Подвергнув Абхазию жестокому опустошению, Леван вернулся обратно, заключил в темницу, а затем и умертвил дядю и обвенчался с его женой.

Шервашидзе, вступив в военный союз с Гуриели и другими феодалами, не заинтересованными в усилении Левана, стал систематически подвергать опустошительным набегам Мегрелию. Был организован заговор и в резиденции Левана, который отделался легкой раной — копье, занесенное рукой какого-то абхаза, не смогло поразить цель. Заговорщики были уничтожены, а последовавший опустошительный набег Левана привел к формальному изъявлению покорности со стороны Путо Шервашидзе, обязавшегося платить символическую дань «известным числом охотничьих собак и соколов, которые водились в этой стране».

Междоусобная «Гридцатилетняя война» между мегрельскими и абхазскими феодалами несла страшные беды всем слоям общества, отличаясь крайней жестокостью. Один из Шервашидзе во время набега на Мегрелию сжег деревянную церковь. Леван вызвал его на переговоры и, чтобы тот не опасался, выдал трех заложников — сыновей самых знатных мегрельских вельмож. Когда же абхазский князь явился к нему со свитой, Леван тут же приказал отрубить ему голову. Супруга убитого в качестве ответной меры уничтожила заложников. После одного из успешных походов в Абхазию (около 1647 года) Леван Дадиани пожертвовал Илорскому храму икону с характерной надписью: «Когда мы выступили против Шервашидзе в Зупу, по сию сторону реки Муцу опустошили все, еще раз напали на Зупу, по эту сторону реки Капоэти совершенно выжгли все и разорили, и где только были укрепления, взяли и уничтожили, на реке Капоэти напали на нас Зипуар и Сихуар Аршани, которых мы победили. Одних мы истребили, других взяли в плен и вернулись победителями». Лыхны тогда носила название Зупу, река Муцу — это, по-видимому, Мчишта, Капоэти — Бзыбь, а Аршани, как полагают, Маршания (или Аршба?).

В последние годы своего правления Леван Дадиани вынужден был перейти к оборонительной политике, укрепив мощной фортификационной линией свою северо-западную границу. Историк Вахушти об этом писал так: «К востоку от сей Анакопии, от моря до гор, (местность) обнес стеной великой Леван Дадиани для того, чтобы (сюда) не переходили абхазы, но она теперь бездействует»... Итальянский миссионер Арканджело Ламберти сообщал, что владетели Мегрелии «с весьма обширными расходами возвели стену длиною в 60 тысяч шагов, и на известном расстоянии в ней находятся башни, охраняемые значительными отрядами стрелков». На карте другого итальянского миссионера, Кастелли, над соответствующим изображением линии стен и башен написано: «Стена в 60 тысяч двойных шагов, для сдерживания абхазов предназначенная». Во всех этих источниках речь идет о крупнейшем оборонительном сооружении Кавказа — Келасурской (от турецкого «кала» — крепость, «сур» — стена) или Великой Абхазской стене.

Вопрос о дате и роли Келасурской стены давно обсуждается в науке. Ее постройку приписывали то грекам — жителям Диоскуриады, защищавшим

свои рубежи в VI веке до н. э., то византийцам, укреплявшим подступы к Себастиополюсу в VI веке до н. э., то местным жителям, соорудившим ее в раннесредневековый период с целью защиты от северокавказских кочевников, то, наконец, Левану Дадиани, во второй четверти XVII века пытавшемуся удержать «Верхнюю Абхазию» под своею властью. В ходе археологических изысканий последних десятилетий установлено, что эта стена состояла из 280 башен, четырех гарнизонных укреплений и соединяющих их стен и обрывов, образующих оборонительную линию длиной в 58 километров. В районе Ткуарчала сохранились руины нескольких башен, входящих в ту же оборонительную систему. Они блокировали горные тропы, выводящие на низменность из верховьев Галидзги и Кодора. Защитники стены, помимо луков, широко использовали уже огнестрельное оружие, для чего в стенах башен оставлены специальные ружейные бойницы. В башнях найдены керамические и стеклянные сосуды, каменные ступы для изготовления пороха и другие материалы XVII века.

Другим интересным памятником этого времени является Мчиштинский скальный замок. Здесь, в нишах обрыва, были выложены стены, в которых в нескольких ярусах расположены оконные и дверные проемы. Жилые комнаты и коридоры поднимаются на головокружительную высоту. Кое-где, куда не попадает влага, сохранились деревянные конструкции. В одном из помещений найдена позднесредневековая кольчужная рубаха, забытая здесь защитником замка. Во время набегов Дадиани в замке укрывались Шервашидзе и их соратники.

Граница на Ингуре. После смерти Левана II Дадиани (1657 год) Мегрельское княжество быстро слабеет. Преемником Левана с помощью имеретинского царя становится его двоюродный брат Вамек Липартиани, на короткое время подчинивший своей власти всю Колхиду и принявший громкий титул «нововенчанного повелителя всей Грузии, владетеля стран Лихт-Имеретии и Лихт-Амеретии, Осетии, Двалетии, Кабарды, Джигетии, Абхазии и великой Одиши и Гурии, великого царя царей Дадиани». Вскоре Мегрелия была опустошена Шах-Навазом (картлийский царь Вахтанг V), а Вамек бежал в Сванетию, где был убит. Абхазские владетели, используя обстановку, усиливают свои набеги на Мегрелию. В 70-х годах XVII века итальянский миссионер Цампи записал: «Мегрелии уже нет, так как из-за непрерывных войн она впала в состояние крайней разрухи... Сейчас здесь ни один человек не может чувствовать себя в безопасности, все пребывает в постоянном страхе, в ожидании нападения со стороны абхазов. Страх настолько велик, что люди бегут даже от собственной тени, принимая ее за абхаза». Иерусалимский патриарх Досифей свидетельствует, что «абхазы опустошили Мокви, Зугдиди и всю страну от Диоскурии до Гипиуса (Цхенис-цкали)». «Но особенно сильно, — продолжает патриарх, — страдает простой народ, так как победители разрушают его дома, уводят его в плен, а затем продают его или держат у себя в качестве рабов до тех пор, пока он не окажется в состоянии выкупиться большими деньгами».

Жестокая феодальная междоусобица ударила и по церкви, служители которой пополнялись в основном за счет выходцев из Мегрелии, нарушила налаженные столетиями связи. Священники разбежались, храмы опустели. Как показали раскопки нескольких позднесредневековых церквей в Цебельде, все они были разрушены в середине XVII века. В Цибилиуме, например, монастырский храм святого Георгия был подожжен, угловые опоры были разрушены, камень со строительной надписью разбит и частично сброшен в обрыв. Когда нападавшие ушли, некто подобрал обломок камня с надписью и бережно положил его на цоколь храма лицевой стороной вниз. В другой церкви удалось проследить, как уносили церковную утварь, роняя отдельные вещи по пути... В конце 50-х годов XVII века католикос Захарий Квариани под нажимом этих обстоятельств перенес престол абхазских католикосов в Гелати, близ Кутаиса. И затем долго сохранялся обычай, по которому каждый новый католикос, хотя бы раз в жизни, должен был съездить в Пицунду и провести там богослужение.

В 80-х годах XVII века на территории южной Абхазии утвердился сын владетельного князя Абхазии Сустара Шервашидзе — Сарек со своим двоюродным братом Квапу. Сарек, воспользовавшись царившей там смутой, объявил себя владетелем и Мегрелии, и неоднократно затем вторгался за Ингур, пытаясь овладеть тамошними землями. Вскоре Сарека атаковал с тыла его дядя Зегнак Шервашидзе, в результате чего произошел раздел закордорских владений Шервашидзе: до Галидзги получил удел Джикешия, сын Зегнака, а до Ингура — его брат Квапу. Старший же сын Зегнака Ростом Шервашидзе стал главным владетелем остальной Абхазии.

В абхазо-мегрельских войнах XVII века живейшее участие принимали представители многих северокавказских народов — джигеты, абазины, кабардинцы, которых призывали на помощь Шервашидзе. Около 1680 года Цебельдой и Дальским ущельем (долина Кодора) овладел выходец из Ахчипсоу (современная Красная Поляна), князь Хрипс Эшсоу-ипа Маршания, родственники и потомки которого возглавили затем все горные общества Абхазии, выделив их из-под власти Шервашидзе. Предание связывает происхождение рода Маршания (Амаршан) с Кабардой.

Воссоединение территорий бывших Цхумского и, частично, Бедийского воеводств с Абхазским княжеством облегчалось присутствием здесь значительных абхазоязычных крестьянских общин, перемежавшихся с мегрелизированным населением и сохранявших на протяжении нескольких сот лет свою самобытность (абжуйский диалект и др.) в условиях феодально-церковной зависимости в первую очередь от Драндского, Моквского и Бедийского епископств. Кроме того, утверждение в горных долинах дружин Маршания (Маршани, Амаршан) способствовало вытеснению оттуда какой-то части абхазоязычного населения в юго-восточные области Абхазии (род Аджинджалов, например, переместился в Абжуйскую Абхазию из Псху, род Джопуа

(Аджапуа) — из Цебельды, сами Маршаниа выкупили Джгердскую общину за 10500 рублей серебром у абжуйского феодала Ачба и т. д.). Этническая граница между абхазами и картвелами, проходившая до начала II тысячелетия по Ингуру, была восстановлена, приобретая одновременно государственно-политический статус, сохраняющийся уже 300 лет.

§ 2. Абхазское княжество и Турция

Нарастание связей. Завоевав в 1453 году Константинополь, турки-османы обратили взоры на север, включив Черноморское побережье Кавказа в сферу своих политических и экономических интересов. Год спустя турецкий флот впервые атаковал и опустошил Севастополис.

В 1459 году царь картвелов Георгий VIII обратился к герцогу бургундскому с письмом, хорошо отражающим суть происходящих тогда процессов: «Я, Георгий, царь грузинский, пишу, чтобы вы знали, что мы сделали в настоящее время на востоке. Знайте, что мы все, князья-христиане этой страны, заключили между собой перемирие и поклялись всеми силами бороться с турками, в особенности с теми, которые находятся в Константинополе, ибо они сильно враждуют с христианами. В силу этого союза каждый из нас выставляет свои войска. Я лично выставляю 40000 человек; у трапезундского императора Давида, согласно сообщению, готовы к отправке 30 кораблей с 20 тысячами человек. Готов со своими войсками мингрельский царь Бендиан; грузинский царь Горгора (из Самцхе) направляется с 20-тысячной кавалерией. Герцог Анокации (Анакосии— Анакопии? — Ю. В. и Р. К.). Раба обещал выступить со своими братьями, вассалами и со всеми своими войсками (30 тысяч воинов), владетель Армении Бердебег обещал для нашего похода 20 тысяч человек. В этом союзе участвуют также другие народы, между прочим и три сильных татарских князя, готовых начать войну против константинопольских турок... Перечисленные лица поклялись друг другу в верности, изменник будет наказан...». Однако как герцог Бургундский и римский папа Пий II, так и французский король Карл VII и его преемник Людовик XI отказались поддержать Закавказье в его борьбе против турок, и наметившийся было там союз распался.

В 1461 году турки-османы завоевали трапезундскую империю, спустя три года присоединили к своим владениям Крым и прилегающую часть кавказского побережья, а в 1475 году с падением Каффы генуэзская колониальная система в Черноморье была ликвидирована. 1533 годом датируется попытка турок укрепиться в Джигетии. В первой половине XVI века турки неоднократно вторгались в Имеретию, предавая огню Кутаис, Гелати и другие пункты. По договору 1555 года между Ираном и Турцией последней достались «Имерети, Одиши с Абхазией, Гурия и страна лазов». Однако их еще предстояло покорить.

В 1578 году на короткое время турецкий гарнизон разместился на берегах Сухумской бухты. Возможно, в нем служил и некий Мехмед-ибн-насух, умерший в 1598 году — об этом говорит турецкая надпись на каменном надгробии, найденном на территории города. В первой половине XVII века турки, не сумев овладеть побережьем с суши, блокировали его с моря, чтобы не допустить сюда подвоза соли, железа и других необходимых товаров. Правителям Гурии, Мегрелии и Абхазии пришлось пойти на выплату дани. Так, например, Леван II Дадияни отправлял туркам ежегодно до 800 аршин полотна и до 40 рабов. В аналогичном положении находилось и Абхазское княжество, где в этот период феодалы начинают давать своим детям турецкие имена. Одно из них — Карабей — принадлежало лыхненскому князю, правившему в 20-х годах XVII века. Тогда же Шервашидзе отбирают у Мегрелии западную часть «Верхней Абхазии» вместе с ее главным городом Сухумом, который избрал своей резиденцией брат Карабея Путто. Сухум — самая удобная гавань с оборонительными сооружениями и торговым рынком на побережье — превратился в крупнейший центр абхазо-турецких взаимосвязей.

В 30-х годах XVII века донские и днепровские казаки участвовали в своих набегах на турецкое побережье. На своих легких ладьях они проплывали мимо берегов Абхазии и останавливались в некоторых ее пунктах, в том числе и в Пицунде. Абхазы, смотревшие на казаков как на союзников в борьбе с турками, оказывали им посильную поддержку. В отместку турки неоднократно высаживали на побережье свои десанты, нападали на феодальные поместья и грабили храмы. А в преданиях донских казаков откладывались сведения о их совместных походах с «абхазскими христианами» против турецких «бусурман». В 70-х годах XVII века абхазы прекратили выплату дани туркам.

Турки в Абхазии. В 1723 году у устья Ингура турки возвели крепость Анаклию, а год спустя на развалинах древнего Севастополиса ими строится укрепление с четырьмя бастиями. Над воротами Сухум-кале, как стали именовать город турки, была установлена высокопарная надпись: «В благополучное правление его величества царей, великого султана, которого величайший двор и держава нимало не уступают державе Александра Македонского и Дария, счастливого царя, блистающего на земле красотой, народами, славою и правосудием, и при любезном зяте сего царя, верховном визире государства, против всех врагов и злодеев, по высочайшей воле и выстроена сия великая и неприступная крепость, твердостью подобная большой птице Сунне, летающей высоко на Кавказской горе». Согласно турецким документам 30-х годов XVIII века, в Сухум-кале служило от 70 до 112 солдат, а в Анакопии — свыше 70 солдат.

В 1733 году турки ограбили и сожгли Илорский храм, содрали с него «свинцовую черепицу» и уничтожили стенную роспись. От Илории они двинулись в северо-западные районы Абхазии, опустошили ее и обратили в мусульманство Шервашидзе и его приближенных. Затем, взяв с собой абхаз-

ское войско, османы вторглись в Мегрелию и Имеретию. Там абхазы, выбрав удобный момент, нанесли туркам немалый урон. Вот что сообщает летописец: «А абхазы тоже захватили поклажу имеров. Однако вскоре между ними и османами возникла ссора; абхазы отступили от них и начали по ночам грабить, убивать их людей и нападать на османов. Увидев это, паша вернулся в Одиши; тогда абхазы напали и уничтожили лагерь османов, обратили их в бегство; паша бежал морем, большую же часть их истребили, либо они утонули в море и в реке; абхазы взяли премного их имущества, оставили магометанство и обратились в свою веру. Эту победу приписывали чудотворению святого Георгия Илорского, ибо в ту ночь он велел абхазам выступить и придавал им силу в сражении».

В 1757 году самурзаканский владетель Хутуня Шервашидзе участвовал в одном из боев с турками в Имеретии. Он героически ворвался в гущу врагов и, прежде чем погибнуть самому, успел сразить 16 воинов султана. В отместку турки спровоцировали восстание феодалов Дзяпш-ипа против владетеля Бзыбской Абхазии Манучара Шервашидзе, который был вместе с двумя своими братьями — Ширваном и Зурабом — выслан в Турцию. Дзяпш-ипа же овладели территорией побережья между Псырцхой и Кодором. Турки вскоре вернули Зураба Шервашидзе, сделав его наместником в Абхазии.

Не имея сил для борьбы с кланом Дзяпш-ипа, Зураб женил своего племянника (сына Манучара) Келешбея на одной из девиц из их фамилии. В 1771 году абхазы под предводительством Зураба и владетеля Самурзакано (это свое название юго-восточная Абхазия получила в начале XVIII века, когда ею правил Мурзакан Шервашидзе), Левана Шервашидзе взяли штурмом Сухумскую крепость, уступив ее затем снова туркам «за двадцать турецких мешков и десять тысяч пиастров». Спустя три года турки покинули Сухум-кале «как бесполезную для них крепость». Воспользовавшись их уходом, Шервашидзе разделил Абхазию на четыре части — Бзыбская Абхазия (Зупу) досталась Зурабу, владетелем центральной Абхазии между Анакопией и Кодором (Аку) стал Келешбей; пространство между Кодором и Галидзгой (Абжуа) перешло к другому племяннику Зураба Бекирбею, а в Самурзакано остался правителем Леван. Абхазия вступила в следующий, очень важный этап своего развития, связанный с именем Келешбея Шервашидзе.

Распространение ислама в крае. Первая встреча абхазов с исламом состоялась еще в VIII веке, когда арабы подвергли край опустошительным набегам. Мусульманский мир оставил свой непреходящий след в политической истории и культуре Абхазского царства и объединенного государства абхазов и картвелов. Однако мусульмане как жители Абхазии впервые упоминаются в источниках начала XIV века, когда они составляли определенную часть населения Севастополиса. Кто были они по своей этнической принадлежности, неизвестно.

Усиление политических, экономических и культурных контактов с Османской империей на протяжении XVI—XVII веков привело к постепенному распространению мусульманства суннитского толка и среди определенной части абхазского населения, в первую очередь феодалов и их окружения. Первое определенное свидетельство об абхазских мусульманах относится к 40-м годам XVII века, когда здесь побывал турецкий географ и историк Эвлия Челеби. В своей «Книге путешествий» он сообщает, что у абхазов «есть мечеть» и среди них «много мусульман». Если кого-либо из абхазов «обозвать христианином», — отмечал затем Челеби, — то они убьют человека. Если же назвать мусульманином — обрадуются. Они не признают Корана и не имеют никакого вероисповедания. Вместе с тем не любят христианства, а за мусульманина душу отдадут». Однако фактический материал противоречит этим наблюдениям. Тот же Челеби отмечал, что в 1641 году абхазы еще платили султану «харадж», которым облагались немусульмане.

Межфеодальные распри середины XVII века, удаление католика из Пицунды и изгнание христианских священников из многих десятков пунктов края расширили возможности мусульманских проповедников. В то же время дальнейшая политическая децентрализация в крае и усиление роли общинной общественной структуры на фоне ослабления межрегиональных и межобщинных связей, возврат к натуральному товарообмену и, как следствие, ограниченный интерес к региону со стороны администрации Османской империи, тормозили широкое внедрение здесь новой мировой религии. Поэтому вплоть до последней четверти XVIII века местная идеология развивалась по трем направлениям — сохранялись многие элементы христианства, на передний план выдвинулись разнообразие языческие культы, расширилось воздействие мусульманства.

Во многих пунктах Абхазии, в том числе и в высокогорных языческих святилищах, найдены грубо обработанные железные кресты, у которых три коротких конца имеют округлые расширения, а четвертый нижний венец представляет собой острие, предназначенное для насадки на деревянное древко. Такие кресты ставились обычно в священных рощах, считавшихся у абхазов неприкосновенными и заменявших их храмы. Такое смещение языческих и христианских верований было характерно для абхазов именно в позднесредневековое время. Саксонский врач и путешественник второй половины XVIII столетия Яков Рейнегго сообщал, что «в первых числах мая месяца абхазы собирались в густом и мрачном священном лесу, деревья которого считались неприкосновенными из боязни оскорбить высшее существо. В этой роще, около большого железного креста, жили пустынники, собиравшие с народа значительные пожертвования за молитвы свои о здравии и преуспевании дел и предприятий просителей. Все, приходившие в рощу, приносили с собой деревянные кресты, которые ставились потом повсюду, где была зелень, и знакомые, встречаясь в лесу, обменивались этими крестами в знак дружбы».

Особой популярностью пользовался Илорский храм. По словам Ламберти, «абхазы поклоняются этой святыне и боятся ее». Он же сообщает, что в день святого Георгия «не только одишцы, но даже и абхазы и сваны в большом количестве приходят на этот праздник». В 1733 году после погрома Илори турки обратили в магометанство владельца Абхазии Шервашидзе. Однако вскоре абхазы, нанеся поражение османам, «оставили магометанство и обратились в свою веру», т. е. в христианство.

Рецидивы язычества хорошо выявляют себя в погребальном обряде. Продолжают хоронить на кладбищах у заброшенных храмов, но с нарушением ориентировки. Появляются обкладки умерших камнем из древних стен. Распространяется обычай усадебных и придорожных захоронений. В приморских районах становится популярным обряд подвешивания покойников на деревьях. Турецкий путешественник Челеби в этой связи отмечал, что «абхазский народ странным образом хоронит беков (феодалов); тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; над головой в ящике оставлено отверстие, дабы он мог, как говорят, видеть небо». Другой итальянец, миссионер Ламберти уточнял: «Абхазы выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут покойника и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дере **ва**. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне». Некоторые исследователи склонны объявлять обряд «вторичного захоронения специфическим абхазским обычаем, перебрасывая этнический мост» к дольменным и кушинным захоронениям Абхазии бронзовой и раннежелезной эпох. Между тем этот обряд отсутствовал и у античных генихов и кораксов, и у их преемников апсиллов и абасгов, и у абхазов раннего и развитого средневековья. Поэтому бытование среди местной знати такого погребального обряда, характерного для большинства раннеклассовых обществ Старого и Нового Света, свидетельствует прежде всего об ослаблении позиций и административных функций христианства в крае и о глубоком кризисе социально-экономических отношений, их стадийальной перестройке.

В крестьянском быту в этот период продолжали сохранять свою актуальность такие языческие культы, как поклонение деревьям (фундук, кислица, граб, орех, инжир, яблоня, каштан и др.) и рощам, огню и очажной цепи, горам и горным духам, солнцу и луне, различным животным (медведь, змея, баран, собака, лошадь и др.), земле, воде и покровительствующим им богиням, железу и кузне, душе умерших, верховному богу Анцва и т. д.

Во всей этой пестроте воззрений и верований классическому мусульманству оставалось явно мало места. Лишь в конце XVIII века верхушечная часть абхазского общества приобретает более или менее выразительный мусульманский облик.

§ 3. В тисках работорговли

Хозяйство. Как и прежде, в XVII—XVIII веках основу хозяйства Абхазии составляли земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство и разные виды ремесла. Однако в источниках этого времени сведения о хозяйстве региона представлены неизмеримо богаче, чем во все предыдущие периоды. С XVII века европейские и грузинские авторы все больше внимания уделяют простому народу, его быту, культуре и нравам, а также различным природным особенностям края. «Абхазия украшена всяким плодородьем, — писал Вахушти, — и климатом; ибо рождаются (здесь) всякие зерна. Фруктов, винограда, скота, зверей, птиц и рыб много. Коза здешняя очень красива, с мягкой шерстью, она пестра, с высокими ногами, большим телом, рога ее длиной примерно в 1,5 аршина, борода длинная, до колен». «Земледелие, — отмечал Рейнегго, — с избытком удовлетворяет потребность абхазцев; весь их край очень плодороден, в особенности горные долины и открытые равнины, орошаемые рекой Кодор».

Основной сельскохозяйственной культурой в Абхазии до XVII века было просо. Лишь с конца XVII века все больше начинают сеять и кукурузу. Немного раньше внедряется фасоль. Обе эти культуры проникают в Закавказье из Турции. Деревянный плуг с одним легким железным наральником и мотыга — вот весь сельскохозяйственный инвентарь абхазского земледельца того времени. Колоссальный труд по обработке земли способствовал сохранению патриархального обычая взаимопомощи, эксплуатировавшегося феодалами. Путешественники, посещавшие Абхазию, отмечали, что «здесь изготавливают много вина». В 1622 году 58 семейств жителей села Нажанеули (правобережье Ингура), пожертвованного Мамией IV Дадияни Пицундскому храму, доставляли к столу абхазского католикоса 225 кувшинов вина.

Скот и в этот период абхазы почитали как главное и ценное богатство. «У них, — подчеркивал А. Ламберти, — множество крупного и мелкого скота. Ежедневная пища их: сыр, молоко и дичь. Рыбы не едят, хотя могли бы ловить в реках и море. Раков совершенно не любят». Скотоводческий характер быта абхазов нашел, по-видимому, свое отражение и в местной геральдике — на государственном знамени Абхазского княжества этого времени присутствует изображение козла с тремя полумесяцами над ним. Видную роль до конца XVIII века играло свиноводство. «Можно было бы, — писал один очевидец, — произвести весьма выгодную торговую операцию в этой стране, нагрузив возвращающиеся оттуда суда свиным салом и ветчиною. Свиньи в Абхазии весьма дешевы...». Другой очевидец утверждал, что свиньи в Абхазии «величиной с осла». Каждая из крестьянских семей уже упоминавшегося села Нажанеули поставляла абхазскому католикосу по половине коровы. Ламберти говорит о распределении лошадей в Мегрелии, где ситуация мало отличалась от Абхазии, следующее: «Каждый по своему положению держит большое или меньшее число лошадей.

Простой народ имеет трех, кто четырех, кто пять лошадей, но у дворян бывает у кого пятьдесят, а у кого и двести...». В отношении пчеловодства очевидцы отмечали: «Из Абазы вывозится громадное количество воску, приобретаемого по очень выгодной и крайне низкой цене».

Из-за отсутствия городов, специализированных рынков и неразвитости торговли каждый крестьянский двор вынужден был самостоятельно заниматься производством многих жизненно необходимых изделий. По рассказам очевидцев в Абхазии того времени домашние мастера изготавливали бурки и толстое сукно, хлопчатобумажную ткань, черкески, башлыки, шаровары. Рейнегго писал, что абхазские «женщины славятся тем, что они прекрасно умеют прясть бумажные нитки и такие нитки в большом количестве отправляются ежегодно в Смирну и Салоники». Крестьяне из Нажанеули поставляли Пицундскому католикусу по 20—80 локтей полотна от каждого двора. Славилось местное население и изготовлением всевозможных деревянных предметов — ложек, посуды, ароб и т. д. Сравнительно широко в Абхазии практиковались традиционная для местного ремесла обработка железа и получение стали. Рейнегго отмечал, что абхазы «умеют обрабатывать железную руду, (изготавливают) сабли и кинжалы».

В этот период внутренний рынок почти совсем не принимал денег — обмен носил натуральный характер. Жан-де-Лука (XVII век) утверждал, что для абхазов «обычное дело продавать своих подчиненных туркам, взамен другого товара, так как деньги между ними не имеют обращения». Чтобы как-то оживить торговлю, Леван II Дадиани в юго-восточных областях «Верхней Абхазии» поселил армян, которые пытались ввести в употребление и деньги, используя ярмарочную торговлю около популярных церквей (Илори, Бедиа и др.). О проживании армян в Абхазии свидетельствуют и армянские хроники XVII века, в одной из которых говорится: «И после этого армянский народ расселился по причине голода в Персию, в Сирию, в Грузию, добрался до Чорчена, до Абхазии, до Крыма». Григор Дарнцхи тогда же сообщал о присутствии в Абхазии торговцев-армян, переселившихся сюда из персидского города Джуга.

Более высокого развития по сравнению с предшествующим периодами достигла береговая торговля, осуществлявшаяся при посредстве турецких купцов. Наибольшей известностью пользовался в XVII—XVIII веках торг в Исауре, размещавшийся восточнее Кодорского мыса. Так его описывает французский путешественник Шарден: «...Мы надеялись найти там дома, немного пищи и какую-нибудь помощь... Но мне пришлось жестоко разочароваться, не найдя там ничего из того, что я ожидал. Исаур — отлогий морской берег, сплошь покрыт лесами. В ста шагах от берега лежит площадь длиною в двести пятьдесят шагов и шириною в пятьдесят... Посреди проходит улица, по обеим сторонам которой расположены двести маленьких хижин, сделанных из скрепленных между собою ветвей деревьев. Каждый купец занимает одну хижину:

в ней он и спит, и держит такой товар, который может быть продан в два-три дня. Те же товары, которые уже проданы или которых нет надежды тотчас же сбыть, для большей безопасности хранятся на кораблях... Так как наши припасы кончились, то я был очень удивлен и огорчен, не найдя ничего, кроме скованных рабов и с дюжину голых крикунов с луком и стрелами, нагоняющих страх». Тогда же получило свое имя местечко Очамира (от турецк. «чимшир» — «самшит»), где торговали и этим прибыльным сырьем. Близким по облику был и торг в районе Сухумской крепости. Близ Гудауты на Бамборском мысу существовал рынок по сбыту древесины. «Абхазы доставляют, — отмечали очевидцы, — самшит на берег моря, где его взвешивают и обменивают из расчета тридцати фунтов соли за центнер; его обменивают также и на железо».

Работоторговля. Самым важным предметом береговой торговли были люди, пользовавшиеся особым спросом у турецких купцов. Доставленных в Константинополь и другие центры Средиземноморья молодых людей обращали в магометанство, обучали военному искусству и использовали в бесчисленных войнах. Молодых женщин распределяли по гаремам, либо определяли в служанки. «Абхазские невольники, — писал Ламберти, — высоко ценятся у турок: женщины из-за редкой красоты, а мальчики потому, что после обращения их в свою веру и обучения военному искусству выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры».

Основными поставщиками рабов на рынки были местные феодалы, набравшие свой товар как в многочисленных набегах на соседей, так и среди собственного населения. Антиохийский патриарх Макарий, находившийся в 1664—1665 годах в Мегрелии, обвинил в работоторговле «все дворянское сословие страны». Он подчеркивал: «Мы знали многих этих последних, которые занимались продажей в плен крестьян, включая сюда и священников... Своими глазами мы видели и своими ушами мы слышали, как некоторые архиереи продают красивых мальчиков, девиц и молодых замужних женщин своей епархии, вообще всякого, за кого только пленоторговцы предлагали сравнительно большую сумму. Нередко они продают жену на глазах собственного мужа, и наоборот. Мы лично видели, как епископ моквский Андрей в течение одного только года продал 60 человек из своих пасомых...». В таких условиях, конечно, ни о каком авторитете церкви у народа не могло идти и речи.

Интересны средние цены на рабов, бытовавшие в XVII—XVIII веках на рынках Абхазии: мужчины 25—40 лет продавались за 15 рублей (золотом), старше — по 8—10 рублей; девушки 13—18 лет шли по 20 рублей, а женщины — по 12 рублей; дети же и подростки — за 3—4 рубля. Из Исаура и соседних рынков побережья, по данным Шардена, ежегодно турками вывозились до 12 тысяч рабов.

Эта социальная болезнь проникла глубоко во все поры местной жизни. «В городах и крепостях абхазы не живут, — писал А. Ламберти, — но (обык-

новенно) собираются десять или двадцать семейств одной фамилии, выбирают какое-нибудь возвышенное место, строят здесь из соломы несколько шалашей и обводят все крепким забором и глубоким рвом. Последнее делают потому, что у них обычай грабить друг друга... Воруют людей, мужчин, женщин и детей и продают их туркам в рабство».

В конце XVII — начале XVIII веков заслуженной славой работорговца пользовался Путу Шервашидзе, который регулярно совершал нападения на абхазские деревни с целью пополнения этого тогда дефицитного товара. Он не гнушался, например, продажей крестьян, принадлежавших абхазскому католико-су. Славу удачливых работорговцев снискали себе и представители княжеского рода Маршания.

Корабли под турецким флагом везли в обмен на людей к черноморским берегам товары из разных стран, среди которых были ковры, одеяла, холсты, кожи, шали, сукна, шелка, ситцы, седла, сбруи, железо, медь, котлы, курительные трубки, табак, соленая рыба, икра, ладан, сахар, соль, разнообразное вооружение — ружья, сабли, кинжалы, ножи, пистолеты, порох, стрелы, седла, сбруя...

С одной стороны, владетельные князья, влиятельные церковные и светские феодалы, довольно многочисленные дворяне, с другой стороны находящиеся в разного рода зависимости от них крестьяне и ремесленный люд — на взаимодействии этих двух основных социальных прослоек и на их политических, экономических и культурных контактах с внешними этноструктурами и держался основной костяк истории Абхазии XV—XVIII веков.

Заключение

Хотя представленные на суд читателя очерки истории Абхазии отличаются краткостью и фрагментарностью, однако, как представляется, они в полной мере отвечают поставленной задаче — подчеркнуть культурное и административное своеобразие этого замечательного уголка земли, не случайно и сегодня мужественно отстаивающего свое право на собственное место под Солнцем. Самобытность жизненного уклада местного населения в дописьменный период выявляется в распределении и особенностях археологического материала, чутко реагирующего на географическую специфику региона. С появлением же письменных свидетельств о расселении племен и политических перетрубацях это своеобразие получает дополнительную окраску.

Сама природа предопределила самобытность Абхазии в ряду других стран и народов многоликого Кавказа. Экологическая ниша, ею занятая, образована Кавказским Хребтом и Черноморским побережьем, смыкающимся у Гагры. Открытость на восток через Колхидскую низменность определила направление вторжений и нозаций, периодически воздействовавших на общественно-политический и культурный климат в этой нише. На протяжении почти трех последних тысячелетий определяющую роль в местной истории играло море, связавшее Абхазию со Средиземноморьем, Малой Азией и Крымом тысячами экономических, культурных, административных и кровных нитей. Важнейшую роль в сохранении абхазского этноса сыграл Большой Кавказ, в своих ущельях издавна дававший приют реликтовой флоре и фауне, а в антропогенную эпоху столь же щедро укрывавший в них носителей множества языков, давно утерянных в степях, на обширных низменных пространствах и плоскогорьях Евразии. История Абхазии — в гармонии и нарушениях трех указанных направлений связей.

Историками сделано очень много для обнаружения, систематизации и популяризации знаний о нашем замечательном крае. Однако административно-командная система, к идеологическому обеспечению основ которой были привлечены обществоведы, наложила свой отпечаток на отечественную историографию, в том числе и на наши представления о прошлом Абхазии. Выполняя

социальный заказ, историки изымали из цитат «неудобные» фразы, обходили молчанием «неудобные» документы, искажали историческую перспективу, давая ту трактовку лицам, событиям и фактам, какая требовалась идеологам. Например, сначала считалось, что дружба советских народов — результат Октябрьской революции, а затем идеологи решили, что полезно распространять эту дружбу чуть ли не до палеолита. Из истории были изъяты многочисленные примеры братоубийственных феодальных междоусобиц, а сама «дружба народов» (видимо, из-за своей древности) была сдана в музей. Лакировались образы владык, результаты международной культурной и трудовой деятельности приписывались избранным народам, конструировались «могущественные» государства, границы которых либо обязаны были совпадать с теми, которые появились в результате распада царской империи в 1917 году, либо быть шире...

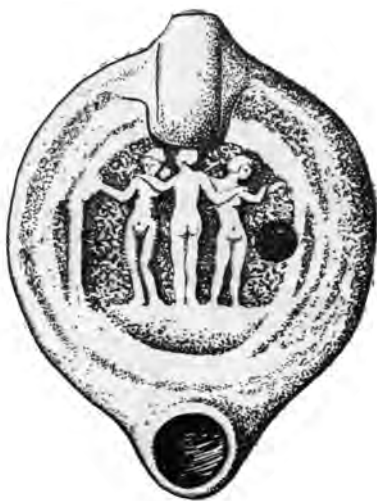
Важнейшее значение для реконструкции истории Абхазии до XIX века имеют памятники материальной культуры, число которых уходит за тысячную черту. Однако в своем абсолютном большинстве они не исследованы и, следовательно, хранящаяся в них информация остается недоступной. Важно помнить и то, что огромный пласт сведений уже уничтожен бессистемным строительством и экстенсивными сельхозработами. И последние процессы нарастают подобно лавине. Постановления же и законы по охране памятников истории, культуры и искусства, как правило, не выполняются, ибо ни власть, ни общественность не могут и не хотят себя этим утруждать. Да и как можно досконально исследовать и сохранить, например, архитектурный памятник, если он выключен из активной современной жизни, не дает доход ни людям, ни себе? Не дает необходимого эффекта и скудная дотация, выделяемая государством на археологические раскопки. Ведь у нас даже самые редкие находки не имеют стоимости, горами пылясь на полках и на свалках, именуемых хранилищами и фондами. И это тогда, когда практически каждая древняя вещь должна иметь цену и свободно продаваться в государственный музей или частное собрание, давая средства на извлечение полноценной научной информации, свое сохранение и финансирование дальнейших изысканий. В нынешней же ситуации археологи не в состоянии поспеть за процессами, разрушающими историческую информацию. Им остается быть беспомощными свидетелями тракторно-бульдозерного буйства и мелких радостей «счастливчиков» там, где давно должны были бы стоять охранные щиты и простираться заповедные зоны (Сухум и Пицунда, Цебельда и Эшера) Куланурхва и Атара, множество других населенных пунктов, урочищ, полей и холмов).

Предлагаемая вниманию читателей книга написана в смутное время, когда история, в значительной степени утратив свое значение как субъект культуры, активно используется разномастными политиками в интересах перераспределения власти. Широкое хождение получили разнообразные варианты

отдельных разделов древней и средневековой истории Абхазии, построенные на выхваченных цитатах и откровенной подтасовке фактов. В этих условиях написание «Очерков истории Абхазии (до XIX века)» приобрело особую значимость. Сегодня народам Абхазии нужна правда о прошлом приютившей их земли. Но не «правда», декларируемая функционерами нашего времени, а та Правда, которую сохранили ~до наших дней вещественные и письменные свидетельства самих творцов этой истории. И автор стремился в своем повествовании следовать таким источникам в максимальной степени.

Рецензент: Бгажба О. Х.,
кандидат исторических наук.

Диоскуриада —
Себастополис — Цхум

* Книга Диоскуриада — Севастополис — Цхум впервые была опубликована в 1980 году в издательстве Наука, Москва.

Вместо предисловия

Передвижения всегда играли видную роль в истории человечества. Но, отдавая дань своей неумолимой тяге к перемене мест, люди постоянно искали и удобные пункты для остановки, для более или менее длительного обитания. Вот почему возникли первые стойбища, затем поселения, и, наконец, города.

Для путешествующих по морю такими пунктами были спокойные бухты, тихие гавани, где можно и от бури укрыться, и с корабля на берег сойти беспрепятственно, и на корабль доставить все необходимое.

2500 лет назад греки, отправившиеся на поиски новой родины, выбрали для основания города берега современной Сухумской бухты. Торговые пути связали вновь созданный город, с одной стороны, со множеством центров греческого мира, а с другой — с многочисленными племенами аборигенов, обитавших на южных склонах и в прибрежной части Западного Кавказа.

Прошли столетия, и на берегах Сухумской бухты появились иные иноземцы. Римлян в первую очередь интересовали ее стратегические достоинства: с одной стороны, удобство доставки войск, снаряжения и продовольствия, с другой — возможности для организации заслона на путях проникновения воинственных варваров, постоянно пробивавшихся через Кавказ к восточным провинциям Римской империи. И, конечно, перспективы торговли, ориентированной и на непосредственное окружение города, и на более далекие районы.

Новый расцвет город пережил в эпоху развитого средневековья, когда гостеприимная бухта опять привлекла внимание чужестранцев, преследовавших теперь уже почти исключительно торгово-экономические цели. Византийцы, а затем генуэзцы доставили ему славу богатейшего торгового центра. Позднее здесь возникла одна из наиболее значительных в Восточном Причерноморье турецких военно-морских баз.

Древняя и средневековая история Сухума — это на первый взгляд история пришельцев: греков, римлян, византийцев, генуэзцев и турок. Но лишь на первый взгляд. Весь окружающий мир — природа и люди — наложил на нее неизгладимый отпечаток. История пришельцев и история местных племен и народов, в первую очередь предков современных абхазов, тесно переплелись.

Ниже читателю представляется возможность шаг за шагом проследить 2500-летнюю историю Сухума. Археологические исследования на территории города и в его окрестностях только разворачиваются, большие трудности встречаются на пути трактовки тех или иных сообщений древних авторов, но то, что уже известно, раскопано, осмыслено, позволяет сделать ряд интересных выводов, приоткрыть еще одну страницу истории нашей Родины.

Введение Топография. Поиски. Гипотезы

Немного географии

2500 лет прошло с той поры, как на берегах современной Сухумской бухты возник город. И, хотя в славной его истории были века полного запустения и забвения, а волны морские размыли большую часть того, что погребла земля, все же сохранилось немало свидетельств его бывшего существования. Это и руины древних крепостных стен на городской набережной, и произведения древних ремесленников, которые можно увидеть в Абхазском государственном музее, и россыпи обломков древней посуды на распаханых вершинах окрестных холмов.

Но прежде, чем войти в малоизвестный большинству мир достопримечательностей Сухума (рис. 1), читателю будет, думаю, небезынтересно хотя бы в общих чертах познакомиться с географическими особенностями города и его окрестностей. Обзор местности логичнее всего начать с Сухумской крепости, вот уже 2 тыс. лет представляющей собой сердцевину города.

Крепость образует в плане квадрат, три стены которого и два бастиона по углам полностью сохранились, а четвертая (южная) стена отдельными обломками устилает полосу морского прибоя за парапетом набережной. Под асфальтом скрыты основания стен еще трех укреплений, фундаменты жилых и хозяйственных построек, печь для обжига керамических изделий и другие памятники позднеримского и ранневизантийского времени. Здесь же могила Келешбея Шервашидзе, последнего феодального владельца Абхазии.

Древние строители возводили все эти укрепления в наиболее тихом месте обширной бухты, лучшей во всем Восточном Причерноморье. С запада ее прикрывает глубоко выдающийся в море Сухумский мыс, сложенный наносами реки Гумисты. В бухту впадает несколько небольших рек, из которых наиболее крупные Беслетка (абх. Басла, Баслата) и Келасури. Южнее расположен Кодорский мыс, образованный наносами Кодора — крупнейшей реки Абхазии. Берега Сухумской бухты за пределами крепости представляют собой небольшую низменность, охватывающую к северу и востоку неширокую (1-1,5 км)

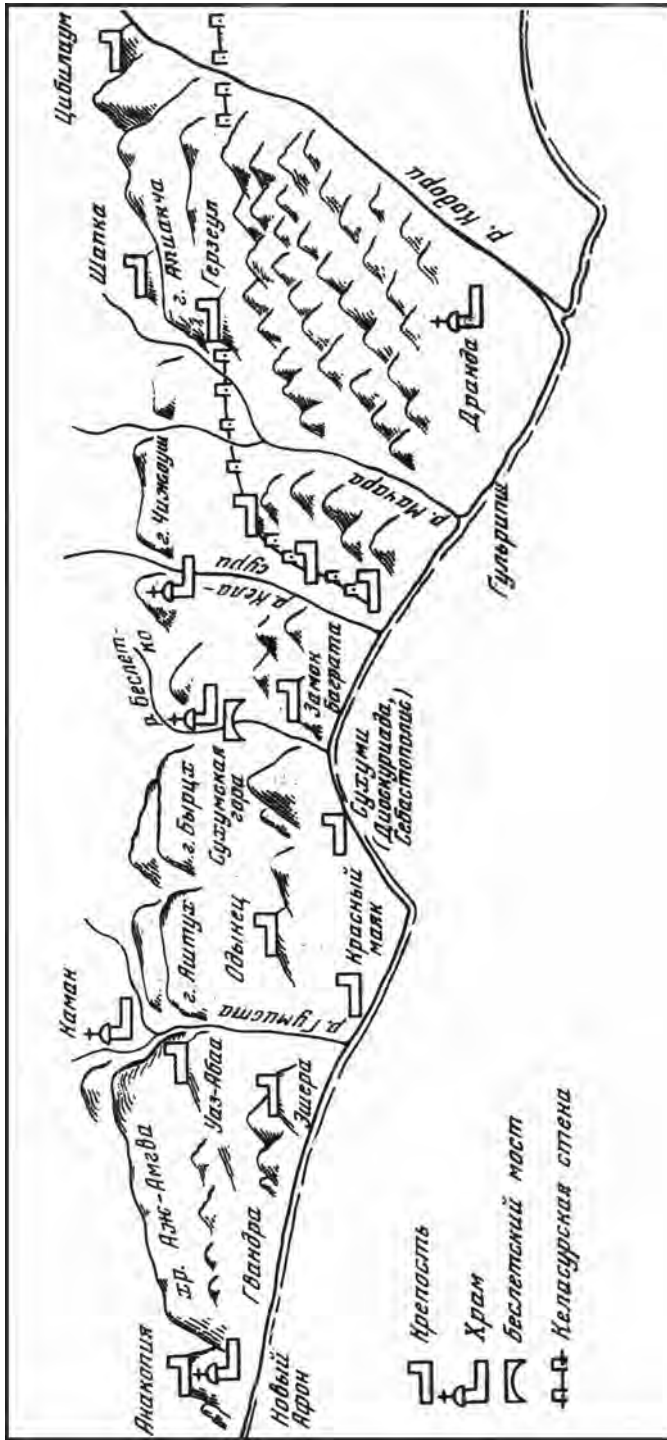

Рис. 1. Схема расположения основных исторических достопримечательностей в окрестностях Сухумской бухты

полосу суши, а на западе простирающуюся на 10 км до Нижней Эшеры, включая Сухумский мыс, где находится один из районов города, сформировавшийся на основе поселка Красный маяк. На территории поселка — древнее поселение и могильник, а рядом — развалины позднесредневековой Гумистинской крепости, известной также под названием Старый Сухум. Низменность окаймляют предгорья, образующие весьма прихотливый лабиринт холмов и ущелий.

С севера Сухумская низменность ограничена Лечкопским плато, где вырос теперь один из новых районов города. За ущельем реки Гнилушки (абх. Адзапш) следует гряда, на западной оконечности которой небольшое римское укрепление («башня Одынец»). На соседнем холме (гора Трапедия) стоит Институт экспериментальной патологии и терапии АМН СССР. Довольно глубокое ущелье с протекающей по дну его речкой Сухумкой (абх. Хакепсы) отделяет Трапедию от Сухумской горы, на вершине которой когда-то располагались древнее поселение и могильник, а на юго-восточном отроге — средневековый храм. За Сухумской горой скрыт холм Гуад-иху с одноименными могильником и поселениями бронзовой и античной эпох.

Юго-восточнее Сухумской горы, за ущельем Беслетки, начинается довольно сложная система параллельных хребтов. Первая гряда примечательна тем, что на ее ближайшей к морю возвышенности стоит средневековая крепость, известная под названием замок Баграта, а на наиболее удаленной от моря вершине находится поселение античной эпохи (Ахул-абаа). За ущельем безымянной речушки на территории сухумского дендропарка — еще одно поселение античного времени. Далее за ущельем реки Дзегуты тянется небольшой хребет, в юго-западной части которого на месте корпуса филиала института чая когда-то также существовало поселение. Затем идет водораздел рек Келасури и Мачары, где на вершинах ряда холмов (Капитановка, Александровка и др.) известны античные поселения, а параллельно Келасури от берега моря простирается Келасурская, или Великая абхазская стена, поворачивающая через ущелье Мачары к Кодору.

По хребту, образующему левый берег Мачары, открыто несколько поселений позднебронзовой и античной эпох (Мачара-2 и др.), средневековая крепость и храм. Юго-восточнее, до самого Кодора, раскинулась Гульрипшская возвышенность, рассеченная на ряд параллельных хребтов небольшими речками, берущими начало на окаймляющем с северо-востока возвышенность Герзеульском хребте. На юго-западной ее оконечности, на краю обрыва к Кодору, высится Драндский собор.

За массивами холмов, едва достигающих высоты 150—200 м над уровнем моря, — передовой хребет, разрезанный на отдельные вершины наиболее крупными реками — Гумистой, Беслеткой, Келасури, Мачарой и Кодором.

На западе, в районе Нового Афона, горы подступают вплотную к морю. Здесь расположены Анакопийская крепость, храм Симона Кананита и другие исторические достопримечательности. От Иверской и Афонской гор начинается хребет Аж-Амгва, который достигает ущелья реки Гумисты. На его южных

отрогах лежит село Верхняя Эшера с поселком Уаз-абаа, где находится интересная раннесредневековая крепость.

С севера город защищен горами Яштух и Бырцх, разделенными сухим ущельем, по которому когда-то текла река Восточная Гумиста, а теперь вьется дорога к поселку Каман со средневековым храмом у слияния Восточной и Западной Гумист. Древняя тропа ведет отсюда дальше к перевалу Доу, урочищу Псху и Санчарскому перевалу, выводящему на Северный Кавказ в верховьях Большой Лабы. У восточной подошвы горы Бырцх, омываемой рекой Беслеткой,— знаменитый каменный мост и развалины монастыря.

Известняковый хребет, поворачивая к югу тремя небольшими массивами (Чижоуш, Агыш и Апианча), пересекает пространство между Келасури и Кодором. За горами — знаменитая Цебельдинская долина с апсильскими крепостями и могильниками (Цибилуим, Шапка и др.), мимо которых проходит древний путь к Клухорскому и Марухскому перевалам и далее на Северный Кавказ.

Хорошо укрытая от морских бурь бухта, высокие горы, надежным заслоном ставшие на пути северных ветров, многоводные речки, густые леса, полные дичи, достаточно плодородная земля и удобные тропы, уводящие в глубь гор, издавна создавали исключительно благоприятные условия для жизни человека в этом, говоря словами одного древнего автора, отдаленнейшем уголке Причерноморья.

История поиска

Древности легендарной Диоскуриады, руины позднеантичных и средневековых укреплений и других построек на территории и в окрестностях Сухуми давно привлекают к себе внимание исследователей. Еще в 1712 г. здесь побывал французский путешественник де ля Мотрей, которому местные жители показывали несколько колонн, изуродованную голову статуи и какую-то «медаль» или монету с надписью «Диоскуриада». В 1833 г. по Абхазии путешествовал известный французский ученый Ф. Дюбуа де Монпере, который высказал мнение, что Диоскуриада располагалась в свое время не на берегах Сухумской бухты, а в 30 км восточнее, за мысом Скурча (он же Кодорский мыс).

Особенно много для изучения древностей Сухуми до революции сделал известный сухумский краевед В. И. Чернявский, который в результате многолетних поисков и наблюдений пришел к заключению, что Диоскуриада находилась на месте современного Сухуми и ее значительная часть погребена на дне Сухумской бухты. Свой вывод он основывал на том, что во время штормов на берег выбрасывалось большое количество древних предметов — монет, обломков посуды, украшений. Сбор этих вещей одно время превратился для некоторых предприимчивых кителей в настоящий промысел. «Желающий брал,— писал В. И. Чернявский,— билет от полиции с платою за него, кажется, 3-х рублей, без права, однако, тревожить цельный берег. После каждого сильного волнения моря, когда приводило в движение весь прибрежный щебень

и песок, а также отмывалась часть берега, целые толпы людей бродили по берегу и рылись руками в песке. Находились в изобилии ценные предметы. Здесь же... двое рабочих нашли золотую царскую корону»¹. Другой сухумский краевед, А. Н. Введенский, тогда же сообщал о находке украшения, состоявшего «из золотого круглого обруча толщиной в гусиное перо, с привесками»².

В 1886 г. в Сухуми проводил исследования археолог В. И. Сизов. Небольшие, но очень результативные его раскопки на берегах Сухумской бухты и совершенно безрезультатная разведка на Скурче подтвердили правильность выводов В. И. Чернявского о местоположении древнего города. В. И. Сизов сделал много и по изучению памятников средневекового Цхума. «Греко-римский Диоскурий (позднее Севастополис),—резюмировал свое исследование В. И. Сизов,—находился на северном побережье Сухумской бухты, на расстоянии, приблизительно, от сохранившейся древней крепости (т. н. «турецкой») до Ольгинской улицы (современная улица Пушкина.— Ю. В.) и, вероятно, еще далее к востоку. Судя по большому количеству найденных фрагментов от греческих сосудов на небольшом сравнительно пространстве, можно думать, что население этого места было значительное и давно поселившееся, притом чисто греческое... Что же касается до местности, лежащей на юг от Сухума, по другую, левую сторону Баслаты и близко от ее устья, где произведены были мои раскопки у казармы, то местность эта, включая сюда и замок Баграта и ближние ... террасы гор, принадлежит средневековому христианскому Сухуму...; он соответствует Цхуму грузинских летописей и Акуа — абхазцев»³. Эти выводы исследователя сохранили свое значение до сих пор. Средневековые памятники Сухуми и его окрестностей нашли отражение в работах и таких известных дореволюционных исследователей, как П. С. Уварова, Д. З. Бакрадзе, А. А. Миллер, М. И. Ростовцев.

В 20-х годах большую работу по изучению древностей города проделало Абхазское научное общество. В 1925 г. А. С. Башкиров проследил в развалинах Сухумской крепости три строительных слоя, которые отнес к позднеаримской, средневековой и эпохе османского владычества⁴.

Специальный труд проблеме локализации Диоскуриады посвятил М. М. Ивашенко. Основной его вывод свелся к мысли, что древний город тянулся «неширокой полосой по берегу моря на протяжении 1,5—2 километров по обе стороны р. Беслаты, причем часть его находится на дне Сухумской бухты»⁵.

¹ Чернявский В. И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. — В кн.: Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе. М., 1879, с. 15.

² Введенский А. Н. Замечания на записку В. Чернявского.— В кн.: Протоколы подготовительного комитета..., с. 126.

³ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии. — МАК, II, 1889, с. 19.

⁴ Башкиров А. С. Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года.— ИАНО, IV, 1926, с. 6—18.

⁵ Ивашенко М. М. О местонахождении Диоскурии древних— ИАНО, IV, 1926, с. 93— 103.

Вслед за этим М. М. Иващенко и Б. А. Куфтин обследовали поселения и могильники позднебронзовой и эллинистической эпох в Нижней Эшере (к западу от Сухуми).

В конце 30 — начале 40-х годов древним памятникам Сухуми много внимания уделил Л. Н. Соловьев, опубликовавший позднее большую статью, посвященную истории города с момента его основания в VI в. до н. э. и вплоть до начала XIX в.⁶

Особенно богатый материал по древней и средневековой истории Сухуми был обнаружен в 50-х годах нашего столетия, когда очень большую работу по исследованию античных и средневековых памятников Сухуми провел М. М. Трапш. В 1951 г. он совместно с А. Н. Каландадзе изучал поселение и могильник VIII—II вв. до н. э. на Сухумской горе, в 1952—1954 гг. — обширный могильник и поселение на холме Гуад-иху, в 1952 г. Трапш копал Сухумскую крепость, в 1954 г. открыл римскую башню и поселение эпохи Диоскуриады на северо-западной окраине Сухуми (участок «Одынец»), в 1954—1956 гг. исследовал античное и средневековое поселения в замке Баграта, в 1956—1959 гг. выявил поселения и полторы сотни захоронений VIII — II вв. до н. э. в поселке Красный маяк. Он же впервые опубликовал сведения о замечательной мраморной стеле конца V в. до н. э., найденной в 1952 г. вблизи устья реки Беслетки. Все эти материалы нашли отражение в ряде статей М. М. Трапша и в его исключительно ценной монографии «Древний Сухуми», увидевшей свет уже после смерти автора⁷.

В 1958—1959 гг. большой коллектив исследователей (А. М. Апакидзе, О. Д. Лордкипанидзе, В. А. Леквинадзе, М. М. Трапш, Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе) произвел раскопки римской крепости Севастополис, стены которой покоятся под асфальтом набережной Сухуми между современными улицами Орджоникидзе и Октябрьской. В результате был добыт огромный материал как о быте римского гарнизона в I—IV вв. н. э., так и об обитавших здесь ранее диоскурийцах.

А. М. Апакидзе и О. Д. Лордкипанидзе выделили на территории крепости шесть культурных слоев: нижний слой с единичными находками, относящимися к начальному периоду истории Диоскуриады V в. до н. э.; слой III—II вв. до н. э., характеризующий период экономического расцвета города эллинистического времени; слой I в. до н. э.— I в. н. э.— периода «упадка и кризиса городской жизни»; слой I в. н. э.— «периода оживления городской жизни»; слой II—III вв. н. э.— периода «расцвета городской жизни» и, наконец,

⁶ Соловьев Л. Н. Диоскурия—Севастополис — Цхум. — ТАГМ, I, 1947, с. 99—145; Он же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. — СА, XIX, 1950.

⁷ Трапш М. М. Древний Сухуми.—Тр. II. Сухуми, 1969, с. 1—373; см. также: Халиков А. Х. Первый археолог-абхазец М. М. Трапш и его библиография.— МАИА, 1971. с 5—10.

верхний слой, датированный IV—V вв. н. э., материал которого, по мнению исследователей, свидетельствует «об интенсивной экономической жизни в городах Северо-Восточного Причерноморья в период возникновения и расцвета Лазского (Эгрисского) царства»⁸.

М. М. Трапш в соседних раскопах проследил пять культурных горизонтов: нижний слой с остатками V — IV вв. до н. э.; перекрывающий его слой с находками III—I вв. до н. э.; слой конца I—II вв. н. э.; слой III—IV вв. н. э.; верхний слой с остатками IV—V вв. н. э. и опущенными в него средневековыми погребениями. Трапш датировал западное укрепление (крепость II) II—IV вв. н. э., восточное (крепость I) — концом III — V вв. н. э., а центральное (крепость III) — временем «не ранее конца IV в. н. э.»⁹.

Л. Н. Соловьев и Л. А. Шервашидзе отнесли постройку западного укрепления к I в. н. э., восточного — к I—II вв. н. э., контрфорсы восточного укрепления и крепость III — к IV в. н. э. По их наблюдениям, «нарастание темпа жизни» в крепости приходится на II—III вв., в «IV в. жизнь постепенно замирает, а к началу V в. укрепление... потеряло свое значение»¹⁰.

В. А. Леквинадзе восточное укрепление датирует I — III вв. н. э., западное — III—IV вв. н. э., а центральное — VI в. н. э.¹¹

Добытые в 50-х годах материалы по истории Диоскуриады — Севастополиса нашли затем отражение во многих работах как обобщающего, так и частного характера¹².

К концу 50-х — 60-м годам относятся и довольно многочисленные попытки обследования памятников Диоскуриады, находившихся, согласно предположениям, на дне Сухумской бухты (В. П. Пачулия и др.)¹³. Правда, ничего существенно нового по сравнению с наблюдениями В. И. Чернявского выявить не удалось.

⁸ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии — Севастополиса. — ТЛИ, XXXIII / XXXIV, 1963, с. 209—235.

⁹ Трапш М. М. Раскопки древнего Севастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. — ТАИ, XXXIII / XXXIV, 1963, с. 236—253.

¹⁰ Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Севастополиса. — СА, 1960, № 3, с. 171—179.

¹¹ Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса. — СА, 1966, № 1, с. 203—210.

¹² Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964; Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968; Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970; Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды. Тбилиси, 1962; Каухчишвили Т. С. Греческая надпись на сухумском светильнике. — ТАИ, XXVIII, 1957; Лордкипанидзе М. Н. Колхидские перстни-печати V—III вв. до н. э.: (Вопросы взаимоотношений с греческими мастерскими). Тбилиси, 1975; Пугуридзе Р. В. Краснолаковая керамика из Сухумской древней крепости. — МАГК, IV, 1965; Голенко К. В. Монеты из находок в Сухумской крепости (1952 г.). — ТАИ, XXXIII / XXXIV, 1963.

¹³ Пачулия В. П. В краю золотого руна. М., 1968, с. 12—23; Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взят том волнами. Сухуми, 1967, с. 5—64.

В последние годы активно изучалась сельскохозяйственная территория Диоскуриады — хора. Особенно в этом отношении показательны исследования Эшерского городища, начатые Г. К. Шамбой и автором настоящей работы в 1967 г. На городище выявлены слои VI—I вв. до н. э., впервые в Северной Колхиде встречена богатейшая коллекция привозных и местных греческих изделий, обнаружен внушительный комплекс оборонительных, жилых и общественных каменных сооружений¹⁴. Исключительно интересны остатки мастерских по производству различных керамических изделий, в том числе амфор с клеймом Диоскуриады, обнаруженные на восточной окраине Нового Афона (Гвандра), в Красном маяке, Эшере, Гульрипше и др. Очень важен материал, собранный и на многих других поселениях того же времени в окрестностях Сухуми (Лечкоп, Гуад-иху, Ахул-абаа, Александровка, Мерхеули, Цебельда и др.)¹⁵. История римского и византийского Себастополиса не мыслится теперь без замечательных открытий, сделанных в последние годы вдоль Военно-Сухумской дороги в окрестностях села Цебельды (историческая Апсилия)¹⁶.

В литературе, касающейся истории греческой Диоскуриады, по-разному решаются вопросы, связанные с ее социально-экономическим, культурным и этническим обликом. Некоторые исследователи полагают, что поселок городского типа возник здесь задолго до прихода греков¹⁷. При этом либо само название «Диоскуриада» трактуется на основе местного языка, либо считают, что город первоначально назывался по-местному — Эйя или Акуа, а затем греки переименовали его в Диоскурияду. Широко распространена точка зрения, согласно которой греческие поселения Колхиды представляли собой торговые фактории без собственной экономической базы¹⁸. Говорят и о том, что, хотя Диоскуриада и иные города Восточного Причерноморья и родились одновременно с приходом сюда греков, они с самого начала имели смешанное население¹⁹.

¹⁴ Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище. — СА, 1972, № 1, с. 103—121; Шамба Г. К. О раскопках в 1974 г. на Эшерском городище. Полевые археологические исследования в 1974 году. (Краткие сообщения). Тбилиси, 1976, с. 107—108; Он же. Эшерское городище и некоторые вопросы истории Диоскурии. — В кн.: Тезисы докл. XIV Международной конф. античников соц. стран. Ереван, 1976, с. 490—491; Он же. Работы в низовьях Гумисты в Абхазии. — АО 1975 года. М., 1976, с. 495—496.

¹⁵ Воронов Ю. П. Археологическая карта Абхазии. Сухуми 1969, с. 50-63; Он же. К изучению керамического производства Диоскуриады. — СА, 1977, № 2. с. 162—171.

¹⁶ Трапш М. М. Культура Цебельдинских некрополей. — Тр. III. Тбилиси, 1971, с. 1—255; Шамба Г. К. Ахачхарху — могильник нагорной Абхазии. Сухуми, 1970, с. 3—52; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 1—160.

¹⁷ Ломоури Н. Ю. К вопросу о греческой колонизации побережья Колхиды. — В кн. Античное общество: (Тр. конф. по изуч. проблем античности). М., 1967, с. 169—170; Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 217.

¹⁸ Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида, с. 160.

¹⁹ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды, с. 143.

Ссылаясь на возможность существования в Колхиде мощного местного царства, некоторые исследователи утверждают, что это царство препятствовало возникновению в Колхиде греческих полисов, и города Колхиды (в том числе Диоскуриада) были на всем протяжении существования не греческими, а колхскими²⁰. И, наконец, ряд ученых высказывает мнение, что Диоскуриада, как и другие города Восточного Причерноморья, являлась продуктом греческой колонизации и по своему облику на протяжении столетий существенно не отличалась от других греческих городов Причерноморья, обладая собственной экономической базой и органами самоуправления²¹.

Город и море

В литературе утвердилось мнение, что «остатки основной части древнего города (Диоскуриады.— Ю. В.) находятся на дне Сухумской бухты, а на территории современного Сухуми располагались лишь его окраины»²². Представление о Диоскуриаде как о «городе, взятом волнами», сложилось в последнее столетие на основании визуальных наблюдений над режимом Сухумской бухты. В течение этого времени в воображении людей рисуются на дне морском развалины храмов и дворцов, поросшие водорослями улицы некогда шумного торгового города. И десятки любителей подводной археологии тщетно пытаются прикоснуться к древним руинам. Их нет, и взамен рождаются теории, уносящие город на недостижимые для аквалангистов глубины Сухумской бухты.

Древнейшее сообщение о наступлении моря в Сухумской бухте скорее всего может быть датировано XVII столетием, когда итальянский миссионер Арканджело Ламберти сделал в своих записях пометку: «пятое аббатство было Севастопольское, которое теперь поглощено водой»²³.

Любопытные данные о наступлении моря в районе Сухумской крепости в середине и во второй половине XIX в. содержатся в работах В. И. Чернявского, Р. Пренделя, А. А. Миллера и других исследователей. В 1877 г. В. И. Чернявский писал: «Все развалины, находящиеся теперь на дне бухты, еще недавно были под наносами: старожилы абхазцы еще помнят посевы кукурузы на месте якорной стоянки пароходов... Движение моря на берега происходит теперь очень быстро; ежегодно отымалось от одного до двух саженой берега перед городом. От широкого бульвара в 1867 г. на моих глазах ушла половина.

²⁰ Ломоури Н. Ю. Греческая колонизация побережья Колхиды, с. 61.

²¹ Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении.- В кн.: Античный город. М. 1963, с. 155; Воронов Ю. Н. Античный мир и Северная Колхида.- В кн.: Тезисы докл. XIV Международной конф. антич. ников соц. стран. Ереван, 1976, с. 77.

²² Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 212.

²³ Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией.- СМОНПК, 43, 1913, с. 129.

Одна морская буря отнимала иногда до двух аршин. Любой житель Сухума помнит постройки на местах, отнятых морем в последние 10-15 лет. Указывают стрельбища впереди крепости, подмытые теперь морем, отстоявшие от них при русском уже владычестве на ружейный выстрел»²⁴.

Не менее определенно и сообщение А. А. Миллера (1907 г.): «Постепенное опускание берега в Сухуме действительно наблюдается, и факт этот можно считать установленным. Местные жители хорошо знают, насколько быстро поглощался берег водой. Еще 100 лет назад в Сухуме стреляли из пистолетов в цель от моря к крепости, теперь же море подмыло крепостную стену настолько, что она целиком обрушилась в воду»²⁵.

Таким образом, оба автора указывают на существование перед Сухумской крепостью, во всяком случае во второй четверти XIX в., довольно широкой береговой полосы. Эти и подобные им сообщения, несомненно, очень интересны, поскольку они в той или иной мере отражают какие-то реальные явления, имевшие место в XIX столетии. Однако, как оказывается, действительность предстает несколько иной, чем в рассказах сухумских старожилов.

В приведенных выше сообщениях В. И. Чернявского и писавшего под непосредственным впечатлением бесед с ним А. А. Миллера можно усмотреть ряд неточностей. Так, например, согласно лояциям капитана Монганари, в 30-40-х годах XIX столетия развалы древних стен занимали на дне бухты такую же позицию по отношению к Сухумской крепости, как и в 1876 г. (об этом ниже), не оставляя, таким образом, места для кукурузных посевов между крепостью и морем. О том же, что в начале XIX в. могли стрелять «из пистолетов в цель от моря к крепости» не иначе как с лодки, свидетельствует план крепости, относящийся к 1812 г.

Южная куртина крепости в момент ее сооружения (не позже 1724 г.), по всей вероятности, находилась на определенном расстоянии от берега (10—20 м), размытого прибоем в XVIII в. В 1907 г. она вовсе не «целиком обрушилась в воду», как пишет А. А. Миллер, а лишь кое-где, благополучно простояв до середины 50-х годов нашего столетия. (До сегодняшнего дня сохранилась юго-западная башня — на ней теперь построен ресторан «Диоскурия»). Как видим, советский исследователь берегов Черного моря В. П. Зенкович, опиравшийся, правда, совершенно на другие факты, совершенно прав, когда писал, что «придется заподозрить В. И. Чернявского в довольно сильном преувеличении»²⁶.

²⁴ Чернявский В. И. Из исследований в Юго-Западном Закавказье. II. Доказательство колебаний западного побережья Кавказа в течение исторических времен: Следы городов, погребенных в наносах. — ЖОИРГО, XIII, 1877. с. 28.

²⁵ Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г.-ИАК, 33, 1909, с. 73.

²⁶ Зенкович В. П. Берега Черного и Азовского морей. М, 1958, с. 323.

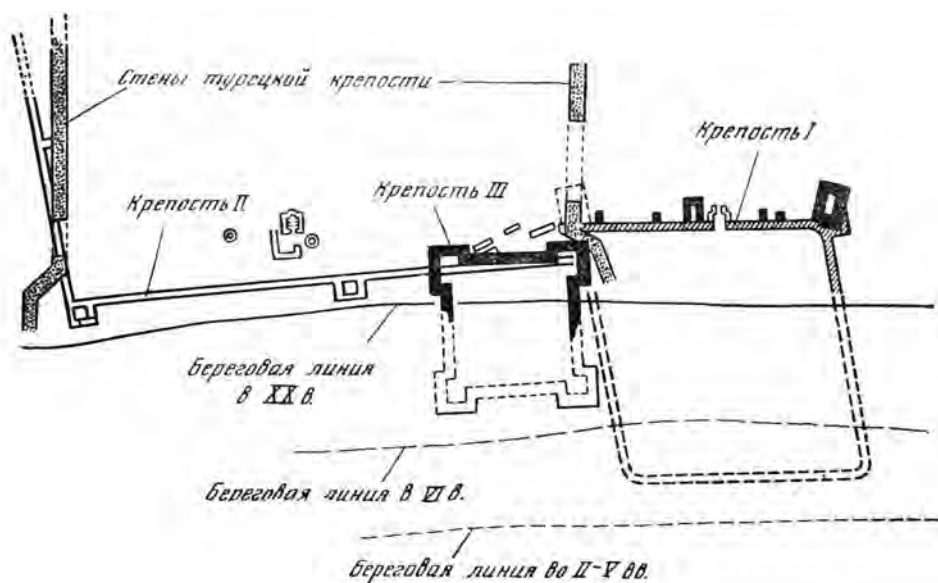

Рис. 2. План комплекса сооружений Севастополиса на Сухумской набережной II—VI вв.

Общее представление о пространстве, занятом морем в районе Сухумской крепости за последние 2 тыс. лет, дает расположение остатков сева­стопольских укреплений I и III, которые имели скорее всего квадратную в плане форму. Тот факт, что северные стены обеих крепостей сохранились полностью (их длина соответственно 80 и 45 м), а сами крепости в момент своего строи­тельства не могли отстоять от берега дальше, чем на 20—30 м, позволяет с достаточной точностью определить ширину полосы, занятой морем пример­но за 1,5 тыс. лет, в 70-90 м (рис. 2), причем полоса периодически в какой-то своей части, вероятно, восстанавливалась, как это имело, возможно, место во второй четверти XIX в. В то же время следует отметить, что, судя по исследо­ванным напластованиям Севастополиса, море ни разу не затопляло уцелев­шую территорию крепости, иначе здесь обязательно были бы отмечены прослойки ила, песка и гравия.

Наши наблюдения полностью согласуются с данными В. И. Чернявского, который писал: «Летом 1876-го года... я исследовал... на дне побережья Сухум­ской бухты, до глубины 4-х-6-ти метров... не только целые ряды остатков дре­них стен, выдающихся местами почти до поверхности моря на расстоянии сажень до 30—50 от берега, но также иззубренные волнами стены древнего замка, поднимающиеся еще с глубины около 6-ти метров настолько, что я мог, поддерживаемый плавательным снаря­дом, обходить вокруг по пояс и местами по шею в воде. Замок имеет два сомкнутых отделения, одно совершенно круглой формы, другое — четырехугольной; последнее более разрушено.

Лежат они перед Сухумской крепостью против конца юго-западной трети длины ее фасада...»²⁷.

О значительных передвижениях береговой линии в восточной части Сухумской бухты, в районе устья Беслетки, В. И. Чернявский сообщал: «На огромном расстоянии от берега рыбаки давно производят соби́рание устриц и мидий руками со стен огромной башни, выдающейся с глубины около 10 м, башня эта не доходит метра на 3 до поверхности». Здесь же, восточнее устья Беслетки, метрах в 60 от берега, на глубине 6 м, В. И. Вишне́вский и Л. А. Шервашидзе видели в 1957 и 1962 гг. круглую башню, сложенную из булыжника с прослойками кирпича на известковом растворе²⁸.

Неоднократно проводившиеся с тех пор подробнейшие съемки дна бухты ни разу не обнаружили там даже крупных подводных камней. Около 20 морских разрезов, осуществленных геологом А. В. Живаго с помощью водолазных спусков и со взятием грунтовых проб, также не выявили древних остатков. Аналогичные результаты были получены и при бурении дна Сухумской бухты, осуществленном перед началом строительства новой пристани. Автор этой книги в 1966 г. участвовал в обследовании дна бухты восточнее устья Беслетки. Никаких сооружений в пределах 200 м от берега найти не удалось, хотя, тщательность поиска, проведенного аквалангистами Института океанографии АН СССР и Сухумской морской станции, не может подвергаться сомнению (были собраны мелкие предметы, вплоть до пуговиц)²⁹.

О наступлении моря на западной окраине Сухуми достаточно красноречиво говорят развалины Гумистинской крепости. В 1886 г. здесь еще находилась крепость размером в плане 130X100 м с хорошо сохранившимися внутренними постройками. В настоящее время ее ширина сократилась до 10 м. Таким образом, если с XVII в., когда, по-видимому, была построена крепость, до 1886 г. море разрушило лишь приморскую стену и углубилось за нее максимум на 20–25 м, то за последние 90 лет море продвинулось в глубь материка почти на 70 м. План крепости, сделанный художником В. С. Орелкиным в середине 50–х годов текущего столетия, содержит еще указания на остатки внутренних построек, подмывавшихся морем в 1886 г. Таким образом, фаза наиболее интенсивного наступления моря в районе Гумистинской крепости началась около 15 лет назад, а причиной тому послужила выборка строительного материала (песок, гравий) из русла реки Гумисты. Культурный слой крепости прослеживается на 1—1,5 м выше уровня моря в бровке глинистого берегового уступа,

²⁷ Чернявский В. И. Из исследований в Юго-Западном Закавказье, с. 25.

²⁸ Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами, с. 23—24.

²⁹ Воронов Ю. Н. О динамике берегов Сухумской бухты в исторические времена (в связи с проблемой локализации Диоскуриады).— В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми, 1974, с. 29.

что подчеркивает не тектонический, а абразионный (в результате действия прибоев) характер разрушения крепости.

И, наконец, Приморская башня Келасурской стены (рис. 3). Эта башня является первой в цепи 270 башен Келасурской, или Великой абхазской, стены (тянувшейся на 60 км по холмам и ущельям до города Ткварчели), построенной в XVII в., в период 30-летней абхазо-мегрельской войны, царем Мегрелии Леваном II Дадиани³⁰.

27 июня 1896 г. газета «Черноморский вестник», по-видимому со слов В. И. Чернявского, сообщала, что «благодаря наводнению р. Келасури впереди Приморской башни из-под морского песка обнаружилась целая крепость». В 1936 г. в результате шторма здесь снова были открыты «беспорядочные остатки каменных стен». Как убедительно показал Л. Н. Соловьев, остатки представляли собой «всего лишь подмытые морем и упавшие стены той же Приморской башни, позже восстановленной в меньшем размере»³¹. Следовательно, береговая линия восточнее устья Келасури в последние 300 лет вообще не претерпела заметных изменений. Лишь во время наиболее сильных штормов волны подходили к подножью Приморской башни, но затем снова возвращались к своему прежнему уровню. Все разрушения вызваны прибоем, действие которого усилилось в результате интенсивной выборки материала из устья реки Келасури.

Существует несколько гипотез, с помощью которых исследователи стремятся так или иначе обосновать локализацию руин Диоскуриады глубоко на дне Сухумской бухты. В основе гибели древнего города, в частности, видят: а) глубиннооползневые и гидроэвстатические (повышение уровня моря) явления (В. И. Чернявский, Р. Прендель, В. А. Иваницкий и др.); б) гигантский сброс (Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев); в) якобы недавнее перемещение устья реки Гумисты от района устья Беслетки и образование на этой основе Сухумской бухты (В. И. Чернявский, Л. Н. Соловьев, Л. А. Шервашидзе, М. М. Трапш и др.).

Гипотеза об оползне, рассмотренная в последнее время в ряде специальных работ, не находит подтверждения³². Берега Сухумской бухты образуют горизонтальные прослойки без наклона в сторону моря. Будь здесь значительные оползни, они должны были бы перекрыть довольно мощным слоем строения города и разрушить их, сохранив одновременно древние остатки в накоплениях дна бухты. Данные же многочисленных буровых скважин указывают, что дно всюду однородно — под слоем воды прослеживаются 1—2 м ила, затем до глубины 8—9 м — довольно крупнозернистый песок без всяких культурных остатков, далее на 3—4 м снова ил, а ниже опять песок с галькой.

³⁰ Воронов Ю. Н. Келасурская стена.—СА, 1973, № 2, с. 98—115.

³¹ Соловьев Л. Н. Диоскурия — Севастополь — Цхум, с. 137.

³² Лашхия Ш. В. О современных изменениях береговой линии Абхазии.— ИАН СССР. Сер. геол., 1956, № 12, с. 21—28.

Сторонники второй гипотезы обычно ссылаются на наклон в глубину берега северных стен первой и третьей крепостей Себастополиса. Однако тот факт, что западное укрепление (крепость II) не имеет наклона, должен свидетельствовать не об общем сбросе почвы, а лишь о сугубо локальных процессах, вызванных неустойчивостью фундаментов двух крепостей, возведенных на вязком и пластичном грунте, подстилаемом здесь торфяными линзами. Устойчивость стен западного укрепления легко объясняется тем, что его строители, учтя недостатки крепости I, предусмотрительно укрепили почву сваями и известковой подсыпкой. Причину же того, что пристроенные позже контрфорсы не смогли приостановить падение стены крепости I, следует видеть лишь в несовершенстве конструкции самих контрфорсов, фундаменты которых были заложены на метр выше, чем фундаменты самой крепости, — вместо того, чтобы поддерживать стену, пристройки увеличили ее тяжесть.

Третья гипотеза основана на высказанной еще В. И. Чернявским мысли, что река Восточная Гумиста в античный период впадала в море на месте нынешней Сухумской бухты, которая якобы появилась лишь на рубеже новой эры в результате тектонических горообразовательных процессов, направивших Гумисту в ее нынешнее русло³³; в качестве косвенного доказательства ссылаются на заболоченность западной окраины Сухуми. Но: а) согласно имеющимся в распоряжении геологов материалам, Сухумская бухта сформировалась в доисторические времена (1,5—2 млн. лет назад), после того как Восточная Гумиста оставила свое старое русло между горами Яштух и Бырцх и слилась с Западной Гумистой; б) углубленность русла реки Гумисты в приустьевой зоне указывает на ее функционирование в современном ложе уже многие сотни тысяч лет; в) нет реальных признаков того, что в античную эпоху существовало русло сколько-нибудь значительной реки у подножья Лечкопского плато; г) заболоченность западной окраины Сухуми вызвана сочетанием характерных для прибрежной низменности мощных отложений синевато-серых глин, затрудняющих фильтрацию дождевых вод в глубину почвы, и берегового вала, препятствующего их стоку в море, а также подпором морских вод; д) галечные наносы, слагающие Сухумский мыс, служили основой для прибрежных поселений уже в эпоху бронзы, задолго до появления греческой Диоскуриады на месте современного города Сухуми.

Затопление древних памятников в Сухумской бухте и ее окрестностях связывается и с новейшими тектоническими процессами — опусканием прибрежной зоны, а также ставшим особенно в последние годы заметным поднятием уровня Черного моря. Таким образом, при условии равномерности и необратимости этих процессов береговая кромка античного времени должна

³³ Шервашидзе Л. А. Повесть о городе, взятом волнами, с. 28—31.

была бы опуститься глубоко в морскую пучину. Однако древние остатки в Сухумской бухте обычно обнаруживаются не глубже 5—10 м и притом только в переотложенном виде. Исследователи объясняют данное обстоятельство тем, что основная зона погружения проходит не по самому берегу, а где-то вблизи. И действительно, зондажи в прибрежной зоне на всем пространстве от Сухумской крепости до устья Беслетки показывают, что остатки времени Диоскуриады здесь залегают поверх синих глин, уровень которых нигде не опускается ниже уровня моря больше, чем на 0,5 м. Выразителен и тот факт, что подошвы всех фундаментов укреплений Севастополиса и теперь находятся выше уровня моря. Остатки стен на дне моря не образуют стройной системы, связанной с подстилающим грунтом, а разбросаны отдельными блоками на большом пространстве, лишь в самых общих чертах следуя былой линии стен. Следовательно, в основе разрушения Севастополиса нужно видеть, на наш взгляд, в первую очередь не опускание берега или поднятие уровня моря, а действие прибою (абразию).

Об абразионном характере разрушения прибрежных кварталов Диоскуриады свидетельствуют и материалы, выбрасывавшиеся прибоем во время наиболее интенсивной наступательной фазы — в третьей четверти XIX в., когда сбор оставшихся после штормов вдоль пляжа древностей превратился в настоящий промысел. В этом отношении наиболее важным является то, что с постройкой в 1898 г. сухумской набережной, приостановившей разрушение берега, прекратились и находки монет и других древних изделий, поступавших, следовательно, на пляж непосредственно из содержавших эти предметы разрушаемых волнами участков берега, а не с морского дна.

Динамика берегов Сухумской бухты находится в тесной зависимости от волнового режима, направляющего наносы гравия и песка. Нарушение режима приводит к значительным изменениям контура бухты. Так случилось в 1942 г., когда в вершине рейда Сухумской бухты были затоплены крупный железобетонный док и танкер «Эмба». Возникшая «волновая тень» легла на восточную часть берега бухты (рис. 3), а поступавший прежде с запада в бухту поток гальки образовал юго-западнее устья реки Гнилушки обширную косу. Последующее преобладание восточных волн привело к интенсивному разрушению берега восточнее устья Беслетки, где море, захватив полосу суши шириной до 50 м, подошло вплотную к железнодорожному полотну³⁴. Это обстоятельство и способствовало обнаружению в 1952 г. знаменитой теперь сухумской стелы (вблизи устья упомянутой реки, в 6 м от берега на глубине 2 м, т. е. там, где еще совсем недавно находилась береговая полоса). Это обстоятельство объясняет и отличную сохранность стелы, которая, таким образом, никак не может

³⁴ Зенкович В. А. Берега Черного и Азовского морей, с. 322—323.

Рис. 3. Схема расположения древних памятников на берегах Сухумской бухты (стрелками обозначены основные направления размыва берега морем)

являться свидетельством существования на дне Сухумской бухты каких-то реальных развалин Диоскуриады.

Все сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод, что со времени основания Диоскуриады (VI в. до н. э.) сколько-нибудь значительных изменений в конфигурации Сухумской бухты не произошло. Ширина полосы, отнятой за последние 2 тыс. лет морским прибоем у суши, не превышает 100 м. Эта полоса и занимавшая ее часть древней Диоскуриады погибли полностью и безвозвратно. Любая вещь, будь то камень, керамика или металл, попадая в полосу морского прибоя, в течение нескольких лет неизбежно стирается в порошок и иловыми наносами укладывается на дно. Следовательно, от тех участков древнего города, которые поглощены морем, ждать в исследовательском отношении уже нечего. Зато очень интересные материалы ждут ученых в той части Диоскуриады, которую еще не размывли волны. Где же находятся эти сохранившиеся кварталы города?

Как показывает топография археологических находок V—I вв. до н. э., единственно подходящим местом для локализации крупного эллинского населенного пункта на территории Сухуми может считаться район к западу от устья Беслетки. Именно здесь неоднократно зондажами установлено существование достаточно мощного культурного слоя с обильной чернолаковой керамикой и другими предметами эпохи греческой колонизации. Особенно замечательны результаты исследований В. И. Сизова в 1886 г. на бывшей Ольгинской улице в районе сквера Руставели. По поводу характера сделанных им находок В. И. Сизов писал: «Вообще нижний слой

канавы по обилию найденных в ней фрагментов греческих сосудов можно сравнить только с насыпанными частями горы Митридата в Керчи»³⁵. Тогда же удалось проследить и остатки каменных фундаментов античного времени. Впоследствии слои времени Диоскуриады были отмечены во многих других пунктах города — от крепости до левобережья Беслетки по берегу и на 200—500 м в глубь суши.

В марте 1977 г. при строительных работах на месте бывшего кинотеатра «Апсны» (улица Ленина) на глубине около 1,5 м были обнаружены обломки древней посуды, залегавшие плотным полуметровым слоем. Автору вместе с Г. К. Шамбой удалось провести раскопки и собрать несколько сот фрагментов амфор, чернолаковой посуды и Других изделий конца V—III в. до н. э. Наиболее интересной является терракотовая статуэтка древнегреческой богини плодородия, сидящей на троне. Подобные статуэтки найдены при раскопках других античных городов Причерноморья, но в Диоскуриаде находка такого рода — первая.

Летом того же года проводилось исследование траншеи коллектора, проложенной по проспекту Руставели между улицами Октябрьской и Калинина. Здесь, по всей 500-метровой длине был открыт слой остатков IV—I вв. до н. э., причем наиболее насыщенным он оказался на участке между улицами Ленина и Пушкина. В нескольких местах траншея пересекла древние стены, сложенные из тесанных известняковых блоков на растворе и без него. В одной из стен (между улицами Энгельса и Церетели) находилась часть известняковой колонны, по-видимому, от храма, некогда украшавшего Диоскуриаду. Все эти находки позволяют с достаточной точностью очертить границы значительного (площадью свыше 10 га) поселения, ждущего своих исследователей.

³⁵ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря, с. 17.

Глава 1. Город близнецов Диоскуров

Страна генихов

Не по доброй воле расселились греки по всему средиземноморскому миру от Испании до Колхиды. Греческая колонизация носила вынужденный характер, обусловленный в первую очередь закономерностями внутреннего развития древнегреческого общества. Вместе с тем выбор места для основания колоний вряд ли был случаен. Соответствующими лицами заранее собирались сведения, отражающие географическую, экономическую и политическую обстановку в избранном пункте. По меткому выражению известного римского оратора Цицерона, греческие города на периферии античного мира представляли собой как бы каемку, подшитую к обширной ткани варварских полей. Какие же сведения о качестве этой «ткани» могли получить древнегреческие разведчики в районе будущей своей колонии Диоскуриады? Судить о них можно как по высказываниям, сохранившимся у античных авторов, так и по данным археологии.

Римский географ I в. н. э. Помпоний Мела (I, 111), опиравшийся на очень древние, по-видимому еще ионийские, источники, оставил указание, что Диоскуриада находилась в земле генихов. В таком же этническом окружении, согласно сообщению Аристотеля, возник и другой крупный древнегреческий город Колхиды — Фасис. Топонимы, связанные с генихами были широко распространены в античную эпоху по Западному Кавказу от нынешнего Сочинского района до верховьев Куры и Аракса¹. В античных литературных источниках можно выделить две группы сведений о ранних генихах — сведения мифологического характера и сведения, отражающие культурный и социальный облик этих племен. В переводе с древнегреческого «гениох» означает «возница, возчик». Как и в ряде других случаев, в названии «гениох» следует видеть скорее

¹ Воронов Ю. Н. Материальная культура генихийских племен в У1-1 вв. до н. э.— В кн.: Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии. Сухуми, 1974, с. 74—75.

всего греческую этимологизацию какого-то местного наименования, отразившегося, возможно, еще в урартских источниках в форме «иганиехи». Эллинизованное имя гениохов в греческой мифологии было тесно связано с мифическими братьями Диоскурами — Кастором и Поллуксом. Так, Страбон (XI, 2, 12) сообщает: «Рассказывают, будто... заселили Гениохию лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название...».

Как полагают исследователи, выведение гениохов из Пелопоннеса относится к северопричерноморской версии мифа об аргонавтах, родившейся под впечатлением колонизации берегов Боспора и Северного Кавказа. Римский ученый Плиний Старший (Естественная история, VI, 16) пишет, что город Диоскуриада «был основан возницами Кастора и Поллукса Амфием и Телехием, от которых по известиям, почти вполне достоверным, ведет свое происхождение племя гениохов». Кай Юлий Солин (XV, 17) предлагает другой вариант: «Город Диоскуриаду основали возницы Кастора и Поллукса Амфий и Керкий, от которых произошло племя гениохов».

Наличие нескольких версий мифа о гениохах, отличающихся главным образом именами возниц Диоскуров, свидетельствует о том, что миф разрабатывался в разных центрах и фигурировал в нескольких, друг от друга независимых исторических и географических произведениях. Для нас важно то обстоятельство, что всюду гениохи связывались в первую очередь с Диоскуриадой и с ее полубожественными покровителями.

Мифологическая окраска сведений о местном этническом окружении Диоскуриады в значительной мере объясняется ее удаленностью от греческой метрополии. Об этом говорят многие древние авторы. Например, Страбон (XI, 2, 16): «Так как Диоскуриада лежит в таком заливе и занимает самый восточный пункт всего моря, то она называется уголком Евксина и пределом плавания».

Аристотель (Политика, VIII, 3, 4) сообщает, что гениохи склонны к убийству и людоедству и ведут разбойничий образ жизни. Сенека упоминает гениоха, живущего «на крутой скале негостеприимного Кавказа». Дикими и необразованными называет гениохов Помпоний Мела (I, 110). Таковы же и сведения Страбона (X, 5, 6) о племенах, проживавших вблизи Диоскуриады: «Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаются... звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком». Эти и подобные высказывания античных авторов свидетельствуют в первую очередь о господстве у гениохов первобытнообщинных отношений и о присущей им политической раздробленности. О том же говорят и данные археологии.

Но сведения о «дикости» гениохов, сообщаемые античными авторами, видимо, несколько преувеличены.

В начале I тыс. до н. э. население Северной Колхиды составляли носители замечательной позднебронзовой культуры, получившей в литературе название колхидской или колхидско-кобанской. Это и были те племена гениохов, с кото-

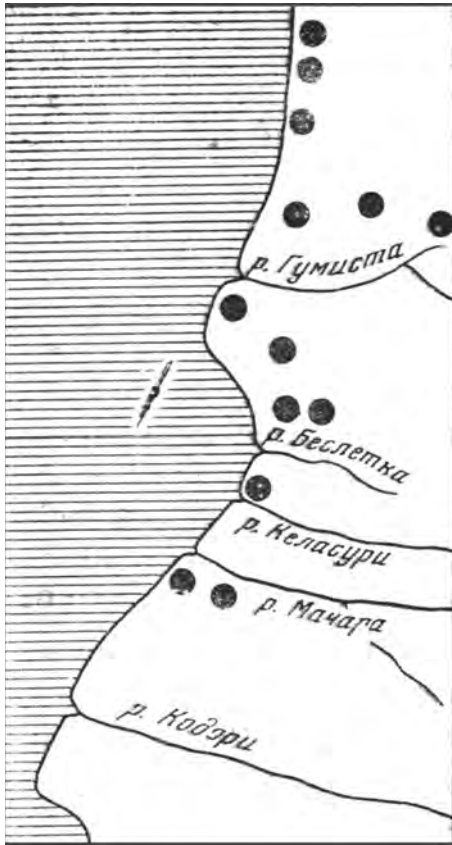

Рис. 4. Схема размещения поселений колхидской культуры в окрестностях Сухуми (обозначены кружками) VIII — начала VI в. до н. э.

Попробуем разобратсь, присмотревшись повнимательнее к облику ранних поселений в районе будущей сельскохозяйственной округи Диоскуриады (рис. 4)³.

Между Новым Афоном и поселком Нижняя Эшера, на протяжении 10 км, известны остатки трех прибрежных поселений первой половины I тыс. до н. э.

рыми пришлось встретиться грекам в их первых путешествиях вдоль восточно-причерноморских берегов еще в VII в. до н. э. Сохранились интересные сведения о фрагментах греческой посуды конца VII в. до н. э., найденных в 30-х годах нашего столетия на западной окраине современного Сухуми в поселке Красный маяк и связанных, возможно, с первыми, еще чисто торговыми контактами греков с местным населением.

Существует мнение, о чем мы уже упоминали, что город на месте будущей Диоскуриады появился задолго до прихода сюда греков. При этом обычно ссылаются на то обстоятельство, что предпосылки для возникновения городской жизни на берегах Сухумской бухты созрели уже в конце II — начале I тыс. до н. э., когда развитие ремесел привело к оживлению обмена между проживающими здесь племенами. На основании такого положения и обнаруженных остатков VIII — первой половины VI вв. до н. э. на территории Сухуми и в его окрестностях делается вывод, что здесь в указанный период существовал крупный населенный пункт городского типа². Попробуем разобратсь, присмотрев-

² Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966, с. 63—64; Трапш М. М. Древний Сухуми.—Тр. II. Сухуми, 1969, с. 217.

³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, с. 133—192; Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии.—СА, XIV, 1950, с. 265-286; Калан-дадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, с. 83—87; Лукин А. Л. Эшерская находка. —ТАИ, XXVII, 1956, с. 126-177; Бжания В. В. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии.— СА, 1966, № 1, с. 113—126; Трапш М. М. Древний Сухуми.— Тр. II. Сухуми, 1969, с. 13—208; Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 27—36.

Два из них характеризуются пока почти исключительно посудой с отпечатками ткани на поверхности («текстильная» керамика). Они могут быть связаны с добычей соли (Новый Афон и Шицкуара). Третье отличается более широким ассортиментом глиняной посуды, указывающим на существование здесь небольшого древнего поселка из нескольких более или менее компактно расставленных деревянных хижин (Гвандра).

В селе Нижняя Эшера, расположенном в 10 км от Сухуми, обнаружена довольно обширная (до 0,3 га) площадь культурных остатков VIII — первой половины VI в. до н. э. Здесь найдены обломки пифосов — больших хозяйственных сосудов для хранения продуктов, кувшинов с ручками, оформленными роговидными выступами, горшков, котловидных сосудов, отдельные фрагменты «текстильной керамики», каменные грузила, терочки и др. На северной периферии поселения располагался родовой могильник, где раскопано несколько захоронений в крупных глиняных сосудах-оссуариях.

Очень интересен обряд этих захоронений, который восходит, по-видимому, еще к среднебронзовой эпохе, когда на территории Северо-Западной и Центральной Абхазии процветала дольменная культура. Полагают, что трупы выдерживали в каком-то определенном месте (священной роще?) до тех пор, пока они полностью не истлевали, после чего крупные кости и череп (последний, по представлениям древних, вероятно, являлся вместилищем души) хоронили на родовом кладбище в глиняном сосуде.

В одной из погребений археологи обнаружили бронзовые топор, кинжал, более 30 бусин, несколько бронзовых наконечников копий и один железный, оловянную гривну. Весь корпус оссуария был украшен полосами орнамента и наклепными рантами, отделанными зубчатым штампом. В другом захоронении лежали бронзовые топор на рукояти, наконечники копий, кинжалы, пояс, пектораль — нагрудное украшение (рис. 5, 18), браслеты, конусовидные бляхи, украшенные фигурками животных, до 40 бронзовых и сердоликовых бусин и т. д.

О существовании еще одного поселения той эпохи на территории села Верхняя Эшера говорит довольно богатое захоронение III в. до н. э. (выше Новороссийско-Батумского шоссе). Здесь найдены бронзовые кинжал с литой фигурной рукоятью (рис. 5, 15), пояс, великолепные многоярусные подвязки и головные булавки, украшенные гроздьями грибовидных утолщений, конусные бляхи, бусы и передняя часть литой фигурки хищного животного (собаки?), покрытой гравированным меандровидным орнаментом (рис. 5, 15).

Поселение в 4 км восточнее, в поселке Красный маяк, на самом берегу моря, охватывало довольно значительное пространство (0,4-0,5 га). На его территории найдено большое число обломков пифосов, «рогатых» ручек от котлов и кувшинов, грузил из гальки и т. д. Очень интересные материалы получены при исследовании родового могильника. Они свидетельствуют о параллельном существовании двух обрядов: трупоположения и захоронения в оссуариях.

Рис. 5. Окрестности Сухума. Продукция местных мастеров:
 1 — котел; 2, 4, 16 — кружки; 3 — банка; 5 — горшочек; 6 — пифос; 7, 17 —
 пронизь и бусина; 8, 20 — топоры; 9, 14, 21 — кинжалы; 10, 22 — наконечники
 копий; 11 — браслет; 12 — фибула; 13 — шейная гривна; 15 — головка животного;
 18 — пектораль; 19, 25 — нагрудная и височная подвески; 23, 26 — пояс и пряжка;
 24 — пинцет. Глина (1—6); бронза (7—9, 23—26); железо (20—22).

VIII — начало VI в. до н. э. Абхазский государственный музей

В конце VII — начале VI в. оссуарные захоронения исчезают, зато широко распространяются погребения в скорченном положении на боку. В наиболее ранних (VIII — первая половина VII в.) погребениях могильника — бронзовые орнаментированные и гладкие (рис. 5, 8) топоры, наконечники копий (рис. 5, 10), кинжалы (рис. 5, 9), шейные гривны (рис. 5, 13), подвески (рис. 5, 19, 25), пинцеты (рис. 5, 24), пряжки (рис. 5, 26), пояса (рис. 5, 23), булавки-фибулы (рис. 5, 12), браслеты (рис. 5, 11), бронзовые (рис. 5, 7, 17) и сердоликовые бусы, глиняная (рис. 5, 1—6) и бронзовая (рис. 5, 16) посуда. Во второй половине VII — первой половине VI в. бронзовое оружие в могилах постепенно сменяется железным (рис. 5, 20—22). Захоронения становятся беднее, а их общее число несколько сокращается.

Остатки небольшого поселения VIII — начала VI в. сохранились на возвышенности севернее сухумского железнодорожного вокзала. Здесь найдено, в частности, несколько поясных бронзовых пряжек, на одной из которых выгравировано изображение оленя с ветвистыми рогами. Поблизости еще в 30-х годах был обнаружен клад бронзовых изделий, в том числе так называемых сегментовидных орудий, которые скорее всего представляют собой примитивные мотыжки.

Очень яркий материал VIII — начала VI в. до н. э. дали раскопки на Сухумской горе. Поселение площадью не менее 0,1 га, занимавшее небольшую площадку у седловины между южной и северной вершинами горы состояло из пяти-шести деревянных жилищ, от которых до разбивки здесь в 1949 г. парка сохранились пятна культурного слоя с обломками разнообразной глиняной посуды.

Поверхность посуды, найденной здесь, была обработана с помощью сплошного лощения или оформлена вертикальными залощенными желобками — каннелюрами, украшена нарезным и штампованным орнаментом, рельефными рантами и т. д. На одном из фрагментов сохранилось глиняное изображение змеи. В глине широко использовались различные примеси, выгоравшие при обжиге и придававшие стенкам изделий пористость и легкость.

Здесь же, на территории поселения, находилось погребение воина, ориентированное головой на восток. В нем были найдены три бронзовых топора и два глиняных сосуда.

Чрезвычайно интересны остатки металлургического производства: клад бронзовых изделий X—VIII вв. до н. э., состоявший из 12 целых и 3 фрагментированных топоров, 2 долот, сегментовидного орудия и 3 слитков. О том, что все эти предметы изготовлены на месте, говорят каменный молот для дробления руды, обломки глиняных сосудов, употреблявшихся для промывки размельченной руды, куски медных шлаков, а также небольшое каменное сооружение, в значительной степени разрушенное, с наружной глиняной обмазкой, сохранившей следы воздействия высоких температур.

Имеются отрывочные сведения о том, что на соседнем холме Гуад-иху находили медные слитки и шлаки. Следов поселения VIII — начала VI в. там, правда, не обнаружено, хотя именно с поселением могут быть связаны найденные здесь два сегментовидных орудия и бронзовое навершие булавки.

На довольно обширном пространстве междуречья Беслетки и Мачары пока не известно ни одного поселения рассматриваемой эпохи. Косвенными указаниями на возможность их существования служат отдельные находки: бронзовые топоры на левом берегу Беслетки, в ущелье реки Дзегуты и в селении Багмаран, «текстильная» керамика на холме Ахул-абаа.

Два поселения позднебронзовой эпохи открыты на левом берегу реки Мачары. В первом привлекают внимание небольшие галечные вымостки — остатки жилищ, а также обломки глиняных лепных сосудов, в том числе с отпечатками ткани, глиняных столбиков и довольно богатый набор каменных орудий (зернотерки, грузила, мотыжки, отщепы, скребки и др.).

Одним из наиболее значительных поселений VIII — начала VI в. до н. э. в рассматриваемом районе является поселение Мачара-2, расположенное в 5 км от моря на холме, возвышающемся над уровнем реки метров на 200—250. Здесь исследованы остатки шести деревянных домов, два из которых располагались на крутом северном склоне, а остальные — на пологом южном, занимая в общей сложности около 0,3 га.

Ученым удалось собрать и просмотреть до 10 тыс. обломков керамики. Все глиняные сосуды от больших, метровой высоты, до миниатюрных лепились от руки — до VI—V вв. до н. э. гончарный круг еще, по всей видимости, не применялся. Среди этих изделий особенно впечатляют пифосы — их корпус покрывался широкими лощеными вертикальными желобками-каннелюрами; большие корчаги и кружки с «рогатыми» ручками; горшки с широким низким венчиком и узким массивным поддоном; мелкие сосудики высотой до 3—4 см; редкие обломки «текстильной» посуды; крышки; очажные подставки.

Среди других изделий следует отметить наконечник бронзовой стрелы, грузила из гальки, кремневые отщепы со следами работы и прежде всего каменную форму для отливки бронзового колхидского топора того варианта, который имел распространение в VIII—VII вв. до н. э. (топоры обычно затем покрывались гравировкой). Это пока единственная литейная форма в Центральной Абхазии. Она служит доказательством того, что и на данном поселении отливались бронзовые изделия.

В общем в VIII — VII вв. население каждого небольшого родового поселка на территории будущей округа Диоскуриады производило керамику, ткани, занималось земледелием, животноводством, а также металлургией.

Итак, в окрестностях современного Сухуми в VIII — первой половине VI вв. до н. э. существовало около двух десятков поселений, разделенных значительными пустыми территориями. Ядро же вновь созданного города разместилось фактически на «ничейной» территории — до ближайших населенных пунктов простирались километры буйных зарослей, болот и неосвоенной земли.

Заря новой великой эпохи железа восходит над территорией Абхазии в начале I тыс. до н. э. Наиболее древние железные изделия могут быть датированы VIII в. до н. э., однако вплоть до конца VII в. они использовались очень ограниченно.

Первые навыки искусства обработки железа приходят в Абхазию с юго-востока со стороны Ирана, Урарту, Малой Азии. Широко же распространяются железные изделия, в первую очередь оружие, здесь, как и в других прилегающих к Большому Кавказу местностях, по-видимому, лишь в период скифских походов, когда «скифский культурный элемент получил всеобщее распространение не только к северу, но и на огромных пространствах к югу от Главного хребта»⁴. Именно тогда, в конце VII—VI вв. до н. э., в окрестностях современного Сухуми начинается массовое производство топоров, мечей, наконечников копий и других изделий из железа.

Не исключено, что передовые скифские отряды достигли рассматриваемого района еще в VII в. до н. э., однако в наиболее тесное соприкосновение со скифами местные племена, по-видимому, вошли в 80-х годах VI в. до н. э., когда скифы после разгрома Урарту возвращались в Северное Причерноморье. В связи с этим уже давно высказывается мысль, что какая-то часть скифов могла осесть в окрестностях современного Сухуми и раствориться затем в местной этнической среде⁵.

Мы уже говорили, что в литературе довольно часто встречается мнение, будто в VI в. до н. э. племена Колхиды достигли высокого уровня социально-экономического и культурного развития и родо-племенная организация местного общества начала разрушаться, в результате чего здесь образовалось классовое общество и государство — Колхидское царство, которое воспрепятствовало возникновению на берегах Колхиды обычных греческих городов с собственной экономической базой.

Это положение ни в коей мере, на наш взгляд, не может быть отнесено к окрестностям будущей Диоскуриады. Здесь, напротив, в VI в. наблюдается определенный упадок и в социальной, и в культурной жизни аборигенов. Освоение нового сырья для основных средств производства, вторжения воинственных скифов и другие факторы нарушили устоявшийся жизненный ритм. Число захоронений на родовых кладбищах сокращается, культурные остатки на поселениях накапливаются гораздо медленнее. Такие условия могли только облегчить внедрение греков в прибрежную зону Абхазии.

Первые греки на берегах Сухумской бухты

Согласно анонимному, но заслуживающему доверия источнику, процитированному во II в. н. э. древнегреческим историком и писателем, римским

⁴ Тереножкин А. И. Киммерийцы и Кавказ.- В кн.: Тезисы докл. сессионных и пленарных заседаний Всесоюзной науч. сессии, посвященных итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971, с. 38,

⁵ Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 232.

военачальником Флавием Аррианом (Перипл Понта Евксинского, 14) греческую колонию на берегах Сухумской бухты основали выходцы из Милета в период не позднее 550—530 гг. до н. э. Эта дата, в частности, подтверждается свидетельством псевдо-Скилака — автора труда «Объезд моря населенной Европы, Азии и Ливии» (вторая половина IV в. до н. э.). Как известно, его произведение — компиляция, составленная на основе разновременных землеописаний, среди которых работы Гекатея Милетского, Скилака Кариандского и др. Упоминание о Диоскуриаде, как полагают, было заимствовано из труда Скилака Кариандского, писавшего в 40—30-х годах VI в. до н. э.⁶

В VII—VI вв. до н. э. Милет являлся крупнейшим греческим торгово-промышленным и культурным центром на западном побережье Малой Азии. Милетцы, несомненно, были в числе первых понтийских мореплавателей, собиравших сведения о северных и восточных берегах Черного моря. Античная традиция отводит Милету выдающуюся роль в организации колоний — по одним источникам город вывел 90 колоний, по другим — 75.

Решающее значение в развитии античной колонизации имели социально-экономические условия, приводившие к образованию в греческих городах «избыточного» населения, которое вынуждено было искать себе «место под солнцем» за пределами своей страны. «Выведение» колоний носило в VII—VI вв. до н. э. организованный характер. Группы граждан, пожелавших выделиться в колонию, обычно совершали переселение и основание колонии с санкции своего государства. Нередко к главному ядру переселенцев из одного города присоединялись жители других городов. Отряд колонистов возглавлялся ойкистом — старшиной: его либо назначали власти метрополии, либо выбирали сами колонисты.

Коллектив, высадившийся на берегах Сухумской бухты в 50—40-х годах VI в., вероятно, был уже достаточно организованным с готовыми органами самоуправления, в обязанность которых входили обеспечение необходимых условий для деятельности колонии, налаживание контактов с окружающим местным населением, поддержка связей с метрополией.

Первые дома колонистов, надо полагать, поднялись на берегу Сухумской бухты западнее устья Беслетки. Как правило, далеко в глубь суши греческие колонисты не проникали — они держались главным образом прибрежных районов, удобных для морских сообщений. По словам знаменитого греческого философа Платона, греки жили «на ограниченной части земли от Фасиса (современная река Риони в Колхиде.— Ю. В.) до Геракловых столбов (современный Гибралтар.— Ю. В.), расположившись вокруг моря, как муравьи или лягушки вокруг болота» (Федон, 58). К сожалению, первоначальное прибрежное ядро Диоскуриады нам неизвестно, по-видимому, оно полностью разрушено морем.

⁶ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1969, с. 48—58.

Греческие колонии, как правило, представляли собой государственное образование, совершенно независимое от метрополии. С момента основания колонии жители ее переставали быть гражданами того города-государства, откуда выселились, и становились полноправными гражданами вновь родившегося государства, в котором создавали свою конституцию и систему управления, поддерживая контакты с метрополией на основе экономических и родственных связей. Греки переселялись с набором необходимых бытовых и хозяйственных изделий — ведь на новом месте приходилось сразу же браться за строительство дома, обработку земли, производство одежды. Поэтому, помимо земледельцев и торговцев, среди колонистов было и немало ремесленников. Определенную часть продукции, главным образом сельскохозяйственной, с самого начала переселенцы могли приобретать у аборигенов в обмен на необходимые им товары.

Ионийские переселенцы в новые места принесли с собой и свои древние культы. В Милете очень был популярен культ Диоскуров. Согласно легенде, приведенной в «Истории» автора I в. до н. э. Николая Дамасского, Диоскурам приписывалось, в частности, спасение милетцев от тирании в VII в. до н. э. Культ Диоскуров получил распространение во многих греческих городах Причерноморья (Синопа, Амис, Истрия, Одесс, Ольвия, Фанагория и др.), основанных Милетом или связанных с ним.

Диоскуры, как известно, олицетворяли собой представление о смене света и тьмы, дня и ночи, рождения и смерти, мира и войны. Один из главных атрибутов братьев — утренняя и вечерняя звезда. Поэтому обычно при изображении Диоскуров лицо Кастора обращено к небу, к солнцу, а лицо Поллукса чуть склонено к земле, к низу. По словам древнегреческого писателя Павсания, одеждой Диоскурам служила пурпурная хламида (короткий плащ). На голове они носили пилос — шапку в виде колпака. Согласно греческой мифологии, Диоскуры участвовали в походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном, им приписывается вывоз из Колхиды статуи богини, которая затем была установлена в одном из храмов Лаконики. Диоскуры — герои ристалищ, покровители наездников, путников и мореплавателей.

Если учесть, что в каждом родовом поселении аборигенов могло проживать 50-70 человек, а поселений на территории будущей сельскохозяйственной округи Диоскуриады насчитывалось 15—20, то общее число аборигенов в момент основания города составляло 1000—1500 человек, включая женщин, стариков и детей. Число же греков, первоначально основавших город, включая женщин и детей, достигало, вероятно, 100—150 человек. Главной причиной возможных конфликтов с аборигенами могла быть земля. Однако берега Сухумской бухты, судя по всему, в то время были пустынными, а густой колхидский лес подступал прямо к пляжу. Через лес вели тропинки к поселению на Сухумской горе, отстоявшему от берега на расстоянии 2 км, а также в сторону Лечкопского плато, вдоль ущелья Беслетки и в сторону Цебельдинской долины. Контактная зона между греками и аборигенами представляла собой в VI в., судя по всему, широкую «ничейную» полосу.

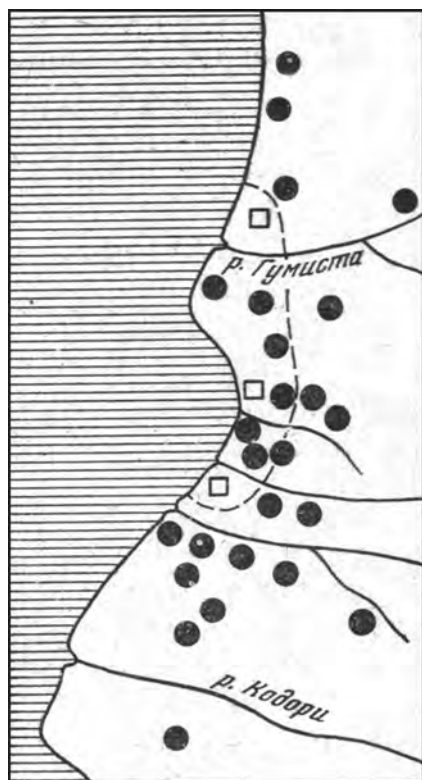

Рис. 6. Схема размещения греческих (обозначены квадратиками) и местных (обозначены кружками) поселений в окрестностях Диоскуриады (пунктиром выделена граница хоры в конце VI в. до н. э.) второй половины VI — начала IV в. до н. э.

О том, что греческое поселение в тот период росло дальше к востоку, свидетельствует обнаруженная аналогичная чернолаковая посуда на левом берегу реки Беслетки, где, вероятно, находился и некрополь диоскурийцев-греков, о чем говорит мраморная надгробная стела, датируемая 430—420 гг. до н. э., которая уже упоми-
налась ранее.

На лицевой стороне стелы представлена сцена прощания с умершей (рис. 1). Усопшая изображена живой, сидящей в кресле, с которого свисает звериная шкура-подстилка. Правой рукой женщина обнимает прислонившегося к ее коленям обнаженного мальчика. На ней льняная сорочка — хитон, поверх него накинут гиматий (кусоч шерстяной ткани), округленные складки которого частью

Хотя и скудные, но все-таки достаточно определенные сведения античных источников позволяют видеть в Диоскуриаде с момента ее основания античный город-полис, существование которого немислимо без хоры. Соответствующие исследования только начинаются, но мы уже можем говорить о том, что во второй половине VI и в V в. до н. э. хора Диоскуриады простиралась не менее чем на 7—10 км к западу, вдоль берега моря, на столько же к юго-востоку и на 3—5 км в глубь суши (рис. 6).

Об облике материальной культуры Диоскуриады классической поры (вторая половина VI — первая половина IV в. до н. э.) сведения пока очень ограниченны⁷. Интересные материалы удалось обнаружить во время раскопок в Сухумской крепости (1952 и 1958—1959 гг.). Здесь, на глубине до 3-3,5 м от современной поверхности, археологи нашли обломки хиосских амфор конца VI — начала V в. до н. э., обломки чернолаковой посуды V в. до н. э. Восточнее, рядом со зданием Драматического театра, еще в 1886 г. были найдены на глубине до 1,5 м обломки чернолаковой чаши для питья на ножке конца V — начала IV в. до н. э.

О том, что греческое поселение в тот период росло дальше к востоку, свидетельствует обнаруженная аналогичная чернола-

⁷ Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 220—222, 227—230.

подобранны на коленях, частью тяжело спадают с левого плеча сидящей. На заднем плане — изваяние молодой девушки-служанки в подпоясанном аттическом пеплосе — рубахе без рукавов, которая держит в левой руке шкатулку с какими-то, по-видимому, украшениями и вещами — погребальный подарок. Сухумская стела является наиболее выдающимся памятником древнегреческого искусства на Кавказском побережье Черного моря.

Материалы, очень важные для характеристики самой Диоскуриады, а также ее отношений с аборигенами в конце VI — первой половине IV в. до н. э., дали в последние годы раскопки на греческом поселении в Нижней Эшере, а также на ряде туземных поселений на окраинах и в окрестностях Сухуми (Сухумская гора, холм Гуад-иху, поселок Красный маяк и др.)⁸.

Эшерское городище расположено на юго-восточном отроге холма, носящего имя выдающегося русского художника-баталиста Верещагина, в начале нашего столетия имевшего здесь дачу. Отсюда до Сухуми и до того места, где находилась древняя Диоскуриада, по прямой не более 10 км.

Судя по имеющимся данным, поселение тут возникло в середине VI в. до н. э. Среди самых ранних находок наряду с лепной посудой местного производства встречается множество обломков привозных чернофигурных аттических скифосов — застольных глубоких чаш для вина (рис. 7, 1—3) — и изделий родосско-ионийского круга. На Эшерском городище впервые в Северной Колхиде найден богатый импортный материал VI в. до н. э., который, в частности, свидетельствует о возникновении в окрестностях Диоскуриады небольших сельскохозяйственных поселений греков уже в середине VI в. до н. э.

В V — первой половине IV в. размеры поселения в Эшере постепенно увеличились. Среди находок немало обломков хиосских, гераклейских и синопских амфор, разнообразной чернолаковой посуды, краснофигурный скифос. Очень интересны обломки бронзового аттического шлема (рис. 7, 18) второй половины V — первой половины IV в. до н. э. и аттического чернолакового килика (рис. 7, 6) второй половины V в. до н. э. Налобник шлема украшен рельефным поясом с двумя рядами насечек, из-под которого спускаются завитки, имитирующие завитки волос. Поблизости, в одном из погребений, лежал бронзовый коринфский шлем (рис. 7, 19) того же времени. На раннем этапе существования поселения в Эшере, по-видимому, не имело никаких оборонительных сооружений, что говорит о достаточно мирных отношениях греков-колонистов с аборигенами.

Полученные в результате исследований 1951 г. материалы позволяют полагать, что поселение на Сухумской горе, возникнув еще в бронзовую эпоху,

⁸ Каландадзе А. Н. Археологические памятники Сухумской горы, с. 81—87; Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 230—284; Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии, с. 50—59; Он же. Об Эшерском городище. СА, 1972, Л. 1, с. 103—120; Он же. Вооружение древнеабхазских племен..., с. 220—231.

Рис. 7. Диоскуриада. Привозная продукция греческих мастеров:

1, 2 — обломки чернофигурных и краснофигурных сосудов; 3 — фрагменты чаши с розеткой; 4—6 — чернολаковая посуда; 7 — ситечко; 8—17 — перенши с печатями; 18—19 — шлемы; 20 — ожерелье; 21 — щит. Глина (1—6), бронза (7—19, 21) золото (20). Вторая половина VI — начало IV в. до н. э.

Абхазский государственный музей и фонды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулия АН Грузинской ССР.

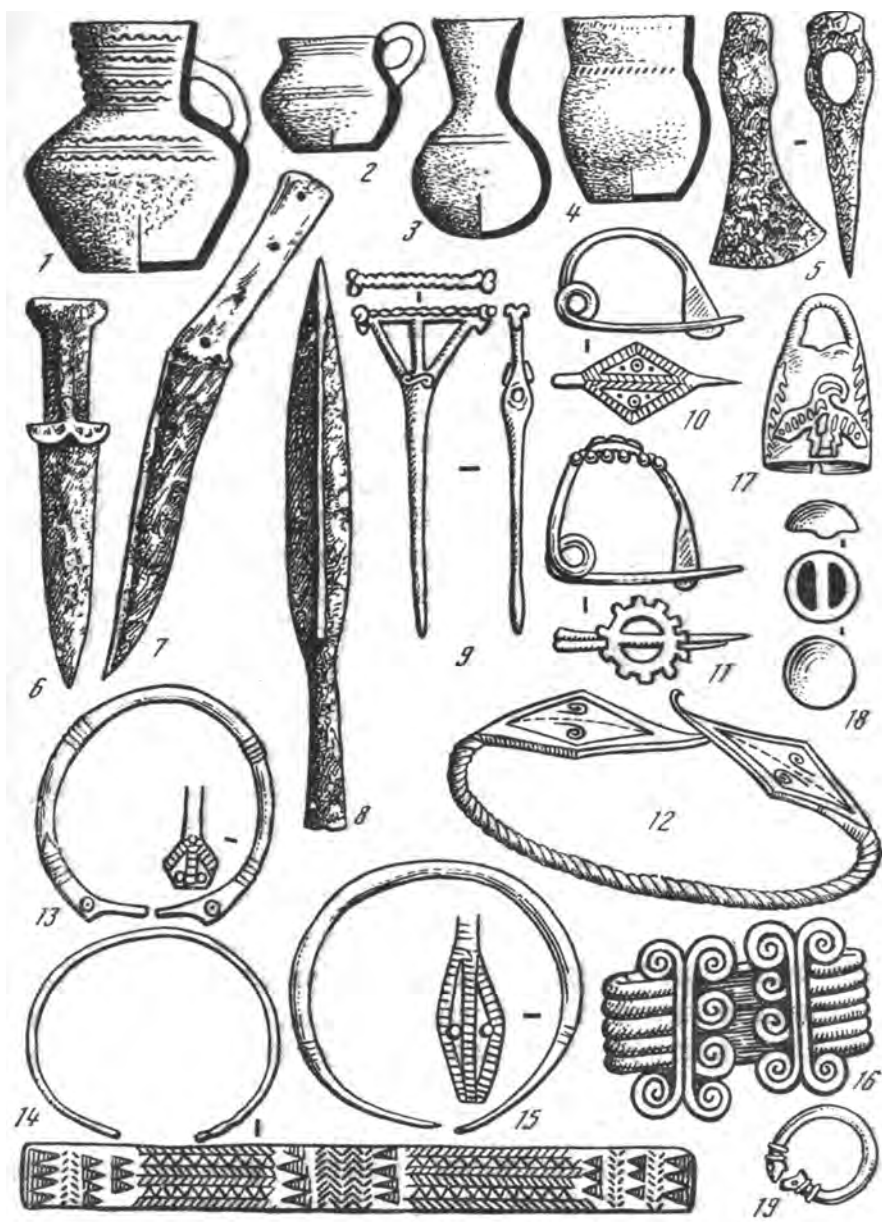

Рис. 8. Окрестности Диоскуриады. Продукция местных мастеров:
 1, 3 — кувшины; 2 — кружка; 4 — горшок; 5 — топор; 6 — кинжал; 7 — нож; 8 —
 наконечник копья; 9 — булавка; 10—11 — фибулы; 12 — гривна; 13—16 —
 браслеты; 17 — колокольчик; 18 — бляшка; 19 — серьга.
 Глина (1—4), железо (5—8), бронза (9—18), серебро (19).
 Конец VI — начало IV в. до н. э. Абхазский государственный музей

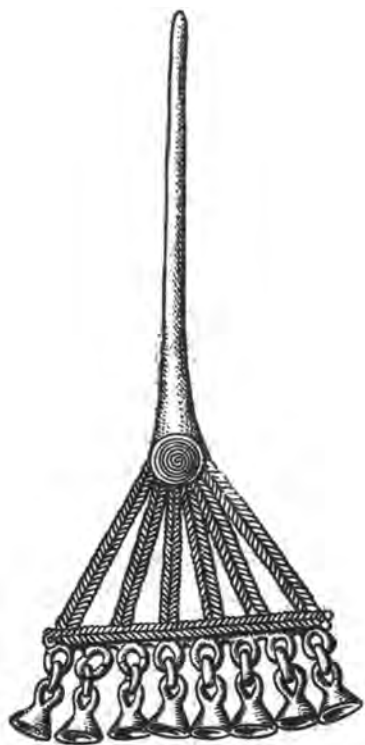

Рис. 10. Гуад-иху. Ажурная головная булавка. Бронза V в. до н. э. Абхазский государственный музей

в рассматриваемое время активно разрасталось. Два десятка деревянных жилищ были разбросаны в основном на восточных, южных и юго-западных склонах северной вершины горы. Археологи обнаружили доньшки привозных амфор, обломки посуды, в том числе чернолаковой аттического происхождения.

Родовое кладбище в тот период в основном занимало восточный склон северной вершины. Здесь раскопано несколько захоронений V — начала IV в. до н. э.

Погребения V — начала IV в. до н. э. не особенно богаты — в мужских чаще всего встречаются железные топоры (в IV в. распространяются своеобразные сельскохозяйственные железные топоры-цалды) (рис. 15, 10), наконечники копий, ножи, глиняные кувшины (рис. 8, 3), в женских — бронзовые пластинчатые браслеты, украшенные рядами шишечек и гравировкой (рис. 8, 16), фибулы с пластинчатой ромбической орнаментированной спинкой (рис. 8, 10), колокольчики (рис. 8, 17) с цепочками и стерженьками, керамические сосуды и др.

Севернее Сухумской горы, в километре от нее, на вершине холма Гуад-иху, в VI — первой половине IV в. до н. э. располагалось небольшое (до 0,2—0,3 га) поселение и могильник.

В мужских захоронениях могильника, относящихся к IV в. до н. э., исследователи обнаружили железные топоры с коротким молоточковидным обухом (рис. 8, 5), наконечники копий (рис. 8, 8) и дротики, кинжалы (рис. 8, 6), бронзовые украшения — шейные гривны (рис. 8, 12), браслеты и фибулы, бляшки от конской узды (рис. 8, 18) и др., в женских — в основном бронзовые украшения: браслеты, литые булавки с ажурной головкой (рис. 8, 9; 9), фибулы, колокольчики на цепочках, серебряные серьги. И в тех, и в других захоронениях обычно лежали один-два глиняных сосуда (рис. 8, 2). Достаточно заметно при знакомстве с изделиями влияние скифской культуры — кинжалы исполнены в форме коротких скифских мечей-акинаков; наконечникам копий, топорам, украшениям также присущи черты скифского искусства, очень интересны бляшки в виде скачущего мифического оленя (рис. 10) в сако-скифском «зверином стиле».

В погребениях второй половины V в. и более поздних начинают появляться и греческие изделия: чернолаковая посуда, перстни, чаще всего бронзовые с печатями (рис. 7, 11), в одном из погребений их оказалось восемь штук.

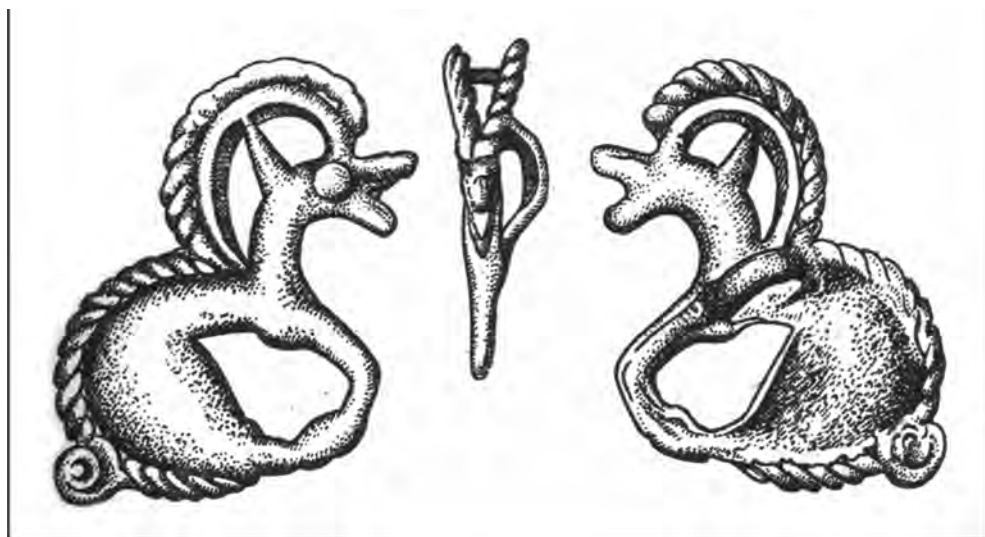

Рис. 10. Гуад-иху. Бляшка-фигурка мифического оленя солнца.
Бронза. V в. до н. э. Абхазский государственный музей.

Полагают, что перстни использовались местными жителями в качестве денег. Все перстни Гуад-иху привозные. Часть их происходит из западногреческих мастерских (Южная Италия), другие же, вероятно, из города Кизика, изображения на монетах которого (рубеж V—IV вв. до н. э.) похожи на изображения на монетах из Гуад-иху. Возможно часть этих перстней изготовливалась и в мастерских самой Диоскуриады.

Не менее интересны материалы раннего слоя поселения античного времени в 4 км западнее Диоскуриады на самом берегу моря (поселок Красный маяк). Общая площадь поселения составляла 0,5—0,6 га. Здесь были обнаружены, помимо довольно большого количества обломков местной посуды фрагменты привозных амфор и чернолаковых сосудов. В 1958—1959 гг. археологи вели раскопки могильника, раскинувшегося более, чем на 0,5 га. К концу VI — первой половине IV вв. до н. э., по мнению автора, может быть отнесено около трех десятков из 150 захоронений.

Многие погребения весьма богаты. В мужских лежали железные топоры, наконечники копий, изогнутые ножи (рис. 8, 7), восходящие к соответствующим кавказским образцам позднеурартского времени, бронзовые украшения: браслеты (рис. 8, 14, 15), фибулы (рис. 8, 11); серебряные височные подвески, изящные сердоликовые, янтарные и стеклянные бусы, глиняные сосуды (рис. 8, 1), в женских — бронзовые браслеты (рис. 8, 13), фибулы, серебряные серьги (рис. 8, 19), булавки, подвески, бусы. Ученых поразило красотой ожерелье из золотых бусин и подвесок в виде головы барана (рис. 7, 20), аналогичных тем, из которых состояло золотое ожерелье середины — второй половины V в. до н. э. из Вани

(Центральная Колхида). Довольно много в погребениях импортных изделий, в том числе чернолаковой посуды (рис. 7, 4—5), а также бронзовых греческих ситечек с рукояткой, украшенной утиной головкой (рис. 7, 7), датированных второй четвертью — серединой V в. до н. э.

Из красномаяцкого могильника происходит и бронзовое чеканное украшение в виде фигуры орла (рис. 7, 21) с распростертыми крыльями, распущенным хвостом и повернутой влево головой. Крылья сделаны отдельно от туловища, с которым затем соединены бронзовыми заклепками. Рельефной чеканкой искусно выделены маховые перья крыльев, оперение шеи, хвоста, переход к клюву и глазу. По краю фигуры нанесен ряд мелких выпуклостей. Парные отверстия вдоль края свидетельствуют о том, что фигура была прикреплена к твердой, по-видимому, деревянной основе.

Красномаяцкий орел относится к разновидности «распростертых» птиц. Такие птицы характерны для греческого искусства эпохи архаики, ими нередко украшали греческие щиты. В искусстве евразийских степей они появляются в V—IV вв. до н. э. Размеры орла (60×64 см) указывают на то, что красномаяцкий щит был такого же размера, как щит Диомеда, изображенный на одном халкидском сосуде середины VI в. до н. э. и украшенный такой же птицей. Весьма вероятно, что щит привез на берега Сухумской бухты какой-нибудь грек-переселенец.

Другие поселения и могильники конца VI — первой половины IV в. до н. э. изучены в окрестностях Диоскуриады значительно хуже, чем описанные выше. Однако имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что аналогичный облик имели поселения на западном отроге холма Верещагина и поселение Мачара-2.

Начиная с V в. до н. э. много новых поселений аборигенов появляется на обширном пространстве от современного Нового Афона до Гульрипша. Это в основном поселения на территории римского укрепления «Одынец» и средневекового замка Баграта, на отроге горы Бырцх у Беслетского моста и на холме Ахвыла-абаа, в ряде пунктов по левобережью рек Келасури (Тхубун, Капитановка, Александровка) и Мачары, на Гульрипшской возвышенности. Не исключено, впрочем, что в приустьевой части левобережья Келасури (поселок Тхубун) возникло и греческое поселение: из разрушенных здесь в разное время захоронений были извлечены черно-лаковые изделия V в. до н. э., в том числе открытый светильник, а также обломки нескольких бронзовых аттических шлемов второй половины V — начала IV вв. до н. э.

Надо сказать, что греческие товары в тот период проникают и дальше, в самую глубь абхазских гор. В труднопроходимом и теперь ущелье реки Хожгейты, притока Западной Гумисты, в 30 км севернее Диоскуриады (поселок Шубара) найдены обломки амфор V—IV вв. до н. э. В ущелье Пхии археолог Н. В. Анфимов нашел бронзовый аттический шлем, топор и другие изделия, попавшие туда из окрестностей Диоскуриады. Амфоры и чернолаковая посуда встречаются в ущельях рек Мачары и Кодора (Цибилуим, Пацхир), а по ту сторону

Клухорского перевала, в знаменитой теперь Домбайской долине, несколько лет назад был найден бронзовый аттический шлем, завезенный туда скорее всего по древнему торговому пути — нынешней Военно-Сухумской дороге.

Античные источники помогают выяснить название одного из тех гениохийских племен, которое сразу же попало под влияние Диоскуриады. Это, вероятно, кораксы — «вороны». «Кораксийская крепость и Кораксийская страна» впервые упоминаются Гекатеем Милетским, автором второй половины VI в. до н. э. Плиний Старший указывает на непосредственную близость кораксов к Диоскуриаде. Возможно, о том же говорит и сопоставление данных Аристотеля и Флавия Арриана о местонахождении «пучин Понта», пункта видимости снежных гор Кавказа и страны кораксов. Большинство исследователей отождествляет реку Коракс, упоминаемую вблизи Диоскуриады Птолемеем, с современной рекой Кодор, а племя кораксов помещает в Кодорском ущелье, хотя не исключено, что кораксы частично занимали и побережье Абхазии. В источниках встречается также упоминание о Кораксийских горах (Плиний Старший, Поипоний Мела, Птолемей), которые сопоставляются с западной частью Большого Кавказа Плиний Старший пишет, что Гениохийские горы назывались также Кораксийскими. Сам этноним «кораксы» возник, может быть, на основе греческой этимологизации какого-то местного наименования, окрашенного мифологическими ассоциациями, неизбежно возникавшими у греков при упоминании Диоскуриады.

В том же районе древние авторы называют «Страну тиндаридон». Поскольку Тиндарей, согласно греческой мифологии, был отцом Диоскуров, то, надо полагать, под тиндаридами подразумевалось либо население собственно Диоскуриады и ее хоры, либо одно из окрестных гениохийских племен, скорее всего кораксы⁹.

Расцвет Диоскуриады

Вторая половина IV—III вв. до н. э. — время расцвета Диоскуриады. Суля по всему, городские кварталы тогда расширились в глубь берега, как, вероятно, за счет сплошной застройки, так и за счет возведения отдельных усадеб. Сельскохозяйственная территория охватила значительное пространство от современного Нового Афона до Гульрипша (рис. 11).

Интересные открытия древностей второй половины IV—II вв. сделаны в Сухумской крепости¹⁰. В ее западной части найдены обломки чернолаковых и краснолаковых (пергамских) сосудов, рельефных чаш, амфор, кухонной посуды,

⁹ Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. — ВДИ, 1968, № 3, с. 133—142.

¹⁰ Алакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Сébastополиса — ТАИ, XXXIII—XXXIV, 1963, с. 221—222; Трапш М. М. Раскопки древнего Сébastополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. — Там же, с. 243.

пифосов; стеклянные бусы с золотистой прокладкой, виноградные косточки, которые, по мнению исследователей, относятся к тому же сорту, что и местный виноград «качич».

В восточной части крепости обнаружены фрагменты привозных (Хиос, Фасос, Синопа и др.) и местного изготовления амфор, чернолаковая посуда, пирамидальные грузила для ткацкого станка, а также косточки персиков и скорлупа грецкого ореха. Несколько восточнее при прокладке водопровода на набережной напротив нынешней гостиницы «Рица» в 1940 г. рабочие натолкнулись на обломки привозных амфор, чернолаковой и краснолаковой посуды рельефных чаш, фрагменты изготовленной на месте черепицы, амфор, кухонной посуды, пирамидальное грузило и др.

Пласт остатков до 0,3—0,5, с обломками синопских амфор и черепицы пролегал на скрещении улиц Орахелашвили и Мира, по улице Фрунзе, у гостиницы «Абхазия», по обе стороны приустьевой зоны реки Беслетки. Восточнее при строительстве одного из расположенных здесь санаториев, вблизи места находки знаменитой сухумской стелы, обнаружены обломки амфор фасосского и местного производства, чернолаковой посуды. Таким образом, в эллинистическую эпоху Диоскуриада охватывала значительную площадь, простираясь в длину на 1,5—2 км, а ширину на 100—300 м.

Очень ценные материалы IV—II вв. до н. э. добыты в последнее время на Эшерской городище¹¹. Размеры поселения этого периода составили около 3 га. К поселению был подведен водопровод из керамических труб (рис. 14, 4). По всей площади велось строительство каменных жилых, хозяйственных и общественных зданий. Крыши домов покрывались черепицей, которая первоначально, судя по ее качеству и клеймам, доставлялась морским путем из Синопы, а позднее производилась на месте. Стены жилых помещений нередко украшались художественной росписью по штукатурке. Обращают на себя внимание известняковые резные капители (рис. 9), выполненные в позднеэллинистическом дорическом стиле и свидетельствующие о том, что где-то в поселении во II в. до н. э., по-видимому, находился античный храм с колоннами. Монументальное строительство, зарождение которого, возможно, относится еще к V в., завершилось в конце II в. до н. э. возведением мощных оборонительных стен.

Среди огромного количества обломков посуды выделяются три группы: привозного, местного греческого и в очень небольшом количестве местного абортинского производства.

¹¹ Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище, с. 103—120; Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера.— ИАИ, I, 1972; Он же. О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района.— ИАИ, II, 1973, с. 181—190; Он же. Мегарские чаши Эшерского городища.— ИАИ, IV, 1975; Он же. Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.).— ИАИ, VI, 1977, с. 127—130; Он же. Предварительные итоги работ на Эшерском городище.— КСИА, 151, 1977, с. 23—29.

Среди привозных предметов заслуживают внимания амфоры, чаши, кувшины и другие изделия синопского происхождения, обломки косских, гераклейских и северопричерноморских амфор, чернолаковой, буролаковой и краснолаковой посуды. Очень интересен набор чернолаковых изделий: канфары — чаши на ножке для вина, килики и скифосы, кубки, блюда, кувшинчики и т. д. Среди буролаковых и краснолаковых сосудов немало чаш, кубков, мисок, рыбных блюд. Любопытен обломок красно-фигурного сосуда с изображением какого-то греческого героя (рис. 7, 2). Много чаш с рельефными украшениями, в основном связанных с производством Пергама. На одной из чаш изображен вооруженный воин (рис. 12, 14), на другой — Эрот на колеснице.

Выразительна продукция местных керамических мастерских греков: плоская и желобчатая черепица, амфоры, кувшины, чаши, кастрюли (рис. 14, 7), сковороды, кружки (рис. 14, 8), пирамидальные грузила для ткацких станков (рис. 14, 5) и др. Различные значки и штампы указывают на существование в окрестностях поселения нескольких производственных центров. На одном из кувшинов нанесен вдоль горловины ряд оттисков перстневой печаткой с изображением Эрота.

Очень интересны результаты обследования фундаментов большого каменного здания рубежа IV—III вв. до н. э. на южном участке городища, где археолог Г. К. Шамба нашел обломки бронзовой доски с греческой надписью (рис. 13). Судя по отдельным словам (в расшифровке А.И. Болтуновой они звучат так: «...силой много... могли... получая на... и всех... царской власти (царства) и...»), надпись эта была создана и установлена на городской площади в ознаменование какой-то успешной акции жителей поселка¹². На территории Советского Причерноморья это как-будто первая находка такого рода. Найдены на

Рис. 11. Схема размещения греческих (обозначены квадратиками) и местных (обозначены кружками) поселений в окрестностях Диоскуриады (пунктиром выделена граница хоры IV—II вв. до н. э.)

¹² Шамба Г. К. Сюрпризы Эшерского городища. — Советская Абхазия, 1976, 21 авг.

городище и костяные заостренные палочки для письма — стили, свидетельствующие о достаточно высоком уровне грамотности среди местного греческого населения.

Обильны на Эшерском городище материалы, рассказывающие о сельском хозяйстве, в частности о земледелии и скотоводстве. Здесь и железные сегментовидные мотыги и керамические бочки — пифосы, в которых держали зерно. Потом оно перерабатывалось в муку с помощью греческих рычажных зерно-терок, от которых сохранились верхние прямоугольные камни. Анализ многочисленных обломков костей позволил установить, что стадо, принадлежавшее жителям городища, состояло из большого числа коров, овец, коз, свиней. Найдены также кости лошадей, собак, кур. Охотилось местное население на дикого кабана, оленя, волка, каких-то хищных птиц.

Могильник Эшерского городища располагался, по-видимому, по пологому склону севернее. Здесь, однако, пока не обнаружено собственно греческих захоронений. Внимание исследователей привлек погребальный комплекс, принадлежавший эллинизированному представителю аборигенного населения. В нем было найдено большое число предметов, расположенных в определенном порядке.

В ногах лежали большой кувшин с двумя ручками, основания которых оформлены в виде звериных лап (рис. 15, 7), ритуальный тройной светильник на подставке (рис. 15, 6) и красноглиняная амфора местного производства; в головах — два небольших горшка, две миски (рис. 15, 2, 3), крышка (рис. 15, 4) и кувшинчик из местной глины, а также привозная чернолаковая посуда — килик (рис. 12, 4), лекиф — маленький кувшинчик для хранения масла (рис. 12, 12) — и чаша (рис. 12, 10), относящиеся к концу IV — началу III в. до н. э.

При погребенном находилось железное оружие: были положены меч с брусковидным навершием на рукояти — поверх него греческий меч-махайра (рис. 14, 12) — у правого локтя — и рядом с ним два ножа, секировидный топорик и пять массивных наконечников копий — у левого. На правом бедре покоился продолговатый точильный камень с отверстием для подвешивания.

На правой руке исследователи обнаружили 2 бронзовых, 2 железных и серебряный браслеты, а также браслет, состоявший из 17 стеклянных голубых и черных бусин. Пояс украшала небольшая бронзовая бляшка с петлей на обороте. Любопытен бронзовый перстень западно-греческого происхождения с печатью, на которой вырезано изображение богини с горящим светильником или факелом в руке (рис. 12, 16). Здесь же и, как полагают культовый предмет (вероятнее всего, своеобразная поясная пряжка), состоящий из трех сливающихся в один крюк стержней, увенчанных фигуркой обнаженного всадника (рис. 15, 18). Конь стоит на площадке, образованной тремя парами горизонтально положенных на стержни спиралей. По бокам площадки выступают по три бараньих головы. На шее у каждого барана бронзовый колокольчик. Три аналогичных колокольчика украшали и соответствующую крюку петлю.

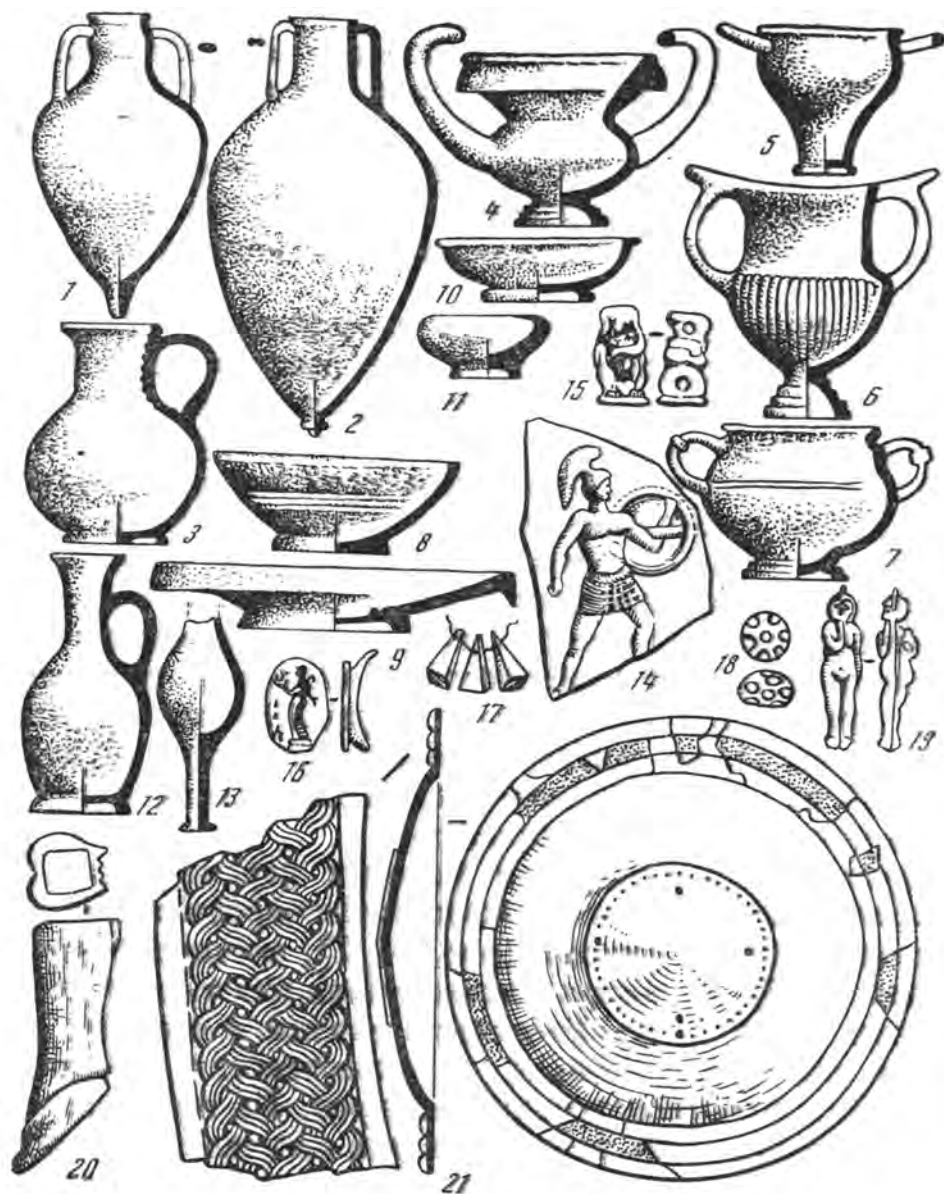

Рис. 12. Диоскуриада. Привозная продукция греческих мастеров:
 1, 2 — амфоры; 3 — кувшин; 4—6, 8—12 — чернолаковая посуда; 7 —
 краснолаковый кубок; 13 — амфориск; 14 — фрагмент «мегарской» чаши; 15, 17, 19
 — подвески; 16 — перстень; 18 — бусина; 20 — ножка ложки; 21 — щит. Глина (1—
 14), бронза (16, 20, 21), фаянс (15), стекло (17—19). IV— II вв. до н. э.
 Абхазский государственный музей и фонды Абхазского института языка, литературы
 и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР

Рис. 13. Эшерское городище, фрагмент доски с греческой надписью.

Бронза. IV в. до н. э.

Фонды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР

значительно расширяется, спускаясь по ее юго-западному склону. В культурных напластованиях этого времени обнаружена разнообразная привозная и местная посуда, из импортных материалов — обломки синопских амфор, черепицы, больших чаш — лутериев, родосских и косских амфор, чернолаковой посуды: канфара (рис. 12, б), котил — глубоких застольных чаш для вина, блюд и др. Продукция местных греческих мастерских представлена достаточно богато: амфоры, черепица, пифосы, кастрюли, чаши, пирамидальные грузила для ткацкого станка и т. д.; к изделиям аборигенов можно отнести часть пифосов, котлы, кувшины. В процентном отношении они теперь уже уступают продукции античного облика — налицо широкая эллинизация быта аборигенов.

Захоронения отражают ту же закономерность: в одном погребении — пять железных наконечников копий, секировидный топорик, меч с брусковидным навершием и чернолаковая котила с амфориском — миниатюрным сосудом для благовоний, в другом — аналогичные топоры и наконечник копья вместе с амфорой, амфориском и черно-лаковым канфаром конца IV — начала III в. до н.э. Во II в. до н. э. жизнь на поселении постепенно замирает.

Очень интересны железные секировидные топорики (рис. 15, 11), получившие широкое распространение в окрестностях Диоскуриады во второй половине IV—III вв. до н. э. Изображения подобных топориков часто встречаются на произведениях северопричерноморской торевтики IV в. до н. э. — художественных изделиях из металла, где они связаны с изображениями скифов (воронез-

Несколько захоронений III — II вв. до н. э. обнаружено и в основании оборонительных сооружений в самой высокой точке городища. В могилах найдены местная и импортная керамика, секировидный топор, наконечники копий, большое число браслетов, серег с нарезными концами (рис. 15, 15) и др. У двух погребенных во рту лежали серебряные греческие монеты.

Посмотрим теперь, как отразилось влияние Диоскуриады на облике материальной культуры аборигенных поселений в разных районах ее сельскохозяйственной территории¹³.

Поселение на вершине Сухумской горы

¹³ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, I, с. 21—55; Каландадзе А. П. Археологические памятники Сухумской горы. с. 77—83; Транш М. М. Древний Сухуми, с. 219—227; Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии, с. 50—59; Он же. Вооружение древнеабхазских племен..., с. 220—231.

ский серебряный сосуд, обивка футляра для лука и стрел — горита из кургана Солоха, ножны меча из Чертомлыка, херсонесский медальон). Нужно отметить, однако, что для собственно скифской культуры такие топорики совершенно не характерны. Поскольку все изделия с описанными изображениями исполнены руками греческих мастеров, можно предположить, что и в окрестностях Диоскуриады этот вид топора получил распространение не без влияния местных греческих оружейников.

В Гуад-иху, центре одного из значительных земледельческих районов Диоскуриады, как и в поселении на Сухумской горе, во второй половине IV—III в. до н. э. население увеличивается, облик культуры заметно эллинизируется.

Среди импортных изделий встречается продукция Аттики, Синопы, Коса, местные, диоскурийские, амфоры, пифосы, чаши, пирамидальные грузила и т. д. Процент изготовленной здесь же, на месте, тарной, кухонной и столовой (рис. 15, 1) посуды сокращается.

Красноречивую картину эллинизации демонстрируют и захоронения. В них, кроме железных секировидных топориков, мечей с брусковидными навершиями (рис. 15, 8), наконечников копий, ножей, разнообразных бронзовых браслетов (рис. 15, 12), ажурных булавок (рис. 15, 14), колокольчиков, фибул и кувшинов, которые могут быть отнесены хотя бы с оговорками, к продукции мастерских аборигенов, найдены амфоры и кувшины диоскурийского производства, синопские амфоры, чернолаковая посуда (рис. 12, 15). Интересны подвески-амулеты (рис. 12, 15) из голубого фаянса, изображающие древнеегипетского бога Бэса, по представлениям того времени отгоняющего злых духов, змей, скорпионов и противостоящего «дурному глазу», серебрянная монета, так называемая колхидка, чеканенная в одном из центров Колхиды. К концу II в. до н. э. на этом поселении жизнь замирает.

В слое IV—III вв. до н. э. вместе с обломками фасосских и ранних родосских амфор на поселении Гуад-иху был найден железный лемех — наконечник орала древнего деревянного плуга (рис. 14, 10). В Северном Причерноморье до сих пор не встречались железные лемехи древнее конца II в. до н. э. Таким образом, лемех из Гуад-иху наряду с лемехами, обнаруженными в последние годы в комплексах VI—V вв. до н. э. в окрестностях Фасиса, входит в число древнейших изделий такого рода в Советском Союзе. Интересно, что близкие по форме железные лемехи еще в первой половине VI в. до н. э. греки привезли с собой в Сицилию. Можно полагать, что и в Диоскуриаде эти лемехи использовались греками со столь же раннего времени.

Необычное женское погребение удалось обнаружить на южном склоне холма в 1973 г. Дно и стенки перекрытия погребальной камеры были сложены из 22 плоских черепиц синопского производства (рис. 16). Сверху вдоль стыков черепиц лежали еще 5 желобчатых синопских черепиц, которые обеспечивали полную герметичность камеры. Гробница к моменту нашего прихода оказалась уже разграбленной — сохранились лишь кувшин, два чернолаковых

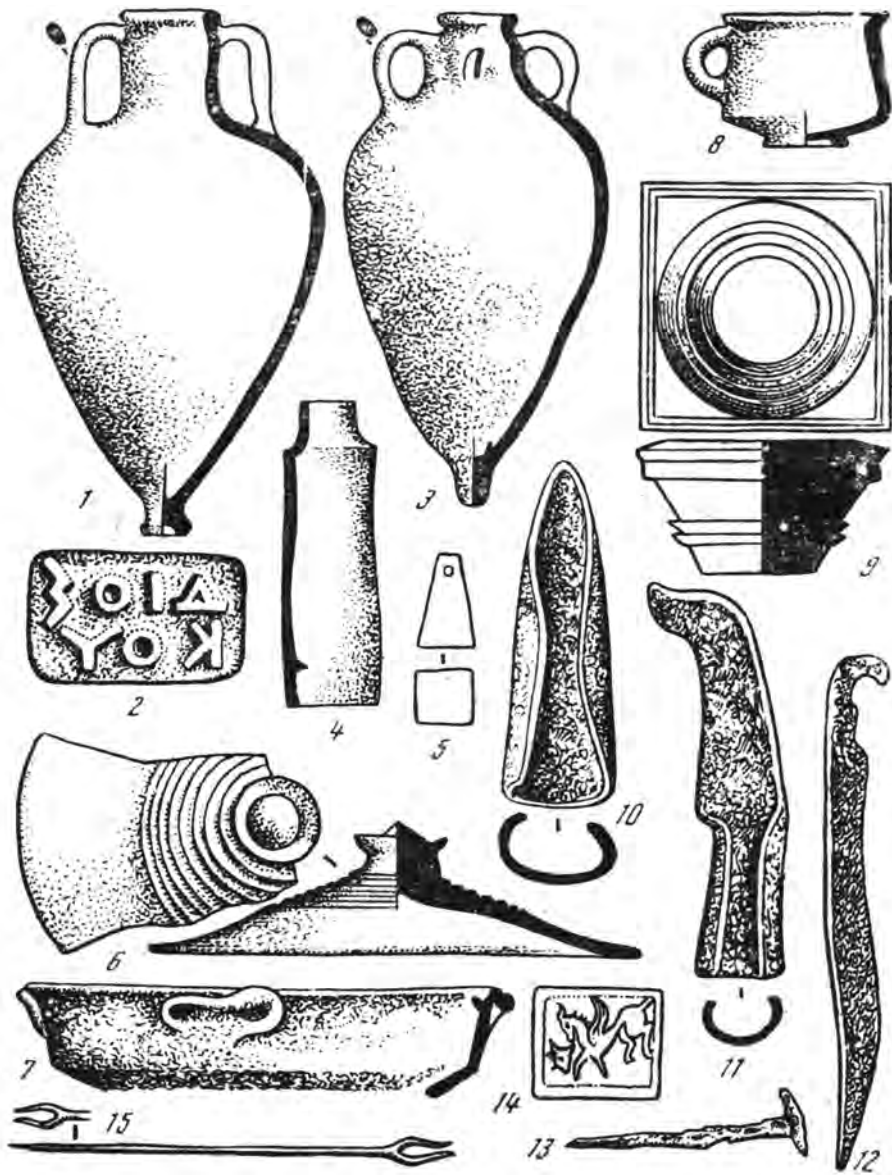

Рис. 14. Диоскуриада. Продукция местных греческих мастеров:

- 1, 3 — амфоры; 2 — отпечаток клейма Диоскуриады на ручке амфоры;
 4 — водопроводная труба; 5 — грузило; 6 — крышка; 7 — кастрюля; 8 — кружка;
 9 — капитель; 10 — лемех; 11 — садовый инструмент; 12 — меч-махайра;
 13 — гвоздь; 14 — перстень; 15 — спица для вязки сетей.

Глина (1—8), бронза (14), железо (10—13, 15), камень (9). IV—II вв. до н. э.
 Абхазский государственный музей и фонды Абхазского института языка, литературы
 и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР

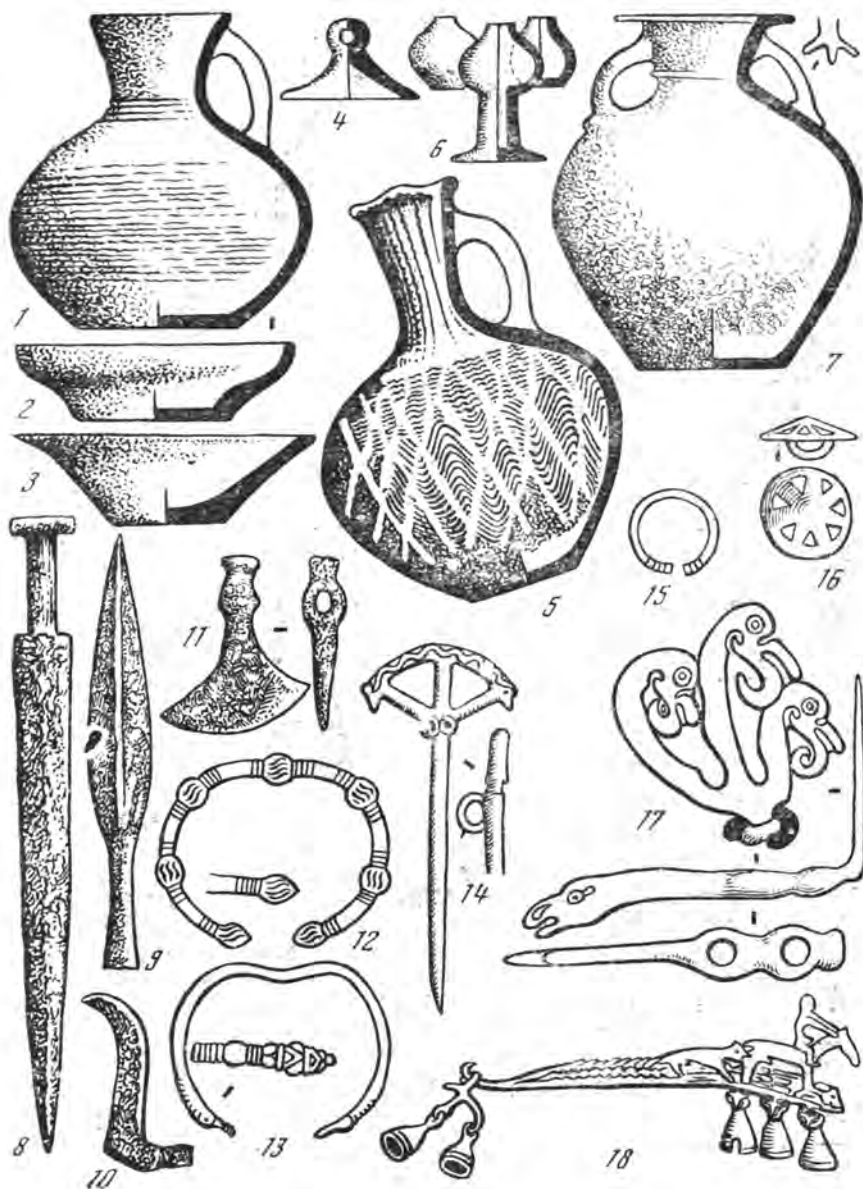

Рис. 15. Окрестности Диоскуриады. Продукция местных мастеров:
 1, 5, 7 — кувшины; 2—3 — миски; 4 — крышка; 6 — светильник; 8 — меч;
 9 — наконечник копья; 10 — топор-цалда; 11 — топор; 12—13 — браслеты;
 14 — булавка; 15 — серьга; 16, 17 — детали конской узды;
 18 — культовая агретка-пряжка. Глина (1—7), железо (8—11), бронза (12—18).
 IV—II вв. до н. э. Абхазский государственный музей

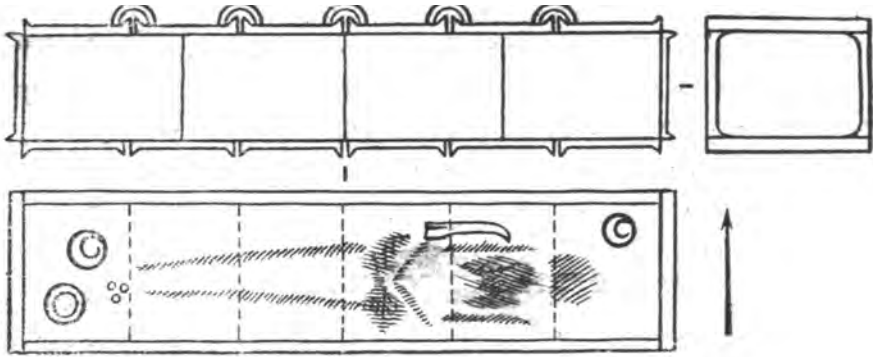

Рис. 16. Гробница из могильника Гуад-иху.
Черепица. IV—III вв. до н. э.

сосуда, какие-то колечки и железный садовый инструмент (рис. 14, 11) с загнутым верхним концом и тульей, предназначенной для насадки на длинную деревянную рукоять.

Подобные орудия — флаксы стали распространяться в окрестностях Диоскуриады в IV—III вв. до н. э. Они не имели прототипов в Восточном Причерноморье, но широко использовались в античном хозяйстве Средиземноморья, связанном с садоводством и виноградарством. С помощью этих инструментов можно было не только быстро очищать лозы, срезать ветки, но и подтягивать их к себе, как крючком. Появление их в окрестностях Диоскуриады следует, видимо, связывать с тем, что греки поставили местное виноградарство на промышленную основу. Любопытно, что массовое производство амфорной тары в Диоскуриаде также приходится на IV — III вв. до н. э.

Раскопки римской «башни Одынец» на северо-западной окраине Сухуми позволили выявить и довольно значительную коллекцию древних изделий, в том числе чернолаковые чаши (рис. 12, 8), рыбные блюда (рис. 12, 9), кувшины, кружки, пергамские кубки, пирамидальные грузила, топоры и т. д.

Много интересного дали и раскопки Красномаяцкого поселения. Обломки привозных, большей частью синопских амфор, черепицы, кувшинов, чаш и других изделий, чернолаковой и краснолаковой посуды, изготовленных местными ремесленниками-греками амфор, кастрюль, лутериев, черепицы, грузил для ткацкого станка к т. д., явно преобладающих над продукцией аборигенов, позволяют говорить не только о глубоко зашедшем процессе эллинизации, но и о том, что на поселении жили и сами греки. В этой связи очень интересна железная спица (рис. 14, 15) для вязки рыболовных сетей по греческому образцу, найденная здесь же в слое III—II вв. до н. э.

Особенно выразительным памятником этого времени, исследованным на территории поселения Красный маяк, является печь для обжига керамических изделий из гранитных валунов и ломаного известняка на глинистом растворе с наруж-

ной обмазкой. Вокруг печи когда-то стояли деревянные столбы, поддерживавшие над ней черепичное перекрытие. Среди изделий, обнаруженных здесь, обращают на себя внимание амфоры, пифосы, сковороды, котлы, крышки (рис. 14, б), пирамидальные грузила, черепица, кирпич, обжигательные подставки и т. д. Часть амфор по форме восходит к соответствующей синопской продукции III в. до н. э.

Все найденные изделия, получившие в Северной Колхиде широкое распространение в III — начале I в. до н. э., изготовлены из местной, главным образом коричневого и красного обжига, глины с примесями песка, слюды, редких пироксеновидных частичек. До недавнего времени пироксеновидные примеси считались исключительно принадлежностью глин Южного Причерноморья. В последние годы, однако, глины с такой примесью найдены и в бассейне Риони, где они использовались еще в доантичную эпоху, и в Северной Колхиде, где они иногда употреблялись в III—II вв. до н. э. Судя по ассортименту продукции, красномаяцкая печь может быть включена в число греческих производственных центров Диоскуриады.

На красномаяцком могильнике всего два захоронения этого времени. В одном из них археологи нашли два бронзовых браслета, две местные коричневоглиняные амфоры и амфориск (рис. 12, 13) второй половины III — первой половины II в. до н. э. В другом, перекрытом красноглиняной черепицей местного производства, бронзовый браслет, две проволочные серебряные серьги, свыше 60 бус из голубой пасты, стекла с золотистой прокладкой и сердоликовых, а также краснолаковый кубок (рис. 12, 7) II в. до н. э.

Значительное поселение той эпохи обнаружено и на южной окраине Лечкопского плато, вблизи железнодорожной станции Ачадара. Здесь также находился центр гончарного производства III—I вв. до н. э., продукцию которого составляли амфоры, черепица, пифосы и т. д.

Выше уже говорилось, что на западном отроге холма Верещагина еще в VIII—VII вв. до н. э. существовало поселение аборигенов. В последующие столетия жизнь на нем, судя по всему, протекала так же, как на поселениях Сухумской горы, Гуад-иху и Красного маяка.

На холме Верещагина еще в 30-х годах было раскопано два очень интересных, по-видимому женских, захоронения эллинистического времени. В первом из них ученые нашли два амфориска, два кувшинчика — местный (рис. 15, 5) и чернолаковый, обломок железного ножа, две проволочные бронзовые серьги, 40 бусин из гешира — черного смолистого минерала, стекловидной пасты, сердолика, перламутра, белого и с золотистой прокладкой стекла, бронзовые браслеты с прогнутой спинкой и два бронзовых перстня. Рядом, в кремационном захоронении в урне — в косской амфоре (рис. 13, 2) были обнаружены два кувшинчика местной работы, два амфориска, четыре бронзовых браслета (рис. 15, 13) и обломок железного ножа. Амфору прикрывала каменная плита. Оба захоронения, судя по амфоре, амфорискам и чернолаковому кувшинчику, относятся ко времени не ранее конца III — середины II в. до н. э.

Любопытны браслеты с прогнутой спинкой, концы которых украшены предельно стилизованными головками животных и круговыми нарезками. Такой тип браслетов проник в Колхиду еще в V в. до н. э. из Ирана, однако местное производство их началось, судя по всему, с конца IV в. до н. э. В III — II вв. до н. э. они широко распространились в окрестностях Диоскуриады. Интересны и перстни из первого погребения, щитки которых украшены изображениями собаковидного существа и грифона — фантастического крылатого животного с телом льва и головой орла, перед которым видна голова быка (рис. 14, 14). Эти перстни могут быть отнесены также к продукции греческих мастерских самой Диоскуриады.

Чрезвычайно интересный памятник рассматриваемого времени в начале 60-х годов открыли В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин на восточной окраине Нового Афона (Гвандра). Здесь, в срезе небольшого берегового обрыва, в результате действия приобья обнаружили остатки печи для обжига керамики, представлявшие собой углубление диаметром до 3 м, заполненное обломками пифосов, амфор, тарелок, мисок, блюд, кувшинов, горшков, черепицы и керамического шлака¹⁴.

Большинство этих изделий оказалось изготовленным из местной глины, имеющей в изломе зернистую фактуру оранжево-коричневого цвета с легкой примесью мелких пироксеновидных включений и мелких блестков слюды. Форма амфор (рис. 14, 1) — довольно высокая ножка и слегка раздутое в верхней части горло с небольшим венцом с круговым валиком — сближает гвандрские амфоры с соответствующей продукцией Синопы второй половины IV — первой половины III в. до н. э. Не подходит под синопский стандарт лишь наличие довольно глубокой выемки на подошве амфорных ножек. Вероятно, это влияние каких-то других центров, например Гераклеи.

Примечательной особенностью гвандрского комплекса является собственно диоскуриадская клейменная тара — на многих амфорных ручках имеется зеркальный отпечаток клейма ΔΙΟΣΚΟΥ [ΡΙΑΔΕΩΝ], т. е. «диоскурийцев», наносившийся с помощью штампа (рис. 14, 2). Клеймение амфор и других изделий в греческом мире служило гарантией их стандартности, обусловленной государственным контролем над гончарным производством. Поэтому некоторые исследователи допускают, что в конце IV— III в. до н. э. керамическое производство Диоскуриады носило государственный (полисный) характер¹⁵. Такого рода свидетельство для Восточного Причерноморья обнаружено впервые.

¹⁴ Воронов Ю. Н. К изучению керамического производства Диоскуриады - СА, 1977, № 2, с. 162—165.

¹⁵ Браширский И. Б. Синопа и Колхида (к проблеме греческой колонизации юго-восточного Причерноморья). — КБС, IV, 1973, с. 186—187; Шамба Г. К. Амфорные клейма Диоскурии. — НАИ, V, 1976, с. 151.

Посмотрим, что происходило в рассматриваемое время в восточной части хоры Диоскуриады. Еще в VI в. до н. э. возникло поселение на вершине холма Ахул-абаа (верховья Алексеевского ущелья). В IV в. оно распространилось и на ближайшие небольшие гребни и вершины, заняв площадь свыше 1 га. Здесь обнаружены обломки синопских амфор, лутериев и черепиц IV—III вв. до н. э., амфор фасосского, родосского и гераклеяского производства IV—III вв. до н. э. Диоскурийская продукция представлена амфорами, кастрюлями, чашками, черепицей и пирамидальными грузилами. В большом количестве в поселение поступала и чернолаковая посуда — скифосы, лекифы, аски и др. Здесь же найдены полая бронзовая ножка от греческого ложа IV в. до н. э. и бронзовый аттический шлем. Материальная культура аборигенов характеризуется обломками пифосов, кувшинов, железными (топор, нож и др.) и каменными (ладьевидные зернотерки, гальки со следами работы) изделиями.

На периферии поселения обнаружено несколько погребений. В погребении воина найдены бронзовая чаша, железный меч с брусковидным навершием, два наконечника копий, нож, три изящные бусины (рис. 12, 18), чернолаковые канфар, чашечка (рис. 12, 11) и блюдо, сероглиняный импортный кувшинчик (рис. 12, 3) и железный местный сельскохозяйственный топор-цалда. Наиболее выразителен деревянный щит диаметром до 80—90 см, от которого сохранились обломки бронзовой обивки, состоявшей из внешней пластинчатой окантовки, орнаментированной пятирядной рельефной плетенкой с «жемчужинами», и центральной части диаметром до 29 см (рис. 12, 21).

Ближайшая и единственная в Советском Союзе аналогия этому щиту — греческий щит из Курджипского кургана (Прикубанье) IV в. до н. э.

Очень интересны также остатки уздечного набора, найденного вместе с костями коня поблизости. В набор входили железные двухзвеньевые удила с бронзовыми псалями, лопасти которых представляют собой стилизованные лапы грифона (рис. 15, 17), бронзовая налобная бляха в виде фигуры фантастического животного и др. Изделия выполнены в духе сако-скифского «звериного стиля» в том его варианте, который получил распространение в Прикубанье. Нужно сказать, что в окрестностях Диоскуриады известно довольно большое число аналогичных принадлежностей конской сбруи (Гуад-иху, замок Баграта, Келасури, Агудзера и др.), свидетельствующих о том, что в IV—III вв. до н. э. местное население добывало себе лошадей, а вместе с ними и конскую сбрую главным образом в Прикубанье, о связях с которым говорят также форма мечей и некоторые виды наконечников копий. Вблизи поселения на вершине холма Ахул-абаа найдена и золотая фигурка птички от какого-то украшения (рис. II).

С территории сухумского дендропарка происходит золотая бляшка в виде фигурки льва (рис. III).

Выше уже говорилось, что в V в. до н. э. аналогичные описанным местные поселения возникли на ряде вершин водораздельных хребтов. В IV—III вв. до н. э. они, подобно поселению на холме Ахул-абаа, значительно расширились.

На поселении в урочище Капитановка (водораздел Келасури и Мачары в 6 км от берега моря) после террасирования удалось проследить, что отдельные жилища (а общее их число едва достигало 10) располагались на расстоянии 15—20 м друг от друга. Дома могли стоять и на очень крутом склоне, тогда одна их часть опиралась на вырубленную в нем площадку, а другая, вероятно, — на столбы.

О материальной культуре местных жителей можно судить по многочисленным обломкам туземной посуды (пифосы, кувшины, горшки, миски, кружки, котлы и т. д.), привозным (синопские амфоры и лутерии, чернолаковая и краснолаковая посуда) и диоскурийским (амфоры, лутерии, кухонная посуда) керамическим изделиям, железным серповидным ножам, бронзовым колокольчикам, браслетам с прогнутой спинкой, привозным бусам из стекловидной пасты и др.

На одной из террас западнее устья Мачары обнаружены следы небольшого поселения — обломки черепицы, амфор и кухонной посуды исключительно диоскурийского производства III—II вв. до н. э. Вероятно, здесь находилась небольшая сельскохозяйственная усадьба.

На уже упоминавшемся поселении Мачара-2, расположенном в 5 км от берега моря и в 15 км от города, черты эллинизации проступают столь же отчетливо, что и на Красном маяке или Сухумской горе. На пашне найдены остатки по меньшей мере 15 жилищ, занимавших по южному, западному и северо-восточному склонам холма около 1 га, обломки синопских амфор, черепиц, лутериев и кувшинов, родосских амфор, чернолаковой посуды — котил, чаш, блюд, амфорисков и других изделий IV—II вв. до н. э., продукции производственных центров Диоскуриады — черепицы, амфор, пифосов, лутериев, кастрюль, пирамидальных грузил и т. д. Из разрушенных пахотой погребений происходят железные топоры, наконечники копий, ножи, садовые инструменты с клювовидной рабочей частью, бронзовые браслеты с прогнутой спинкой, кувшины, амфориски, чернолаковая посуда, бусы и т. д.

Следы не менее двух десятков аналогичных поселений фиксируются севернее и восточнее, по холмистым предгорьям междуречья Мачары и Кодора. Отсюда постоянно поступают сведения о находках чернолаковых сосудов, глиняных пирамидальных грузил от ткацких станков и т. д. Обломки синопских амфор и чернолаковой посуды найдены в культурных напластованиях ряда поселений в Цебельдинской долине (Шапка, Цибилиум, Пацхир и др.) на расстоянии в 30—40 км от Сухуми. Эти поселения находились уже вне зоны непосредственного контакта полиса с местными племенами; такая зона кончалась здесь примерно в 10—12 км от берега. На востоке же граница, вероятно, шла вблизи берегов Кодора.

Несколько лет назад около Агудзеры, на пляже, кто-то подобрал золотую монету Филиппа III Македонского (рис. IV), выпавшую из стенки обрыва, в котором обнаружилось затем погребение, частично размытое морем. В погребении оказались железные секировидный топорик, меч с брусковидным навершием,

наконечники копий, бронзовая булавка с ажурной головкой и оригинальный глиняный сосуд, на плечиках которого были прилеплены четыре маленьких сосуда, соединенных с большим отверстием в днищах. Монета относится к 323—316 гг. до н. э., отсюда и дата погребения — конец IV — первая половина III в. до н. э. Рядом — остатки большого поселения, где находили обломки синопских амфор и черепицы, железный скифский меч (рис. 5, 21) VI в. до н. э., пирамидальные грузила из глины и другие материалы эпохи Диоскуриады.

На юго-восточной окраине поселка Гульрипш совсем недавно при рытье канала сухумский врач Н. А. Берников обнаружил древнюю производственную площадку, где, по-видимому, стояла гончарная печь. На поверхности вымостки из кусков обожженной глины и керамического шлака было найдено до трех десятков амфорных горловин и ножек, обломков венцов пифосов, тарелок и черепицы. Примечательно, что среди находок почти совершенно отсутствовали невыразительные обломки стенок сосудов.

Создается впечатление, что это какая-то часть производственных отходов, прошедших специальный отбор с целью, для нас пока неясной. Отличительные черты большинства амфор (рис. 14, 3) — раздутость горла и слегка округлая ножка, на внутренней стороне которой имеется характерный спиралевидный завиток. На горлах нанесены по сырой глине однотипные значки, вероятно, определявшие емкость сосудов или же их принадлежность определенной мастерской, которая функционировала еще во II — начале I в. до н. э.

«История классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...», — писал К. Маркс¹⁶. История Диоскуриады в данном смысле не исключение.

На территории хоры Диоскуриады по аналогии с Северным Причерноморьем¹⁷ могут быть пока выделены три типа сельских поселений.

К первому относится хорион — поселение греков, в котором каменные жилища, концентрируясь на ограниченной территории, теснились одно подле другого и не имели приусадебных участков. Такие жилища объединялись в блоки и кварталы, разделенные улицами и переулками, и окружались оборонительными сооружениями.

Ко второму типу поселений относятся неукрепленные поселения аборигенов — комы, располагавшиеся на равнине или на вершинах холмов и представлявшие собой группу изолированных хижин, отстоявших одна от другой на 10—30 м и разделявшихся, по-видимому, приусадебными участками.

К третьему типу относятся неукрепленные сельские усадьбы греков как в непосредственной близости от кварталов города, так и юго-восточнее, по периферии хоры, вблизи морского побережья. Дома в усадьбах и отдельные здания

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46. ч. 1, с. 470.

¹⁷ Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 149.

в комах, принадлежавшие, возможно, родовым старейшинам, покрывались в IV—II вв. до н. э. черепицей.

Об истории аграрных отношений на территории хоры Диоскуриады у нас пока данных явно недостаточно. Можно только с полным основанием говорить, что начиная с V в. до н. э. площади поселений здесь увеличиваются, а следовательно, увеличивается и число аборигенов, втянутых в систему экономических отношений города. Появление мощного рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов, в первую очередь хлеба, способствует росту обрабатываемых в окрестностях Диоскуриады площадей и распространению в местном быту более совершенных земледельческих орудий, в том числе греческого плуга с железным наральником и крупных железных мотыг, что превращает землю из средства поддержания жизни в средство увеличения достатка.

Параллельно с хлебопашеством в рассматриваемое время в пределах хоры города развивается виноградарство, не игравшее до того заметной роли в хозяйственной жизни местного населения. Не случайно здесь так широко распространяются виноградные ножи античного облика, успешно конкурировавшие с местным топором-цалдой. Показательно, что по времени это совпадает с организацией массового производства местной керамической тары, рассчитанной на винодельческую промышленность. Развивается также садоводство (орехи, персики и т. д.) и огородничество. Несомненно большую роль играет и скотоводство. Скот используется в хозяйстве как тягловая сила; мясо и молочные продукты идут в пищу; из кожи изготавливаются обувь и военные доспехи; мелкий рогатый скот дает шерсть для одежды. Лошади находят применение в войсках.

Намечаются изменения и в отношении различных видов промысла. Так, большой размах, вызванный расширением рынка, получает рыболовство, о чем говорят, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и в туземных поселениях. Вероятно, на рыбном промысле начинают специализироваться те семьи греков и втянутых в городскую жизнь аборигенов, что обитают в прибрежной полосе (Красный маяк и др.). Охота имеет подсобное, второстепенное значение.

Немалую роль играло в экономике Диоскуриады ремесло. Если еще 10-15 лет назад наука не располагала какими-либо достоверными сведениями об этой стороне жизни города, то в настоящее время такие материалы, во всяком случае для IV—II вв. до н. э., у нас есть. На территории хоры был разбросан в рассматриваемый период целый ряд производственных центров, основанных и эксплуатировавшихся греческими гончарами. Здесь изготавливались разнотипные амфоры, черепица, пирамидальные грузила для ткацких станков и, возможно, рыболовных сетей, различная кухонная и столовая посуда (кастрюли, горшки, миски, тарелки, блюда, крышки, сковороды, лутерии, кувшины и т. д.) по образцам, характерным для греческого мира. Продукцией мастерских оказались и отдельные типы пифосов, считавшиеся ранее туземного происхождения.

Видное место в ремесле Диоскуриады занимала и металлообработка. К числу изделий греческих кузнецов следует отнести в первую очередь сельскохозяйственные инструменты (лемехи, мотыги, виноградные ножи, орудия с клювовидной рабочей частью и т. д.), оружие (мечи-махайры, отчасти мечи с брусковидным навершием, секировидные топоры, наконечники копий и т. д.), строительные материалы (гвозди, скобы и др.), спицы для вязания сетей и т. д. Определенный круг вещей вышел, вероятно, из рук диоскуриадских литейщиков — бронзовая доска с надписью из Эшеры, перстни некоторых типов, ювелирные изделия из золота и т. д.

О развитии ткацкого ремесла говорят многочисленные пирамидальные грузила для вертикального греческого станка, что свидетельствует о его широком распространении в хозяйстве аборигенов. Различные размеры грузил указывают на существование станков для выделки различных тканей — от тончайших до парусины. Жили здесь и ремесленники, специализировавшиеся на плетении рыболовных сетей.

Интересны данные о строительном деле. Основным материалом для сооружения домов на большинстве поселений хоры Диоскуриады было дерево. Стены деревянных строений покрывались глиняной обмазкой. На поселениях греков для строительства, помимо дерева, широко использовались камень и сырцовый кирпич. Стены домов ставились на фундаменте из ломаного или обработанного известняка или песчаника. Известняковые резные капители позднеродического ордера свидетельствуют о существовании в этих местах собственной школы каменотесов, возводивших монументальные храмы. Капители и часть блоков сделаны из того известняка, ближайшие выходы которого известны к северу от Нового Афона. Оттуда он доставлялся в Эшеру морским путем.

Обработка дерева занимала видное место в ремеслах Диоскуриады: плотницкое и столярное дело, кораблестроение, изготовление сухопутных транспортных средств и деталей сельскохозяйственных орудий. Широко было поставлено производство канатов, плетение корзин, выделка циновок, обработка кости и т. д.

В эллинистический период происходит коренная перестройка хозяйства аборигенов на территории хоры Диоскуриады. Если прежде главной задачей являлось удовлетворение внутренних потребностей каждого населенного пункта — его жители сами обрабатывали землю, изготавливали оружие, сельскохозяйственные орудия, посуду, одежду и украшения, то теперь часть этих функций перешла к городу, где аборигены стали приобретать в обмен на сельскохозяйственные продукты значительную часть того, что прежде производили сами. В результате происходит резкое сокращение многих видов туземной ремесленной продукции, в том числе и керамики.

Диоскуриада была широко известна своими торговыми рынками. Согласно сообщению Тимосфена Родосского, жившего в III в. до н. э., здесь для коммерческих сделок собирались представители 300 племен. Страбон, опираясь на источники III—I вв. до н. э., писал: «Эта же Диоскуриада является... общим

торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае в этот город собираются [представители] 70 народностей» (XI, 2, 12). Он сообщает, что эти народы «сходятся в Диоскуриаду... главным образом для покупки соли» (XI, 5, 6).

Очень разнообразны в эллинистический период внешние связи Диоскуриады. Установившиеся еще в V в. до н. э. тесные контакты с Афинами сохраняют свое значение и в последующие века. На это указывают многочисленные находки разнообразных чернолаковых изделий.

В IV в. поддерживаются связи с Хиосом и Фасосом, ввозившими в Колхиду вино. С конца V — начала IV в. до н. э. усиливаются контакты с Синопой, постепенно захватывающей роль посредника в торговле между Колхидой и Средиземноморьем, которую она сохраняет до конца эллинистической эпохи. Из Синопы в Диоскуриаду поступают амфоры с оливковым маслом, строительные материалы, столовая посуда, монеты и т. д. Не случайно поэтому местное керамическое производство складывалось под непосредственным влиянием соответствующей продукции Синопы (амфоры, черепица, лутерии и т. д.). В IV в. устанавливаются торговые связи и с другим важным центром торговли в Причерноморье — Гераклеей Понтийской. Отсюда также ввозятся вина и оливковое масло. На территории хоры Диоскуриады найдены характерные образцы продукции Родоса, Коса, Пергама и других городов.

В свою очередь, Диоскуриада экспортирует лес, льняные ткани, продукты земледелия и животноводства, мед. С IV в. до н. э. определенное место занял и вывоз вина, о чем говорят находки колхидских амфор в Северном Причерноморье. Все эти торговые операции торговцы-греки производят в первую очередь в интересах городского населения Диоскуриады, однако их результаты зримо сказываются и на жизни населения ее хоры. По крайней мере с середины V в. до н. э. в местной среде получают распространение многочисленные привозные изделия.

В IV—II вв. туземное население широко использует продукцию различных средиземноморских и причерноморских центров. Надо полагать, что господствующей формой торговых операций между жителями сельских поселений и городскими купцами был натуральный обмен, хотя нельзя исключать и определенную роль денег, которые, однако, иногда могли заменяться какими-нибудь эквивалентами, например перстнями и т. д.

Античные монеты появляются в окрестностях Диоскуриады довольно рано. В IV—II вв. здесь получают хождение серебряные монеты Синопы, золотые и серебряные монеты Александра Македонского и Филиппа III Македонского, подражания статерам Лисимаха (рис. V), распространяется монета Амиса и других центров. На сельскохозяйственной территории города известно несколько кладов и довольно большое число случайных находок колхидок — серебряной монеты, обращавшейся в Колхиде в конце VI — IV вв. до н. э. и связываемой рядом исследователей с чеканом восточнопричерноморских гре-

ческих городов (в основном, вероятно, Фасис)¹⁸. Не исключено, однако, что один из монетных дворов, чеканивших колхидки, находился в Диоскуриаде. Одна такая колхидка была найдена в 1924 г. в районе Сухумской крепости, т. е. непосредственно на территории города. Имеются, правда, не совсем достоверные сведения о находках в окрестностях Сухуми колхидок с буквенными обозначениями Δ и ΔΙ. В литературе высказано также мнение, что к продукции диоскуриадского монетного двора нужно относить и золотые монеты, приписываемые рядом исследователей Савлаку (рис. 17, 1) — согласно Плинию, одному из крупнейших племенных вождей эллинистической Колхиды¹⁹. Прототипами этих монет, как полагают, послужили монеты Родоса — на лицевой стороне Савлаковых монет имеется изображение царя, сходное с изображением Гелиоса на родосских монетах, а на обороте помещена голова быка.

Под власть Митридата Понтийского

II век до н. э. ознаменовался во всем античном мире значительными политическими событиями, развитие которых наложило отпечаток и на историю Диоскуриады. В этот период Рим постепенно распространяет свое политическое и экономическое влияние в Средиземноморье. На востоке, в Малой Азии, ему пытаются противостоять Понтийское царство (или Понт), также стремящееся к гегемонии в данном районе. Понтийский царь Митридат VI Евпатор принимает все меры к тому, чтобы создать против Рима мощное объединение, завладеть наиболее важными опорными пунктами, собрать как можно больше сил.

С другой стороны, Понт стремится защитить греческий мир от все более и более активизировавшихся варваров. Одной из таких акций стал крымский поход Диофанта, поводом для которого послужила просьба Херсонеса оградить его от скифов. Поход закончился включением Херсонеса и Боспора в состав Понта.

Первое появление Митридатовых войск на территории Диоскуриады, возможно, было связано с аналогичным призывом и относится также еще к концу II в. до н. э., когда, согласно источникам, Митридату пришлось «войной подчинить Колхиду». В войне Диоскуриада, судя по всему, поддержала Митридата, за что и получила автономию, выразившуюся, в частности, в праве чеканить собственную монету. Исследователи видят в этом факте возрождение в городе полисных традиций и относят чеканку монет Диоскуриады ко времени от 111 до 100 г. до н. э.²⁰

¹⁸ Дундуа Г. Ф. К происхождению колхидок с изображением льва. - Мацне. Сер. истории, археологии и этнографии. I. Тбилиси, 1972, с. 56—73; Болтунова А. И. Колхидки. — ВДИ, 1973, № 4, с. 97.

¹⁹ Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, с. 17—18.

²⁰ Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970, с. 17—22; Голенко К. В. К датировке монет Диоскуриады. — В кн.: Нумизматический сборник памяти Д. Г. Капанадзе. Тбилиси, 1977, с. 57—63.

Рис. 17. Монеты Савлака (1), Диоскуриады (2) и Аристарха Колхидского (3). Серебро (1) II в. до н. э.; бронза (2) и серебро (3). Конец II и середина I в. до н. э.

В настоящее время известно всего около четырех десятков этих монет, найденных главным образом в Северном Причерноморье (Херсонес и др.), а также, по данным известного нумизмата Е. А. Пахомова, в окрестностях Анкары. Все они изготовлены из меди и принадлежат к одному типу и двум весовым категориям (дихалк и халк). На лицевой стороне монет имеются изображения шапок Диоскуров с шестилучевыми или восьмилучевыми звездочками над ними, на обратной стороне — тирса, палки с пиниевой шишкой на конце, по сторонам которого надпись ΔΙΟΣΚΟΥΡΙΑΔΟΣ, разбитая на три строки (рис. 17, 2).

Впервые тирс на Митридатовых монетах появляется в Южном Причерноморье в сериях 105—90 гг., а в Северном Причерноморье — в сериях 100—95 гг. до н. э., наиболее поздние изображения тирса на монетах понтийских городов датируются 80-ми годами I в. до н. э. Мелкие номиналы, к которым относятся и рассматриваемые, были характерны для ранних серий Митридатовых монет (до 80-х годов до н. э.). На южнопонтийских монетах в сериях 111—105 гг., а на Боспоре в сериях 100—90 гг. до н. э. существуют добавочные изображения и монограммы, которые на монетах Диоскуриады еще отсутствуют. Таким образом, выпуск диоскурийских монет следует отнести ко времени не позднее 105—100 гг. до н. э.

Интересно, что монеты, чеканенные в Диоскуриаде, редко встречаются в Колхиде, зато часто попадают в Херсонесе и в ряде боспорских городов (Мирмекский, Тиритака, Фанагория и др.), хотя на Боспоре и в Херсонесе выпускалась собственная монета. Это обстоятельство служит, вероятно, свидетельством внешне противоречивого синтеза двух элементов внутренней политики Митридата VI. С одной стороны — показное предоставление многим греческим городам права чекана, с другой — попытка создания единого внутреннего рынка в сфере обращения медной монеты. Причем, нужно полагать, экономическая зависимость городов Северного Причерноморья от Понта искусственно стимулировалась нехваткой местной медной монеты и частичной ее заменой привозной. Наличие монет Диоскуриады в данном случае является свидетельством того, что их специально завозили для обращения в Херсонесе и на Боспоре.

Если рассматривать Диоскуриаду как поставщика мелких номиналов меди в Северное Причерноморье, тогда прекращением чекана диоскуриадных монет в период около 100 г. до н. э. можно объяснить то обстоятельство, что в Херсонесе и на Боспоре именно в этот период выходят из обращения мелкие медные номиналы ниже тетрахапка. Отсутствие монет Диоскуриады в Закавказье можно объяснить и тем, что на внутренних рынках городов Колхиды, о чем говорят, в частности, находки в Сухуми, основную роль в 105—100 гг. до н. э. играли крупные номиналы понтийской меди, отодвигавшие на второй план мелкую медь Диоскуриады.

Как и в других районах Причерноморья, основными опорными пунктами Митридата в Колхиде являлись греческие города, среди которых, судя по всему, ведущее место принадлежало Диоскуриаде. Любопытно, что именно они и близкая к ним местная племенная аристократия выступали инициаторами или поддержки Митридата, или выступлений против него (как и в других провинциях Понта). Поэтому, когда в источниках речь идет о взаимоотношениях Митридата с Колхидой, в них нужно видеть в первую очередь отношения его с местными греческими центрами.

По сообщению Страбона (XI, 2, 18), в начальный период господства Понта в Колхиде (до 80-х годов I в. до н. э.) здесь правил наместник Митридата. Его резиденция, несомненно, располагалась в одном из греческих городов, вполне возможно в Диоскуриаде. В функции наместника входили сбор налогов, организация вспомогательных войск и других средств поддержки Понту в его многочисленных войнах, которые ложились тяжелым бременем также и на восточно-причерноморские города с их окружением. Экономическая жизнь Диоскуриады и других греческих центров Колхиды под властью Понта в силу этих обстоятельств постепенно расстраивалась, особенно торговля с заморскими странами, что вызывало разочарование в Митридате среди господствующих слоев городов и местной племенной аристократии. Вероятно, его результатом явилось антимитридатовское восстание в Колхиде, происшедшее, по-видимому, в конце первой войны с Римом, около 85 г. до н. э.

О последующих событиях римский историк II в. н. э. Аппиан сообщает следующее: «Митридат же, поплыв в Понт, воевал с отпавшими колхами и боспорцами. Из них колхи просили его, чтобы им был дан царем сын его, Митридат, и, получив его, тотчас подчинились. Царь же, заподозрив, что это произошло [по проискам] сына его, желавшего царства, призвав его к себе, заключил в золотые оковы и немного спустя казнил его...» (Митридатовы войны, 64).

Исследователи обычно истолковывают приведенный отрывок в том смысле, что Митридат вынужден был пойти в Колхиде на крупные уступки колхам, возродив у них царскую власть. На наш взгляд, Митридату эта акция не стоила особых трудов — в Колхиде он имел много сторонников. Если бы оппозиция Митридату в Колхиде оказалась достаточно сильной, он, во-первых, не расправился так быстро с сыном и, во-вторых, не избрал бы Колхиду базой для приготовлений ко второй войне с Римом, о чем пишет далее Аппиан. Важно и то, что Митридат после второй войны, согласно тому же Аппиану, «подчинил себе Боспор и дал им царем одного из своих сыновей Махара» (Митридатовы войны, 67). И сделал это, как известно, не в результате каких-то «уступок» боспорцам, а в результате безоговорочной капитуляции побежденных. Под «царями» Аппиана следует понимать в данном случае не фактически царей, а лишь наместников Митридата.

Прямое указание Аппиана на то, что Митридат строил флот перед второй войной с Римом в Колхиде, а также сообщение Страбона, что из Колхиды шла Митридату «главнейшая помощь для [организации] его морских сил» (XI, 2, 18), позволяют полагать: во всяком случае, часть кораблей для флота делалась в Диоскуриаде.

Третья война Митридата с Римом обернулась для понтийского царя серией поражений. В 71 г. до н. э. пала столица Понта Амис, а в 70 г. — Синопа. Клеохар — наместник Митридата в Синопе — и его приверженцы, как сообщает греческий историк Мемнон, «собрали на суда множество сокровищ, предоставили город на разграбление солдатам (дело было к ночи), а сами бежали на судах во внутренние области Понта, заселенные санигами и лазами» (XVI, 54, 2).

Упоминание о санигах позволяет полагать, что Клеохар укрылся в Диоскуриаде. Диоскуриада, видимо, была одним из наиболее важных опорных пунктов Митридата (здесь, возможно, располагалась и резиденция его последнего колхидского наместника), поскольку понтийский царь, отступая со своим трехтысячным отрядом, остановился именно в Диоскуриаде, где спокойно провел зиму 66—65 гг. до н. э. Судя по всему, в городе имелось достаточно сил и средств для обороны и на суше, и со стороны моря. Передышку Митридат использовал, вероятно, весьма продуктивно — он имел еще достаточно средств для продолжения войны (вспомним сокровища, привезенные сюда из Синопы Клеохаром, а также из Малой Армении самим Митридатом).

В период правления римского ставленника Аристарха Колхидского (63—48 гг. до н. э.) город оставался крупным торговым центром. Вероятно, к этому

времени восходит сообщение Плиния Старшего о том, что римские торговцы «вели здесь свои дела при посредстве 130 толмачей» (Естественная история, VI, 15). В западной части Сухумской крепости удалось проследить слой конца II — середины I в. до н. э.²¹ В нем найдены обломки косской амфоры, веретенообразный бальзамарий, краснолаковая посуда и монета I в. до н. э. (Амис или Понтийская Комана). Среди других находок интересны монеты, чеканенные в Афинах в 130—129 гг. до н. э., а также периода правления Митридата и Аристарха Колхидского (рис. 17, 3), одна из резиденций которого, как, возможно, и монетный двор, находилась в Диоскуриаде.

Если IV—III вв. до н. э. — время расцвета сельскохозяйственных поселений, составлявших единое экономическое целое с городом, то II в. до н. э. — начало их упадка; в облике поселков наблюдаются разительные перемены, в первую очередь резкое сокращение населения. Исследователи склонны связывать этот процесс с изменением системы землевладения в окрестностях Диоскуриады, вызванным углублением имущественной дифференциации в среде мелких производителей, концентрацией земель в руках богатых граждан, а также ростом удельного веса рабского труда в городском хозяйстве. Нужно отметить, что в местных могильниках процесс усиления имущественной дифференциации пока не прослеживается. Постепенное запустение аборигенных поселений несомненно вызвали какие-то социально-экономические причины, которые либо привели к физическому сокращению населения хоры, либо способствовали переселению его в другие места — за пределы сельскохозяйственной округи города или, наоборот, в самый город.

Вместе с тем уже во II в. до н. э. в окрестностях Диоскуриады складывается сильное политическое образование под эгидой соанов. Страбон сообщал, что соаны, «пожалуй, даже первые [из местных народов] по силе и могуществу. По крайней мере они господствуют над окрестными [народами], занимая вершины Кавказа, те, что над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в 200 000, ибо все население отличается воинственностью [даже] не [будучи] в строю» (XI, 2, 19). Судя по приведенному отрывку, объединение соанов представляло собой коллектив, в котором каждый член родовой группы по мере необходимости из скотовода и земледельца превращается в воина. Следовательно, в «царе» соанов следует видеть племенного вождя, а под «мужами» — родовых старейшин, объединенных в совет при вожде. Имя одного такого царя-военачальника мы, кажется, можем назвать — это Савлак, упоминаемый Плинием: «В Колхиде царствовал Этов потомок Савлак, который добыл... огромное количество золота и серебра в земле племени суанов и вообще в своем государстве, славном золотыми рудами» (Естественная история, XXXIII, 52).

²¹ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии — Севастополиса, с. 211—221.

Явно географическое, а не политическое значение названия «Колхида» и связанный с ней мифологический налет, факт находок монет Савлака в окрестностях Диоскуриады, где располагались Страбоновы соаны, позволяют думать, что Савлак был скорее всего племенным вождем соанов (суанов, позже санигов). В настоящее время трудно сказать, входило ли в это объединение население, проживавшее на территории хоры Диоскуриады. С одной стороны, в сообщении Страбона можно усмотреть намек даже на Сухумскую гору и другие холмы с поселениями, возвышающиеся над Диоскуриадой. С другой стороны, вряд ли термином «вершины Кавказа» обозначались эти холмы. Следовательно, в соанах Страбона и суанах Плиния следует видеть население предгорий и горных долин, расположенных вне диоскуриадской хоры, но вовлеченных в тесные экономические и культурные контакты с греками. Подчеркнутая Страбоном воинственность соанов объясняется, вероятно, наличием какой-то реальной угрозы границам Диоскуриады, которая появилась уже в середине II в. до н. э.

Представляют интерес в связи с этим материалы Эшерского городища. В III — начале II в. наблюдается широкое проникновение на его территорию эллинизированных аборигенов, однако поселение сохраняет свой греческий облик²². Культурные напластования конца II — начала I в. до н. э. отличаются обилием как привозных, так и изготовленных на месте изделий. В первую группу находок входят обломки синопских и косских амфор, краснолаковой и простой столовой посуды — мисок, тарелок, блюд, гладкостенных и рельефных чаш, кубков, главным образом малоазийского (Пергам и др.) происхождения, бронзовые монеты Амиса. Местная продукция представлена амфорами, пифосами, кухонной и столовой посудой, кувшинами.

В конце II в. до н. э. какие-то события заставили жителей Эшерского поселения приступить к сооружению мощных оборонительных укреплений. Их стены возводились в нижней части из ломаного известняка и камня других пород на достаточно прочном известково-глинистом растворе. Фундамент стен укладывался из крупного булыжника, причем кое-где был нарушен могильник аборигенов III—II вв.: строители мало заботились о памяти тех, кто еще совсем недавно здесь обитал. Верхняя часть крепостных стен, судя по сохранившимся остаткам, была сделана из сырцового кирпича. Толщина их у основания составляла 2 м. Вдоль внутренней стороны северной стены обнаружен ряд смежных жилых помещений с каменными вымостками, ящики из черепицы, остатки очагов, а также большое число обломков амфор, кухонной и столовой посуды, бронзовые понтийские монеты. Оборонительные стены были укреплены через каждые 30—40 м большими (башня № 1 имела в плане 11x14 м) прямоугольными башнями. С юга находился глубокий ров.

²² Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище, с. 103—120.

Эшерские укрепления представляют собой яркий образец военно-инженерного искусства эпохи эллинизма. Отсеки вдоль внутренней стороны стен, предназначавшиеся для размещения воинов и боеприпасов, толстые стены и огромные башни, которые использовались в качестве позиций для батареи метательных машин, и другие конструктивные особенности дают возможность включить рассматриваемый памятник в круг северо-причерноморских (Пантикапей, Мирмекий) и колхидских (Вани) укреплений, датируемых тем же временем (конец II — начало I в. до н. э.) и связываемых со строительной деятельностью Митридата VI Евпатора.

Интересно, что в Эшере, как и в других случаях, укрепления сооружались наспех, вероятно, при непосредственной военной угрозе. Постройки такой конструкции, обладавшие высокой обороноспособностью, не требовали большого времени. Что же касается стоимости, то об этом хорошо сказал древнегреческий инженер Филон Механик: «...при таком способе сооружения будут затрачены меньшие средства» (80, 50).

Приблизительно в середине или в третьей четверти I в. до н. э. Эшерское городище было взято штурмом, поселение предано полному разрушению и огню. Враги пришли с севера, со стороны гор — у внешней стороны северной стены найдено множество железных наконечников стрел своеобразного облика — с утолщением на стержне и треугольным острием (рис. 18). Стержни, с помощью которых наконечники насаживались на древки, во многих случаях имеют характерный изгиб, который появляется, когда стремительно летящая стрела наталкивается на прочную преграду и у нее отламывается древко.

Кто были завоеватели, выпустившие эти стрелы? У Страбона сохранились сведения о том, что «соаны употребляют яды для наконечников [стрел]», а также какие-то другие снадобья, которые «удивительно мучают своим запахом даже раненых неотравленными стрелами» (XI, 2, 19). Не являются ли эти данные Страбона отражением каких-то реальных столкновений между греками и соанами, в которых грекам пришлось на собственном опыте познакомиться с качеством соанских стрел?

Рис. 18. Наконечник стрелы. Железо. I в до н. э.

Глава II. Великий Себастополис

Звено Понтийского лимеса

После поражения Митридата VI и его гибели в 63 г. до н. э. римский полководец Помпей назначил династом (правителем) Колхиды верного Риму Аристарха. На территории Диоскуриады найдена одна из монет Аристарха (рис. 17, 3): на лицевой стороне ее выбито изображение Помпея.

В 48 г. до н. э., воспользовавшись ослаблением Помпея, опустошительный поход в Колхиду совершил Фарнак, сын Митридата VI. В следующем году Цезарь нанес поражение Фарнаку в битве при Зеле, о чем отправил одному из друзей знаменитое сообщение: «Пришел, увидел, победил». Вслед за тем по указанию Цезаря в Колхиду вторгся Митридат Пергамский. Спустя 10 лет римляне возродили Понтийское царство, во главе которого поставили Полемона I. Колхида, вошедшая в его состав около 14 г. до н. э., сохраняла свое положение и при вдове Полемона Пифодориде, и при Полемене II, т. е. до 63 г. н. э.

Трудно пока сказать, когда на берегах Сухумской бухты появился первый римский гарнизон. Не исключено, что здесь, как и на других восточных окраинах римского мира, в целях защиты границ империи римские солдаты-ветераны основали небольшую колонию, использовавшую первоначально, вероятно, оборонительные сооружения Диоскуриады. Что касается переименования Диоскуриады в Себастополис, то это, по-видимому, не могло произойти ранее начала правления римского императора Октавиана (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.), получившего титул Августа-Себастоса («великого» или «священного») в 20-х годах I в. до н. э. Именно тогда многие колонии обрели однотипные названия: Себастополис и Себастья в Понте, Себаста во Фригии и т. д.

Римское укрепление в Себастополисе возникло, видимо, не позднее третьей четверти I в. н. э. Плиний Старший оставил в своей «Естественной истории» сообщение о крепости (кастелле) Себастополис, упомянув параллельно и город Диоскуриаду (V, 15).

В 63 г. н. э., стремясь усилить свои позиции на Востоке, император Нерон превратил Понтийское царство в римскую провинцию — Полемоновский Понт. Тогда же он занимался усиленной подготовкой похода на Кавказ, который предполагал осуществить через Боспор.

При императоре Веспасиане в 70—72 гг. н. э. в провинцию Каппадокию, в составе которой уже находился Полемоновский Понт, было введено два дополнительных легиона. Как полагают, это событие дало возможность римлянам начать размещение в Восточном Причерноморье своих регулярных войск. Органичной частью военных преобразований в Каппадокии, осуществленных Веспасианом, являлось создание Понтийского лимеса — цепи приморских укреплений с гарнизонами, в задачу которых входила охрана подступов к восточным границам Римской империи. Видным звеном данной цепи стал около 75 г. н. э. Севастополис.

Дневнееврейский историк Иосиф Флавий в своей книге «Иудейская война», написанной в 70—80 гг. н. э., отмечал, что гениохи, колхи, тавры, боспорцы и другие народы, живущие вокруг Понта и Меотиды, держатся римлянами «в подчинении тремя тысячами гоплитов (тяжеловооруженных пеших воинов — Ю. В.), и сорок военных кораблей поддерживают мир на несудоходном прежде и суровом море».

В 1959 г.¹ в западной части Сухумской крепости были открыты остатки жилого дома со стенами, выложенными из булыжника на известковом растворе, и двор с хозяйственным помещением и колодцем, внутри которого при расчистке археологи обнаружили двуручный краснолаковый кувшин, обломки синопских амфор, подошву кожаной сандалии и две монеты. В восточной части крепости найдены обломки косской амфоры I в. н. э. вместе с краснолаковой посудой. Со дна моря вблизи крепости удалось поднять интересный известняковый бюст женщины (рис. VI) I—II вв. н. э. Относительно облика первоначальных укреплений Севастополиса пока сказать что-либо определенное трудно.

В 137 г. н. э. Севастополис посетил правитель Каппадокии Флавий Арриан. Его поездка вдоль восточного берега Черного моря носила военно-инспекционный характер: Арриан занимался осмотром и ремонтом расположенных здесь римских укреплений. О своем пребывании на берегах Сухумской бухты он сообщает следующее:

«Мы раньше полудня прибыли в Севастополис... Поэтому мы в тот же день успели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней... больных и хлебные запасы, обойти стену и ров... Севастополис прежде назывался

¹ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии — Севастополиса. — ТАИ, XXXIII // XXXIV, 1963, с. 221; Трапш М. М. Древний Сухуми. — Тр. П. Сухуми, 1969, с. 309, 354—360; Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Севастополиса. — СА, 1960, № 3, с. 171—179; Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса. — СА, 1966, № 1, с. 203-210.

Диоскуриадой, колония Милета... Крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт» (Перипл Понта Евксинского, 14).

В 1896 г. при строительстве набережной на территории Сухумской крепости были случайно открыты остатки древнего каменного сооружения, напоминавшего мол. В его кладке оказался фрагмент известняковой плиты с остатками посвячительной надписи, буквы которой были глубоко врезаны в камень и окрашены в красный цвет (рис. 19). Надпись эта выглядела следующим образом: HADR PER·FL·A·LEG. В первой строке сохранилась часть имени императора Адриана, во второй сохранилось указание на какие-то действия (строительство?), произведенные в Себастополесе Флавием Аррианом, в последней строке угадывается часть его титула — легат².

Подробно говоря о своей строительной деятельности в соседнем Фасисе, Арриан ни словом не обмолвился об аналогичных действиях в Себастополесе. Из источника следует, что в то время здесь уже стояли стены, окруженные рвами. Нужно полагать, что возведение каменных стен древнейшей восточной крепости относится ко второй половине I — началу II в. н. э.

Это укрепление в форме квадрата со сторонами примерно в 80 м, занимало площадь около 1 га, что соответствует размерам римских крепостей, рассчитанных на гарнизон в 200 солдат. От укрепления сохранилась лишь северная стена толщиной свыше 2 м с пристроенными позднее тремя башнями и пятью контрфорсами. Сложена она из крупного гольша на известковом растворе с использованием прямоугольного кирпича, образующего двухрядный пояс. Трех- и четырехрядная прослойка кирпича — лишь в углах крепости, которые первоначально имели закругления для того, чтобы обезопасить углы на случай применения врагом тарана. В нижней части стены — сквозные квадратные отверстия, через которые использованная вода стекала в ров. В средней части стены — брешь, которую обычно связывают с деятельностью турок, но которая, однако, может быть и остатками северных ворот крепости. Фундаменты стены впущены в очень слабо здесь представленные слои I—II вв. н. э. Поскольку аналогичный слой прослеживается и западнее, вне стен крепости, надо думать, что там жили отставные легионеры со своими семьями.

Богатый материал дали раскопки как на территории самой восточной крепости, так и западнее³. Помимо остатков строительного мусора и известкового раствора, здесь найдено большое число обломков керамики и стеклянных сосудов, различных бронзовых и костяных изделий, монет, металлические шлаки.

² Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья. - ВДИ, 1964, Я» 2, с. 138—140.

³ Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополеса, с. 218—221; Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 304—309.

Среди керамических изделий — светлоглиняные амфоры южнопонтийского происхождения (рис. 20, 1) из Синопы и других мест, красноглиняные амфоры местного производства (рис. 20, 2), привозная (Пергам, Самос и др.) краснолаковая посуда — кувшины (рис. 20, 3), кубки, светильники (рис. 20, 4), миски, чашки, блюда, тарелки и т. д. Они часто бывают украшены рельефными изображениями различных животных или птиц (цапли, дельфины, раки, рыбы и т. д.), а также разного рода сцен и пейзажей (рис. 20, 7—12).

Следует особо отметить обломок стенки кувшина с рельефными изображениями

птицы, винограда и гладиаторов, ручки патер — неглубоких сосудов, украшенные головками барана и утки. Интересен краснолаковый светильник, на верхнем щитке которого сохранилось изящное рельефное изображение трех граций (рис. 21). Довольно много привозных, главным образом из Синопы, а также местного изготовления лутериев. Кухонная посуда представлена горшками, мисками, сковородками, двуручными котлами. Немало черепицы и кирпича местного изготовления; на одной из них — еще не расшифрованная надпись. Интересны четырехгранные сосуды и бальзамари.

Привлекают внимание бронзовые рыболовные крючки (рис. 20, 6), фибулы и ложки (рис. 20, 13), костянные ложечки и стили.

Монетные находки позволяют определить экономическую ориентацию восточнопричерноморских римских гарнизонов в конце II — первой половине III в. н. э.: римские и кесарийские монеты нередки, однако особенно многочисленны медные монеты Трапезунда, чеканившиеся в правление императоров Коммода (180—192 гг.), Макрина (217—218 гг.) и др. Это подтверждает некоторые данные о том, что в конце II в. складывается союз 10 приморских городов (Синопа, Амис, Трапезунд, Себастополис и др.) — Понт Каппадокийский с одним из центров в Трапезунде. Вот почему трапезундская монета становится основным платежным средством в данном районе.

Во второй половине II в. н. э. гарнизон Себастополиса принимает меры по укреплению подступов к крепости. На северо-западной окраине современного Сухуми, на возвышенности, где ранее располагалось поселение эллинистического времени, возводится еще одна крепость. Исследованы квадратная в плане башня и участок идущей от нее стены⁴. При раскопках башни, полу-

Рис. 19. Себастополис. Фрагмент плиты с надписью Флавия Арриана. Известняк. II в. н. э.

⁴ Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 314.

чившей по фамилии хозяина участка название «Одынец», помимо строительного мусора и обломков черепицы, амфор, столовой и кухонной посуды, найдена терракотовая фигурка голубя (рис. 20, 5) и около десятка медных монет римского и трапезундского чекана, относящихся ко времени правления императоров Коммода и Септимия Севера (193—211 гг.).

Опустошительные набеги готов, в 256—276 гг. бравших штурмом Питиунт и Трапезунд и отброшенных от стен Фасиса, по-видимому, серьезно не отразились на жизни Себастополиса (упоминания о нем отсутствуют во всех достаточно детальных описаниях событий). Впрочем, следы какого-то большого пожара, отмеченные вне стен древнейшей крепости Себастополиса в соответствующем культурном слое, может быть, указывают на осаду, во время которой постройки, находившиеся вне основных крепостных стен, были сожжены готами.

Покинем теперь стены Себастополиса и посмотрим, что происходило в I—III вв. н. э. на окружавшей его территории. Как говорилось выше, в конце I тыс. до н. э. здесь под эгидой соанов на базе объединения ряда племен, прежде входивших в гениохийскую культурную общность, складывается довольно мощный племенной союз. Этноним «соаны», использованный впервые Страбоном, затем встречается у Плиния (Естественная история, V, 14) в форме «саины», «суаны» и «саники». Необходимо подчеркнуть, что в отношении Северной Колхиды соответствующий этноним с его вариациями, характерными в основном для источников I в. н. э., не следует отождествлять с позднейшим этнонимом «сваны». Явно подразумевал Страбоновых соанов и Мемнон, автор начала II в. н. э., рассказывая о том, что Клеохар в 70 г. до н. э. бежал из Синопы к «санегам».

Исходя из сообщений Плиния, можно полагать, что соаны на рубеже новой эры обитали на обширной территории от Фасиса (современный Риони) до современной Гагры и дальше к западу. Интересно еще одно указание Плиния, согласно которому «к западу от Кавказских ворот в Гурдинских горах», т. е. к западу от Дарьяльского прохода, проживали племена «суавов», которые соседствовали со множеством гениохийских племен, расселившихся до Понта (Естественная история V, 30). Он же упоминает впервые племя апсилы. Судя по всему, уже в третьей четверти I в. н. э. наметился распад соанского объединения на отдельные племена.

Об этническом окружении Себастополиса Флавий Арриан сообщал императору Адриану следующее: «...за лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг ;этот тоже получил свою власть от тебя. Рядом с абасками саниги, в земле которых лежит Себастополис; царь санигов Спадаг получил царство от тебя» (Перипл Понта Евксинского, 15). В данном случае замечание, что Себастополис лежит в земле санигов, является данью традиции, восходящей к тому периоду, когда еще из соанской (санигской) общности не выделились апсилы и абаски. Анализ всех имеющихся источников позволяет полагать, что во время

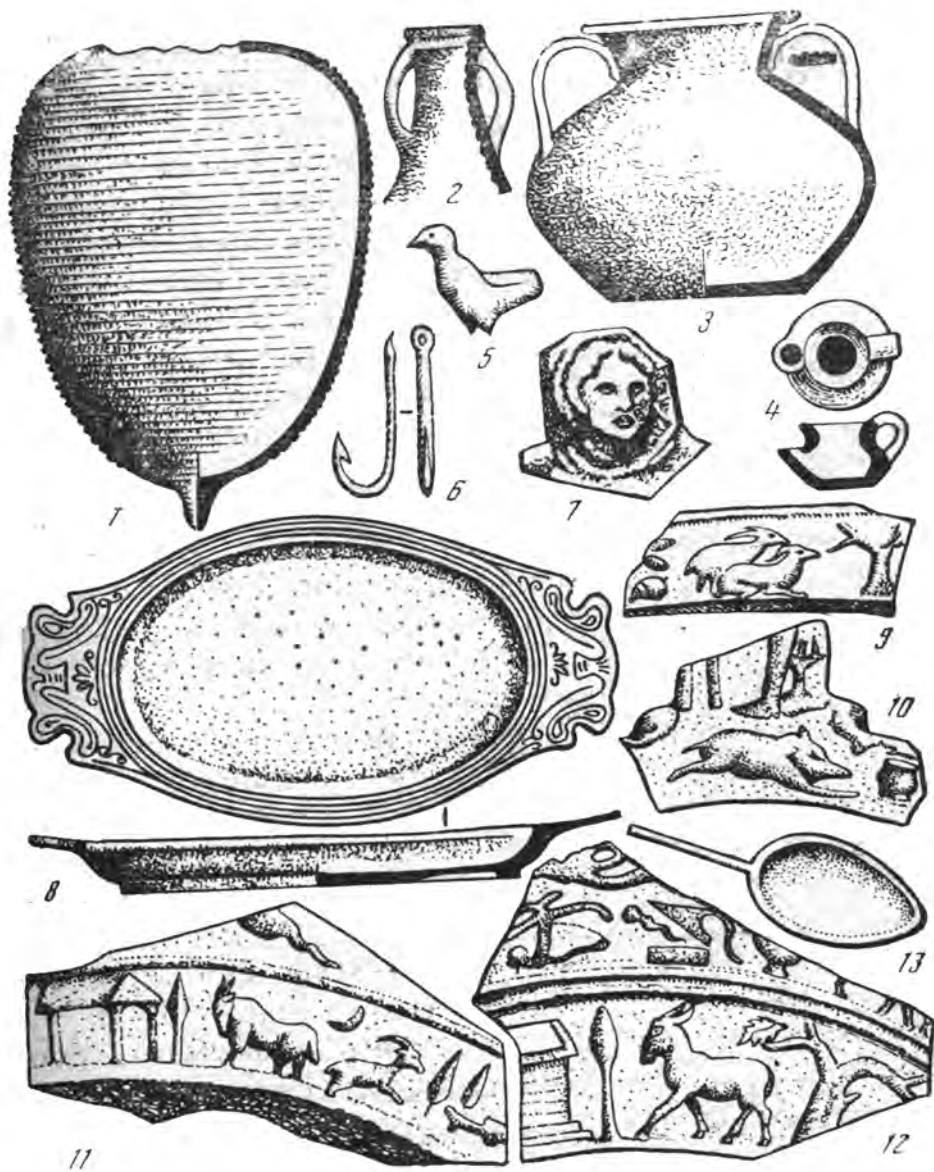

Рис. 20. Себастополис. Изделия из обихода римского гарнизона:
 1, 2 — амфоры; 3 — кувшин; 4 — светильник; 5 — фигурка голубя; 6 —
 рыболовный крючок; 7 — обломок ручки сосуда; 8 — краснолаковое блюдо; 9—12
 — обломки краснолаковых блюд; 13 — ложка. Глина (1—5, 7—12), бронза (6, 13).
 I—III вв. н. э. Абхазский государственный музей

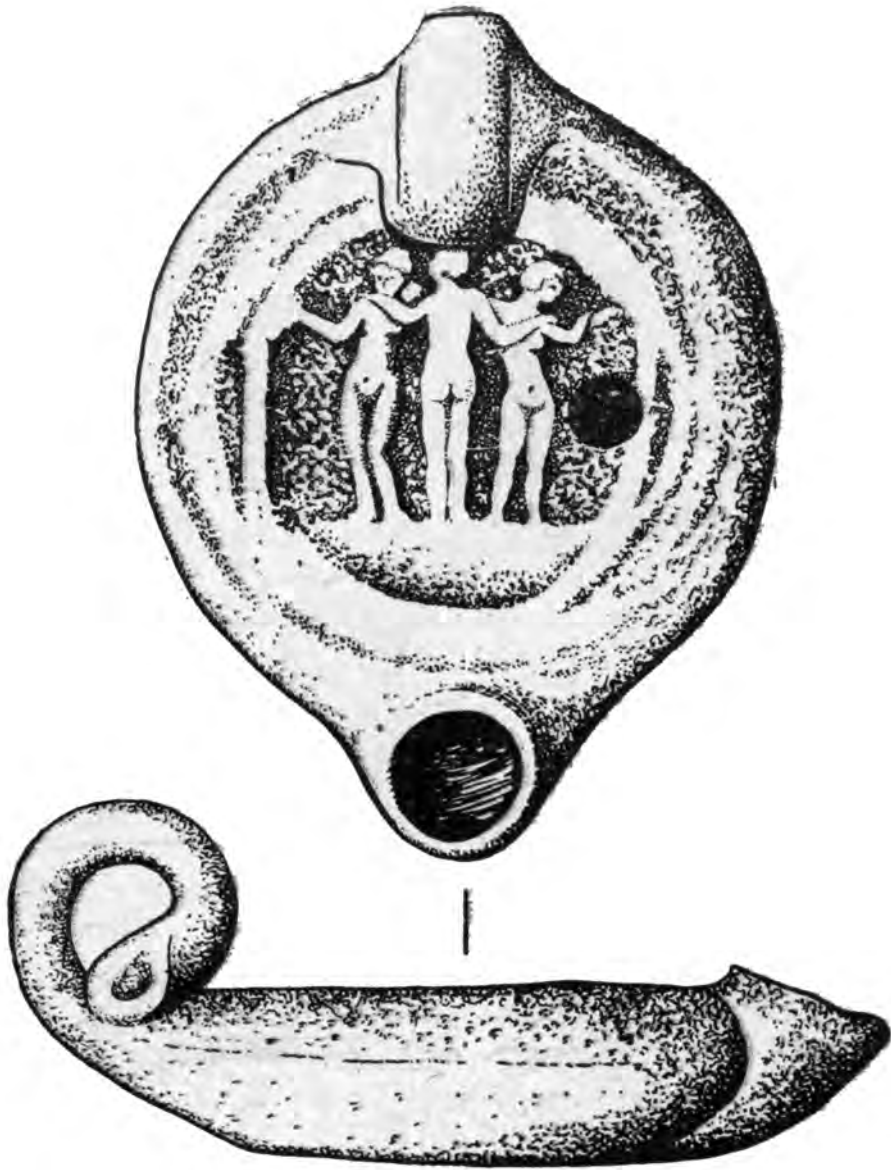

Рис. 21. Себастополис. Светильник с изображением трех граций.
Глина. II в. н. э. Абхазский государственный музей

посещения Аррианом Себастополиса ближе других племен к нему находились апсилы. Этим в частности, обуславливалась и более ранняя по сравнению с другими племенами ориентация Апсолии на Рим. Об это свидетельствует также типично римское имя их «царя» — Юлиан, получившего утверждение от римского императора Траяна в начале II в. н. э. Мы, характеризуя этническое окружение Себастополиса, будем вести речь исключительно об апсилах.

Как справедливо указывалось в литературе, римляне в Колхиде преследовали в первую очередь не экономические, а военно-стратегические и политические цели⁵. Местные племенные образования рассматривались ими прежде всего как отдельные звенья в защите восточных границ Римского государства.

Относительно ранний интерес к территории Апсолии, возникновение здесь первого в Восточном Причерноморье (наряду с Апсаром) римского укрепления объясняются, по-видимому, тем, что в данном пункте сходились два важнейших пути с Северного Кавказа в сторону Малой Азии — Меото-Колхидский вдоль побережья и через Клухорский перевал. С одной стороны, перевал открывал богатые возможности для торговли, а с другой — представлял большую опасность со стороны Северного Кавказа, где в то время основное беспокойство римлянам причиняли аланы. Не случайно Флавий Арриан посетил Себастополис непосредственно после войны с аланами. В задачу полководца, несомненно, входило и изучение возможности обороны побережья со стороны Клухорского перевала, налаживание более тесных связей с Апсолией.

Одни исследователи полагают, что апсилы в I—II вв. н. э. — наиболее слабое из перечисленных Аррианом племен⁶. Другие же рассматривают Апсолию как «царство» настолько сильное, что Рим, не имея сил противиться сепаратистским настроениям местных правителей, вынужден был признать их независимость⁷.

Центром Апсолии с самого начала, по-видимому, стала горная долина, расположенная в 20 км северо-восточнее Сухуми и известная теперь под названием Цебельдинской⁸. Именно вдоль этой долины, по ее южному краю, прослежены следы древнего пути, выходящего к перевалам, за которыми открывается Северный Кавказ.

Из 500 с лишним захоронений, выявленных на территории Апсолии, три-четыре могут быть отнесены к I—II вв. н. э. и соответственно могут быть названы в пределах огромной территории, окружающей Себастополис вплоть до Главного хребта, три одновременных им поселения. Они находились на местах более поздних укреплений апсильцев в Герзеуле, Шапке и Цибилууме, мимо которых шел упомянутый выше путь. В цебельдинских комплексах I—

⁵ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 192.

⁶ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 372.

⁷ Ломоури Н. Ю. К вопросу о характере римского влияния в Восточном Причерноморье, — В кн.: Тезисы докл. XIV международной конф. античников соц. стран. Ереван, 1976, с. 233.

⁸ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975, с. 140—141.

Рис. 22. Схема размещения римских укреплений (обозначены квадратиками) и местных поселений (обозначены кружками) в окрестностях Себастополиса II—III вв. н. э.

II вв. римское влияние проявляется в наличии бус, поступавших из юго-восточного Средиземноморья через рынок Себастополиса.

К III в. могут быть отнесены уже два десятка погребений из того же района. Их инвентарь включает глиняную посуду — пифосы (рис. 23, 7), большие двуручные и одноручные (рис. 23, 2) кувшины, кружки (рис. 21, 3), вазы (рис. 23, 4), вооружение — железные мечи с кольцевым навершием сарматского типа (рис. 23, 6), наконечники копий (рис. 23, 7), дротиков и стрел (рис. 23, 5), ножи, мотыги (рис. 23, 8), кресала с кремнями детали одежды и украшения — пряжки (рис. 23, 15), фибулы (рис. 23, 16), браслеты (рис. 23, 10—12), серьги (рис. 23, 13), подвески (рис. 23, 14), раковины каури (рис. 23, 9), разнообразные бусы (рис. 23, 17, 18) и монеты. Значительная часть этих изделий — амфоры, пряжки, фибулы, серьги, бусы и прочее — попадает в апсильскую среду через Себастополис, а позднее подобные изделия начинают производиться на месте. Следовательно, уже в III в. даже в самых глухих горных долинах Апсилии воздействие античной культуры сказывалось на быте и культуре народных масс.

Во II—III вв. н. э. между Себастополисом и населением Апсилии были налажены самые тесные экономические и культурные связи, о чем говорит, в частности, большое число серебряных кесарийских монет конца I — начала III в., найденных в горной части Апсилии. Серебро Кесарии Каппадокийской служило основным средством обращения в той части Колхиды, которая попала в зависимость от римлян и контроль над которой осуществлялся через приморские крепости⁹, в данном случае через Себастополис. Вполне вероятно, что римские власти время от времени вознаграждали апсильцев за определенные, главным образом стратегические, услуги, а также за обеспечение безопасности проходивших на Северный Кавказ торговых караванов. Да и рынок самого Себастополиса должен был привлекать апсильцев, сбывавших здесь свою сельскохозяйственную продукцию и получавших в

⁹ Голенко К. В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964, с. 24.

обмен античные изделия. Вовлечение апсилы в систему общепричерноморских отношений в целом оказывало благоприятное воздействие на жизнь племени, общая численность и благосостояние которого начали заметно возрастать.

На закате Римской империи

После кризиса, пережитого в третьей четверти III в. н. э., Римская империя снова вступила в полосу политической стабилизации. В конце III—IV вв. система Понтийского лимеса продолжает укрепляться, появляются новые крепости, ремонтируются и обрастают новыми постройками старые. Расширяется местная ремесленная база римлян, связанная с производством в первую очередь стройматериалов. В 330 г. столица Римской империи переносится в Константинополь. Это обстоятельство также способствует росту внимания римской администрации к Понтийскому лимесу. Особую роль приобретают укрепления в 70—80-х годах IV в., когда в Северное Причерноморье вторгаются гуннские полчища. Именно тогда Понтийский лимес достигает своих максимальных размеров — только на территории современной Абхазии располагаются по меньшей мере четыре римские крепости (Зиганис, Себастополис, Пителинт и Нитика)¹⁰. Увеличивается и численность гарнизонов. В Себастополисе на рубеже IV—V вв. находится конная когорта Клавдия, которая наряду с гарнизонами других восточно-причерноморских укреплений римлян подчиняется непосредственно правителю Армении. Власть этого правителя распространяется на пограничные войска района, приблизительно совпадающего с прежней провинцией Каппадокией.

К несколько более раннему времени (конец III — IV в.), по-видимому, относится сооружение западной стены Себастополиса¹¹, являвшейся частью либо второй, более значительной крепости, либо канабы — огражденного пространства, где размещались торговцы, ремесленники и другие лица, связанные своими занятиями с военным лагерем, а также семьи легионеров-отставников.

Судя по сохранившимся остаткам, новая крепость представляла собой квадрат со стороной в 140 м. Стена, имевшая у основания толщину до 2 м, сложена из гранитных валунов на прочном известковом растворе. Валунуны, уклады вавшиеся в облицовку, подвергались грубой обработке путем скола. В кладке стены сохранились следы «лежней» — продольных и поперечных бревен, способствовавших равномерной осадке стен. Основание стены опирается на подушку из извести с гравием, песком и толченым кирпичом, которую подпирают 1,5—2-метровые деревянные сваи, уплотняющие грунт. Вот почему и сегодня эта стена, в отличие от стен крепости I, стоит без перекоса.

¹⁰ Леквинадзе В. А. «Понтийский лимес». — ВДИ, 1969, №2, с. 81—88.

¹¹ Транш М. М. Древний Сухуми, с. 303.

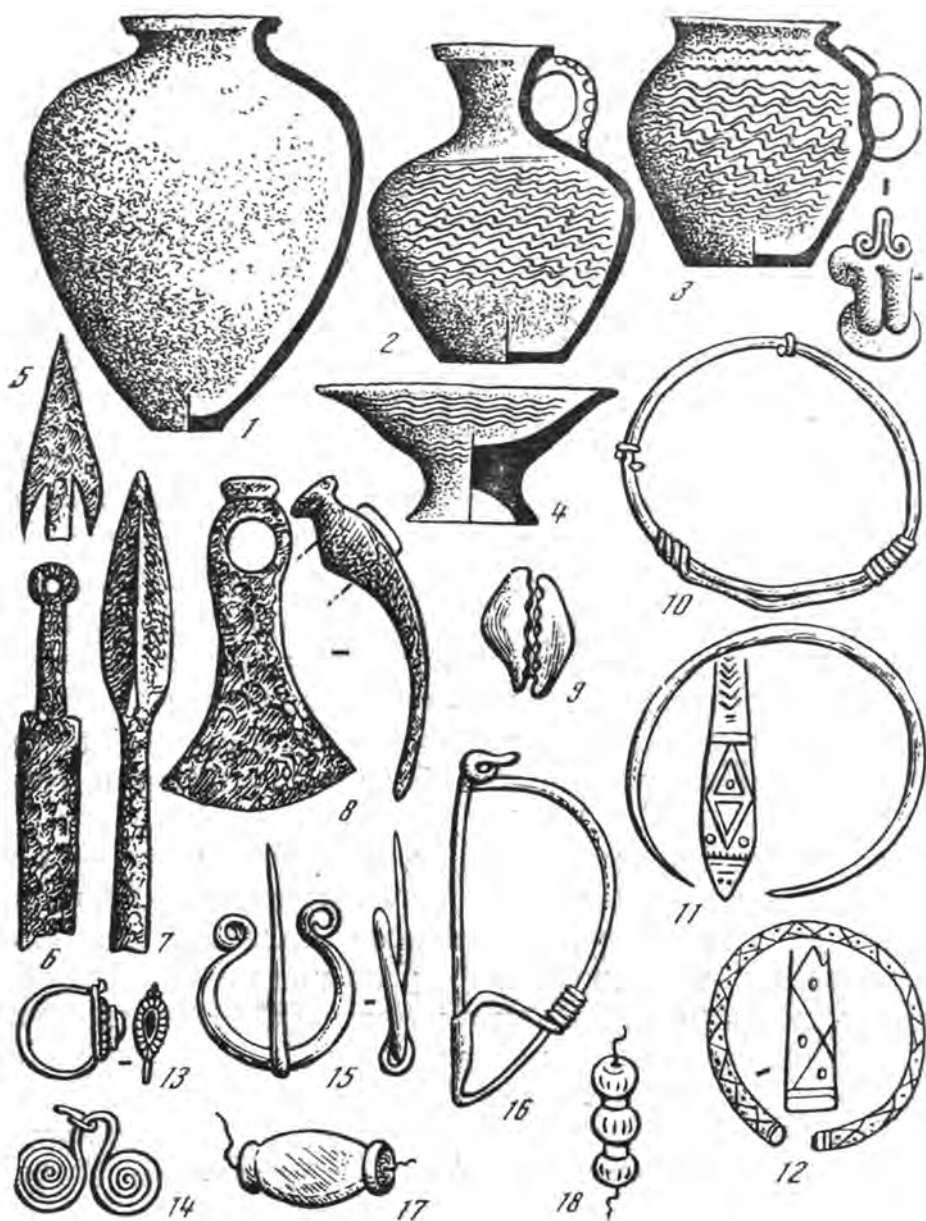

Рис. 23. Цебельда. Образцы местных и привозных (9, 17, 18) изделий.
 1 — пифос; 2 — кувшин; 3 — кружка; 4 — вазочка; 5 — наконечник стрелы; 6 — меч; 7 — наконечник копья; 8 — мотыга; 9 — раковина каури; 10—12 — браслеты;
 13 — серьга; 14 — подвеска; 15 — пряжка; 16 — фибула; 17—18 — бусы.
 Глина (1—4), железо (5—8), бронза (10—12, 14—16), стекло (17, 18), серебро (13).
 II — первая половина IV в. Абхазский государственный музей.

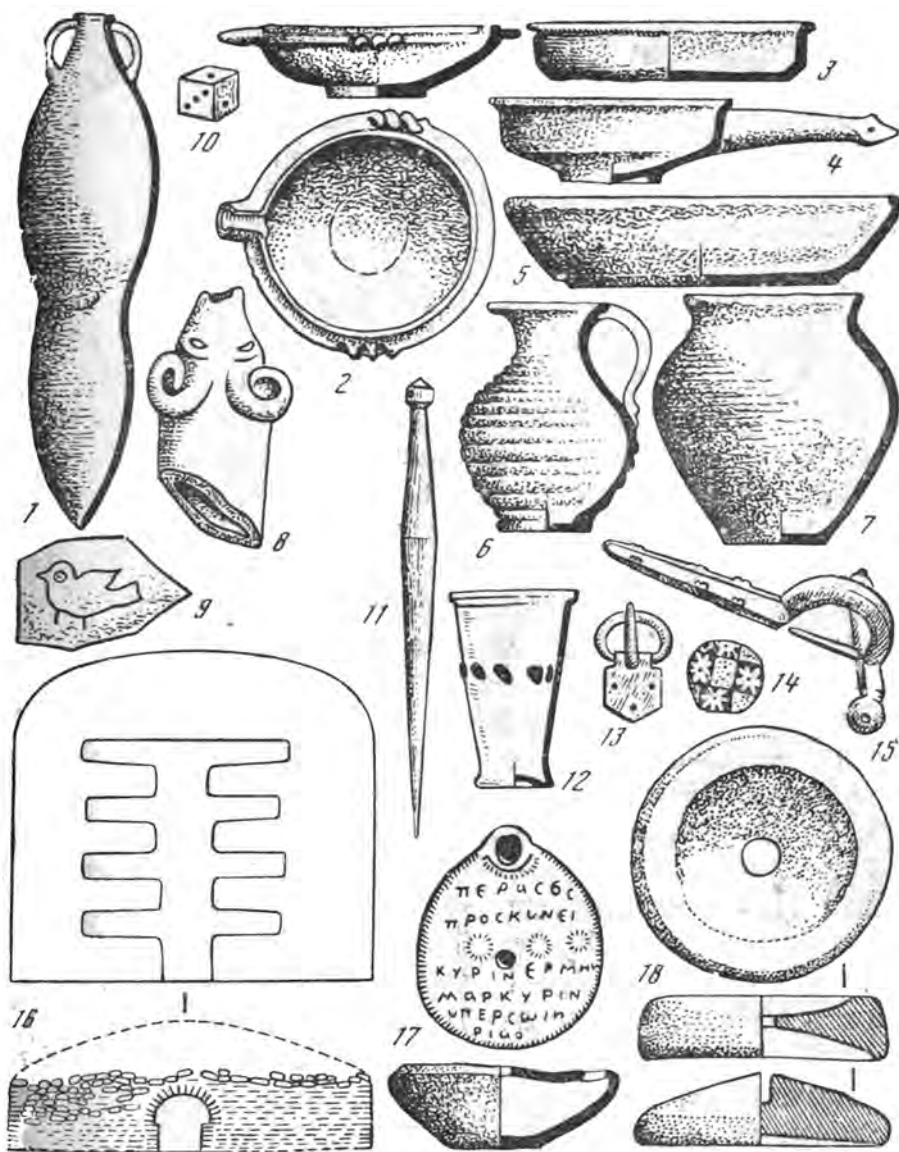

Рис. 24. Себастополис. Изделия из обихода римского гарнизона:

1 — амфора; 2 — лутерий; 3 — сковорода; 4 — чаша с зооморфной ручкой; 5 — краснолаковая тарелка; 6 — кувшин; 7 — горшок; 8, 9 — обломки сосудов; 10 — игральная кость; 11 — булавка; 12 — стакан; 13 — пряжка; 14 — бусина; 15 — фибула; 16 — печь для обжига керамических изделий; 17 — светильник с надписью; 18 — жернова ручной мельницы. Глина (1—9, 17), кость (10, 11), стекло (12), паста (14) бронза (13, 15), камень (18).

II — первая половина IV в. Абхазский государственный музей.

Со стороны моря к стене примыкают остатки двух четырехугольных башен. Особенно интересна западная, скрытая под бастионом турецкой крепости, на котором теперь расположен ресторан «Диоскурия». Стены башни сложены в смешанной технике: массивы из булыжника прерываются двумя трехрядными поясами кирпича и черепицы, а также «бетонным» поясом, состоящим из мелких камешков на прочном ярко-розовом от примесей толченой керамики растворе. Поскольку обе башни западной стены обращены в сторону моря, а от угловой башни поперечная стена, судя по опубликованным планам, уходит не в сторону моря, а в глубь суши, можно думать, что основная часть второй крепости Себастополиса скрыта под современной Сухумской крепостью. Общий размер укрепления, охватывавшего площадь до 2-2,5 га, вполне соответствует указанию источников о размещении здесь когорты легионеров. Римский гарнизон находился в Себастополисе до 40-х годов VI в.

Себастополис этого времени представлял собой крупный военный, ремесленный и культурный центр¹². Внутри крепостных стен, укрепленных башнями, на которых стояли метательные орудия, и окруженных рвами, находилось большое число каменных и деревянных жилых зданий, воинских казарм, различных хозяйственно-бытовых сооружений (амбары, склады боеприпасов, лазарет, бани, лавки, винные погреба, храмы, кузни, обжигательные печи и т. д.). Население снабжалось водой с помощью колодцев и керамических водопроводов, один из которых шел, по-видимому, со стороны нынешнего Сухумского ботанического сада. Дома имели черепичное покрытие. Гавань могла иметь небольшую пристань.

В быту себастопольцев нашла широкое распространение разнообразная глиняная утварь, среди которой могут быть выделены следующие группы: тарная керамика, представленная пифосами и амфорами (рис. 24, 1) и предназначавшаяся для перевозки и хранения различных жидких и твердых продуктов — зерна, масла, вина и т. д.; столовая посуда — различные кувшины, миски, чаши (рис. 24, 4), тарелки (рис. 24, 5) и т. д., часто покрытые красным лаком; кухонная посуда — горшки (рис. 24, 7), сковороды (рис. 24, 3), кастрюли и т. п. Среди кухонной посуды встречаются изделия, изготовленные как на гончарном круге, так и вылепленные от руки. Интересны светильники, водопроводные трубы, кирпичи и черепица, пряслица и т. д. Абсолютное большинство этих изделий, за исключением части амфор и столовой посуды, производилось на месте, что подтверждается отходами производства — шлаками, браком и т. д. — и качеством глины.

¹² Апакидзе А. М., Лордкипанидзе О. Д. Новые материалы к археологии Диоскурии-Себастополиса. с. 217—218; Трапш М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. — ТАИ, XXXIII / XXXIV, 1963. с. 240—251; Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 298—362.

Очень интересна печь для обжига кирпича и других глиняных изделий (рис. 24, 16). Она имела топочную камеру с продольным каналом, от которого отходило восемь ответвлений, перекрытых опорными арками из кирпича (из него же были сложены и стены самой печи). Удалось установить, что печь действовала в течение длительного периода, в конце которого подверглась ремонту.

Население Себастополиса использовало бронзовые фибулы (рис. 24, 15), пряжки (рис. 24, 13), ложки, железные ножи и шилья, рыболовные бронзовые крючки, пастовые бусы (рис. 24, 14), костяные булавки (рис. 24, 11), каменные пряслица, бронзовые швейные иглы.

Об обработке железа на месте говорят железные шлаки, а также различные изделия из железа (ножи, гвозди и т. д.). С трудом камнетеса связывается железное долотовидное орудие с четырехгранным стержнем и широкой рабочей частью. О развитии скотоводства свидетельствует множество костей коров и мелкого рогатого скота. Охотились легионеры на диких кабанов и оленей, ловили камбалу и другую рыбу, собирали устриц. Среди нумизматических находок примечательна монета императора Аркадия (385—408 гг.). Свой досуг римские легионеры проводили за игрой в кости — в крепости найдены мелкие костяные кубики с различным числом ямок на гранях — игральные кости (рис. 24, 10).

Население Себастополиса говорило в основном на греческом языке, о чем свидетельствуют целые надписи и фрагменты, граффити на сосудах и т. д. Значительная часть населения города была грамотна — в культурных наслоениях довольно часто встречаются костяные палочки для письма — стили.

В рассматриваемый период небольшой гарнизон продолжал стоять и в укреплении на северо-западной окраине современного Сухуми («Одынец»)¹³. Довольно мощный культурный пласт здесь — IV—V вв. — содержит остатки строительного мусора, обломки черепицы, горшков, кувшинов (рис. 24, 6), широкогорлых амфор, лутериев (рис. 24, 2), мисок и тарелок, покрытых тусклым буро-красным лаком, жернова ручной мельницы (рис. 24, 18), железные гвозди, ножи, кости животных.

Очень интересны жернова ручной круглой мельницы. Нижний неподвижный камень имеет форму невысокого конуса, верхний снабжен снизу и сверху конусообразными выемками, соединенными круглым сквозным отверстием. Зерно засыпалось в выемку верхнего жернова и при его вращении проникало в щель между обоими камнями. Подобные ручные мельницы с конусовидной сердцевинной были широко распространены в римском мире — они во множестве найдены в Помпеях, Остии и других римских городах.

Культурный слой IV—V вв. порадовал исследователей редкой находкой — они обнаружили светильник IV в., изготовленный из местной глины, на кото-

¹³ Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 314—359.

ром сохранилась греческая надпись (рис. 24, 17). В переводе С. Г. Каухчишвили надпись читается так: «Давай поклоняйся владыке Гермесу Меркурию ради спасения», а в переводе Л. Д. Ельницкого: «Соверши поклонение всемогущему Гермесу Меркурию о спасении (души)». Между строками надписи оттиснуты три изображения солнечного диска с лучами. Обозначение Гермеса римским именем Меркурий характерно для греческого населения империи, однако сочетание греческого и латинского имен на одном памятнике уникально.

Гермес, по некоторым представлениям того времени, обеспечивал бессмертие и загробное блаженство, помогал душам умерших причалить к гавани спасения. Изображение солнц на светильнике входит в тот же круг представлений — в качестве солнца Гермес создает все живое и управляет душами.

В надписи на себастопольском светильнике следует видеть скорее всего ритуальный текст, свидетельствующий о распространении в местной грецизированной среде представлений и верований, соперничавших с христианством¹⁴. Видимо, в то время, когда в Питиунте уже несколько десятилетий существовала христианская епископская кафедра, в гарнизоне Севастополиса преобладали враждебные христианству течения. Об этом же, возможно, говорит и серебряный медальон, найденный в одном из апсидийских могильников Цебельды в комплексе середины V в. н. э. и попавший туда, несомненно, через Севастополис. На его лицевой стороне сохранилось изображение Медузы Горгоны, а вокруг греческая надпись «Единый бог, помогающий приносящему» (рис. VII). Две ближайшие аналогии медальону были изготовлены в Антиохии в 374 и 398 гг., т. е. в последней трети IV в. Выраженная в надписи монотеистическая тенденция хотя и близка христианству, однако с ним не совпадает, восходя к иранским и сиро-иудаистским религиозным представлениям¹⁵. Интересна и найденная в Севастополисе маленькая терракотовая статуэтка мужчины с лепешкой в руке (рис. 25), которую связывают с каким-то неясным пока культом.

С IV в. воины римских пограничных гарнизонов постепенно начинают превращаться из солдат в обыкновенных военных поселенцев. Действительно, материалы раскопок показали, что жители Севастополиса занимались самыми различными отраслями хозяйства — гончарным, кузнечно-слесарным и ткацким ремеслами, обработкой камня и дерева, земледелием, скотоводством, охотой и т. д., удовлетворявшими не только основные потребности себастопольцев, но и позволявшими поддерживать тесные торгово-экономические связи с античным миром и туземным окружением.

¹⁴ Каухчишвили С. Г. Греческая надпись на Сухумском светильнике. — ТАИ, XXVIII, 1957, с. 228; Ельницкий Л. А. Новые документы антихристианской реакции в Римской империи в IV в. н. э. — СА, 1962, № 4, с. 231; Гранш М. М. Древний Сухуми, с. 348—349.

¹⁵ Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях..., с. 114-115.

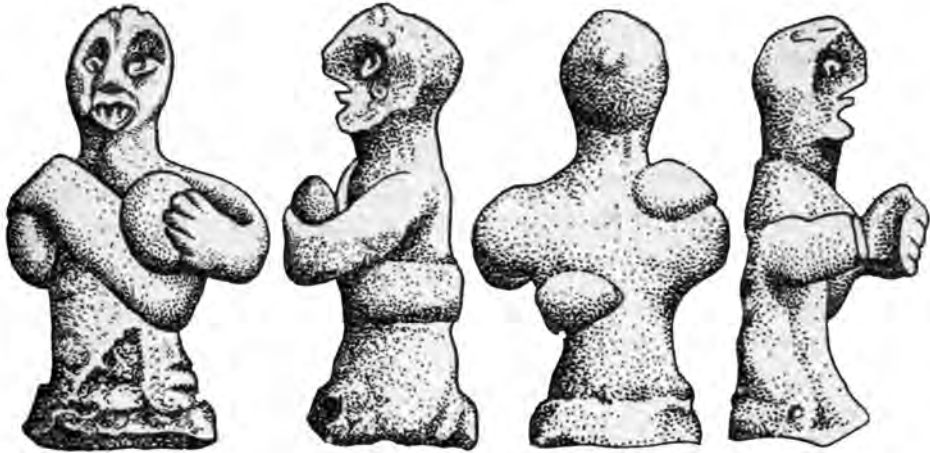

Рис. 25. Севастополис. Фигурка жреца (?). Глина. IV в. н. э.
 Абхазский государственный музей.

Отношения Апсилии с населением Севастополиса способствовали ее превращению в органическую, хотя и периферийную часть средиземноморского культурного мира. Территория, занимаемая апсилами в этот период, обрисовывается археологическими памятниками достаточно четко. Могильники и поселения апсильов появляются северо-западнее Севастополиса, на территории и вблизи Эшерского городища, в ряде пунктов селения Верхняя Эшера.

Граница апсильов с абасгами проходит в районе Нового Афона. В расположенной восточнее Цебельдинской долине, а также в Кодорском ущелье и ряде других пунктов Центральной и Южной Абхазии известно уже более 20 поселений апсильов (рис. 26) (не ближе 7—10 км от Севастополиса)¹⁶.

В быту апсильов прочное место занимает привозная стеклянная (рис. 27, 8) и краснолаковая посуда, в производстве местных гончаров наряду с такими традиционными изделиями, как пифосы (рис. 27, 1), кувшины (рис. 27, 3), миски (рис. 27, 4), вазы (рис. 27, 5), горшки (рис. 27, 7), сосуды в виде полых фигур животных (рис. 27, 6), приобретает популярность специфически античная тара — амфоры. Амфоры (рис. 27, 2) имеют узкий перехват в средней части корпуса, что, может быть, связано с использованием их для перевозки вина и других жидких продуктов на вьючных животных. Общепричерноморский характер носят фибулы (рис. 27, 9—11), пряжки (рис. 27, 13, 14), перстни (рис. 27, 12), серьги (рис. 27, 16).

Широкое распространение получают круглые, овальные и многоугольные римские щиты с железным умбоном (рис. 27, 21) в центральной части, мечи (рис. 27,

¹⁶ Воронов Ю. И. Тайна Цебельдинской долины, с. 18—46, 141—145.

24); часто изготовленные из стали, наконечники метательных копий (рис. 27, 23), боевые топоры (рис. 27, 22), трехперые наконечники стрел (рис. 27, 20). Огромным спросом пользуются привозные бусы — в отдельных погребениях женщин-апсилиек найдено до 400 разнообразных импортных бусин (рис. 27, 15). Ожерелья нередко охватывают шею в несколько витков. Входят в моду разнообразные бронзовые браслеты (рис. 27, 18, 19), золотые кулоны (рис. 27, 17).

В связи с угрозой гуннского нашествия контакты администрации Себастополиса с Апселией становятся более тесными. Одним из важнейших результатов этого сближения в последующий период явилось создание вдоль Клухорского пути целой системы оборонительных сооружений. В их планировке и конструкциях чувствуется рука позднеримских или ранневизантийских зодчих. Наиболее значительные по размерам и сложные по конструкции укрепления (Цибилеум, Шапка, Ахыста) располагаются вдоль пути от Себастополиса к Клухорскому перевалу. Башни и фасадные стены крепостей возведены из крупных, хорошо обработанных известняковых блоков, на некоторых из них нанесены греческие буквы. В ряде случаев можно предполагать непосредственное участие в строительстве и местных мастеров, прошедших соответствующую подготовку на родине либо вдали от нее.

Создав Цебельдинскую оборонительную систему и подобный ей еще более грандиозный комплекс крепостей (Археополь и др.) в Центральной Колхиде, империя в значительной мере обезопасила себя от возможных вторжений гуннов и других врагов со стороны Северного Кавказа и Восточного Закавказья. Все эти укрепления фактически образовали еще один — ранневизантийский лимес, охранявший ущельные проходы (клизуры), через которые в V—VI вв. шли дороги к таким важным прибрежным укреплениям византийцев, как Апсар, Фасис и Себастополис.

Юстинианово внимание

Вплоть до эпохи Юстиниана I (527—565 гг.) характер и назначение Понтийского лимеса оставались, по-видимому, неизменными, хотя система крепостей постепенно приходила в упадок. Прокопий Кесарийский, известный византийский историк середины VI в., по этому поводу писал: «...приморской же частью... страны издревле владели римляне... они выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время... легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунда до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны» (Война с готами, VIII, 4, 4).

При Юстиниане у Византии в Восточном Причерноморье появляются новые стратегические задачи. В 523 г. самый опасный противник Византии —

Сасанидский Иран — окончательно овладевает Иберией и тем самым открывает себе дорогу для вторжения в пределы Византии через Лазику — Центральную Колхиду. Тот же Прокопий замечает: «Овладение Лазикой будет персам полезно в том отношении, что они из этой страны без всякого труда будут в состоянии нападать сухим путем и морем на лежащие при Понте Евксинском места... и быстрым нашествием взять самое Византию, не встречая нигде сопротивления» (Война с готами, II, 28, 283).

В создавшемся положении Себастополис и Питиунт совершенно утрачивают свое стратегическое значение, в связи с чем Юстиниан перебрасывает имевшиеся там силы в Юго-Восточное Причерноморье. Прокопий Кесарийский так описывает события: «Персидский царь Хосрой... очень хотел послать сюда персидское войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противоположный материк, ушли в город Трапезунд. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной» (Война с готами, VIII, 4, 6). Происшедшее событие датируется 542 г.

13 лет спустя византийцы возвращаются в Себастополис. И тогда Прокопий Кесарийский (О постройках, III, 7) сообщает: «Ныне же император Юстиниан этот Севастополис, который был прежде только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом и по красоте и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов». Впрочем, в XXVIII новелле Юстиниана, относящейся к тому же времени, сказано, что Себастополис должен быть причислен скорее к крепостям, чем к городам. К сожалению, при раскопках 1959 г. на территории Сухумской крепости следов расцвета города, падающего на третью четверть VI в., обнаружить не удалось. К соответствующему времени позднее была отне-

Рис. 26. Схема размещения римских укреплений (обозначены квадратами), местных поселений (обозначены заштрихованными квадратами) в окрестностях Себастополиса IV—VI вв.

сена лишь крепость III, занимающая центральное положение в общем комплексе построек Себастополиса¹⁷.

Главной особенностью крепости, расположенной, вероятно, на площади до 0,6 га, являются широкие прямоугольные выступы по углам, характерные для византийских крепостей VI—X вв. в Палестине и Северной Африке. Вполне вероятно, что к тому же строительному периоду относятся башни и ряд контрфорсов первого, наиболее раннего укрепления. Их кладка из булыжника и известняковых блоков на прочном растворе с примесью обломков кирпича близка к кладке крепости III.

О последующей истории Себастополиса известно очень мало. Автор VII в. Епифаний Константинопольский упоминает в одной из своих работ «Великий Себастополис». Сообщение о приморском городе Себастополисе содержится и у анонимного армянского географа конца VII в. Наконец, в описании епархии Константинопольского патриарха, относящемся к началу IX в., говорится, что «кафедра архиепископа Абасгии есть город Севастополис» (последний источник отражает ситуацию уже того периода, когда Аписилия полностью вошла в состав Абасгии)¹⁸.

В 20 км восточнее Сухуми находится очень интересный христианский памятник, который по своим размерам и возрасту в наибольшей мере мог бы отвечать запросам архиепископа Севастопольского. Речь идет о соборе (рис. VIII), расположенном на северной окраине села Дранда на возвышенном плато у обрыва к реке Кодор¹⁹.

Собор представляет собой крестовокупольное сооружение на четырех столбах (наибольшее распространение такого рода сооружения получили в VI—VII вв.). Восточный его фасад оформлен тремя пятигранными выступами-абсидами, заключающими в себе алтарь и соединенные с ним проходами боковые помещения — диаконник и жертвенник. В западной части храма им соответствуют два круглых помещения с глубокими полукруглыми нишами. С запада же примыкает обширное продольное помещение — нартекс — с хорами во втором этаже. Храм увенчан куполом, покоящимся на широком низком барабане. Стены, свод и купол храма сложены из красного кирпича.

При недавно проводившихся здесь реставрационных работах в перекрытии боковых помещений было обнаружено несколько десятков амфор середины VI в., что позволяет датировать собор позднеюстиниановским временем. Судя по всему, строительство храма велось византийскими мастерами, а для производства такого огромного количества кирпича понадобилось, вероятно,

¹⁷ Леквинадзе В. А. О постройках Юстиниана в Западной Грузии — ВВ. 34. 1973. с. 173.

¹⁸ Транш М. М. Древний Сухуми, с. 307—308. 313.

¹⁹ Павлинов А. М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. — МАК, III, 1893, с. 1—29.

несколько печей. Не исключено, что часть кирпича изготовлена в Себастополесе. Амфоры также, несомненно, завезены сюда через Себастополис. Выбор места для собора пока объяснить трудно — у нас нет никаких данных о существовании здесь какого-либо населенного пункта.

Археологические источники²⁰ о Себастополесе рассматриваемого периода также весьма скудны. В восточной части древнейшей крепости Себастополиса обнаружено большое количество кубиков от стеной мозаики, частично вмазанных в обломки штукатурки. Возможно в VII в. здесь стоял христианский храм, украшенный мозаикой. Несколько найденных рядом христианских захоронений свидетельствуют о превращении значительной части крепости в кладбище и полной утрате ею былого стратегического значения.

Во второй половине VI — VII в. среди населения Себастополиса в неизмеримо большей степени, чем прежде, ощущается присутствие местного этнического элемента. Отдельные захоронения апсиллов располагаются уже в непосредственной близости от крепости (район современного железнодорожного вокзала и др.).

На сохранение в VI—VII вв. значительного международного торгового рынка в Себастополесе указывают находки в могилах апсиллов: стеклянная (рис. 28, 7), красно-лаковая (рис. 28, 6) и лощеная (рис. 28, 4) глиняная посуда, византийские пряжки с плоской перегородчатой инкрустацией (рис. 28, 20) и с надписями (рис. IX), брошь в виде фигурки павлина, медальоны, серьги (рис. 27, 18), золотые и серебряные нательные кресты (с конца VI в.), бусы, монеты (рис. X). Среди изделий местных ремесленников продолжают бытовать пифосы (рис. 28, 1), амфоры с перехватом (рис. 28, 2), кувшинчики (рис. 28, 3), горшки (рис. 28, 5), железные топоры (рис. 28, 8), мечи (рис. 28, 11), наконечники копий (рис. 28, 10) и стрел (рис. 28, 12), умбоны для щитов (рис. 28, 13), мотыги (рис. 28, 9), бронзовые фибулы (рис. 28, 15, 16), пряжки (рис. 28, 21), серебряная подвеска с сердоликом (рис. 28, 19), распространяются граненые хрустальные бусы (рис. 28, 17).

В конце VII в. в описываемом нами районе появляются арабы. История римско-византийского Себастополиса на этом завершается.

²⁰ Воронов Ю. И. Тайна Цебельдинской долины, с. 151.

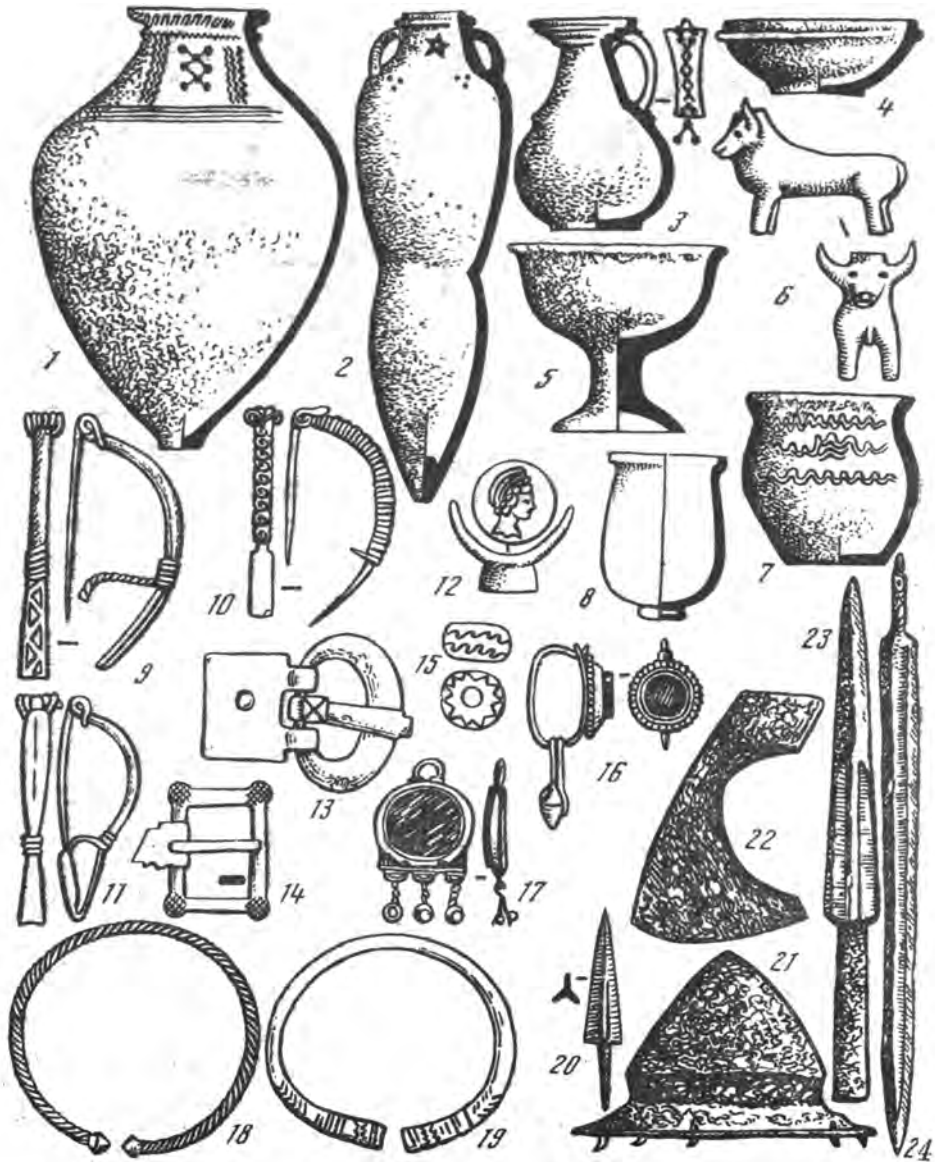

Рис. 27. Цебельда. Образцы местных и привозных (8, 12, 15) изделий:

1 — пифос; 2 — амфора; 3 — кувшин; 4 — миска; 5 — ваза; 6 — полая фигурка быка; 7 — горшок; 8 — сосуд; 9—11 — фибулы; 12 — перстень; 13, 14 — пряжки; 15 — пастовая бусина; 16 — серьга; 17 — кулон; 18, 19 — браслеты; 20 — наконечник стрелы; 21 — умбон от щита; 22 — топор; 23 — наконечник копья; 24 — меч.
 Глина (1—7), стекло (8), бронза (9—14, 18, 19), серебро (16), золото (17), железо (20—24). Вторая половина IV—V в. Абхазский государственный музей

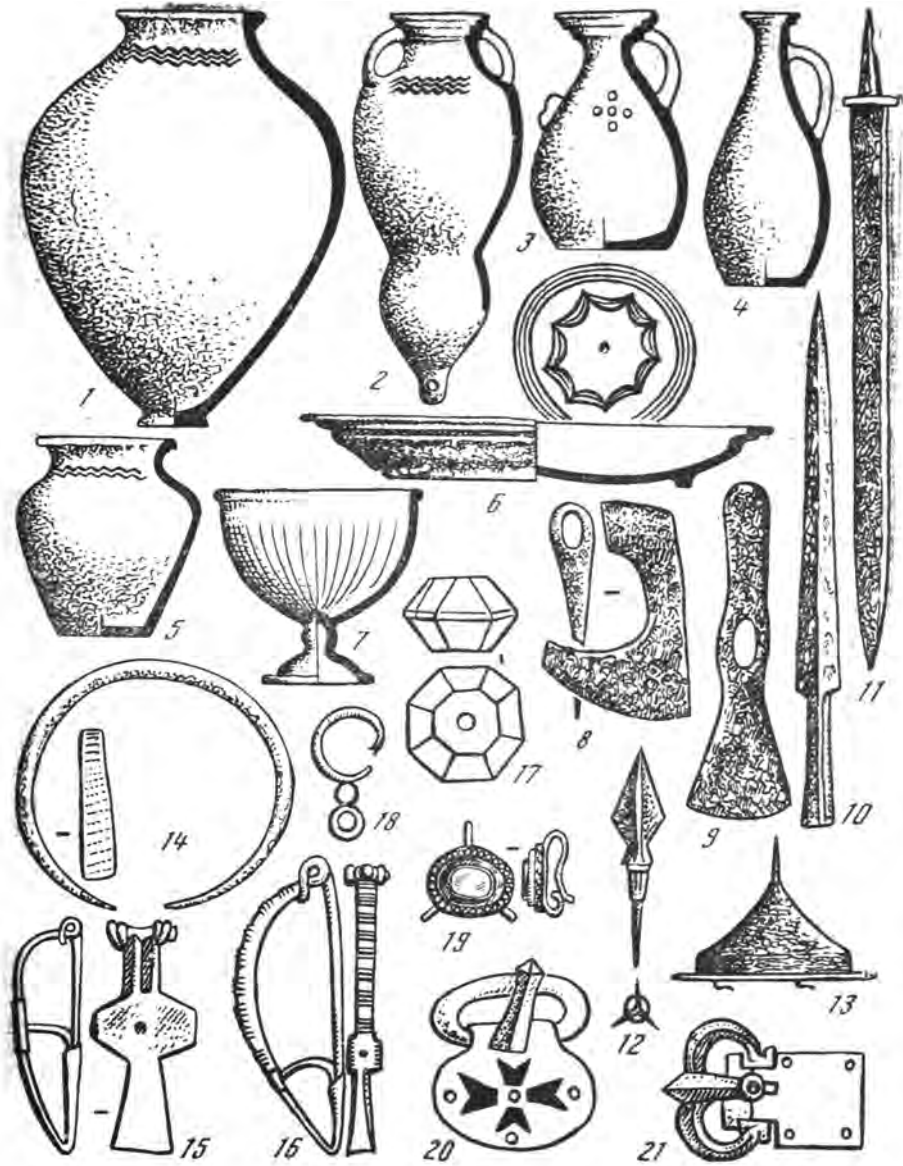

Рис. 28. Цебельда. Образцы местных и привозных (3, 7, 18—21) изделий:
 1 — пифос; 2 — амфора; 3—4 — кувшины; 5 — горшок; 6 — краснолаковое блюдо;
 7 — бокал; 8 — топор; 9 — мотыга; 10 — наконечник копья; 11 — меч; 12 — наконечник стрелы; 13 — умбон от щита; 14 — браслет; 15, 16 — фибулы; 17 — бусина;
 18 — серьга; 19 — подвеска; 20, 21 — пряжки. Глина (1—6), стекло (7), бронза (14—16, 20—21), серебро (18, 19), горный хрусталь (17), железо (8—13).

VI—VII вв. Абхазский государственный музей

Глава III. Цхум — Севаст — Сухум-кале

Центр Цхумского эриставства

Впервые «Цхуми — город Апсилии» упоминается грузинским историком XI в. Джуаншером в числе восточнопричерноморских городов и крепостей, разоренных во время вторжения арабского полководца Мурвана-ибн-Мухаммеда в 737—738 гг.

Следующее упоминание о Цхуме относится к рубежу XII—XIII вв., когда он стал, по-видимому, одним из крупнейших приморских городов Грузинского царства, а также одной из летних царских резиденций. Автор труда «История и восхваление венценосцев», написанного в начале XIII в., сообщает, что «царица же Тамара зимой жила в Двине, летом в Коле и Цедис-дба, иногда же переходила в Абхазию — в Гегути и Цхуми»¹. В этот период Цхум является центром одной из наиболее значительных западных провинций Грузии — Цхумского эриставства, территория которого по побережью включала в себя современные Центральную и Северо-Западную Абхазию и, возможно, Сочинский, Туапсинский и Геленджикский районы.

В начале XIV в. мегрельский князь Георгий Дадиани занял часть Цхумского эриставства до Анакопии включительно, оттеснив прежнего цхумского эристава Шервашидзе на северо-запад. В 1330 г. Георгий Блистательный предпринял попытку объединения грузинского царства. Вахушти сообщает, что очевидцы побед Георгия — эриставы Дадиани, Гуриели и Шервашидзе явились к нему с богатыми дарами. «После этого, — продолжает историк, — царь направился... в Абхазию, привел в порядок дела тамошние, занял крепости и, передав Цхумское эриставство Бедиэли, возвратился обратно»². С тех пор

¹ История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1954, с. 87.

² Вахушти. Жизнь Грузии. Тифлис, 1885. т. I. с. 277—278.

Цхумское эриставство входит составной частью в одно из крупнейших в Закавказье того времени политических образований — Сабедиано — с мегрельскими князьями Дадиани во главе.

Памятников материальной культуры города VIII—X вв. чрезвычайно мало. Слой этого времени в районе Сухумской крепости выявить не удалось — скорее всего здесь в те годы высились лишь груды развалин, густо поросших лесом и кустарником. Из архитектурных сооружений в окрестностях Сухуми к данному периоду могут быть отнесены небольшой храмик в поселке Тхубун на левом берегу Келасури да маленькая крепость Уз-абаа в ущелье Гумисты. Последняя представляла собой дворик, окруженный крепостными стенами. Крепость имела две башни — главную (воротную) и в глубине двора. В воротной башне было четыре этажа, разделенных каменными и деревянными перекрытиями.

Поселений в непосредственной близости от города не обнаружено. Люди жили в основном в глубине Гумистинского ущелья (Каманы, Отсюш и др.). Их материальная культура изучена еще очень плохо, однако, судя по имеющимся данным, они активно занимались отгонным скотоводством. На всех высокогорных пастбищах прилегающих хребтов (Чедым, Дзыхва и др.) до сих пор сохранились развалины раннесредневековых каменных пастушеских хижин. Некоторые исследователи полагают, что в IX—X вв. был сооружен и так называемый замок Баграта (рис. XI) — на вершине холма на левом берегу Беслетки. Это предположение основывается на легенде, записанной во второй половине XIX в. Согласно легенде, замок Баграта возник в эпоху грузинских царей Баграта III (980—1014 гг.) или Баграта IV (1027—1072 гг.). Архитектурные же особенности укрепления, о чем речь пойдет ниже, заставляют относить его к более позднему времени.

Гораздо больше на берегах Сухумской бухты памятников последующей эпохи — развитого средневековья (рис. 29). Относительно расположения города Цхума в этот период интересные сведения содержатся у грузинского историка и географа XVII столетия Вахушти Багратиони. Он пишет, что к западу от Кодора течет Цхумская река. На реке в горах находится Цхуми, от которого и получила название река. В. И. Сизов, проводивший здесь в 1886 г. раскопки, отмечал: «Что же касается местности, лежащей на юг от Сухуми, по другую, левую, сторону Беслеты и близко от ее устья, где произведены были мною раскопки у казарм, то местность эта, включая сюда и замок Баграта, и ближайшие искусственно выровненные террасы гор, принадлежит средневековому христианскому Сухуму, бывшему культурным и административным центром грузинского... владычества в том крае; оно соответствует Цхуму грузинских летописей и Акуа — абхазцев...»³.

³ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии, — МАК, II, 1889, с. 19.

И действительно, результаты археологических раскопок, произведенных В. И. Сизовым, а также исследования последних десятилетий показывают, что на обширной плоскости мыса по левому берегу Беслетки в конце XI—XIII в. стояло множество деревянных зданий, разделенных улицами и переулками. Здесь же находились пристань, затем торговая площадь, а дальше, на окраине поселка,— кладбище. На господствующей над городом вершине на случай вражеских вторжений возвышалась цитадель — замок Баграта. От города, в глубь страны, вели дороги и тропы, соединявшие его с довольно многочисленными монастырями, феодальными поместьями и сельскими усадьбами в окрестностях.

О материальной культуре Цхума можно судить по разнообразным обломкам глиняной посуды, изделий из железа и камня и т. д. Широко использовались⁴ в рассматриваемое время большие хозяйственные сосуды — пифосы, которые теперь обычно закапывались на две трети в землю под деревянным навесом (в них хранили вино, воду, продукты), богатый ассортимент столовой посуды — кувшины (рис. 30, 2—4), миски, чашки — и кухонной — горшки, сковороды, кастрюли. Особенно интересны чашки, кувшины, светильники и другие изделия, поверхность которых украшалась разноцветной поливой и орнаментацией (рис. 30, 5—16). Привлекают внимание на такой посуде изображения людей, птиц, рыб и т. д.

Посуда в основном завозилась издалека — из Крыма, Византии, Поволжья и, конечно, из других районов Закавказья (Грузии, Армении). Часть посуды, особенно с преобладанием зеленой поливы, вероятно, выходила из местных мастерских. В городе работали и свои кузнецы, изготовлявшие оружие (сабли, ножи и т. д.), сельскохозяйственные орудия (лемехи, мотыги), различные бытовые предметы (гвозди, шилья и т. д.). Особенности развития получило производство наконечников стрел, отличавшихся разнообразием форм (рис. XII) и использованных технологических приемов. Найдена монета, отчеканенная в Константинополе в XII в.

Картину жизни города в XII—XIV вв. дают возможность представить раскопки 1954—1956 гг., проведенные в замке Баграта⁵. В первую очередь отметим, что ниже уровня строительного горизонта крепости найдены обломки пифосов, кувшинов и поливной керамики XI в. Тогда, видимо, укрепление имело лишь деревянные стены. В последующий период (не ранее конца XI—XII в.) были проведены основные работы по сооружению каменных стен. Об этом говорят их конструктивные особенности, находящие аналогии не среди местных памятников VII—XI вв. (Анакопия и др.), а среди восточнопричерноморских укреплений развитого и позднего средневековья.

⁴ Там же, с. 9—49.

⁵ Трапш М. М. Материалы по археологии средневековой Абхазии. - Тр. IV, Сухуми, 1975. с. 151—171; Бражба О. Х. Замок Баграта. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; с. 255—260.

Замок Баграта имеет в плане форму овала размером 65×27 м. С востока в крепость ведут ворота, облицованные тесаным известняковым камнем и защищавшиеся когда-то небольшой четырехугольной башней. В южной стене видна еще одна башня с каменным сводом и широким вылазным окном. Стены замка, за исключением северной, хорошо сохранились местами до высоты 10-12 м при толщине до 2-3 м. Они сложены из бута с использованием в облицовке крупного булыжника. Перед их возведением крепостной двор выровняли, а по контуру будущих стен врезали в материк ступень глубиной до 4 м, на которую наклонно положили каменный пояс, охвативший как бы панцирем склоны холма. Толщина панциря не превышает 0,5 м, но его наклонная плоскость позволяла с большим успехом отбиваться от слишком близко подходивших врагов — брошенные сверху тяжелые камни, отскакивая от наклонного панциря, вносили в их ряды беспорядок. Со временем, однако, стены, утратив по мере размыва склона опору, начали сползать вниз.

Такая судьба постигла всю северную линию обороны укрепления.

Замок Баграта представлял собой крепость-убежище, где укрывалась привилегированная часть местного населения, в первую очередь, вероятно, цхумские эриставы Шервашидзе и их приближенные. На крепостном дворе обнаружены три погребя, в которых оказалось более 30 пифосов (рис. 30, 1) емкостью до 100—150 литров каждый. О том, что в крепости жило постоянное население, говорят многочисленные находки столовой (главным образом поливной) и кухонной посуды, обломков жерновов, каменных сковородок, пряслиц для веретен, шильев, керамических и железных шлаков.

Женщины вели домашнее хозяйство: пряли, готовили пищу, мололи зерно. Мужчины ковали оружие, изготавливали различные предметы обихода. Население замка занималось и скотоводством — здесь найдены кости коров, овец, лошадей и свиней. Внутри крепостных стен большинство строений были деревянными, однако имелись и каменные постройки, до нашего времени не сохранившиеся. Замок неоднократно подвергался нападениям, о чем говорит

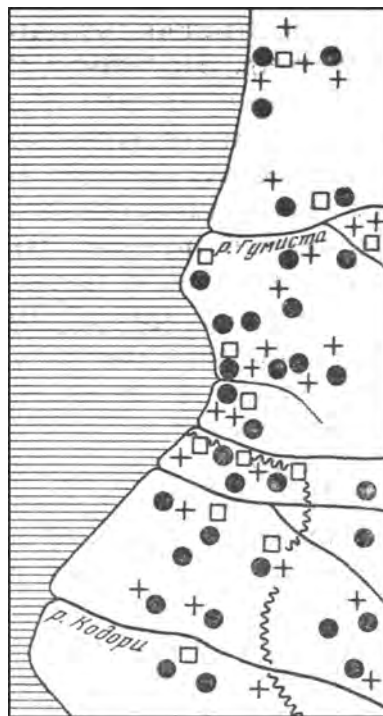

Рис. 29. Схема размещения средневековых памятников: крепостей (обозначены квадратиками), храмов (обозначены крестиками), поселений (обозначены кружками) и Келасурской стены (обозначена волнистой линией) в окрестностях Себастополиса — Цхума VIII—XVII вв.

большое число разновременных железных наконечников стрел, найденных снаружи у основания стен. Не исключено, что в замке в начале XIII в. бывала царица Тамара.

В XI—XIII вв. в окрестностях города ведется большое культовое строительство. Появляются храмы и монастыри на склонах Сухумской горы, в ущельях рек Гумисты, Беслетки, Келасури⁶. Очень интересны остатки беслетского монастырского комплекса, включавшего храм, двухэтажное каменное здание и другие постройки. Наиболее выразительная часть комплекса — знаменитый Беслетский каменный мост (рис. XIII), смелой аркой переброшенный через ущелье.

Облицовку моста образуют тесаные, метровой длины блоки, перемежающиеся с кирпичными прокладками. Сам по себе мост очень прост — лишь арка длиной в 3,3 м и устои, удлиняющие мост еще на 22 м. На западной стороне моста видна надпись, высеченная в камне заглавными буквами древнегрузинского шрифта «асомтаврили»: «Христос, владыка, всячески... возвеличь в обеих жизньях...» К сожалению, имя того, по чьему распоряжению был построен мост, не известно. Возможно, это один из первых настоятелей Беслетского монастыря.

От Келасурского монастыря сохранились развалины храма XI—XII вв., когда-то украшенного красочными фресками, каменная ограда с воротами и другие постройки. Дорога к монастырю, расположенному в глубине очень живописного ущелья, вела через скальный выступ над 60-метровым обрывом к реке. Древние строители возвели здесь мост, а внизу, в нише скалы, позднее построили замок, в котором в случае опасности пряталось монастырское добро.

Резиденция протектора Генуи

В XIV в. Цхум из центра крупной области грузинского Царства, как мы помним, превратился в периферийный городок Сабедиано. Однако его выгодное географическое положение и тут не дало ему возможности остаться в стороне от важнейших событий последующих столетий. Утратив статус стольного города эриставов Шервашидзе, Цхум почти одновременно становится одним из важнейших пунктов генуэзской колонизации на побережье, крупным торговым центром. В это время городу возвращается его римское название в слегка измененном виде — Севастополис, под которым он затем фигурирует в источниках на протяжении 200 лет. Впрочем, это название на различных итальянских картах приводится в нескольких вариантах: Севастополис, Севастополи, Сканосколполи, Сант-Себастьян, Севаст⁷.

⁶ Пачулия В. П. Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968, с. 77—79.

⁷ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959, с. 235-248.

1330 г. датируется письмо католического епископа Петра, отправленное из Севастополиса в Геную, из которого явствует, что в Севастополисе существует довольно значительная католическая община, конфликтующая с проживавшими в городе «восточными христианами». Древнейшее сообщение о присутствии в Севастополисе генуэзского консула относится к 1354 г.

Количество самих итальянцев в городе вряд ли превышало 100—150 человек при общей численности населения в 2000—2500. Генуэзцы вместе с представителями местной знати, купцами и ростовщиками составляли верхушечную эксплуататорскую прослойку — «жирный народ», которому противостоял «тощий народ» — основная масса населения: мелкие ремесленники, наемные рабочие, беднейшая прослойка. Среди торговцев Севастополиса, как и в других генуэзских колониях Причерноморья, было, вероятно, много армян, а также греков.

Генуэзские купцы скупали у жителей (в основном через местных феодалов) лес (особенно такие ценные породы, как самшит), мед, воск, звериные шкуры, продукты земледелия, скотоводства, домашнего ремесла. Взамен они продавали предметы роскоши, оружие, лошадей, продукцию ремесленного производства западноевропейских мастерских, например бронзовые шкатулки с гравировкой, и главным образом соль. Основными потребителями этих товаров являлись в первую очередь феодалы.

Наиболее важным источником доходов как той, так и другой стороны были рабы, которых генуэзские торговцы везли затем в Золотую Орду и почти на все невольничьи рынки Средиземноморья. Сведения о широко развитой работорговле на Севастопольском рынке восходят к концу 20-х годов XIV в. Рабы добывались местными феодалами во время набегов на территории соседей, а также отчасти и за счет порабощения собственных зависимых крестьян.

Развитие внутренней торговли и ремесла сопровождалось ростом денежного обращения (на северо-восточной окраине Сухуми в 1927 г. был найден золотой венецианский дукат). Широкое распространение получили серебряные подражания трапезундским аспрам (кирманеули) — в окрестностях города обнаружено несколько кладов таких монет, а также много отдельных их экземпляров⁸. На их лицевой стороне помещены стилизованное изображение царя и греческая надпись, сообщающая имена трапезундских императоров Мануила и Иоанна из династии Комнинов, а также «печать Соломона» — шестиконечная звезда; на обороте монеты изображен покровитель Трапезундской империи св. Евгений.

Во второй половине XIV в. к чеканке собственных монет приступил Вамек Дадиани (1384—1396 гг.), владетель Сабедиано. Единственная известная пока его монета, представляющая собой уникальный образчик местного фео-

⁸ Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955, с. 93—98.

Рис. 30. Цхум. Образцы местных и привозных изделий:

1 — пифос; 2—кувшин; 3, 4 — обломки ручек кувшинов с орнаментом; 5—16 — поливная посуда; 17—медальон. Глина (1—16), бронза (17). XI— XIII вв. Абхазский государственный музей и Государственный исторический музей

Рис. 31. Севастополис — Цхум. Образцы местных и привозных (4—9) изделий XIV—XVI вв.

1—4 — кувшины; 5—9 — стеклянная посуда; 10 — монета Вамека Дадияни; 11 — пряжка; 12 — серьга; 13—17 —пряжка, пила, ножницы, нож, меч. Глина (1—4), стекло (5—9), серебро (10), бронза (11, 12) железо (13—17).
 Абхазский государственный музей

дального чекана, найдена в составе клада кирманеули близ Сухуми. На лицевой ее стороне (рис. 31, 10) грузинским шрифтом «мхедрули» выбито имя Вамека, а на обороте — схематическое изображение св. Евгения с соответствующей греческой надписью. Не исключено, что выпуск этих монет осуществлялся севастопольскими ремесленниками, подобно тому как аспры, ходившие на рынках Северного Причерноморья, чеканились в местных генуэзских центрах, а их оформление (арабские надписи и т. д.) отражало местную политическую ситуацию. Интересно, что в итальянских источниках правители Сабедиано именуются иногда просто «князьями Севастополиса», а сам город — «Porto mengrello».

В XV в. Севастополис становится важнейшим торговым портом всего Восточного Причерноморья. Известный тверской купец Афанасий Никитин, в 1466—1472 гг. предпринявший путешествие в Индию, оставил любопытную запись следующего содержания: «А в Севастей губе (в Севастопольской бухте — Ю. В.) да в Гурзыньской (грузинской — Ю. В.) земле добро обильно всем»⁹.

Главным административным лицом в Севастополисе до середины XV в. являлся генуэзский консул. В статусе черноморских колоний, принятом в Генуе в 1449 г., о правах севастопольского консула сказано следующее:

«Постановляем и предписываем, что консул в Севастополисе имеет право взимать со всех вещей и товаров генуэзских, привозимых в то место, один процент со всего товара за ввоз и столько же за вывоз и что он обязан иметь и держать за свой счет способного писмоводителя, переводчика и рассыльного»¹⁰.

Вскоре Севастополис стал резиденцией протектора всех генуэзских факторий на побережье Кавказа. Не исключено, что именно к этому времени начинается назревать какой-то конфликт у генуэзцев с владельцами Сабедиано. Серия документов свидетельствует о переговорах и договорах между обеими сторонами. Так, в письме консула генуэзской Каффы (современная Феодосия в Крыму) от 1 декабря 1465 г. говорится: «Мы очень довольны тем, что так хорошо уладилось дело с Бендиано, князем Мегрелии. Но если были у вас какие-либо расходы, то приказывают вам все сразу либо по частям разложить между купцами, которые будут торговать на его территории». В 1472 г. консулу в Каффе из Генуи писалось: «Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того края жить в дружбе и избегать случаев столкновения. И подобным же образом довольны мы тем, что вы писали нам о надеждах на прочный мир с Бендиано князем Севастополиса»¹¹.

⁹ Баранов Л. Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию. Калинин, 1939, с. 74.

¹⁰ Зевакин Е., Пенчко Н. Очерки по истории генуэзских факторий на Западном Кавказе в XIII и XIV вв.— Ист. зап., 1938. № 3, с. 112—113.

¹¹ Там же. с. 114.

Однако прочный мир так и не наступил. Еще в 1453 г. под ударами турок пал Константинополь. Положение генуэзцев в Причерноморье все более осложнялось. Пролиты оказались перекрытыми, торговля сворачивалась. Когда в 1455 г. решением генуэзского руководства на место протектора в Севастополисе был назначен патриций Филиппо Клаверенция, он категорически отказался принять должность, которая в прежние времена сулила бы ему большие выгоды. Вслед за ним отправиться в Севастополис отказались и семь других кандидатов. Удалось уговорить лишь некоего Герардо Пинели, который уже вскоре по прибытии в Севастополис сообщал в метрополию, что 28 июля 1455 г. абхазы напали на город и основательно его разграбили. Судя по всему, это князья Шервашидзе воспользовались каким-то конфликтом генуэзцев с владетелями Мегрелии. С 1473 г. всякие сведения о генуэзском консуле в Севастополисе в источниках исчезают. А через два года под ударами турок пала и Каффа — главная твердыня генуэзского владычества в Причерноморье.

Материальная культура XIV—XV вв. как на территории самого города, так и в его окрестностях представлена пока несколько слабее, чем культура предыдущего этапа. Несомненно, к этому времени относится часть находок из дотурецкого слоя в Сухумской крепости — многочисленные обломки пифосов и поливной посуды поздних форм, стеклянные браслеты и т. д.

Трудно еще сказать, где непосредственно располагалась резиденция консулов и протекторов в Севастополисе. Скорее всего они использовали подновленные укрепления римского Себастополиса. Возможно, тогда же восстанавливалась приморская стена (крепость II) в тех ее частях, где отмечено использование деревянных «лежней» вместо кирпичных прослоек, а также средняя башня, в которой найдены обломки керамики и других изделий, относящиеся к XIII—XIV вв.¹² Интересно, что и стены позднейшей крепости (обычно они связываются со строительной деятельностью турок) сложены в манере, близкой к той, в какой восстановлены фрагменты западной стены.

Упомянутая средняя башня до разрушения представляла собой многоэтажное четырехугольное в плане сооружение со стенами, прорезанными широкими арочными окнами и сложенными из тщательно оббитого булыжника. Облик башни скорее генуэзский, чем турецкий, — башнеобразные бастионы турецкого времени в северной части крепости имеют иную форму. Поэтому не исключено, что в стены турецкого времени составной частью вошли постройки генуэзцев.

По крайней мере до середины XV в. существовал многолюдный поселок на левом берегу Беслетки, функционировали и укрепления замка Баграта. Здесь найдены обломки пифосов, поливной посуды, стеклянных браслетов и других изделий.

¹² Трапш М. М. Древний Сухуми—Тр. II. Сухуми, 1969, с. 300.

XIV и первая половина XV в. характеризуются определенным подъемом экономики и культуры сельского окружения города. Во многих храмах и монастырях разворачивается строительство, идет ремонт, обновляются росписи. Появляются отдельные благоустроенные поместья с каменными зданиями и оборонительными комплексами (Мерхеули и др.), увеличивается число местных абхазских крестьянских усадеб, о существовании которых напоминают глиняные черепки, угольки, кости животных на пашнях. Усадьбы отстоят друг от друга на значительное расстояние (100—500 м).

Стены домов плелись из прутьев орешника, рододендрона и других растений, крыши покрывались соломой. Во дворах находились винные погреба — несколько зарытых по горло в землю глиняных пифосов, над которыми был деревянный навес. Землю обрабатывали с помощью деревянного плуга с железным нарылаником либо мотыгами. Вблизи усадеб располагались семейные кладбища.

Очень интересный могильник приусадебного типа исследован автором совместно с краеведами В. А. Юшиным и А. С. Вознюком в 2 км восточнее замка Баграта на холме Ахул-абаа. В погребениях обнаружен довольно богатый набор посуды, оружия и украшений. Обращают на себя внимание одноручные кувшины местного производства (рис. 31, 1—3), орнаментированные поясками насечек и многорядной волной, и привозные кувшины (рис. 31, 4) с узким высоким горлом; многочисленные сосуды (рис. 31, 5—7, 9) из зеленого или бесцветного стекла, украшенные разноцветными нитями и воротничками на высоких узких горлышках, скорее всего иранского происхождения; изящный бокал (рис. 31, 5) из белого стекла с сотовидными стенками, вероятно, завезенный генуэзцами из Европы.

Железное оружие представлено мечами (рис. 31, 17) и ножами (рис. 31, 16). К последней группе находок относится парадное серебряное кольцо для натягивания тетивы лука, украшенное черненым узором на щитке. Кольцо это, вероятно, иранского происхождения. Пояса имели железные (рис. 31, 13) и бронзовые (рис. 31, 11) пряжки, ременные наконечники и обоймочки. В погребениях женщин найдены стеклянные и сердоликовые бусы, бронзовые (рис. 31, 12) и серебряные серьги с подвесками, железные ножницы (рис. 31, 15) и серебряные монетки-кирманеули с просверленными для ношения на шее дырочками. В одном из погребений лежала железная пила (рис. 31, 14). Такое обилие сопровождающих покойников вещей указывает на определенное возрождение к местной среде языческих представлений о загробном мире.

«Вода — песок — крепость»

В 1454 г. впервые на рейде Севастополиса появился турецкий флот. 50 кораблей доставили сюда армию под руководством Мурад-бея, подвергнувшего бомбардировке и основательному разграблению город. Хотя турки задержались

здесь всего несколько дней, их действия в других районах Причерноморья губительно сказались на жизни Севастополиса. С трудом продержавшись на берегах Сухумской бухты еще 20 лет, генуэзцы навсегда покинули город, с этого момента надолго утративший свое значение крупного торгово-ремесленного центра.

Первый турецкий гарнизон на короткое время был размещен в Севастополисе в 1578 г., когда турки восстановили генуэзскую крепость¹³. Вероятно, в нем служил и некий Мехмед-нбн-Насух, умерший в 1598 г.,— его могила с соответствующей турецкой надписью на надгробном камне до недавнего времени сохранялась на территории города¹⁴.

Где-то на рубеже XVI—XVII вв. регулярные турецкие войска надолго оставляют берега Сухумской бухты. На протяжении всего XVII в. здесь существует небольшой населенный пункт, являющийся одним из основных центров торговли турецких купцов с местным населением. Итальянский миссионер Жан де Люк в 1629 г. сообщал¹⁵, что абхазы «обладают очень хорошей гаванью. Сюда ежегодно приходят суда из страны лазов, Трапезунда, Константинополь и Каффы и иногда зимуют здесь. Эта гавань называется Эскисумуни». Тот же автор приводит и два других наименования (Схисуммуни и Схисорнум) населенного пункта, в котором, по его словам, находилась резиденция Путо — правителя южной части Абхазского княжества. Де Люк добавляет, что в Абхазии вообще «городов нет, но много селений в горах».

Исследователи обычно локализуют «Старый Сумуни», как можно перевести это название, на месте позднесредневековой Гумистинской крепости, расположенной западнее Сухуми у устья Гумисты. Однако, поскольку около крепости нет никакой удобной гавани, надо думать, что де Люк имел в виду все тот же древний Цхум — Севастополис.

Торговля с турками велась довольно оживленно. По свидетельству источников XVII в., в Абхазию завозились домашняя утварь ручной работы (медные кувшины, тазы, кружки и др.), оружие, дешевые и дорогие ткани, копченая рыба, соль. Предметом же вывоза были мед, нитки, воск, самшит и главным образом рабы, на которых надевали деревянные колодки (рис. 32, 2) и железные кандалы (рис. 32, 1).

Итальянский миссионер Арканджело Ламберти писал: «Сюда приезжает множество турецких купцов. Они привозят в большом количестве деньги и одежду, в которой нуждаются местные народы, и за это турки исключительно требуют невольников. Поэтому грузины, колхи и абхазы продают туркам

¹³ Соловьев Л. Н. Диоскуриада — Севастополис — Цхум.—ТАГМ, I, 1947, с. 143.

¹⁴ Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967, с. 27.

¹⁵ Люк Ж. де. Описание перекопских и ногайских татар (ок. 1625 г.) — ЗООИД, XI, 1879, с. 492-493.

похищенных людей»¹⁶. О масштабах работорговли дает представление сообщение французского путешественника конца XVII в. Шардена. Он подсчитал, что ежегодно со всех восточнопричерноморских рынков вывозилось в среднем до 12 тыс. рабов.

События 30-летней абхазо-мегрельской войны (1628— 1656 гг.) сказались и на истории Эскисумуни. Побывавший в эти годы в Мегрелии иерусалимский патриарх Досифей свидетельствовал, что «абхазы опустошили Мокви, Зугдиди и всю страну от Диоскурии до Гипиуса».

В непосредственной близости от города в то время Леван Дадиани ведет строительство Келасурской стены, а на западной оконечности Сухумского мыса появляется Гумистинская крепость. Неоднократно в окрестностях города высаживаются турецкие десанты. Однако все эти события в источниках обычно не связываются с самим городом, что должно объясняться, по-видимому, полным его запустением.

В 1724 г. турки, восстановив и перестроив стены Сухумской крепости, разместили здесь свой гарнизон. Над главными восточными воротами крепости, теперь разрушенными, они установили следующую высокопарную надпись: «В благополучное правление его величества царя царей, великого султана, которого высочайший двор и держава нимало не уступают державе Александра Македонского и Дария — счастливого царя, блистающего на земле красотою, народами, славою и правосудием, и при любезном зяте сего царя, верховном визире государства, против всех врагов и злодеев, по высочайшей воле и выстроена сия великая и неприступная крепость, твердостью подобная большой птице Сунне, летающей высоко на Кавказской горе»¹⁷.

Появление постоянного турецкого гарнизона в Сухумской крепости вызвало возмущение местного населения. Дважды, в 1725 и 1728 гг., абхазы предпринимали отчаянные, но безуспешные попытки взять крепость штурмом. В 1733 г. им удалось наконец обратить турок в бегство, но не надолго — вскоре турецкий гарнизон снова разместился на берегах Сухумской бухты.

М. Пейсонель, французский консул в Смирне середины XVIII в., писал: «Порта назначает в эту страну своего бея, называемого беем абазинцев, который, однако, пользуется только титулом начальника без всякой власти. Резиденция бея находится в Сухуме. Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому беоу, а лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению». М. Пейсонель следующим образом описывает Сухум того времени: «Небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда вся

¹⁶ Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией —СМОМПК, 43, 1913, с. 82.

¹⁷ Нордман А. Д. Путешествие по Закавказскому краю.—ЖМНП, XII. 1838. с. 404.

кого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3000 жителей, больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря. Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками, гарнизон состоит из янычар под командованием двухбунчужного паши»¹⁸.

В 1771 г. абхазы под руководством Левана Шервашидзе вновь осадили и взяли штурмом Сухумскую крепость, однако через несколько месяцев снова уступили ее туркам. По этому поводу полстолетия спустя французский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере писал: «Если бы, изгнав турок, князя продолжали бы действовать дружно, они смогли бы утвердить свою независимость, но они обессилены раздорами, и Леван вынужден был продать туркам крепость Сухум-кале за двадцать турецких мешков, или десять тысяч пиастров (24 тысячи франков); турки охраняли эту крепость своими янычарами только три года и затем покинули, как бесполезную для них местность»¹⁹.

Рассказывая о тех же событиях, автор второй половины XVIII в. Яков Рейнегг сообщал, что Леван передал янычарам крепость Сагуми, которая могла бы рассматриваться как ключ к Западному Кавказу, особенно если бы ее защищала Акуа, или Аку, находящаяся на уступообразной обрывистой скале. Это одно из самых ранних сообщений об употреблении топонима «Акуа», которым и теперь абхазы называют город Сухуми. В конце 1770 г. капитан Языков, которому было поручено составить записку о состоянии Мегрелии, вместо Сухумской крепости назвал крепость Аку, «в которой турецкий гарнизон и все обитатели турки».

Таким образом, в XVIII в., помимо окончательно укрепившегося здесь наименования Сухум-кале, осмысленного турками как трехсоставное: «су» — вода, «хум» — песок, «кале» — крепость, город носил более древнее, но, несомненно, лежавшее в основе турецкого, название Цхом — Цхум — Сагуми, к которому добавилось еще одно — Акуа.

Относительно этимологии топонима «Цхум» — Сухум пока полной ясности не достигнуто. В. И. Сизов полагал, что он возник на основе грузинского префикса «са» в значении «у», «около» и абхазского топонима «Гума», который до сих пор сохраняется в названии протекающей рядом реки Гумисты, а в старину обозначал значительную территорию позади современного Сухуми. Что касается последнего наименования — Акуа, то оно появилось, по-видимому, в один из периодов полного запустения города — в основе его исследователи видят слово «кэа», что в переводе с абхазского означает «тухлый»,

¹⁸ Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750—1762 годах. Краснодар, 1927, с. 29.

¹⁹ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, I, с. 117.

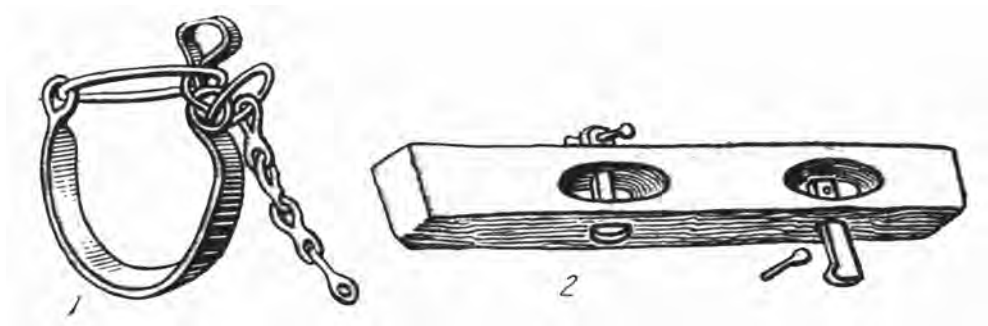

Рис. 32. Окрестности Сухум-кале. Ошейник (1) и колодки рабов (2). Железо (1), дерево (2). XVII—XVIII вв. Зугдидский краеведческий музей

«пахнувший серой». Так называлась в старину река Сухумка, в верховьях которой действительно находился небольшой сернистый источник²⁰.

Культурные наслоения турецкого времени в Сухумской крепости невелики²¹: обломки кирпича, черепицы, водопроводных труб, кухонной и столовой посуды, курительные трубки, монеты, кости животных и т. д.

В средней части северной стены первой крепости Севастополиса, уже вне стен турецкой крепости, было раскопано небольшое каменное сооружение полуподвального типа, при расчистке которого археологи обнаружили, помимо других предметов, большое число орнаментированных керамических турецких курительных трубок, в связи с чем помещение получило условное название «турецкая кофейня». Немало таких же трубок найдено и при раскопках в Гумистинской крепости на западной окраине города. Трубки встречаются на многих позднесредневековых поселениях в окрестностях города вплоть до Цебельды, указывая на довольно глубокое проникновение обычая курения в местную среду еще в XVIII в.

В конце XVIII в. владетельный князь Абхазии Келешбей Шервашидзе перенес свою резиденцию из Лыхны в Сухумскую крепость. Тогда она еще целиком сохраняла прежний вид, сложившийся при турках, — четырехугольник стен, пятиугольные бастiony, выступавшие по углам, ворота в восточной и южной стенах, глубокий ров вокруг. Основные жилые и хозяйственные постройки группировались в юго-западной части крепости. Трехэтажный деревянный дом князя был пристроен к стене, обращенной к морю. Рядом находились продовольственные склады. Пороховой погреб помещался у сере-

²⁰ Шакирбай Г. З. Значение основы кеа в топонимии Абхазии. - В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 171—177.

²¹ Трапш М. М. Древний Сухуми, с. 302; Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Севастополиса. — СА, 1960, № 3, с. 175.

дины той же стены в древней каменной башне со сводчатым кирпичным потолком. В крепости имелось четыре колодца, но вода поступала и по керамическому водопроводу (со стороны современного Ботанического сада). Впрочем, напротив главных крепостных ворот, располагалось поселение — скопление деревянных домиков, а также кладбище. Море и тогда уже наступало на крепость, подмывая восточный бастион²².

В 1805 г. Келешбей решает наконец порвать с блистательной Портой и присоединить свою страну по примеру грузинских царей Ираклия II и Соломона I к России. Поводом для размолвки с султаном послужило предоставление Келешбеем убежища в Сухумской крепости мятежному трапезундскому наместнику Таяр-паше. На грозное требование султана выдать пашу или прислать его голову Келешбей ответил, что закон гостеприимства не позволяет ему выдать гостя, а сам тотчас же обратился к русскому царю Александру I. Однако назревавшая война России с Наполеоном отсрочила присоединение Абхазии к России.

25 июля 1806 г. у стен Сухумской крепости появился турецкий флот, в задачу которого входила расправа с непокорным абхазским князем. Но турки не решились на штурм — артиллерия крепости была готова открыть огонь по агрессорам, а рядом на берегу собралось 25 тыс. вооруженных абхазов и их союзников — убыхов и абазинцев, которых Келешбей призвал на помощь.

Два года спустя, 2 мая 1808 г., Келешбей был убит на пороге своего дома младшим сыном Асланбеем, передавшим крепость в руки турок. Старший же сын Келешбея, Сафарбей (Георгий) Шервашидзе, продолжал политику своего отца, в результате которой 17 февраля 1810 г. был подписан манифест о присоединении Абхазии к России, а в июне того же года в Сухумской крепости разместился русский гарнизон²³. И постепенно начал расти вокруг этой крепости новый город, пятый по счету, первый по размерам и значению.

²² Соловьев Л. Н. Диоскурия — Севастополis — Цхум, с. 144—145.

²³ Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. Сухуми, 1960, с. 1—61.

Вместо заключения. Когда книга уже была написана

Ранней весной 1976 г. маршруты археологов вновь пролегли по правому и левому берегам реки Мачары вдоль Военно-Сухумской дороги. Мой спутник, студент Сухумского педагогического института Слава Лакоба, тщательно просматривает каждый метр в поисках палеолитических орудий. Их нет, но зато всюду под ногами бурыми пятнами проступают обломки керамических сосудов. Здесь подбираем доньшко амфоры, а там из стенки недавно проложенной бульдозером террасы выступает совершенно целый кувшин. Аккуратно расчищаем его ножом и находим тут же бронзовый колокольчик. Рядом, прямо на поверхности, лежат обломки бронзовых браслетов, железный нож, фрагменты чернолакового сосуда. Перебираемся на соседний холм, и снова интересные находки. Слышим чьи-то голоса, спускаемся к домам крестьян и получаем в подарок целый набор древних железных изделий — топоры, наконечники копий, сельскохозяйственные инструменты.

Каждый год раскопок на Эшерском городище приносит новые любопытные факты из жизни Диоскуриады. Кандидату исторических наук Г. К. Шамбе есть чем гордиться — порой его находки просто уникальны. Вот многочисленные обломки бронзовой доски с древнегреческой надписью, вот золотая пластинка с изображением какого-то мифического рогатого существа, вот амфора с чернофигурной росписью, вот целый лабиринт разновременных каменных фундаментов, а рядом захоронения коней с уздечками, украшенными по иранскому и скифскому обычаю. Отодвигаются в глубь веков даты появления первых греческих поселенцев в Северной Колхиде, открываются картины яростного штурма оборонительных стен города в I в. до н. э., все ярче вырисовывается история экономических и культурных контактов древней Абхазии с античным миром.

Телефонный звонок... Спешу по срочному вызову через Сухумский дендропарк, мимо бронзового бюста его основателя Н. Н. Смецкого к вершине холма, где поднялся новый корпус санатория. Здесь заложено несколько свежих котлованов для установки бетонных опор. Рабочие наткнулись на мощный слой древних обломков, уходящих на глубину свыше 4 м. Спускаюсь на дно ямы и

осматриваю находки — обломки чернолаковых сосудов V — IV вв. до н. э., привозных амфор и черепицы, местных пифосов и кувшинов, каменную вымостку. Слушаю рассказы о том, как при закладке фундамента санатория в 30 м выше было обнаружено захоронение воина с железным оружием, разнообразной посудой и «золотым обручем». Вспоминаю предание о том, что еще в начале века в этом же месте при закладке парка нашли несколько золотых предметов и среди них массивный браслет с львиными головками, который Н. Н. Смецкой будто бы отвез в Москву. Хотя дальнейшая судьба этих находок неизвестна, можно теперь с уверенностью говорить о локализации еще одного значительного могильника античной эпохи в непосредственной близости от Диоскуриады.

Ереван. Май 1976 г. Международная конференция античников социалистических стран. С большим интересом воспринимаются сообщения о новых открытиях в окрестностях Батуми, в низовьях Риони, на Эшерском городище. Вновь возникает спор о путях и формах греческой колонизации Колхиды, об облике восточнопричерноморских античных городов, о взаимоотношениях греко-римских колонистов с местными племенами. Уже давно стало традицией при обсуждении всех этих очень серьезных вопросов широко привлекать историю Диоскуриады — Севастополиса. И здесь, в Ереване, с особой силой выявилась значимость материалов, добытых на территории и в окрестностях Сухуми в последние годы. Они зовут к пересмотру старых представлений и гипотез, создают качественно новую, теперь уже прочную фактологическую базу для суждения о многих страницах очень интересной истории города, основанного на берегах Сухумской бухты 2500 лет назад.

Список сокращений

АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИ	— Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАН	— Известия Академии наук СССР
ИАНО	— Известия Абхазского научного общества
ИКОРГО	— Известия Кавказского отдела Русского географического общества
КБС	— Кавказско-Ближневосточный сборник
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР
МАГК	— Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАИА	— Материалы по археологии и искусству Абхазии
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
СА	— Советская археология
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ТАГМ	— Труды Абхазского государственного музея
ТАИ	— Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР

Древности Сочи и его окрестностей

* Впервые опубликована в Краснодарском книжном издательстве в 1979 г.

Предисловие

Сочи — один из уникальных уголков нашей страны. Он ежегодно привлекает миллионы любознательных гостей, и каждый из них стремится побольше узнать о городе, где отдыхает, о его истории, памятниках культуры.

В данной книге рассматриваются богатства культурного наследия, оставленного племенами, издавна населявшими территорию Сочи. Здесь описаны многочисленные памятники древнекаменного, новокаменного и бронзового веков, античного и средневекового времени.

Сведения о них рассеяны по многочисленным специальным книгам и статьям, малодоступным широкому читателю. Автор сделал попытку собрать эти сведения воедино, дополнить их собственными наблюдениями и на этой основе воссоздать картину развития человеческой культуры в окрестностях Сочи с древнейших времен до XVIII в.

Книга написана на материалах, являющихся объектом археологии — науки, которая изучает результаты многотысячелетней трудовой деятельности людей по вещественным источникам и восстанавливает по ним прошлое человеческого общества. Памятники археологии — основной материал для изучения древних культур на рассматриваемой территории от времени заселения ее человеком и до позднего средневековья, поскольку местные племена не имели письменности и не оставили о себе иных сведений, кроме вещей.

Как записано в статье 13 Закона СССР об охране и использовании памятников истории и культуры, эти памятники «используются в целях развития науки, народного образования и культуры, патриотического, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания». Сохранение культурных ценностей и активное их использование в целях коммунистического воспитания помогает утверждению в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, что, как подчеркивал на XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, является одной из важнейших задач нашей партии.

При работе над этой книгой автор пользовался помощью и советами ряда исследователей-археологов: докторов исторических наук Д. А. Крайнова, В. И. Марковина, А. К. Амброза, кандидатов исторических наук А. И. Болтуновой, В. Б. Ковалевской, Л. Н. Соловьева, В. П. Пачулиа и О. Х. Бгажба, а также сотрудников Сочинского музея краеведения М. И. Ивановой и С. П. Запорожец, местных краеведов Н. И. Гумилевского, Л. Н. Кольченко и Л. Л. Ситникова, за что и приносит им большую благодарность.

Глава I.

Эпоха древнего камня

Древнейшие поселенцы края

В науке все большее признание получает точка зрения, согласно которой Кавказ впервые был заселен человеком в относительно позднее время, на заключительной стадии раннего палеолита (от греческого палеос — древний, литос — камень). Этому событию, как полагают, предшествовало оледенение, получившее в литературе название позднедунайского и происходившее 900—800 тыс. лет назад. В результате этого и ряда других последовавших за ним похолоданий на Кавказе вымерли многие вечнозеленые растения и те виды животных, которые в настоящее время характерны для зоны тропиков и субтропиков. Аналогичная судьба должна была постигнуть и обитавших здесь прежде человекообразных обезьян.

Явное сходство древнейших из известных в кавказском Причерноморье кремневых орудий с непосредственно предшествовавшими им по времени памятниками Южной Турции, а также факт, что в то далекое время Кавказ представлял собою полуостров, омываемый с севера морем, а с юга еще не ограниченный столь трудно проходимыми хребтами — все это позволяет предполагать, что первые люди проникли в окрестности Сочи через Колхиду из Малой Азии. Произошло это 400—350 тыс. лет назад, т. е. в конце раннего ашеля — эпохи, названной так по имени небольшой французской деревеньки Сент-Ашель, в окрестностях которой были впервые найдены орудия того времени.

Древнейшие следы обитания человека обнаружены в окрестностях Хосты, в левобережной и правобережной части низовьев реки Мзымты и на правобережье реки Псоу, где они представлены скоплениями кремневых орудий в отложениях надпойменных террас. Основную массу этих орудий составляют очень грубые, массивные кремневые отщепы, сколотые с крупных, слегка очищенных желваков-ядрищ. Из отщепов затем изготовлялись различные скребуще-рубящие орудия универсального характера. Найдены здесь и изделия с выпукло-выемчатыми краями. Ручные же рубила попадают крайне редко. Первые раскоп -

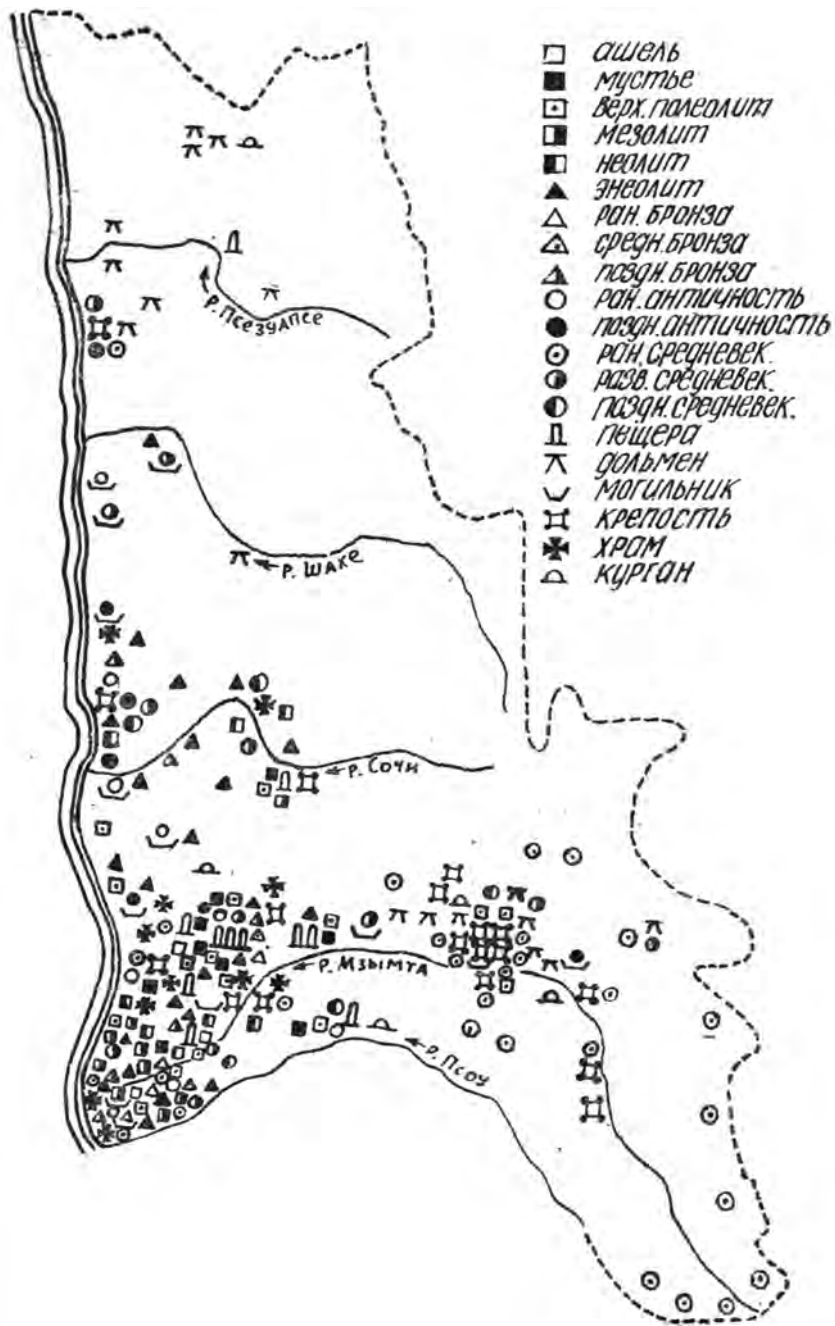

Рис. 1. Схема размещения основных археологических памятников на территории г. Сочи и его окрестностей

ки на открытой стоянке Богос III (правобережье Псоу) позволили установить здесь два одновременных слоя со скоплениями палеолитических кремней: верхний, связанный с поверхностью IV террасы, и нижний, залегающий в непо потревоженной и перекрытой стерильными глинами части галечников, слагающих эту террасу. Однако обычно на таких стоянках непо потревоженный культурный слой отсутствует. Последнее, впрочем, несколько не умаляет значения таких памятников для науки: в обилии разбросанный и легкодоступный материал позволяет проследживать в деталях технику расщепления и обработки орудий, применять статистические и иные методы исследований.

Стоянки ашельского времени, обнаруженные на территории Сочи и соседней Абхазии, представляли собой единые комплексы небольших открытых стойбищ. Площадь отдельного стойбища, судя по распространению орудий, составляла в среднем 100×200 м, а общая площадь всего комплекса, часто вытянутого вдоль склонов возвышенности или берега реки, достигала 1—2 км². Примером таких комплексов могут служить уже упомянутое скопление стойбищ у Богосова холма, стоянки в Блиново (левобережье Мзымты) и др. Материалы со стойбищ часто отражают различные стороны хозяйственной деятельности их населения (охота, собирательство, производство орудий), на основании чего могут быть выделены временные охотничьи лагеря, стоянки-мастерские и т. д. Так, например, анализ коллекции сколов, собранных на стоянке Богос III, позволяет в них видеть остатки мастерской, в которой велось главным образом первичное расщепление кремня. Здесь удалось проследить три этапа выделки орудий: очистка желваков от корки, оформление на их основе ядрищ — нуклеусов и, наконец, расщепление последних с целью получения сколов — заготовок для орудий.

Судя по уже достаточно хорошо изученным ашельским памятникам Центрального Кавказа и отрывочным данным с рассматриваемой территории, ведущее место в хозяйстве ашельцев занимали охота и собирательство. Охотились в основном на пещерного медведя, что говорит о достаточно высоких профессиональных возможностях древних охотников. Можно думать, что в этот же период зарождается и рыболовство. Исследователи полагают, что древние охотники изготавливали себе оружие из дерева, каменные же орудия использовали в домашнем хозяйстве для обработки продуктов охоты и собирательства. Охота на крупных животных при наличии примитивных орудий развивала коллективные формы труда, способствовала объединению охотников в хорошо организованные группы.

Сравнительно высокое качество кремневых орудий на поздних этапах ашельской эпохи было вызвано возникновением нового (названного леваллуазским от деревни Ле-валлуа во Франции, где были впервые обнаружены соответствующие изделия) способа скальвания плоских отщепов — пластин с устойчивым лезвием почти по всему краю. Этот шаг оценивается как крупнейшая техническая революция эпохи камня. Быстрое освоение техники ле-вал-

луа является ярким свидетельством наличия у человека того времени осознанного представления о результатах своих трудовых операций, что предполагает существование уже как-то оформленных зачатков социальных отношений.

Люди ашельской эпохи вели еще полукочевой образ жизни, задерживаясь на одном месте не более двух сезонов. Эта еще очень кратковременная оседлость уже накладывала определенный отпечаток на хозяйство и социальные отношения, ограничив, в частности, участие женщин в охоте и установив половозрастное разделение труда. Женщины охраняли жилища, поддерживали огонь, заботились о детях и стариках, заготавливали топливо, собирали растительную пищу. Мужчины занимались охотой, часто связанной с длительными походами, и изготовлением орудий труда и оружия. При этом мужчины-охотники действовали уже в интересах всего коллектива, что вело к постепенному отмиранию стадных отношений.

В рассматриваемый период окрестности современного Сочи населяли палеоантропы, появившиеся около 350 тыс. лет назад. Симметричность и тщательная обработка орудий являются свидетельством достаточно осмысленного отношения этих «полулюдей» к форме и назначению произведений своего труда, к цели своих действий. Как полагают, в этот период формируется и человеческая речь, появляются слова-предложения, хотя умственная деятельность носит еще очень примитивный характер.

Мустьерцы — жители пещер

Ашельская эпоха сменилась мустьерской, получившей свое название от французского селения Мустье, где были найдены впервые орудия этого времени. Эпоху мустье часто называют также средним палеолитом. Ее начало принято определять 100-тысячелетней давностью. Дата же конца этой эпохи для района Сочи была выяснена с помощью метода, основанного на анализе соотношений изотопов урана и тория в сталактитах, которые были найдены в Ахштырской пещере в слое, характеризующем переход от позднего мустье к верхнему палеолиту. Возраст этого слоя $35\ 000 \pm 2000$ лет от наших дней. .

Мустьерские памятники достаточно многочисленны и характеризуются поселениями как на открытых площадках, так и в пещерах. Открытые стоянки мустьерцев располагались в 1 км к северу и в 0,5 км к югу от реки Макопсе, в Нижней Пластунке, на водоразделе рек Псахо и Сочи, к северу от Белых скал по обе стороны реки Хосты, в окрестностях села Ахштырь, по левому берегу реки Псоу и в других местах. Здесь собрано значительное число как готовых орудий — остроконечников, пластин с подправкой и др., так и отходов производства — отщепов, ядрищ, сколов.

Особое значение для изучения палеолита района г. Сочи имеют такие пещерные стоянки как Ахштырская, Малая Воронцовская, Навалишинская,

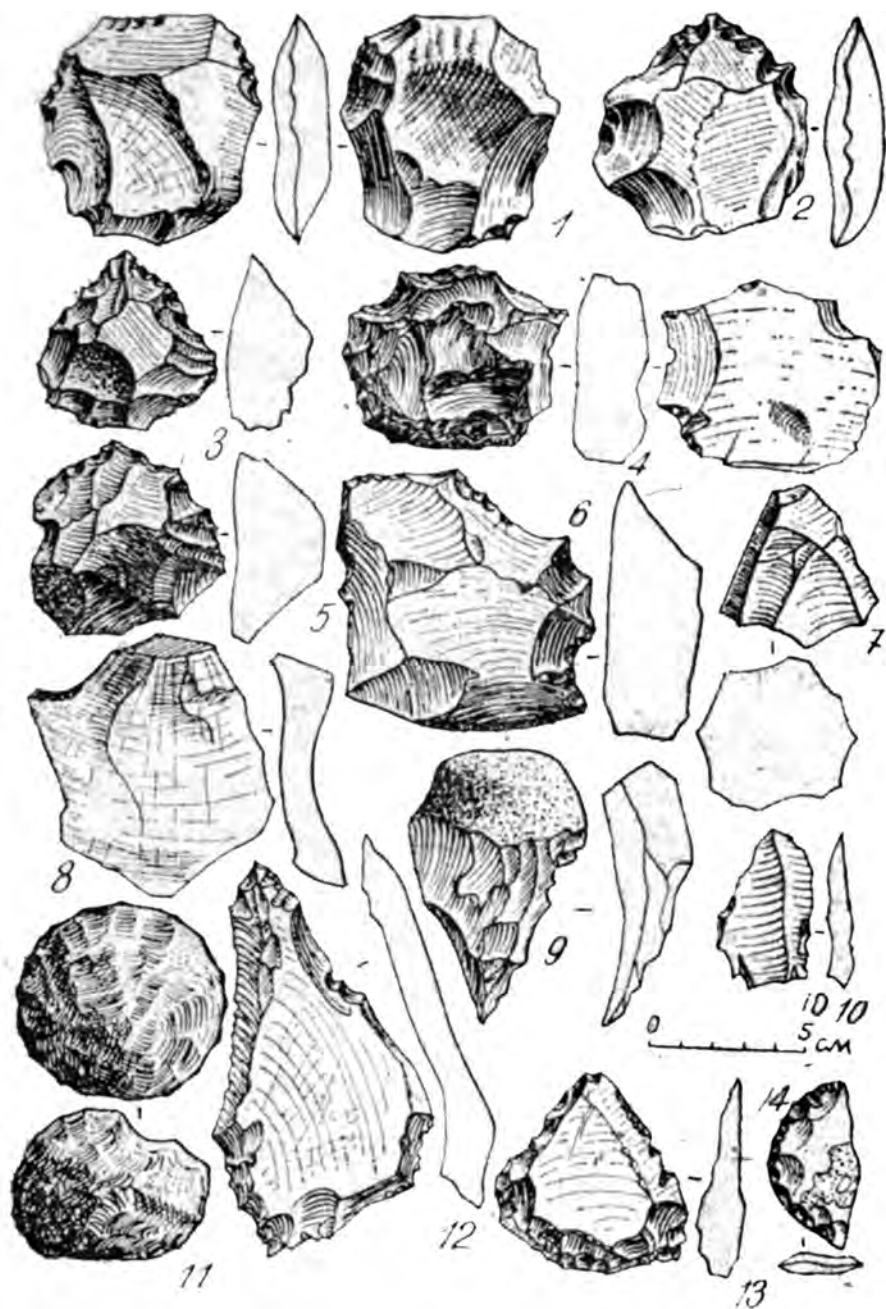

Рис. 2. Орудия с открытых стоянок ашельско - мустьерского времени в районе г. Сочи — рубила (1, 2, 9), скребла (3, 6), нуклеус (7), отщепы (8, 10, 12, 13), отбойник (11), нож (14) со стоянок Блиново-5 (1, 2, Богос III (3— 6), Ахштырь-2 (7), «Колина стоянка» (8, 9, II, 14), Ахштырь-3 и 4 (10, 12, 13)

Хостинская-1, Хостинская-2 и Кепшинская. Исключительно мощные культурные напластования от раннего мустье до эпохи бронзы были открыты в Ахштырской пещере. Поэтому она в настоящее время является эталоном при исследовании других пещерных и открытых местонахождений палеолита в окрестностях Сочи и в соседних районах Западного Кавказа.

В мустьерской культуре как открытых, так и пещерных стоянок выделяется два этапа: ранний и поздний. Ранний этап характеризуется материалами из нижнего горизонта Ахштырской пещеры и в определенной степени открытыми стоянками на террасах рек Мзымты, Псоу и др. Позднемустьерские орудия найдены в большинстве исследованных пещер района.

Ахштырская пещера расположена в 15 км от Адлера на правом берегу Мзымты. Доступ в нее возможен лишь по узкой тропе, которая ведет по карнизу 120-метровой скалы, нависающей над живописным ущельем. Перед входом в пещеру имеются две площадки: внешняя и внутренняя, разделенные скальной перегородкой с естественным коридором 12-метровой длины. Пол внутренней площадки и главного хода покрыт мощной толщей культурных отложений.

Древнейшие следы кратковременного обитания человека в Ахштырской пещере обнаружены на глубине от 4 до 5 м от поверхности отложений. Орудия, найденные здесь, изготовлены из кремня и кремнистого сланца. Среди них довольно много остроконечников, скребел, грубых рубящих орудий, дисковидных нуклеусов. Особый интерес имеют находки из нижнего слоя: четыре рубила с чертами пережиточного ашеля и обломок верхней части наконечника дротика. Последнее орудие носило универсальный характер, его могли использовать и в качестве ножа для свежевания мяса и при обработке дерева. Здесь же найдены многочисленные кости пещерного медведя, гигантского и благородного оленей, зубра, коз, волков, лисиц, диких кабанов, птиц, на которых вели охоту древнейшие жители стоянки.

Суровые похолодания в эпоху развитого мустье вызвали длительные перемены в заселенности Ахштырской пещеры человеком. В накоплениях этого времени отсутствуют всякие следы его деятельности, а так называемый «медвежья шлифовка» — выступы стен, заглаженные до зеркального блеска, говорят о том, что в ту пору здесь жили пещерные медведи.

Более богато представлены в Ахштырской пещере материалы позднего мустье. В слоях этого времени найдены кремневые и каменные орудия — остроконечники, часть которых могла служить остриями копий, многочисленные скребла различных типов, рубящие орудия, миниатюрные сверла, проколки, пластинки, использовавшиеся древним человеком при обработке дерева, кости, шкур животных, при свежевании мяса и т. д. Обнаружены здесь и остатки, связанные с производством кремневых орудий (дисковидные и леваллуазские ядрища-нуклеусы, отщепы, сколы, ретушеры). Среди этих находок уже совершенно отсутствуют рубила, а на орудиях появляются первые признаки техники, характерной для более поздней, верхнепалеолитической эпохи

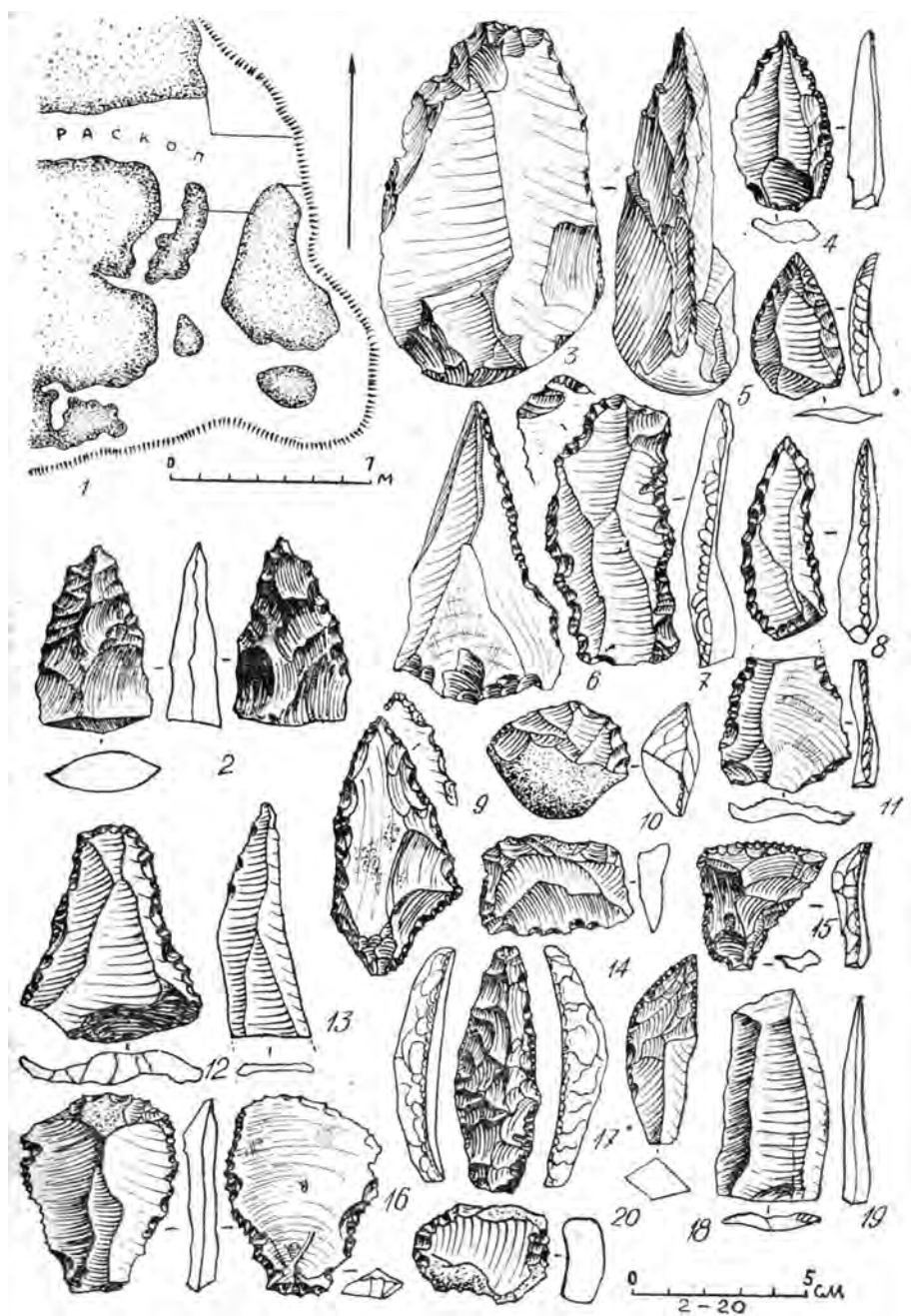

Рис. 3. Ахштырская пещера. План устьевой части пещеры (1), универсальное орудие (2), рубило (3), остроконечники (4—6, 8, 9, 11, 17, 20), скребло (10) и другие кремневые орудия из мустьерского слоя

(резцовый скол и др.). При изучении пещеры получены очень интересные данные о растительном и животном мире, о климате той далекой эпохи. Как свидетельствуют результаты спорово-пыльцевого анализа почвы, вокруг пещеры тогда рос сплошной темнохвойный лес, близкий к елово-пихтовым лесам Абхазии, произрастающим теперь на высоте 1200—1800 м над уровнем моря. Хорошо рисуется по материалам того же слоя и животный мир: найдены кости пещерного медведя, зубра, благородного оленя, куницы, лесного кота, ласки. Здесь же найдены две плюсневые кости человеческой стопы. Одна из них принадлежала взрослому человеку в возрасте старше 30 лет.

В последующем по времени слое выявлены кости пещерного медведя, зубра, косули, кабана, козла, волка, орла. Такой состав фауны свидетельствует о широком распространении в этот период в окрестностях пещеры различных лиственных пород. Анализ пыльцы показал преобладание в растительности, окружавшей пещеру, сосны и травянистых растений. Из этого же слоя происходит очень редкая находка: коренной зуб (второй левый верхний моляр) и одна кость стопы, принадлежащие ископаемому человеку уже современного типа. В самом центре площадки перед входом в пещеру, недалеко от обрыва, были вскрыты три хорошо выраженных очажных пятна с остатками угля и золы, обложенных известняковыми плитами со следами огня. Вблизи очагов найдено много костей животных. Возраст этого слоя был по количеству иония и радиоактиния, содержащегося в этих костях, определен абсолютной цифрой в 35000 ± 2000 лет от наших дней.

Другим памятником, давшим яркий комплекс находок позднемустьеерского времени, является *Малая Воронцовская пещера*, расположенная в верховьях реки Восточная Хоста, в 16 км по прямой от берега моря. Пещера находится в обрыве правого берега, на высоте 50 м над уровнем реки. Перед входом в нее имеется довольно обширная площадка, прикрытая нависающим козырьком скалы. От площадки в глубь горы ведет горизонтальный туннель длиной около 70 м, имеющий три зальных расширения и шесть галерей. В трех слоях последовательных культурных отложений, характеризующих конец мустьеерской эпохи, выявлены остатки очагов, обложенных камнями, костров и хозяйственных ям, которые, как полагают, предназначались для хранения мясных продуктов.

Изделия, обнаруженные в слоях Малой Воронцовской пещеры, изготовлены из различных материалов. Это кремьень, песчаник, сланец, мергель, кремнистый известняк. На широко поставленное производство каменных орудий указывают многочисленные ядрища-нуклеусы, отщепы, пластины, заготовки и сколы, осколки, обломки, ретушеры, галечки со следами ударов. Специальное изучение характера сработанности и подправок у значительной части обнаруженных здесь орудий привело к выводу, что их использовали главным образом в качестве скобелей для обработки дерева (изготовление рогатин, копий, палиц и др.), а также кости и кожи. Когда такое орудие сильно изнашивалось, им пользовались в качестве ретушера для подправки других орудий.

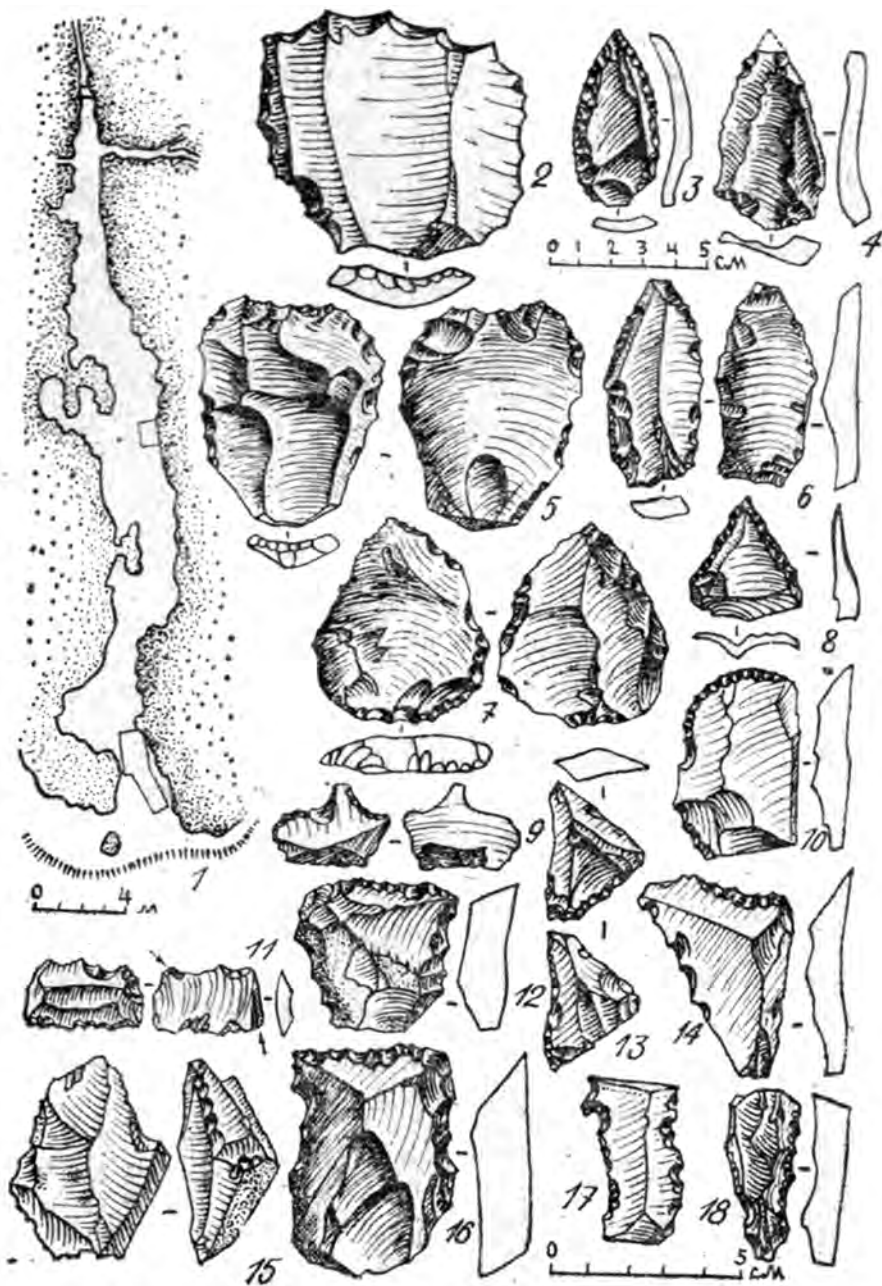

Рис. 4. Малая Воронцовская пещера. План устьевой части пещеры (1), отщеп (2), остроконечники (3, 4, 8), скобель (5), нож (6), микроорудия (9, 11), скребки (10, 12), режущее орудие (13), нуклеус-ретушер (15) и другие кремневые изделия из мустьерского слоя пещеры

Судя по обильным находкам костей животных, население Малой Воронцовской пещеры питалось мясом пещерного медведя, волка, куницы, тура, косули, благородного оленя, горного козла, дикого кабана, полевки. Обилие костей пещерного медведя (до 98% всех находок) позволяет сделать вывод, что пещерный медведь являлся основным объектом охотничьего промысла людей на протяжении всего их обитания в пещере.

В период образования самого нижнего мустьерского слоя вокруг пещеры рос хвойный (пихта, ель, сосна) лес со значительной примесью лиственных (липа, дуб) пород. Позднее наступило похолодание — пещера была окружена исключительно хвойным лесом (пихта, сосна) и травянистыми растениями. Последующий слой откладывался уже в условиях значительного потепления. Вокруг пещеры преобладал лиственный (бук, граб, дуб, вяз) лес с ощутимой примесью хвойных (сосна, пихта) пород.

Путь к *Навалишинской пещере* ведет сверху по скалистому карнизу. Перед главным входом расположена небольшая площадка, обрывающаяся в узкое и очень глубокое ущелье. Пещера состоит из коридора и нескольких внутренних залов. Находки мустьерского времени, обнаруженные в основании культурных напластований, включают кремневые остроконечники, скребла, пластины, от-щепы, двухсторонне обработанные орудия и нуклеусы, кости животных (пещерный медведь, волк, коза и др.), а также остатки трех очажных пятен, проявляемых значительными прослойками угля. Стоянка, судя по всему, была кратковременной, сезонной.

Небольшая, но очень интересная пещера исследована в 1,5 км юго-западнее села *Кепши*, у подножия известнякового массива Ахцу, на высоте 80 м над уровнем реки Мзымты. Пещера состоит из скального навеса и проходной галереи высотой до 2,8 м. Раскопки под навесом у входа в галерею позволили выявить характерные поздне-мустьерские остроконечники, а также отщепы, ретушер и другие изделия, большое число костей животных. Жители пещеры питались мясом тура и пещерного медведя, ловили мышей (снеговая полевка, прометеева полевка) и хомяков, охотились на горную индейку-улару, кавказского тетерева, альпийскую галку. В этот период вокруг пещеры рос хвойный (пихта, ель, сосна) лес с отдельными включениями лиственных (граб, ясень, ольха) пород. Мустьерские остроконечники и пластины, а также кости пещерного медведя и зубра найдены также в нижнем слое культурных-отложений *Ацинской пещеры*, которая находится на правом берегу реки Ац, в 0,5 км от ее впадения в реку Сочи. Устье пещеры, выходящее на юг, расположено на высоте около 120 м над уровнем реки.

Узкая тропинка по обрывистому известняковому карнизу приводит к входу в *Первую Хостинскую пещеру*, расположенную в отвесной скале правого берега реки Хосты на высоте около 300 м над уровнем реки. Пещера имеет несколько ходов и два входа, главный из которых ориентирован на северо-восток. Перед входом видна небольшая двухступенчатая площадка, завершаю-

щаяся обрывом. Среди находок, обнаруженных в слоях мустьерского времени, интересны острия, нуклеусы и отщепы, кости пещерного медведя, зубра и оленя, мясом которых питались жители пещеры.

Вторая Хостинская пещера находится на правом берегу Хосты, в 1 км от первой, ниже по течению реки. Перед входом в пещеру — небольшая площадка. Находки мустьерского времени включают скребла, пластины, отщепы, осколки и кости пещерного медведя.

Как следует из всего сказанного, в раннем мустье использование пещер под жилища носило в значительной мере случайный, эпизодический характер. Позднее же, вероятно, в связи с климатическими колебаниями осваивается большинство пригодных для жилья пещер. Оседлость, хотя бы и сезонная, приобретает большое значение. Поселения в низовьях достигают значительных размеров, в горах же они играют роль регулярно посещаемых, но кратковременных охотничьих стоянок.

Основные следы обитания мустьерцев связаны с наиболее широкой и светлой привходовой частью пещер. При этом учитывались такие особенности обиталища, как условия подхода, ориентация входного отверстия, его размеры, укрытость от атмосферных воздействий, способность давать выход дыму костров, размеры площади, пригодной для жилья, возможность организации огневого заслона. Последнее обстоятельство было важно в связи с необходимостью обороны от хищников, среди которых особенно опасными для человека в ночное время были пещерный медведь и пещерный лев. Глубже за барьером защитных костров располагались хозяйственные ямы, а дальше очаги и лежбища. В Малой Воронцовской пещере обнаружены остатки нескольких одновременных бытовых центров, которые размещались на разном расстоянии от входа. Можно полагать, что в этой пещере обитала достаточно крупная община в несколько десятков человек.

Если пещерные стоянки служили в первую очередь жилищами, то стоянки на открытых пространствах возникали под воздействием и других, прежде всего, производственных задач. Довольно широко распространены кратковременные и долговременные охотничьи поселения, которые располагались на лесных опушках в местах с благоприятными условиями для охоты. Здесь можно найти много законченных орудий, которые предназначались для изготовления оружия из дерева и обработки добычи (остроконечники, скребла и т. д.). Достаточно характерны и стоянки-мастерские, тяготевшие к выходам кремня и иного сырья, необходимого для изготовления соответствующих орудий. Такие «населенные пункты» мустьерцев проявляются большим числом производственных отходов, «недоведенных» заготовок, орудий производства. Функции охотничьих стоянок и производственных мастерских могли совмещаться, и в этом случае находки дают смешанный материал.

Мустьерские слои пещер в окрестностях Сочи отличаются друг от друга уровнем техники расщепления камня, размерами и формами заготовок, коли-

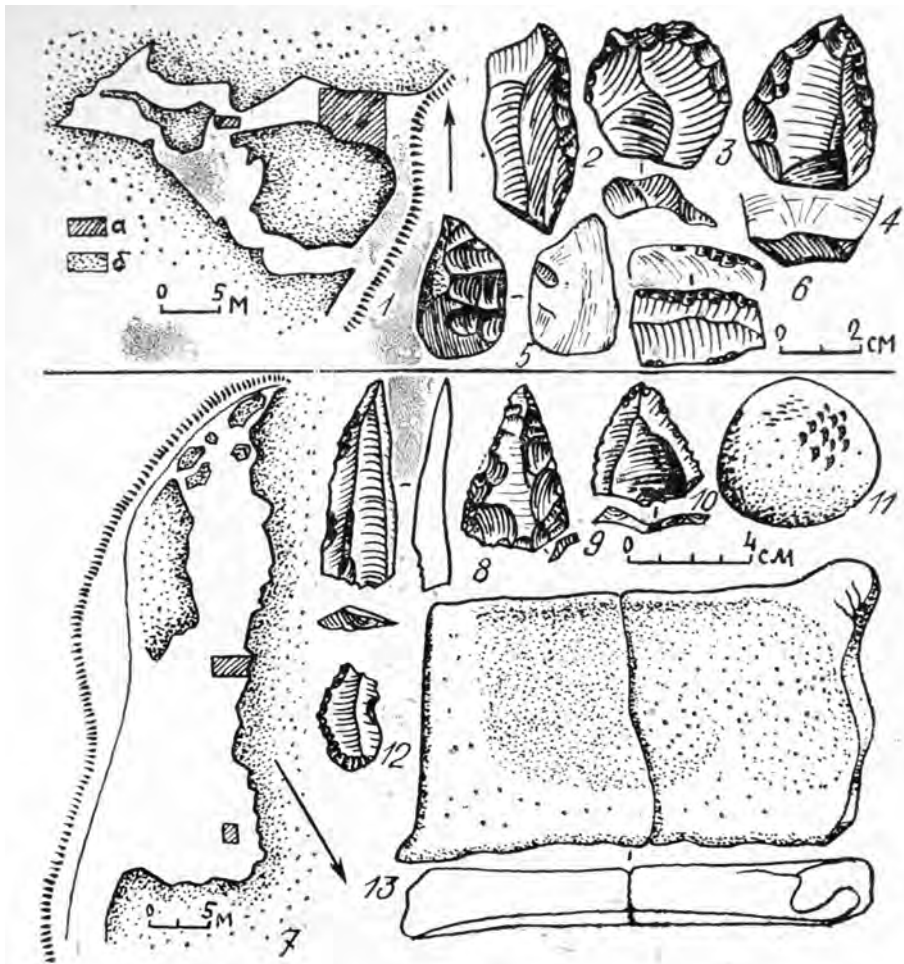

Рис. 5. Находки из Навалишинской (1—6) и Кепшипской (7—13) пещер — планы пещер (1, 7), скребла (2, 3), остроконечники (4, 5, 9), пластина (6), леваллуазские остроконечники (8, 10), ретушер (11), отщеп (12), терочник (13)

чественными характеристиками и вариациями в составе инвентаря. Но основной, объединяющей эти слои особенностью является преобладание пластинчатой леваллуазской техники расщепления камня, которая сочеталась с зубчато-выемчатым оформлением режущих краев. В Ахштырской и Малой Воронцовской пещерах преобладает также техника пластинчатого скалывания. Очень интересен тот факт что кремневая индустрия всех позднемустьерских слоев в рассматриваемых пещерах базируется на заготовках малых размеров. Эти заготовки подвергались вторичной обработке путем ретуширования рабочих краев. Ретушь редко отличалась тщательностью, обычно же была прерывистой, разнородной, благодаря чему режущие края орудий приобрели пилооб-

разное сочетание зубцов и выемок. В ряде случаев отмечен прием снятия резцовых сколов. Все эти особенности придают комплексам кремневых орудий своеобразный облик единой генетически развивающейся зубчатой мустьерской индустрии и позволяют выделить здесь обособленную от других районов Кавказа ахштырскую культуру зубчатого мустье.

Значительная часть каменных орудий из Воронцовской пещеры предназначалась для обработки дерева, а очень мелкие орудия, не имеющие еще деревянной рукоятки, были несравненно более результативными при разделке охотничьей добычи, обработке шкур, строгании дерева, чем зубы и ногти, которые человек, по всей видимости, еще долго применял в своей трудовой деятельности. Преимущество кремневых орудий состояло в том, что с помощью даже самого маленького осколка кремня можно отделить от ствола сук или ветвь, перерезав волокна в точке сгиба. Этим способом сравнительно легко можно отделить ветви толщиной 5—7 см в диаметре. Последующие операции (заострение концов копий и рогатин) упрощаются при параллельном обжигании обрабатываемых частей на костре. Помимо каменных ретушеров, при обработке орудий применялись и трубчатые кости животных. В Малой Воронцовской пещере обнаружены очень редкие орудия, изготовленные из корневой части крупного клыка и на толстой пластинке зубной эмали пещерного медведя.

Весьма вероятно, что мустьерцы уже пользовались простейшими копательными орудиями. Это скорее всего были заостренные палки, хотя часть этой работы еще могла выполняться руками. Существенно изменились способы охоты, которая в тот период велась как группами, так, по-видимому, и индивидуально. Мустьерцы применяли разнообразный по своим производственным функциям набор каменных и деревянных орудий, контактное (т. е. использовавшееся на близком расстоянии) и метательное охотничье оружие (копья и дротики с каменными наконечниками). Как показывают результаты раскопок, основной пищей мустьерцев было мясо пещерного медведя. Вместе с тем все чаще предметом охоты становится быстроногий олень. Увеличение запасов пищи способствует более длительным срокам оседлости и окончательно раграничивает сферы мужского и женского труда. Женщины теперь все свое время проводят на стоянках и вблизи от них, занимаясь поддержанием огня, сбором и обработкой растительной пищи, изготовлением одежды и т. д. По мнению исследователей, на предварительную обработку растительной пищи должны указывать сработанные песчаниковые плитки, обнаруженные в Кепшинской пещере. Не исключено, что в функцию мустьерских женщин уже входило также вяление и копчение мяса. Они могли прийти к этому, наблюдая за воздействием на него дыма костров в условиях пещерной жизни. Каждая из позднемустьерских общин представляла собой группу людей, специализировавшихся в различной хозяйственной деятельности с учетом навыков и физических возможностей.

Формы социальной организации мустьерцев нам пока неизвестны. Однако надо думать, что упомянутые выше человеческие коллективы уже были объединены зачатками родовых отношений. Как полагают, общественное развитие мустьерцев происходило в направлении ограничения брачных отношений: из них были уже «исключены» родители и дети, деды и внуки, бабки и внуки. Соответственно бытовавшие прежде стадные отношения в этот период уже переходили в какую-то более прогрессивную форму группового брака, что вело к исключению из этих отношений также родных братьев и сестер. Социальная же консолидация отдельных групп людей влекла за собой дальнейшее образование зачаточных форм будущих родоплеменных отношений. В ряде пунктов Кавказа уже в эпоху мустье возникают скопления однородных памятников (к ним относится и рассматриваемая группа стоянок в окрестностях Сочи). Каждое скопление, повидимому, характеризовало тогда этнически близкую группу общин, связанных между собой единством происхождения, территории, хозяйства и культуры.

В рассматриваемый период окрестности современного Сочи были заселены палеоантропами-неандертальцами, к концу периода принимавшими облик, близкий к современному. Об этом говорит, в частности, вышеупомянутая находка костей человека современного типа в верхнем мустьерском слое Ахштырской пещеры. Обнаруженные здесь орудия служат свидетельством совершенствования сознания неандертальца, указывают на существование четко дифференцированных представлений о форме и назначении предметов, элементов окружающей среды. Исследователи предполагают, что мустьерцы в общении друг с другом уже пользовались значительным числом слов и звуков.

Век кроманьонцев

Мустьерскую эпоху сменяет заключительная стадия древнекаменного века — верхний палеолит, который охватывает период с 35 до 10 тыс. лет до н. э. Предметы этого времени обнаружены в большинстве местных пещер, заселенных еще в мустьерский период, и на довольно многочисленных открытых стоянках.

Наиболее полное представление о периоде дают материалы из соответствующих слоев культурных накоплений Ахштырской пещеры. Кремневые орудия здесь представлены разнотипными резцами, скребками, остриями, стамесками, ножевидными пластинками. Среди отходов производства примечательны призматические нуклеусы. Охотились ахштырцы на пещерного медведя, зубра, козла, косулю, дикого кабана, волка, лисицу, бурого медведя, куницу, белку, а также на сойку и мелкого орла. Из среднего горизонта позднепалеолитических отложений были взяты образцы угля, анализ которых позволил определить возраст этого слоя в 19550 ± 500 лет от наших дней.

Характерные памятники верхнепалеолитической культуры были обнаружены и в Навалишинской пещере. Среди местных кремневых изделий много кон-

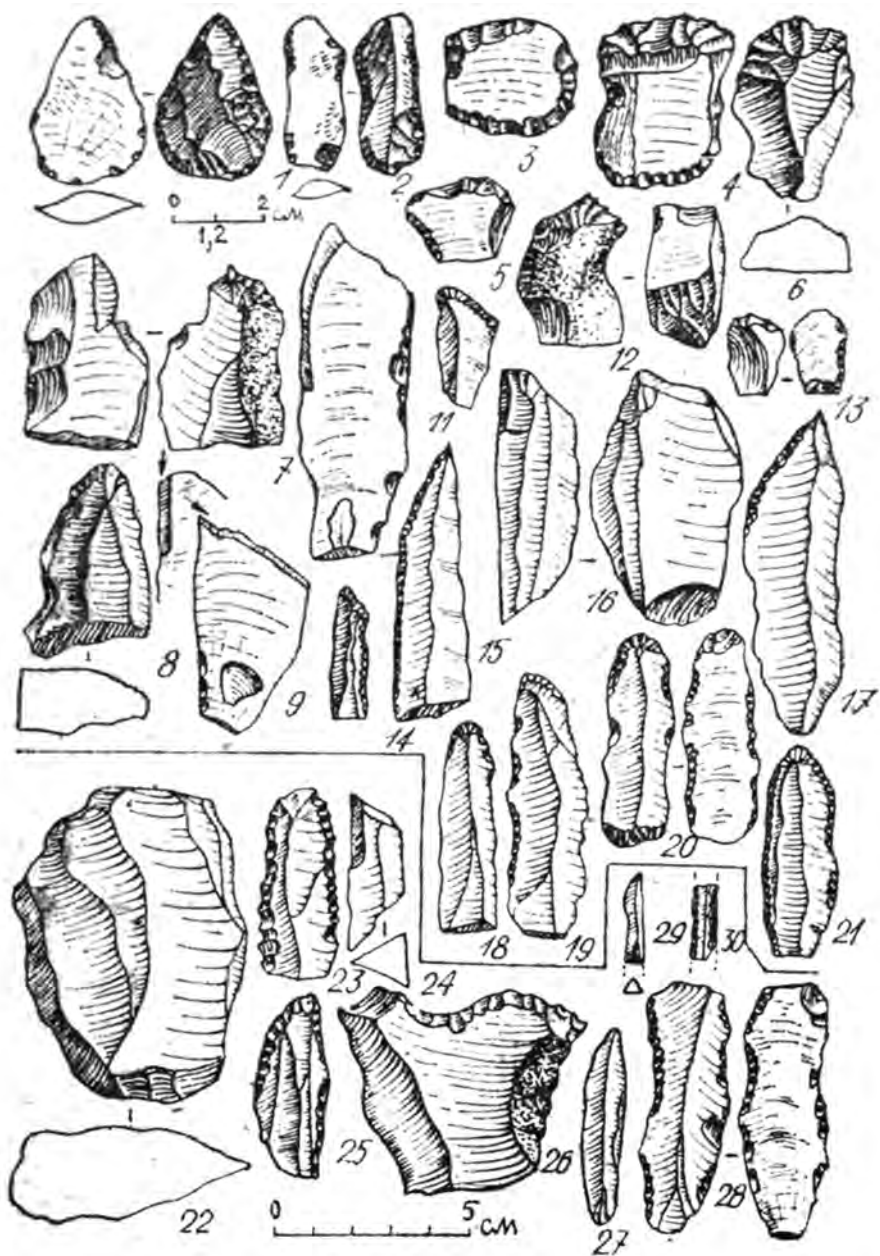

Рис. 6. Находки из верхнепалеолитического слоя Ахштырской (1—21) и Навалишинской (22—30) пещер — резцы (7-10, 16, 24), скребки (3—6, 11, 12, 20, 21, 23, 26), острия (5, 17), стамески (13), пластинки (14, 18, 19, 25, 27—30), призматический нуклеус (22) и другие кремневые изделия

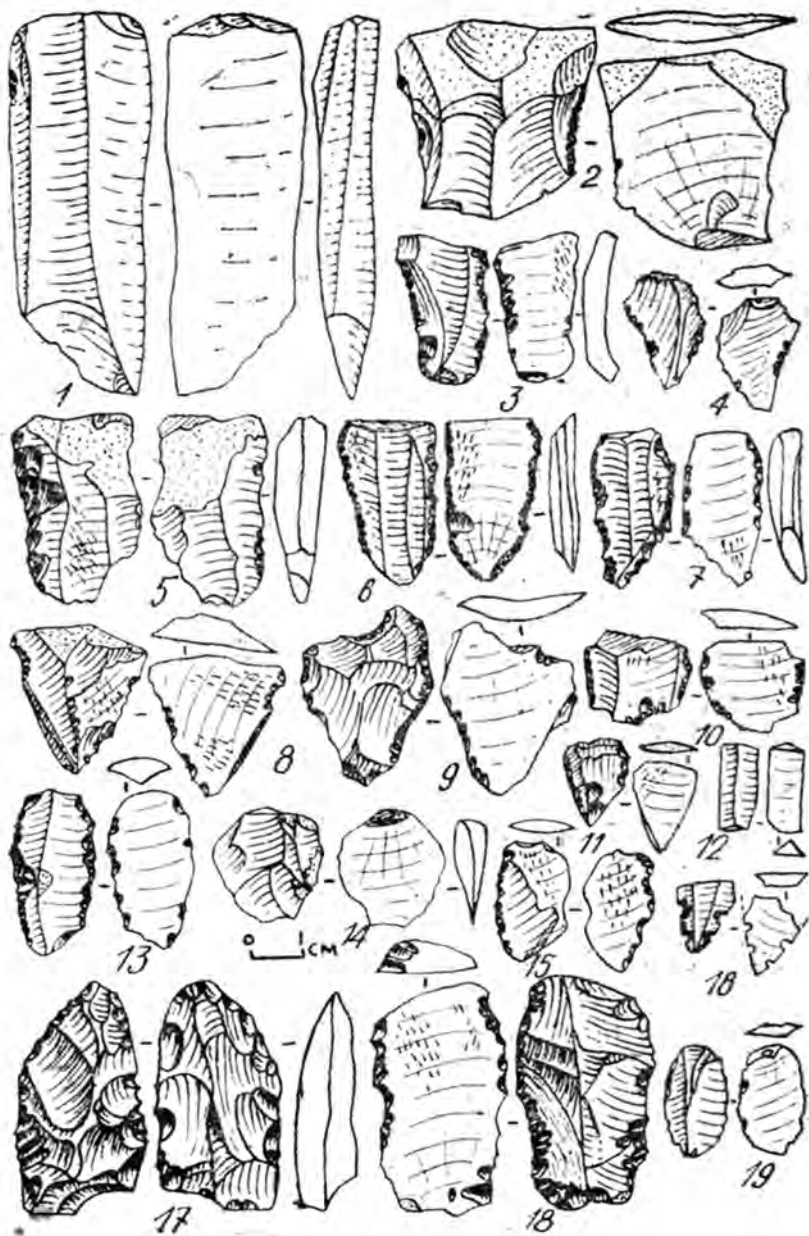

Рис. 7. Верхнепалеолитические орудия — пластина (1), резцы (4, 8, 11), пластинки (6, 7, 12, 13, 16, 18), концевые скребки (9), остроконечники (17) и другие кремневые орудия со стоянок в селе Монастырь (1—16), в урочище Дмитриевки (17) и у крепости Монашка-1 (18, 19).

цевых скребков и ретушированных пластинок. Найдены ножевидные пластинки без вторичной обработки, мелкие пластиночки, резцы, стамески и призматические нуклеусы. Интересно, что среди этих изделий довольно много выемчатых и зубчатых орудий, свидетельствующих о сохранении более древних, еще мустьерских традиций. Здесь же обнаружено много обломков полуобожженных костей животных со следами искусственного раскола. Пищей служило мясо пещерного медведя, лося, козла, хомяка, птиц, ели также различных моллюсков, от которых сохранились раковины. Все эти находки концентрировались вблизи остатков кострищ и очагов, проявляемых угольными пятнами. В окрестностях пещеры в этот период господствовал сухой и холодный климат.

Верхнепалеолитический пласт изучался также в Малой Воронцовской пещере. Его радиоуглеродная дата: 14100 ± 140 лет, она установлена по древесному углю из очажного пятна и падает на период потепления, наступившего после значительного похолодания. Следы этого времени зафиксированы также в Ацинской и обеих Хостинских лещерах.

Открытые стоянки располагались на отдельных гребнях и площадках, речных террасах. Довольно большое число их найдено северо-западнее Сочи. Очень интересна стоянка в урочище Агуа (ущелье реки Сочи). Инвентарь верхнепалеолитических поселений в горной зоне характеризуют также материалы из долины Мзымты. В первую очередь следует назвать Монастырскую и Бешенскую стоянки, которые весьма близки по облику находок, хотя их расположение имеет существенную разницу. Первая находится в зоне холмистых предгорий на пологом склоне, вторая же расположена в глубине ущелья Мзымты (Красная Поляна) в зоне средних гор и тяготеет к вершине отрогового гребня. На обеих стоянках найдены остроконечники, резцы и проколки на треугольных пластинках, концевые скребки, призматические нуклеусы, редкие обсидиановые орудия. Характерными чертами этих стоянок являются большой процент кремней с двухсторонней обработкой (так называемые бифасы), массивность многих изделий, отсутствие концевых скребков на пластинах, невыразительность мелких орудий. Ряд черт сближает эти изделия с соответствующими материалами из Навалишинской и Ахштырской пещер и позволяет отнести их ко времени раннего и среднего этапов позднего палеолита.

Как и прежде, в пещерах заселялась устьевая их часть, где располагались кострища и другие элементы бытовых комплексов верхнепалеолитического человека. Все больше становится открытых стоянок, которые, судя по всему, представляли собой уже организованные поселения, включавшие несколько хижин, возводившихся из жердей и покрывавшихся ветками и шкурами. Внутри жилищ или вокруг них располагались хозяйственные ямы, очаги. Поселения как в пещерах, так и на открытых площадках, носят достаточно выраженный охотничий характер, что подчеркивается обилием костей животных (в пещерах) и набором кремневых изделий, включавших орудия для охоты, обработки кожи, костей и т. д. Население каждого поселка, надо полагать,

уже четко распадалось на три группы. В первую входили взрослые охотники, покидавшие поселение рано утром и возвращавшиеся к вечеру, во вторую — женщины, занимавшиеся домашними делами и сбором корней и плодов вблизи поселения. Третью группу составляли престарелые и дети, проводившие все время на поселении. Оседлость становилась все более длительной, местоположение поселка не менялось в течение нескольких лет. В отдаленных местностях уже создавались временные охотничьи базы. Их периодически использовали охотники, которые задерживались в горах на несколько дней.

Характеристика верхнепалеолитических памятников свидетельствует о значительном общем прогрессе по сравнению с мустьерской эпохой. Техника пластинчатого скальвания (леваллуа), характерная в значительной мере для предшествующего времени, уступает теперь место призматической технике скальвания кремня и проявляется лишь как составная, подсобная часть последней. Три-четыре типа универсальных изделий заменяются такими разнообразными кремниевыми орудиями, как ножи, наконечники копий, дротики, резцы, проколки, скребки, сверла и т. д. Обработка их осуществлялась с помощью нового приема отжимной техники, придающего изделию более точные и детальные формы.

Для изготовления призматических пластин необходимы были три элемента: нуклеус, посредник и отбойник. Для нуклеуса подбирали подходящий кремневый желвак, который затем очищали от корки, а одну из его сторон скальвали, образуя ударную площадку. Посредником служили обычно наконечники рогов животных, отбойником — соответственно подправленные куски камня. Мастер находил на ударной площадке необходимую точку, приставлял к ней палец посредника и наносил удар. От нуклеуса отскакивала при этом длинная и узкая пластинка, которая после соответствующей подправки становилась ножом, скребком, резцом или любым другим орудием по желанию мастера. Отжимная ретушь заключалась в давлении на край подправляемого лезвия каменным или костянным орудием — ретушером, снимавшим мелкие чешуйки кремня.

Находки миниатюрных орудий геометрических форм (микролиты) указывают на появление в конце периода первых составных орудий. Тогда же получают распространение и костяные гарпуны для ловли рыбы. Изобретение шитья позволяло изготавливать из звериных шкур, достаточно прочную и теплую одежду, защищавшую тело от холода и вызывавшую определенную потерю волосяного покрова. Заметные сдвиги произошли и в оформлении поселков. Возводятся деревянные жилища, ограды. Уже улучшается обработка дерева и кости: появляются первые элементы орнамента, украшения.

Основой экономики верхнепалеолитического человека по-прежнему была охота, которую теперь вели небольшими группами или в одиночку. Она была достаточно эффективной. Этому способствовало совершенствование охотничьего, в первую очередь метательного оружия, приводившее к накоплению все больших запасов пищи.

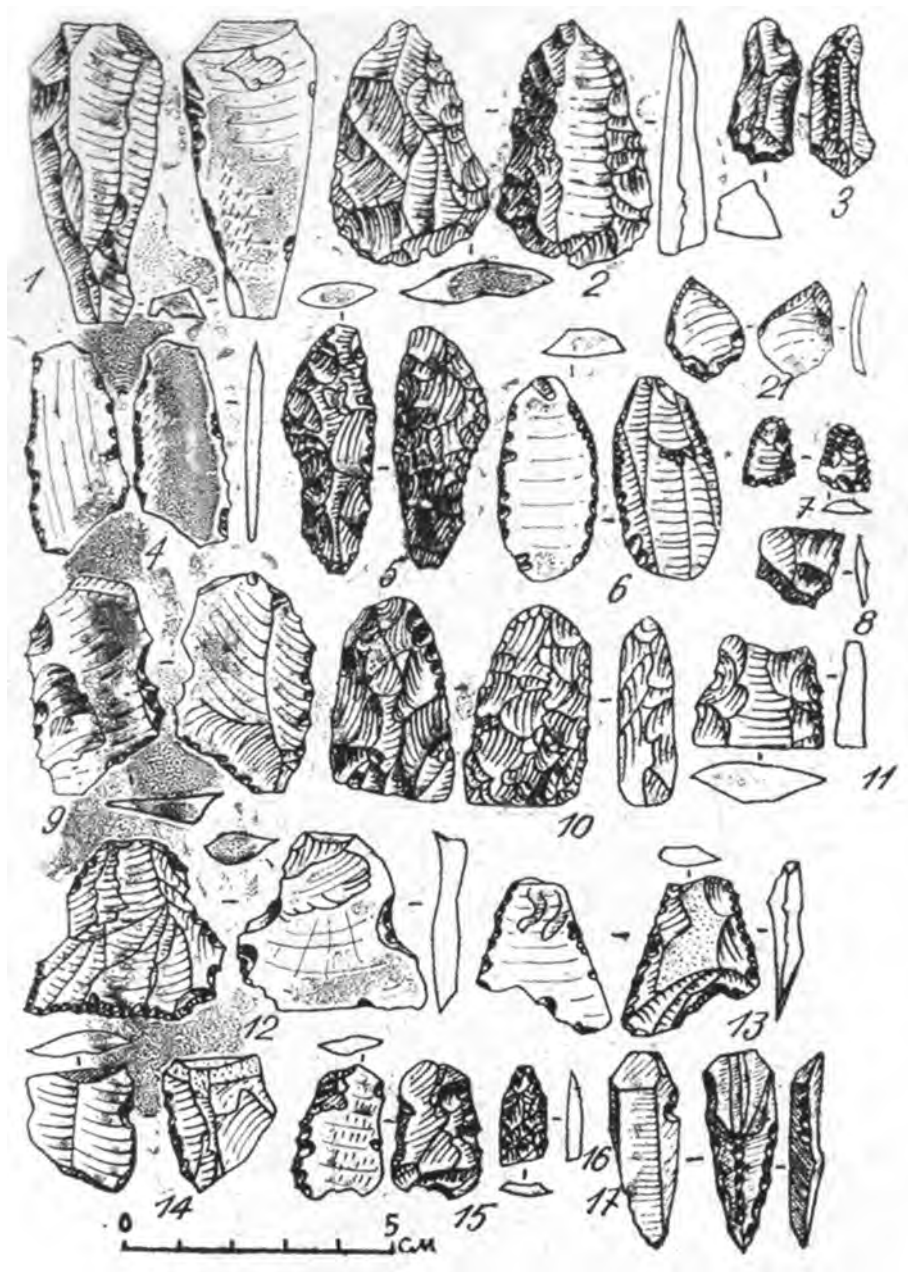

Рис. 8. Верхнепалеолитические орудия — пластина (1), остроконечник (2), пластинки (4, 6, 7, 14, 16), скребки (5, 12, 13), проколка (8), резцы (14, 21), нуклеус (17) и другие кремневые орудия со стоянки у Бешенской крепости

В этот период налаживаются и регулярные экономические связи с соседними районами. Об этом свидетельствуют находки изделий из обсидиана — вулканического стекла, ближайшие выходы которого имеются на Центральном Кавказе и, главным образом, в горах Малого Кавказа (Армения).

Первобытному обществу была свойственна коллективная собственность. Племя «владело» всеми животными, растениями и запасами сырья на данной территории. Дичь, вне зависимости от того, добывалась ли она коллективно или в результате индивидуальной охоты, делилась между всеми охотниками, членами общины по определенным нормам. Одновременно существовала уже и индивидуальная, личная собственность на орудия производства. С такой собственностью могут быть связаны и отдельные хозяйственные ямы на поселениях.

В начале рассматриваемого периода человек заканчивает свое биологическое развитие, приобретая внешне современный облик. Тогда же формируются и расовые признаки. Так, на стоянке в Холодном гроте (Абхазия) были найдены человеческие кости и черепа, в которых антрополог М. М. Герасимов определил негроидные признаки. Это позволяет судить об облике отдельных верхнепалеолитических обитателей района Сочи, сосуществовавших здесь, как и в других районах Южной Европы (Италия, Моравия), с кроманьонцами.

Как полагают, первичной социальной ячейкой верхнепалеолитического общества, во всяком случае, на поздних этапах его развития, была уже парная семья. Пятьдесят таких семей составляли общину. Самым крупным общественным подразделением этого времени было племя. Внутри каждого племени уже должны были складываться и свои традиции: верования, обряды, способы охоты, манера изготовления орудий. Надо полагать, что мышление и память верхнепалеолитического человека позволяли собирать и определенную информацию, передававшуюся из поколения в поколение в форме достаточно примитивных еще преданий и мифов. Из религиозных верований в первую очередь следует предполагать культы различных животных, растений, явлений природы, культ предков и т. д.

От древнего камня к новому

Промежуточным, переходным этапом от палеолита, древнекаменного века к неолиту, новокаменному веку, был мезолит (от греческого мезо — между, литое — камень). Он охватывает незначительный отрезок времени (3—4 тысячи лет) и на рассматриваемой территории завершается, вероятно, в VII—VI тысячелетии до н. э. Находки этого времени на территории района г. Сочи пока немногочисленны. Среди них лишь Ацинская пещера может служить основой для более или менее определенных выводов.

В раннемезолитическом слое Ацинской пещеры найдено много каменных плиток-наковален, отбойников, ретушеров, отжимников и других изделий,

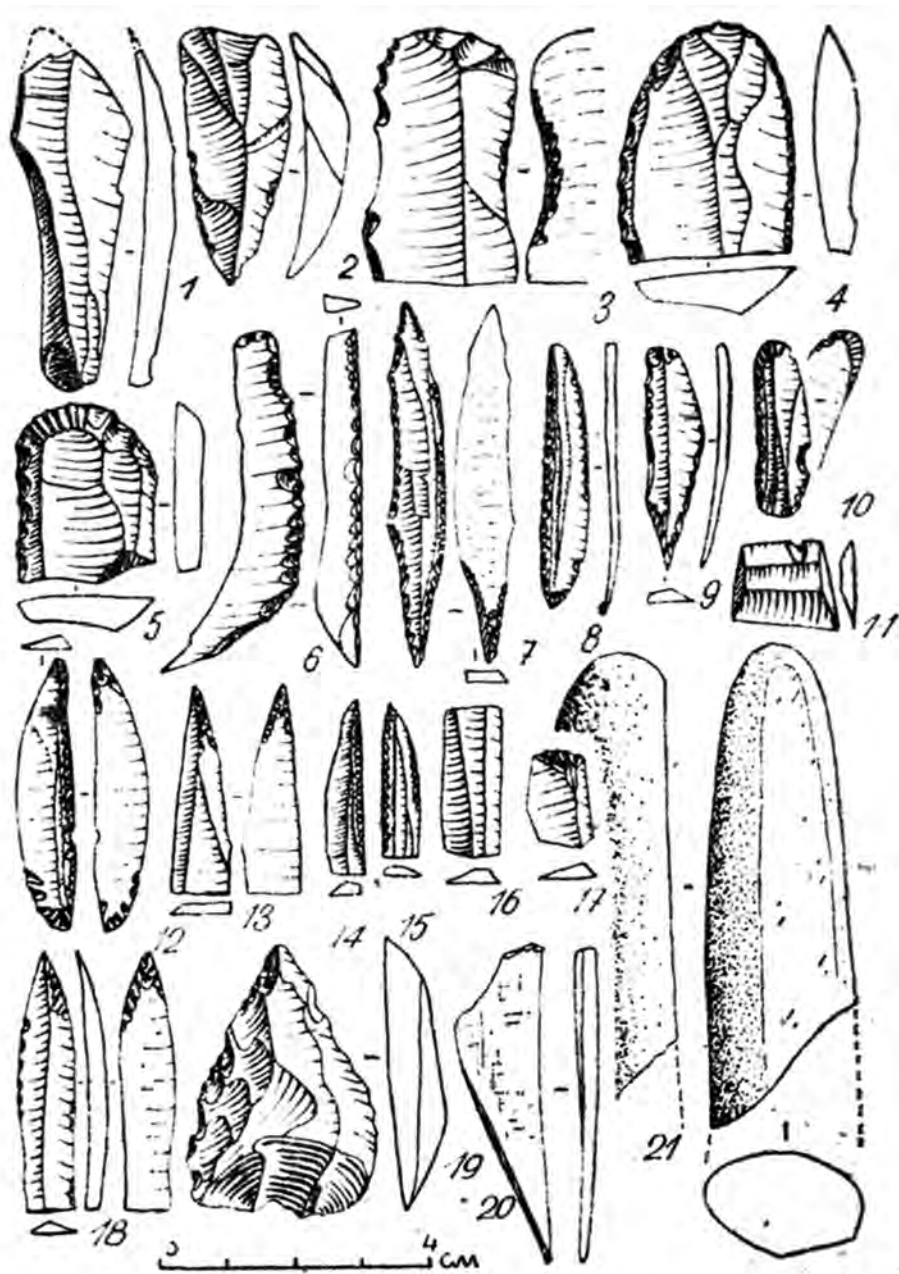

Рис. 9. Мезолитическая стоянка в Ацинской пещере. Пластины без ретуши (1, 14), скребки (2—5, 10, 17), пластины с ретушью (6, 8, 12, 14, 15), проколки (7, 9, 13, 18), трапеция (11), остроконечник (19), костяная проколка (20), каменный терочник

связанных с производством кремневых орудий. Среди последних много сегментов, резцов, скребков, изготовлявшихся из очень мелких пластинок, которым нужная форма придавалась с помощью ретуши. Очень интересны костяные шилья и проколки, применяемые при шитье одежды. Жителям пещеры приходилось уже что-то красить. Найдены кусочки красной карминной охры. Возможно, для украшения использовался и горный хрусталь, его обломки также обнаружены в пещере. Вероятно, магическое значение имели два камня, на которых выцарапаны геометрические узоры. Продолжали развиваться экономические связи с более восточными и южными районами Закавказья, о чем говорят находки обсидиановых орудий и обломков. Судя по пищевым отходам, сохранившимся в культурных наслоениях, жители пещеры охотились на пещерного медведя, ловили в протекающей внизу реке рыбу, собирали улиток.

В позднем мезолите общий облик местной материальной культуры несколько меняется: распространяются ножевидные пластинки, прямоугольные и трапециевидные вкладыши, угловые резцы, увеличивается приток обсидиановых изделий. Как и прежде, изготовление орудий происходит в пещере, куда приносили собранные внизу у реки кремневые желваки, которые затем расщепляли и обрабатывали с помощью каменных инструментов. Среди костей животных почти не встречается остатков пещерного медведя, зато увеличивается число раковин.

В мезолите возникают серьезные трудности в поисках пищи. Совершенствование, охотничьего оружия привело к обеднению фауны. В этот период исчезают последние пещерные медведи, все большее значение приобретает охота на мелких животных. В связи с этим изобретаются лук и стрелы. Изыскиваются и новые источники питания, усиливается значение рыболовства и особенно собирательства (дикие плоды, грибы, орехи, птичьи яйца, улитки и т. д.). Оскудение пищевых ресурсов привело к раздроблению общин, резкому уменьшению площади и числа поселений, учащению межплеменных столкновений. Назрела необходимость перехода от хозяйства присваивающего к хозяйству производящему. Эта задача была решена позже.

Глава II. От камня к металлу

Первые земледельцы и гончары

Поселения новокаменного века (неолит) и отдельные находки этого времени обнаруживаются, как правило, на открытых площадках в поймах рек и на террасах, реже в пещерах. С большей или меньшей вероятностью в окрестностях Сочи к раннему этапу неолита (VI тыс. до н. э.) могут быть отнесены материалы из верхнего слоя Ацинской пещеры, среди которых интересны кремневые ножевидные пластинки, резчики и резцы, скребки. Остатки производства представлены призматическими нуклеусами, ретушерами и осколками кремня. Здесь же найдены каменные топоры, кости медведя и джейрана, концентрировавшиеся вокруг очагов, обозначенных скоплениями угля и золы.

Очень интересные материалы поздненеолитической эпохи (V тыс. до н. э.) были получены при исследовании поселения в Нижнешиловском. Раскопки позволили здесь впервые получить представление об облике древнейших из известных на рассматриваемой территории жилых построек. Как оказалось, неолитический человек при выборе места для жилища прежде всего руководствовался благоприятными условиями рельефа. Жилище обычно сооружалось на обращенном к югу склоне сухой балки, служившей укрытием от ветра. Фактически это были полуземлянки, кровля которых в фасадной части держалась на столбах. Дождевые воды, стекавшие по склону балки, также с крыши, перехватывала специально вырытая янава. Удалось установить приблизительные размеры такого жилища: ширина 5 м, длина 7—10 м. Стены жилищ представляли скорее всего плетень из тонких ветвей, аналогично могли выглядеть и двери, которые в других случаях завешивали шкурами животных. Мусор сбрасывали вниз по склону.

Об интерьере этих жилищ из-за отсутствия реальных данных пока судить трудно. Однако можно предполагать, что внутри таких жилищ были деревянные лежанки-полаты у задней стены, деревянные крюки для подвешивания пищевых продуктов вдоль стен и т. д.

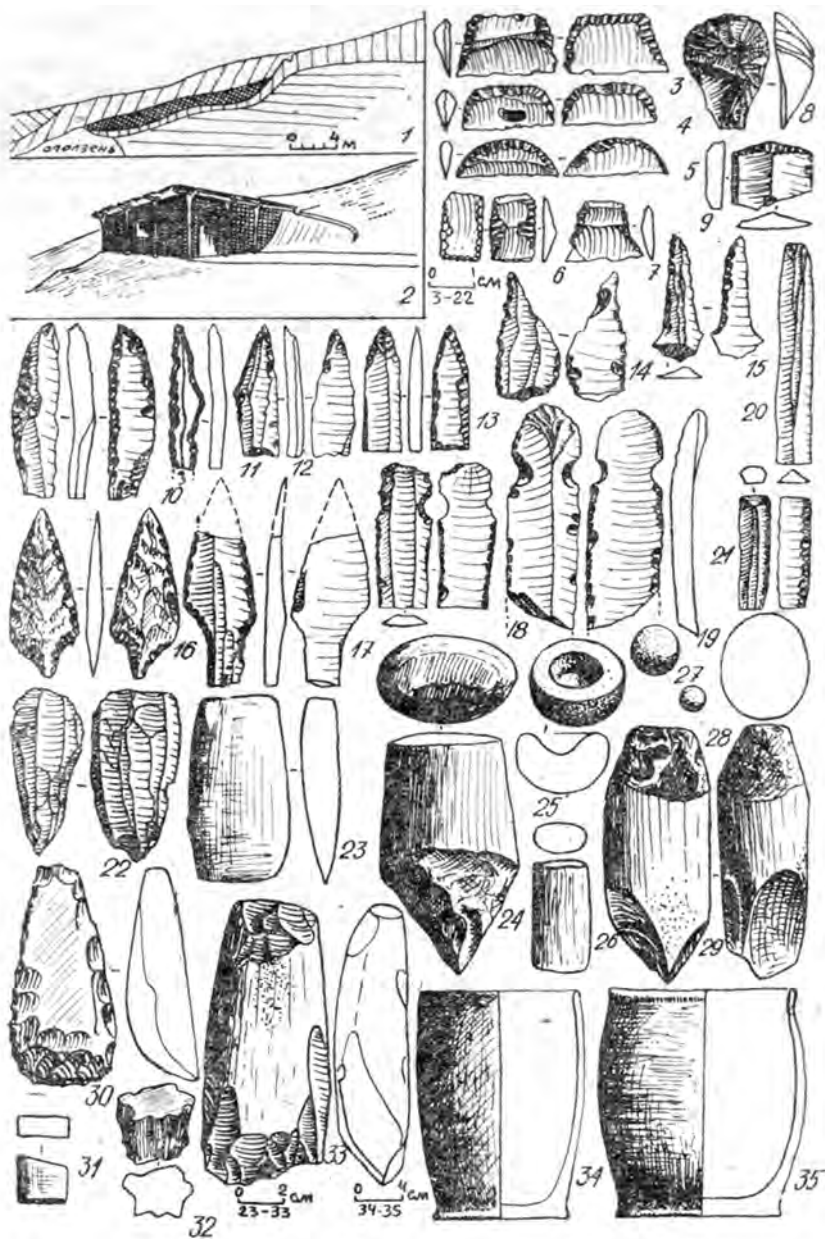

Рис. 10. Нижнешилловская стоянка. Разрез правого берега р. Псоу на стоянке (1), реконструкция жилища (2), трапеции (3, 4, 6, 7), сегмент (5), скребки (8, 9), острия (10—15), наконечники стрел (16—17), ножевидные пластинки с выделенной головкой (18, 19), пластины (20, 21), нуклеус (22), топоры (23, 24, 29, 33). камень с углублением (25), обломки шлифованных орудий (26, 31), пращевые шарики (27, 28), мотыга (30), терочник (32), керамические сосуды (34, 35)

В неолитическую эпоху произошли коренные перемены в области экономики. Они связаны с переходом к земледелию и скотоводству; от хозяйства присваивающего к хозяйству производящему.

На Нижнешиловском поселении найдено значительное число каменных мотыгообразных орудий простейших форм. Аналогичные изделия вместе с кирковидными орудиями выявлены и на одновременных памятниках соседней Абхазии (Кистрик), где обнаружены хлебные ямы остатками перегоревших злаковых зерен. В Нижнешиловском найдено также много каменных орудий-терочников и пестов для растирания зерна. Судя по всему, мотыжное земледелие играло уже важную роль в экономике местного населения.

Полированные клиновидные топоры различных форм и размеров, тесловидные и долотовидные орудия предназначались для обработки дерева и расчистки территорий под посевы. Среди кремневых орудий Нижнешиловской стоянки много сверловидных изделий. Вероятно, ими просверливали отверстия в дереве и кости.

Видное место в хозяйстве неолитических поселений занимала охота. Об этом говорят кремневые наконечники стрел с вытянуто-треугольным лезвием и коротким черешком, обнаруженные в Нижнешиловском. Уникален кремневый наконечник стрелы, заключенный в деревянное вытянуто-овальной формы изделие-выпрямитель. Отличная сохранность последнего, по-видимому, свидетельствует о том, что эта находка была сделана в торфянике.

Одним из важнейших продуктов охоты являлись шкуры животных, которые по-прежнему были основным материалом для изготовления одежды, раскрой и обработку которой делали с помощью кремневых режущих изделий и скребков. К последним могли относиться давно интересующие ученых пластинки с выделенной головкой. Их назначение пока не выяснено, но, возможно, обе выемки, образующие шейку орудия, предназначались для закрепления их в расщепе деревянной рукояти. Сшивалась одежда с помощью костяных игл и кремневых проколов.

Важным достижением периода является изобретение керамики. На Нижнешиловском поселении керамические изделия представлены плоскодонными сосудами баночной формы без ручек. Стенки сосудов прямые либо слабовыпуклые, округлый в сечении край изредка слабо вогнут или выгнут. Один фрагмент принадлежал плоскодонной миске или тарелке. Характерной особенностью нижнешиловской посуды является отсутствие всякого орнамента. Некоторая дифференциация форм рассмотренных глиняных изделий свидетельствует о том, что эта керамика уже не принадлежит к древнейшим формам местной посуды.

В позднем неолите по-прежнему широкое распространение имели изделия из кремня, техника изготовления которых претерпевает новые изменения. Широко распространяются геометрические орудия: трапеции, сегменты и др., служившие в качестве вкладышей для составных орудий с костяной и деревян-

ной основой (наконечники стрел, дротиков, ножи). Эти орудия обрабатывали с обеих сторон тонкой состругивающей ретушью. Аналогично выделывали проколки, сверла и развертки. С помощью двухсторонней грубой отески оформляли крупные мотыгообразные орудия, заготовки для топоров. Довольно широкое распространение получила полная или частичная шлифовка каменных орудий (топоры, тесла и др.). Возможно, что и часть обнаруженных в Нижнешиловском шариков для пращи подвергалась искусственной обработке с последующей шлифовкой.

Торгово-экономические и культурные связи населения района г. Сочи того времени иллюстрируются в первую очередь обсидиановыми орудиями, материал для которых поступал сюда, как и прежде, из южных районов Закавказья. В зависимости от тех же связей многие исследователи ставят распространение в инвентаре неолитических стоянок данного района и прилегающей Абхазии ряда черт, находящихся аналогии в памятниках Передней Азии.

С появлением экономики нового типа, подготовленной исподволь техническими достижениями предшествующей мезолитической и ранненеолитической эпох, в развитом неолите возникает целый ряд новых отраслей производства, прежде всего — гончарное дело. Осуществляется повсеместный переход к прочной оседлости, благодаря чему происходят и коренные перемены в быту и образе жизни человека. Новая экономика повышала уровень благосостояния, увеличивала досуг, способствовала резкому возрастанию организационных функций родоплеменной системы управления обществом, укреплению парной семьи, формированию постоянных культурно-экономических связей с соседними областями. Она увеличивала сырьевой ассортимент и разнообразие технических приемов в изготовлении орудий производства, накладывала свой отпечаток на религиозное мышление.

Основную ячейку неолитического общества все еще продолжала составлять материнская семья, представлявшая значительную группу людей, связанных тесным родством по женской линии. Парный брак внутри такой семьи начинает приобретать все более определенный хозяйственный характер. Совокупность ряда материнских семей образовывала «материнский род», или «родовую общину», размещавшуюся обычно в одном поселке. Ряд таких родов образовывал племя. Эта схема общественного устройства должна была сохранять свое господствующее положение до момента перехода от разведения домашних животных к развитому животноводству и от мотыжного к плужному земледелию, когда возникли патриархальные отношения.

Век каменной мотыги

Как полагают исследователи, обитатели Нижнешиловской стоянки уже были свидетелями первых проявлений энеолита (от греческого энеос — медь,

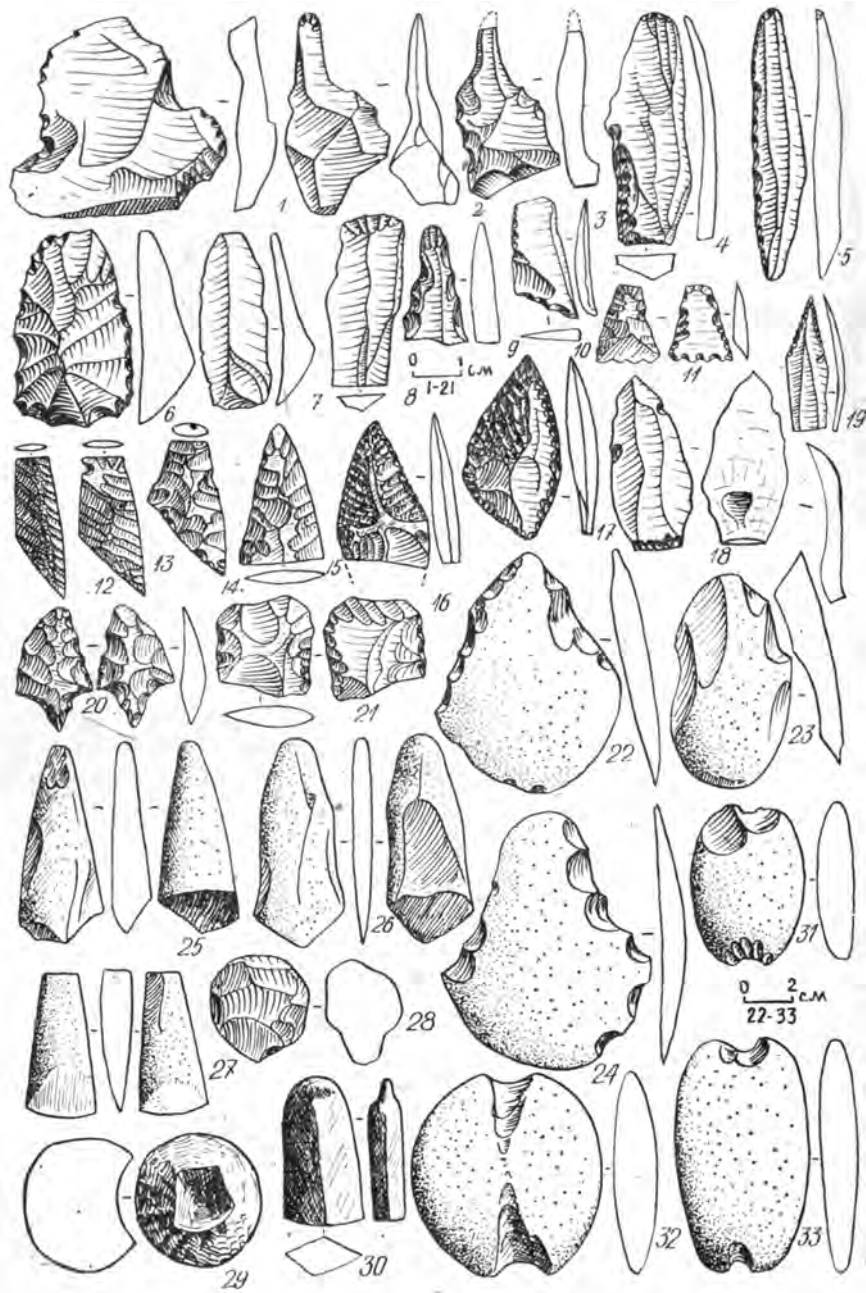

Рис 11. Стоянка «Бочаров ручей». Кремневые проколки (2, 3, 19), развертки (5, 9), скребла (6—8, 21), геометрические микролиты-вкладыши (11—14), каменные мотыги (22—24), тесла (25—27), отбойники (28—29), грузила (31—33) и другие орудия

литос —камень). Этот период отличается, с одной стороны, внешним сохранением и даже совершенствованием многих предшествующих каменных форм. В то же время уже возможно появление первых металлических (медных) изделий холоднойковки. В окрестностях Сочи со значительной степенью вероятности к данному периоду могут быть отнесены приморская стоянка «Бочаров ручей» и десятки стоянок с мотыжками «сочи-адлерского» типа, разбросанных в районе холмистых предгорий. Появились эти поселения в IV —первой половине III тысячелетия до н. э., хотя такая хронология носит пока в достаточной степени условный характер.

«Бочаров ручей» находится на северо-западной окраине Сочи. Здесь еще в 1941 г. собрана значительная коллекция изделий, включающих каменные мотыги, треугольные наконечники стрел, концевые скребки на пластинках, трапеции, сверла, проколки и другие изделия. Жители этого поселения занимались рыболовством, о чем говорят кремневые вкладыши от гарпунов и грузила для сетей, а также охотой, земледелием и, по всей вероятности, придомовым животноводством.

Подлинный расцвет мотыжного земледелия демонстрируют стоянки с каменными мотыжками, широко распространенные на холмистых предгорьях в междуречье Псоу и Сочи (Ахштырь, Казачий Брод, Молдовка, Батарейка, Ажек, Пластунка, Малый Ахун, перевал Мамайка). Стоянки эти располагаются на террасах вдоль пологих склонов и на уплощенных вершинах, проявляясь каменными мотыжками, дисками, клиновидными орудиями, грузилами из гальки, шаровидными терочниками и отбойниками, зернотерками, различными кремневыми орудиями и фрагментами грубой лепной посуды. Вероятно, к этому же времени относятся шлифованные топоры с просверленным отверстием, кремневые долота, массивные тесла, в отдельных случаях имевшие выступающие «ушки».

Необычно широкое распространение мотыжек и появление ладьевидных зернотерок позволяют сделать вывод, что в IV—начале III тысячелетия в рассматриваемом районе производительные силы местных племен дошли до того уровня, когда земледелие стало наиболее важным источником существования.

Разнообразие форм и размеров мотыжек говорит об их различной специализации. Здесь могут быть выделены орудия для рыхления земли, для копания и переворачивания грунта, для подсекания корней растений. Материалом для изготовления этих орудий служили окатанные речные гальки из аспидного сланца, диорита, мелкозернистого песчаника, изредка кремня. Сильным ударом по ребру эти гальки раскалывали на две половины. С одной стороны, они сохраняли естественную поверхность, с другой их подправляли грубой отеской вдоль полукруглого лезвия. В тыльной части орудия несколькими затупливающими сколами выделяли узкий черешок, предназначавшийся для закрепления мотыжки на деревянной рукояти.

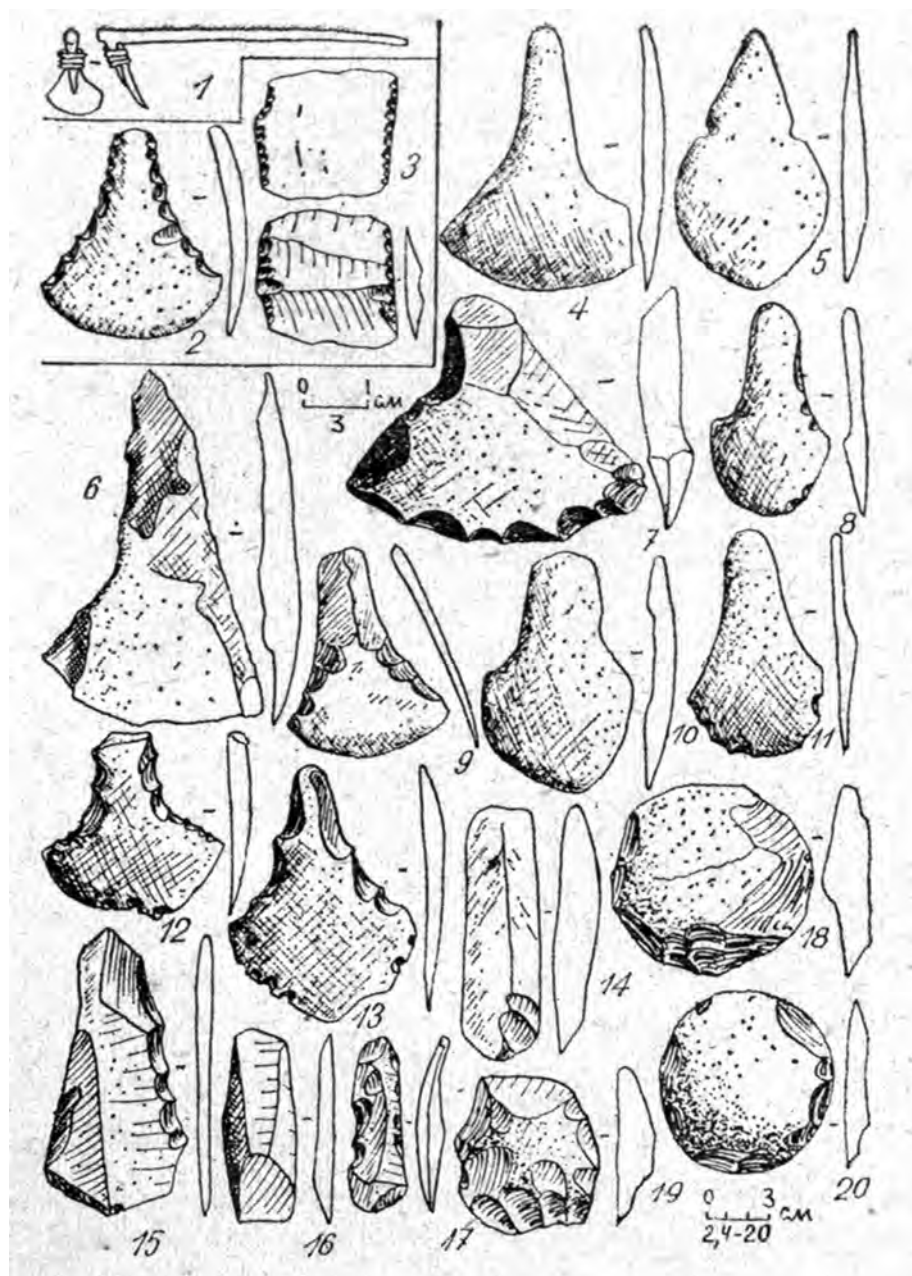

Рис. 12. Реконструкция мотыги (1), каменные мотыговидные орудия (2, 4-20) и кремневый вкладыш (3) со стоянок Ахштырь-1 (2, 3, 19), в верховьях р. Псахо (4, 5), Гумария-3 (6, 18), Примерный (7), Псоу-1 (8), Ахштырь-5 (9), Ахун-гора (10), Блиново-2 (11), Псоу-3 (12), перевал за В. Мамайкой (13), Лоо (14), Веселое (15), Ахштырь-3 (16), Ахштырь-4 (17)

Определенное место в экономике энеолитических племен занимали охота, которая велась с помощью лука и стрел, и постепенно развивавшееся скотоводство. Часть каменных орудий сечковидной формы исследователи связывают с раскромом кожи. Вероятно, о появлении новой отрасли ремесленного производства — ткачества говорят те галечные грузила, которые находят вдали от берега моря и крупных рек, на возвышенностях. Можно полагать, что именно в это время был изобретен ткацкий станок, предназначенный для изготовления шерстяных и льняных тканей. Кремневые же изделия, найденные на стоянках с мотыжками, маловыразительны и отражают определенную деградацию кремневой индустрии.

Необходимо отметить любопытный факт большого сходства мотыг «сочи-адлерского» типа с соответствующими земледельческими орудиями Передней Азии, где они датируются концом VI — рубежом IV—III тысячелетия до н. э. Это сходство может свидетельствовать о связях племен Северо-Восточного Причерноморья с более южными районами.

Вместе с тем не исключено, что рассматриваемые мотыжки были изобретены древними сочинцами самостоятельно, но в условиях, по уровню и характеру производительных сил имевших сходство с Передней Азией более раннего времени. Необходимо также подчеркнуть, что на территории соседней Абхазии подобные мотыжки неоднократно найдены в непотревоженном культурном слое. И всякий раз их дата определялась уже эпохой бронзы, что указывает на длительную традицию использования мотыжек в этом районе.

Энеолитические памятники в окрестностях Сочи систематически не исследовались. Большинство сведений добыто в процессе более или менее случайных поверхностных сборов на размытых склонах или распаханных полях. Можно, однако, думать, что социальные отношения в среде местного энеолитического населения мало изменились по сравнению с неолитической эпохой. Новой особенностью является резкое увеличение числа небольших оседло-земледельческих поселений, что говорит о возраставшем благополучии и накоплении излишков продуктов. В производстве последних важное место принадлежало женщине, одним из главных занятий которой было мотыжное земледелие. В этих условиях материнский род должен был сохранять свое господствующее положение.

Пещерные городища

Вслед за энеолитом приходит раннебронзовая эпоха, которую в окрестностях Сочи характеризуют материалы из Воронцовской и Ахштырской пещер, а также отдельные находки на открытых стоянках (Ахштырь, Блинове, Псоу, Гумария и др.).

Воронцовская пещера расположена в верховьях реки Кудепсты. Она представляет довольно сложную карстовую систему, соединенную с поверхностью

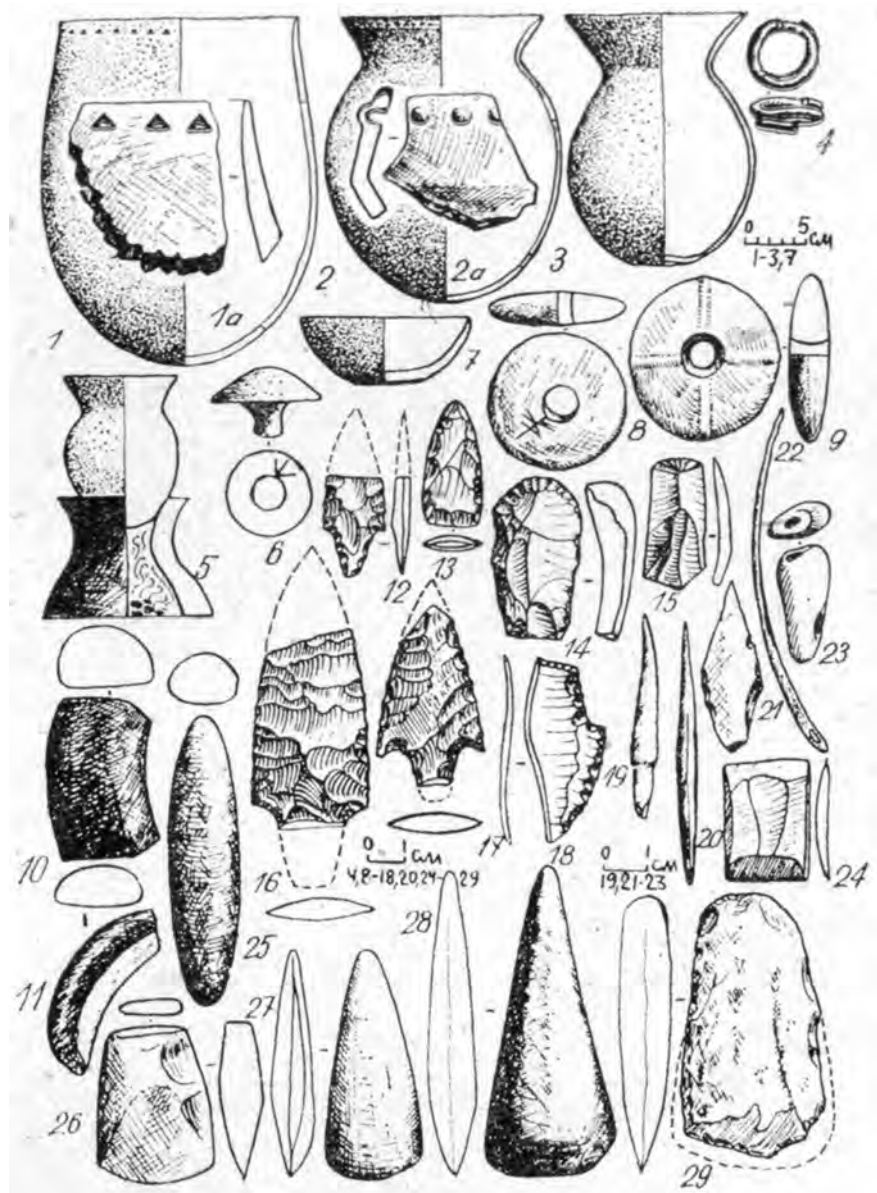

Рис. 13. Воронцовская пещера. Находки в Очажном гроте — керамические сосуды (1—3, 7), мангал (5), пробка (6) и фрагменты сосудов (1а, 2а), электрическая спираль (4), пряслица из известняка (8, 9), браслеты из змеевика (10, 11), кремневые наконечники стрел (12, 13) и дротиков (16, 17), скребки (14, 15), резцы (18), костяные проколки (19, 20, 21), игла (22), пронизь (23), пластинка из кабаньего клыка (24), каменное шлифованное долото (26), сланцевое (27) и диоритовое (28) тесла, «лесной топор» из сланца (29) и орудие из известняка (25)

Рис. 14. Воронцовская пещера. Находки в Колокольном гроте (1—9) и на площадках IV (10-20) и V (21—24) входов — керамические сосуды (1-5, 10, 13, 15), фрагменты сосудов (11, 12, 14, 21—24) и пряслице (6), кремневая пластинка (7), нож (8), наконечник стрелы (17), пила (16), скребло (18), костяное шило (9), каменное пряслице (19) и обломок шлифованного топора (20)

склона восемью ходами: Холодным, Брекчиевым, Глубоким, Недоступным, Сторожевым, Очажным, Вестибюлем и Нижним. Внутри пещера имеет большое число ответвлений, тупиков, залов и гротов.

Очажный грот находится в нижнем этаже пещеры, имеющей здесь выход в узкое и труднодоступное ущелье истока Кудепсты. В гроте выявлен разнообразный ассортимент кремневых, каменных и костяных орудий, фрагментов керамических изделий, а также золотой височный завиток. Кремневые орудия представлены проколками, сверлами, черешковыми наконечниками дротиков и стрел, скребками, вкладышами для серпов. Из каменных изделий интересны топорovidные и мотыговидные орудия со шлифовкой. В верхней части слоя найдены обломки каменных браслетов из змеевика, сохранившие прекрасную полировку. К костяным изделиям относятся наконечники стрел, проколки, ложила, долота, двойные острия, иглы из распиленной кости и рыбьей кости. Керамика Очажного грота представлена сосудами с округлым днищем.

Из найденных в Заложеном и Колокольном гротах кремневых орудий интересны резцы, скребки и наконечники стрел. Орудия из камня представлены терочниками, долотовидными орудиями, клиновидными топорами. Из костяных орудий нужно отметить иглы, проколки, ложила. Керамика представлена лощеной, с округлым и плоским дном посудой, на которой впервые проявляются ручки. Исследователи выделили и обломки привозной посуды.

В Заложеном гроте найден бронзовый кинжальчик-бритва. Здесь же обнаружены раковины морских моллюсков. По своему характеру материал из последних гротов относится к более позднему, чем наслоения Очажного грота, времени, вероятно, уже к заключительному этапу раннебронзовой эпохи. Сходные остатки выявлены и в верхнем ярусе Большой Воронцовской пещеры.

Довольно значительный комплекс предметов, по своему облику близких к материалам из Очажного грота, обнаружен во втором слое Ахштырской пещеры. Это ножевидные и серповидные орудия и пластинки, каменные клиновидные топорики, тесловидные орудия, терочники, остроконечники, зернотерки, резак, ножи, проколки и скребла, костяные проколки, ложила. Вместе с этими предметами найдено довольно много фрагментов керамики, керамические пряслица, а также большое число костей животных.

Судя по сказанному выше, в эпоху ранней бронзы пещеры снова привлекают внимание древнего населения.

В своеобразное многоярусное городище превращается Большая Воронцовская пещера. Поселенцы занимают устьевую часть Ахштырской и ряда других пещер. Появляются первые монументальные сооружения из камня, назначение которых — благоустройство жилищ. Основание для такого вывода дает стена, возведенная в Заложеном гроте. Она сложена из крупных обломков известняка и полностью до потолка перегораживает грот на глубине 9 м от входа. Возможно, постройка эта предназначалась для защиты от струи холодного воздуха, выходящей здесь из глубины пещеры. Пол пещерных жилищ оформлялся

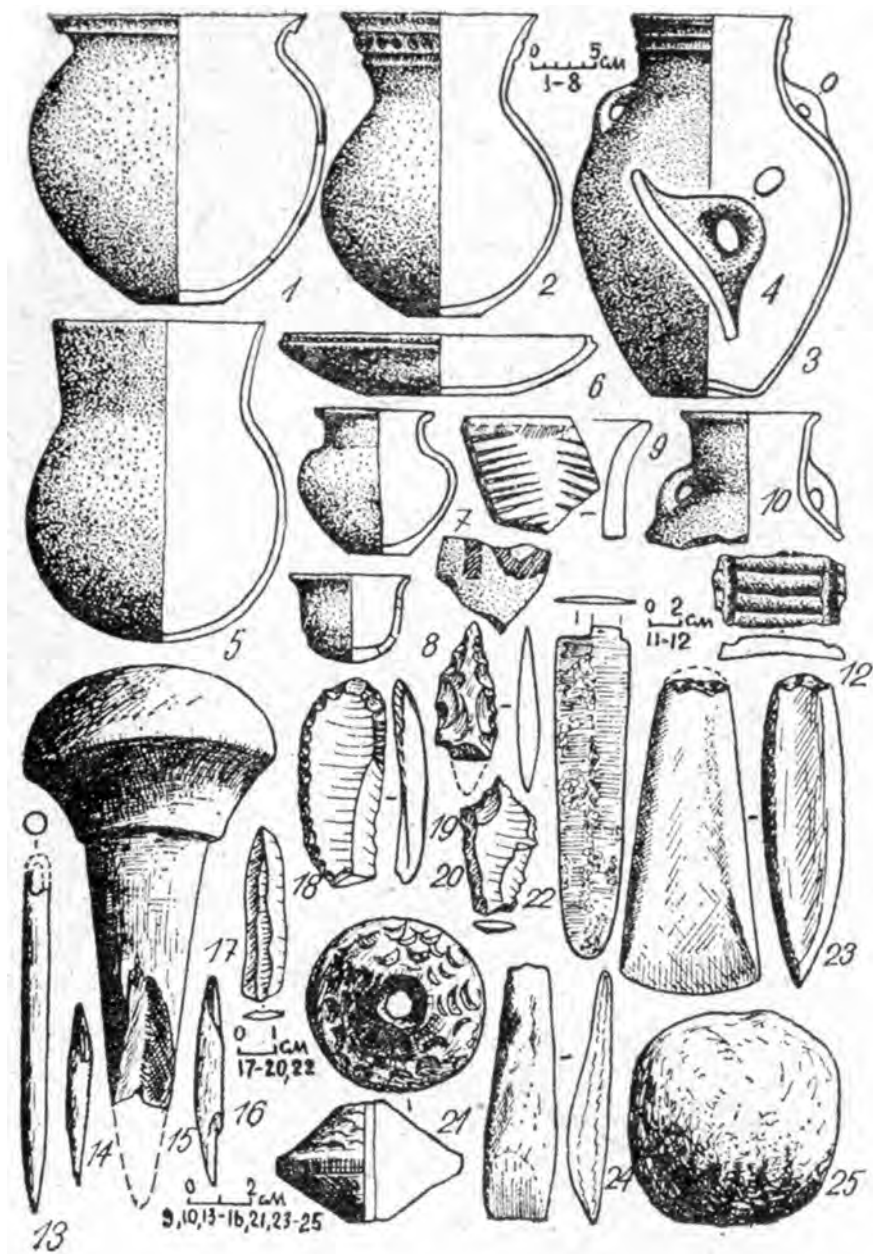

Рис. 15. Воронцовская пещера. Находки в Заложённом гроте — керамические сосуды (1—3, 5—8), обломки сосудов (4, 9—12) и пряслице (21), костяная игла (13), проколки (14, 16) и наконечник (15), кремневые пластинки (17), скребок (18), наконечник стрелы (19), проколка (20) и отбойник (25), медный нож (22), каменные (диабаз) топор (23) и тесло (24)

слоем пережженной красной земли, поверх которой отмечаются скопления золы и углей — следы очагов, обрамленных плитами известняка. В Очажном гроте найдены также своеобразные «мангалы» — массивные высокие глиняные кольца-подставки, служившие для варки пищи. Интересно, что и в прибрежной зоне известен ряд стоянок открытого типа: Ахштырь, Блиново, Псоу, Гумария. Они представляли, по-видимому, небольшие скопления деревянных хижин, в их интерьер входили такие же обложенные камнем очаги и «мангалы».

Судя по ассортименту орудий (мотыги, «лесные» топоры, серповидные орудия, зернотерки и терочки), основное место в хозяйстве населения по-прежнему занимало земледелие. Видную роль играло придомное животноводство. На стоянках найдены кости быка, овцы, свиньи, причем основное значение имел мелкий рогатый скот. С молочным животноводством связываются фрагменты керамических ситечек для сцеживания молока. Каменные и глиняные пряслица принадлежат веретенам, с помощью которых изготовляли нити из шерсти овец. Видное место продолжал занимать охотничий промысел. Охотились на медведя, косулю, муфлона, кабана, зайца, барсука, благородного оленя, осла.

Ремесленное производство носило домашний характер. В раннебронзовую эпоху ускоренными темпами развиваются керамическое производство, металлургия, обработка кремня и камня, кости, имеются косвенные свидетельства об обработке кожи, текстильном производстве и т. д. Особенно интересны данные об изготовлении керамических изделий.

На раннем этапе (Очажный грот, Ахштырская пещера) преобладают глиняные сосуды округлой формы, не имеющие ручек и орнаментированные изредка «жемчужинами» — шишечками либо рядом ямочек, наносившихся трехгранным или круглым костяным чеканом вдоль венчика. По типу эти сосуды подразделялись на большие яйцевидные сосуды, горшки, горшочки и плоски. Последние, возможно, служили светильниками. В хорошо промешанной глине изделий заметна примесь речного песка и кварцита. Поверхность сосудов снаружи обтирали глиной, хорошо заглаживали, а иногда покрывали лощением или расписывали темно-бурой краской. Сосуды лепили вручную, с помощью коротких жгутиков глины, и обжигали затем на кострах, что подчеркивается неравномерной окраской их поверхности. На позднем этапе (Заложенный и Колокольный гроты) качество керамических изделий повышается. Примеси песка и кальцита более мелкие. Стенки сосудов заглажены пучком травы либо оформлены лощением по желтому, красному, изредка черному фону. Помимо округлодонных сосудов, имевших по-прежнему широкое распространение, появляются плоскодонные корчаги. Одновременно возникают у сосудов ручки, вначале очень примитивные: к стенке сосуда прилепляли кусок глины, которому придавали соответствующую форму, а отверстие пробивали с помощью палочки. Орнаментация сводилась к поясам пальцевых вдавлений вдоль края венчика. Чтобы не испортить при этом форму последнего, с внутренней стороны против каждого вдавления упирали палочку, оставлявшую круглое углубление.

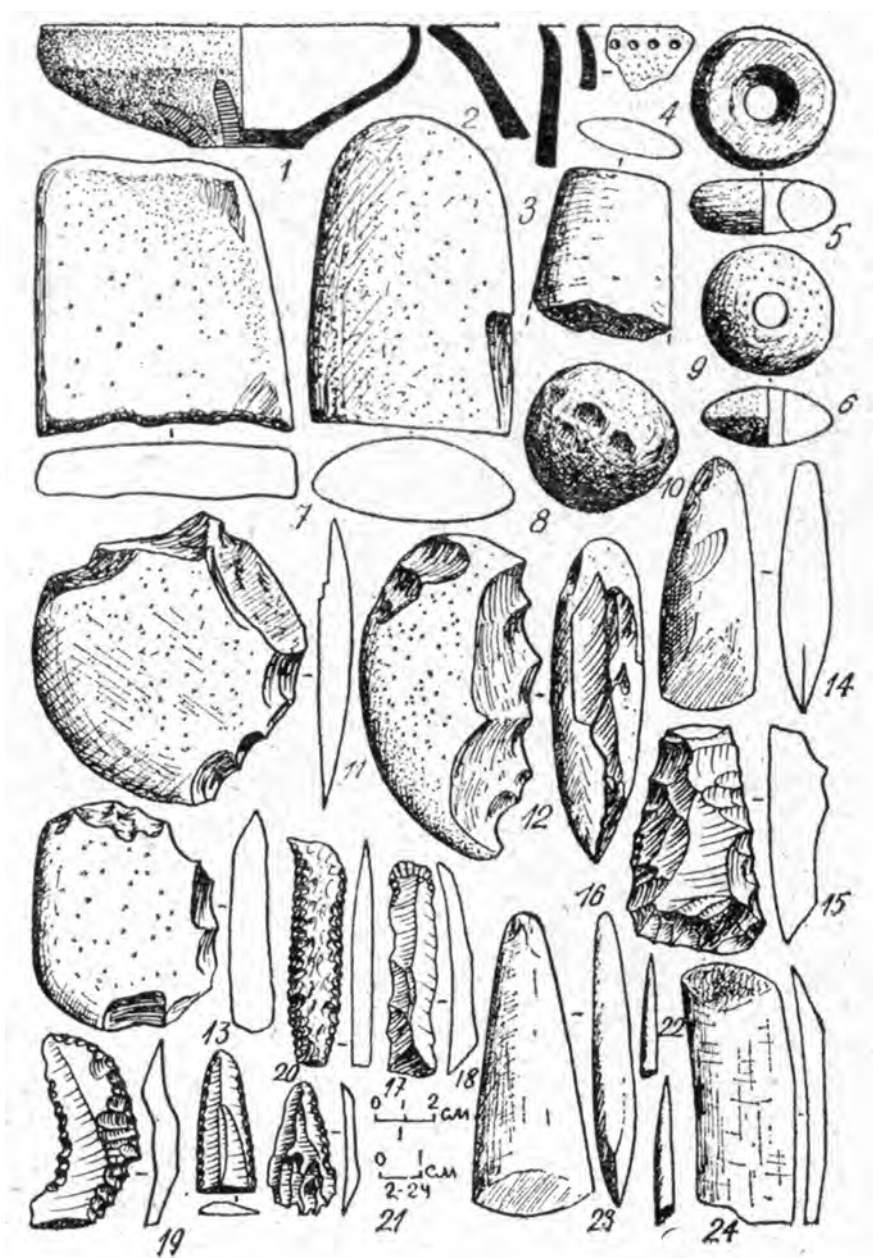

Рис. 16. Ахштырская пещера. Находки из слоя раннебронзовой эпохи — глиняные чаша с росписью (1), фрагменты сосудов (2—4) и пряслица (5, 6), каменные зерно-терки (7, 8), клиновидные топоры (9, 14, 15, 23), отбойник (10), мотыговидные орудия (11, 13), резак (12), кремневые серповидные ножи (17, 19), пластинки (18, 20, 21), костяные проколки (22, 23) и ложило (24)

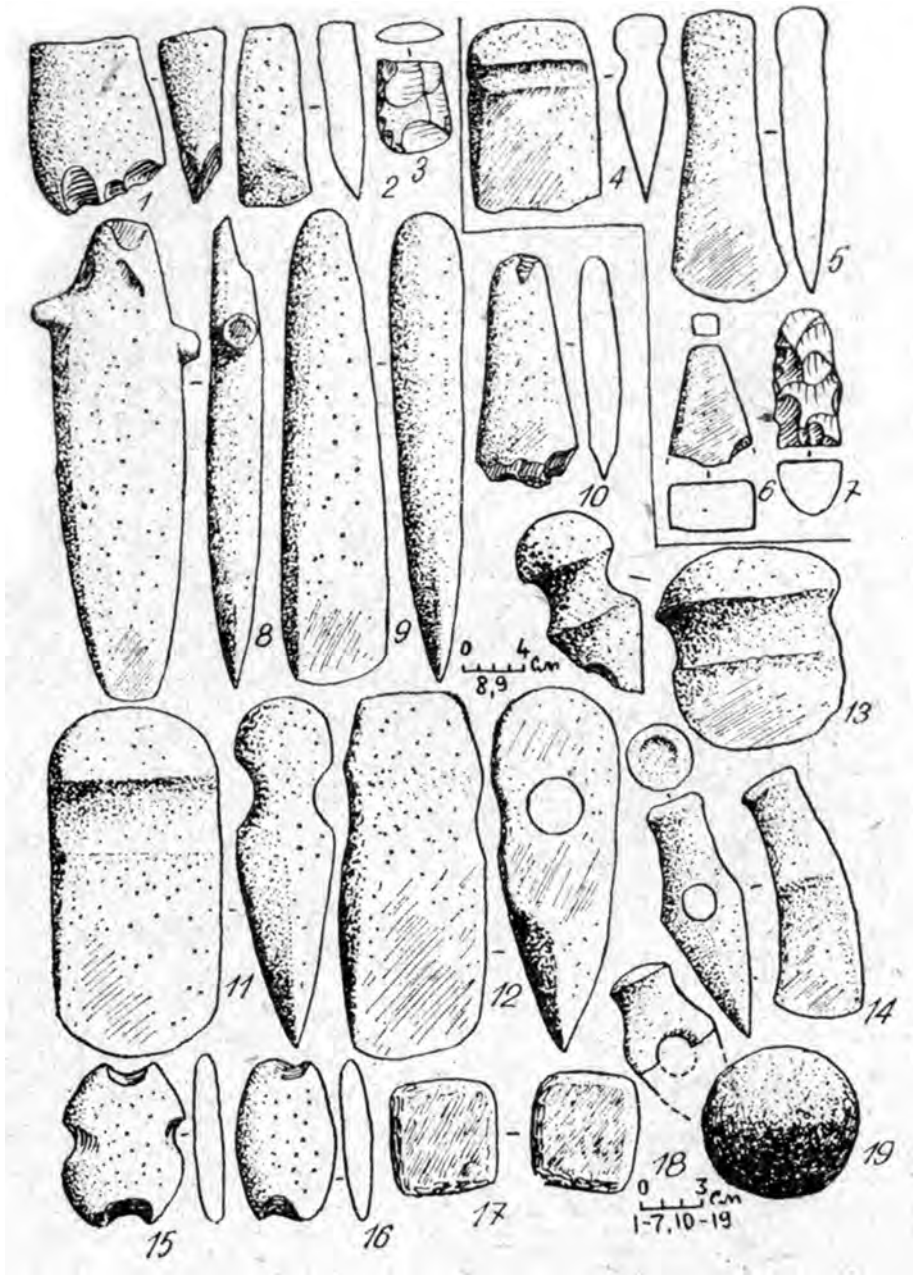

Рис. 17. Кремневые (7) и каменные изделия с территории района г. Сочи — шлифованные тесла (1—3, 5, 8—10) и топоры (4, 11—14, 18), грузила (15, 16), терочки (6, 17), шары (19) и другие изделия с поселений в окрестностях Сочи (2, 8, 11—14, 18), Нижнешиловское (1), Ахштырь-3 (3, 10), Воронцовка (4—7), в окрестностях Адлера (9), Псоу-1 (15), Псоу-3 (16, 17) и Блиново-1 (18)

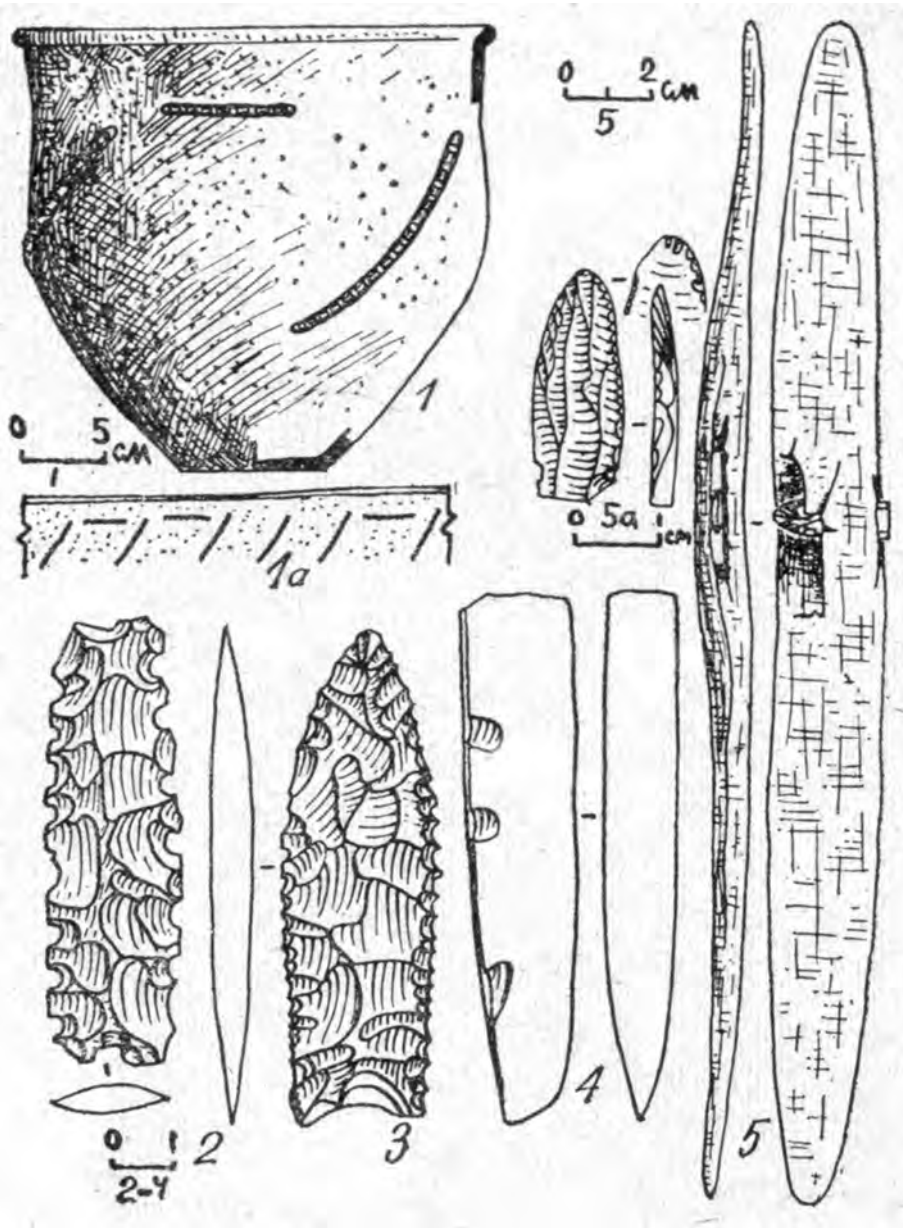

Рис. 18. Погребальный сосуд со стоянки Псоу-1 (1), кремневая пилка (2), наконечник дротика (3), долото (4) и наконечник стрелы (5а) с деревянной дощечкой (5) из окрестностей Сочи

Для декоративных целей использовали различные виды нарезного орнамента, а также полоски глины, которые наклеивали вдоль края или горла сосудов. Появляются глиняные пряслица, изредка орнаментированные отпечатками женского ногтя. Они служили грузиками для деревянных веретен.

В рассматриваемый период развиваются как внутренние, так и внешние торгово-экономические и культурные связи. Как полагают, стоянки Большой Воронцовской пещеры в значительной мере являлись временными поселениями и убежищами торговцев, шедших с побережья к горным перевалам на Северный Кавказ, а также торговцев-посредников между прибрежным и горным населением района. Показательны в этом отношении находки раковин морских моллюсков, доставлявшихся в пещеру несомненно с берега моря. Свидетельством дальних торговых связей являются привозная керамика, выявленная в ряде гротов той же пещеры, и полированные браслеты, изготовленные из минерализованного серпентина, ближайшие выходы которого имеются на Северном Кавказе, в верховьях рек Лабы и Кяфара. Не исключено, что к привозным изделиям относится и золотой завиток.

Никаких реальных подтверждений о серьезных изменениях в отношениях внутри местной родовой общины в этот период не имеется. По-прежнему делом мужчин было изготовление орудий для охоты и, вероятно, в значительной мере скотоводство. Женщины занимались земледелием, изготавливали керамическую посуду, ткани, одежду. В то же время развитие металлургии, связанной с добычей и обработкой металлов, а также все расширяющиеся торговые связи постепенно выводили роль мужчин в общественном производстве на первый план. Однако нарождавшиеся патриархальные отношения в рассматриваемом районе не смогли достигнуть того уровня, на который они уже поднялись в некоторых других пунктах Кавказа (Майкоп, Южный Кавказ).

Впервые на этом этапе обнаруживаются в окрестностях Сочи и реальные сведения о погребальных обрядах. В Ахштырской пещере найдено погребение ребенка, лежавшего в скорченном положении головой на запад, лицом на юг. Бедренные кости находились под прямым углом к позвоночнику, тогда как голени лежали почти параллельно бедрам. Руки были вытянуты к коленям. Первоначально костяк мог лежать и на спине, с согнутыми ногами, коленями вверх.

Погребение с совершенно иным обрядом, характеризующим, вероятно, более поздний этап, было обнаружено на стоянке Псоу-1, в устье одноименной реки. Здесь найден большой сосуд, украшенный насечками поверх жгутов, наклепанных в своеобразной схеме по тулову. В сосуде лежал лишь человеческий череп.

Материал, позволяющий судить об этнокультурной принадлежности местного населения в III тысячелетии до н. э., весьма ограничен. Можно указать на близость керамики из Воронцовской пещеры с соответствующими памятниками горной Абхазии (способ формовки, лощение, контур отдельных венчиков, ручки).

Одновременно в местной посуде отмечается, хотя и эпизодично, использование «жемчужного» орнамента (ряд бугорков вдоль венчика, образованных наколкой острой палочкой с внутренней стороны черепка). Этот прием, как и другие черты (отдельные ручки, лощение, форма некоторых сосудов) характерен для памятников майкопской культуры (Мешоко, Ново-Свободная и др.).

Большинство исследователей памятники майкопской культуры относят к III тысячелетию до н. э. Причем если ранний ее этап укладывается в рамки 2600—2400 лет до н. э., то заключительный, новосвободненский — 2300—2000 лет до н. э. Аналогично, вероятно, должны быть определены и даты для соответствующих этапов ранней бронзы, представленных стоянками Большой Воронцовской и других пещер.

Культура дольменов

Среднебронзовую эпоху на рассматриваемой территории характеризуют памятники дольменной культуры. К ней относятся дольмены — монументальные гробницы, соответствующие отложения в Большой Воронцовской пещере, а также отдельные случайные находки в различных пунктах.

Дольмены в окрестностях Сочи представлены плиточными составными, монолитными, корытообразными и колодцеобразными гробницами. Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

Первый, наиболее распространенный тип, зафиксированный во многих пунктах (Лазаревское, Красноалександровское, Цуквадже, Солохаул, Медовеевка, Красная Поляна), представляет собой дольмены, которые сооружали с помощью четырех монолитных четырехугольных плит, образующих стены, в то время как пятая плита служила крышкой. В таких гробницах часто присутствует и каменный пол, образованный одной или несколькими плитами, которые подстилают переднюю и заднюю стены. Фасадную стену делали обычно выше и шире задней, благодаря чему такой дольмен имел трапециевидный план, а его кровля — легкий уклон назад. Боковые плиты и крыша, как правило, выступают за фасадную плиту, образуя П-образный портал, который иногда наращивали дополнительными плитами, врытыми впритык к торцам боковых стенок. Последние обычно выступают и сзади. Снаружи их часто подпирали дополнительными, наклонно поставленными плитами-пилонами. Отверстие округлой формы в большинстве случаев находится в передней стенке дольмена, его затыкали массивной каменной пробкой. Один из дольменов на реке Цуквадже имеет отверстие и в задней, меньшей по величине плите. Размеры рассматриваемых дольменов различны. Высота фасадной плиты 2—2,5 м, длина боковых стенок 3—4 м, толщина плит колеблется между 0,11 и 0,75 м.

Перед дольменом оставалась площадка, служившая, по-видимому, для определенных ритуальных отправления, связанных с очередным захоронением,

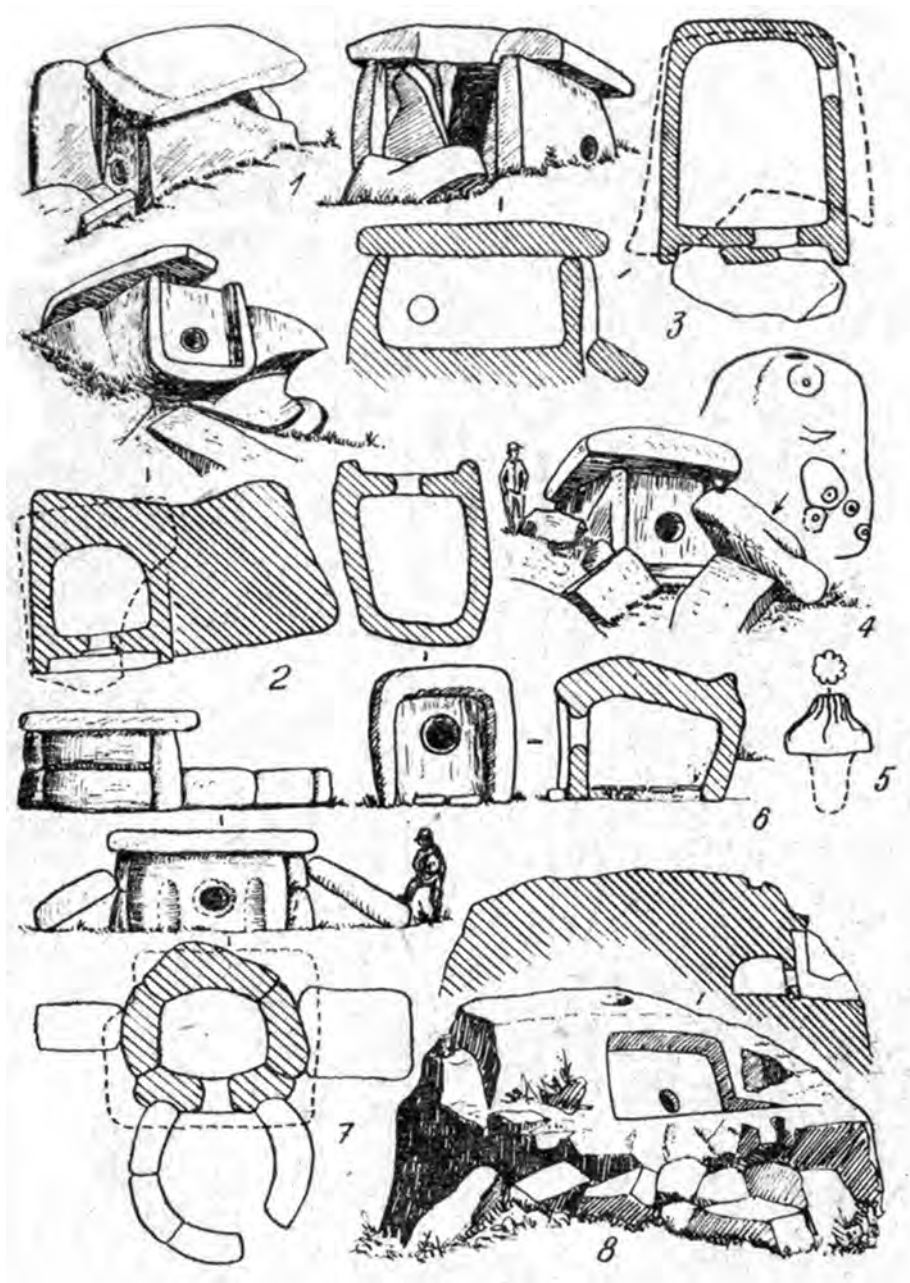

Рис. 19. Дольмены района г. Сочи — плиточные (1, 4), корытообразные (2, 3, 6), подковообразный составной с двориком (7), монолит (8), пробка от дольмена (5) из Солохаула (1 — 5), Красноалександровского (6), Лазаревского (7) и Годлик (8)

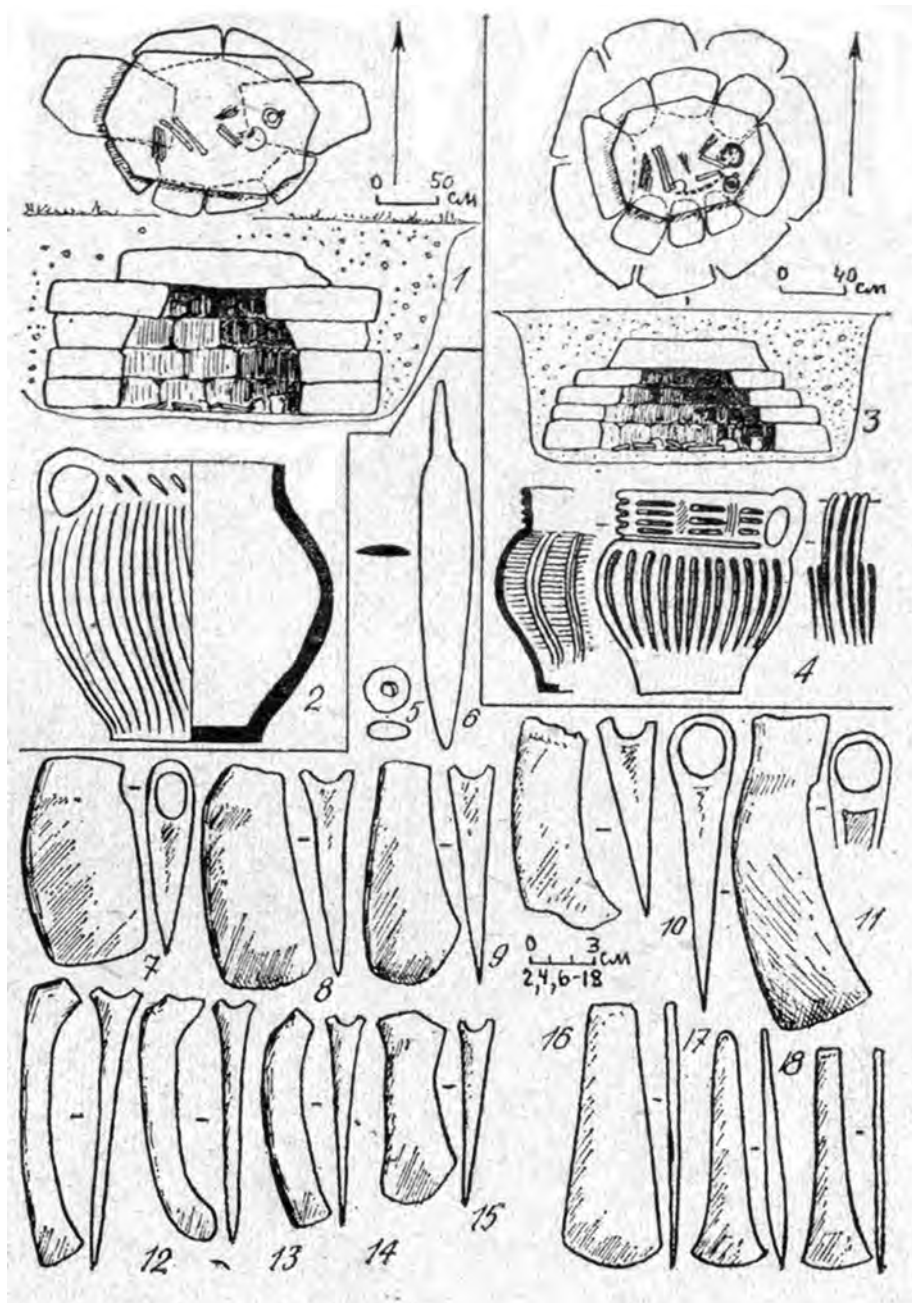

Рис. 20. Колодцевидные составные плиточные гробницы (1, 3), найденные в Красной Поляне, керамика из них (2, 4) медный (?) кинжал (6) и сердоликовая бусина (5) из дольмена в верховьях р. Бешенки, топоры (7—15) и тесла (16—18) из кладов бронзовых изделий, найденных в окрестностях Сочи

либо поминанием умерших. Эту площадку иногда окружали оградой из поставленных на ребро плит (Лазаревское). Некоторые дольмены скрыты под курганообразными насыпями или окружены двойной кромлеховидной оградой (Медовеевка).

Составные дольмены отличаются тем, что их стены полностью или частично складывали в 2—3 яруса из тщательно подогнанных плит. Один из таких подковообразных в плане дольменов (Лазаревское) имел монолитными лишь фасадную и покровную плиты. Боковые же и задняя стены его были возведены из блоков, сложенных в два яруса. Площадка перед фасадом этого дольмена была окружена аналогичными плитами, поставленными на ребро в один ярус.

Замечательным образцом дольмена-монолита является гробница на реке Годлик юго-восточнее Лазаревского (Чемитоквадже). В огромном обломке песчаниковой скалы на высоте 4 м была вырублена ровная площадка. Над ней нависает оформленная нишей фасадная стена с отверстием, через которое выдолблена основная подковообразная в плане камера со сферическим потолком. На крыше этого дольмена имеется круглое углубление диаметром и глубиной до 60 см. К нему с площадки перед фасадом по торцу стены есть единственный удобный ступенчатый подход.

Корытообразные дольмены выявлены в Красноалександровском, Солохауле, в верховьях реки Лауры. Камера таких сооружений высечена в глыбе камня и сверху перекрыта отдельной плитой. Фасад их по оформлению обычно соответствует плиточным гробницам: порталные выступы, имитирующие торцы боковых стенок, площадка перед фасадом, отверстие, затыкавшееся массивной пробкой. Иногда камеру дольменов подвергали обработке и со стороны днища, в этом случае гробница приобретала подлинно корытовидный облик. У ряда таких дольменов отмечен ложный фасад: помимо порталных выступов здесь было и ложное отверстие, будто бы заткнутое пробкой, в то время как настоящее отверстие делали в задней или боковой стенках (Салоники, Солохаул).

Около десятка дольменообразных колодцевидных гробниц зарегистрировано в районе Красной Поляны. Все они сложены глубоко в земле из необработанного плитняка в несколько ярусов. Вокруг, снаружи и на полу отмечена галечная присыпка.

Помимо самих гробниц, к дольменной культуре относятся встречающиеся вблизи дольменов обломки скал с высеченными на них ямками, кругами и другими изображениями, имевшими культовое значение (Солохаул).

Особое место занимает кудепстинский «жертвенный» камень, известный у местного населения как «черкесский» камень. Это глыба песчаника, в плане имеющая форму треугольника, каждая из сторон которого длиной около 5 м. В северо-восточном его крае высечены два углубления в форме сидений. Позади сидений на верхней плоскости камня сделано два параллельных корытообразных углубления длиной до 2 м и шириной до 1 м. Здесь же выбиты четыре ямки, чашеобразное углубление диаметром до 0, 2 м. Рядом с первой глыбой

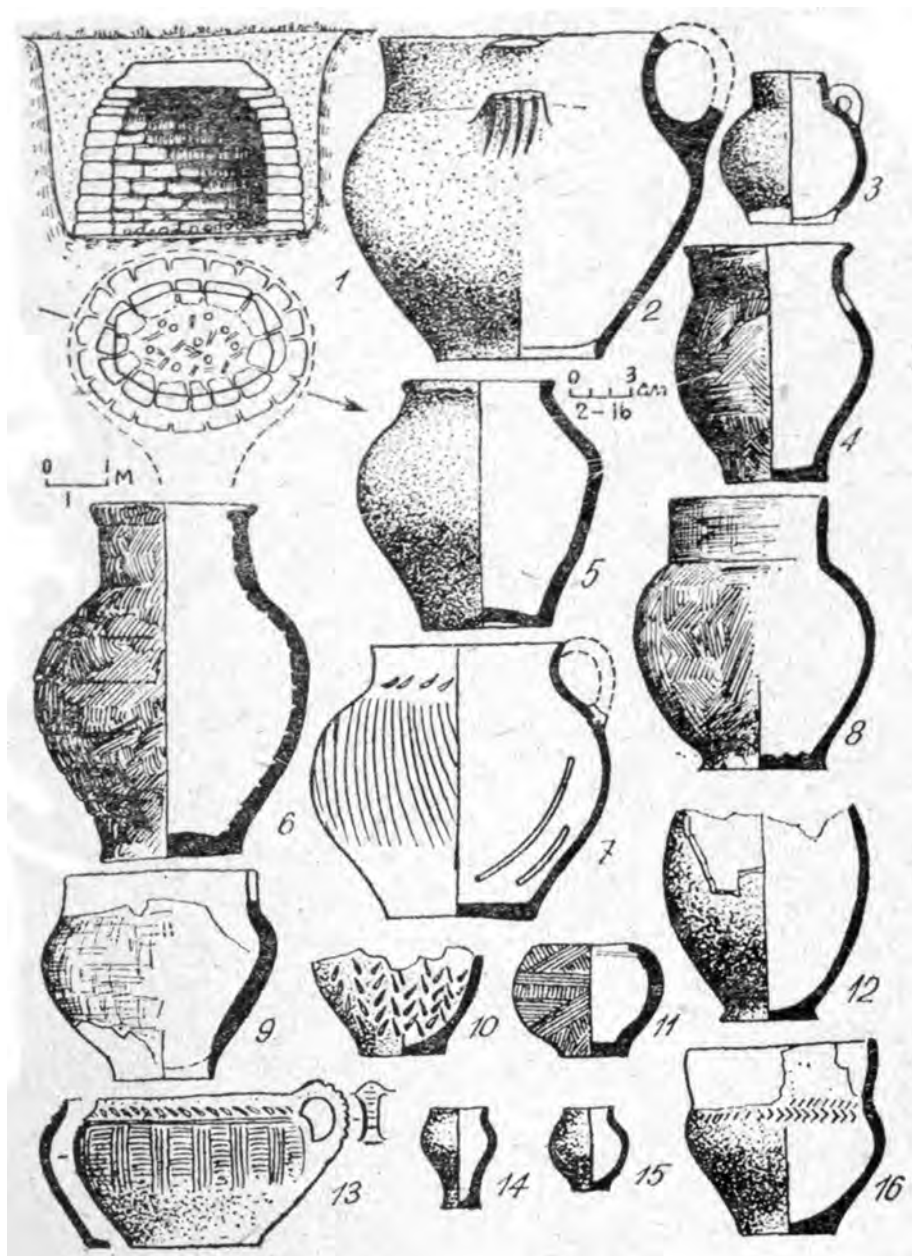

Рис. 21. Колодцеобразная составная гробница (1), найденная в Красной Поляне, и набор керамических сосудов (2—16) из нее. В сосуде 7 обломки обожженного человеческого черепа

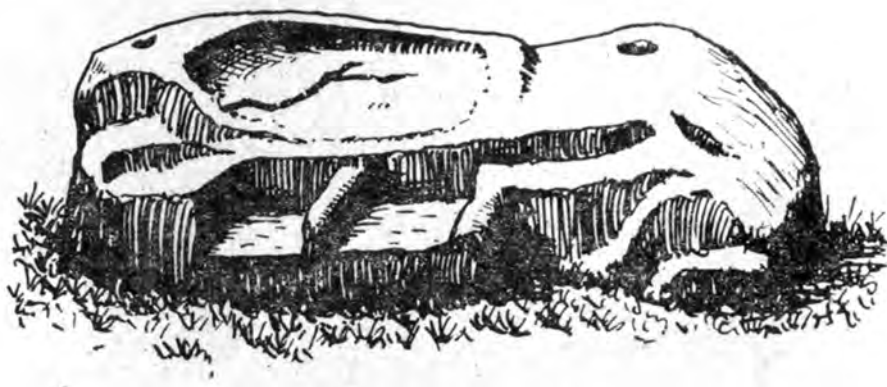
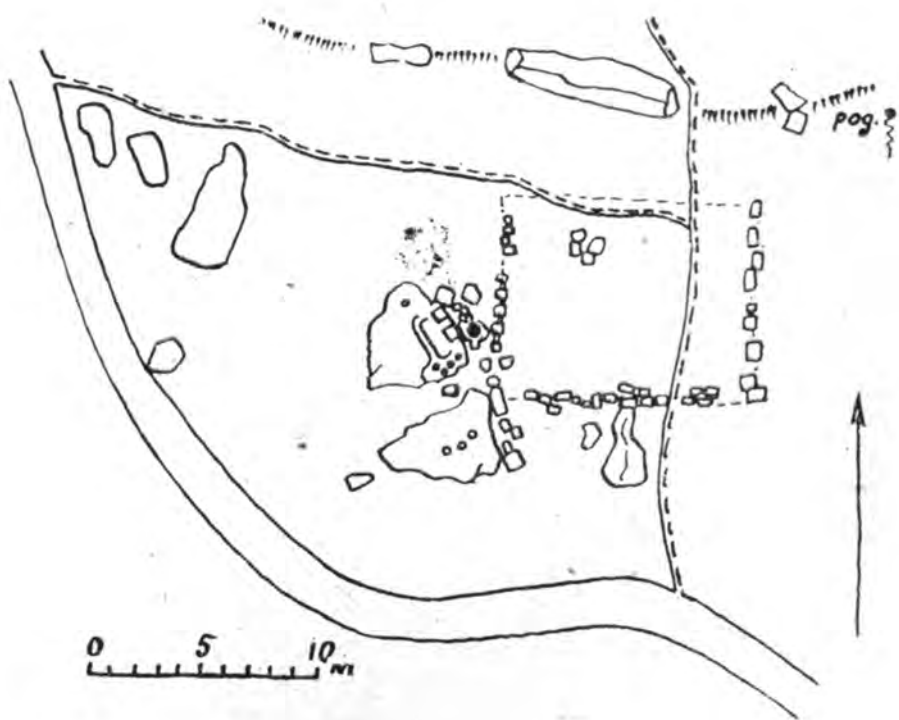

Рис. 22. Кудепстинский культовый камень с сидениями

Рис. 23. Изображение человеческой головы из песчаника, найденное в окрестностях Адлера

лежит другая таких же размеров. На ее поверхности также видны чашевидные углубления. Перед глыбами были найдены остатки каменного фундамента от здания, которое, судя по характеру обломков керамических изделий, относится к раннему средневековью. Взаимоположение глыб и фундамента говорит о том, что в это время глыбы уже не играли никакой роли в жизни местного населения. Характер обработки камня, отдельные детали оформления и факт независимости комплекса глыб от фундамента позволяют отнести этот памятник не к XVI—XVII вв., как считалось до сих пор, а к дольменному времени, когда эти камни играли несомненно роль святилища.

В дольменах, раскопанных в окрестностях Сочи, найдены сердоликовые и пастовые бусы цилиндрической формы и имитирующие подвески из зубов молодого оленя, разнообразная керамика, каменные топоры, бронзовый наколечник копья. К дольменной культуре нужно отнести и серию бронзовых изделий, главным образом топориков и тесел, хранящихся в Сочинском музее краеведения, а также, возможно, человеческую голову из песчаника, найденную в окрестностях Адлера.

Поселение этого времени зафиксировано лишь в верхних культурных слоях Большой Воронцовской пещеры. Здесь обнаружены также каменные, кремневые, керамические и металлические изделия. Кремневые орудия представлены скребками, резцами, вкладышами для серпов и мотыжками типа «пик». Из каменных орудий следует отметить клиновидные топоры с просверленными отверстиями-проухами, бруски и другие изделия. Керамические находки включают плоскодонные сосуды, украшенные богатым нарезным орнаментом, пряслица. Здесь же найдено бронзовое шило четырехгранного сечения.

В эпоху средней бронзы, как и прежде, основу хозяйства местного населения составляли мотыжное земледелие, придомное скотоводство, охота, различные ремесла, рассчитанные на удовлетворение внутриобщинных нужд. Земледелие иллюстрируют находки кремневых мотыг и вкладышей для серпов в соответствующих слоях Большой Воронцовской пещеры. Перед входом в один из дольменов Солохаула найдена челюсть лошади. Из ремесел следует отметить изготовление керамики, прядение и ткачество, обработку кожи и кости, металлургическое производство. Особенно высокого уровня достигла в связи со строительством дольменов техника обработки камня. На этой деятельности древних поселенцев необходимо остановиться подробнее.

Крупные (плиточные, составные, монолитные, корытообразные, подковообразные) дольмены сооружали заранее: люди при жизни готовили себе и своим потомкам прочные усыпальницы. Для этой цели недалеко от поселения выбирали подходящее место. В ряде случаев отмечено размещение дольменов вблизи родников, а дольмен на реке Годлик находится рядом с минеральным источником. Непременным условием выбора места для гробницы были, конечно, выходы песчаника и известняка. Эти породы залегают обычно слоями, что в определенной степени облегчало работу в каменоломнях. Выломку плит производили, вероятно, с помощью деревянных колышков, забивавшихся в ямки, выдолбленные по нанесенному заранее на поверхность скалы контуру. Колышки поливали водой: разбухая, они отламывали плиты необходимого размера. Плиты подвергали грубой обработке и перебрасывали с помощью катков, рычагов и веревок, большого числа людей, а также, возможно, тягловых животных на место установки. Затем обе стороны фасадной плиты и внутреннюю поверхность остальных плит, а также все закраины и соответствующие им пазы в боковых и покровной плитах подвергали тщательной обработке. Пазы обычно округлые или прямоугольные в сечении. Обработку эту производили с помощью тесловидных бронзовых орудий с довольно узким лезвием, мелкими сколами, оставлявшими ямки.

Рядом с дольменами найдены и сланцевые плитки со следами сглаживания, которые, как полагают, служили для подшлифовки деталей сооружений.

Высокого искусства требовало изготовление пробки, которую украшали бороздками, выпуклинами и другими элементами. Расчет величины и формы плит, отверстий, пробок производили предварительно, что указывает на определенные математические знания: понятия о прямых углах, различных измерениях квадрата, окружности и т. д.

Установка самого дольмена происходила, вероятно, следующим образом. В пазы пола или в специально для этого вырытые в почве канавки устанавливали сначала, по-видимому, переднюю и заднюю, а затем боковые плиты. В вертикальное положение их приводили с помощью клиньев, рычагов и веревок и подпирали снаружи одной или двумя плитами с каждой стороны. Зафиксированные в таком положении стены, должно быть, засыпали снаружи до

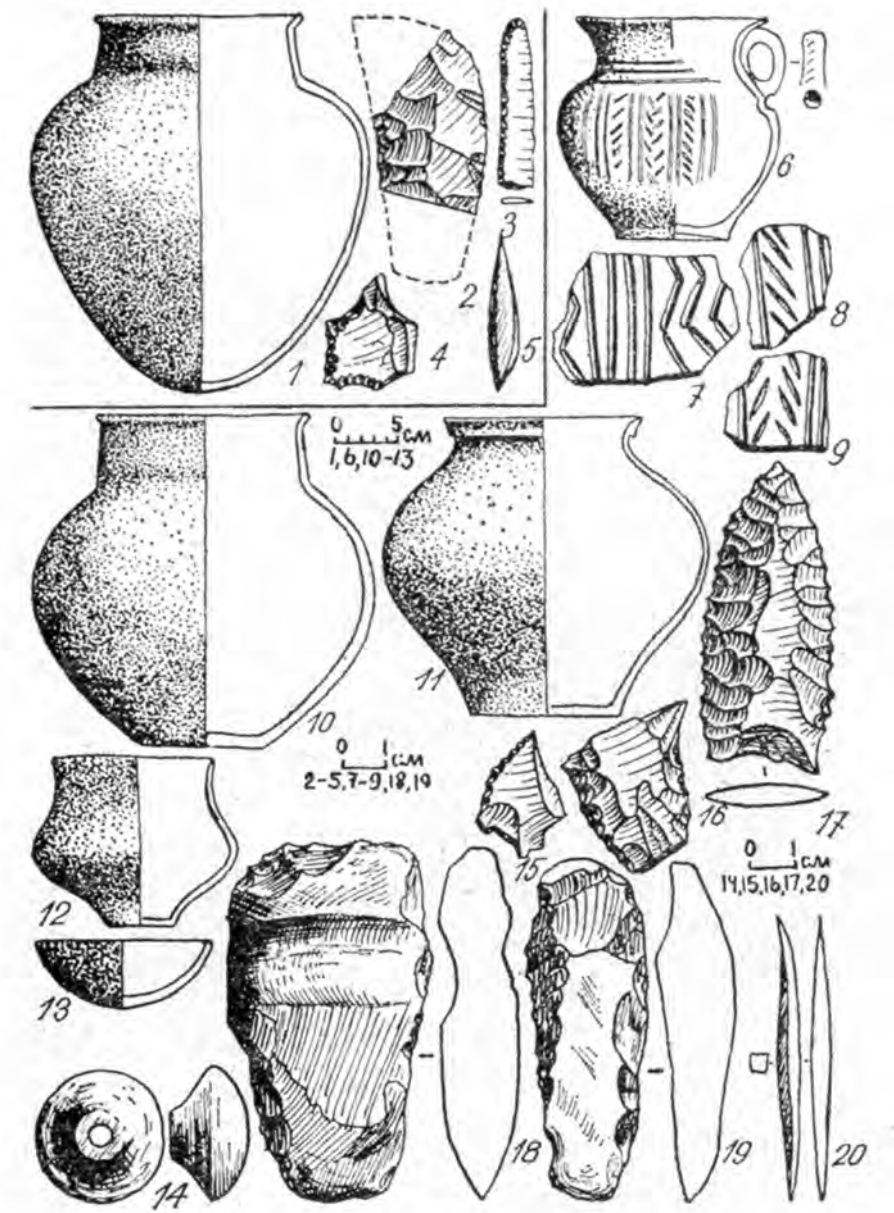

Рис. 24. Воронцовская пещера. Находки из грота Тоннель (1—5 — нижний слой, 6—20 — верхний слой), керамические сосуды (1, 6, 10—13), фрагменты сосудов (7—9) и пряслице (14), кремневый нож (2), пластинка (3), резцы (4, 15, 16), наконечник дротика (17) и мотыга (19), каменный топор (18), костяной наконечник стрелы (5) и бронзовое шило (20)

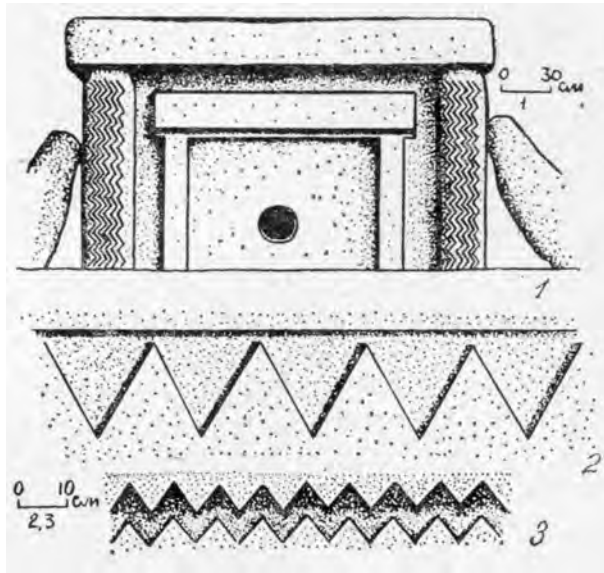

Рис. 25. Пример орнаментации наружной (1) и внутренней (2, 3) поверхности стен дольмена (ущелье р. Жане в районе Геленджика)

самого верха грунтом и камнем. Затем скорее всего по заднему склону насыпи втягивали покровную плиту, которая ложилась пазами внутренней стороны на специально подтесанные для этого верхние торцы стен. В тех случаях, когда дольмен имел составные стены, сложенные из плохо пригнанных плит либо из плит, не связанных системой пазов, что не позволяло ему стоять без сплошной опоры извне, насыпь оставляли. Эта схема сооружения больших плиточных и составных дольменов с помощью земляных насыпей может быть спорна, так как насыпь могла быть заменена накатом бревен или нагромождением камней. Не исключено, что здесь использовали какую-то специфическую, трудно реконструируемую пока систему рычагов и блоков...

Техника обработки дольменов-монолитов требовала знания несколько иных приемов, связанных с вырубанием помещений в твердой породе. Причем эта работа усложнялась малым размером фасадного отверстия, через которое вынимали камень и выносили обломочный материал. Сооружение корытообразных гробниц представляло более легкую задачу, сводившуюся к открытому выдалбливанию погребальной камеры и изготовлению лишь одной покровной плиты. При строительстве подковообразных дольменов были необходимы определенные знания геометрических свойств круга, точность измерительных работ. Приходилось изготавливать серию дуговидных блоков, а затем на месте совмещать их в двух-трех ярусах. Колодцеобразные гробницы вообще не представляли трудной технической задачи. Здесь уже отпала как необходимость перемещения значительных тяжестей, кроме крышки, так и работа с теслом.

Сооружение больших дольменов, даже если предполагать возможность использования теми, кто их соорудил, всех перечисленных выше орудий и приемов, требовало усилий такого большого коллектива, каким могла быть только родовая община. В то же время следует думать, что захоронения в дольменах удавались не все подряд члены рода, а лишь отдельные, избранные по каким-то признакам лица. Таким образом, можно сделать вывод, что дольменная группа—это, по-видимому, особое родовое кладбище, служившее в определенной степени, судя по жертвенным площадкам и другим атрибутам (чаши, углубления, соляные знаки и др.) одновременно для периодических молений и игравшее роль своего рода храмового комплекса. Существование такой сложной системы религиозных представлений позволяет предполагать выделение достаточно влиятельной жреческой касты. Вместе с тем широкая освоенность горной зоны свидетельствует о зарождении отгонного яйлажного скотоводства, что не могло не привести к увеличению роли последнего в жизни строителей дольменов. В этот период складываются основы патриархальных отношений, формируется родоплеменная верхушка: вожди, старейшины, жрецы, чем-то уже выделявшиеся на фоне рядовых общинников.

Каких-либо закономерностей, отражающих ритуальный характер, в ориентировке дольменов не прослеживается. Как правило, они направлены фасадом вниз по склону. Это объясняется тем, что строители дольменов учитывали накопление у стен почвы, сносимой со склона осадками, и стремились как можно дальше сохранять открытым подход к отверстию. Однако, в отдельных случаях (корытообразные дольмены с ложным порталом) отмечено отверстие в задней или боковой стенках, обращенных вверх по склону. Объяснить это можно какими-то причинами религиозного порядка, заставлявшими скрывать настоящие лазы.

Об обряде погребений в дольменах до сих пор ведутся дискуссии. Однако в основных своих чертах этот обряд на рассматриваемой территории уже проявляется. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что в большинстве дольменов района г. Сочи, где сохранился непо потревоженный слой, отмечено присутствие лишь отдельных, главным образом крупных костей человека. Это явление прослежено в двух плиточных дольменах (Красная Поляна), в корытообразном дольмене (Салоники). Показательны и результаты исследования одной из колодцеобразных гробниц в Красной Поляне. Здесь отмечены также лишь крупные кости, принадлежавшие по меньшей мере 6—7 особям. В то же время здесь находилось лишь 3 фрагмента черепов, а в одном из сосудов оказались остатки черепа, несущего на себе следы огня. Присутствие черт кремации в аналогичных гробницах Красной Поляны отмечалось и ранее. В той же гробнице найдено 16 как очень мелких, так и вполне нормального размера сосудов, что также свидетельствует о большом числе захоронений, производившихся скорее всего не одновременно, а с некоторыми перерывами. В то же время в мелких колодцеобразных гробницах Красной Поляны в двух

случаях отмечены одиночные захоронения, по-видимому, женщин, лежавших в скорченном положении на боку головой к востоку и имевших по одному сосуду-кружке.

Характерной чертой заупокойного культа строителей западнокавказских дольменов является стремление как можно крепче изолировать внутреннее помещение дольмена от внешнего мира. Удивительная тщательность во взаимной подгонке плит не допускала ни малейшей щели. Миниатюрность находимой в дольменах керамики была вызвана, как полагают, тем, что эта посуда предназначалась не столько для умершего, сколько для его души, имевшей, по представлениям того времени, небольшую величину. Вероятно, в значительной мере тревога, страх заставили живых пойти на изобретение такого прочного, рассчитанного на тысячелетия жилища для душ своих родственников, заставили создавать условия полной герметичности для их вечного успокоения. Страх перед смертью, облеченный в форму страха перед духом, тенью умершего, характеризует определенный этап в развитии человеческого сознания.

Реконструкция погребального обряда в дольменах района г. Сочи может дать следующую картину. Умершего оставляли в священной роще вблизи дольменов, где по истечении определенного времени в результате естественных превращений на площадке оставались лишь крупные кости. Тогда приступали к основному обряду, в котором, как можно предполагать, главная роль принадлежала жрецу и его помощнику. Кости собирали, к ним присоединяли вещи покойного или пожертвования родственников, оружие, украшения, керамику с заупокойной пищей или питьем. На площадке перед дольменом жрец совершал жертвоприношение, разжигал костер, осуществлял и другие действия, что в сумме должно было предотвратить возможность выхода душ, уже заключенных в гробницу, наружу, когда жрец вынимал пробку. Затем помощник жреца проникал внутрь дольмена, ему подавали кости и вещи, которые он укладывал на свободное место у стены. На необходимость проникновения человека в дольмен при очередном захоронении указывает относительный порядок в расположении скоплений костей и вещей в глубине дольмена, на расстоянии 1, 5-2 м от отверстия. В ранних дольменах, где предполагаются захоронения в сидячем положении вдоль стен, такое проникновение тем более необходимо.

На позднем этапе, когда получают распространение колодцеобразные гробницы типа краснополянских, этот обряд постепенно себя изживает, в него вторгаются элементы кремации, распространяются одиночные захоронения с предельно упрощенным ритуалом.

Дольменная культура, к которой принадлежат рассмотренные памятники, охватывала значительную часть Западного Кавказа по обе стороны хребта. Как показывают соответствующие материалы, дольмены в своих наиболее ранних формах появились в Прикубанье, в окрестностях современного города Майкопа (памятники Новосвободненского этапа майкопской культуры) в конце III тысячелетия до н. э. Наиболее древними формами дольменов

являются плиточные гробницы, первоначально покрывавшиеся насыпями из-за несовершенства конструкции. Их хронология обычно определяется XXIII—XX вв. до н. э.

Эпоха расцвета дольменной культуры связана с широким распространением плиточных гробниц по всему Западному Кавказу, на востоке до ущелий рек Лабы и Кодора, на западе до Таманского полуострова. Появляются составные и корытообразные дольмены. Хронологически этот этап может быть определен XX—XVII вв. до н. э.

На третьем этапе развития дольменной культуры продолжают использовать плиточные дольмены, высекают дольмены-монолиты и корытообразные гробницы, среди которых получают распространение сооружения с ложными порталами. В конце периода появляются колодцеобразные гробницы. Хронология этапа может быть определена XVI—XIV вв. до н. э. В отдельных случаях дольмены использовали для захоронений и значительно позже.

На первом этапе материальная культура строителей дольменов характеризуется памятниками Новосвободненского этапа майкопской культуры. В эпоху расцвета сначала в местной материальной культуре преобладают те же северо-западнокавказские формы, проникающие до Центральной Абхазии (Эшера), а затем происходит нивелировка культуры. На заключительном этапе в дольменах Черноморского побережья распространяются изделия западнокавказского облика, на основе чего делается вывод, что к этому времени носители дольменной культуры слились с племенами, имевшими другой, закавказский культурный облик. Результатом такого смешения явилось население, которое можно связывать с абхазо-адыгским культурным массивом.

Последний вывод на современном уровне изученности Черноморского побережья представляется наиболее обоснованным.

Век бронзового топора

На этом этапе бронзовый век входит в свою заключительную, позднюю стадию, которую в окрестностях Сочи характеризует серия случайных находок, происходящих в своем большинстве из разрушенных погребений и кладов литейщиков. Памятники северокавказского облика представлены бронзовыми топорами, теслами и наконечниками копий. К этой группе изделий примыкают топоры-кельты, рыболовные крючки и наконечники стрел. Колхидская культура характеризуется бронзовыми топорами, наконечниками дротиков и стрел, застежками-фибулами, булавками, фигурками животных, височными подвесками, так называемой «текстильной» керамикой.

Хозяйственный облик района характеризуют мотыжное земледелие и скотоводство, носившее по-прежнему главным образом придомный характер. Как показывают зооморфные изображения, это был в первую очередь мелкий

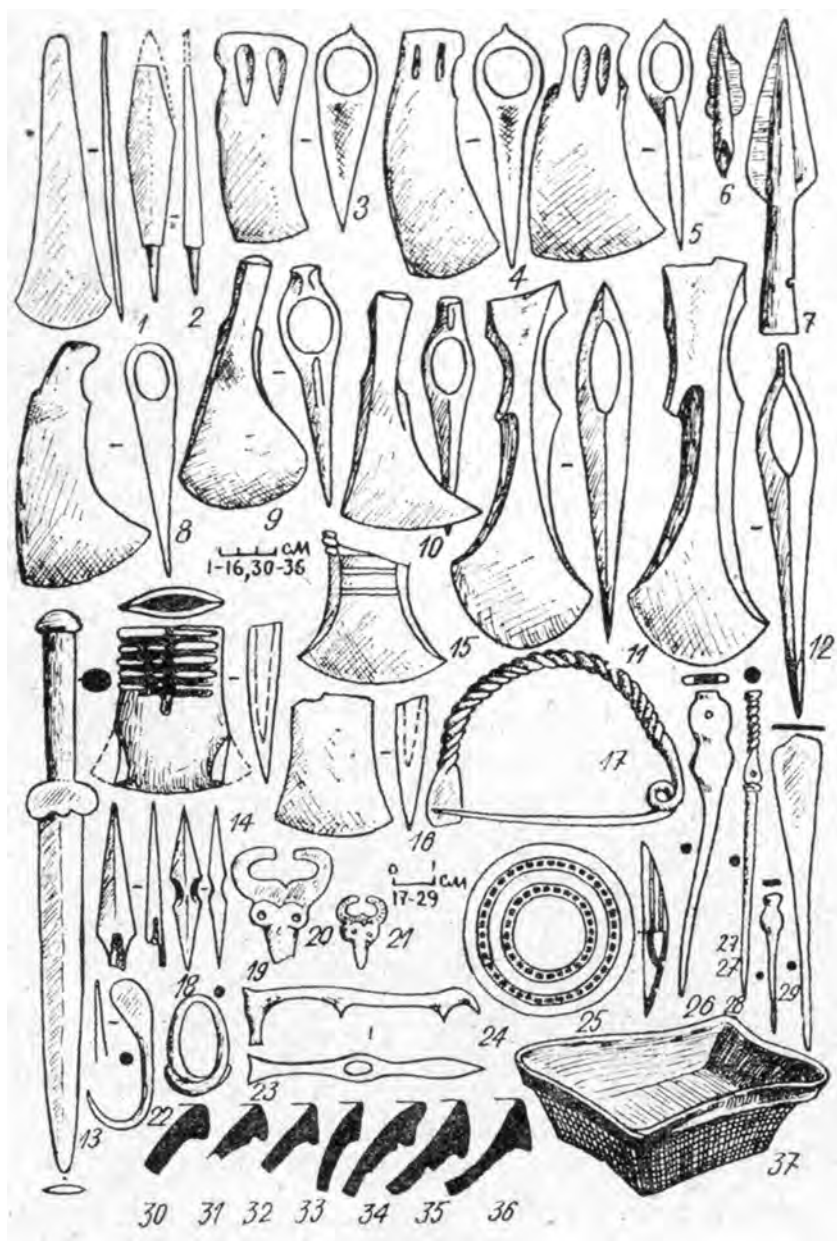

Рис. 26. Изделия позднебронзовой эпохи из окрестностей Сочи: бронзовое тесло (1), кинжалы (2, 13), топоры (4, 5, 8—12), наконечники копий (6, 7) и стрел (18, 19), кельты (14—16), фибула (17), нашивки (20, 21), рыболовный крючок (22), височная подвеска (23), зооморфная подвеска (24), фалар (25), булавки (26—29), обломки глиняных солеварных сосудов (30—36) и их реконструкция (37)

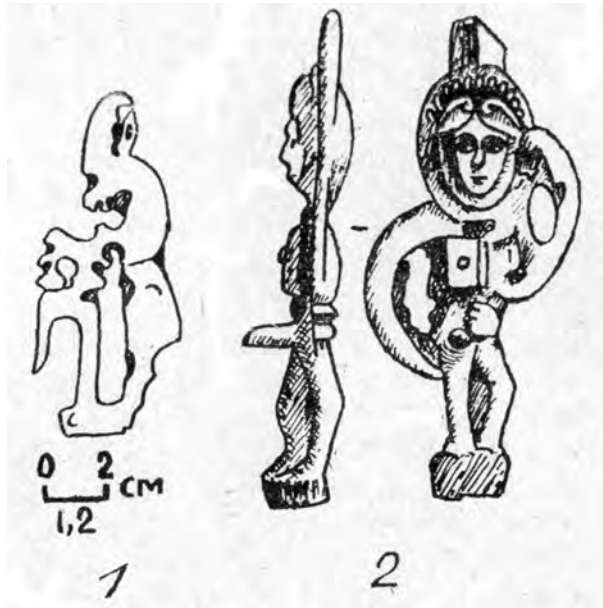

Рис. 27. Бронзовые культовые статуетки из окрестностей Сочи.

рогатый скот. Развиваются металлургия, керамическое производство, ткачество, соляной промысел, ювелирное дело. Свое место занимают рыболовство и охота.

Население района продолжает поддерживать торгово-экономические и культурные связи с Северным Кавказом и Закавказьем. Один из сосудов, найденный в верхних слоях Большой Воронцовской пещеры мог быть доставлен сюда из Урарту. Все большее значение как источник дохода начинают играть войны.

Особо следует остановиться на упомянутой выше «текстильной» керамике, поверхность которой несет следы отпечатков тканей. Стоянки с такой керамикой выявлены в ряде пунктов на побережье Колхиды и убедительно связываются с солеварным промыслом. В последнее время высказывается мнение, что эти сосуды имели отношение к железоплавильному производству, основанному на добыче и обработке магнетитовых песков. При этом «текстильная» керамика рассматривается как тара для магнетитового песка. Однако отсутствие конкретных сведений о связи этих стоянок с железоплавильными мастерскими, хрупкость и форма «текстильной» керамики, ее тяготение исключительно к прибрежной зоне, а также тот факт, что она появляется еще во II тысячелетии до н. э., т. е. тогда, когда ни о какой железоплавке в рассматриваемой зоне не могло быть и речи, заставляет по-прежнему считать «текстильную» посуду как элемент следодобывающего промысла.

Эта посуда представляла собой небольшие четырехугольные корыта, имевшие средний размер 25×40 см при глубине 15—20 см. Сформованы они из грубой глины с крупными примесями, изнутри неровно заглажены, снаружи

имеют отпечаток ткани, с помощью которой их вынимали из формы. Обжиг производили на открытом костре. Углы сосудов приспособлены для слива жидкости. Производственный цикл можно восстановить следующим образом. В искусственных небольших лагунах морская вода испарялась. Полученный таким образом рассол сливали в сосуд, укреплявшийся затем над костром. Влага превращалась в пар, а в сосудах оставалась соль. Такая мастерская была обнаружена на берегу моря западнее устья реки Псоу.

Преобладание в металлических изделиях черт колхидской культуры, а также наличие поселения с «текстильной» керамикой позволяют допускать этническое единство обладателей этих изделий с населением более южных районов, т. е. предполагать их принадлежность к древнеабхазским племенам, известным позже под именем гениохов. Исследователи допускают возможность проникновения в рассматриваемый район во второй половине VIII в. до н. э. киммерийцев, с культурой которых могут быть связаны бронзовые кельты, а также кинжалы. На одном из них заметно влияние степных форм (срубная культура), а на другом появляются черты, характерные для последующей скифской культуры. Большинство перечисленных находок из окрестностей Сочи должно быть отнесено к X—VII вв. до н. э.

Глава III. На периферии античного мира

Страна воинственных гениохов

В трудах многих античных авторов (Геродот, Ксенофонт, Аристотель, Гераклid Лемб, Помпоний Мела) рассказывается о том, что в IV—I вв. до н. э. Северо-Восточное Причерноморье было заселено родственными племенами, известными под собирательным термином «гениохи». В земле гениохов были основаны такие крупные древнегреческие города-колонии, как Фасис, Диоскуриада, Питуунт. Анализ античных источников позволяет выделить в зоне распространения гениохийских племен два функционально различных в силу географических и иных причин района: северо-западный («побережье ахеев, зигов и гениохов»), отличающийся пересеченным рельефом и отсутствием удобных гаваней, и юго-восточный («побережье фасианов, соанов и гениохов»), имеющий множество удобных гаваней и благоприятную для развития хозяйства приморскую низменность.

Для нас основной интерес представляет северо-западная Гениохия — «побережье ахеев, зигов и гениохов». Во II в. до н. э. Артемидор Эфесский отмечал, что «берег гениохов в тысячу стадиев» простирался к северо-западу от Питуунта, т. е. включал в себя современную северозападную Абхазию и восточную часть района Сочи. Согласно же историкам Митридатых войн, которых цитирует крупнейший античный географ Страбон, гениохи распространялись и северо-западнее, возможно, до территории современного Туапсинского района. Анализ сведений разновременных авторов (Страбон, Плиний Секунд, Дионисий, Флавий Арриан, Прокопий Кесарийский) позволяет поместить в тех же пределах и зигов. Северо-западнее современного Сочи и на территории Туапсинского района жили ахейцы, с которыми, вероятно, связано название упоминаемой источниками реки Ахеунта, сопоставляемой с современной рекой Шахе. Гениохи, зиги и ахеи снискали себе в греческом мире дурную славу морских разбойников.

Яркую характеристику гениохов-пиратов оставил нам Страбон: «За Синдикой и Горгипсией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов... Обитатели его живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около 25 человек и редко могущие принять 30; эллины называют их камарами... Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность и даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владельцы Боспора, предоставляя стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они за неимением стоянок взваливают свои камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступает время плавания, они снова сносят камары на берег. Так же поступают они и в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком, днем и ночью, с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть самостоятельные правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны своих вождей...»

Значение северо-западной группировки гениохийских племен в античном мире определяется в первую очередь их основным занятием — пиратством. Данные античных источников позволяют судить о двух этапах развития этого промысла у гениохов. Первоначально целью их морского разбоя был не столько захват пленных для работорговли, сколько удовлетворение насущных внутренних потребностей за счет грабежа. Естественно, что подобные «потребительские» действия вызывали отпор со стороны правителей отдельных наиболее развитых районов Причерноморья. Один из царей Боспора Евмен, согласно сообщению Диодора, в конце IV в. до н. э. «для защиты плавающих по Понту... вступил в войну с... обыкновенно занимающимися пиратством гениохами, таврами и ахейцами и очистил море от пиратов, за что и получил... похвалу не только в своем царстве, но почти всей вселенной, так как торговцы повсюду разнесли молву о его великодушии».

Постепенное приспособление практики грабежей к нуждам средиземноморского рабовладения способствовало тому, что гениохийские пираты в середине III в. до н. э. превратились в рабодобытчиков и работорговцев и тесно связали себя экономически с Боспором, где нашли и рынок сбыта добычи, и корабельные стоянки. «Места у Понта, — писал Полибий, — нам доставляют скот и бесспорно самое обильное и самое пригодное множество людей, свозимых в рабство». Так экспорт рабов, обусловленный соответствующими потребностями Средиземноморья, способствовал превращению древнего занятия морским разбоем в доходный промысел — охоту за людьми и работорговлю. В обмен на рабов пираты получали различные товары греческого производства, в первую очередь оружие, посуду, украшения и иные изделия, удовлетворявшие главным образом нужды местной родоплеменной верхушки. Однако заморские товары поступали сюда и через греческие центры, подобные тому,

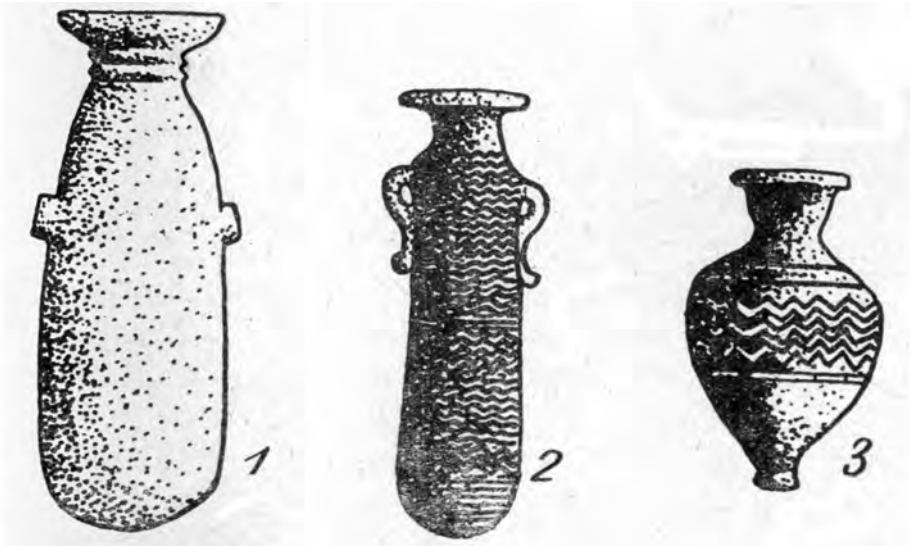

Рис. 28. Привозной гипсовый (1), стеклянный (2) алабастры, стеклянный амфориск (3) из окрестностей Сочи.

который находился в устье Мамайки, а также в результате контактов с греческими купцами, проплывавшими вдоль берегов из Боспора в Колхиду и обратно. Эта деятельность гениохов приобрела общепричерноморское значение, поскольку, как сообщает Овидий, гениохи достигали и западных берегов Черного моря, в то время как их присутствие в Южном Причерноморье засвидетельствовано, по-видимому, Тацитом. Узкая, отвечающая в первую очередь потребностям восточносредиземноморского рабовладельческого хозяйства специализация гениохийских племен лишь в незначительной степени способствовала их прогрессу. Поступательное движение этих племен задерживалось общим характером их функциональной зависимости, превращавшей северо-западных гениохов в придаток средиземноморского хозяйства.

Культуру населения района г. Сочи в VI—I вв. до н. э. характеризуют поселения и могильники. Судя по скоплениям соответствующих находок, довольно значительные населенные пункты в это время располагались в устье реки Мамайки и вдоль морского побережья, в междуречье Кудепсты, Мзымты и Псоу.

Поселение на Мамайке, судя по всему, было греческим. Здесь найдены гипсовые и стеклянные алабастры, краснофигурные и чернолаковые сосуды, терракотовые статуэтки и т. д. Находки в зоне между устьями рек Кудепсты, Мзымты и Псоу включают обломки амфор, амфорисков — сосудов для благовоний, кубков-канфаров, кувшинов, краснолаковых тарелок, чернолаковой, простой античной и местной посуды. Отдельные находки этого времени (железный ребристый браслет и др.), выявленные в Большой Воронцовской

пещере, говорят о том, что эта пещера служила временным убежищем для торговцев, ухидивших в сторону перевалов на Северный Кавказ, а также для местного населения.

Интересные погребальные комплексы найдены в селе Богушевка (бронзовый шлем, два железных наконечника копий, янтарная и пастовая бусины) и в Соболевке (железный топор, бронзовые фибулы, браслет и шейный обруч — гривна). Большое число случайных находок (керамика, мечи, головные обручи, браслеты), хранящихся ныне в Сочинском музее краеведения, должно быть связано с разрушенными погребениями.

Торговые связи хорошо иллюстрируются находками в прибрежной зоне. К VI в. до н. э. относятся обломки расписной ионийской посуды с розетками. В V в. до н. э. сюда поступали гипсовые алабастры, амфориски и алабастры, изготовленные из разноцветного «финикийского» стекла IV в. до н. э. датируется и краснофигурная ваза-пелика аттического производства, попавшая сюда, по-видимому, через Боспор. От этой вазы сохранилась лишь оборотная сторона с изображением юношей. Низенькие, пузатенькие одноручные кувшинчики — арибаллические лекифы с краснофигурной росписью (в первом случае устремленная вперед женская фигура, во втором — женский профиль с полумесяцем перед ним) можно отнести к концу V—IV вв. до н. э. Этим же временем датируются и чернолаковая чаша-котила с красным пояском в придонной части, дно чернолакового блюда со штампованным орнаментом и кубок-канфар. Очень интересны рельефные чернолаковые чаши, связываемые с продукцией Делоса (II в. до н. э.). Элементы рельефного орнамента этих чаш включают розетки на донышке, многоугольники, плетенку, ромбовидные листья и др.

Терракотовые изделия — поясные изображения женского божества, статуэтки в стоячей и сидячей позе, принадлежавшие, судя по всему, популярной среди греческих колонистов богине хлебопашества и заупокойного культа Деметре, изготовлены, по-видимому, на Боспоре. Отдельные изделия (терракотовые маски-налепы) могут относиться и к более позднему времени (не позднее конца II в. н. э.). Весь комплекс находок из района Сочи говорит о существовании здесь греческого поселения, основанного скорее всего боспорцами и соответственно поддерживающего связь главным образом с Боспором.

Несколько иной характер имеют находки с поселений из междуречья Кудепста — Псоу. Это обломки разнообразных амфор: хиосских (VI—V вв. до н. э.), «колпачковых» (IV в. до н. э.), синопских (III—I вв. до н. э.), амфор с двухствольными ручками (III—II вв. до н. э.). Много здесь и амфор из коричневой глины III—I вв. до н. э., относящихся к местной греческой продукции, хорошо уже известной по находкам в окрестностях Диоскуриады и других восточнопричерноморских античных центров. На тех же поселениях найдено довольно много краснолаковых сосудов: фрагменты блюд рубежа н. э., канфары II—I вв. до н. э. Интересны также синопские чаши-лутерии IV—III вв. до н. э., красноглиняные амфориски, светлоглиняные рожки, кувшины с двухствольными

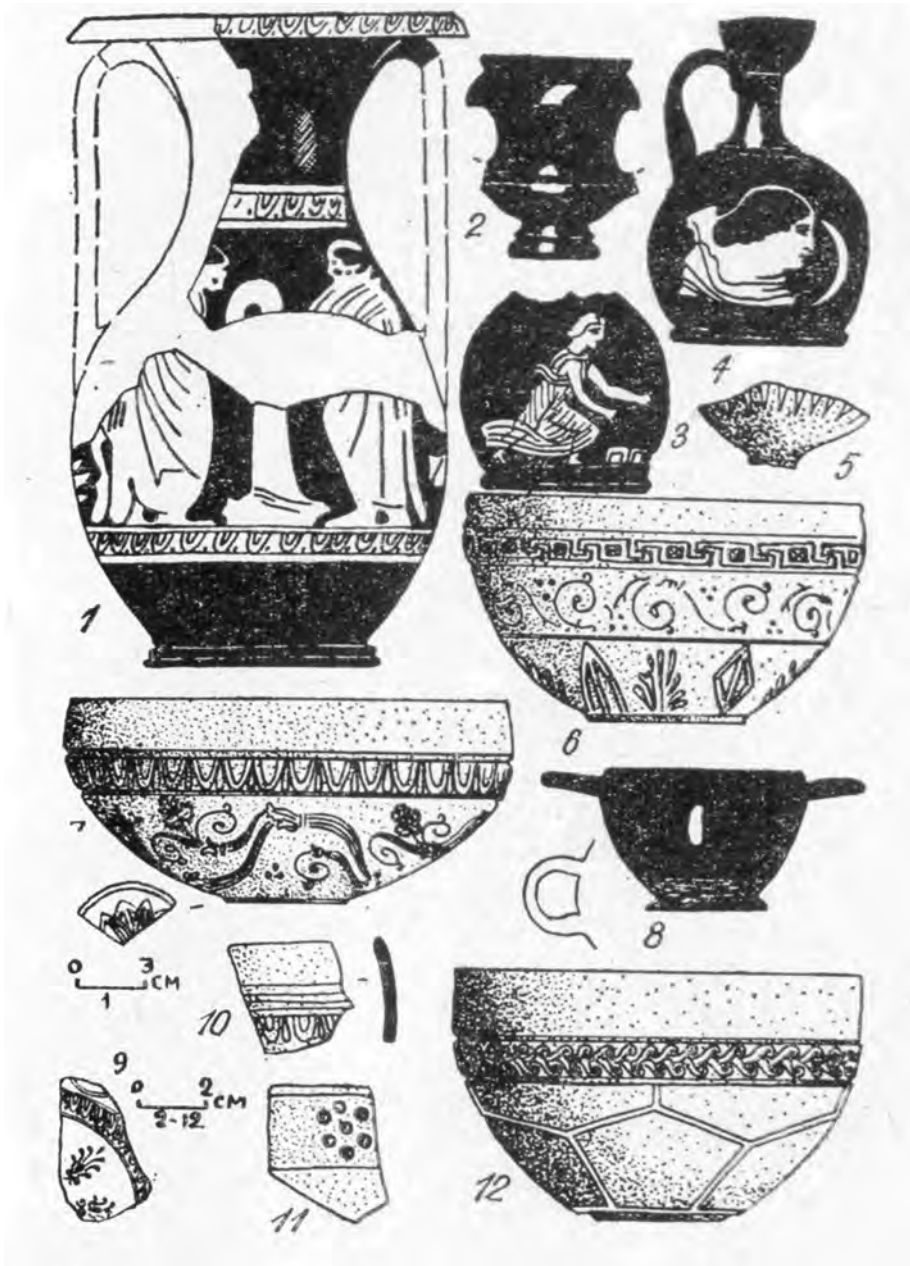

Рис. 29. Чернолаковая (1—4, 7, 10—12) и краснолаковая (5, 6, 11) керамика с поселений на Мамайке (1, 4, 6—12), и Псоу-1 (5)

ручками, обломки «колхидских» пифосов. К привозным изделиям относятся бронзовый посеребренный аттический шлем и бусы, найденные в погребении в селе Богушевка. Деньги появились на рассматриваемой территории, как и вообще в Причерноморье, вместе с греческими колонистами. Едва ли не самой древней здесь является серебряная колхидка, отчеканенная на монетном дворе одной из восточнопричерноморских греческих колоний. Хорошо представлены монеты Ольвии (IV в. до н. э.), Пантикапея (III в. до н. э.), Фанагории (II в. до н. э.), серебряные римские республиканские монеты (II—I вв. до н. э.), золотой статер Лисимаха (III—II вв. до н. э.), монеты Амиса и Амасии времени Митридата IV. Преобладание боспорских монет свидетельствует, наряду с вышеописанными материалами, о том, что рассматриваемая территория входила в сферу экономических интересов и влияний в первую очередь Боспора, хотя достаточно сильным было и колхидское влияние.

Видное место в хозяйстве гениохов занимало по-прежнему довольно примитивное, главным образом мотыжное земледелие, на которое указывает Страбон, говоря, что «они... живут, обрабатывая скудную почву». Важную роль играли скотоводство и охота, о чем тот же автор сообщает: «Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаюсь... звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком». Отмечаются различные ремесла, носившие придомный характер: гончарное производство, прядение и ткачество, кузнечное дело, обработка кожи.

Древнее население окрестностей Сочи имело тесные связи и со скифо-сарматским миром, что прослеживается в формах мечей, наконечников копий, топоров. Интересны и сведения античных литературных источников, согласно которым гениохи и близкие им племена были тесно связаны со скифами. Так, Аппиан упоминает гениохов и ахейцев, живущих «в Скифии». У другого автора гениохи фигурируют как «племя приморской Скифии».

Значительное число племенных образований в Восточном Причерноморье является следствием господства здесь первобытно-общинных отношений и присущей им политической раздробленности. Подтверждением этому служат и нелестные отзывы об облике отдельных гениохийских племен. Аристотель сообщает, что ахейцы и гениохи склонны к убийству и людоедству и ведут разбойничий образ жизни. В произведениях Сенеки упоминается «гениох, живущий на крутой скале негостеприимного Кавказа». Дикими и необразованными называет гениохов Помпоний Мела, «свирепых гениохов» упоминает Бальб и т. д.

Интересные сведения о структуре гениохийских племен сообщает Страбон: «Они находятся под властью так называемых скиптродержцев, которые в свою очередь подчинены тиранам и царям... у гениохов было четыре царя». Под этими «царями» подразумеваются племенные вожди, а под «скиптродержцами» — родовые старейшины, объединявшиеся в совет при племенном вожде. Известны два имени гениохийских вождей: в одном античном источнике

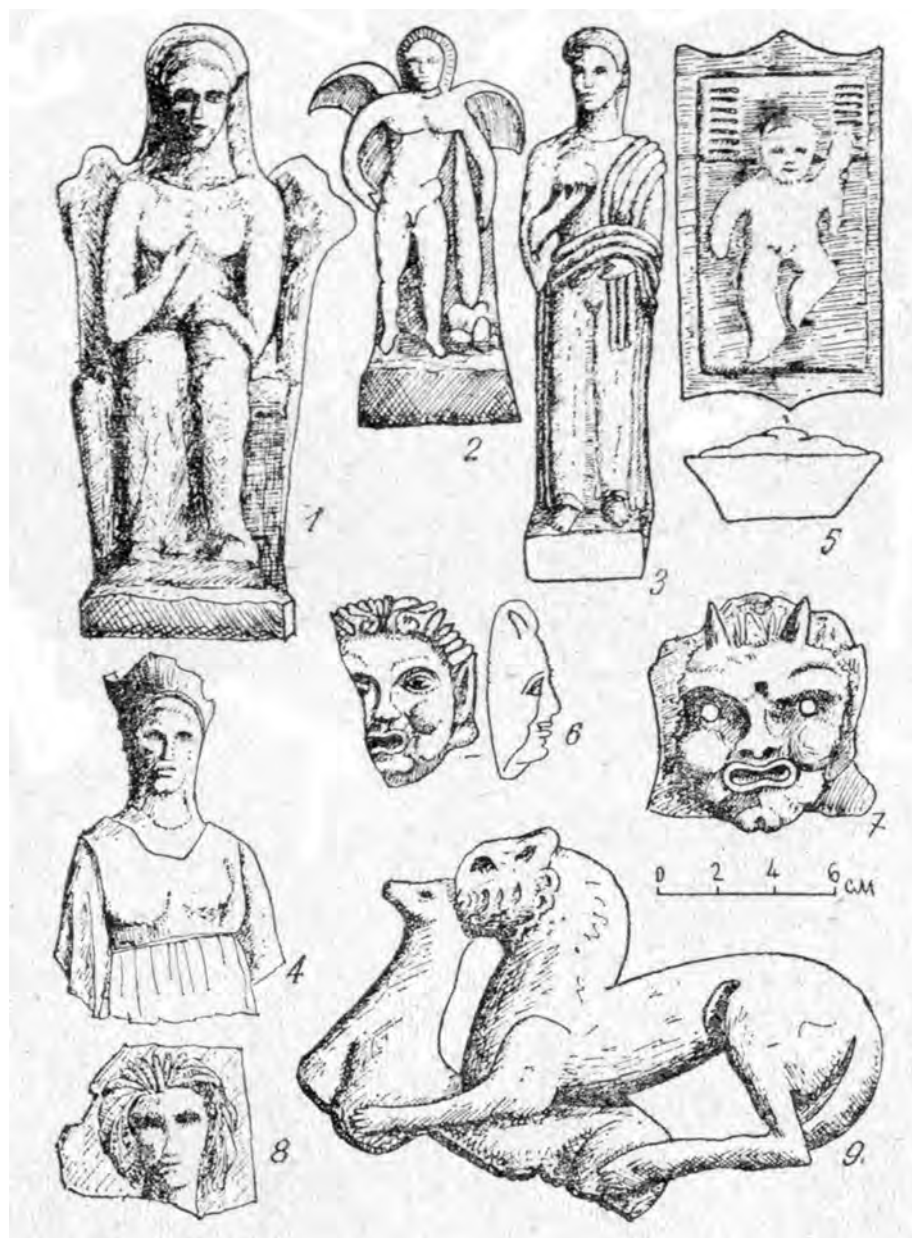

Рис. 30. Терракотовые статуэтки Деметры (1, 3) и других божеств (2, 4, 8), изображение, маленького Геракла в колыбели (5), маски (6,7) и другие изделия V—I вв. до н. э. из Сочи и его окрестностей

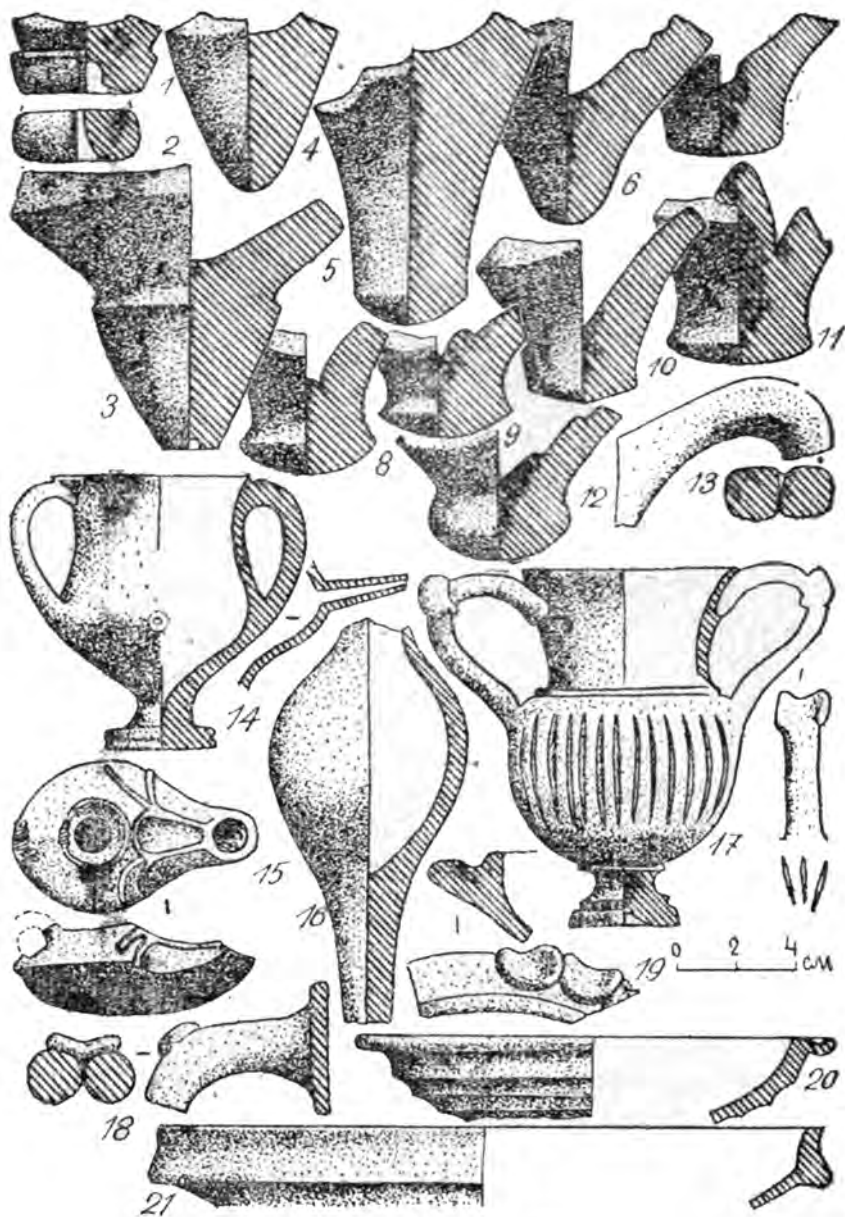

Рис. 31. Доньшки амфор (1 — 12) и амфорная ручка (13), «рожок» (14), светильник (15), амфориск (16), канфар (17), ручка кувшина (18), фрагмент лутерия (19), краснолаковые тарелки (20, 21) с поселений VI—I вв. до н. э. — Псоу-1 (1, 2, 7, 11, 16—21), Нижнешиловское (4), Псоу-3 (13), в с. Веселое (3, 5, 6, 8—10, 12), с. Аибга (14), Мамайка (15)

Рис. 32. Импортный сосуд из окрестностей г. Сочи.

упоминается Гирпак, унаследовавший «престол Гениоха», в другом «вождь гениохов и аланов» Анавсий. Свидетельства античных авторов позволяют определить общественный строй гениохийских племен как военно-демократический. Отдельные племена могли вести друг с другом войны и были вполне самостоятельны в смысле внешних сношений. Так, Псевдо-Арриан сообщал, что ахейцы находились во вражде с керкетами, а Страбон утверждал, что зиги враждовали с гениохами.

Военно-демократический характер социальной организации гениохов особенно ярко проявил себя в событиях конца II — первой половины I вв. до н. э., связанных с войной Митридата IV Евпатора с Римом. Степень зависимости различных гениохийских племен от Понтийского царства постоянно менялась. Так, после событий 83 г. до н. э. гениохи пользовались относительной самостоятельностью. В 79 г. до н. э., по сообщению Аппиана, Митридат вел активные военные действия против «ахейцев... и, потеряв две трети войска в сражениях от мороза и засад, возвратился назад». В 74 г. до н. э. гениохи уже выступают союзниками Митридата против Рима. Перезимовав

в 66 г. до н. э. в Диоскуриаде (современный Сухум), Митридат затем «прошел через землю гениохов, дружески принявших его, ахейцев же обратил в бегство и преследовал». У Страбона можно прочесть, однако, что в этот момент Митридат пользовался и поддержкой ахейцев, но отказался от «путешествия через страну зихов... вследствие ее суровости и трудности пути». Отряды гениохов участвовали в войнах Митридата с Помпеем, который после победы «совершил триумф над многими народами Понта», в том числе и над гениохами. Римский историк Патеркул сообщает, что Помпей, победоносно пройдя «Мидию, Албанию и Иберию, затем повернул свое войско против тех народов, которые живут вправо от отдаленнейшего угла Понта, — колхов, гениохов и ахеев». О проникновении к гениохам Помпея «с удивительной удачей» сообщает С. Аврелий Виктор. Лукиан же вкладывает в уста Помпея следующие слова: «Север видал мои победы до ледяных вод Фасиса... меня узнали... воинственные гениохи». Согласно Амвросию, римской власти в этот период были

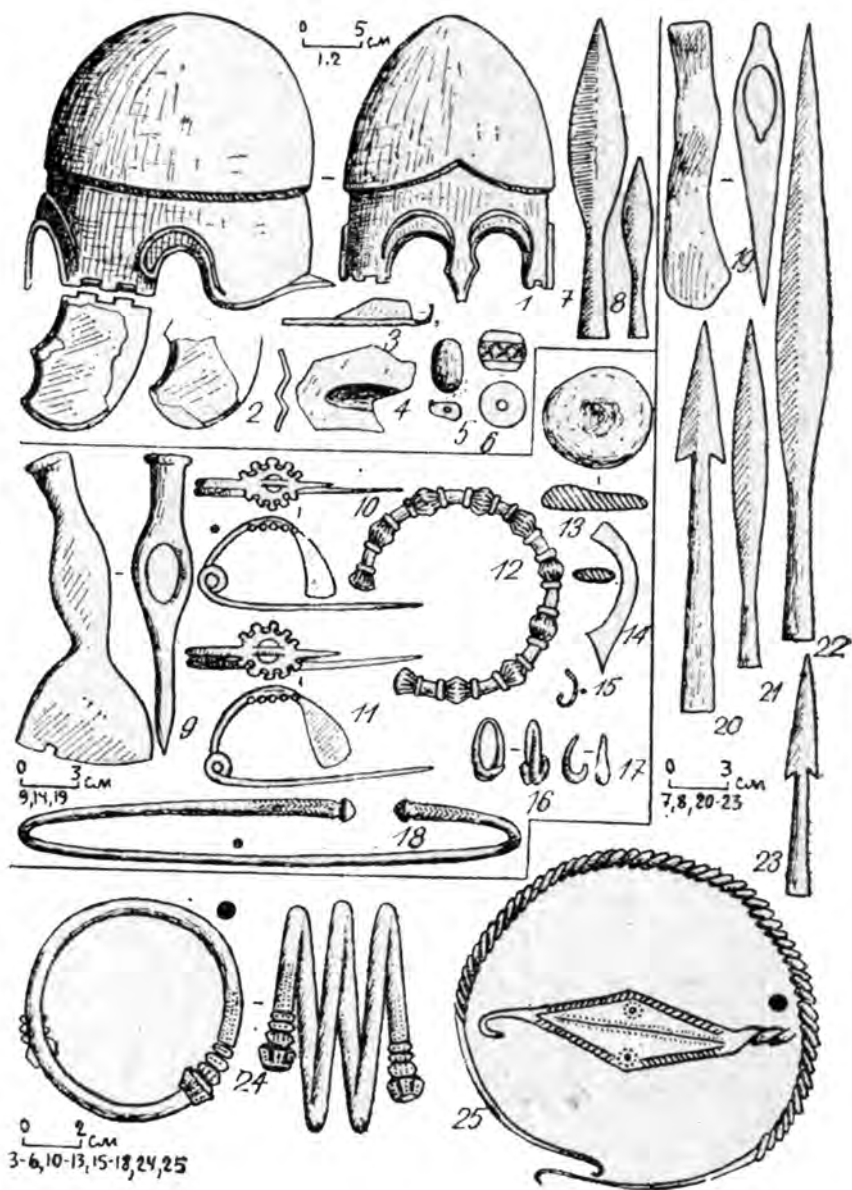

Рис. 33. Инвентарь погребений эпохи греческой колонизации из Богушевки (1—8) и Соболевки (9—18), случайные находки того же времени из окрестностей Сочи (19—25) — бронзовые шлем (1, 2), фибулы (10, 11), браслеты (12, 24), шейная гривна (18), диадема (25), височные подвески (15—17), слиток (13), железные обломки (3, 4), наконечники копий (7, 8, 21, 22) и дротиков (20, 23), топоры (9, 19), янтарная (5) и пастовая (6) бусины и обломок ручки глиняного сосуда (14)

подчинены «Азия, Понт, инииохи, скифы-кочевники...» Таким образом, гениохийские племена представляли собой довольно значительную силу, с которой Помпею пришлось считаться при попытке преследовать Митридата.

Большое число изделий, характеризующих основной генетической стержень материальной культуры местных племен, указывает на ее тесную связь с более восточными районами Причерноморья. Об этой связи говорят фибулы, браслеты с утолщениями, шейные гривны, бронзовый витой головной обруч с ромбовидными пластинчатыми концами, украшенными гравировкой и др. Эти и другие факты указывают на тесное этно-культурное единство гениохийских племен, обитавших на территории г. Сочи, современной Абхазии и Центральной Колхиды.

Следы римлян и санигов

В 137 г. н. э. римскую крепость Себастополис, возникшую незадолго до этого на месте современного Сухуми, посетил известный полководец Флавий Арриан. В своем письме римскому императору Адриану он дал описание и побережья в окрестностях Сочи, где в то время были зафиксированы реки Абаск, Воргий, Нисий, Гераклов мыс, река Масаитика, река Ахеунта, вдоль которой проходила граница между санигами и зилхами (зигами), и еще один Гераклов мыс. В V в. н. э. этот список смотрелся уже несколько иначе: река Абаск, служившая юго-восточной границей санигов, река Брухонт, она же и Мизиг, река Несис (в районе ее упоминается Гераклеийский мыс, называемый теперь еще и Пикситом), затем реки Масетика и Ахеунта, которая «доступна для судов» и вдоль которой проходила граница между санигами и зихами, дальше Гераклеийский, или Пустынный мыс, в окрестностях которого «находится укрепление Бага». При сопоставлении расстояний, приводимых древними авторами, с соответствующим положением перечисленных пунктов может быть предложена следующая расшифровка местных географических названий позднеантичного времени.

Река Воргий-Врухонт-Мизиг вероятнее всего может быть сопоставлена с современной Мзымтой. В этом случае название Абаск может относиться к современной реке Псоу (или Хашупсе). Аналогичный последнему вывод напрашивается и при рассмотрении взаимоположения этой реки с также упоминаемой позднеантичными источниками к востоку от нее Нитикой (современная Гагра). Река Ахеунта, о которой Псевдо-Арриан упоминает как о доступной для судов, сопоставляется с современной рекой Шахэ. В этом случае второй Гераклеийский мыс совпадает с районом к югу от современного Лазаревского, а следовательно, укрепление Бага совмещается с описываемой ниже крепостью на реке Годлик, что позволяет датировать основание крепости рубежом IV—V вв. н. э. Река Масаитика-Масетика в своей основе сближается

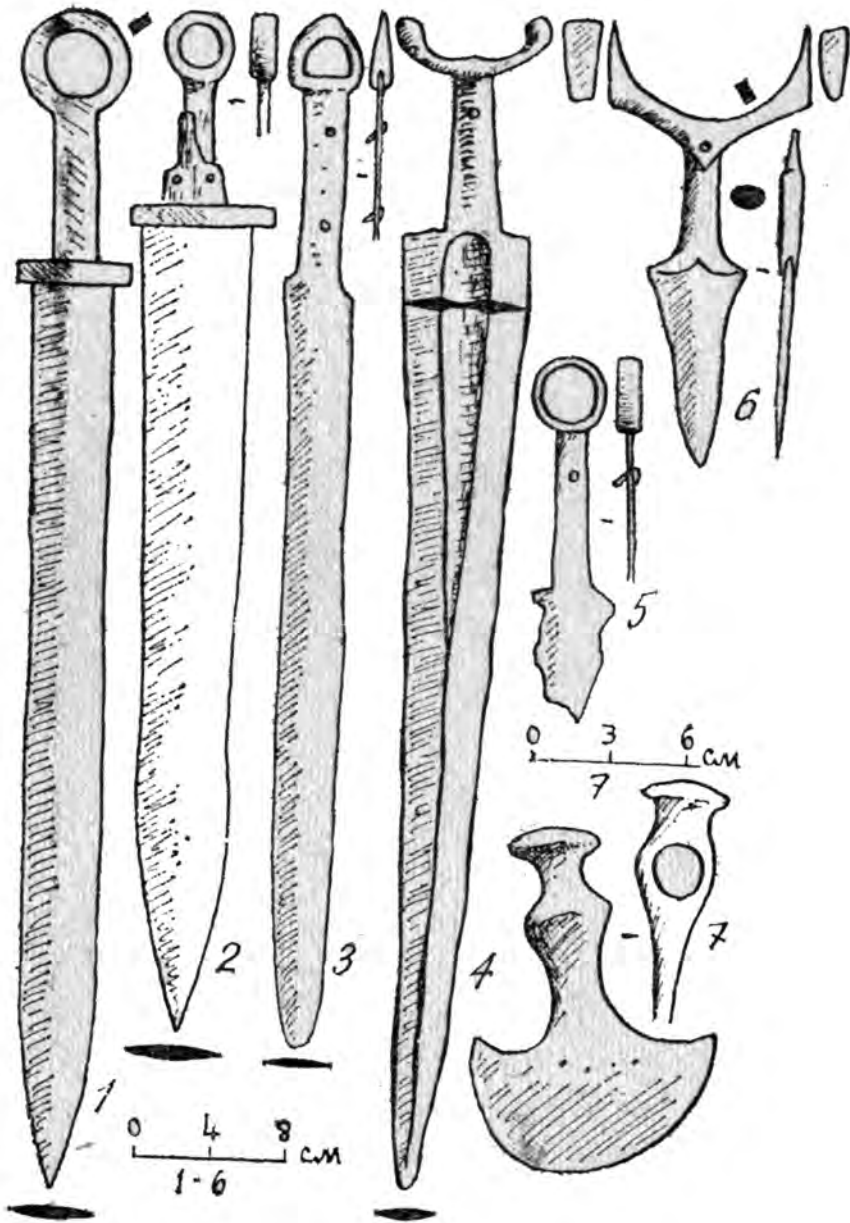

Рис. 34. Железные мечи (1—5), кинжал (6) и топор (7)
из окрестностей Сочи (1—3), (5—7) и из Красной Поляны (4)

с современным топонимом Мацеста, однако последний пункт, если точно следовать античным источникам, не совсем подходит для такого сопоставления из-за своей значительной удаленности от реки Шахэ.

Как было отмечено, большая часть территории в окрестностях современного Сочи в I—VI вв. н. э. занимали племена санигов, которые прежде входили в конгломерат гениохийских племен. Следует еще раз подчеркнуть, что если, согласно Арриану, саниги занимали во II в. н. э. территорию от Севастополиса до реки Ахеунты (современная Шахе), то в V в. н. э. эта территория значительно сузилась: саниги упоминаются лишь на территории между реками Ахеунтой и Абаском (современные Псоу, или Хашупсе). В то же время вся территория северо-западнее Сухуми уже связывается с древнеабхазским племенем абасгов, которые, по-видимому, с самого начала являлись органической частью санигов. Об этом же говорят и элементы местной материальной культуры (браслеты, фибулы, керамика, оружие), не проявляющие в позднеантичный период никакой существенной разницы по обе стороны реки Псоу.

Памятники, характеризующие позднеантичный период (I—V вв. н. э.), в окрестностях Сочи представлены развалинами римско-византийских укреплений, несколькими яркими погребальными комплексами (Лоо, Мацеста, Красная Поляна) и отдельными находками. Каких-либо конкретных данных о поселениях санигов этого времени пока не имеется.

Особый интерес представляет женское захоронение, найденное в Лоо. При погребенной находились двуручные серебряные рельефно орнаментированные сосуды, бусы из янтаря, пять крупных бусин из гагата вытянутой формы в золотой украшенной зернью оправе. С высоким мастерством изготовлены три пластинчатых золотых украшения, объединенных общими чертами: филигранью, зернью, инкрустацией разноцветными вставками, изображениями животных и птиц, оформлением оправ зубчиками, плетеными цепочками с грузиками — круглыми пластинами, трехлепестковыми листочками и т. д. Здесь же обнаружены две разнотипные, выполненные в аналогичной манере серьги, игольник и флакон для благовоний, золотые подвески-лунницы, перстень с печаткой-геммой, изображающей женскую голову, свыше 200 золотых мелких пуговок, нашивных блях, бусин, покрытых зернью, стеклянный сосуд, серебряная фибула и другие предметы.

Большинство перечисленных золотых изделий из погребения в Лоо в своих основных чертах сближается с изделиями боспорских мастерских начала н. э., представлявших особую смесь антично-сарматских форм.

Большой интерес вызывает стеклянный кубок, нижняя часть тулова которого украшена листообразным орнаментом, а над ним — греческая надпись. Подобные чаши использовались в качестве парадной ритуальной утвари, а время их производства определяется I—первой половиной II в. н. э. Сосуд этот является ярким свидетельством коммерческих связей Северо-Восточного Причерноморья со Средиземноморьем (вероятно, Александрия),

откуда он был завезен в Лоо, по-видимому, через Горгиппию — крупный северо-причерноморский центр в первые века н. э.

Основное значение при датировке погребения в Лоо должно придаваться серебряной застежке-фибуле, украшенной декоративными проволочными спиральками. Такие фибулы получили распространение в Восточном Причерноморье в III в. н. э.

Другой достаточно яркий погребальный комплекс доследован в 1966 г. на Мацесте. Инвентарь погребения включал длинный железный меч с навершием, глиняный кувшин, стеклянный сосуд, бронзовую фибулу, серебряный канфаровидный сосуд с многосюжетным изображением на облицовывающей корпус пластине, три серебряные монеты, чеканенные в Риме и в Кесарии Каппадокийской в период правления императора Траяна (98—117 гг. н. э.), кости животного. Дата погребения определяется фибулой, характерной для III в. н. э. Таким образом, облик представителя местной родоплеменной верхушки, к которой, вероятно, относится мацестинский воин, был в это время вполне античным.

Интересны и погребения, разрушенные при рытье траншеи в 1942 г. на северо-восточной окраине Красной Поляны, у развилки дорог к «охотничьему домику» и в село Эстосадок. Здесь на глубине 1, 1 м было обнаружено дно обложенной довольно крупными камнями могильной ямы, где находились остатки костяка головой на юго-восток. В погребении выявлены полуистлевший обоюдоострый меч с навершием в виде многогранной хрустальной бусины, три железных наконечника копий и нож, железный боевой топор «цебельдинского» типа. В ногах лежал позолоченный бронзовый умбон (центральная часть щита) со спиралевидно оформленным шишаком, в головах — серебряное блюдо с изображением персидского вельможи, охотящегося на медведей.

Рядом с блюдом находились три серебряные, по-видимому, кесарийского чекана монеты, одна из которых принадлежала императору Адриану (121—122 гг. н. э.).

Упомянутое блюдо относится к наиболее ранним памятникам времени царствования иранского шахан-шаха Шапура I (243—273 гг. н. э.). В однострочной надписи, сохранившейся на обороте, говорится о том, что первоначально это блюдо принадлежало Варахрану, царю Кермена, и было, следовательно, изготовлено в 262—274 гг. н. э. Время же самого захоронения, несмотря на наличие ряда ранних предметов (монеты, блюдо), должно определяться не ранее IV в. н. э. В настоящее время краснополянское блюдо хранится в Абхазском государственном музее, а остальной инвентарь захоронения находится в фондах Сочинского музея краеведения.

В той же краснополянской траншее, но, видимо, в другом захоронении был найден серебряный кувшин. Верхняя плоскость пригорловой части его ручки украшена гравированным изображением голов хищных животных. По своей форме этот сосуд восходит к соответствующим итальянским изделиям начала н. э.

Рис. 35. Погребение из Лоо. Золотые флакон (1), игольник (2), бусина (3), подвески (4—6), перстень (8) с изображением (8а), стеклянный сосуд (7) и гешировая бусина в золотой оправе (9)

Вблизи упомянутой траншеи на кочевках в одном из погребений найдено два железных наконечника копий и одноручный кувшин с воронковидным венчиком, орнаментированный многорядными волнами. Судя по этим признакам, кувшин был изготовлен в соседней Апсилии (Цебельда) и датируется IV в. н. э. Из другого погребения происходят темноглиняный кувшинчик и два бронзовых браслета, относящиеся к V—VI вв. н. э.

Среди других находок в окрестностях Сочи очень интересен бронзовый, со следами позолоты, ковш с великолепной ручкой, украшенной двумя головками лебедей и орнаментом. На днище его изнутри в центре нанесена пунктирная полоска. Ковш этот принадлежит к достаточно распространенному типу южно-италийских изделий, а четкость моделировки лебединых головок позволяет отнести его ко времени правления императора Августа (начало I в. н. э.). Поскольку ковш был найден в Воронцовской пещере, последняя, судя по всему, и в позднеантичный период продолжала играть роль «караван-сарая», когда по-прежнему из района Сочи кратчайший и наиболее удобный путь в обход теснины Ахцу на Красную Поляну проходил через село Воронцовку.

Отдельные находки, относящиеся к рассматриваемому времени, включают такие изделия из бронзы, как браслеты III—IV вв. н. э., фибулы III в. н. э., ключ от римской шкатулки, зеркальце со знаком боспорского царя Ининфимея (III в. н. э.) и другое зеркальце из белого металла, принадлежавшее типу, широко распространенному во II в. н. э.

Браслеты с призматическими утолщениями, серия удил с разнотипными железными или бронзовыми поперечинами-псалиями, серебряные пластинчатые пояса и части конской упряжи, фрагменты пряжек и фибул, железные наконечники копий характеризуют заключительный этап периода (V—VII вв.).

В устье реки Мамайки до сих пор видны остатки угловой башни, которая принадлежала укреплению, хорошо сохранившемуся еще в конце XIX в. О принадлежности этой крепости римлянам говорят характерные для римских укреплений прямоугольный план и форма башен, структура кладки из хорошо отесанных блоков, тяготение всего сооружения к морю. Как полагают, крепость впервые упоминается в римских источниках под именем Мохоры.

К северу от Мамай-кале Псевдо-Арриан в V в. н. э. упоминает крепость Багу, которая, вероятно, может быть сопоставлена с укреплением, находящимся к юго-востоку от Лазаревского, на самом берегу моря (Чемитоквадже). Крепость расположена на береговой возвышенной (20—25 м над уровнем моря) террасе, на левом берегу реки Годлик. Она имеет треугольную в плане форму, следуя в этом условиям местности. Общая длина стен по периметру более 700 м, а их толщина достигает 2 м. Вдоль обрыва к морю стены давно рухнули вниз. Хорошо сохранились башни: по три в северной и юго-восточной стенах. Башня № 6 выступала наружу на 6 м и углублялась внутрь защищенной территории на 4 м. Она перегорожена стеной толщиной до 1 м, в которой находился узкий проход, соединявший образованные этой перегородкой помещения.

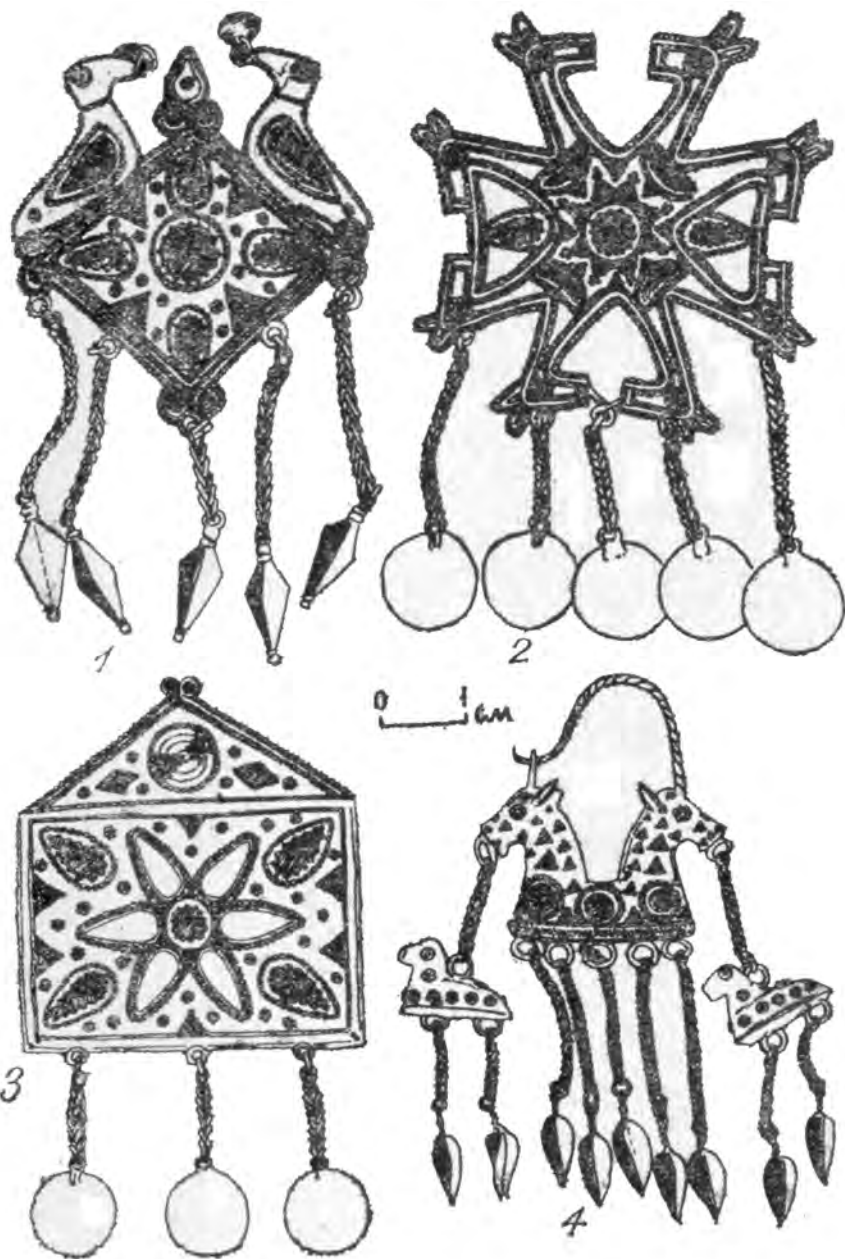

Рис. 36. Погребение из Лоо. Золотые подвески (1—3) и серьга (4)

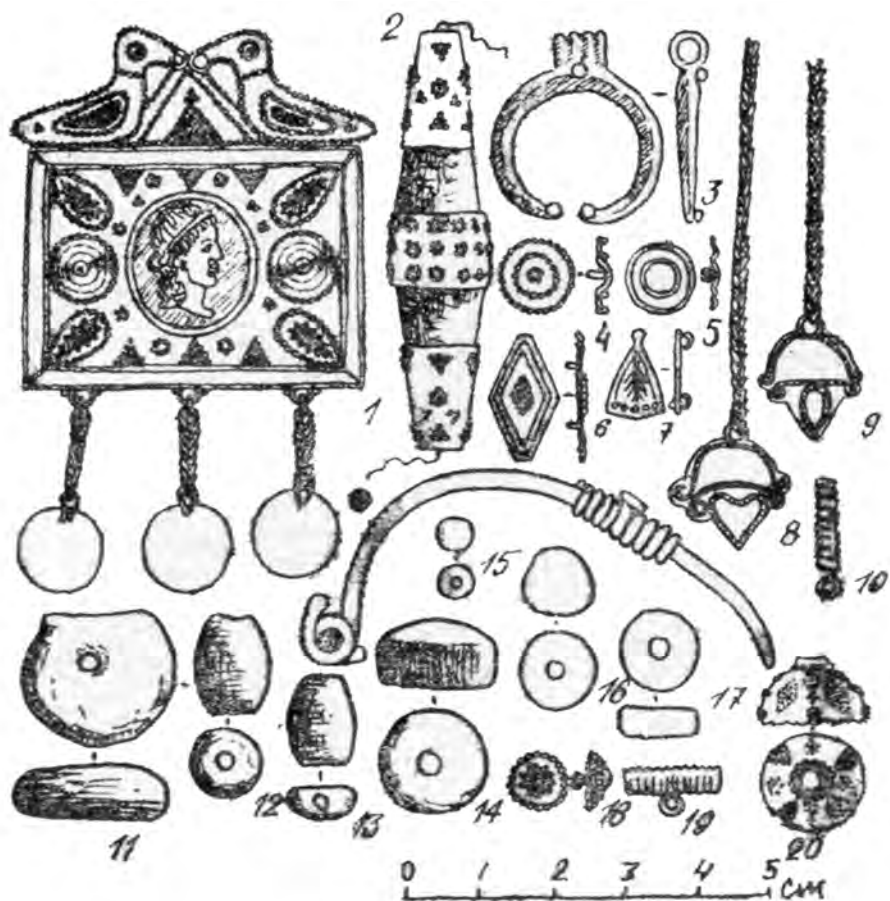

Рис. 37. Погребение из Лоо. Золотые серьга (1), подвески (3, 8, 9), нашивки (4—7, 18), пронизи (10, 19), бусина (20), серебряная фибула (21), янтарные (11 — 14) и сердоликовые (15—17) бусины

«Сдвоенные» башни близкой конструкции характеризовали римско-византийские укрепления и в других районах (например, крепость Сучидава в Румынии). Стены и башни сложены из тщательно подобранных и подтесанных плит песчаника и сланца, включенных в панцирь стен попеременно с крупными блоками серого известняка. Ряды этих блоков в панцире куртин — промежутков между башнями выдержаны неаккуратно, в стенах же башен они более четки и проявляют сходство с кладкой башен крепости Мамай-кале. Толща стен образована забутовкой из горизонтально брошенных в раствор булыг. Раствор имеет значительную примесь песка и мелкого отборного гравия. Подъемный материал с территории крепости включает обломки пифосов, кувшинов, мисок и других глиняных изделий, по своему облику относящихся к V—VIII вв.

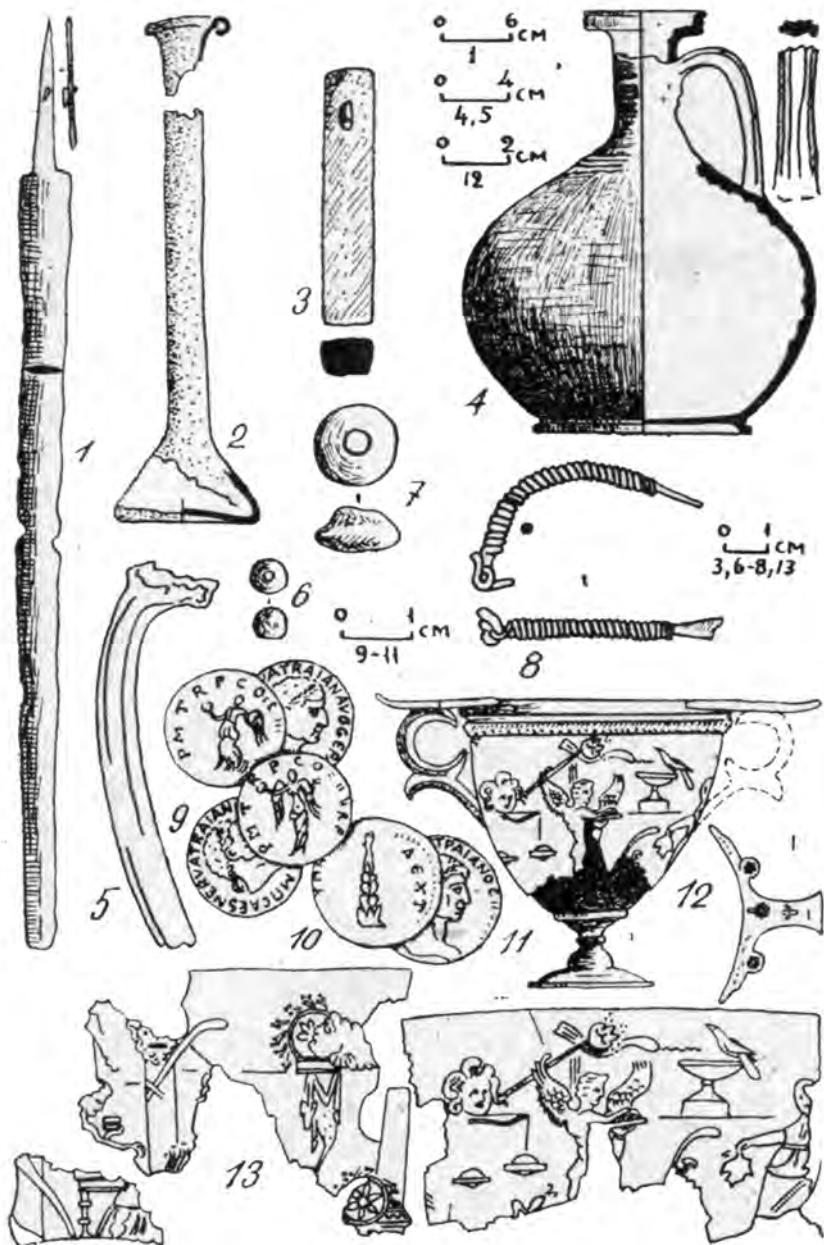

Рис. 38. Инвентарь погребения из Мацесты — железный меч (1), стеклянный сосуд (2), каменный оселок (3) и навершие (7), глиняный кувшин (4), кость животного (5), пастовая бусина (6), бронзовая фибула (8), серебряные монеты (9—11) и кубок (12, 13)

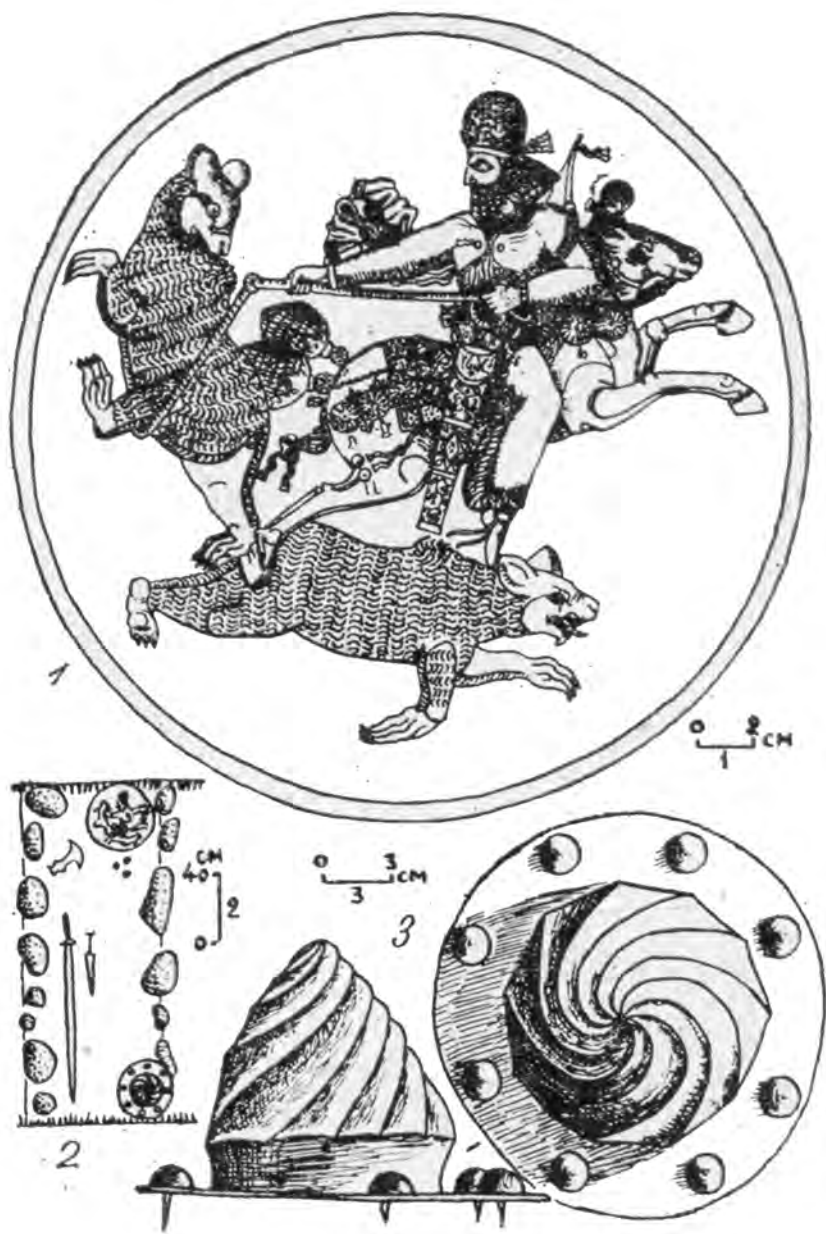

Рис 39. Серебряное сасанидское блюдо (1), план погребения в Красной Поляне (2) и бронзовый позолоченный умбон (3) оттуда же.

Сведения о хозяйстве племен, населявших район Сочи в позднеантичное время, еще очень скудны. До нас не дошло пока ни одного сельскохозяйственного орудия. Следует, однако, полагать, что характер земледелия по сравнению с прежним изменился мало: почву обрабатывали железными мотыгами, хотя не исключено и использование плуга. В конце периода осваиваются высокогорные пастбища, развиваются различные ремесла: производство оружия, керамики, украшений. О тесных торгово-экономических и культурных связях, главным образом с Римом и Боспором, говорят многочисленные привозные изделия: золотые, серебряные и бронзовые предметы, монеты, керамика. По-прежнему сохранял свое значение старинный перевальный путь, шедший с побережья через село Воронцовку в обход теснины Ахцу на Красную Поляну и далее на Северный Кавказ. Кувшин из Красной Поляны говорит о реальных связях с племенами, населявшими территорию современной Абхазии. Через территорию или вдоль берегов последней, возможно, попало в Красную Поляну и серебряное сасанидское блюдо, преодолевшее дальний путь из южного Ирана. Местная родоплеменная верхушка и рядовые дружинники широко пользовались различными изделиями античного происхождения (ковши, кувшины, кубки, щиты, украшения). В то же время отдельные изделия, например мечи, изготовлены по сарматским образцам.

Социальная организация населения в позднеантичный период все еще носила военно-демократический характер. Вместе с тем отмечается обособление отдельных представителей родоплеменной верхушки, накапливавших богатства в виде драгоценных изделий, в то время как параллельно фиксируются погребения с достаточно скудным инвентарем, принадлежавшие рядовым дружинникам и членам их семей. Во II в. н. э., согласно данным уже упомянутого римского полководца и историка Флавия Арриана, рассматриваемую территорию занимали саниги, у которых «царем» был некий Спатаг. Причем если из этого источника следует, что саниги простирались на юго-восток вплоть до Себастополиса, то в V в. по сообщениям Псевдо-Арриана и византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского, саниги занимают уже исключительно район современного Сочи. Упомянутый «царь» Спатаг, возможно был объединителем племен гениохов. Однако вскоре этот союз распался, выделив из своей среды в первую очередь абасгов, зигов и санигов, во II в. н. э. уже выступавших как самостоятельные племенные образования.

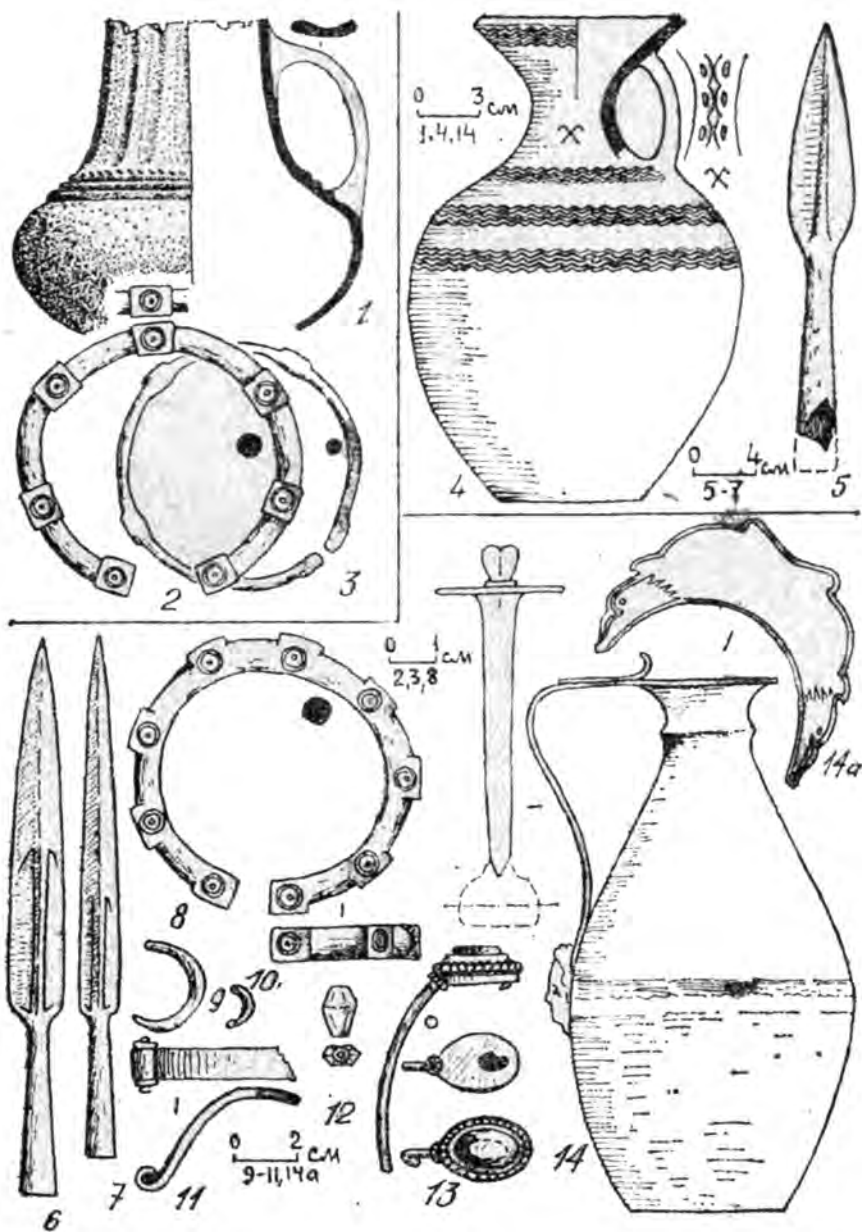

Рис. 40. Инвентарь погребений из Красной Поляны (1—6, 9—14), из окрестностей Сочи (7) и из ущелья р. Лауры (8) — глиняные кувшины (1, 4), бронзовые браслеты (2, 3, 8), фибула (11) и обломки пряжек (9, 10), железные наконечники копий (5—7), бусина из синего стекла (12), обломок золотой шейной гривны с сердоликом (13) и серебряный кувшин (14)

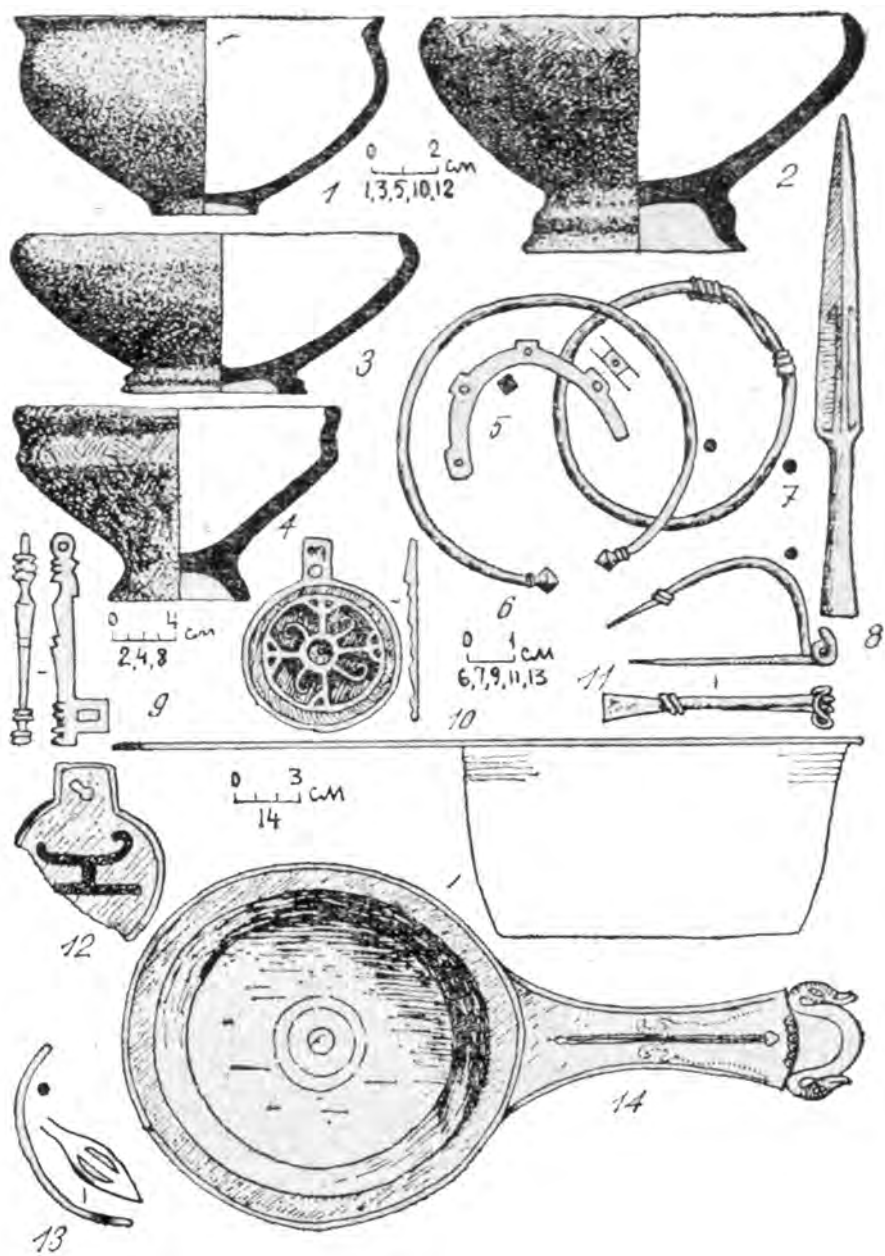

Рис. 41. Керамические изделия (1—4), бронзовые браслеты (5—7, 13), ключ (9), зеркало (12), фибула (11), ковш (14), зеркало из светлого металла (10) из с. Веселого (1—4), из окрестностей Сочи (5—13) и из Воронцовской пещеры (14)

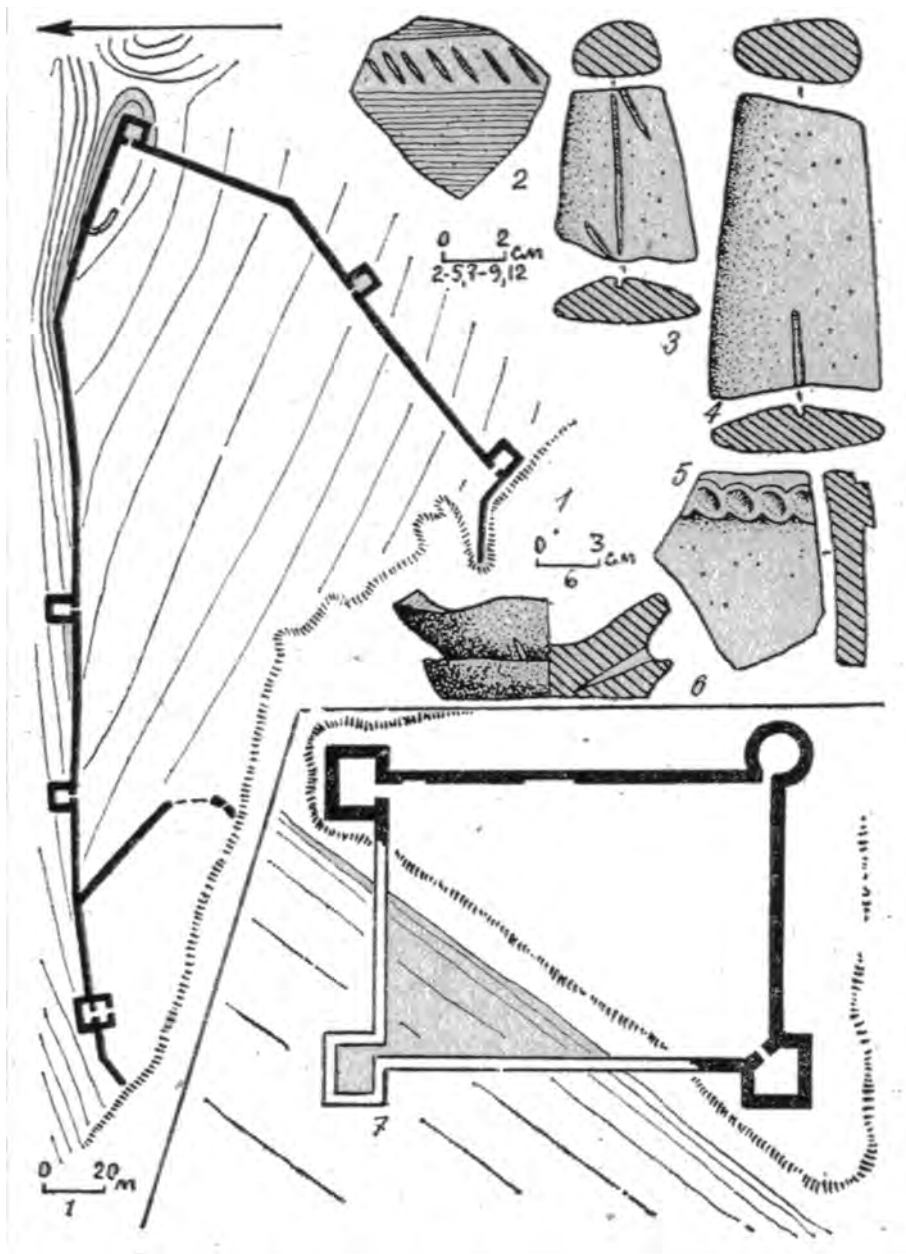

Рис. 42. Планы крепостей на р. Годлик (1) и на Мамайке (7) и фрагменты керамики из верхнего культурного слоя Годликской крепости (2—6)

Глава IV. Средневековая эпоха

В составе Абхазского царства

Раннесредневековая эпоха (VII—X вв.) в окрестностях Сочи представлена довольно значительным числом поселений и городищ, крепостей и храмов, могильников и ремесленных центров. Особого расцвета в раннем средневековье достигло местное оборонительное зодчество, представленное в окрестностях Сочи десятками городищ и крепостей. Городища формировались на основе позднее окруженных оборонительными стенами поселений. На них еще и сегодня видны остатки различных жилых и культовых зданий. Крепости возникали на стратегически выгодных возвышенностях, на заселенных или необжитых прежде местах.

Планировка раннесредневековых укреплений района г. Сочи тесно связана с условиями местности. При сооружении стен почву снимали до скальной основы, в которой на склонах высекали ступень, служившую опорой для основания фундамента. Особое распространение высекание такой ступени получило в горной зоне, для которой характерны мягкие сланцы, облегчавшие эту работу. Стены возводили постепенно узкими ярусами до общей высоты 5—6 м и, вероятно, изредка оформляли сверху зубцами (Хоста, Ачипсе). Кладку стен укреплений в приморской зоне и в горах вдоль важнейших стратегических дорог осуществляли с помощью каменных блоков с частичным соблюдением рядов в панцире и с забутовкой из ломаного камня на растворе с крупнозернистой примесью речного или морского песка и гравия. В отдельных случаях в кладке стен использовали кирпич, укладывавшийся многорядными поясами (Ачипсе). В горной зоне, где добыча и доставка извести была затруднена, а укрепления носили второстепенный характер (Бешенка, Куницыно, Дмитриевка), применяли нерегулярную облицовочную циклопическую кладку насухо.

Оборонительные линии укрепляли выступающими, как правило, наружу башнями и контрфорсами. На труднодоступных участках эти элементы имели прямоугольный план (Хоста, Аибга), либо реже треугольную или полукруглую

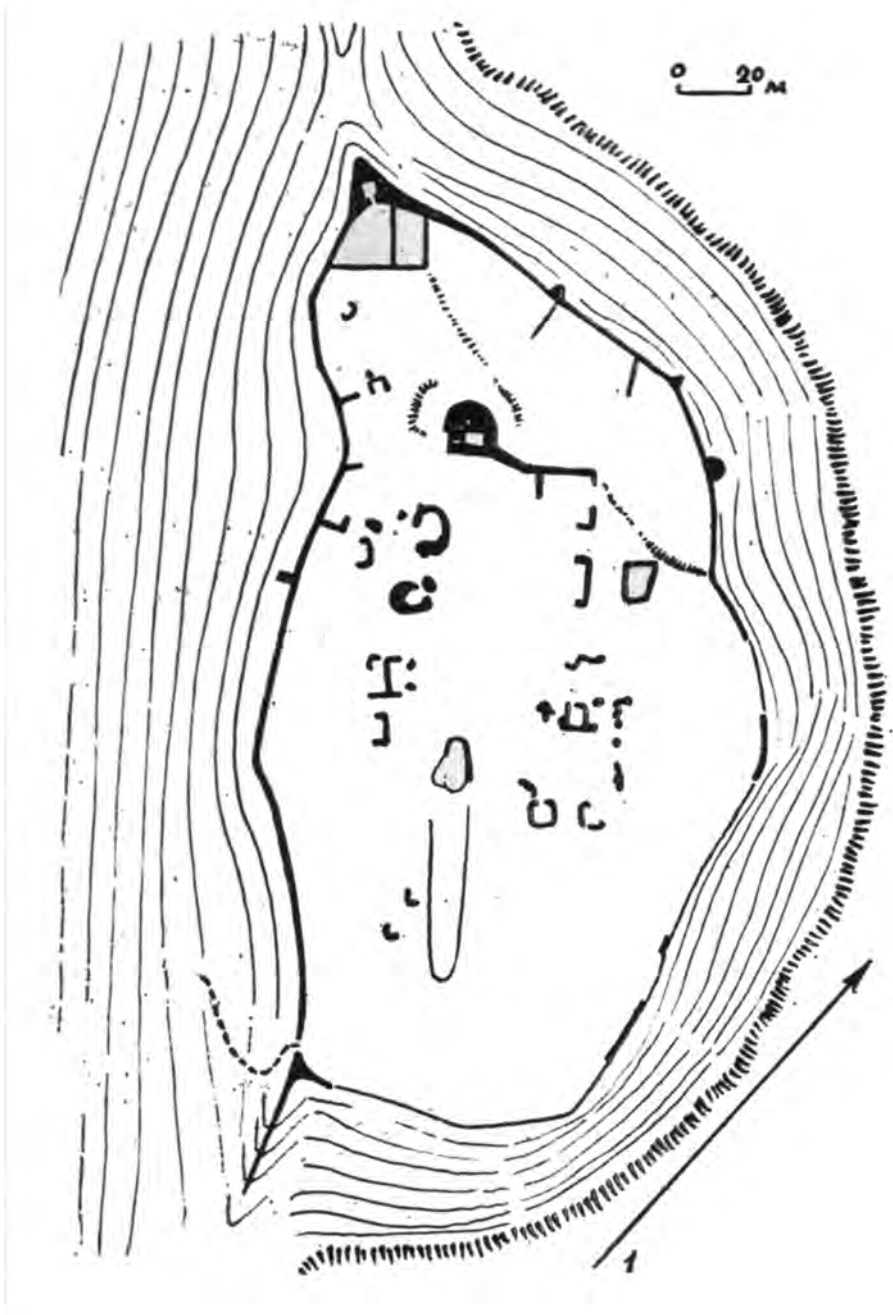

Рис. 43. План Ачипсинской крепости

в плане форму (Ачипсе, Пслух). Башни обычно имели два яруса с деревянными межэтажными перекрытиями и верхней боевой площадкой. Часто нижний этаж башен заполняли бутом, наращивая естественную возвышенность (Ачипсе, Пслух, Бешенка). Во второй этаж в этих случаях обычно попадали по приставной лестнице или прямо со стены. Этажи в башнях сообщались между собой через люки с помощью деревянных лестниц (Хоста). В стенах башен делали смотровые окна и бойницы.

Особое значение придавали оформлению крепостных ворот, которые отличались иногда значительными размерами, имели каменный порог, арочное перекрытие, массивное дощатое полотно и бревенчатый запор (Хоста, Ачипсе, Аибга). Башни и контрфорсы в районе ворот располагали обычно с тем расчетом, чтобы нападающие находились под обстрелом справа (Хоста, Аибга и др.).

Древние зодчие района г. Сочи использовали и другие виды оборонительных сооружений, в первую очередь рвы и валы перед воротами поперек перешейков, соединявших территорию укрепления с окружающей местностью (Хоста, Куницыно). Переход через рвы осуществляли, по-видимому, с помощью подъемных деревянных мостиков.

Помимо отмеченных общих черт, каждое из раннесредневековых укреплений отличалось и своими особенностями. Поэтому расскажем отдельно о нескольких наиболее характерных крепостях, имеющих самостоятельный интерес.

Крупнейшим городищем района является крепость, расположенная на гребне горы у впадения реки Ачипсе в Мзымту северо-восточнее Красной Поляны. Стены прослеживаются с юга на 260 м, с севера — на 350 м, с востока — на 80 м. Лучше всего стены сохранились в северной части крепости (высота угловой башни и прилегающих участков стены от 2 до 6 м) и в юго-восточном углу, где высота стен достигает 5 м. Западная башня имеет прямоугольную в плане форму и построена на естественной возвышенности с искусственной каменной «подушкой».

Южная стена имеет ряд брешей, образовавшихся, по-видимому, в результате какого-то сражения. Она укреплена в средней части прямоугольным контрфорсом. Основной участок стены возведен из ломаного местного камня на прочном растворе с большим количеством примесей мелкого сланцевого гравия и крупного песка, взятого из реки. В восточной части сохранились остатки ворот. Здесь в кладке эпизодически встречаются кирпичи. Профиль стены имеет снаружи ступенчатость: наибольшая ширина у фундамента, а выше стена сужается двумя уступами. Юго-восточный угол крепости представляет своеобразное сооружение, служившее цели подчеркнуть, выпятить рельеф, сделать его неприступным. В этом месте стена раздваивается: один луч продолжается по периметру крепости, а второй устремляется по гребню вниз почти на 50 м, препятствуя проникновению противника через гребень к наименее мощной восточной оборонительной линии, которая из-за действующих оползневых процессов в настоящее время почти полностью разрушена.

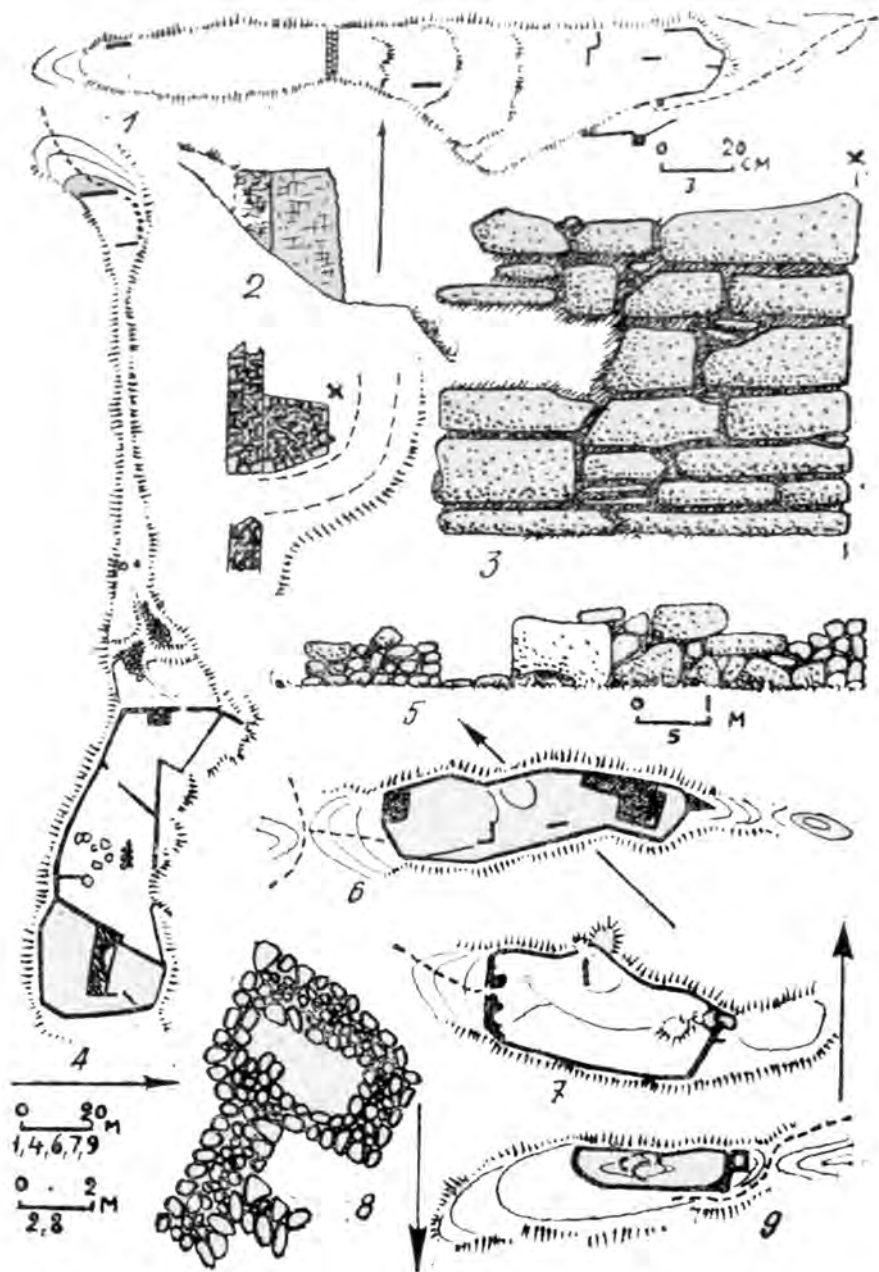

Рис. 44. Планы Аибгинской (1), Куницынской (4), Монашкинской-1 (7), Монашкинской-2 (6) и Бешенской (9) крепостей, схема входа (2) и деталь кладки облицовки контрфорса (3) Аибгинской крепости, деталь фасадной части и ворота Куницынской крепости (5), план башни крепости Монашкинская-1 (8)

Характерные строительные детали имеются в северной стене. Здесь на протяжении 160 м было сооружено три башнеобразных полукруглых и треугольных в плане контрфорса, в задачу которых входило поддержать стену над обрывом. Далее к востоку северная стена постепенно теряет свою мощность и местами вообще исчезает, что обусловлено в первую очередь оползнями в сторону ущелья реки Ачипсе.

Ширина огороженного стенами пространства в ряде мест превышает 100 м. Это почти ровное плато с двумя-тремя широкими ступенями к Ачипсе. На верхней ступени прослеживаются в большом количестве каменные фундаменты. Лишь один из них на естественном возвышении в 100 м от западной башни сложен из обработанного камня на известковом растворе и служит основанием значительного сооружения. В северо-восточном углу этого здания находится помещение размером 4,1х3,6 м. В южной стене сохранился узкий дверной проем. С севера к помещению примыкает массивная полукруглая пристройка, отделенная от внешней стены помещения сквозным каналом, выложенным кирпичом. Вдоль канала в толще стены помещения идет кирпичная кладка в три ряда. Размер кирпича 15х32х3 см. Канал был соединен с помещением узким проходом. Само помещение имело два яруса, отделенных когда-то друг от друга деревянным перекрытием, а теперь заполненных землей. При раскопках здесь было найдено большое число разрозненных человеческих костей и фрагментов глиняных кувшинов с росписью бурой краской. Это позволяет предполагать, что рассматриваемая постройка могла служить помещением для погребений, отражающих какой-то еще неизвестный языческий обряд.

Остальные развалы на территории крепости сложены из камня насухо без раствора и, вероятно, служили основанием для деревянных зданий. По всей площади, огороженной стенами, и за их пределами на склонах лежит большое количество обломков керамических изделий — пифосов, мисок, кувшинов, расписной керамики, пряслиц.

Здесь же найдены обломки стеклянных сосудов, а также отдельные железные изделия (топоры, нож и др.). Керамические и железные шлаки говорят о существовании на городище соответствующих производственных центров, а многочисленные кости животных свидетельствуют о развитом скотоводстве.

К несколько иному типу относится крепость, расположенная на окраине Красной Поляны, на правом берегу реки Бешенки, в 2 км от ее впадения в Мзымту. Остатки древней дороги приводят на перешеек с поперечным рвом, за которым возвышаются руины прямоугольной башни. В основании башни имеется массивная сложенная насухо «подушка», наращивавшая естественное возвышение. Общая высота башни над уровнем рва в настоящее время до 4 м. Внешняя стена ее сложена из огромных циклопических глыб. Крепость представляет в плане вытянутый прямоугольник размером 50х40 м, охватывающий площадку отрога хребта на высоте около 100-150 м над уровнем русла Бешенки. Стены сложены без раствора облицовочной кладкой. На крепости и по осыпи к северу найдено

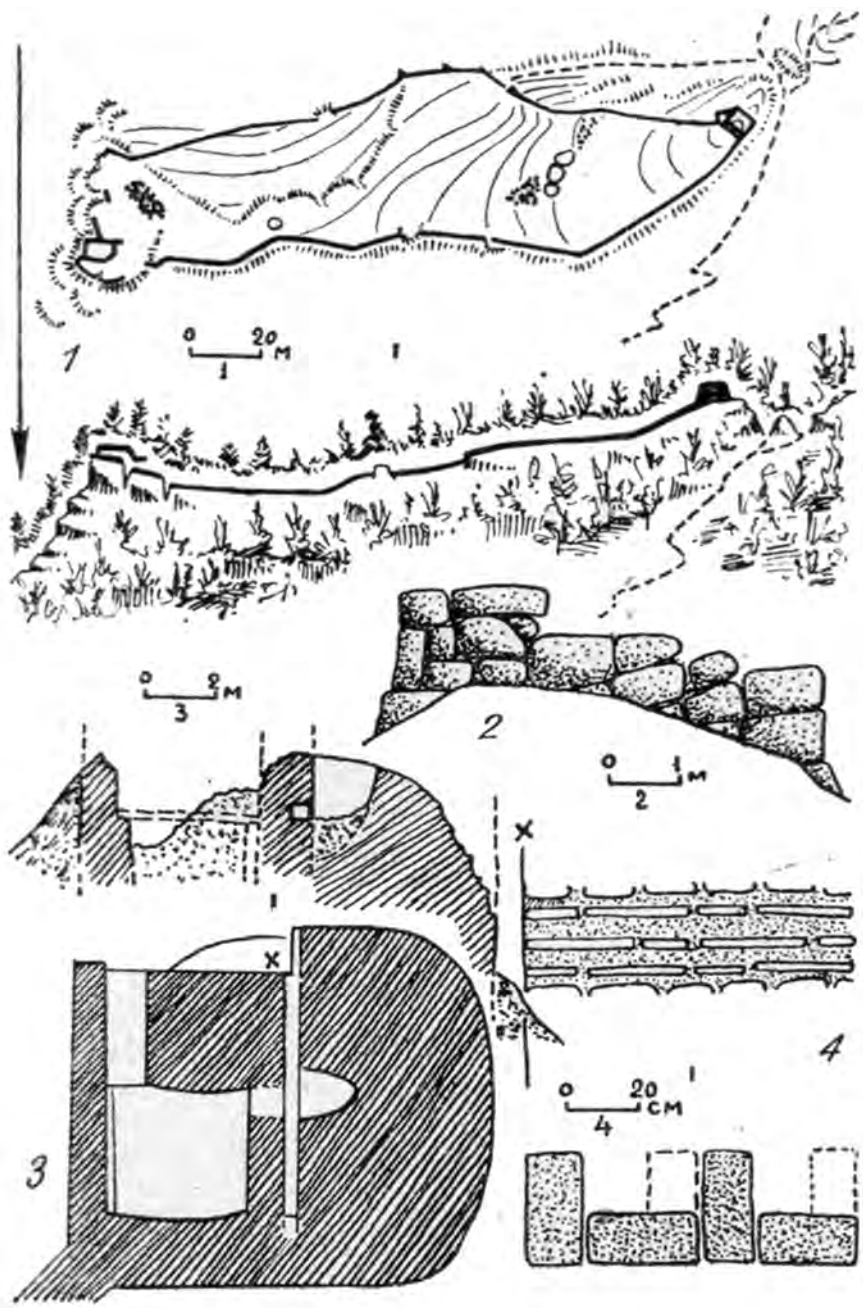

Рис. 45. План и профиль Пслукской крепости (1), кладка башни Бешенской крепости (2), план и профиль центрального здания (3) и деталь кирпичной кладки (4) из него в Ачипсинской крепости

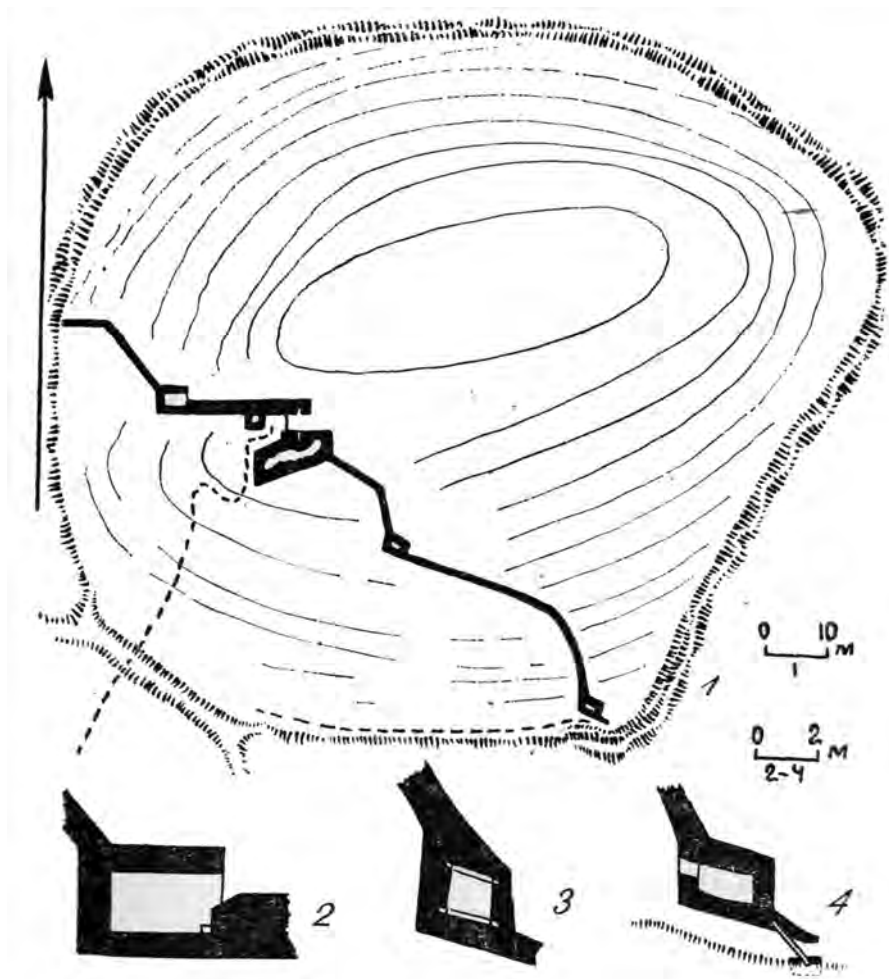

Рис. 46. Общий план (1) и планы отдельных башен (2—4) Хостинской крепости.

большое число обломков раннесредневековой посуды (пифосы, миски, кувшины, горшки) и иных изделий (ножи, мотыга, топор и др.)

Хостинская крепость находится в северо-восточной части заповедника «Тисо-самшитовая роща», в 6 км от моря, на вершине скалистого утеса. Правый берег реки Хосты здесь 100-метровым каскадом обрывов уходит вниз. Поэтому необходимость в искусственных укреплениях существует лишь в южной части вершины, где и была сооружена оборонительная линия.

Юго-восточный угол крепости защищен башней, сохранившейся на высоту до 4,5 м. На запад из башни смотрит окно-бойница размером 0,4×0,5 м. У юго-восточного угла снаружи видна стена с пазом для бревенчатого засова. Это остатки запасной калитки, служившей для выведения отрядов во фланг

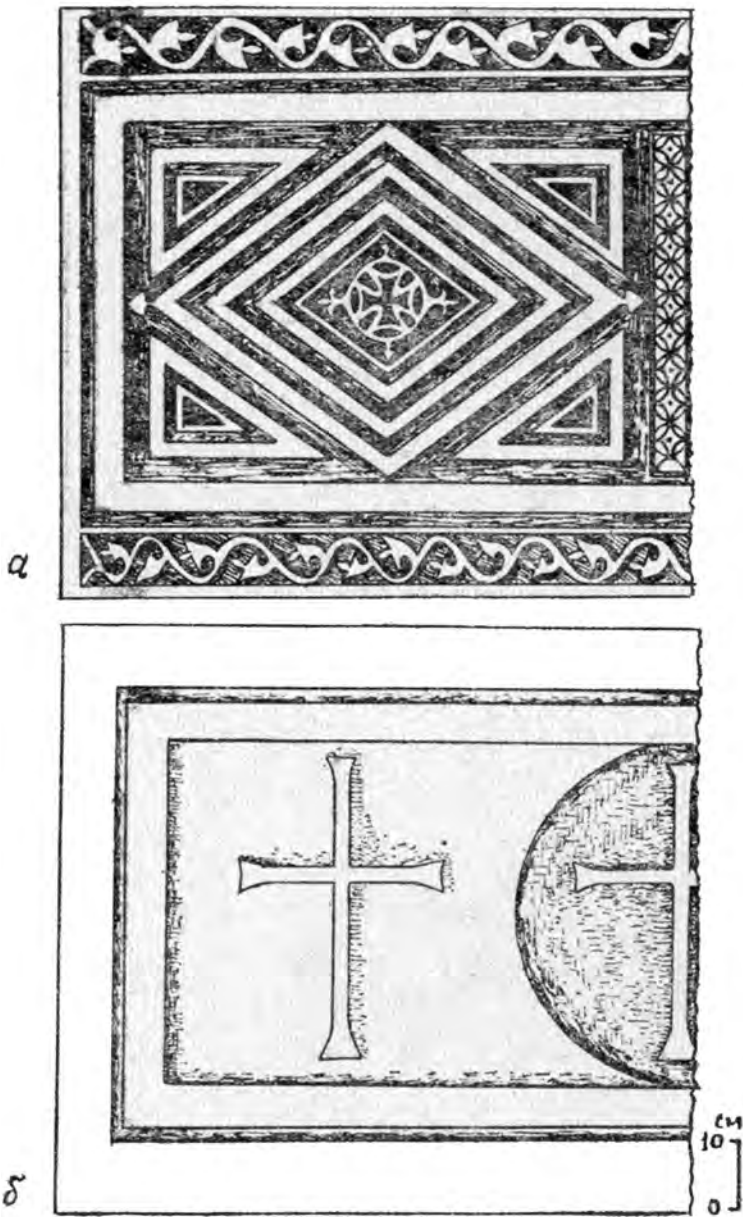

Рис. 47. Фрагмент резной плиты из храма в совхозе «Южные культуры»
(лицевая и оборотные стороны)

врагам, штурмующим главные ворота. Вторая башня, отстоящая от первой на 45 м, имеет неправильно прямоугольный план. В западной и восточной ее стенах заметны два яруса пазов от балок межэтажных перекрытий. Высота каждого этажа 1,7-1,8 м. Башня была, по-видимому, трехэтажной.

Лишь 11 м стены разделяют вторую и третью воротные башни. Последняя сохранилась плохо. Ее массив, занимающий площадь 14x8 м, острым углом выклинивается на юго-запад, образуя заслон крепостных ворот. Порог этих ворот виден в средней части коридора, образованного северной стеной третьей башни и идущей параллельно ей массивной стеной, которая тянется затем к западу. Над порогом на высоте более 1 м виден паз для закрепления засовного бруса.

Западнее ворот из стены выступает башнеобразный контрфорс, защищавший ворота. В 10 м от него находится последняя башня, которая в отличие от остальных выступает и внутрь крепости. В то же время ее помещение углублено в толщу стены более чем на 1 м. В верхний ярус башни ведет дверной проем. Судя по выступающему здесь из стены камню, на котором держалось потолочное перекрытие, высота этого помещения достигала 1,9 м. С учетом сохранившихся фрагментов следует думать, что первоначально высота башни составляла не менее 11 м. Из нижнего ее этажа на юг смотрит широкая бойница.

Все стены Хостинской крепости возведены из грубо обработанных блоков местного известняка. Известковый раствор содержит примесь морского песка и мелкой гальки. Подъемный материал с территории крепости включает обломки кувшинов, горшков, мисок и т. д.

К памятникам раннесредневековой гражданской архитектуры относятся и многочисленные ацангуары (в переводе с абхазского «ограды карликов») — каменные пастушеские жилые и хозяйственные сооружения, распространенные по всей субальпийской зоне района (Ачишхо, Аибга, верховья рек Сочи, Мзымты и др.). Каждый комплекс ацангуар включает в себя дом пастуха, служебные помещения, ограды для скота. Жилища пастухов — коши имели узкий вход, иногда окно. Их толстые каменные стены возводили насухо. Здание перекрывали деревянной кровлей. В этих развалинах в последние годы найдено большое число фрагментов керамики, в первую очередь так называемая «скотоводческая» посуда, наконечники железных стрел, каменные орудия, кости домашних животных.

В настоящее время известны христианские храмы в Лоо, Агуа, Хосте, Адлере, Веселом, Липниках, Лесном, Голицыне, Монастыре.

Наиболее ранней являлась базилика на территории совхоза «Южные культуры». Ее украшали фресковая роспись и мозаичный пол. Рядом с храмом найдено погребение IX—X вв., перекрытое плитами, орнамент которых очень близок к оформлению хор и оконных проемов в Софийском соборе VI в. в Константинополе.

Исключительно интересен храм в Лоо, расположенный в 2 км от моря на высоте около 200 м. Южная стена памятника разрушена полностью, западная

стена и восточная часть также сильно повреждены временем. Лишь северная стена сохраняет еще свою высоту. Наружные размеры храма: ширина 11,2 м, длина до 20 м. Толщина стен до 1,1 м. Храм имел три входа: с севера, запада и юга. Ширина северного дверного проема 1,4 м. Помещение храма освещалось с помощью большого числа узких оконных проемов. В западной стене их было по меньшей мере два, в северной сохранились три окна. Окна были и в алтарных частях — абсидах храма. В северной стене выступают три полустолба-пилястра, которые вместе с аналогичными выступами в южной стене и двумя рядами столбов поддерживали в свое время свод храма. Снаружи центральная абсида была пятигранной.

Стены храма в Лоо сложены прекрасно обработанными известняковыми блоками и плитами песчаника и сланца. Известняком была облицована вся наружная поверхность стен, окна и двери. Эти же блоки составляют связующую основу пилястр, пронизывающих стены насквозь. Раствор отличается примесью очень крупного песка и отборного мелкого гравия, что находит ближайшую аналогию в византийских стенах Анакопии VII в. Этим же или несколько более поздним временем (VIII—IX вв.), вероятно, и следует датировать рассмотренный храм, который относится к группе абхазо-аланских церквей, характеризующих особый западнокавказский путь развития византийского храмового зодчества (Пицунда, Лыхны, Зеленчук и др.).

Достаточно интересен храм, расположенный в селе Монастырь, на левом берегу реки Мзымты. Зал церкви разделен парой пилястр на две части. К нему примыкает с востока широкое алтарное полукружие, имевшее снаружи пятигранное оформление. Изнутри вдоль стен зала прослеживается невысокий и узкий выступ-парапет. В зал вели две двери: с запада и с юга. Алтарь освещался с помощью одного окна.

С запада к храму примыкает придел, южная стена которого сохранилась почти полностью. В ее верхней части выступает камень, служивший, вероятно, опорой для арки свода. Здесь же видны и основания дверных арок. В приделе вели два входа: с запада и с севера. Северный вход соединял придел с обширным помещением, имевшим два этажа. Первый служил, вероятно, погребом. Второй этаж освещался с помощью окон, остатки которых сохранились в западной стене. К западу от первого придела отмечена площадка, где, по свидетельству старожилов, еще в конце 40-х годов возвышались каменные столбы высотой 3-4 м.

Монастырский храм расположен на территории небольшого укрепления, от которого сохранились стены и большая башня. Она охраняла крепостные ворота, находившиеся юго-восточнее храма. Стены крепости сложены из грубо обработанного камня панцирной кладкой на известковом растворе. Собранный по склонам в крепости и у храма материал включает обломки кирпича, плоской и гнутой черепицы, которой был покрыт храм, пифосов, кувшинов, кухонной посуды, прясел, датируемых IX—X вв. н. э.

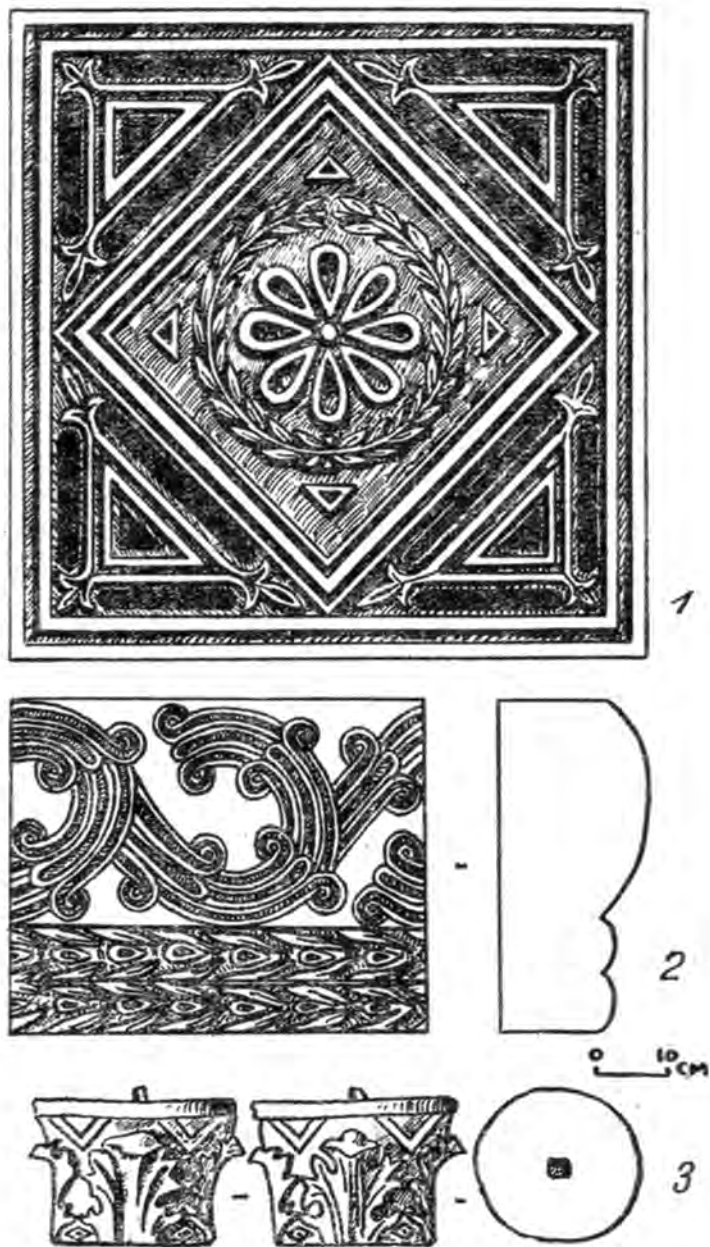

Рис. 48. Резная плита из храма в совхозе «Южные культуры» (1), архитектурная деталь из храма на Ахун-горе (2) и капитель из храма в местности «Каштаны» (3)

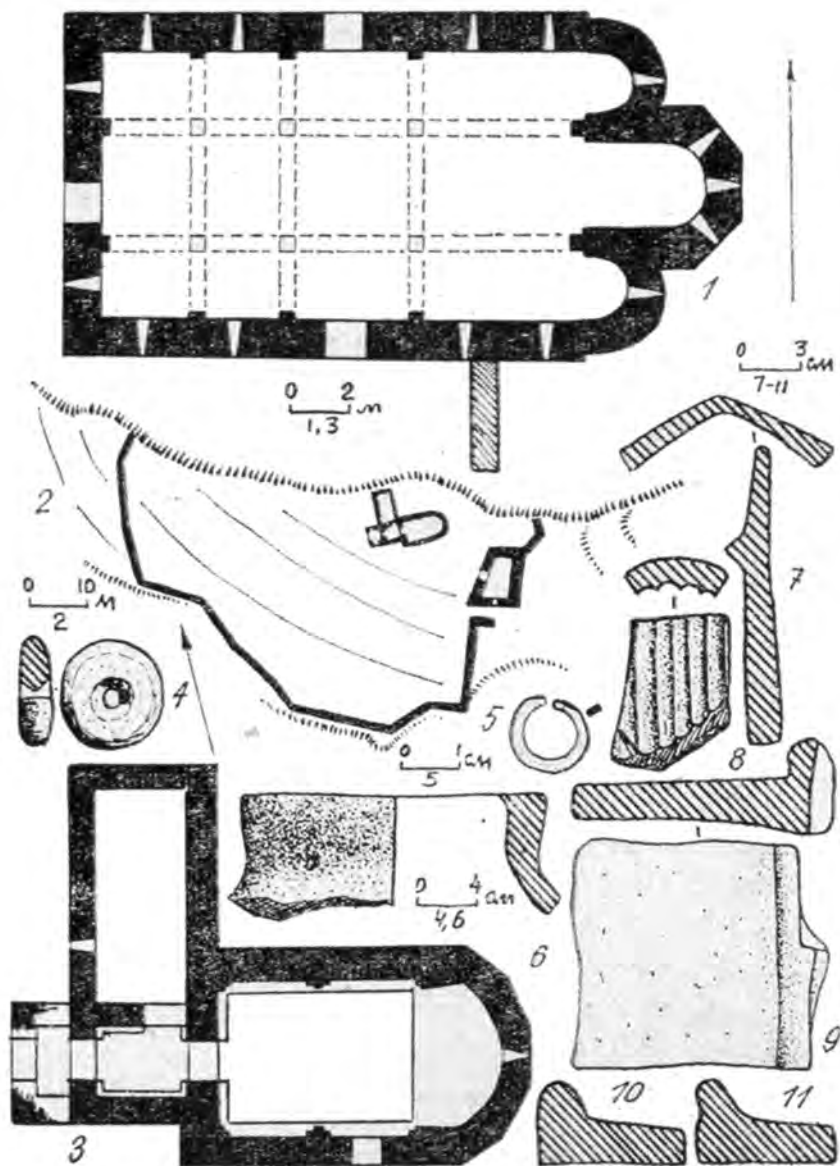

Рис. 49. Планы храмов в Лоо (1) и в с. Монастырь (2, 3), каменное прясло (4), медное кольцо (5), фрагменты кувшина (6) и черепицы (7—11) из Монастырской крепости

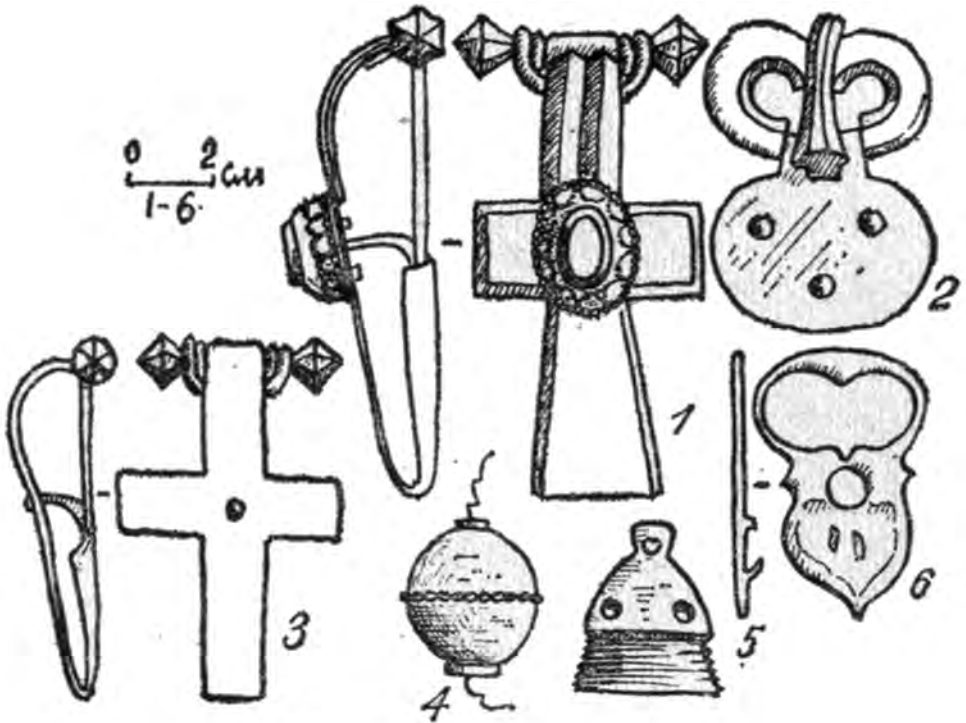

Рис. 50. Серебряные фибулы (1, 3) и бусина (4), бронзовые пряжки (2, 6) и колокольчик (5) из с. Веселого (1—5) и из окрестностей Сочи (6)

Обзор имеющихся материалов показывает, что христианство на рассматриваемой территории достаточно прочно привилось лишь в приморской зоне. Интересно, что если храмы, расположенные вблизи побережья, не имели оград, то храм в селе Монастырь, наиболее удаленный в горы, был защищен мощной стеной. Отсутствие следов христианских храмов в глубоких горных долинах, в частности в районе Красной Поляны, позволяет полагать, что здесь христианство не получило широкого распространения.

Раннесредневековые могильники в окрестностях Сочи изучены еще достаточно слабо. В погребениях VI—VIII вв. в селе Веселом обнаружены фибулы, пряжки и наконечники копий. Около десятка погребений VIII—X вв. было исследовано вблизи храма на территории совхоза «Южные культуры». Одно из мужских погребений находилось в гробнице из черепицы, перекрытой двумя орнаментированными плитами. Рядом было найдено погребение женщины, в котором обнаружены серебряные кольца с тремя полыми бусинками с филигранным пояском, две фигурки павлиновидных птиц на стерженьках, бронзовые бубенчики и т. д. Еще семь погребений почти не содержали инвентаря, покойники лежали на спине головой на запад, иногда с легким отклонением к северу. К этому же времени, вероятно, относится погребение

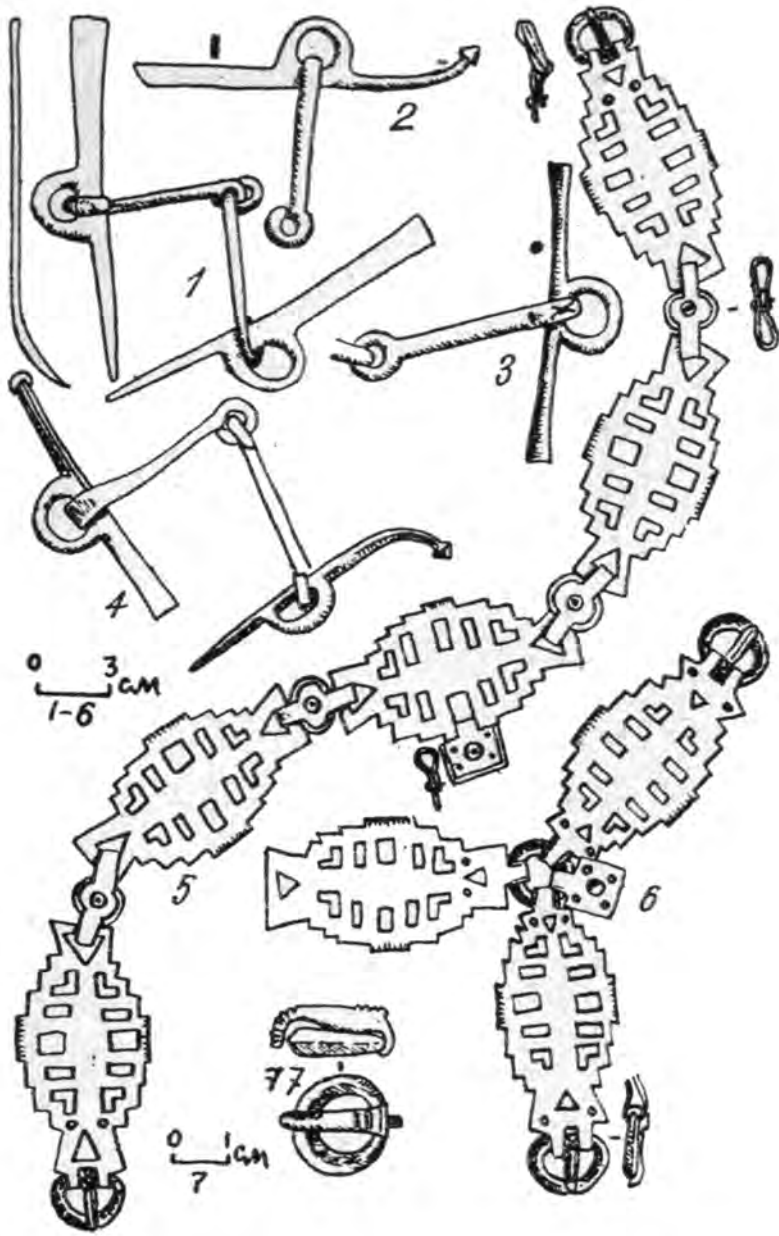

Рис. 51. Конские железные удила с бронзовыми псалями (1—4) и серебряные детали уздечки (5—7) из окрестностей Сочи

из окрестностей села Веселого, в котором найдены светло-глиняная амфора и блюдо. В 1970 г. близ крепости на реке Бешенке в Красной Поляне было разрушено женское захоронение VIII—IX вв., инвентарь которого включал фрагменты сосуда из пористой глины, двуручный сосудик из тонкоотмученной глины, железные тесловидную мотыжку и нож, а также каменный точильный брусок.

Различные отрасли хозяйства, которым занималось местное население в этот период, иллюстрирует в основном материал, собранный на поверхности, так как в условиях горной местности культурный слой на поселениях и городищах сильно размыт и разнесен по склонам.

Земледелие по-прежнему было главным образом мотыжным, хотя наряду с этим, особенно на прибрежной равнине, уже широко использовали деревянный плуг с железным наконечником-сошником или без него. Мотыги имели тесловидную (Красная Поляна, окрестности Сочи) и обычную форму с рабочим лезвием и вытянутым обухом (Бешенская крепость). Последние орудия по своей форме очень близки к мотыгам, находимым в женских захоронениях VI—VII вв. н. э. в соседней Абхазии (Цебельда).

На исключительное значение скотоводства в жизни населения горных долин этого времени указывает огромное количество пастушеских поселков, разбросанных по всей субальпийской зоне района. Территорию городищ усеивают многочисленные кости домашних животных — коров, коз, овец, свиней, лошадей. Значительное свободное пространство внутри крепостных стен предназначалось, по-видимому, в первую очередь для загона скота и содержания его в зимних условиях. Скот, судя по всему, являлся важнейшим продуктом, составлявшим основу экономики тогдашнего населения Абхазии и окрестностей Сочи, где в VII—VIII вв. складывалось Абхазское раннефеодальное государство.

Особое место в жизни местных племен в раннем средневековье занимало производство керамической посуды, обломки которой буквально устилают поверхность почвы на поселениях и склонах вокруг них. Здесь же в большом количестве обнаружены керамические шлаки, которые указывают на существование соответствующих мастерских. Из разрушенных погребений известны ряд целых сосудов, главным образом кувшинов.

Широко были распространены пифосы — большие безручные хозяйственные сосуды с массивным, уплощенным сверху венчиком, широким горлом и плоским узким днищем. Стенки пифосов снаружи и изнутри покрывали крупным беспорядочным рифлением и украшали в пригорловой части налепными валиками с пальцевыми вдавлениями. Большое число фрагментов относится к глубоким мискам с уплощенным сверху краем, на который часто наносили зубчатым штампом знак мастера. Иногда край миски имел уступ, возможно, для крышки, а также хорошо выраженный слив, образованный движением пальца по сырой глине. Особняком стоят котловидные сосуды и небольшие миски.

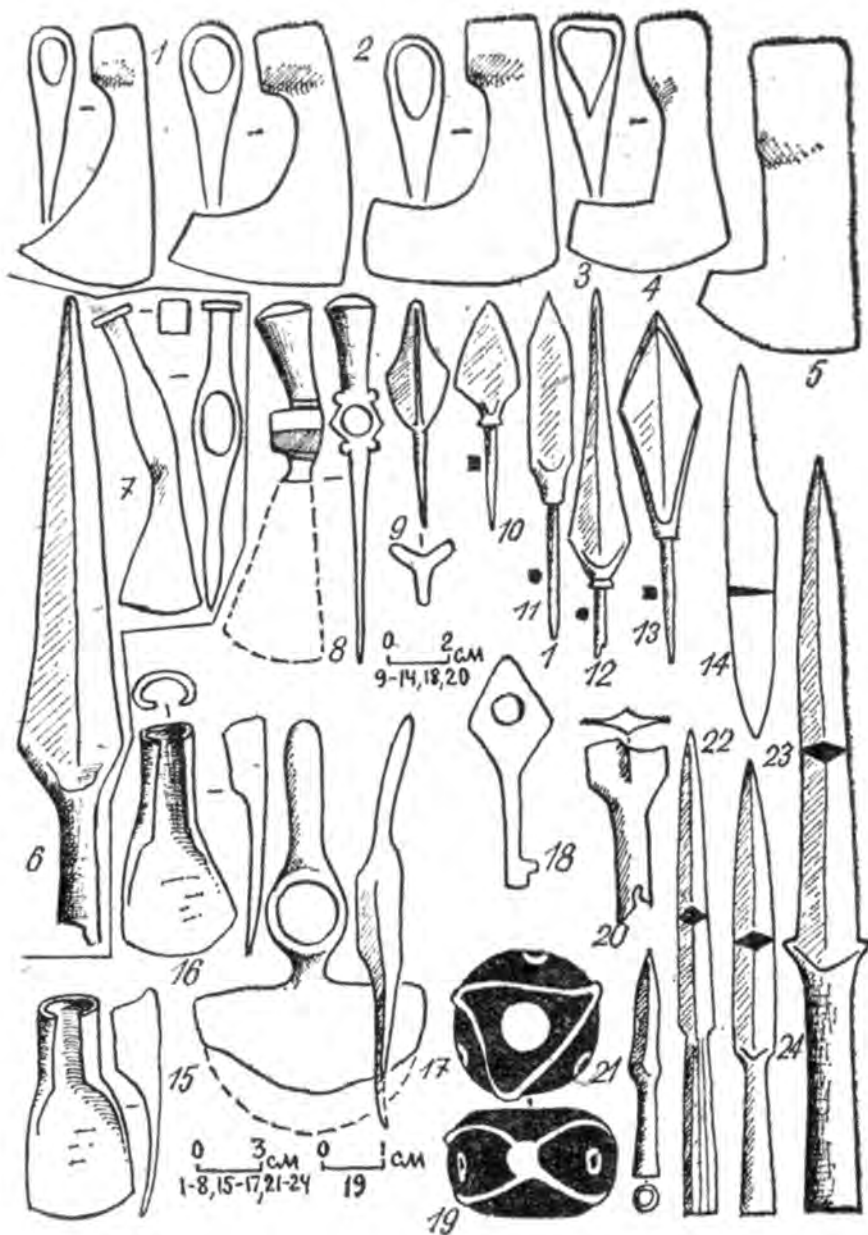

Рис. 52. Железные топоры (1—5, 7, 8), наконечники копий (6, 20—24) и стрел (9—13), нож (14), мотыги (15—17), ключ (18) и пастовая бусина из окрестностей Сочи (1—3, 6, 7, 9, 15, 16, 22—24), из Ачипсинской (4, 5, 14) и Бешенской (8, 17, 18) крепостей, с открытых поселений в Красной Поляне (10—13, 20—21) и в с. Монастырь (19).

Значительная группа обломков характеризует одноручные кувшины, венчик которых часто имеет слив.

Наиболее многочисленной и характерной для раннесредневековых поселений (Красная Поляна, Монастырь, Хоста, Годлик, ацангуары) является лепная посуда с пористыми стенками. Это горшковидные плоскодонные сосуды, часто отличающиеся значительными размерами и тонкими стенками. Украшали эту посуду насечками по краю венчика или по наклепному валику ниже горловины, редко — точками или волной. Заглаживание ее поверхности производили беспорядочно мелкозубчатой гребенкой, сеткой горизонтальных и вертикальных линий или веерообразно от днища. Глина редко твердая — она оставляет след, мажется, жирна на ощупь, хорошо промешана. Примесь в основном состоит из белых рыхлых частичек, напоминающих дробленый известняк и кальцит, выгоравший при обжиге, что приводило к пористости изделий. Последнее обстоятельство способствовало охлаждению содержимого, что в условиях развитого скотоводства должно было благоприятствовать сохранению жидких молочных продуктов и воды. Довольно часто встречаются глиняные кувшины, расписанные бурой краской. Они, вероятно, поступили сюда по торговым путям из Византии, хотя часть этой керамики, судя по глине, имеет местное происхождение. Подобная расписная посуда была распространена в VIII—XI вв. в Болгарии (Попина, Хасково), Румынии и в Северном Причерноморье. Аналогичная керамика встречается и в памятниках IX—X вв. на территории соседней Абхазии (Анакопия, ацангуары Бзыбского хребта и др.).

Среди глиняных изделий многочисленные пряслица, которые делали, как правило, из стенок разбитых сосудов — пифосов, мисок, кувшинов. Широко освоено было также производство кирпича и черепицы, которые использовались для укрепления стен, покрытия культовых и гражданских зданий.

Было развито и кузнечное ремесло. На поселениях найден шлак, довольно много железных топоров, мотыг, ножей и т. д. Высоко ценилась работа каменщиков. Об этом говорят монументальные стены крепостей и храмов. Особую категорию раннесредневековых памятников района составляют печи для производства извести. Одна такая печь была обнаружена вблизи Аибгинской крепости (Красная Поляна). Она представляет собою две округлые, смежные ямы-камеры, врытые в крутой склон. Между камерами сооружена из ломаного камня перегородка, а во внутренней яме была найдена усохшая известь. Сверху и снизу к печи подходили дороги, по которым завозили куски известняка и увозили к крепости готовую продукцию. Печью пользовались недолго.

Торгово-экономические связи иллюстрируются привозной керамикой (амфоры, блюда, часть расписной посуды и др.), стеклянными сосудами, обломки которых найдены на городищах, пастовыми глазчатыми и разноцветными стеклянными бусами и другими изделиями, указывающими в первую очередь на контакты с Византией и Крымом.

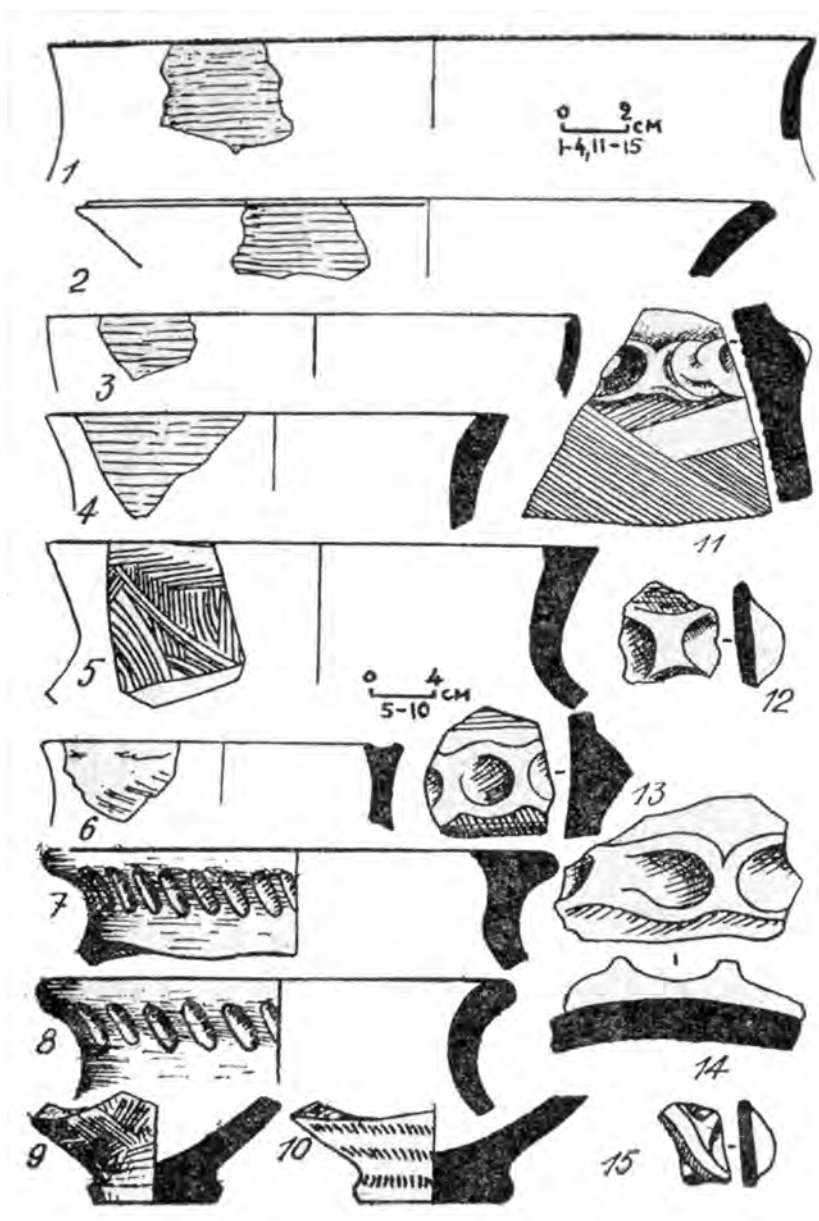

Рис. 53. Фрагменты раннесредневековых котлов (1—3, 6) и пифосов (4, 5, 7—15) с Ачипсинской (1—6, 15), Пслухской (11), Бешенской (7, 10, 13) и Куницынской (12, 14) крепостей

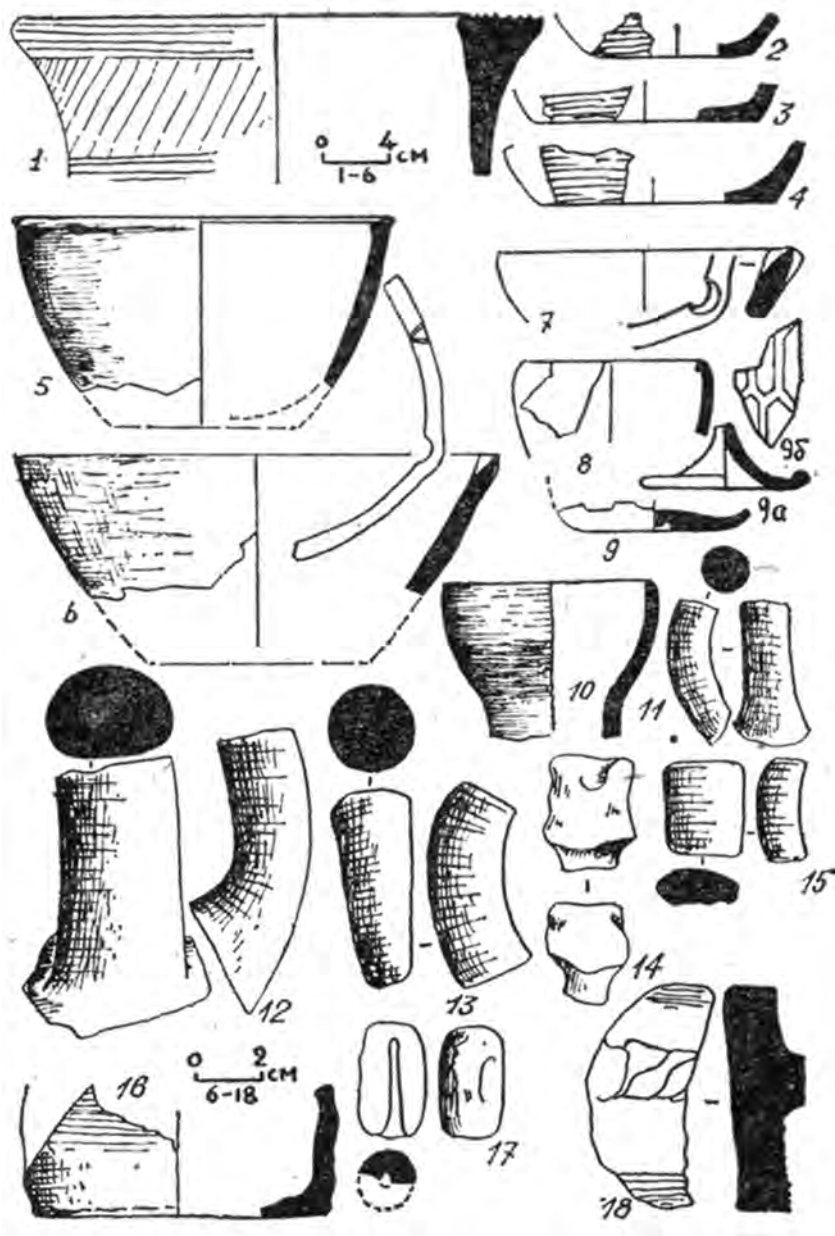

Рис. 54. Фрагменты раннесредневековых пифосов (1, 18), мисок (2—7), кувшинов (10—16), стеклянных сосудов (9, 9а, 9б) и других изделий из Ачипсинской крепости

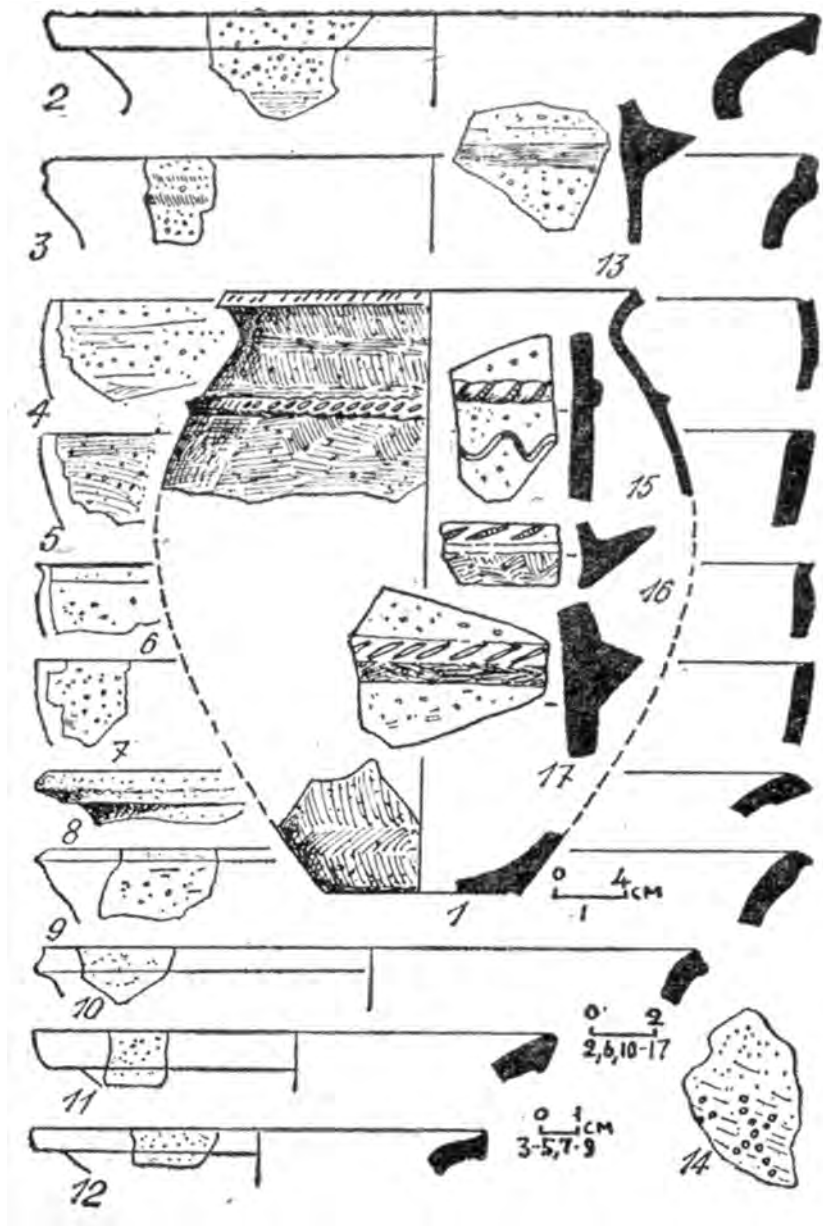

Рис. 55. Раннесредне-вековая «скотоводческая» посуда с Куницынской (1, 13) и Ачипсинской (2—12, 14—17) крепостей

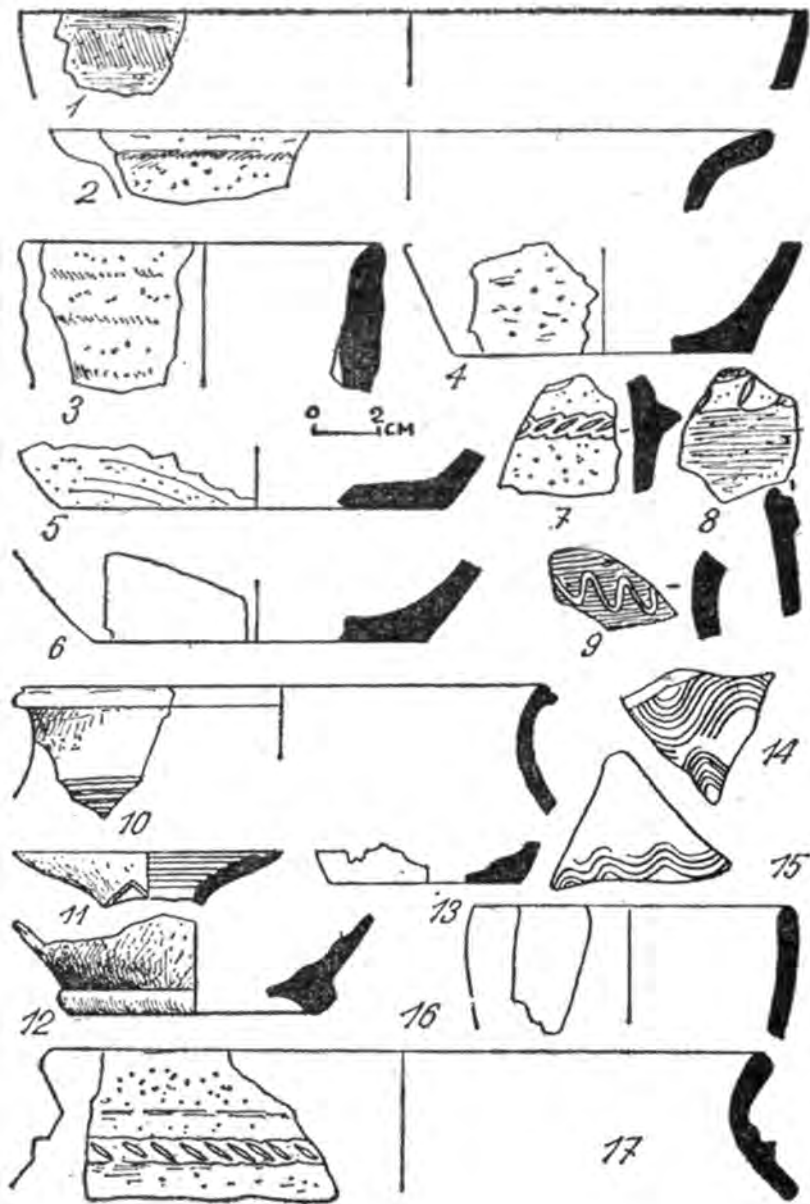

Рис. 56. Раннесредневековая «скотоводческая» (1—9, 17) и привозная (10—16) керамика с Куницынской (1), Пслухской (2), Ачипсинской (3—14, 16) и Монашкинской-1 (15, 17) крепостей

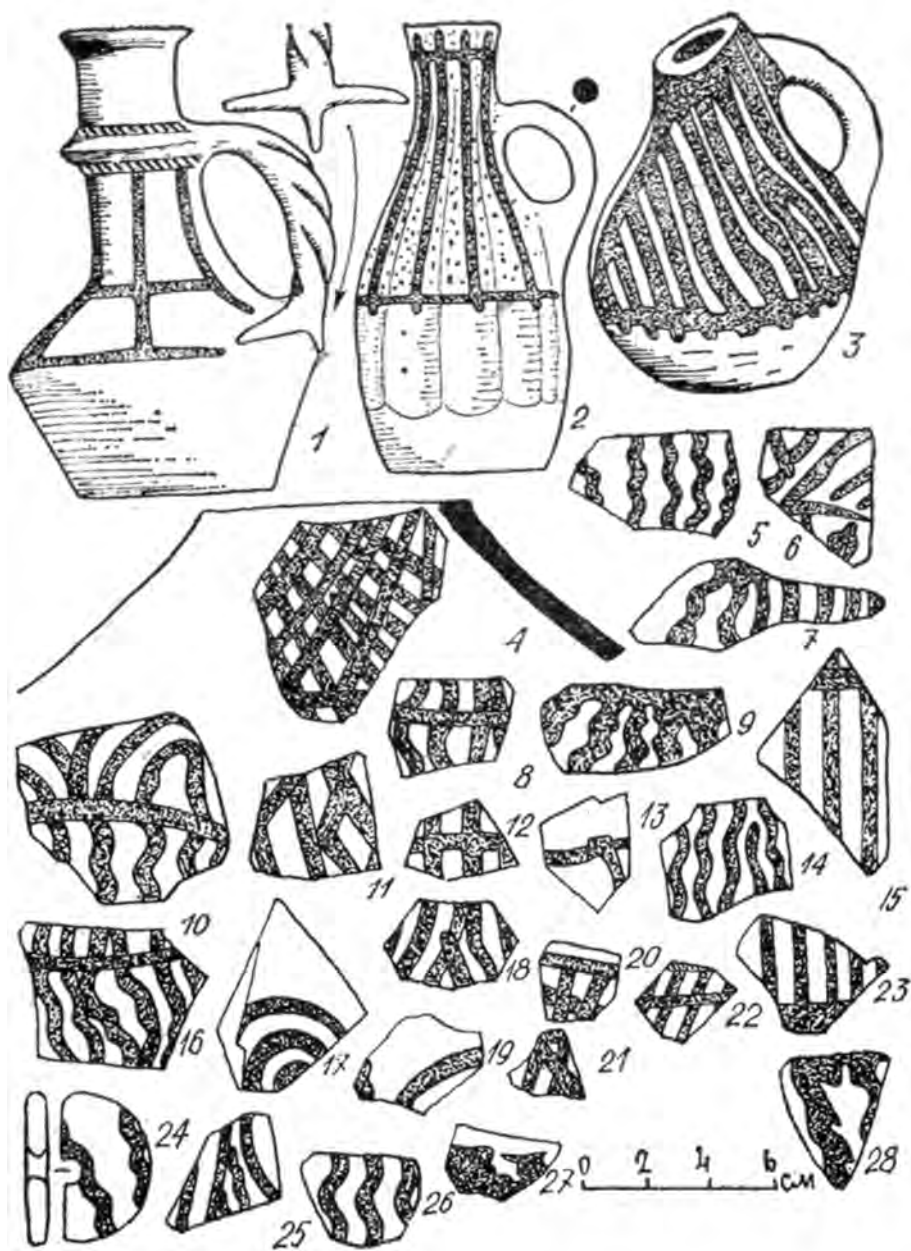

Рис. 57. Расписная глиняная посуда из окрестностей Сочи (1), из Аибги (2), со склона Ачишхо (3) и из Ачипсинской крепости (4—28)

Рис. 58. Фрагменты раннесредневековых пифоса (1), черепицы (2), заготовок для пряслиц (3—10), котловидного сосуда (13), кувшинчика (14) и кувшинов (18—24), каменные подвески (11, 12) и точильный камень (17), железные мотыга (15) и нож (16) из Ачипсинской крепости (1—11), из погребения в окрестностях Бешенской крепости (12—17), с поселений Псоу-1 (22), Псоу-3 (23), Ахштырь-5 (19, 20), из окрестностей с. Веселого (18, 21, 24)

Своеобразный облик раннесредневековых поселений в окрестности Сочи отражает соответствующие социальные отношения того времени. В предгорьях и горных долинах население сосредоточивалось на городищах. Они представляли скопления хижин и общественных зданий (в предгорьях это обычно храмы, в горных долинах — жертвенники и своеобразные погребальные сооружения), окруженных стенами, внутри которых часто находилось и значительное свободное пространство, предназначавшееся для размещения скота. Как можно полагать, каждое такое поселение состояло из нескольких десятков семей (от 50 до 150—200 человек), объединенных не только единством места обитания, но и, по-видимому, более или менее близкими родственными отношениями.

Рассматривая раннесредневековые памятники в районе г. Сочи, нужно отметить их теснейшую связь с памятниками соседней Абхазии. Особенно интересна в этом отношении «скотоводческая» посуда, которая найдена в Центральной Абхазии уже в памятниках античного времени (современный Сухумский и Гудаутский районы). В раннем средневековье она распространяется на обширной территории, по крайней мере, от современного Лазаревского до реки Ингури, от побережья моря до высокогорных пастбищ. Эта общность позволяет говорить о существовании на всей очерченной территории в рассматриваемый период единого этнокультурного массива, составлявшего первоначальную базу раннефеодального Абхазского царства VIII—X вв.

Это наблюдение подкрепляется и рядом источников (Епифан Кипрский, Леонтий Мровели и др.), согласно которым с северо-запада политическая и, вероятно, этническая граница Абхазии в VIII—X вв. проходила близ современного села Новомихайловского в районе реки Нечепсухо (Никопсия), т. е. включала и территорию прежнего расселения ближайшеразродственных абасгам санигов и зихов.

Страна курганных могильников

Эпоха расцвета, пережитая местным населением в раннем средневековье, в XI—XII вв. закончилась. Приходят в запустение городища, разваливаются храмы, резко сокращается значение отгонного скотоводства. На смену крупным городищам приходят небольшие хутора с легкими деревянными постройками. В настоящее время от них сохранились лишь пятна на пашнях, содержащие угольки, обломки местной кухонной и тарной посуды, а также привозной поливной керамики, и кости домашних животных. Большое количество камней в этих местах свидетельствует о существовании в древности каких-то фундаментов. Наиболее значительные скопления населенных пунктов этого времени обнаружены в прибрежной зоне (Мамайка, устье Псоу и др.). В этот период охотники и пастухи вновь используют пещеры, в верхних культурных слоях которых исследователи часто находят памятники «черкесского» облика.

В Большой Воронцовской пещере, например, обнаружены железные наконечники стрел, ножи и другие предметы.

В горах возникают святилища, часто использующие древние пастушеские постройки, в которых скапливались груды железных наконечников стрел, приносимых пастухами и охотниками в жертву горным духам. Одно такое святилище находилось вблизи озера Кардывач.

В начале XI в. на вершине горы Ахун был построен храм, украшенный резным по камню орнаментом, характерным для грузинских церквей того времени (Синагле, Кацхи, Сапара и др.). К периоду не ранее XI в. относится и маленькая церковь в урочище Агуа (ущелье реки Сочи), по своему плану напоминающая восточногрузинские храмы. К еще более позднему времени может быть отнесена дополнительная стена в крепости на реке Годлик (Чемитоквадже). Эта внутренняя линия обороны отсекает от основной крепости небольшой двор, тяготеющий к морскому берегу и занимающий не стратегически полноценный, наиболее возвышенный участок крепости, где стоит башня № 3, а наиболее низкий ее участок. Фасадная часть этой стены облицована прекрасно обработанными блоками. В тех местах, где облицовка обвалилась, обнажилась забутовка, сложенная слоями из наклонных плоских булыжников, изредка образующих «елочку». Обычно же эти слои имеют наклон в одну сторону и отделены друг от друга горизонтально уложенными в ряд плоскими булыжниками. Примечательно, что ряды облицовки, в общем правильно выдержанные, совпадают с внутренними рядами наклонных булыжников. Толщина стены до 2,5 м, а сохранилась она в высоту до 5 м. Технические приемы сооружения стены указывают на то, что она была построена в период генуэзской колонизации на побережье (XIV—XV вв.).

В это же время широко распространяется обычай подкурганых захоронений. Курганные могильники выявлены в Красноалександровском, Абазинке, Варданэ, Кепше, Аибге и других местах. В погребениях, которые были разрушены, например в лесу, в окрестностях поселка Кепши, найдены поливная ваза с изображением птицы, стеклянные привозные сосуды, железные сабли, множество железных наконечников стрел, кресала, ножи и другие изделия XIII—XIV вв. Из курганного могильника того же времени в районе Варданэ происходит набор железных наконечников стрел, ножей, брусков, умбонов от щитов, стеклянная привозная посуда и т. д.

В ущелье Капабье (Красноалександровский аул) курганные насыпи имеют овальную форму с направлением продольной оси с востока на запад: высота их обычно не достигает 1 м, а земляные насыпи оконтурены каменной кольцевидной обкладкой в 3—5 слоев. В одном из курганов найдено полуразрушенное погребение, в котором находилась бронзовая четырехугольная поясная пряжка с кусочком узкого кожаного ремня и железный ножичек, типичные для адыгейских памятников XV—XVI вв.

Курганы у села Абазинки также имеют овальную форму и окольцовку из каменных плит в 4—6 ярусов диаметром 3—4 м. Здесь прослежено два варианта погребения

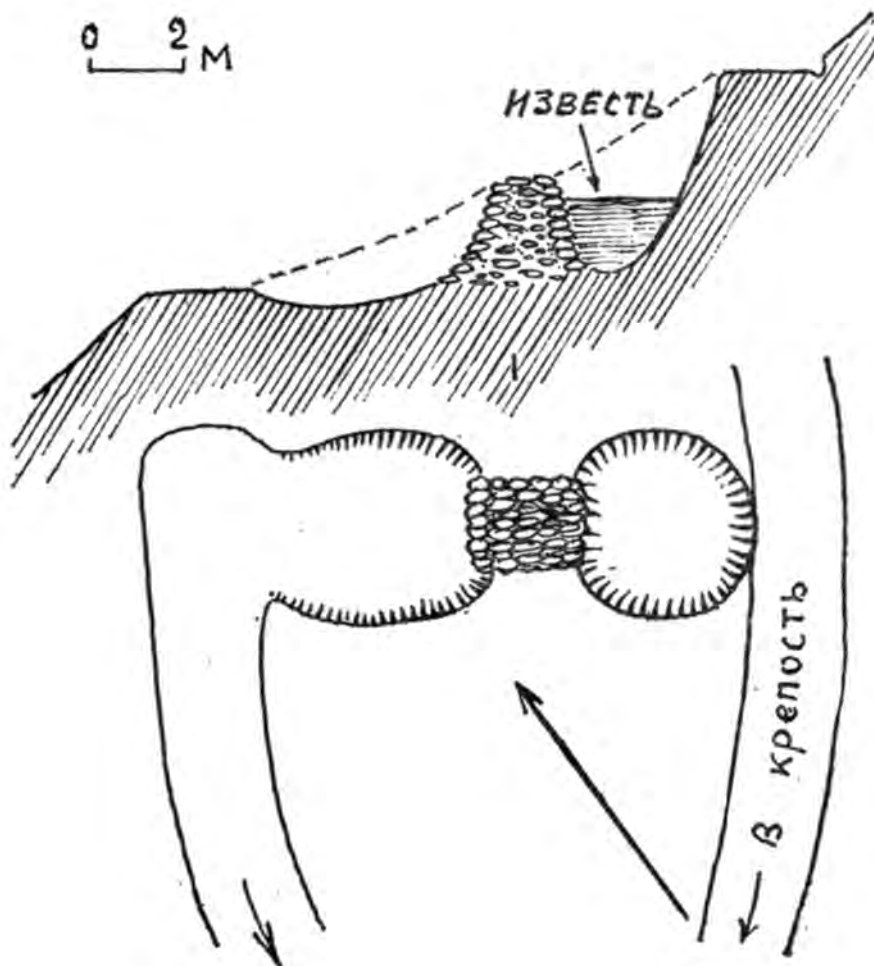

Рис. 59. План (2) и разрез (1) печи для обжига извести в окрестностях Аибгинской крепости (Красная Поляна)

бальных обрядов. В первом случае сооружали гробницу из тонких каменных плит, устойчивость которых обеспечивали незначительным углублением в грунт. Вокруг гробницы возводили окольцовку, над которой затем насыпали курган. В этих гробницах совершали и повторные захоронения, вероятно, близких членов семьи покойного — в одной такой гробнице найдено четыре беспорядочно разбросанных костяка. В другом случае на поверхность обнаженной либо частично покрытой плитняком почвы укладывали покойника головой на запад и покрывали его сверху плитами. Вокруг сооружали окольцовку и затем насыпали курган. В таких курганах обычно находилось по два костяка. Инвентарь погребений включает фрагменты посуды, кремни, голубой бисер и другие изделия XV—XVI вв.

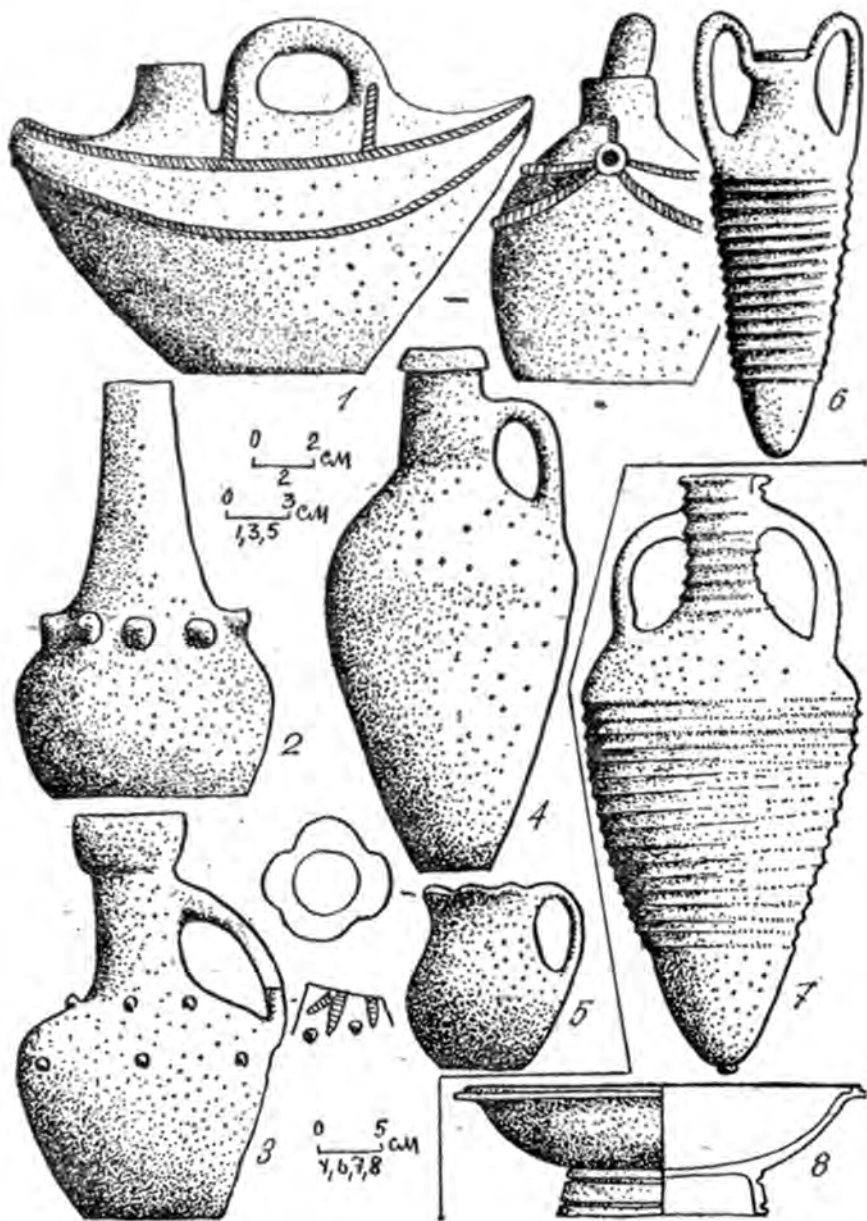

Рис. 60. Раннесредневековые керамические изделия — «умывальник» (1), кувшины (2—5), амфоры (6—7) и блюдо (8) из окрестностей Сочи (1—6) и с. Веселого (7, 8)

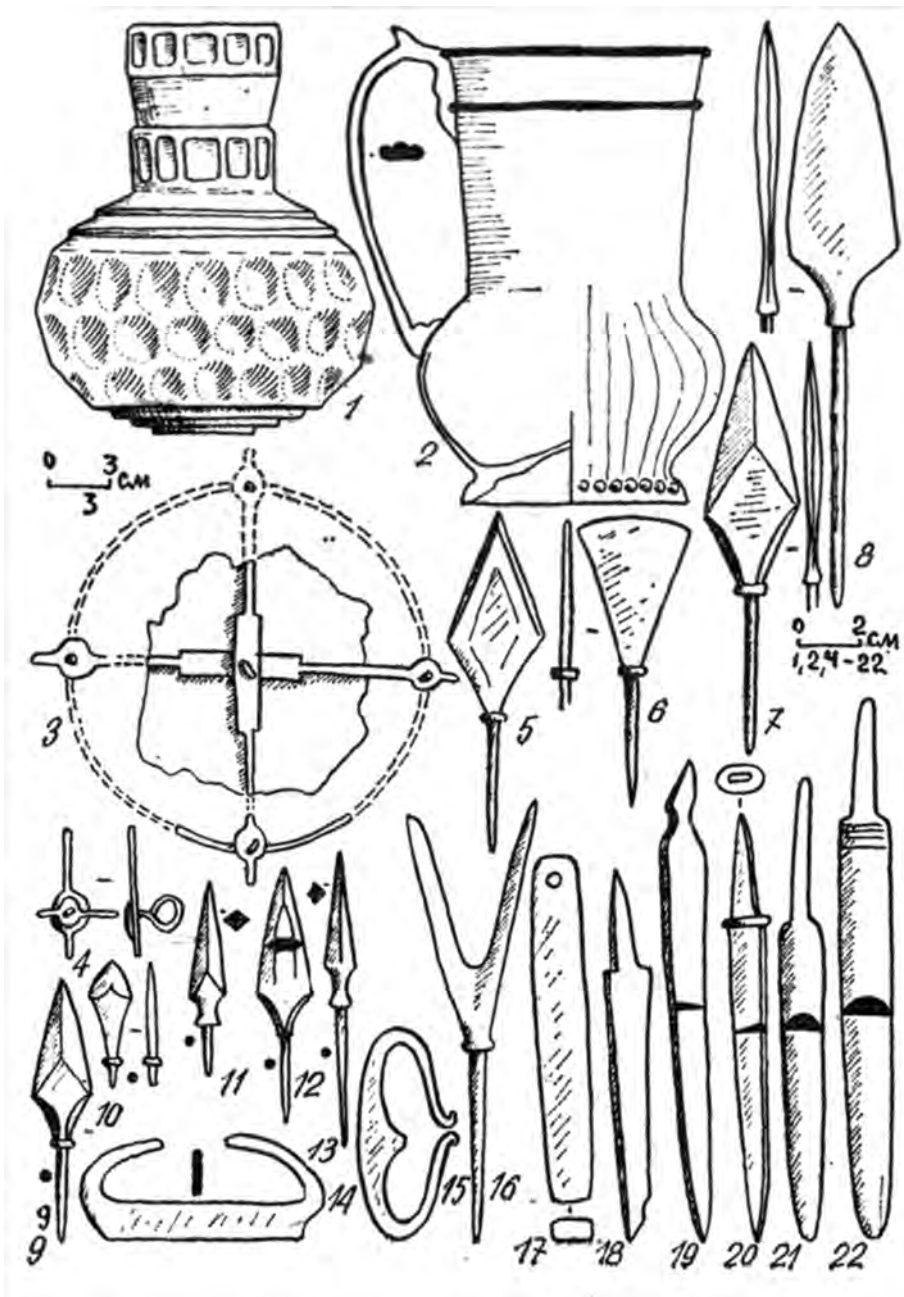

Рис 61. Курганный могильник Варданэ. Стекланные сосуды (1, 2), железные умбон (3, 4), наконечники стрел (5—13, 16), кресала (14, 15), ножи (18—21) и заготовки (21, 22), каменный брусок (17)

Рис. 62. Изделия развитого и позднего (19, 20) средневековья — железные наконечники стрел (1—4, 7—11, 14, 15) и копий (18—20), ножи (5, 6, 16), кресала (12—13) и поливная чаша (17) с поселений Ахштырь-2 (1—4) и в Воронцовской пещере (5—8), из курганного могильника на Кепше (9—17) и из лесов в горной части района (18—20)

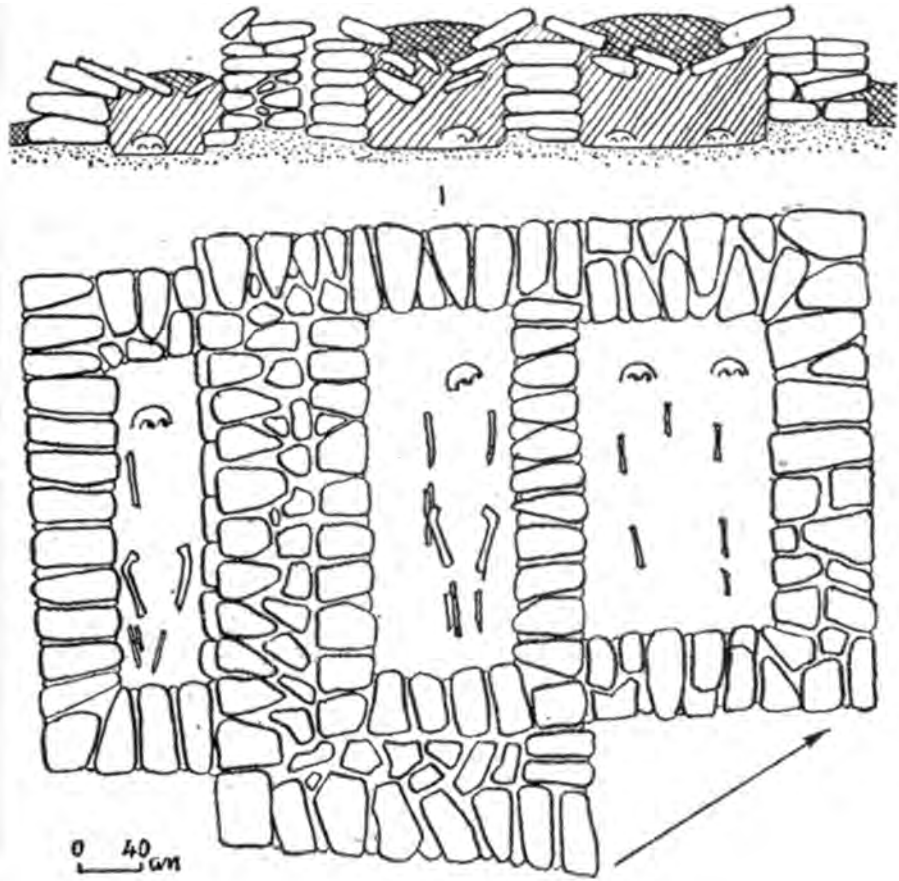

Рис. 63. План и разрез позднесредневековой гробницы в окрестностях Красной Поляны.

Несколько курганных могильников известно в окрестностях Красной Поляны. В 1973 г. автором были исследованы две гробницы на правом берегу Бешенки, в урочище Кулаковка. В первом случае погребенная была положена на поверхность площадки, врезанной в склон. Вокруг нее возведено из крупного ломаного плитняка подобие прямоугольной гробницы, внутри заполненной землей. К этому центральному захоронению несколько позже были пристроены с двух сторон дополнительные камеры, где также на поверхности почвы сделаны захоронения, присыпанные сверху тонким слоем земли и камнями. В другом случае захоронение было произведено в могильной яме, а на поверхности земли сооружена аналогичная каменная ограда, также засыпанная до краев землей. Инвентарь в погребениях отсутствовал, а в насыпи были найдены фрагменты очень поздней поливной посуды, датирующие погребение временем не ранее XVI—XVII вв. Из недавно разрушенного кургана того же

времени на левом берегу Мзымты против села Эстосадок происходит обрывок, возможно, иранской ткани золотого шитья с узором.

В окрестностях Сочи известно довольно большое число и случайных находок, среди которых интересны в первую очередь железные наконечники копий с угловатыми выступами в нижней части пера, имевшими распространение на Западном Кавказе в X—XIV вв., а также позднесредневековые наконечники копий с поперечно изогнутым пером, которые часто находят охотники среди тлена стволов упавших деревьев. Когда-то во время ожесточенных лесных боев метательные копья вместо цели попадали в деревья и застревали там, обрастая затем древесиной. Один наконечник этого типа известен из Южной Абхазии.

Основу хозяйства населения окрестностей Сочи в развитом и позднем средневековье, как и прежде, составляли плужное и мотыжное земледелие, придомное и отгонное скотоводство, различные ремесла, направленные в первую очередь на удовлетворение внутрисемейных и внутриобщинных потребностей. К сожалению, изделия этих мастерских, особенно керамика, еще изучены крайне слабо. Работы кузнечных мастерских представлены прежде всего вооружением — саблями, наконечниками копий и стрел, сельскохозяйственными орудиями (лемехи, топоры и т. д.). Торгово-экономические связи района иллюстрируются поливной посудой, поступавшей сюда из Византии, Крыма и Грузии, стеклянными сосудами, тканями и др.

Особое значение в экономике района имела генуэзская колонизация побережья. Генуэзские фактории, к которым относится, вероятно, и вышеописанное дополнительное укрепление в Годликской крепости, представляли собой торговые пункты, где генуэзские купцы скупали у местного населения различные товары: ценную древесину (самшит и др.), мед, воск, звериные шкуры, продукты скотоводства и земледелия. Достаточно важным «товаром» были живые люди — рабы, которых генуэзские торговцы, главным образом через посредство местных феодалов, приобретали на побережье и поставляли почти на все невольничьи рынки Средиземноморья и в Золотую Орду. Взамен перечисленных товаров генуэзцы доставляли сюда предметы роскоши, оружие, стеклянную посуду, соль. Работоторговля особенно усилилась в период позднего средневековья во время турецкой экспансии, когда Черкесия (в том числе и рассматриваемый район), по выражению венецианского дипломата Лоренцо Бернардо, представляла собой для турок «как бы рудник для добывания рабов... которых везут наподобие скота в Константинополь и продают с публичного торга». Этот позорный промысел консервировал отсталые, застойные формы натурального хозяйства и тормозил развитие местной материальной и духовной культуры.

Основу общественного устройства населения района в развитом и позднем средневековье составляла соседская территориальная сельская община, которая распадалась на большие патриархальные семьи. Главными производителями материальных ценностей были рядовые общинники, которые пользовались

пастбищами и пахотными землями, находившимися во владении общины. По аналогии с соседними Абхазией и Адыгеей, можно полагать, что на протяжении всего периода в местной среде были сильны пережитки патриархально-родовых отношений, проявлявшиеся в таких обычаях, как взаимопомощь, побратимство, куначество, гостеприимство, аталычество, калым, уважение к старшим, кровная месть. Большим влиянием обладало народное собрание.

Вместе с тем в рассматриваемом районе уже складывались и классы эксплуататоров. Появились «знатные» и «благородные» люди, имевшие своих подданных — крестьян, пользовавшиеся предметами роскоши, не принимавшие участия в общественном производстве (за исключением разведения лошадей), занимавшиеся лишь военным делом, охотой и грабежами. Захват добычи — людей и скота — стал обычным и почетным времяпрепровождением знати. Этому способствовали генуэзские, а затем турецкие невольничьи рынки на побережье. В среде этих «знатных» людей выделялись князья, имевшие соб-

ственную дружину и владевшие одним или несколькими селениями (общинами), крупные и мелкие дворяне. Соответственно формировалась и прослойка зависимых, постепенно закрепощаемых крестьян, наряду с которой определенное место занимало и домашнее рабство. В то же время уровень феодализации местного населения никогда не поднимался выше начальных ступеней раннефеодальных (патриархально-феодальных) отношений.

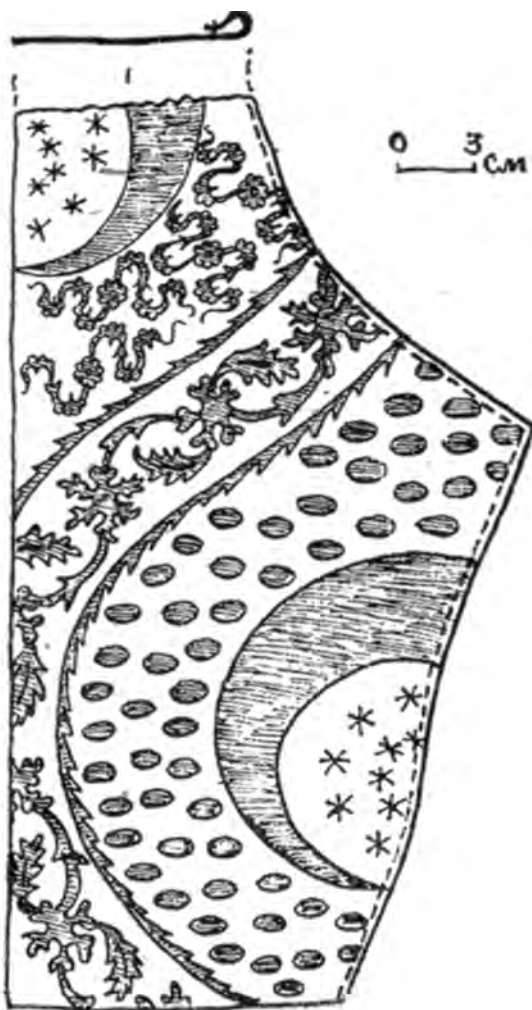

Рис. 64. Обрывок ткани из курганного могильника в районе Красной Поляны.

Заключение

Итак, мы проследили основные этапы социально-экономического, культурного и этнического развития населения г. Сочи и его окрестностей в древности и в эпоху средневековья. Применительно к каждому отдельно выделенному периоду была проведена с возможной полнотой характеристика вещественных остатков, хозяйства, техники, погребальных обрядов, социальных отношений, экономических и культурных связей, этнических процессов. Осуществление такой работы оказалось возможным лишь благодаря интенсивным исследованиям советских археологов, проводившимся в основном в течение трех последних десятилетий.

Сочи и его окрестности... В длину (от реки Псоу до границы с Туапсинским районом) эта территория протянулась на 145 км, в ширину — почти на 70. Значительную часть площади, составляющей свыше 3, 5 тыс. км², занимают горы и холмистые предгорья. Лишь междуречье Мзымты и Псоу представляет собой небольшую приморскую низменность. Наиболее крупные реки: Мзымта, Сочи, Шахе, Псезуапсе, истоки которых находятся на склоне Главного Кавказского хребта. Большая часть района покрыта лесами, в высокогорной зоне довольно значительны площади субальпийских и альпийских лугов, за которыми — скалистые гребни и перевалы. Прибрежная полоса представляет достаточно густо застроенную курортную зону. В холмистых предгорьях много населенных пунктов сельского типа, соединенных между собой и с побережьем густой сетью шоссеиных дорог. Написать историю такого района, тем более историю древнюю, крайне сложно.

Здесь, в заключение этой небольшой книжки, хочется кратко рассказать о тех, кто своим нелегким трудом помог приоткрыть завесу времени над многими интересными страницами древней и средневековой истории Сочи и его окрестностей.

Памятникам палеолитической эпохи особенно «повезло» — они привлекали и привлекают внимание большого коллектива исследователей, им посвящено много статей и заметок в различных научных изданиях. Главная заслуга в этом принадлежит С. Н. Замятнину, Д. Л. Крайнову, Е. А. Векиловой и В. П. Любину.

Исследования палеолитических стоянок открытого типа были начаты в 1936 г. С. Н. Замятниным, М. З. Паничкиной и А. П. Красновым. Позже их изучали Д. А. Крайнов (1940), Л. Н. Соловьев и Н. И. Гумилевский (1946—1947), Е. А. Векилова и Н. И. Гумилевский (1962), В. П. Любин, В. Е. Щелинский и И. Б. Брашинский (1965), В. Е. Щелинский, А. Б. Островский и Ю. Д. Якушевич (1967—1969), Л. Н. Кольценко и Л. Л. Ситников (1968—1969), В. Б. Бжания (1969).

Первооткрывателями большинства пещерных стоянок в окрестностях г. Сочи были А. П. Краснов, С. Н. Замятнин и Д. А. Крайнов. Раскопки в Ахштырской пещере были начаты С. Н. Замятниным и А. П. Красновым в 1936 г. Позже она изучалась С. Н. Замятниным, М. З. Паничкиной, И. В. Щербаковым, Е. В. Шанцером и В. И. Громовым (1936—1938), Е. А. Векиловой, М. З. Паничкиной и М. Н. Грищенко (1961—1963, 1965). Раскопки в Малой Воронцовской (Партизанской) пещере были начаты Д. А. Крайновым и А. П. Красновым в 1940 г. и позже продолжены Л. Н. Соловьевым (1950—1951) и В. П. Любиным (1964). Навалишинская пещера впервые была обследована А. П. Красновым и С. Н. Замятниным в 1936 г. Позже здесь вели раскопки В. П. Любин и В. Е. Щелинский (1965). В 1966—1967 гг. В. П. Любин копал Кепшинскую пещеру. Ацинская пещера выявлена А. П. Красновым и Д. А. Крайновым в 1940 г. Раскопки в этой пещере были продолжены позже Д. А. Крайновым и Н. О. Бадером (1958, 1971). Исследования в Первой Хостинской пещере были начаты С. Н. Замятниным в 1936—1937 гг. Позже здесь копал И. И. Коробков (1961). Во Второй Хостинской пещере первый раскоп был также заложен С. Н. Замятниным (1936). Позже здесь вели исследования А. П. Краснов (1937), Д. А. Крайнов (1940) и И. И. Коробков (1961). Материалы из перечисленных пещерных стоянок изучались А. А. Зубовым (1972), В. И. Громовой (1948), И. К. Ивановой (1965), Н. И. Бурчак-Абрамовичем и М. М. Клапчуком (1971), С. А. Семеновым (1972), А. А. Формозовым (1963), Л. Д. Церетели (1973), В. В. Чердынцевым (1971) и многими другими.

Сравнительно хорошо изучены на рассматриваемой территории и памятники неолитической и бронзовой эпох. В этом отношении особенно велики заслуги А. А. Формозова, Л. Н. Соловьева, В. И. Марковина и А. А. Иессена.

Нижнешиловское позднеолитическое поселение было открыто Н. И. Гумилевским и Л. Н. Соловьевым в 1951 г. Позже исследования здесь были продолжены Н. В. Анфимовым (1956), А. А. Формозовым и В. П. Алексеевым (1957). Материалы из этого поселения рассматривались также в работах Л. Д. Небиеридзе (1972). Очень интересны и во многом пока загадочны стоянки с тяпкообразными мотыжками «сочи—адлерского» типа, впервые открытые А. П. Красновым в 1936 г. Эти стоянки исследовались затем Л. Н. Соловьевым, Н. К. Недолей и Н. И. Гумилевским (1951—1972), Н. В. Анфимовым (1956), В. В. Бжанией (1969—1972). Упомянутые мотыжки

изучались также А. А. Формозовым (1957, 1960, 1962, 1963), А. Д. Столяром (1960), Р. М. Мунчаевым и другими исследователями. Особняком стоит поселение Бочаров Ручей, зафиксированное А. П. Красновым в 1941 г. и позже упомянутое А. А. Иессеном (1950). Очень важны для правильного осмысления истории бронзового века в Восточном Причерноморье материалы стоянок в Воронцовской пещере. Следы этих стоянок были впервые установлены еще в 1902 г. И. Стеллецким. В 1951 — 1955 гг. пещера основательно была исследована Л. Н. Соловьевым, Т. Н. Высоцкой и А. А. Ломаевым. Материалы из раскопок Воронцовской пещеры рассматривались также в работах А. А. Формозова (1963), В. В. Бжания, К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинашвили и др.

Первое сведение о присутствии дольменов в окрестностях Сочи (Лазаревское) принадлежит Е. Д. Фелицыну (1904). О дольменах в ауле Красноалександровском и в ущелье р. Годлик писал А. А. Миллер (1909). В Красной Поляне их зафиксировал С. Дороватовский (1911). Сведения о дольменах в ущелье р. Псеузапсе были опубликованы А. Н. Кознаковым (1916). В 1924 г. дольмены у Красноалександровского исследовал Б. В. Лунин. В послевоенные годы исследования дольменов на территории и в окрестностях Красной Поляны проводили Н. И. Гумилевский (1948), Л. Н. Соловьев (1951, 1953), А. И. Мелихов и Е. И. Мерзлякова (1955). В 1956—1957 гг. разведки этих памятников у Красной Поляны и в Красноалександровском проводил Н. В. Анфимов. В 1958 г. И. А. Хахо и Н. А. Захаров зафиксировали дольменную группу в Солохауле. Две группы дольменов у аула Кирова в 1969 г. обнаружил В. В. Бжания. Несколько колодцеобразных гробниц были доследованы на территории Красной Поляны в 1968—1969 гг. Л. Н. Кольценко, Л. Л. Ситниковым, А. Д. Цхомария и Б. Д. Цхомария. В 1972 г. разведки дольменов в Красноалександровском вел М. К. Тешев. Дольмены и связанные с ними памятники в окрестностях г. Сочи исследовались также А. М. Шамотульским (1964) и И. К. Недолей. В 1968 г. Ш. Д. Инал-Ипа и В. С. Орелкин исследовали кудепстинский «жертвенный» камень с сидениями.

В обстоятельной сводке Л. И. Лаврова (1959) содержались сведения о дольменах в Лазаревском, Красноалександровском, Солохауле, Медовеевке, Красной Поляне, на р. Годлик. Особенно результативными были систематические исследования дольменов, осуществленные В. И. Марковиным, который в 1967—1970 гг. раскопал большое число таких гробниц в Солохауле, в ущелье р. Аше, в Медовеевке, у подножия хребта Ачишхо и в других пунктах.

Материалы позднебронзовой эпохи из окрестностей г. Сочи изучались лишь А. А. Иессеном (1937, 1947). Стоянка с текстильной керамикой вблизи устья р. Псоу выявлена Н. И. Гумилевским (1954).

Слабо изучены на рассматриваемой территории памятники эпохи греческой колонизации. Предварительную систематизацию находок, хранящихся в фондах Сочинского музея краеведения, провел И. Б. Брашинский (1965). Поселения этого времени вблизи села Веселого были зафиксированы

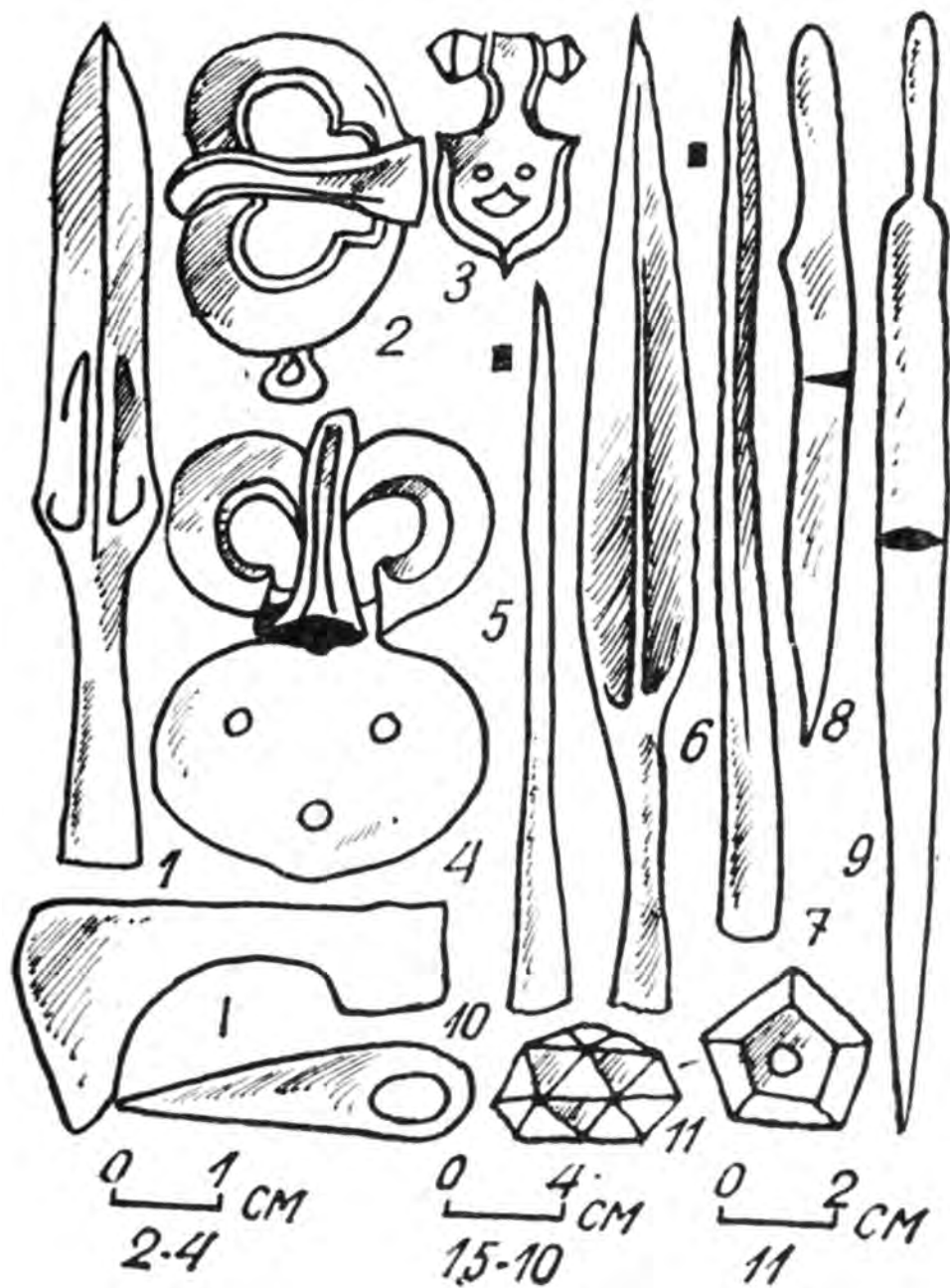

Рис. 65. Железные наконечники копий (1, 5—7), нож (8), меч (9) и топор (10), серебряные пряжки (2, 4) и прорезная бляшка (3) из погребений VI—VII вв. н. э. в с. Веселом (1—4) и Красной Поляны (5—11)

Н. И. Гумилевским (1950—1965). Соответствующие материалы легли в основу дипломной работы Е. Б. Хмара (Поповой) «Племена Северо-Восточного Причерноморья по данным античной традиции и археологии» (Воронеж, 1973).

Несколько шире сведения о памятниках позднеримского и ранневизантийского времени (I—VI вв. н. э.). Крепость на р. Годлик (Чемитоквадже) впервые упоминается еще Ф. Дюбуа де Монпере (1937). Позже в этой крепости проводили разведку Н. В. Анфимов (1957) и И. Б. Брашинский (1965). Крепость на р. Мамайке впервые описана В. И. Сизовым в 1886 г. Позже ею занимался В. А. Леквинадзе (1965, 1969). Погребения этого времени исследовались Л. Н. Соловьевым, А. И. Мелиховым и А. П. Красновым — в Красной Поляне (1942), М. И. Ивановой и П. М. Голубевым — в Лоо (1960), Г. К. Шамбой и М. И. Ивановой — в Мацесте (1966). Отдельные памятники и находки рассматривались в работах Е. П. Алексеевой (1963), А. К. Амброза (1966, 1971), Т. В. Блаватской (1964), В. Г. Луконина (1969), К. М. Скалон (1961) и др.

Раннесредневековые памятники в окрестностях Сочи изучены сравнительно полно. К 1902 г. относится сообщение П. С. Уваровой о крепости в селе Лесном. Тогда же сведения о двух прибрежных крепостях в районе горы Ахун, о Хостинской крепости и об укреплении на полпути из Адлера в Красную Поляну собрал И. Стеллецкий. О погребениях в селе Веселом сообщали А. А. Спицын в 1907 г. и А. А. Миллер в 1909 г. Ацинская и Ачипсинская крепости упоминаются С. Дороватовским (1911). В 1951—1953 гг. Л. Н. Соловьев, И. К. Недоля и Т. Н. Высоцкая раскопали у храма в совхозе «Южные культуры» несколько погребений, датированных VIII—X вв. Храм и могильник в совхозе «Южные культуры», храмы в совхозе «Россия» и около села Липники, Ачипсинскую и Хостинскую крепости обследовал в 1956 г. Н. В. Анфимов. В 1965 г. эти крепости привлекли внимание И. Б. Брашинского. Храмы в селах Лоо и Монастырь, крепости в Хосте и Красной Поляне (Ачипсе, Айбга) исследовала в 1968 г. В. Б. Ковалевская. Древнюю церковь в районе Имеретинской бухты копал В. В. Бжания (1972). Крепости и храмы в урочищах Монашкино, Дмитриевка, Котел, Роза-хутор, Пслух, Бешенка, в Голицыно и в ущелье р. Псахо, раннесредневековые пастушеские постройки-ацангуары на альпийских лугах Ачишхо и Псеашхо обследовались Л. Н. Кольченко и Л. Л. Ситниковым (1968—1971).

Памятники развитого и позднего средневековья практически еще не изучались. Лишь Н. В. Анфимов в 1956—1957 гг. раскопал несколько курганов вблизи Красноалександровского (ущелье Капабье) и у села Абазинка.

В 1968—1974 гг. исследования разновременных памятников в г. Сочи и его окрестностях проводил автор. Незадолго перед началом этих работ была завершена «Археологическая карта Абхазии», опубликованная в Сухуми в 1969 г. Появилась заманчивая идея осуществить аналогичную работу и по отношению к памятникам района Сочи. Сначала была обработана основная часть материалов, хранящихся в фондах Сочинского музея краеведения, а также школьных музеев в селе Веселом и Красной Поляне. Затем были

проведены разведки памятников вдоль побережья и по ущельям рек Мзымты, Хосты, Сочинки и Псезуапсе (до с. Марьино). Особенно тщательному осмотру подвергся бассейн Мзымты (окрестности Адлера, Ахштырь, Голицыно, Монастырь, Дзыхра, Кепша, Медовеевка, Красная Поляна, Пслух, Кардывач и др.). В ходе этих работ были обследованы и описаны многие памятники — верхнепалеолитические стоянки у Бешенской крепости, в селе Монастырь и в урочищах Дзышра и Агуа, группы дольменов в урочище Дмитриевка, в центре Красной Поляны, у села Цуквадже, вблизи Лазаревского, поселения античного времени в окрестностях села Веселого, раннесредневековые пастушеские постройки-ацангуары в окрестностях озер Кардывач и Морозовой, храмы на Ахуне, в Лоо, Агуа и Монастыре, крепости в Хосте и Чемитоквадже, комплекс раннесредневековых крепостей в окрестностях Красной Поляны — Пслух, Ачипсе, Бешенка, Монашка 1 и 2, Куницынская, Аибгинская, позднесредневековые курганы у Красной Поляны и др. Непосредственную помощь при обмерах и описании архитектурных памятников мне оказали Л. Л. Ситников и В. Б. Левинтас. К сожалению, различные обстоятельства не позволили завершить успешно начатый поиск в других пунктах района, которые остаются пока в археологическом отношении совершенной целиной.

Часть рисунков этой работы изготовлена автором на основе имеющихся публикаций. Материалы из открытых и пещерных стоянок палеолитического времени воспроизводятся по зарисовкам из работ С. Н. Замятнина, Е. А. Векловой, В. П. Любина, Л. Н. Соловьева, В. Е. Щелинского, Н. И. Бурчак-Абрамовича и М. М. Клапчука. Находки из Нижнешиловского поселения иллюстрированы по публикациям А. А. Формозова и Л. Н. Соловьева. Материалы бронзовой эпохи из Большой Воронцовской и Ахштырской пещер, план погребения в Красной Поляне воспроизведены по зарисовкам Л. Н. Соловьева. Часть изображений дольменов взята из публикаций В. И. Марковина, план крепости на Мамайке — из работы В. И. Сизова. Остальные предметы и памятники, в своем абсолютном большинстве прежде не публиковавшиеся, были зарисованы с натуры в фондах музеев и в полевых условиях. В книге не учтены материалы, выявленные после 1975 г.

Многое сказанное в этой книге носит пока еще в значительной мере условный характер, отражая лишь уровень знаний сегодняшнего дня. Дальнейшие исследования, несомненно, внесут коррективы в оценку значительного числа явлений и фактов, уже отмеченных исследователями, дополнят новыми вещами, а следовательно, и выводами известное. Но и то, что уже сделано, собрано, показывает, что рассматриваемый район играл достаточно видную роль в истории Кавказа с момента заселения последнего человеком. И если эту роль в какой-то мере удалось подчеркнуть настоящей работой, автор будет считать свою задачу выполненной.

Литература

- Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, М., 1971.
- Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века. ТКЧНИИ, IV, Ставрополь, 1963.
- Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. — «САИ», вып. Д1-30, М., 1966.
- Анфимов Н. В. Отчет о работе археологической экспедиции 1956 г. в районе г. Сочи. Архив Сочинского музея краеведения (рукопись).
- Анфимов Н. В. Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции за 1957 г. Архив Сочинского музея краеведения (рукопись).
- Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.), Сухуми, 1959.
- Бадер Н. О., Крайнов Д. А. Раскопки Ацинской пещеры. — «АО 1971 г.», М., 1972.
- Бжания В. В. Работы Причерноморского отряда в Краснодарском крае. — «АО 1971 г.», 1972.
- Бжания В. В. Разведки в низовьях рек Мзымты и Псоу. — «АО 1972 г.», 1973.
- Бжания В. В. Разведки и раскопки Причерноморского отряда. — «АО 1970 г.», 1971.
- Бжания В. В. Разведки Причерноморского отряда. — «АО 1969 г.», 1970.
- Блаватская Т. В. Стеклянная чаша с греческой надписью в Лоо, KLIIO Beiträge zur Alten Geschichte, Bd. 42, 1964.
- Брашинский И. Б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968.
- Брашинский И. Б. Обследование античных памятников Северо-Восточного Причерноморья. — «АО 1965 г.», 1966.
- Брашинский И. Б. Черноморское пиратство. — «ВДИ», 1973, № 3.
- Векилова Е. А. Ахштырская пещера на Кавказе. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Археологические секции (дополнительный выпуск)», Тбилиси, 1971.
- Векилова Е. А., Грищенко М. Н. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг., «Палеолит и неолит СССР». — VII, «МИА», 185, 1972.
- Векилова Е. А., Зубов А. А. Антропологические остатки из мустьерских слоев Ахштырской пещеры. — «КСИА», 131, 1972.
- Векилова Е. А. Зубчатое мустье Сочинского Причерноморья (по материалам Ахштырской пещеры). «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», Ташкент, 1973.
- Векилова Е. А. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961—1965 гг. — «КСИА», 111, 1967.
- Векилова Е. А. Находки нижнего палеолита на террасах р. Мзымта. — «КСИА», 117, 1969.
- Векилова Е. А. Раскопки Ахштырской пещеры. — «АО 1965 г.», 1966.
- Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М.

- Северо-Кавказская экспедиция. — «АО 1967 г.», 1968.
- Воронов Ю. Н. Археологические разведки в Абхазии. — «АО 1972 г.», 1973.
- Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья (по данным археологии). Автореферат канд. дисс., М., 1971.
- Воронов Ю. Н. К датировке абхазских ацангуаров. — «СЭ», 1973, № 6.
- Воронов Ю. Н. Разведочные работы в Абхазской АССР. — «АО 1971 г.», 1972.
- Воронов Ю. Н., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Археологические разведки в бассейне р. Мзымта. — «АО 1969 г.», 1970.
- Высотская Т. Н. Стоянки Воронцовской пещеры. — «МАГК», III, Тбилиси, 1963.
- Грищенко М. Н. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры, «Палеолит и неолит СССР», VI. — «МИА», 173, М., 1971.
- Громов В. И. Палеоантропологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. — Труды ин-та геологических наук, 64, «Геология СССР», 17, М., 1948.
- Громов В. И. К истории фауны млекопитающих Кавказа. — Известия АН СССР, серия биологическая, № 5, М., 1948.
- Дороватовский С. Сочи, Красная Поляна и их окрестности, Спб., 1911.
- Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, I, Сухуми, 1937.
- Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М. — Л., 1961.
- Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период, М., 1969.
- Иванова И. К. Геологический возраст ископаемого человека (к VII конгрессу INQUA), М., 1965.
- Иванова М. И., Голубев П. М. Находка в Лоо. — «СА», 1961, № 3.
- Иессен А. А. К хронологии Больших кубанских курганов. — «СА», XII, 1950.
- Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — «МИА», 23, 1951.
- Инал-ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов, Сухуми, 1971.
- Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н. Из глубины веков. «Черноморская здравница», 11 янв., 1969.
- Ковалевская В. Б., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е. Исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа. — «АО, 1968 г.», 1969.
- Коробков И. И. О наконечнике копья из Яштуха. — «КСИА», 117, 1969.
- Коробков И. И. Разведочные работы в Хостинских пещерах в 1961 г. — «КСИА», 92, 1962.
- Крайнов Д. А. Новые мустьерские стоянки Крыма и Кавказа. — «БКИПЧ», 9, 1947.
- Крайнов Д. А. Отчет Сочинского отряда Северо-Кавказской экспедиции о раскопках Ацинской пещерной стоянки осенью 1968 г. — Архив ИА АН СССР, р. 1, № 1830.
- Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа. — «ТАИ», XXXI, 1960.
- Леквинадзе В. А. По поводу римских крепостей Восточного Причерноморья. — «САНГ», XL : I, 1965.
- Леквинадзе В. А. Понтийский лимес. — «ВДИ», 1969, № 2.
- Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана, М., 1969.
- Лунин В. Б. Дольмены Черноморья, Ростов-на-Дону, 1924.
- Любин В. П., Бурчак-Абрамович Н. И., Клапчук М. М. Кепшинская пещера и вопросы палеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья. — «КСИА», 126, 1971.
- Любин В. П. Изучение нижнего палеолита Кавказа (История исследований и проблема первоначального заселения). — «КСИА», 118, 1969.

- Любин В. П. Исследование Малой Воронцовской и Навалишинской пещер. — «АО 1965 г.», 1966.
- Любин В. П. Исследование палеолита в горах Западного Кавказа. — «АО 1967 г.», 1968.
- Любин В. П. Мустьерская эпоха на Кавказе. Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологические секции), Тбилиси, 1971.
- Любин В. П. Нижний палеолит СССР (Основные проблемы). Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам исследований в 1967 г., М., 1968.
- Любин В. П. Разведки палеолита в горном Черноморье. — «АО 1966 г.», 1967.
- Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа, «Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР», М., 1969.
- Любин В. П., Соловьев Л. Н. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (раскопки 1950, 1951, 1964 гг.), «Палеолит и неолит СССР», VI. — «МИА», 173, Л., 1971.
- Любин В. П., Щелинский В. Е. Новые данные о палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья. — «БКИПЧ», 38, 1972.
- Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов, Нальчик, 1974.
- Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа (некоторые итоги изучения). — «СА», 1973, № 1.
- Марковин В. И. Дольмены Солохаула. — «КСИА», 132, 1972.
- Марковин В. И. Исследование Кавказских дольменов. — «АО 1968 г.», 1969.
- Марковин В. И. Исследования памятников дольменной культуры. — «АО 1970 г.», 1971.
- Марковин В. И. К вопросу о происхождении дольменной культуры Западного Кавказа в связи с происхождением абхазо-адыгов. Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М. О двух типах каменных орудий Северного Кавказа — «КСИА», 84, 1961.
- Марковин В. И. Раскопки дольменов в бассейне реки Кизинки, Дегуак и Цуквадже. — «АО 1969 г.», 1970.
- Марковин В. И. Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе. — «КСИА», 134, 1973.
- Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959.
- Мелихов А. И. Археологические находки в Красной Поляне и вопрос о «сасанидском» искусстве на Кавказе. Тезисы конференции Абгосмузея, Сухуми, 1947.
- Мелихов А. И. Памятники эпохи бронзы в Красной Поляне. — «МАСПИ», 7, 1957.
- Миллер А. А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа. — «ИАК», 33, 1909.
- Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья, Тбилиси, 1972.
- Недоля И. К. Орудия земледелия эпохи неолита из района Адлера. — «КСИИМК», 67, 1957.
- Паничкина М. З., Векилова Е. А. Исследования Ахштырской пещеры в 1961 г. — «КСИА», 92, 1962.
- Паничкина М. З. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. — «СА», V, 1940.
- Паничкина М. З. Палеолитические изделия из Хостинской пещеры-II. Сообщ. Гос. Эрмитажа, XXII, Л., 1952.
- Пятьшева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса, М., 1956.
- Семенов С. А. О следах работы на мустьерских орудиях из Воронцовской пещеры, «Палеолит и неолит СССР», VII. — «МИА», 185, Л., 1972.

- Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. — «МАК» II, 1889.
- Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Разведки в бассейне р. Мзымты. — «АО 1971 г.», 1972.
- Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л. Разведки у Красной Поляны. — «АО 1970 г.», 1971.
- Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднескифское время. — «АСГЭ», 2, 1961.
- Спицын А. А. Могильник V в. в Черноморье. — «ИАК», 23, 1907.
- Соловьев Л. Н. Мотыгообразные орудия Сочи-Адлерского типа. — «ИАИ», 1972.
- Соловьев Л. Н. Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижнешиловское и Кистрик. — «МАН», 1967.
- Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. — «ТАИ», XXIX, 1968.
- Соловьев Л. Н. Первобытные стоянки Воронцовской пещеры, их стратиграфия и хронология. Автореф. канд. дис, Симферополь, 1956.
- Соловьев Л. Н. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. — «ТАИ», XXXI, 1960.
- Соловьев Л. Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии. — «СА», XIV, 1950.
- Соловьев Л. Н. Следы нижнего палеолита на Карангадской террасе между Адлером и с. Гантиади. — «ТАИ», XXX, 1-1959.
- Стеллецкий И. Крепости Абхазии. — «ЦГАА», ф. 391, д. № 307, л. 25.
- Тешев М. К. Археологические разведки в Туапсинском районе. — «АО 1972 г. », 1973.
- Уварова П. С. Коллекции Кавказского музея, V, Тифлис, 1902.
- Фелицын Е. Д. Западно-Кавказские дольмены, — «МАК», IX, 1904.
- Формозов А. А. Исследование памятников каменного века на Северном Кавказе в 1957 г. — «КСИИМК», 78, 1960.
- Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1963.
- Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. — «МИА», 102, 1962.
- Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. — «СА», 1963, № 4.
- Формозов А. А. О датировке неолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа. — «КСИИМК», 67, 1957.
- Формозов А. А., Столяр А. Д. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае. — «СА», 1960, № 2.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.
- Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа, Тбилиси, 1973.
- Чердынцев В. В. Абсолютная геохронология палеолита, «Палеолит и неолит СССР», VI — «МИА», 173, 1971.
- Чердынцев В. В., Казачевский И. В., Кузьмина Е. А. Возраст плейстоценовых карбонатных формаций по изотопам тория и урана, «Геохимия», № 9, М., 1965.
- Шамба Г. К. Погребение II в. из Мацесты. — «СА», 1970, № 2.
- Шамотульский А. М. Дольмены Черноморского побережья Кавказа, «Туапсе и Туапсинский район», Краснодар, 1964.
- Шервашидзе Л. А. Абхазия в искусствоведческой литературе, «Под знаменем Октября», Сухуми, 1968.
- Щелинский В. Е., Островский А. В., Якушевич Ю. Д. Новые палеолитические памятники на Черноморском побережье Кавказа между Туапсе и Сочи. — «АО 1969 г.», 1970.

Список сокращений

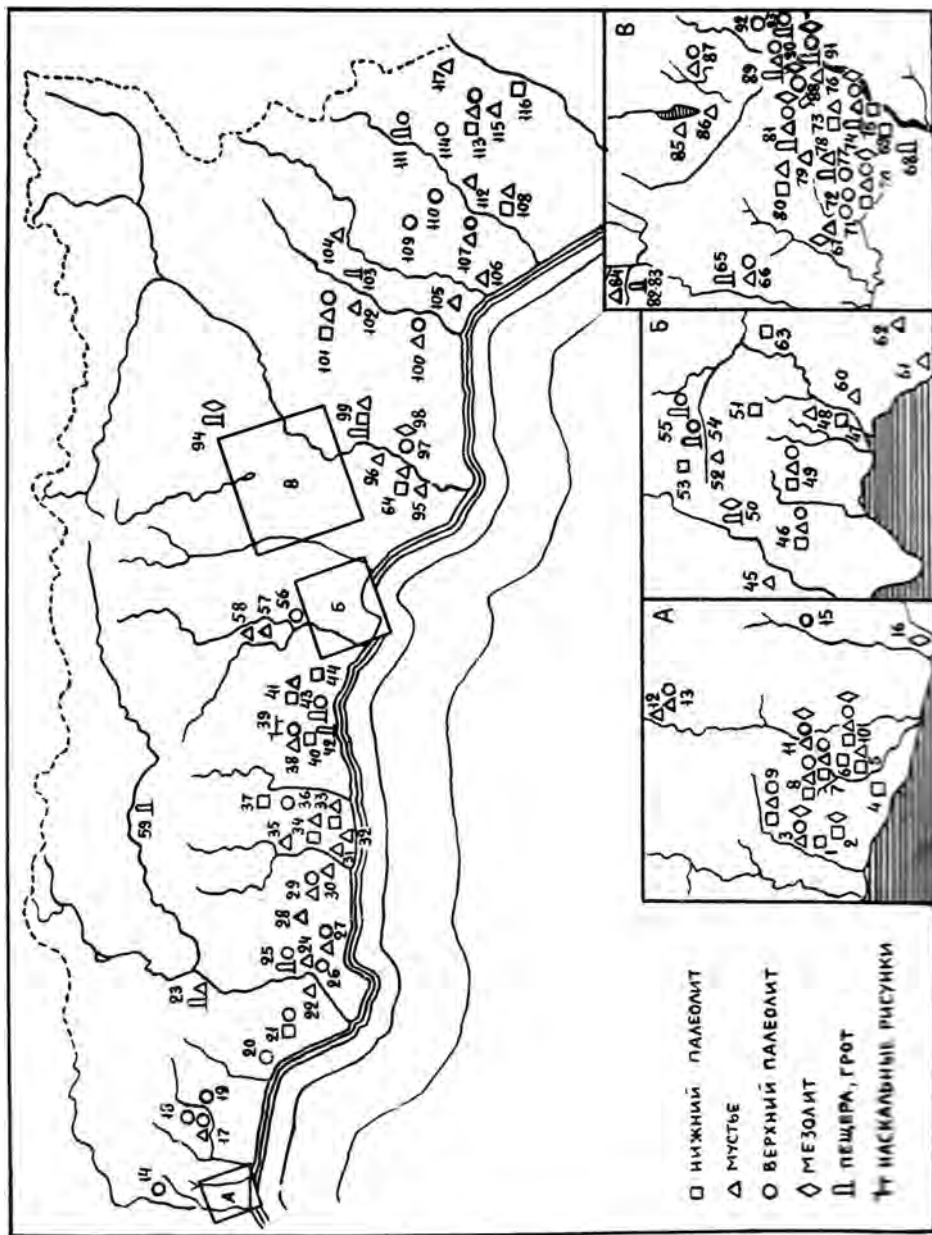
АО	— Археологические открытия, М.
АСГЭ	— Археологический сборник Гос. Эрмитажа, Л.
БКИПЧ	— Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, М.
ВДИ	— Вестник древней истории, М.
ИАИ	— Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, Сухуми.
ИАК	— Известия археологической комиссии, Спб.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры, М.
МАО	— Материалы по археологии Абхазии, Тбилиси.
МАГК	— Материалы по археологии Грузии и Кавказа, Тбилиси.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, М.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, М.
СА	— Советская археология, М.
САИ	— Свод археологических источников, М.
САНГ	— Сообщения Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси.
СЭ	— Советская этнография, М.
ТАИ	— Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР, Сухуми.
ЦГАА	— Центральный государственный архив Абхазской АССР, Сухуми.

Приложение

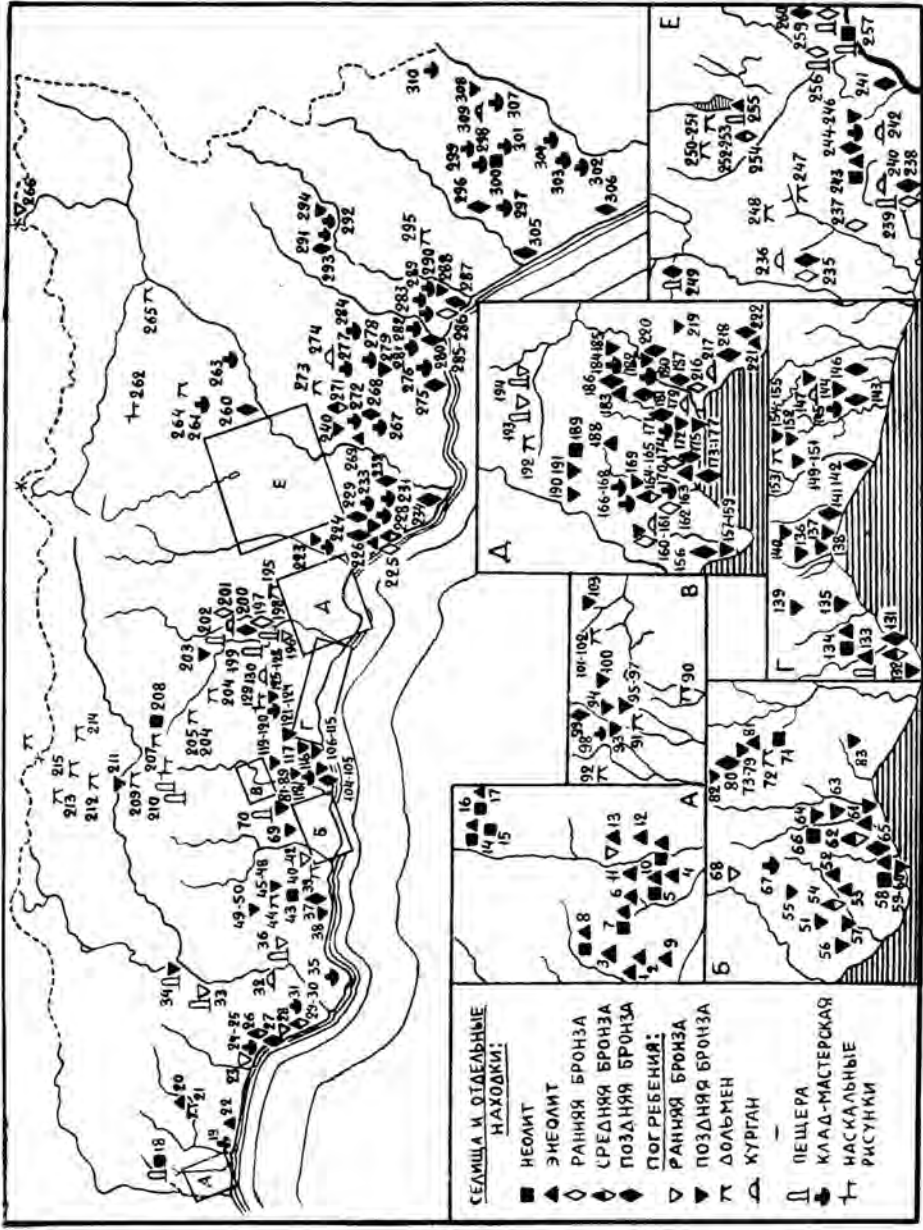
* «Археологическая карта Абхазии» впервые была опубликована в 1969 году без самих карт памятников — таково было указание главлита Абхазской АССР. В таком виде она и вошла во II том настоящего научного наследия Ю. Н. Воронова.

Однако в некоторые уже опубликованные экземпляры издания 1969 года Юрий Николаевич вклеивал составленные им от руки карты памятников. Один из таких экземпляров недавно предоставил редколлегии настоящего издания друг Ю. Н. Воронова Зураб Адзинба.

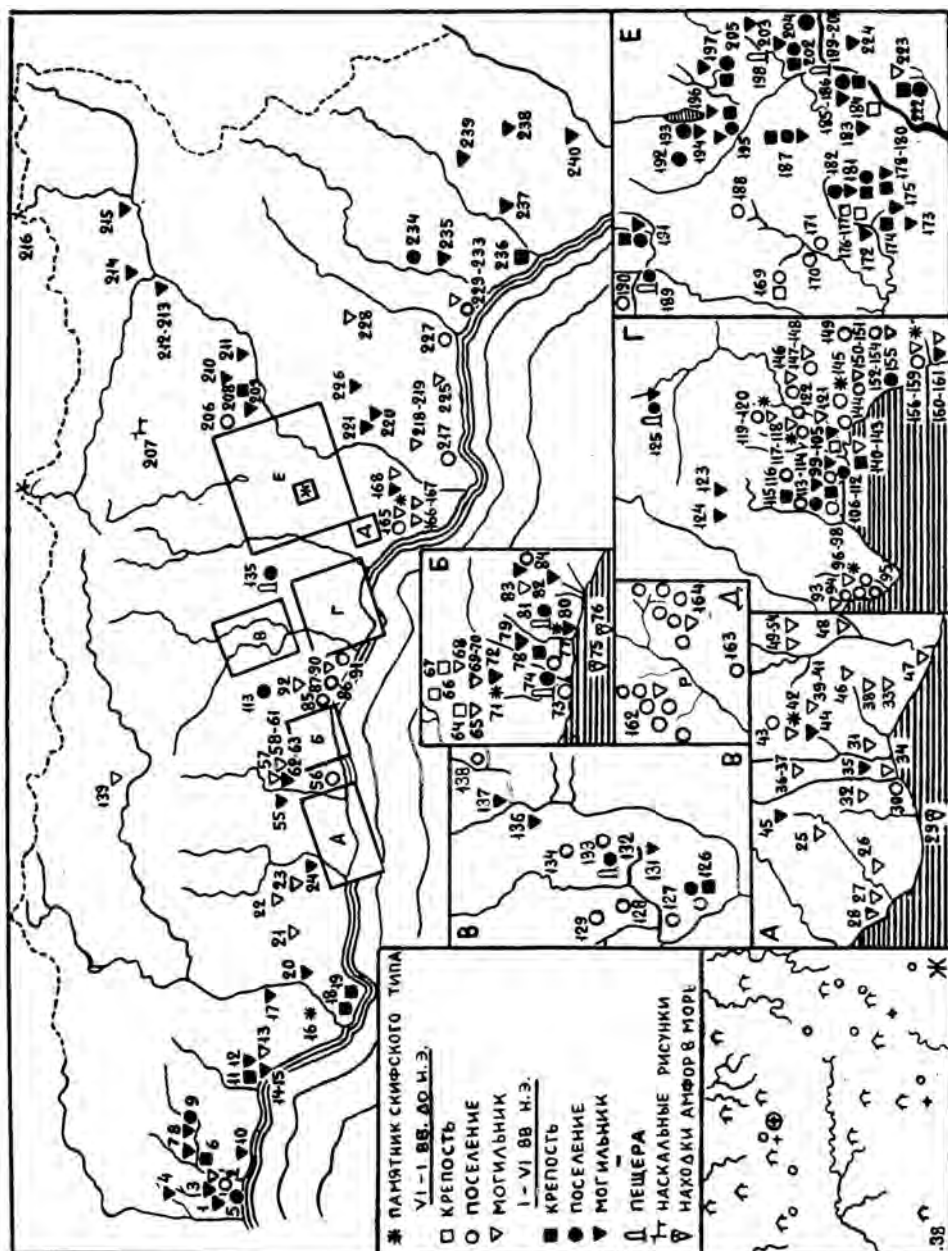
Эти карты впервые публикуются в приложении к данному тому.

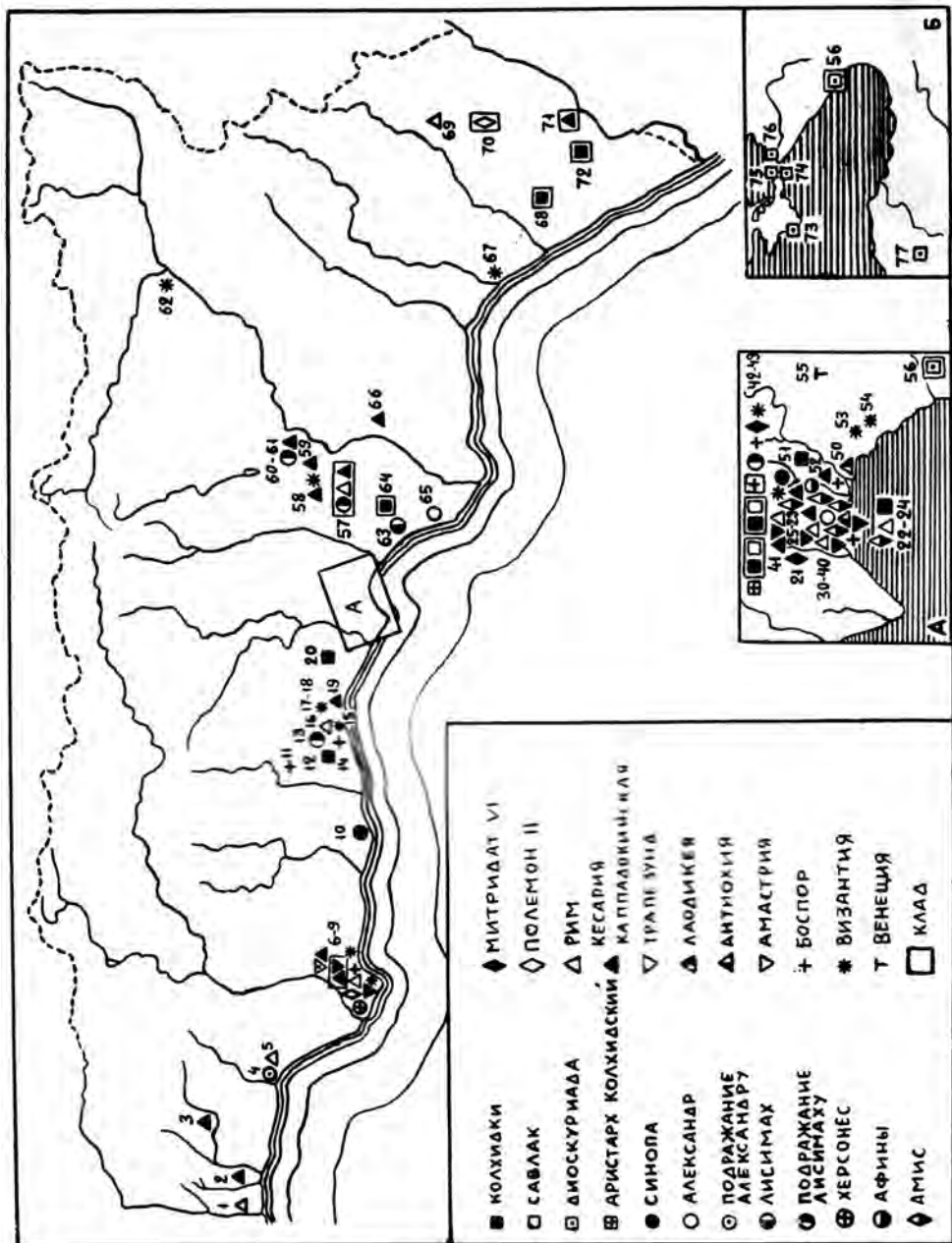
Археологическая карта древней Абхазии в эпохи палеолита и мезолита

Археологическая карта древней Абхазии в эпохи неолита, энеолита и бронзы

Археологическая карта древней Абхазии в античную эпоху

Археологическая карта античных монет, найденных в Абхазии

Оглавление

История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.)	5
Предисловие.....	7
Глава I. Палеолит и неолит.....	9
Глава II. Эпохи энеолита и бронзы.....	17
Глава III. Античная эпоха.....	23
§ 1. Памятники VI—I вв. до н. э.....	23
§ 2. Памятники I—VI вв. н. э.....	27
Глава IV. Феодалная эпоха.....	35
Заключение	41
Библиографический указатель.....	43
Список сокращений	67
Очерки истории Абхазии	69
Введение.....	71
Раздел I. Первобытно-общинный строй и ранне-классовые образования на территории Абхазии	75
Глава 1. Охотники и собиратели каменного века.....	75
§ 1. На заре человеческого общества	75
§ 2. Век кроманьонца	78
Глава 2. Древнейшие земледельцы и скотоводы Абхазии	82
§ 1. Эпоха глиняного горшка и каменной мотыги.....	82
§ 2. На заре медно-бронзового века	84
§ 3. Дольмены — дома мертвых.....	86
Глава 3. Страна генихов.....	88
§ 1. У истоков железного века	88
§ 2. «Потомки аргонавтов»	90
§ 3. Античные города	95
Глава 4. Древнеабхазские раннеклассовые образования в римско-византийскую эпоху.....	99
§ 1. Раннеклассовые царства Юлиана, Ресмага и Спадага.....	99
§ 2. От Трахеи до Тцахара.....	105
§ 3. Апсил Евстафий и абасг Леон.....	110

Раздел II. Абхазия в эпоху феодализма.....	115
Глава I. Абхазское царство	115
§ 1. <i>Апсха Леон</i>	115
§ 2. <i>Абхазское царство в конце IX—X веках</i>	119
Глава 2. Царство Багратидов.....	128
§ 1. <i>Сестра Феодосия Слепого</i>	128
§ 2. <i>История царей</i>	130
§ 3. <i>Цхумское воеводство</i>	136
Глава 3. Под знаком ладони.....	141
§ 1. <i>Шервашидзе и Дадиани</i>	141
§ 2. <i>Севастополис — экономический центр региона</i>	144
§ 3. <i>Черты народной жизни</i>	148
Глава 4. Абхазское княжество и султанская Турция.....	153
§ 1. <i>Абхазия обретает независимость</i>	153
§ 2. <i>Абхазское княжество и Турция</i>	157
§ 3. <i>В тисках работорговли</i>	162
Заключение	166
Диоскуриада—Севастополис—Цхум.	169
Вместо предисловия.....	171
Введение. Топография. Поиски. Гипотезы	173
<i>Немного географии</i>	173
<i>История поиска</i>	176
<i>Город и море</i>	181
Глава I. Город близнецов Диоскуров	190
<i>Страна гениехов</i>	190
<i>Первые греки на берегах Сухумской бухты</i>	197
<i>Расцвет Диоскуриады</i>	207
<i>Под властью Митридата Понтийского</i>	225
Глава II. Великий Севастополис	232
<i>Звено Понтийского лимеса</i>	232
<i>На закате Римской империи</i>	241
<i>Юстинианово внимание</i>	248
Глава III. Цхум — Севаст — Сухум-кале	254
<i>Центр Цхумского эриставства</i>	254
<i>Резиденция протектора Генуи</i>	258
<i>«Вода — песок — крепость»</i>	264
Вместо заключения. Когда книга уже была написана.....	270
<i>Список сокращений</i>	272
Древности Сочи и его окрестностей	273
Предисловие.....	275

Глава I. Эпоха древнего камня	277
<i>Древнейшие поселенцы края</i>	277
<i>Мустьерцы — жители пещер</i>	280
<i>Век кроманьонцев</i>	290
<i>От древнего камня к новому</i>	296
Глава II. От камня к металлу	299
<i>Первые земледельцы и гончары</i>	299
<i>Век каменной мотыги</i>	302
<i>Пещерные городища</i>	306
<i>Культура дольменов</i>	316
<i>Век бронзового топора</i>	328
Глава III. На периферии античного мира	332
<i>Страна воинственных генихов</i>	332
<i>Следы римлян и санигов</i>	342
Глава IV. Средневековая эпоха	356
<i>В составе Абхазского царства</i>	356
<i>Страна курганных могильников</i>	379
Заключение	388
<i>Литература</i>	394
<i>Список сокращений</i>	398

Приложение	399
-------------------------	------------

Научное издание

Воронов Юрий Николаевич

Научные труды

в семи томах

том четвертый

История изучения археологии Абхазии (до 1975 года)

Очерки истории Абхазии

Диоскуриада — Севастополис — Цхум

Древности Сочи и его окрестностей

Атцаарадырратә тыжсьымтә

Воронов Иури Николаи-иҭа

Атцааратә усумтақәа

быжъ-томкны

аҭшьбатәи атом

Аҭсны археология атцаара аҭоурых (1965 ш. ркынза)

Аҭсны аҭоурых аочеркқәа

Диоскуриада — Севастополис — Цхум

Шәача ажәытәзатәп аҭоурых

Таблицы, схемы и рисунки выполнены автором
Редактор издания и корректор — М. В. Орелкина
Компьютерный набор и верстка Д. А. Белого